

№ 212

К. Дружининъ

1928

БРУ
D761

5
27

ВОСПОМИНАНІЯ

РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

1904—1905 г.г.

участника—добровольца.

Проигрышъ войны указываетъ на необходимость обновленія государственнаго строя, для чего требуется новое, болѣе безкорыстное направленіе государственной службы, поприще которой, къ несчастію, до сихъ поръ знаменовалось и знаменуется борьбою эгоизмовъ, личныхъ самолюбіи и себялюбивыхъ инстинктовъ: въ этой борьбѣ общественный интересъ всецѣло поглощался личными интересами, а служба часто сливалась прислуживаніемъ.

Б . . . з.

С.-Петербургъ

1909

Отъ автора.

Предлагаемая книга составляетъ только часть всего моего историческаго труда по описанію: военныхъ дѣйствій Русской Арміи на поляхъ Маньчжуріи въ 1904—05 г.г., состоянія и веденія Русскихъ вооруженныхъ силъ до войны и ликвидаціи послѣ войны дѣйствующей арміи на Дальнемъ Востокѣ. Я подробно изслѣдую также дѣятельность во время войны Восточно-Китайской желѣзной дороги, примѣръ которой врядъ ли повторится когда нибудь, въ смыслѣ того огромнаго значенія, какое она оказывала на военныя дѣйствія въ Маньчжуріи.

По неимѣнію средствъ, ограничиваюсь въ настоящее время предлагаемой книгой, въ надеждѣ, что успѣхъ ея позволитъ мнѣ приступить къ продолженію изданія всего труда, состоящаго изъ слѣдующихъ 6-ти частей:

Воспоминанія о состояніи и веденіи русскихъ вооруженныхъ силъ передъ войною 1904—05 г.г., ихъ эксплуатированіи въ Маньчжуріи и ликвидаціи послѣ войны.

Часть 1-я. Военное Министерство и войска временъ Ванновскаго—Обручева.

Часть 2-я. Военное Министерство и войска временъ Куропаткина—Сахарова.

Часть 3-я. Воспоминанія о Русско-Японской войнѣ 1904—1905 г.г. участника—добровольца:

Томъ 1-й. Отъ начала войны до завязки генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ.

Томъ 2-й. Начало—завязка генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ. Бои у д. Тунсинпу 11 и 12 августа и у д. Тасигоу 13 и 14 августа, впереди праваго фланга и на правомъ флангѣ Ляньдясань—Анпинской позиціи Восточной Группы Русской Маньчжурской Арміи.

Томъ 3-й. Отъ генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ до заключенія мира.

Часть 4-я. Дѣятельность Восточно-Китайской желѣзной дороги во время войны 1904—05 г.г.

Часть 5-я. Ликвидация Русскихъ Маньчжурскихъ Армій въ 1906 году.

Часть 6-я. Состояніе послѣ войны 1904—05 г.г. Русской окраины на Дальнемъ Востокѣ и ея оплота—Крѣпости Владивостокъ.

Ж. Дружининъ.

ЧАСТЬ I.

Отъ начала войны до завязки генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ.

„Мы проиграли эту войну, потому что избѣгали людей съ сильнымъ характеромъ и твердою волей, самостоятельныхъ и рѣшительныхъ, а цѣнили только людей покладистыхъ, умѣющихъ со всѣми ладить и во всѣхъ заискивать, потому что мы боялись инцидентовъ“.

С.-Петербургъ. Ноябрь 1905 г. Р...ъ.

„Не то же ли происходитъ въ нашей арміи и теперь, черезъ три года послѣ несчастной проигранной нами кампаніи?“

С.-Петербургъ. Июнь 1908 г. Д...ъ.

ГЛАВА I.

Впечатлѣнія открытія военныхъ дѣйствій Японіей.—Опредѣленіе съ гражданской службы въ дѣйствующую армію. — Сборы на войну.—Путешествіе на театръ военныхъ дѣйствій.

Война застала меня на службѣ въ Управленіи С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги. Въ продолженіе всей осени 1903 года, въ печати и обществѣ, шли разговоры о вѣроятной войнѣ съ Японіей, но я относился къ этому вопросу довольно равнодушно по слѣдующимъ причинамъ: 1. я всегда вѣрилъ въ государственную умъ С. Ю. Витте и былъ убѣжденъ, что онъ постарается не допустить возникновенія войны, хорошо зная насколько Россія была къ ней неподготовлена, въ смыслѣ ничтожества нашихъ боевыхъ силъ на Дальнемъ Востоку, а главнымъ образомъ въ смыслѣ неудовлетворительности качественного состоянія нашей арміи, представлявшей изъ себя нѣчто похуже французскихъ войскъ въ кампанію 1870 года уже къ концу министерства Ванновскаго—Обручева, и быстро шедшей внизъ по наклонной плоскости со времени ея управленія неспособными Куропаткинымъ и Сахаровымъ; 2. вынужденно оставивъ ряды

арміи, которой посвятилъ всѣ свои силы двадцати трехъ лѣтъ молодости, я конечно долженъ былъ съ невѣроятною трудностью прокладывать себѣ дорогу на совершенно новомъ для себя поприщѣ — желѣзнодорожной административной дѣятельности—и поэтому не имѣлъ времени вдумываться въ политику и разбираться въ ея туманныхъ горизонтахъ; мысль о возвращеніи въ армію казалась мнѣ невозможной: перемѣна режима, т. е. установленіе въ нашей арміи порядковъ службы, основанныхъ на требовательности и дисциплинѣ, была невѣроятна, а, при существованіи стараго режима, мнѣ не могло быть въ арміи никакого амплуа и никакой должности; кромѣ того, я нашелъ къ своему удивленію достаточную дисциплину и требовательность на желѣзной дорогѣ, а слѣдовательно работа на ней меня удовлетворяла.

Однако, съ учрежденіемъ Намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ, явившимся результатомъ вліянія немногочисленной, но сильной партіи людей, искавшихъ матеріальнаго обогащенія въ казенныхъ антрепризахъ на берегахъ Тихаго океана, а также высшей бюрократической карьеры, положеніе дѣлъ стало если не серьезнѣе, то во всякомъ случаѣ много сложнѣе. Руководство политикой могло затрудниться фантазіями разныхъ фезѣровъ, а представительство и власть Намѣстника подрывали авторитетъ настоящаго государственнаго дѣятеля. Тяжелое впечатлѣніе произвело на меня неожиданное удаленіе отъ дѣлъ С. Ю. Витте. Хотя „Новое Время“ и обѣщало намъ новую эру его дѣятельности у кормила правленія Государствомъ, въ качествѣ властнаго руководителя Совѣта Министровъ, всѣ отлично понимали, что Витте утратилъ всякое вліяніе на государственныя дѣла.

Можно ли было желать или сочувствовать такому внезапному удаленію отъ дѣлъ С. Ю. Витте? Я отвѣчу на этотъ вопросъ не оцѣнкою его государственной дѣятельности, на что считаю себя некомпетентнымъ, а просто обращаясь къ здравому смыслу. Слишкомъ десять лѣтъ С. Ю. Витте въ значительной степени руководилъ жизнью Россіи, какъ внутреннею, такъ и внѣшнею; ввелъ новую денежную систему, конвертировалъ государственные долги, расширилъ

донельзя монополію казны, сдѣлавъ ее предпринимателемъ въ области промышленности и торговли, давалъ и широко давалъ средства на усиленіе арміи и флота, развивалъ желѣзнодорожную сѣть и другіе пути сообщенія, властвовалъ не только въ своемъ министерствѣ, но руководилъ и многими другими; во внѣшней политикѣ онъ воспользовался примѣрами Англіи и Германіи, допустивъ осуществленіе широкаго плана колонизаціи такой огромной и богатѣйшей страны, какъ Маньчжурія, идя къ его выполненію путемъ мирнымъ — прежде всего проведеніемъ русской желѣзной дороги, а затѣмъ торговлей и эксплуатированіемъ богатствъ страны. При этомъ конечно нельзя было не имѣть въ виду и колоссальное усиленіе могущества нашего отечества: дѣйствительно, въ Квантунѣ Россія получала свободный выходъ въ океанъ—единственный для нея въ Азіи и Европѣ взятыхъ вмѣстѣ; онъ же обезпечивалъ господство надъ Китаемъ, подчиняя вліянію Россіи административный центръ Пекинъ; Восточнокитайская жел. дорога усиливала оборонительное и наступательное значеніе Владивостока, связывая его кратчайшимъ путемъ съ Европейской Россіей; она обезпечивала такое же значеніе Квантуну; а Владивостокъ и Квантунъ, оба вмѣстѣ, давали намъ преимущество стратегическаго положенія надъ японцами, такъ какъ Корейскій проливъ попадалъ подъ двойной ударъ нашихъ морскихъ силъ, приобрѣтавшихъ двѣ обезпеченныхъ базы. Министръ финансовъ широко отпускалъ средства на быстрое сооруженіе Маньчжурской желѣзной дороги, на укрѣпленіе Квантуна и судостроеніе. Китайская смута, нѣсколько нарушившая наши расчеты, все-таки не оказала вліянія на прогрессъ нашихъ дѣлъ Дальняго Востока, потому что государство легко покрыло всѣ военные расходы, равно какъ и убытки по постройкѣ. Въ сущности китайскій походъ долженъ былъ бы оказаться для насъ полезнымъ благодаря тому, что войска и военноподначальники ознакомились съ Маньчжуріей, какъ театромъ военныхъ дѣйствій, имѣли случай познать враждебные намъ элементы Китая и наконецъ, дѣйствуя рука объ руку съ частями японской арміи, могли воочію убѣдиться насколько послѣдняя стояла уже образ-

цово во всѣхъ отношеніяхъ и даже значительно выше нашихъ войскъ, въ смыслѣ организациі, снаряженія, продовольствія, а главное командованія высшими начальниками и вообще офицерами. Нельзя не поставить въ вину Куропаткину, что ни онъ, ни его генеральный штабъ, ни всѣ наши военноподчиненные вообще и наши офицеры въ частности не только не извлекли изъ китайскаго похода никакой пользы, но даже развратились его легкимъ успѣхомъ и рѣшительно ничего не подмѣтили у японцевъ; вѣдь самъ военный министръ отправился затѣмъ въ Японію и, вернувшись изъ интересной поѣздки (кстати замѣтить стоившей вѣроятно не одинъ десятокъ тысячъ казенныхъ денегъ), продолжалъ, вмѣстѣ съ своимъ министерствомъ и главнымъ штабомъ, спать сномъ праведника.

Финансовая политика Витте обезпечила Россіи на континентѣ Европы широкій дешевый кредитъ и искоренила игру на наши рубли. Въ то же время мы закрѣпили надежный естественный нашъ союзъ съ Франціей и не упускали изъ вида вопросовъ Ближняго Востока, хотя надежнѣйшимъ обезпеченіемъ вліянія Россіи на послѣдніе и было именно наше прочное утвержденіе на Дальнемъ Востокѣ; теперь этому не трудно повѣрить, потому что тотчасъ съ началомъ войны, т. е. съ отвлеченіемъ нашихъ силъ и средствъ къ берегамъ Тихаго океана, въ значительной степени ослабло наше вліяніе (если не совсѣмъ исчезло) на рѣшеніе вопросовъ касающихся жизни народовъ, группирующихся на Балканскомъ полуостровѣ, но конечно до 1904 года этому никто бы не повѣрилъ. Мнѣ кажется, что С. Ю. Витте отлично оцѣнивалъ уже тогда обстановку и поэтому сознательно способствовалъ своею государственною дѣятельностью стать Россіи твердою ногою на берегахъ Тихаго океана. Конечно, я не буду настаивать на томъ, что стремленіе къ владычеству Россіи на Дальнемъ Востокѣ составляетъ исключительную идею одного С. Ю. Витте, но обращаю лишь вниманіе на то, что эта идея уже осуществлялась, вѣрнѣе, была на пути къ своему осуществленію, при чемъ двигателемъ сего были въ продолженіе всѣхъ послѣднихъ передъ войной десяти лѣтъ главнымъ образомъ министр

финансовъ, а слѣдовательно онъ и являлся главнымъ властнымъ руководителемъ отправленій такого сложнаго государственнаго организма, какъ наше отечество; къ этому привыкла не только вся Россія, но и Европа: полномочіе, власть, рѣшимость—словомъ авторитетъ С. Ю. Витте доминировали во всемъ бюрократическомъ режимѣ Россіи; онъ былъ главною пружиною этого механизма. И вдругъ въ одинъ прекрасный день его не стало! Преемника ему не было въ полномъ смыслѣ слова, ибо изъ всѣхъ лицъ стоявшихъ тогда у власти никто не пользовался и даже не имѣлъ никакого авторитета. Ясно, что въ ту же минуту всѣ бюрократы, какъ высшихъ, такъ и низшихъ ранговъ, остались безъ руководства. Они потеряли головы, не знали что предпринять, какъ вести судьбы не только всего государства, но даже какъ направлять его частныя жизненныя отправленія. Вотъ почему понятно, съ уходомъ отъ власти С. Ю. Витте, вопросъ о войнѣ и мирѣ долженъ былъ подвергнуться массѣ случайностей.

Изъ сказаннаго можно пожалуй вывести заключеніе, что если С. Ю. Витте не былъ бы устраненъ отъ дѣлъ осенью 1903 года, то войны бы не было. Я далеко утверждать это, но могу указать на нѣкоторыя мѣры, которыми повидимому его политика хотѣла избѣжать вооруженнаго столкновенія. Первой и самой дѣйствительною было отозваніе русскихъ войскъ, принадлежавшихъ къ составу арміи, изъ Маньчжуріи. Весною 1902 года французскій полковникъ Маршанъ, бывшій въ С.-Петербургѣ, въ день официальнаго объявленія о такомъ рѣшеніи Русскаго Правительства, сказалъ мнѣ: „это еще ничего не значить, ибо обѣщать вывести войска можно, но надо посмотрѣть будетъ ли это исполнено“. Однако они дѣйствительно выводились; да кромѣ того, при ничтожномъ ихъ количествѣ, имѣвшемся тогда на всей территоріи Дальняго Востока, это не могло имѣть существеннаго значенія въ смыслѣ борьбы съ Японіей, а для противодѣйствія набѣгамъ хунхузовъ на линію желѣзной дороги было достаточно охранной стражи. Министръ финансовъ совершенно правильно обособилъ эту категорію нашихъ вооруженныхъ силъ отъ арміи (а совсѣмъ не для удо-

влетворенія личнаго тщеславія имѣть, какъ говорили многіе его недоброжелатели, свое собственное войско). Увеличивая численность зеленыхъ замурцевъ, привлекая въ ихъ составъ за большое денежное вознагражденіе отборные элементы офицеровъ и нижнихъ чиновъ, можно было собрать въ Маньчжуріи грозную силу (я слышалъ отъ людей близко стоявшихъ тогда къ дѣлу, что охранныя стража должна была быть доведена до 100.000 ч., что составляло цѣлую армію въ 4 корпуса), знакомую съ мѣстностью и народонаселеніемъ, привыкшую къ климату и условіямъ жизни на театрѣ военныхъ дѣйствій, проникнутую особенной энергіей, какъ колонизаторы края. Повѣрка числительности этой силы разбросанной на тысячи верстъ, была бы для нашихъ враговъ затруднительна, а существованіе ея съ дипломатической точки зрѣнія вполне законно; содержа даже весьма значительную силу подъ видомъ охранный стражи, мы удовлетворяли амбицію Китая и всѣ требованія нашихъ политическихъ враговъ. Я знаю фактъ, что расквартированіе по приказанію Намѣстника въ г. Мукденѣ—столицѣ Маньчжуріи—двухъ стрѣлковыхъ ротъ вызвало въ Пекинѣ огромное неудовольствіе, и китайскія власти объясняли это чисто принципиальной стороною дѣла, т. е. нарушеніемъ правъ Китая, а вовсе не тягостью постоя такой ничтожной горсти русскихъ солдатъ.

Вторую мѣрою противъ войны я считаю проводимую политику открытыхъ дверей для торговли въ Маньчжуріи всѣхъ иностранцевъ. Третья мѣра состояла въ неодобреніи Безобразовской авантюры по лѣсной операціи на берегахъ р. Ялу.

Но, скажутъ мнѣ, война бы возникла все равно, не смотря ни на какія уступки со стороны Россіи, ибо Японія должна была воевать во что бы то ни стало: въ ея лицѣ проснулась желтая раса и, будучи представительницей культуры послѣдней, она ополчилась, чтобы доказать всѣмъ азіатамъ, всему міру, что она достойна стать во главѣ панмонголизма, будучи въ состояніи тягаться силами съ могущественнѣйшей державой бѣлой расы. Японія задыхалась на своихъ островахъ и должна была найти выходъ избытку своего на-

родонаселенія, а англичанамъ и американцамъ было слишкомъ выгодно предоставить ей всю Корею и тѣмъ предотвратить японскую колонизацію Австраліи, Америки и Филиппинъ. Японія была слишкомъ хорошо освѣдомлена о слабости Россіи на Дальнемъ Востокѣ въ частности и слабости ея вообще, вслѣдствіе несовершенства управления страной, неудовлетворительнаго состоянія нашихъ арміи и флота; поэтому, объявляя войну, она шла на вѣрный, обеспеченный заранѣе, успѣхъ. Наконецъ Японія не могла ждать потому, что въ водахъ Тихаго океана плавалъ Русскій флотъ, уже достаточно грозный по числу своихъ вымпеловъ, а черезъ какой нибудь годъ — два подошли бы еще подкрѣпленія, которыя могли окончательно склонить перевѣсъ силъ на морѣ на сторону Россіи. Слѣдовательно, разъ только Россія влѣзла въ Маньчжурію, ввязалась въ эту авантюру, война съ Японіей становилась неизбежной, ибо Японія видѣла въ этомъ посягательство на права свои, на права всей желтой расы; она должна была взяться за оружіе возможно скорѣе и рѣшительнѣе, пока флотъ Россіи, какъ болѣе богатаго государства, не подавилъ бы своимъ водоизмѣщеніемъ и вооруженіемъ флотъ болѣе бѣдной державы, пока Артуръ и Владивостокъ не сдѣлались еще недоступными твердынями, а Пріамуріе не считало бы въ своихъ гарнизонахъ нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ штыковъ. Такимъ образомъ причиной столь тягостной для нашего отечества войны была эта Маньчжурская авантюра, а виновниками, отвѣтственными за нее, являются лица стоявшія у власти и допустившія Правительство сдѣлать такой безразсудный роковой шагъ. Вина ихъ усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія въ сущности бѣдная страна, нуждающаяся въ средствахъ для благоустройства своихъ собственныхъ земель и потому конечно не имѣющая возможности выбрасывать милліоны народныхъ денегъ на колонизацію чуждыхъ намъ краевъ, обѣщающую въ будущемъ лишь одни расходы и вызывающую затрату сумашедшихъ денегъ на сухопутную и приморскую оборону вновь пріобрѣтаемыхъ земель, на увеличеніе активныхъ силъ войска и флота на Дальнемъ

Востокъ *). А такъ какъ мы сказали, что болѣе десяти лѣтъ наибольшимъ значеніемъ въ государственной жизни Россіи пользовался С. Ю. Витте, то естественно, что ропотъ общественнаго мнѣнія обращается и на него. Не знаю, что скажетъ исторія черезъ 10—20 лѣтъ, когда послѣдствія несчастной войны окончательно вырисуются, и можно будетъ вынести безпристрастный, справедливый и точный приговоръ, но во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что врядъ ли онъ будетъ карать самую идею стремленія Россіи на Дальній Востокъ, и я склоненъ даже думать, что наше выступленіе въ Маньчжурію будетъ признано не авантюрой, а большимъ счастіемъ, принесшимъ нашему отечеству, не смотря на проигранную войну, большія преимущества.

Императоръ Вильгельмъ, въ политической дальнозоркости и государственной мудрости котораго никто не сомнѣвается, первый предсказалъ, что желтая раса проснется и ополчится на бѣлую. Ясно, что это предсказаніе прежде всего касалось великой Россіи, ибо только она соприкасается на необъятномъ сухопутіи съ желтолицыми и упирается въ воды, кругомъ занятыя ими же. Естественно первый ударъ долженъ былъ направиться на нее, и уже тогда, когда прозвучали пророческія вдохновенныя слова, не трудно было угадать, что востокъ ополчится на западъ подъ гегемоніей Японіи. Къ тому же двѣ бѣлыхъ націи давно открыли въ Японіи надежнаго союзника противъ титана конкурировавшаго съ ними на берегахъ Тихаго океана и на всемъ материкѣ Азіи; для нихъ

*) Насколько наше общество вообще не было освѣдомлено о положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, указываетъ распространенное мнѣніе о В.-Китайской желѣзной дорогѣ, какъ о предпріятіи совершенно бездоходномъ въ его будущемъ и настоящемъ (конечно я говорю о жел. дорогѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была до войны). А между тѣмъ весьма осторожный расчетъ Управления дороги показываетъ, что если въ первый годъ ближайшаго десятилѣтія эксплуатаціи дороги ожидался дефицитъ около семи милліоновъ рублей, то къ концу десятилѣтія дорога должна была давать чистаго дохода около девятнадцати милліоновъ рублей. Но, кромѣ коммерческихъ выгодъ, дорога давала намъ значительное политическое и стратегическое преобладаніе на Дальнемъ Востокѣ вообще и еще способствовала заселенію и обогащенію коренныхъ русскихъ земель, т. е. всей Приморской области.

нападеніе Японіи на Россію было въ высшей степени желательно, развязывая имъ надолго руки: оба врага, сцѣпившись на смертный бой, настолько обезсилили бы, что предоставили бы новымъ карфагенянамъ надолго обогащаться за ихъ счетъ и за ихъ оскудѣніе. Слѣдовательно вопросъ столкновенія Японіи съ Россіей становился только вопросомъ времени, и война началась бы если не въ 1903, то, скажемъ, въ 1910—1912-мъ году. Если бы не существовало русской авантюры, т. е. захвата нами Квантуна и колонизаціи Маньчжуріи, то что представляла бы изъ себя Россія на Дальнемъ Востокѣ ко дню неизбежнаго вооруженнаго столкновенія съ желтолицыми? Съ увѣренностью позволю себѣ сказать, что и въ 1910—12 годахъ мы не далеко ушли бы отъ того безпомощнаго положенія, въ которомъ оказались къ началу войны 1904 года; пожалуй мы были бы еще въ худшемъ, и вотъ почему.

Не извѣстно ли каждому изъ читателей, какъ управлялись далекія окраины Россіи высокопоставленными бюрократами подъ названіемъ генераль-губернаторовъ, военныхъ губернаторовъ, командующихъ войсками и наказныхъ атамановъ. Мѣнялись эти лица довольно часто. Каждый вновь назначенный долго собирался къ мѣсту служенія, но его продолжительные сборы вовсе не состояли въ подготовленіи для предстоящей дѣятельности, въ занятіяхъ по изученію вѣреннаго, въ большинствѣ случаевъ совершенно незнакомаго, края. Сборы эти заключались въ слѣдующемъ: 1. представленія высокопоставленнымъ лицамъ; 2. визиты выдающимся и ловкимъ дѣльцамъ, необходимымъ и даже опаснымъ по своей силѣ и вліянію въ высшихъ сферахъ; 3. заигрываніе съ представителями благонамѣренной полу официальной печати, что передъ войной стало особенно въ модѣ, ибо реклама о своей дѣятельности вообще выгодна: внутри Россіи, а въ особенности въ Петербургѣ, когда еще узнаютъ о томъ, какъ принимались насажденія реформъ и всякихъ мѣропріятій новаго государственнаго дѣятеля (чаще всего изъ начальниковъ дивизій или корпусныхъ штабовъ) на территоріи вѣренной ему тмутаракани, а, при содѣйствіи печати, въ звѣздоносной средѣ распространится слава объ

энергичномъ дѣятелѣ, носителѣ прогресса; вырастетъ новый кандидатъ въ министры, а если и не удастся что либо въ этомъ родѣ, то всетаки, при хорошемъ служебномъ цензѣ, можно будетъ пристроиться и въ столицѣ; 4. выборъ нѣсколькихъ будущихъ сотрудниковъ по отраслямъ административной дѣятельности, хотя обыкновенно, за отсутствіемъ людей знающихъ, а въ особенности бывшихъ на данной окраинѣ, этотъ номеръ исключался совсѣмъ, или же приходилось брать просто по протекціи—знакомству; къ тому же вѣдь на мѣстѣ тоже жили не одни волки, медвѣди и тигры, а были и люди, конечно изъ чиновниковъ, въ изобиліи наполнявшихъ административные центры окраинъ; 5. составленіе личной блестящей свиты, т. е. приглашеніе адъютантовъ и лицъ для порученій; впрочемъ приглашать и розыскивать не приходилось: среди военной молодежи было всегда сколько угодно желающихъ пристроиться къ генераль-губернаторству; прежде всего юные поручики прельщались полученіемъ куша въ нѣсколько тысячъ рублей прогонныхъ и подъемныхъ денегъ, такъ какъ среди даже гвардейскихъ офицеровъ, за исключеніемъ 3-хъ—4-хъ полковъ, молодежь почти не имѣетъ собственныхъ средствъ, кромѣ развѣ женившихся на богатыхъ приданыхъ; многіе получали возможность расплатиться съ долгами или просто удрать отъ кредиторовъ (взыскивай тамъ за тридевять земель); попадались и совсѣмъ родовитые аристократы: кого ссылали папаша за чрезмѣрное пьянство и скандальное поведеніе, кого удаляла мамаша во избѣжаніе мезальянса, кого просили удалиться изъ полка; во всякомъ случаѣ ручаюсь за то, что не поѣхалъ ни одинъ офицеръ изъ интереса службы на окраинѣ; 6. затѣмъ шло устройство личныхъ семейныхъ дѣлъ, прощанія, пріемъ напутствій и проводовъ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ сбора, администраторъ уѣзжалъ въ отдѣльномъ вагонѣ, а чаще въ отдѣльномъ поѣздѣ, и, принявъ по дорогѣ нѣсколько овацій, прибывалъ во вѣренную ему тмутаракань, гдѣ конечно уже не заставлялъ своего предмѣстника, который былъ счастливъ оставить подалѣе за собою дикую страну, и, покидая ее, съ облегченіемъ отрясалъ ее прахъ отъ ногъ своихъ. Какое ему было

дѣло до того, что будетъ твориться тамъ послѣ него; служба прошла благополучно, иногда даже по внѣшности и годовымъ отчетамъ блестяще, цензъ заслуженъ; если не будущій министръ, то во всякомъ случаѣ кабинетъ — дѣлецъ высшаго государственнаго учрежденія, съ содержаніемъ соотвѣствующимъ генераль-губернаторскому. Вновь прибывающій уже завидывалъ своему предшественнику, какъ человѣку прошедшему непріятный искусь, увѣнчанному лаврами и приобрѣвшему покой, и начиналъ свою дѣятельность по образу и подобию этого счастливца. Конечно надо же было проявить себя, но для этого существовалъ излюбленный приѣмъ: просидѣть на мѣстѣ годикъ — полтора, создать проекты реформъ и ѣхать въ столицу проводить благія мѣропріятія. Скоро провести ихъ нельзя, ибо затрогиваются государственные интересы, вопросы будущаго величія Россіи на ея окраинѣ; пока ихъ разсмотрятъ въ канцеляріяхъ, комиссіяхъ, и состоится докладъ по департаментамъ и министерствамъ, пройдетъ не мало времени; спѣшить у насъ не любятъ, а понуканій и напоминаній вообще не выносятъ. И просидитъ, вѣрнѣе пробаженствуетъ, окраинный мастеръ въ столицѣ, осыпанный прогонами и суточными, не одинъ и не два мѣсяца, а полъ-года и больше; при немъ же наслаждается въ мондѣ, ресторанахъ и театрахъ его многочисленная блестящая свита — также на казенныя суточные и прогонныя. На отдаленной же окраинѣ чиновникъ второго разряда дѣлаетъ свое дѣло: пишетъ, препровождаетъ, доноситъ, назначаетъ, беретъ и получаетъ, но только ничего не даетъ краю — ни просвѣщенія, ни культуры, ни справедливости, ни путей сообщенія, ни народнаго здоровья, не прибавляетъ ничего къ прогрессу торговли и промышленности и къ престижу Русскаго имени.

При такой системѣ (а, спрашивается, почему, на какомъ основаніи она измѣнилась бы, если до войны она во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяла нашъ бюрократическій режимъ и его представителей) конечно Россія не усилилась бы на Дальнемъ Востокѣ. Можетъ быть черезъ 10—15 лѣтъ сибирская магистраль давала бы 10 паръ поѣздовъ въ сутки, но конечно второй колеи бы не существовало (если даже

и теперь ее строить какъ бы нехотя). Народонаселеніе русское увеличилось бы, но не настолько, чтобы можно было набрать въ бассейнѣ Амура болѣе какой нибудь пѣхотной дивизіи. Были бы линейные, стрѣлковые баталіоны, въ лучшемъ случаѣ полки, немногочисленная полевая артиллерія и нѣкоторое количество казаковъ (вѣдь только война показала какая въ настоящее время незначительная роль казаковъ въ серьезной военной операциі). Укрѣпленія Владивостока имѣли бы конечно первобытный характеръ, ибо кто сталъ бы давать милліоны для обороны окраины, когда ей повидимому никто не угрожалъ; неужели стали бы опасаться китайцевъ и японцевъ? Китайской войны и вовсе не было бы, если бы мы не вздумали колонизировать Маньчжурію и захватывать Квантунъ, такъ что мы не знали бы даже что такое хунхузы; а японцы? но вѣдь, когда они побѣдили Китай, то Россіи въ минуту ихъ торжества стоило только сказать довольно *), и они убрались на свои острова, получивъ въ утѣшеніе островъ Формозу, который, говорили у насъ, японцы никогда не покорятъ: тамъ непобѣдимые „черные флаги“. Кстати замѣтить, что эти черные флаги не помѣшали нашему противнику во время войны вывести съ Формозы на театръ военныхъ дѣйствій расположенную тамъ дивизію, а эскадра Рождественскаго не попыталась даже демонстрировать противъ Формозы и обошла ее кругомъ и подальше. Въ результатѣ конечно на Дальнемъ Восткѣ и черезъ десять лѣтъ никакого противовѣса серьезному наступленію въ свои предѣлы Россія оказать бы не могла.

Но можетъ быть во Владивостокѣ къ тому времени былъ бы грозный флотъ, и тогда не могло бы быть никакого посягательства на материкъ съ стороны Японіи? Это предположеніе я позволю себѣ рѣшительно опровергнуть. Въ нашемъ единственномъ портѣ Тихаго океана, т. е. во Владивостокѣ не только не было бы русскаго флота сильнѣе

*) Конечно Японія была усмирена при помощи и согласіи всей Европы, но, говоря откровенно, развѣ мы не приписывали этого подвига себѣ. До войны, а пожалуй и до Мукдена, мы все еще думали, что можемъ руководить политикой всего міра, показывая нашъ чудовищный восьми-милліонный кулакъ.

японскаго, но не было бы и эскадры, равной по силѣ той, которая могла собраться подъ флагомъ Алексѣева передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1904 году, и вотъ почему:

Основою моихъ соображеній служить тотъ фактъ, что наша Тихоокеанская эскадра (всѣ тѣ суда, которыя были въ распоряженіи Намѣстника) была составлена крайне спѣшно, именно и исключительно вслѣдствіе нашихъ обстоятельствъ съ Японіей (этой причины бы не существовало); мы строили и посылали немедленно все готовое, новое, по одной, двѣ штуки; выслали наконецъ изъ Балтійскаго флота все, что только можно было послать; только нѣкоторыя суда почему то не успѣли дойти, какъ напр. Ослябя, Аврора. Во всякомъ случаѣ къ 27 января 1904 года въ Балтійскомъ флотѣ годныхъ боевыхъ судовъ уже не было. Орель, Бородино, Александръ III и Суворовъ спѣшно закончены постройкой во время войны, а только они и могли состязаться съ эскадрами Того; береговые броненосцы послужили лишь къ увеличенію нашего позора подъ флагомъ Небогатова. Если бы не было войны, то названные четыре броненосца строились бы можетъ быть еще два—три года, испытывались бы и сидѣли бы въ Балтикѣ.

Такимъ образомъ къ началу войны Россія имѣла сильный флотъ въ Тихомъ океанѣ и строящійся въ Балтійскомъ морѣ, при чемъ затратила не одну сотню милліоновъ, но эти послѣдніе были даны министромъ финансовъ только потому, что надо было, во избѣжаніе войны съ Японіей, возможно скорѣе добиваться перевѣса силъ на морѣ; если бы не было такой необходимости, т. е. не было острой назрѣвавшей опасности, то мы ея не чувствовали бы и конечно не были бы столь щедры на деньги, а потому врядъ ли были бы построены всѣ боевыя суда, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ.

Еще во времена Ванновскаго, при Вышнеградскомъ, стоявшемъ во главѣ министерства финансовъ, Россія поставила себѣ задачей имѣть сильный Балтійскій флотъ, фактическимъ подтвержденіемъ чего служатъ сотни милліоновъ, выброшенныхъ на сооруженіе укрѣпленнаго порта Александра III въ Либавѣ. Я говорю „брошенныхъ“, потому

что, при возникновеніи новой политической задачи, перетянувшей центр тяжести нашихъ морскихъ силъ на Дальній Востокъ, мы оставили Либаву безъ флота, а въ такомъ случаѣ сооруженіе ея порта стало совершенно излишнимъ (скажу больше: это вѣрнѣйшій призъ нашихъ противниковъ въ случаѣ войны на континентѣ Европы). Злосчастная идея укрѣпленія Либавы состояла въ томъ, что возможность содержанія въ ея портѣ достаточно сильнаго флота, способнаго, вслѣдствіе незамерзаемости водъ, круглый годъ къ активнымъ дѣйствіямъ, исключала необходимость затрачивать милліоны рублей на оборудованіе, содержаніе и ремонтъ крѣпостей на побережьи Балтійскаго моря: Рига, Балтійскій-Портъ, Ревель, Кронштадтъ, Выборгъ, Гельсингфорсъ и мало ли еще какіе пункты побережья нуждались въ оборонѣ. Во исполненіе этой идеи послѣдовало фактическое разоруженіе крѣпости Выборга, представляющаго изъ себя необыкновенной важности стратегическій ключъ къ обладанію Финляндіей и подступовъ изъ нея къ нашей столицѣ. Вообще же, при условіи отсутствія явной опасности на Дальнемъ Востокѣ, осуществленіе идеи Либавы неминуемо приводило къ ущербамъ, какъ нашего оплота на Тихомъ океанѣ—Владивостока, такъ и тѣхъ морскихъ силъ, которыя мы могли тамъ сосредоточивать. Здѣсь конечно не мѣсто распространяться критикой идеи Либавы, но нельзя всетаки не замѣтить, что такое безумное выбрасываніе средствъ государства, хотя бы исполненное десятокъ лѣтъ назадъ, всетаки вопіеть о своемъ возмездіи; во всякомъ случаѣ крайне желательно, чтобы оно было рано или поздно представлено на судъ представителей народа, т. е. въ Государственную Думу.

Кромѣ того Либава сама по себѣ притягивала бы къ себѣ нашъ флотъ и нашихъ флотоводцевъ, не выпуская его на Дальній Востокъ, въ силу существовавшаго режима во флотѣ, а онъ конечно просуществовалъ бы безконечное число лѣтъ, если теперь, послѣ Цусимы и всенароднаго приговора и осужденія, всетаки существуетъ, или по крайней мѣрѣ желаетъ существовать. Никто изъ нашихъ флотоводцевъ не увлекался дальними плаваніями, а предпочи-

тали обыкновенно вырабатываніе своихъ цензовъ въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ плаваніе обращалось въ пикники, когда жилось беззаботно, уютно, вблизи своихъ семейныхъ очаговъ, родныхъ кабаковъ и трактировъ столицы. Къ тому же плаваніе было непродолжительное, благодаря климатическимъ условіямъ. Замѣчательно съ какимъ неудовольствіемъ готовились наши моряки даже къ переходу въ Либаву; то ли дѣло излюбленный Кронштадтъ? Я знавалъ одного адмирала, постоянно сидѣвшаго на берегу, на тепленькихъ мѣстечкахъ, и былъ крайне удивленъ, услышавъ, что онъ ѣдетъ плавать на Дальній Востокъ. Самъ адмиралъ весьма хладнокровно объяснилъ мнѣ, что у него накопилось много долговъ и надо было поправить свои обстоятельства. И вѣдь поправилъ: послѣ китайской войны вернулся и привезъ музей рѣдкостей—цѣлое состояніе. Последнее время (до войны) любили еще плавать въ Средиземномъ морѣ, гдѣ наслаждались поэтической Ривьерой и гостепріимствомъ французовъ, гдѣ плаваніе состояло исключительно изъ всякихъ празднествъ, оплачиваемыхъ нашими союзниками и нашей казною (Россія вѣдь могущественная держава, а потому никакихъ денегъ на представительство не жалѣла).

Полагаю, что при такомъ режимѣ во флотъ врядъ ли онъ скоро бы переселился изъ Маркизовой лужи во Владивостокъ.

Итакъ слѣдовательно, резюмируя сказанное о вѣроятномъ положеніи Россіи на Д. Востокѣ, при условіи несуществованія колонизаціи Маньчжуріи и захвата Квантуна, нельзя не предположить, что хотя бы черезъ 10 лѣтъ, считая отъ 1903 года, она оставалась бы совершенно неподготовленной къ борьбѣ съ такимъ серьезнымъ противникомъ, какимъ была Японія уже къ началу 1904 года, а за десять лѣтъ конечно имѣвшая полную возможность усилить свой флотъ и армію. Но вѣдь, какъ указано выше, Японія во всякомъ случаѣ напала бы на Россію. Что же тогда случилось бы? А то, что мы и тогда ничего не знали бы о силахъ и средствахъ, готовности и намѣреніяхъ нашего врага, какъ не знали этого и въ 1904 году. Сидя на лѣвомъ берегу Амура, мы конечно прозѣвали бы распространеніе вліянія Японіи

въ Маньчжуріи и Корей, можетъ быть даже формированіе ими тамъ годныхъ для боевыхъ дѣйствій войскъ изъ китайцевъ. То нападеніе, которое позволили себѣ китайцы въ Благовѣщенскѣ, нами наказанное и дорого ими оплаченное, произошло бы нѣсколько иначе. Японцы высадились бы въ Уссурійскомъ краѣ, прошли бы туда же изъ Кореи; добрались бы до нашей территоріи и изъ Маньчжуріи. Война велась бы и съ Японіей и съ Китаемъ, на нашей русской землѣ; желтая раса наводнила бы наши предѣлы, разрушала бы наши селенія, дома, пользовалась бы нашими средствами и можетъ быть отбросила бы насъ къ Байкалу. Теперь же мы воевали полтора года и, какъ ни плохо дѣйствовали, какія пораженія ни понесли, но, кромѣ части Сахалина, ни одинъ клочекъ нашей территоріи не былъ занятъ врагомъ; Китай не посмѣлъ стать на сторону Японіи, не представляя изъ себя еще вооруженной силы. Да, мы были не готовы, у насъ была плохая армія въ смыслѣ управленія и командованія ею, былъ флотъ числившійся только на бумагѣ, а не какъ боевая единица, мы проиграли кампанію и заключили невыгодный миръ.... но за то мы теперь прозрѣли; мы узнали, что желтая раса сильна и опасна, что мы должны денно и ночью готовиться къ борьбѣ съ нею, а не спать и закрывать глаза на грядущую опасность; мы увидѣли, что государственный строй не выдержалъ своего государственнаго экзамена—войны, ибо конечно виноваты въ нашихъ пораженіяхъ не одни только армія и флотъ. Мы узнали, что наша народная масса коснѣтъ въ невѣжествѣ и именно поэтому неспособна выполнить свою историческую миссію на востокъ; только ея просвѣтленіе и образованіе позволить намъ дѣйствительно использовать ту многомилліонную боевую силу, которой мы такъ гордились, и на которую такъ уповали не только мы сами, но и наши союзники французы. Мы поняли, что въ современномъ бою мало одной беззавѣтности, а нужно еще сознательное желаніе побѣждать врага во что бы то ни стало, для чего необходимо не только муштровать бойцовъ, но развивать и воспитывать ихъ, какъ это училъ Драгомировъ, котораго мы не признали. И если талантливый нѣмецкій писатель Хенигъ говорилъ въ девят-

ностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, что онъ счастливъ тѣмъ, что германскій солдатъ уже размышляетъ, то мы только по горькому опыту послѣдней войны убѣдились, что у насъ не размышляетъ и большинство офицеровъ. Мы убѣдились также, что званіе генерала есть пустой звукъ, если генералы нуждаются въ нянькахъ, а ихъ няньки—безотвѣтственные офицеры генеральнаго штаба—съ видимыми знаками невидимыхъ стратегическихъ и тактическихъ познаній оказались слабыми въ исполненіи своего служебнаго долга и неопытными во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ своей служебной дѣятельности.

Мы все это увидѣли скорѣе, раньше, благодаря тому, что инстинктивно пошли навстрѣчу несознаваемой ясно, но какъ бы предугадываемой опасности, и произвели сами фактически наступленіе на желтую расу, вторгнувшись на тысячи верстъ въ ея территорію, и такимъ образомъ встрѣтили врага далеко за предѣлами нашего отечества; мы оросили своею и вражескою кровью не Русскую землю, а Маньчжурію. Конечно Китай можетъ быть не простить намъ попиранія его земли и народа, но въ сущности не мы тому причиной, не мы накликали на него бѣдствія войны, такъ какъ старались внести свою цивилизацію въ Маньчжурію мирнымъ путемъ: путями сообщеній, торговлей и промышленностью; Японія была и останется зачинщицей войны. Во всякомъ случаѣ несчастная война разбудила насъ; мы обновимся, усовершенствуемъ нашъ государственный строй, поставимъ на современную высоту воспитанія и техники наши вооруженныя силы, и, кто знаетъ, не настанетъ ли время, когда теперешніе враги наши будутъ въ насъ заискивать и жить съ нами въ полномъ согласіи, даже безъ того, что мы осуществимъ свое возмездіе—реваншъ (кстати сказать о которомъ никто еще никогда не вспоминалъ). Въ общемъ результаты несчастной проигранной нами кампаніи кажутся мнѣ всетаки выгоднѣе тѣхъ, которые могли бы оказаться при условіи начала расовой борьбы не въ 1904 году, а пять—десять лѣтъ позднѣе, въ Уссурійскомъ краѣ, въ Пріамуріи, а не въ Маньчжуріи. А если со мною въ этомъ согласятся, то вѣроятно и не поставятъ мнѣ въ укоръ того,

что я готовъ одобрить инициаторовъ нашего наступленія въ Маньчжурію и на Квантунъ въ концѣ минувшаго столѣтія: они оказали существенную услугу родинѣ, предотвративъ отъ нея въ будущемъ болѣе горькія бѣды, а, главное, заставили самой войной отрѣшиться отъ рутины и стать на путь прогресса. Конечно, я не имѣю въ виду тѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу, благодаря кому мы точно нарочно обостряли наши отношенія съ японцами, англичанами и американцами непосредственно передъ войной.

Въ ноябрѣ-декабрѣ 1903 года мнѣ пришлось всетаки подумать о возможности осложненій на Д. Востокѣ. Японія не могла двинуть по сухому пути ни одного солдата ни на какой театръ военныхъ дѣйствій; въ случаѣ нападенія на Россію, ей надо было прежде всего произвести операцію десанта своихъ армій гдѣ либо въ Корей, Маньчжуріи или Уссурийскомъ краѣ; при наличіи богатаго коммерческаго флота, какъ у Японіи, эта операція фактически возможна въ самыхъ большихъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что удаленіе береговъ Японіи отъ береговъ вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій съ Россіей относительно невелико; затѣмъ флотъ является лучшимъ и удобнѣйшимъ коммуникаціоннымъ средствомъ для высадившихся армій. Однако высадка осуществима только въ томъ случаѣ, когда ея выполненіе обезпечено отъ противодѣйствія сухопутныхъ и морскихъ силъ противника; первое препятствіе въ данномъ случаѣ было не слишкомъ серьезно, такъ какъ на Д. Востокѣ имѣлось незначительное число русскихъ войскъ; кромѣ того, операція десанта относительно легка при условіи господства на морѣ, ибо выборъ мѣста высадки и времени ея выполненія принадлежатъ наступающему. Слѣдовательно, осуществленіе Японіей наступательной войны, т. е. возможность производства высадки ея арміями, зависела исключительно отъ того, могла ли она тотчасъ же, въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, получить увѣренное, полное превосходство силъ на морѣ; поэтому, если бы въ дни омраченія политическаго горизонта въ ноябрѣ и декабрѣ 1903 года произвести точное сравненіе силъ японскаго флота и нашей Тихоокеанской эскадры, то можно было бы придти къ опре-

дѣленному заключенію о возможности для Японіи начать войну съ Россіей. Говорю „для Японіи“, а не „для Россіи“, потому что наше правительство повидимому войны не хотѣло и казалось было готово идти на нѣкоторыя уступки въ цѣляхъ предотвращенія этого бѣдствія. Рѣшить такую задачу по силамъ только специалисту морского дѣла, и поэтому, какъ ни старался я выводить боевые коэффициенты сравняемыхъ силъ подсчетомъ судовъ, ихъ бронированія, ихъ артиллеріи и водоизмѣщенія, конечно не могъ придти къ опредѣленному заключенію. Однако, какъ казалось мнѣ тогда и кажется еще и теперь, эти коэффициенты для японской и русской эскадръ были почти одинаковы, по крайней мѣрѣ имѣя въ виду эскадренный бой въ открытомъ морѣ; японцы имѣли лишь безусловное превосходство въ судахъ береговой обороны и минной флотилии.

Но, кромѣ цифровыхъ данныхъ, доступныхъ болѣе или менѣе каждому изъ насъ, надо было принять въ расчетъ еще иные коэффициенты, а именно: систему постройки флота, качество его матеріала, что знаютъ только специалисты дѣла, и наконецъ нравственный элементъ, т. е. качество команднаго состава, качество адмираловъ, офицеровъ и судовыхъ командъ, ихъ боевую подготовку. Если я могъ судить навѣрняка объ этой огромной величинѣ, играющей колоссальную роль въ бою въ отношеніи нашей сухопутной арміи, и подозревалъ тогда же (передъ войной), что японцы не побоятся помѣряться съ русскими войсками, такъ какъ послѣднія за дѣсятилѣтіе только ухудшались, а японская армія, уже сдѣлавшая за тотъ же періодъ времени одну побѣдоносную кампанію, непрестанно прогрессировала, то могъ ли я думать, что японцы считали нашу Портъ-Артурскую эскадру неспособной оказать какое либо сопротивление ихъ десантнымъ операціямъ съ самаго начала военныхъ дѣйствій и уже намѣтили всѣ средства, чтобы обезпечить себѣ навѣрняка благопріятную обстановку. Я не могъ знать также, что наша вспомогательная эскадра (Ослябя, Аврора и др.), шедшая на усиленіе Артурской и уже находившаяся въ Средиземномъ морѣ, осенью 1903 года, не придетъ свое-

временно, такъ какъ какому то адмиралу по семейнымъ обстоятельствамъ нужно было пребывать въ Ривьерѣ. Я не вѣдалъ конечно, что мы упустили покупку двухъ великолѣпныхъ бронированныхъ крейсеровъ I-го ранга и предоставили усилиться ими болѣе бѣднымъ японцамъ; что наше морское министерство рѣшительно не отдавало себѣ отчета въ томъ, что нужно дѣлать съ нашимъ уже достаточно многочисленнымъ въ то время флотомъ, и что поэтому большая часть судовъ могла съ успѣхомъ числиться въ спискахъ, но въ то же время не играть никакой роли какъ боевыя единицы; что у насъ не было ни одного адмирала, способнаго руководить въ бою эскадрой; что лучшіе изъ нихъ не допускались на службу въ Тихій океанъ, что флотскіе офицеры и весь личный составъ флота далеко не на высотѣ своего назначенія; что наша сильная Тихоокеанская эскадра будетъ разбросана Намѣстникомъ—адмираломъ чуть не по всѣмъ портамъ Тихаго Океана, а основное ея ядро, служившее оплотомъ обороны Артура, даже послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній съ явно готовившимся къ борьбѣ съ нами сильнымъ и коварнымъ азіатомъ, не приметъ никакихъ мѣръ боевой готовности и дастъ возможность захватить себя спящимъ и врасплохъ. Повторяю, что я не зналъ ничего этого, и поэтому вѣрилъ, что нашъ Тихоокеанскій флотъ, представляя изъ себя по спискамъ внушительную силу, могъ заставить японцевъ и не рѣшиться открыть военныя дѣйствія, а ограничиться одними угрозами, чѣмъ добиться всякихъ уступокъ и компромисовъ.

Въ виду всего вышесказаннаго меня какъ громомъ поразило извѣстіе о разрывѣ Японіей дипломатическихъ сношеній, а на слѣдующій же день телеграмма о выводѣ изъ строя Артурской эскадры двухъ нашихъ сильнѣйшихъ броненосцевъ и одного крейсера, а также о бомбардировкѣ крѣпости. Что японцы атаковали наши суда—въ этомъ особой неожиданности быть не могло, потому что, при условіи разрыва дипломатическихъ сношеній, начало военныхъ дѣйствій конечно было близко, но поражала халатность, невниманіе со стороны нашей администраціи и флота,

допустившихъ подставить всю эскадру подъ внезапную, совершенно неожиданную атаку. Этотъ фатальный несчастный случай сразу указывалъ на нашу полную неготовность къ войнѣ и служилъ вообще дурнымъ предзнаменованіемъ, а потому я сразу потерялъ всякое довѣріе къ нашимъ морскимъ силамъ. Оставалось надѣяться на сухопутную армію, къ которой и долженъ былъ перейти центръ тяжести всей серьезной борьбы. Итакъ, благодаря нѣсколькимъ печатнымъ строкамъ официальной телеграммы, гласившей о пробоинахъ на Ретвизанѣ, Цесаревичѣ и Палладѣ, намъ русскимъ людямъ пришлось узнать слѣдующее: русскій флотъ не въ состояніи мѣряться силами съ японскимъ, и японцы неминуемо выберутся на материкъ Азіи, гдѣ присутствіе ихъ для Россіи нетерпимо; конечно они высадутся въ достаточныхъ силахъ, ибо по количеству своего народонаселенія Японія равняется Германіи, а послѣдняя легко выставляетъ два милліона бойцовъ; поэтому Японія можетъ легко мобилизовать нѣсколько сотъ тысячъ солдатъ и перевезти ихъ въ кратчайшій срокъ на своихъ многочисленныхъ торговыхъ судахъ; Россія въ данное время имѣетъ сравнительно незначительныя силы близъ самого театра военныхъ дѣйствій, а ея неисчерпаемый многомилліонный запасъ боевыхъ силъ долженъ быть доставленъ въ Маньчжурію по единственной колеѣ болѣе 10.000 верстъ длиною, съ перерывомъ ея озеромъ Байкаломъ и крайне ограниченою провозоспособностью; японская армія воодушевлена чувствомъ идеи патріотической войны, являвшейся средствомъ расширить свои слишкомъ тѣсныя для ея народонаселенія предѣлы, получить вліяніе на весь континентъ Азіи, сдѣлать своимъ орудіемъ такую страшную силу, какъ Китай, и наконецъ отомстить Россіи за ея преобладаніе въ Маньчжуріи, за посягательство на Портъ-Артуръ, уже взятый японцами съ боя, съ пролитіемъ своей крови; эта армія желтой расы готовилась десятокъ лѣтъ исключительно для борьбы съ Россіей; она была такъ воспитана и обучена; ея начальники были освѣдомлены о своемъ противникѣ, въ совершенствѣ знали театръ войны и жаждали показать учителямъ—нѣмцамъ и союзникамъ—англичанамъ, что они

достойны ихъ и даже опередили ихъ своею военною культурою и своимъ военнымъ искусствомъ.

Русская армія не могла быть воодушевлена идеей національной войны, ибо не только солдаты, но и офицеры и высшіе военные начальники нисколько не интересовались Дальнимъ Востокомъ. Однако дерзость объявленія войны ничтожнымъ, какъ тогда казалось, по пространству, территории и численности народонаселенія государствомъ, коварство нападенія на нашъ флотъ всетаки могли воодушевить наши войска, хотя конечно это воодушевленіе не могло соотвѣтствовать японскому. Если же принять во вниманіе хорошо мнѣ извѣстныя данныя, въ родѣ полного отсутствія въ нашей арміи способныхъ и талантливыхъ, а главное самостоятельныхъ начальниковъ, наличие неотвѣтственного, избалованнаго и несвѣдущаго генеральнаго штаба, отсутствіе образованія и дисциплины среди офицеровъ во всей ихъ массѣ, то мнѣ было ясно, что, не имѣя превосходства силъ надъ врагомъ, а въ первое время и значительно уступая ему въ силахъ, намъ придется очутиться въ крайне тяжеломъ положеніи, что война будетъ серьезна, продолжительна и потребуетъ отъ отечества и арміи небывалыхъ энергіи и напряженія. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что всетаки русскій солдатъ представляетъ изъ себя превосходный боевой матеріаль, а во время войны конечно выдвинутся тотчасъ наиболѣе честные, талантливые офицеры, что съ первыхъ же выстрѣловъ начнетъ прививаться дисциплина и отвѣтственность, исчезнутъ протекція, интриги, карьеризмъ, зависть и воровство, что, постепенно подвозя войска, усиливаясь, мы соберемъ армію удовлетворительнаго количества и качества, и всетаки слошимъ армію врага, не имѣющаго столь славной боевой исторіи, какъ наша. Предчувствовать въ моментъ начала военныхъ дѣйствій такое ужасное пораженіе, какое мнѣ пришлось пережить въ составѣ Маньчжурскихъ нашихъ армій, я конечно не могъ; я зналъ только, что борьба будетъ тяжелая и упорная.

Затѣмъ передо мною возникъ вопросъ касающійся исключительно меня самаго. Могъ ли я, имѣлъ ли я право въ данную минуту, когда врагъ посягнулъ на честь и достоин-

ство моего отечества, продолжать оставаться мирнымъ гражданиномъ и не стать въ ряды боевой арміи, не вернуться къ тому дѣлу, къ которому чувствовалъ призваніе, привыкъ служить съ самыхъ юныхъ лѣтъ, и конечно сознавалъ въ себѣ силы и энергію быть полезнымъ. Я могъ покориться участи быть вынужденнымъ уйти изъ рядовъ арміи въ мирное время, когда ничто не угрожало отечеству, тѣмъ болѣе, что, я зналъ это навѣрное, стоявшіе въ то время у высшей военной власти люди не позволили бы мнѣ вернуться; но теперь я считалъ своимъ долгомъ передъ отечествомъ стать въ ряды его защитниковъ и отдать свою жизнь за святое дѣло Россіи.

Весь день 27-го января ходилъ я по улицамъ столицы, толкался въ редакціи газетъ, страстно желая получить какія нибудь свѣдѣнія о событіяхъ, и иногда совершенно забывалъ, что самъ я не былъ военнымъ. Ночью я принялъ безповоротное рѣшеніе немедленно обратиться къ Государю и умолять его послать меня на войну. Благодаря содѣйствію нѣкоторыхъ лицъ, дѣло свелось къ формальности подачи прошенія черезъ дежурнаго флигель-адъютанта, потому что уже 3-го февраля я получилъ достовѣрное извѣщеніе, что Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить мнѣ вернуться въ армію, а, въ виду моего желанія сражаться, соизволилъ назначить меня въ одну изъ частей войскъ, расположенныхъ на Д. Востокѣ. Мое прошеніе было передано военному министру приблизительно въ то время, когда состоялось назначеніе Г. А. Куропаткина командующимъ Маньчжурской арміей; затѣмъ оно конечно попало въ главный штабъ и тамъ, по странной случайности, провалялось безъ движенія цѣлую недѣлю. По частнымъ справкамъ отъ товарищей я узналъ, что оно было направлено въ отдѣленіе, вѣдавшее назначеніями офицеровъ генеральнаго штаба, и оттуда не выходило; говорили, что начальникъ отдѣленія внезапно заболѣлъ и, какъ разъ передъ приступомъ болѣзни, захватилъ мое прошеніе на домъ. Желая возможно скорѣе отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, мнѣ пришлось пережить порядочно безпокойствъ. Въ особенности же казалось несправедливо,

что Милость Государя, которой я былъ осчастливленъ, по-видимому почему то досаждала бюрократамъ генеральнаго штаба. Я обратился въ Канцелярію Главной Квартіры и просилъ о содѣйствіи. Мнѣ посовѣтывали подать жалобу на главный штабъ, но какъ разъ въ день посѣщенія мною этого учрежденія, я узналъ, что главный штабъ экстренно затребовалъ мои бумаги изъ Управленія желѣзной дороги. Я отправился за ними въ Министерство Путей Сообщенія, такъ какъ былъ причисленъ къ Министерству. Тамъ мнѣ устроили все въ одну минуту, и я явился въ главный штабъ. Меня послали сперва въ отдѣленіе генеральнаго штаба, но тамъ заявили, что прошеніе уже передано въ отдѣленіе вѣдавшее опредѣленіемъ на службу изъ отставки. Войдя въ это отдѣленіе, я тотчасъ узналъ въ его начальникѣ одного изъ многочисленныхъ офицеровъ состоявшихъ при начальникѣ главнаго штаба. О сколько такихъ досиживаются до тепленькихъ мѣстечекъ! Я зналъ, что этотъ господинъ не изъ симпатизирующихъ мнѣ, и потому приготовился на всякія тренія. Дѣйствительно, полковникъ Лукьяновъ объявилъ мнѣ слѣдующее: „васъ, какъ кавалериста, слѣдуетъ назначить въ Приморскій драгунскій полкъ, что особенно удобно, потому что командиръ полка старше васъ въ чинѣ, а почти всѣ командиры стрѣлковыхъ полковъ моложе васъ; но такъ какъ въ Приморскомъ полку нѣтъ вакансій, то приходится назначить васъ въ пѣхоту“. Конечно, я былъ бы счастливъ служить и въ сибирскихъ стрѣлкахъ—лишь бы сражаться, но естественно, что человѣку, сознательно, по призванію служившему въ одномъ родѣ войскъ, пріятнѣе попасть въ свою сферу, въ коей онъ чувствуетъ себя опытнѣе и сильнѣе; да и для пользы службы всегда выгоднѣе эксплуатировать способности человѣка согласно его призванія. Въ виду сего я попросилъ полковника объяснить эти доводы исправлявшему должность начальника главнаго штаба и указать, что сверхкомплектъ на войнѣ не можетъ быть вреденъ. На это я получилъ рѣзкій отвѣтъ, что все равно ничего не выйдетъ. Нечего дѣлать, пришлось обратиться къ протекціи, и черезъ часъ у меня въ рукахъ было письмо отъ

имени высокопоставленнаго лица, интересовавшагося моею судьбою. Я прождалъ около 4-хъ часовъ, пока не кончилось какое то засѣданіе, и наконецъ предсталъ передъ генераломъ вѣдавшимъ главнымъ штабомъ. Сперва онъ не пожелалъ и разговаривать, но когда я назвалъ отъ кого имѣю письмо, то оно было немедленно прочтено, и меня обнадежили назначеніемъ въ драгуны. 15 февраля, ровно черезъ двѣ недѣли со дня Резолюціи Государя Императора, состоялся Высочайшій Приказъ о моемъ назначеніи.

Въ одиннадцатъ дней я устроилъ свою семью, сдалъ три исправляемые мною должности на желѣзной дорогѣ, снарядился и 27 февраля уже выѣхалъ изъ Петербурга. Не могу обойти молчаніемъ оказаннаго мнѣ сочувствія со стороны сослуживцевъ по Управленію Петербурго-Варшавской желѣзной дороги въ отношеніи скораго освобожденія меня отъ служебныхъ обязанностей и напутствія на Д. Востокъ; не смотря на то, что я прослужилъ съ ними всего 8 мѣсяцевъ, они устроили мнѣ торжественныя проводы съ молебномъ, на которомъ священникъ благословилъ меня художественной работы складнемъ, съ выгравированной слѣдующей надписью: „Дорогому К. И. Дружинину Благословеніе сослуживцевъ по Управленію С.-Петербург-Варшавской ж. д.“. Я никогда не забуду столь сердечнаго отношенія ко мнѣ этихъ вѣрныхъ сыновъ Родины, тотчасъ же по объявленіи войны установившихъ вычетъ изъ своего содержанія на нужды войны, и слова благословлявшаго меня Отца:

„Ты, воинъ Константинъ, благую часть избралъ, ибо идешь на поле брани по собственному желанію, а больше сія никто же имать, какъ кто душу свою положить за други своя“. Какъ часто вспоминалъ я эти слова въ бояхъ и передавалъ ихъ солдатамъ, умиравшихъ за Вѣру и Родину на моихъ глазахъ. Дорогіе товарищи по Управленію дороги, вѣрьте, что я честно исполнилъ свой долгъ, и, если судьбѣ угодно было пощадить мою голову, то я въ этомъ неповиненъ, а наоборотъ съ своей стороны даже иногда

дѣлалъ все, чтобы найти себѣ славный конецъ на поляхъ Маньчжуріи.

Министерство Путей Сообщенія также оказало мнѣ всякое содѣйствіе по отправленію на Д. Востокъ; мнѣ выдали даровой билетъ 1-го класса до Портъ-Артура съ такими словами: „Вы нашъ служащій, и, хотя получите прогоны отъ военнаго вѣдомства, мы должны сами васъ доставить на театръ военныхъ дѣйствій“.

Собираясь въ походъ въ первый разъ въ жизни, я конечно былъ неопытенъ въ отношеніи практики походнаго снаряженія, и поэтому мнѣ пришлось порядочно побѣгать въ Петербургъ по всякимъ магазинамъ за предметами для похода. На меня произвело странное впечатлѣніе, что, куда бы я ни пришелъ, вездѣ видѣлъ исполненіе заказовъ Куропаткина для его походнаго двора. Кажется не было ни одного дорожнаго магазина, который не строилъ бы какіе нибудь погребцы, приборы и тому подобныя вещи—все въ массовомъ количествѣ и съ инициалами командующаго арміей. Этотъ походный шикъ производилъ, если не непріятное, то во всякомъ случаѣ странное впечатлѣніе. Продолжительные сборы Куропаткина вообще казались мнѣ неумѣстными, а тутъ еще эти погребцы; не лучше ли было немедленно прибыть на театръ военныхъ дѣйствій и поменьше думать о комфортахъ и собираніи овецъ и напутствій.

Не могу не коснуться дѣятельности главнаго штаба, насколько мнѣ пришлось наблюсти ее при своемъ опредѣленіи на службу. Армія бумажныхъ офицеровъ, застывшая въ своей канцелярской рутинѣ, повидимому нисколько не была воодушевлена войной и даже не интересовалась ею; наоборотъ, это событіе ей было болѣе чѣмъ непріятно, причиняя лишнее безпокойство; а слѣдовательно и тѣ люди, которые стремились попасть на войну, являлись въ этомъ отношеніи особенно несносными номерами. Помню, встрѣтилъ тамъ одного молодого человѣка, красавца, атлета по физическому строенію; вотъ что онъ сказалъ мнѣ: „помилюте, посмотрите на меня: развѣ я негоденъ для военной службы? средствъ мнѣ не нужно—я человѣкъ обезпеченный; здоровье мое адское, служилъ офицеромъ въ кавале-

ріи, страстный охотникъ, спортсменъ; а меня рѣшительно не хотять принять на службу, да главное и добиться какого нибудь путнаго отвѣта невозможно; придется искать протекціи“. Вѣроятно онъ такъ и сдѣлалъ, потому что я встрѣтилъ его на войнѣ офицеромъ. Не спору, что среди массы людей предлагавшихъ свои услуги для военного времени, а особенно среди стремившихся въ конныя части, было много совершенно негоднаго элемента, который, будучи принять, не принесъ отечеству никакой пользы, а только ввелъ казну въ большіе расходы. Однако не поощрять порыва сражаться вообще нельзя, и, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, главному штабу слѣдовало отнестись къ дѣлу серьезнѣе и примѣнить на примѣръ слѣдующія мѣры:

1. Прежде всего слѣдовало вообще отнестись сочувственно къ стремленію молодежи попасть на войну, какъ нижними чинами, такъ и офицерами.

2. Нижними чинами—волонтерами слѣдовало брать рѣшительно всѣхъ удовлетворявшихъ требованіямъ воинской службы, т. е. отказывать только физически слабымъ и преступнымъ; можно было дѣлать всякія снисхожденія въ возрастѣ, если только субъектъ оказывался крѣпкаго и сохранившагося здоровья. Вѣдь было ясно, что тотчасъ на театрѣ войны начнется убыль, и потребуются укомплектованія. Не служившихъ ранѣе въ войскахъ волонтеровъ слѣдовало привлекать на 2-хъ мѣсячное обученіе, для чего немедленно учредить особые пункты хотя бы въ числѣ трехъ: одинъ въ Европейской Россіи, одинъ въ западной и одинъ въ восточной Сибири, конечно на линіи желѣзной дороги въ Маньчжурію. Тогда была бы достигнута подготовка отличнаго боевого матеріала, шедшаго сражаться по призванію, при чемъ весь матеріалъ былъ бы на испытаніи, и въ теченіе двухъ-мѣсячнаго обученія легко было удалить негодный элементъ, искавшій лишь случая пристроиться на казенные хлѣба. Наборъ волонтеровъ конечно можно было допустить только въ пѣхоту, а не въ конныя части. Волонтеровъ изъ казаковъ можно было отправлять немедленно, при условіи аттестаціи войсковымъ начальствомъ.

3. Что касается до офицеровъ, то тутъ выборъ долженъ былъ быть очень строгимъ по той причинѣ, что большинство оставляющихъ ряды арміи офицеровъ вообще невысокаго качества, а многіе изъ числившихся даже въ запасъ были удалены изъ частей за неспособность, пьянство, карточную игру и вообще неблаговидные поступки. Такіе офицеры шли не изъ желанія сложить свою голову за Родину, а просто, чтобы вновь какъ нибудь устроиться и получать содержаніе. Я знаю массу такихъ и утверждаю, что они не выказали никакой доблести и на театрѣ военныхъ дѣйствій служили только обузой, или даже приносили вредъ арміи, а своимъ поступленіемъ на службу похитили массу казенныхъ денегъ, да еще стоили огромныхъ непроизводительныхъ расходовъ на свое содержаніе не только во время войны, но и долго послѣ нея (и сейчасъ въ 1908 году вѣроятно существуютъ такіе дармоѣды). Слѣдовало поступать такъ:

а. Не выдавать подъемныхъ и прогонныхъ денегъ, служившихъ главной приманкой, составляя для штабъ-офицера около 3.000, а для оберъ-офицера около 2.000 рублей. Надо было предложить всѣмъ экипировываться (коннымъ заводить лошадей) на свой счетъ и давать только предложеніе на проѣздъ по желѣзной дорогѣ и суточные деньги на весь путь—примѣрно на 6 недѣль. Затѣмъ уже можно было разрѣшить ближайшему начальству такихъ офицеровъ, по прослуженіи послѣдними непременно въ строю (а не въ штабахъ или личными адъютантами и ординарцами) нѣкотораго времени и при условіи участія въ бояхъ, ходатайствовать о выдачѣ имъ пособій на снаряженіе (коннымъ на лошадей и выюки), но конечно въ размѣрѣ не большемъ 500—600 рублей. Увѣренъ, что, при соблюденіи такой мѣры, государство сохранило бы въ своемъ казначействѣ много денегъ, а армія не получила бы много негоднаго матеріала, который шелъ на войну исключительно изъ личныхъ выгодъ и главнымъ образомъ изъ за матеріальнаго расчета, не будучи въ состояніи, по своей неспособности къ серьезному труду и по своей безнравственности, снискивать себѣ пропитаніе въ мирное время. Конечно человѣкъ, стремившійся

на войну ради выполнения великой заповѣди положить душу свою за други свои, даже бѣдный, нашель бы нѣсколько сотъ рублей, необходимыхъ для своего снаряженія, среди окружающихъ его членовъ общества, при существовавшемъ въ первое время военныхъ дѣйствій извѣстномъ воодушевленіи войною послѣдняго. И если бы такой достойный сынъ отечества принесть бы пользу, то правительство могло бы вознаградить его деньгами хотя бы и послѣ войны, а также обезпечить его семейство, если бы онъ положилъ свою голову на полѣ брани, или умеръ отъ ранъ или истощенія силъ. Давать же, какъ это дѣлалось въ 1904 году, щедрою рукою казенныя деньги всякимъ выгнаннымъ изъ полковъ за скандалы, пьянство, неблаговидные поступки и даже преступления, было крайне безнравственно.

б. Никоимъ образомъ не слѣдовало назначать добровольцевъ—офицеровъ въ кавалерію, т. е. въ казаки по слѣдующимъ причинамъ: на театрѣ военныхъ дѣйствій находилось всего 3 полка регулярной кавалеріи, а слѣдовательно ихъ всегда и съ избыткомъ можно было комплектовать офицерами изъ строя, которымъ приходилось отказывать, въ виду огромнаго числа желающихъ; ими же слѣдовало комплектовать и казачьи части, такъ какъ это были все надежные испытанные люди, и они такими и показали себя на войнѣ. Между тѣмъ именно среди добровольцевъ офицеровъ изъ запаса и даже изъ пѣхоты было наибольшее стремленіе попасть въ казаки по весьма простой причинѣ: бракованный, негодный матеріалъ понималъ, что въ кавалеріи была меньшая опасность попасть подъ дѣйствительный огонь (конечно при личномъ желаніи, но, къ сожалѣнію, это было на самомъ дѣлѣ). Я посмотрѣлъ бы, поѣхали ли бы такіе любители сражаться въ рядахъ стрѣлковъ подъ Ляояномъ, Шахэ-Бенсиху и Мукденомъ, гдѣ офицеры иногда погибали славною смертію до послѣдняго; конечно всѣмъ этимъ блестящимъ кавалеристамъ было несравненно отраднѣе получать свои награды подъ фирмами Ренненкампа, Мищенко и Самсонова. Такіе офицеры являлись настоящимъ бременемъ для сотенъ, въ которыя назначались, требуя лошадь, денщика, вѣстового и конечно на руки все до-

вольствіе лошади; въ развѣдкѣ они пользы не приносили, въ бою уклонялись, и все это совершенно безнаказанно, потому что, по сравненію съ пѣхотной боевой службой, были всегда внѣ фактическаго контроля своихъ начальниковъ.

Ни одной изъ перечисленныхъ мною мѣръ главный штабъ не озаботился. Онъ, правда, одинаково нелюбезно встрѣчалъ каждого офицера и старался его не допустить въ дѣйствующую армію, но за то молодежь обращалась къ протекціи и получала все, что искала, т. е. деньги и назначеніе въ казаки. Приведу нѣсколько примѣровъ: въ одинъ казачій полкъ прибыли три такихъ экземпляра; одинъ прослужилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ драгунскомъ полку нижнимъ чиномъ во время Турецкой войны 1878 года; затѣмъ былъ все время въ отставкѣ и теперь пожаловалъ въ чинъ хорунжаго, имѣя 50 лѣтъ отъ роду и принеся лишь познанія по драматическому искусству и полицейской службѣ; этому надо было расплатиться съ долгами; другой былъ удаленъ изъ пѣхоты за подозрительную игру въ карты, а третій, тоже преклоннаго возраста, даже неизвѣстно когда и гдѣ служилъ. Всѣ трое были въ самомъ скоромъ времени отправлены въ тылъ на нестроевую службу. Знаю подъесаула, который даже не доѣхалъ до полка, а сперва прилипъ къ одному штабу, потомъ къ другому, не слышалъ ни одной пули, прикинулся контуженнымъ, эвакуировался и долго разыгрывалъ героя не только въ Россіи, но и во Франціи. О сколько такихъ! За что были брошены на нихъ государствомъ не одна сотня тысячъ рублей!

Если мнѣ возразятъ, что, обставляя такъ строго и скупое дѣло поступленія въ армію волонтеровъ-офицеровъ, мы лишились бы можетъ быть многихъ изъ нихъ, то увѣренно повторяю, что мы могли комплектовать казаковъ изъ строя регулярной кавалеріи, а, отказавъ въ пріемъ выше обрисованнымъ типамъ, только избавили бы армію отъ негоднаго элемента. Тотъ, кто дѣйствительно хотѣлъ сражаться, сумѣлъ бы попасть на войну и не на казенныя деньги.

Мнѣ пришлось остановиться въ Москвѣ, и я былъ тамъ какъ разъ въ то время, когда отправившійся изъ С.-Петербурга командующій Русской Маньчжурской арміей прини-

маль напутствіе Первопрестольной Столицы, въ отвѣтъ на которое онъ изрекъ историческія слова: терпѣніе и терпѣніе. Откровенно сказать, въ то время я не обратилъ на нихъ никакого вниманія, и вотъ почему: война есть такое серьезное и страшное дѣло, которое несравненно болѣе, чѣмъ какое либо иное историческое событіе, зависитъ отъ слишкомъ разнообразнаго и безчисленнаго количества элементовъ, а потому предсказать заранѣе исходъ борьбы между двумя могущественными державами слишкомъ трудно, если не невозможно. Конечно, когда идетъ рѣчь о состязаніяхъ несоизмѣримыхъ по своимъ силамъ величинъ, напр. Турціи съ Греціей, Англіи съ Трансваалемъ, Европы съ Китаемъ, то врядъ ли можно сомнѣваться въ торжествѣ сильнѣйшаго надъ болѣе слабымъ, но ко времени открытія военныхъ дѣйствій на берегахъ Тихаго океана, въ началѣ 1904 года, не смотря на кажущуюся колоссальную мочь Россіи, всякій здравомыслящій человѣкъ понималъ, что именно на своей Дальне-Восточной окраинѣ она была слишкомъ уязвима, благодаря пространству и времени, потребнымъ для сосредоточенія ея силъ и средствъ, а маленькая Японія, равная однако по количеству народонаселенія Германіи, вѣроятно набралась силъ, если дерзнула посягнуть на честь и достоинство Европейскаго колосса. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, никакія рѣчи, фразы и слова, въ смыслѣ предсказанія результатовъ войны и даже ея хода, исходившія хотя бы и изъ устъ главнаго руководителя нашей вооруженной силы, призваннаго отстаивать честь и достоинство Россіи въ Манчжуріи, не могли имѣть никакого значенія. При той неподготовленности къ войнѣ на Дальнемъ Востокѣ и полномъ ея нежеланіи Россіи, при той, къ сожалѣнію, для нея полной неожиданности, какая оказалась на самомъ дѣлѣ, развѣ можно было что нибудь предвидѣть въ началѣ марта 1904 года?

Конечно, такая обстановка (туманная) никоимъ образомъ не должна была казаться русскимъ людямъ безнадежной, ибо нашъ славный историческій опытъ говорилъ, что наше отечество не разъ испытывало тягчайшія бѣдствія, но всегда выходило изъ нихъ торжествуя и побѣждая. Если даже

считать, что въ минувшемъ столѣтіи обѣ наши послѣднія войны: 1854—55 г.г. и 1877—78 г.г. были не удачны (послѣдняя только политически, потому что стратегически мы побѣдили, сокрушивъ армію врага и открывъ себѣ дорогу въ Константинополь), то развѣ затѣмъ мы не считали себя въ состояніи мѣряться силами съ цѣлой коалиціей перво-классныхъ Европейскихъ державъ одинъ на одинъ, потому что нашъ союзъ съ Франціей былъ заключенъ только въ самомъ концѣ столѣтія. Наконецъ, развѣ мы, Русскіе люди, не должны были имѣть увѣренность въ своихъ силахъ, въ своихъ мужествахъ и стойкости, проявленныхъ нами безчисленное число разъ во всѣхъ нашихъ войнахъ. Повторяю, обстановка не могла казаться намъ безнадежной.

Однако Куропаткимъ рѣшился что то сказать, или предсказать, и тогда слова его, принятые какъ нѣчто логическое и скромное, были комментируемы въ благопріятномъ для него смыслѣ, а именно: ихъ считали логическими, потому что нашъ вождь казалось заранѣе взвѣшивалъ трудность обстановки и указывалъ, что не гонится за быстрымъ успѣхомъ, что врагъ серьезенъ, а мы еще не готовы; скромными, потому что человѣкъ не хвалился идучи на рать, а даже заранѣе намекалъ на возможность своихъ неудачъ. Скажу однако смѣло, что такое благопріятное для Куропаткина толкованіе его словъ „терпѣніе и терпѣніе“ существовало только потому, что тогда еще никто не думалъ о возможности неблагополучнаго исхода кампаніи, а вообще къ серьезному и страшному дѣлу войны относились слишкомъ легко и несерьезно. А если бы этого не было, то каждый изъ насъ могъ изъ этихъ трехъ роковыхъ словъ Куропаткина увидѣть только одно, а именно: что Россія ввѣряла свою вооруженную силу человѣку совершенно неспособному побѣждать. Дѣйствительно, какъ могъ полководецъ, еще ѣхавшій къ своимъ войскамъ, оповѣстить всему міру, что прежде всего слѣдуетъ ожидать услышать о неудачахъ этихъ войскъ. Если бы возможность такихъ неудачъ и сознавалась бы самимъ полководцемъ, то онъ долженъ былъ держать это про себя, потому что во-первыхъ этихъ неудачъ еще не было, и слѣдовательно онъ могли

и не быть, а во-вторыхъ объявлять о нихъ устами наивысшаго на театрѣ военныхъ дѣйствій начальника и авторитета значило разрѣшить возможность неудачъ — поражений, ихъ узаконить. Роковые слова немедленно, еще до вступленія Куропаткина въ командованіе арміей, сдѣлались ея достояніемъ; они были первымъ воззваніемъ вождя къ бойцамъ, а между тѣмъ вотъ что они имъ сказали: „сейчасъ нашъ врагъ слишкомъ силенъ и грозенъ, а мы слишкомъ слабы и тягаться съ нимъ не можемъ; со временемъ, когда мы соберемся съ силами, то начнемъ дѣйствовать, но для этого нужно время и время; поэтому пока можно шадить себя и свои силы въ надеждѣ на будущее, когда подойдутъ другіе и насъ выручатъ“. И это сказалъ полководецъ, опытный воинъ, бывавшій во многихъ сраженіяхъ, ученикъ и сподвижникъ Скобелева! Но вѣдь такимъ воззваніемъ Куропаткинъ сразу посѣялъ среди своихъ войскъ зерно разврата! Любое сраженіе, даже самая ничтожная стычка, требуютъ отъ бойцовъ упорства, стремленія не уходить изъ боя и побѣдить во что бы то ни стало,—это есть стимулъ доблести и мужества; но въ то же время въ любомъ человѣческомъ организмѣ живетъ чувство самосохраненія, стремленіе избавиться отъ тягости боя, а потому официально высказанный намекъ на то, что сперва можно будетъ сдавать, и только впоследствии—позднѣе выполнять, конечно способствовалъ торжеству подлости человѣческой природы надъ ея доблестью. Отъ Тюрнечена до Ляояна въ Маньчжурской арміи повторяли только: замайвай и хо-ла-ла (по китайски „иди назадъ“). Какой жалкій примѣръ полководца, сумѣвшаго развратить свою армію, не доѣхавъ до нея на 10.000 верстъ!

Поэтому, думается мнѣ, въ Москвѣ говорилъ не полководецъ, шедшій сражаться во имя интересовъ Родины—Государства, а человѣкъ, на долю котораго случайно выпала частная задача, причемъ выполненіе послѣдней заключалось въ томъ, чтобы удовлетворить свои личные расчеты и интересы, хотя бы пріобрѣтеніемъ славы, почестей и популярности; а тогда, естественно, изъ чувства личнаго самосохраненія, ради желанія обезпечить себѣ путь отступ-

ленія на случай всегда возможныхъ неудачъ, и былъ сдѣланъ заблаговременно намекъ на эту возможность.

3-го марта, въ Москвѣ, я сѣлъ въ скорый поѣздъ и вплоть до самаго Иркутска ѣхалъ на войну съ такими же удобствами, какъ ѣздили въ Парижъ въ нордъ-экспрессъ. Въ одномъ вагонѣ со мною помѣстился одинъ генераль-лейтенантъ генеральнаго штаба, назначенный въ распоряженіе Намѣстника. Долженъ остановиться на этой личности, такъ какъ онъ самъ и вся его служба представляютъ рельефнѣйшую картину безотвѣтственной и бесполезной, но безумно оплачиваемой, службы многихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Онъ считался специалистомъ по желѣзнодорожному дѣлу и долго служилъ въ главномъ штабѣ, въ отдѣлѣ по передвиженію войскъ и военныхъ грузовъ, во времена министерства Ванновскаго; онъ готовился стать во главѣ отдѣла, но новый военный министръ Куропаткинъ назначилъ на это мѣсто своего кліента изъ Закаспійской области. Обойдя такимъ образомъ генерала прямымъ и естественнымъ назначеніемъ, его конечно отлично устроили въ смыслѣ положенія и содержанія. И вотъ при главномъ штабѣ явился генераль для порученій по стратегіи проведенія и эксплуатаціи нашей желѣзнодорожной сѣти; ежегодно онъ получалъ командировки и странствовалъ по нашимъ отдаленнымъ окраинамъ, представляя свои о нихъ отчеты и соображенія, получая за это конечно огромныя суточные и прогонныя. Въ китайскую войну онъ также устроился на Д. Востокъ, гдѣ занимался кажется эвакуаціей нашихъ войскъ; не мудрено, что и сейчасъ онъ уже стремился въ распоряженіе Намѣстника. Генераль весьма откровенно (ему и въ голову не приходило служебный развратъ его командировки) объяснилъ мнѣ, что надѣется быть назначеннымъ начальникомъ желѣзнодорожнаго отдѣла полевого штаба Намѣстника, а въ такомъ случаѣ имѣетъ получить столько то тысячъ содержанія и дотребовать столько то тысячъ прогонъ. Каждому даже не военному, а тѣмъ болѣе офицеру генеральнаго штаба, было ясно, что, если наша дѣйствующая армія базировалась на единственную нашу желѣзнодорожную линію въ Маньчжуріи, т. е. В. Китай-

скую дорогу, и при арміи былъ начальникъ военныхъ сообщеній, то уже его функцій было вполне достаточно для надзора въ военномъ отношеніи за дѣятельностью дороги; для Забайкальской и Уссурийской желѣзныхъ дорогъ, пролежавшихъ вдали отъ непосредственнаго тыла арміи, конечно, заглаза было дѣятельности завѣдывающихъ передвиженіемъ войскъ въ Иркутскъ и Хабаровскъ. Но генералу вѣдь было нужно: быть на войнѣ, имѣть соотвѣтствующее его рангу положеніе и въ особенности обогатиться казенными деньгами. Ясно, что онъ страстно желалъ получить такое мѣсто. Повидимому однако онъ еще не зналъ какъ себя держать. Въ глубинѣ души онъ не могъ не сознавать, что путешествіе его на войну по крайней мѣрѣ бесполезно; кромѣ того онъ не былъ увѣренъ въ своемъ назначеніи на названную должность при Намѣстникѣ *); поэтому разыгрывать роль высокопоставленнаго начальника было еще рано; но, привыкнувъ вообще считать себя начальникомъ на желѣзныхъ дорогахъ и предвкушая вѣроятное назначеніе, онъ иногда все-таки проявлялъ свое значеніе и власть, осматривая слѣдовавшіе эшелоны войскъ, продовольственные пункты и т. п. Конечно онъ находилъ все въ полномъ порядкѣ; главное же занятіе генерала состояло въ томъ, чтобы отослать съ дороги 150 открытокъ, потому что его провожало въ Петербургъ ровно 150 человѣкъ знакомыхъ. Подѣзжая къ Иркутску, генераль началъ болѣе входить въ роль особы и послалъ приказаніе полковнику генеральнаго штаба, завѣдывавшему передвиженіемъ войскъ, о предоставленіи ему въ дальнѣйшемъ пути отдѣльнаго вагона съ особымъ фонаремъ (стеклянная веранда), изъ котораго, говорилъ мнѣ генераль, такъ удобно любоваться видами Забайкальской дороги. Увы, полковникъ не только не испол-

*) Еще до войны былъ возбужденъ грандіозный проектъ представительства Намѣстничества при желѣзныхъ дорогахъ района Намѣстничества, не получившій къ счастью своего осуществленія. Тѣмъ не менѣе желѣзнодорожный отдѣлъ при Намѣстникѣ былъ уже сформированъ, и начальникомъ его назначенъ инженеръ-полковникъ (небывалый случай — не офицеръ генеральнаго штаба), а потому генераль, нацѣливаясь на это мѣсто, справедливо опасался, что ему его не уступятъ.

нить приказанія, но даже не потрудился выѣхать навстрѣчу, и генераль былъ вынужденъ самъ ѣхать въ его управленіе, находившееся далеко отъ вокзала, на другомъ берегу рѣки. Сколько навѣрное было хлопотъ и этому управленію и управленію дороги, а также телеграфу, по доставленію и отправленію тысячей распоряженій и донесеній военной командной власти. На мой естественный вопросъ, какъ можетъ устраиваться въ столь горячее время военный агентъ, состоящій при дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ вокзала, генераль убѣжденно отвѣтилъ мнѣ: „конечно ему такъ удобнѣе въ смыслѣ своей квартиры“.

Отъ самой Москвы мы все время обгоняли воинскіе поѣзда со стрѣлками, экстренно высланными изъ Европейской Россіи на формированіе третьихъ баталіоновъ стрѣлковыхъ сибирскихъ полковъ; это былъ отборный народъ, ѣхавшій весело, съ большимъ воодушевленіемъ. Я встрѣтилъ также много—слишкомъ много—санитарныхъ поѣздовъ и отрядовъ Краснаго Креста; всѣ они могли бы пріѣхать значительно позднѣе, и боевой элементъ былъ нужнѣе; правда ихъ потомъ задерживали по всей линіи.

Одинъ разъ ночью въ нашъ поѣздъ ворвались три пьяныхъ офицера, отставшихъ отъ своихъ эшелоновъ, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ даже ротнымъ командиромъ (! !). Озеро Байкаль мы переѣхали при чудной погодѣ. По льду тянулись колонны укомплектованія стрѣлковъ, и, о удивленіе, за ними ѣхали подводы съ громоздкими сундуками солдатскихъ вещей (точно шли не воевать, а устраиваться на квартирахъ). Къ чему ташили съ собой этотъ ненужный скарбъ, загружая имъ сперва вагоны, а потомъ платформы станцій, совершенно не понимаю. За Байкаломъ мы ѣхали уже гораздо тише, со скоростью воинскихъ поѣздовъ, внѣ всякаго распisanія вслѣдствіе забитости станцій. Генераль считалъ, что нашъ вагонъ предоставленъ въ его распоряженіе и держалъ себя хозяиномъ, но на него не обращали никакого вниманія, а набравшіеся въ вагонъ офицеры держали себя довольно неприлично и въ особенности грязно, такъ что дѣлалось противно входить въ уборныя; должно быть они считали, что надо было, въ видѣ подго-

товки къ военнымъ дѣйствіямъ, держать себя по нахальнѣе и по грязнѣе. Однако воодушевленія они выказывали немного. Одинъ—изъ запаса, сдѣлавшій уже китайскій походъ и носившій анненскій темлякъ, говорилъ, что устроится въ качествѣ знающаго иностранные языки въ какомъ нибудь тыловомъ штабѣ, а другой выражалъ сомнѣніе въ возможности розыскать свой полкъ и также просилъ устроить его въ тылу.

ГЛАВА II.

Служба по охранѣ побережія Ляодунскаго залива, въ составѣ Приморскаго драгунскаго полка, съ 22-го марта по 11-е апрѣля.

Въ Мукденѣ помѣщалась главная квартира Намѣстника, и мы разстались съ генераломъ. На прощаніе онъ сказалъ мнѣ, что получилъ ожидаемую должность, хорошую квартиру и надѣется имѣть отличный столъ (за обѣдомъ играетъ музыка). Я продолжалъ свой путь съ необыкновенной медленностью, выжидая на каждой станціи по нѣсколько часовъ; только въ Ляоянѣ—штабъ-квартирѣ Куропаткина—поѣздъ проскочилъ довольно скоро, и я не получилъ никакихъ указаній на станціи, куда направиться, но, руководствуясь свѣдѣніями, данными мнѣ еще въ Петербургѣ однимъ товарищемъ служившимъ въ главномъ штабѣ, попалъ совершенно точно въ мѣсто расположенія Приморскаго драгунскаго полка: одинъ эскадронъ стоялъ въ Гайчжоу, а три въ д. Баосичжай, въ нѣсколькихъ верстахъ.

На станціи Ляоянѣ, въ поѣздѣ очутилась супруга командира полка полковника Воронова, которая, какъ сказали мнѣ, на свой собственный счетъ сформировала санитарный транспортъ изъ двуколокъ, для сопровожденія въ бою полка и вывоза раненыхъ. Всякое лишнее колесо является обузой въ кавалерійской части; согласно штатовъ, при каждой части существуютъ опредѣленные санитарныя средства. По опыту пережитой кампаніи говорю, что кавалерія, при дѣйствіяхъ въ гористой мѣстности, не можетъ пользоваться двуколками,

а возить съ собой только вьюки. Поэтому устройство, хотя бы и на собственный счетъ командира полка, какого бы то ни было санитарнаго обоза не можетъ быть полезно. Кромѣ того, когда сіе учрежденіе подвѣдомственно женѣ командира полка, то оно является безусловно вреднымъ, такъ какъ конечно оказалось, что не это учрежденіе существовало для полка, а полкъ существовалъ для санитарнаго обоза госпожи Вороновой. Затѣмъ присутствіе супруги командира полка въ походѣ не терпимо и составляетъ нарушеніе кореннаго принципа—воевать безъ женщинъ и семействъ. Впослѣдствіи я узналъ отъ товарищей по полку, что Евдокія Воронова проявила необыкновенное мужество, дѣйствуя въ бою съ своимъ транспортомъ, но, къ сожалѣнію, это ея мужество не передалось ея супругу, который старательно избѣгалъ каждаго сраженія вообще и настойчиво уводилъ полкъ изъ подъ огня, когда случайно имъ командовалъ при такомъ непріятномъ обстоятельствѣ. Я знаю также, что санитарный полковой транспортъ былъ оборудованъ совсѣмъ не на средства жены командира полка, а на какія то пожертвованія, и содержался за счетъ полка и вычетовъ изъ содержанія офицеровъ; ликвидація этого транспорта, сдѣланная еще во время войны, подозрительна.

Я былъ принятъ командиромъ полка очень оригинально: онъ заявилъ, что мое назначеніе въ полкъ крайне неудобно, такъ какъ я могу помѣшать старшему штабъ-офицеру его получить, въ виду скорого производства въ генералы самого Воронова; что у него вообще принципъ отправлять всѣхъ назначаемыхъ въ полкъ изъ Европейской Россіи офицеровъ въ Раздольное (близъ Владивостока), т. е. въ штабъ-квартиру полка, гдѣ формируются пополненія; а главное, что въ настоящую минуту онъ, Вороновъ, командуетъ большимъ отрядомъ, а командующимъ полкомъ состоитъ старшій штабъ-офицеръ, которому придется уступить командованіе мнѣ, что онъ считаетъ несправедливымъ. Я доложилъ, что пріѣхалъ на войну конечно не для того, чтобы формировать укомплектованія въ Раздольномъ, и не имѣю претензіи немедленно вступить въ командованіе пол-

комъ, потому что мнѣ надо сперва осмотрѣться. Тогда командиръ нѣсколько смягчился и даже обѣщалъ хлопотать о скорѣйшемъ назначеніи меня командиромъ Уссурійскаго казачьяго полка, командующій которымъ, полковникъ Данауровъ, былъ безнадежно боленъ; пока же онъ приказалъ мнѣ вступить въ командованіе заставой на станціи Гайчжоу, въ составѣ одной роты стрѣлковъ и одного эскадрона драгунъ, куда и отправилъ меня немедленно. Во всякомъ случаѣ я вынесъ впечатлѣніе, что Вороновъ постарается возможно скорѣе отъ меня избавиться, что и не замедлило случиться. Считаю нужнымъ разсказать о карьерѣ этого военнаго начальника. Вороновъ сперва воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ (два года мы были съ нимъ въ одномъ классѣ); изъ шестого класса онъ былъ исключенъ за дурное—безнравственное поведеніе. Не смотря на то, что онъ былъ очень слабъ въ наукахъ, ему удалось въ томъ же году сдать экзаменъ въ младшій классъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, гдѣ въ то время принимали и совсѣмъ полуграмотныхъ. Черезъ два года онъ вышелъ въ Л. Гв. Гусарскій ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полкъ, въ которомъ необыкновенно быстро выслужилъ чинъ полковника и такимъ образомъ обогналъ всѣхъ своихъ товарищей по Пажескому корпусу, даже кончившихъ академию. Служа въ гусарахъ, онъ прожилъ все свое состояніе и продолжать службу въ гвардіи не могъ. Тогда его устроили въ роли какого то инструктора при войскахъ Китайскаго Богдыхана (а, какъ онъ разсказывалъ самъ, въ роли главнаго его совѣтника!). За это время ему удалось жениться на дочери одного купца миллионера, имѣвшаго свое состояніе на Д. Востокѣ. Тогда онъ рѣшилъ, что ему выгоднѣе продолжать службу на Д. Востокѣ, и ему благоволили предоставить Приморскій драгунскій полкъ. Зная этого господина еще съ дѣтства за довольно порядочное ничтожество, я мало надѣялся на его доблесть, но то, что мнѣ пришлось услышать про его постоянныя уклоненія отъ боевъ, превзошло всякое ожиданіе. Конечно я не зналъ, что это былъ человѣкъ весьма сильный въ Маньчжурской арміи, какъ близкій родственникъ будущей супруги начальника штаба арміи Г. Л. Сахарова.

Боевая задача заставы на станціи Гайчжоу состояла въ томъ, чтобы воспрепятствовать противнику произвести десантъ въ устьи протекавшей здѣсь рѣки (4—5 верстъ отъ станціи), вѣроятный по важности значительнаго желѣзнодорожнаго моста. Штабомъ 1-го Сибирскаго корпуса было сообщено, что такая попытка со стороны противника тѣмъ болѣе вѣроятна, что городъ Гайчжоу, съ 15—20-ю тысячами жителей, расположенный въ двухъ верстахъ отъ станціи, считается особенно неблагонадежнымъ, по своему сочувствію японцамъ. Застава поддерживала связь конными постами съ городомъ Инкоу, гдѣ стоялъ особый отрядъ, и была связана телефоннымъ сообщеніемъ съ д. Баосичжай, гдѣ стоялъ резервъ отряда, и со станціей Дашичао, гдѣ былъ расположенъ штабъ корпуса. Телефонные провода шли по телеграфнымъ столбамъ, и индукція телеграфнаго тока до крайности затрудняла разговоръ, для производства котораго нужно было обладать особенно сильными легкими. По телефону почти безъ перерыва передавались: приказанія и запросы штаба корпуса, донесенія и запросы штаба отряда въ штабъ корпуса и на заставу, результаты всѣхъ наблюденій на побережьи о проходѣ даже самыхъ мелкихъ судовъ, всякія распоряженія командира драгунскаго полка по хозяйству полка, а больше всего по формированію транспорта его супруги. Хотя я отлично говорю по телефону вообще, но, для выполненія всего вышесказаннаго, конечно моихъ легкихъ не хватало; да и не могъ же я сидѣть безсмѣнно у телефона, исполняя иныя служебныя обязанности. Командиръ полка кажется въ первый же день моего командованія заставой сдѣлалъ мнѣ внушеніе за неисправность телефоннаго сообщенія и запретилъ мнѣ лично говорить съ нимъ, находя мою рѣчь непонятной, хотя я очень удачно переговаривался со штабомъ корпуса, и тамъ меня отлично понимали. Такъ какъ находившіеся въ моемъ распоряженіи нижніе чины не были способны принимать серьезныя приказанія, и въ особенности ихъ записывать, а спеціалисты изъ желѣзнодорожнаго баталіона были заняты постояннымъ ремонтомъ линіи, то пришлось сдѣлать нарядъ офицеровъ эскадрона и обязать ихъ дежурить у телефона,

что впрочем не могло быть затруднительно для четырехъ человекъ, которые не несли кромѣ того рѣшительно никакой службы. Меня крайне удивило, что офицеры выразили нѣкоторое неудовольствіе и начали исполнять службу довольно небрежно.

Кромѣ обязанностей начальника заставы, я исполнялъ еще обязанности начальника гарнизона станціи Гайчжоу, состоявшаго изъ сотни и полуроты пограничной стражи и командъ хлѣбопеконъ и обозовъ двухъ стрѣлковыхъ полковъ; эти части требовали постоянного наблюденія за порядкомъ въ нихъ, а въ особенности въ дни праздника Пасхи. Приходилось еще по нѣсколько разъ въ день встрѣчать поѣзда съ высокопоставленными особами: Намѣстникомъ, ѣздившимъ въ Артуръ, командующимъ арміей, бригаднымъ командиромъ, начальникомъ отряда. Но вообще служба шла благополучно. Въ продолженіе 10 дней моего командованія въ Гайчжоу произошли двѣ ложныхъ тревоги, но оба раза онѣ произведены вопреки мнѣ лично. Въ первый разъ, въ одиннадцатомъ часу ночи, на станцію прискакалъ посланный командиромъ выдвинутой на самый берегъ моря стрѣлковой роты драгунъ и доложилъ мнѣ категорически: „японцы начали высадку“. Я усумнился въ этомъ донесеніи и не произвелъ бы тревоги, не провѣривъ его, но, къ сожалѣнію, его услышалъ сидѣвшій рядомъ въ комнатѣ сильно выпившій ротмистръ Бзаджіевъ, который, не спрося у меня, побѣжалъ къ телефону и донесъ о начатой японцами высадкѣ, какъ въ штабъ корпуса, такъ и въ штабъ отряда, а затѣмъ самъ же приказалъ полуэскадрону сѣдлатъ. Тревога распространилась на станцію, и начальникъ станціи спрашивалъ нужно ли эвакуировать станцію. Не удивляюсь, что этотъ статскій человекъ началъ беспокоиться, потому что пьяный ротмистръ и столь же пьяный стрѣлокъ — начальникъ хлѣбопеконъ — производили адскую суету и шумъ. Мнѣ пришлось подтянуть обоихъ, но во всякомъ случаѣ имъ удалось произвести почти панику. Очень скоро получилось донесеніе, что произошла ошибка, и никакой высадки не производится; я распустилъ ихъ на ночлегъ и успокоилъ станцію. При полученіи этого донесенія

несенія, ротмистръ Бзаджіевъ опять поступилъ, вѣроятно спьяна, довольно странно, чтобы не сказать преступно. Въ моментъ полученія донесенія онъ находился въ помѣщеніи телефона, а я былъ на платформѣ станціи (шаговъ 40 разстоянія); конвертъ былъ адресованъ конечно на мое имя, но ротмистръ его распечаталъ и тотчасъ же, опять не докладывая мнѣ, сообщилъ содержаніе въ штабъ отряда и въ штабъ корпуса. Когда я пришелъ случайно въ помѣщеніе телефона, то засталъ его уже оканчивающимъ переговоры. Я слѣлалъ ему соответствующее внушеніе и въ отвѣтъ получилъ дерзкое заявленіе, что онъ болѣе никогда не станетъ разговаривать по телефону. Конечно мнѣ слѣдовало поступить съ нимъ по закону, но я зналъ, что ничего не добьюсь и только получу непріятности, а потому оставилъ дѣло безъ послѣдствій. Когда я пріѣхалъ на разсвѣтъ на берегъ моря, то узналъ, что дѣйствительно въ темнотѣ какія то шлюпки подъѣзжали къ берегу и высаживали людей (слѣды ногъ были видны при отливѣ), но черезъ нѣсколько минутъ отплыли. Надо замѣтить, что стоявшая на берегу рота стрѣлковъ, при одномъ офицерѣ, несла безсмѣнно крайне тяжелую службу, и потому нѣсколько нервное состояніе ея начальника было понятно. Слѣдовало или усилить составъ заставы, или хотя бы смѣнять передовую часть изъ резерва.

Вторая тревога произошла слѣдующимъ образомъ. Съ утра начали поступать донесенія, что какое то судно то приближается къ берегу, то удаляется отъ него, а вечеромъ съ него начали дѣлать промѣры; ночью, въ устьѣ рѣки вошло нѣсколько шлюпокъ. Всѣ эти донесенія были весьма сомнительны, но, не смотря на это, полковникъ Вороновъ выслалъ изъ резерва на подкрѣпленіе 1 роту, 2 эскадрона и 2 конныхъ орудія, прибывшіе къ разсвѣту. Когда я узналъ объ этомъ распоряженіи, то отправился на угрожаемое мѣсто съ своимъ полуэскадрономъ и конечно никакой высадки не видѣлъ. Правда, что китайцы занимались сигнализацией съ берега съ стоявшимъ въ открытомъ морѣ судномъ, но поймать сигнализовавшихъ не удалось.

Замѣтивъ крайнюю нервность начальника отряда (пол-

ковника Воронова) я пересталъ доносить по вечерамъ о наблюденіяхъ на побережіи и поэтому избавился отъ ложныхъ тревогъ. Помню, что, когда разъ вновь поступили весьма тревожныя донесенія, я ограничился тѣмъ, что самъ провелъ ночь на наблюдательномъ посту.

Между тѣмъ телефонная служба шла все хуже и хуже, потому что офицеры явно отъ нея уклонялись, а я выбивался изъ силъ, часами напрягая свои легкія. Наконецъ я написалъ командиру полка, чтобы онъ внушилъ своимъ офицерамъ необходимость исполнять свои служебныя обязанности, на что послѣдовалъ словесный отвѣтъ черезъ одного изъ офицеровъ, что въ распоряженіи полковника имѣются саперы-телефонисты и трубачи. Слѣдовательно, Вороновъ освобождалъ моихъ подчиненныхъ отъ возложенныхъ на нихъ мною служебныхъ обязанностей, чѣмъ во-первыхъ нарушалъ интересы обороны побережія, а во-вторыхъ самъ подрывалъ дисциплину среди своихъ офицеровъ, другими словами развращалъ ихъ. Такъ какъ отъ исправности передачи распоряженій по телефону зависела не только оборона Гайчжоу, но и всей двадцативерстной линіи обороны отряда, то я не могъ допустить въ военное время такое упущеніе и написалъ донесеніе начальнику отряда генераль-маіору Зыкову (Вороновъ уже былъ смѣщенъ съ этой должности и оставался только командиромъ полка), что Вороновъ уволилъ моихъ офицеровъ отъ обязанностей говорить по телефону, а поэтому ручаться за правильность и точность телефоннаго сообщенія не могу. Въ отвѣтъ на это я получилъ приказаніе привлечь офицеровъ къ службѣ на телефонѣ но на слѣдующій же день прибылъ изъ резерва штабъ-офицеръ полка и передалъ мнѣ приказаніе начальника отряда (конечно по пропискамъ Воронова) сдать командованіе заставой ему, а самому явиться въ штабъ полка. Мнѣ разрѣшили отправиться на слѣдующій день, потому что я чувствовалъ себя нездоровымъ.

Какъ разъ въ это время штабъ корпуса началъ опасаться покушеній противника въ окрестностяхъ станціи Сюніочень (къ югу отъ ст. Гайчжоу) и спѣшно сформиро-

валь тамъ отрядъ изъ 1 баталіона, 2 эскадроновъ и 4 пѣшихъ орудій. Узнавъ, что я сдалъ командованіе въ Гайчжоу (о чемъ я донесъ), начальникъ штаба корпуса запросилъ, какое мнѣ дано въ отрядѣ Зыкова назначеніе. Я слышалъ, какъ Вороновъ приказалъ передать по телефону, что я боленъ, но я передалъ самъ, что выздоровѣлъ. И дѣйствительно, можно было побереечь себя однѣ сутки въ то время, когда я былъ совершенно ненуженъ для службы, но когда вопросъ коснулся командованія отрядомъ тамъ, гдѣ ожидалось дѣло, то я конечно не думалъ о своемъ здоровьи. Немедленно послѣдовало приказаніе командира 1-го Сибирскаго корпуса Г. Л. Гернгросъ, ѣхать въ Сюніочень и вступить въ командованіе отрядомъ. Напрасно подполковникъ Афанасьевъ увѣрялъ меня, что командиръ полка Вороновъ будетъ недоволенъ моимъ назначеніемъ, и совѣтывалъ мнѣ дожидаться пріѣзда послѣдняго, я считалъ нужнымъ исполнить приказаніе старшаго начальника и отправился немедленно. Вороновъ же немедленно полетѣлъ въ Ляоянь—конечно жаловаться на меня (а, какъ я узналъ потомъ, ему было кому жаловаться).

Въ Сюніочень я прокомандовалъ 11 дней, ознакомился съ мѣстностью и началъ серьезныя развѣдки на югъ въ направленіи къ Вафангоу. Все шло очень успѣшно, но неожиданно пришла телеграмма начальника отряда такого содержанія: „полковнику Дружинину сдать командованіе отрядомъ и явиться въ Ляоянь, въ штабъ арміи“. Слѣдовательно, происки Воронова увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Итакъ, не смотря на военное время, на серьезное дѣло, отъ котораго зависила честь родины, въ нашей несчастной арміи продолжались интриги, наушничанія, и вообще занимались какими то дразгами и мелочами. Недоброе предчувствіе охватило меня: вы шутите, господа генералы, а японцы не шутятъ, и посмотримъ хорошо ли пойдутъ у васъ дѣла. Я сдалъ командованіе, какъ было приказано, командиру стрѣлковаго баталіона и выѣхалъ въ Ляоянь.

ГЛАВА III.

Четыре дня штабного Ляояна, съ 12-го по 15-е апрѣля.

По дорогѣ мнѣ встрѣтился товарищъ по корпусу, взявшійся пріютить меня въ казармахъ желѣзнодорожнаго баталіона. Пославъ туда свои вещи, я самъ съ вокзала отправился въ штабъ къ генераль-квартирмейстеру, который послалъ меня къ одному изъ своихъ офицеровъ генеральнаго штаба, а послѣдній объяснилъ, что мнѣ поручены стратегическія рекогносцировки всѣхъ путей отъ Ляояна къ Гайчжоу и далѣе къ Вафангоу и Вафандяну, для чего въ мое распоряженіе давали 3-хъ офицеровъ генеральнаго штаба. Для выполненія работы былъ данъ весьма краткій срокъ времени, и работа считалась крайне спѣшной. Всякому теперь понятно, насколько серьезно было возложенное на меня порученіе, ибо въ намѣченномъ для рекогносцировки районѣ и произошли всѣ операциі южной группы нашей арміи: Вафангоу, Дашичао, Айсянчанъ; такъ какъ, кромѣ путей, мнѣ было предписано лично рекогносцировать всѣ позиціи, то можетъ быть моя работа, если бы я ее выполнилъ, принесла бы существенную пользу нашей арміи, но, какъ увидятъ читатели, мнѣ не суждено было принять на себя отвѣтственность за все, что произошло въ указанномъ районѣ. Я былъ вынужденъ заявить, въ виду спѣшности начала работъ, что не успѣю скоро купить себѣ лошадей, такъ какъ командиръ полка (совершенно незаконно) отобралъ у меня всѣхъ полагавшихся мнѣ казенныхъ лошадей, и вѣроятно не скоро вышлетъ мнѣ мои собственные деньги, сланные ему на храненіе. Мнѣ обѣщали сдѣлать распоряженіе о возвращеніи мнѣ лошадей и вѣстовыхъ.

Было уже темно, когда я покинулъ штабъ и пошелъ на вокзалъ поѣсть. Товарищъ, съ которымъ я пріѣхалъ, пригласилъ меня къ столу, гдѣ сидѣло нѣсколько его сослуживцевъ и между ними нѣсколько женщинъ-пѣвицъ изъ кафе-шантана. Меня угостили виномъ, на что я отвѣтилъ тѣмъ же, но вообще пили очень немного. Когда, поужинавъ, мы отправлялись домой, то одна изъ женщинъ про-

сила насъ проводить ее, и мой товарищъ сказалъ, что это было намъ по дорогѣ (я не имѣлъ никакого представленія объ улицахъ Ляояна). Мы сѣли каждый на рикшу и поѣхали. Было совершенно темно. Скоро рикши остановились около какого то зданія (позднѣе я узналъ, что это было только что закрытое распоряженіемъ начальства увеселительное заведеніе шато-де-флёръ). Едва я сталъ на землю, какъ меня окликнулъ часовой и сказалъ, что входъ воспрещается. Я отвѣтилъ ему, что и не собираюсь никуда заходить, а ѣду дальше. Въ ту же минуту изъ темноты вынырнула фигура молодого офицера, который, приблизившись ко мнѣ, грубымъ голосомъ крикнулъ на меня: „сюда входъ воспрещается“, и повернулся, чтобы уходить. Я сказалъ ему: „г. офицеръ, пожалуйста сюда; вы вѣрно не видите, что говорите штабъ-офицеру“. Онъ вторично заоралъ: „повторяю, входить нельзя“. Тогда я крикнулъ на него: „возьмите подъ козырекъ“. Онъ еще болѣе возвысилъ голосъ и закричалъ: „держите сами подъ козырекъ, потому что я передаю приказаніе командующаго арміей“. Я сказалъ ему: „приказываю вамъ, какъ полковникъ, взять подъ козырекъ и разговаривать вѣжливо“. На это офицеръ сказалъ: „я буду на васъ жаловаться“, повернулъ мнѣ спину и ушелъ.

Я привыкъ вообще къ безобразному поведенію нашихъ офицеровъ въ отношеніи дисциплины и вѣжливости, и поэтому этотъ безобразнѣйшій фактъ меня не удивилъ, а начать разслѣдованіе было некогда, и я рѣшилъ забыть о немъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня я нашелъ себѣ мѣсто въ поѣздѣ, отвозившемъ на ст. Гайчжоу телеграфную роту, и такимъ образомъ могъ съ полудня приступить къ возложенной на меня работѣ. Я уже сидѣлъ въ вагонѣ, когда посыльный нижній чинъ вручилъ мнѣ экстренный конвертъ отъ коменданта главной квартиры, требовавшего меня немедленно къ себѣ по дѣламъ службы. Я отправился къ нему и былъ встрѣченъ болѣе чѣмъ нелюбезно. Вотъ нашъ разговоръ:

Полковникъ Розальонъ - Сошальскій. — Почему, прибывъ въ Ляоянь, вы мнѣ не явились?

Полковникъ Дружининъ. — Я былъ вчера у васъ, но не засталъ васъ дома.

— Р.-С. — Вы должны были оставить свой адресъ въ книгѣ моей канцеляріи, а то я долженъ былъ васъ розыскивать.

— Д. — Я не могъ оставить своего адреса, потому что не зналъ гдѣ остановлюсь, и спѣшилъ явиться въ штабъ по служебному требованію.

Р.-С. — У васъ былъ инцидентъ съ моимъ офицеромъ, на котораго вы позволили себѣ кричать, и онъ принесъ на васъ жалобу.

Д. — Наоборотъ, вашъ офицеръ позволилъ себѣ противъ меня дисциплинарный проступокъ.

Розальонъ-Сошальскій повернулся къ двери и вызвалъ офицера (не помню его фамиліи), котораго спросилъ: „этотъ полковникъ“? Тотъ отвѣтилъ: „этотъ“, и былъ отпущенъ.

Р.-С. — О вашемъ поступкѣ доложено командующему арміей, и онъ приказалъ вамъ явиться къ нему въ три часа дня сегодня.

Я видѣлъ, что разговаривать съ этимъ зазнавшимся господиномъ не стоило, и ушелъ, но, такъ какъ приказаніе командующаго арміей заставляло меня нарушить приказаніе генераль-квартирмейстера: немедленно отправиться въ Гайчжоу, то я направился къ послѣднему и доложилъ ему обо всемъ. Генераль Харкевичъ приказалъ мнѣ оставаться въ Ляоянѣ, а на мой вопросъ, какъ же будетъ теперь съ порученными мнѣ стратегическими рекогносцировками, не задумываясь, отвѣтилъ: „поручимъ (или найдемъ) другому“.

Итакъ, слѣдовательно, благодаря интригѣ командира полка меня отстранили отъ обороны и наблюденія побережія, что я исполнялъ вполнѣ успѣшно, а теперь, благодаря дерзости и не дисциплинѣ какого то мальчишки, исполнявшаго функціи въ главной квартирѣ особы командующаго арміей, меня отставили отъ серьезнѣйшаго дѣла рекогносцировокъ будущихъ полей сраженія и путей наступленія японскихъ армій съ юга. Я догадался, что участь моя рѣшена, т. е. рѣшено отъ меня избавиться; и еще бы: бывший военный министръ, много способствовавшій моему удаленію изъ

арміи въ мирное время, конечно не былъ доволенъ моимъ возвращеніемъ въ ея ряды помимо его желанія. Меня уже успѣлъ очернить въ его глазахъ Вороновъ, а теперь былъ такой благоприятный случай выставить меня просто скандалистомъ (не надо забывать, что именно наше офицерство страдало на войнѣ двумя пороками—безнравственностью и пьянствомъ, за что его караетъ и общественное мнѣніе). Я не ошибался.

Въ 3 часа дня меня впустили въ роскошный павильонъ, охраняемый почетными часовыми, меблированный специально для нѣсколькихъ часовъ пріемовъ Куропаткина, потому что онъ жилъ въ поѣздѣ стоявшемъ тутъ же на особомъ тупикѣ. Изящная мебель, ковры, люстры—все въ новомъ стилѣ—производили отвратительное впечатлѣніе *): идетъ война, а командующій обставляетъ себя такою роскошью, забывая, что не роскошною мебелью, люстрами и гардинами завоевывается на театрѣ военныхъ дѣйствій, да и гдѣ бы то ни было, престижъ и авторитетъ начальника. Вошелъ Куропаткинъ, и вотъ какъ мы бесѣдовали:

Прежде всего онъ прочиталъ мнѣ докладъ начальника штаба арміи, сущность котораго гласила: полковникъ Дружининъ, согласно донесенія командира полка, возмутить противъ себя самого командира и все общество офицеровъ, а потому полковникъ Вороновъ просить или сдать полкъ, или убрать полковника Дружинина; въ чемъ состояли мои провинности сказано не было, а просто указывалось, что я былъ возмутительнымъ человѣкомъ. Затѣмъ мнѣ милостиво предоставили сказать кое что въ свое оправданіе, почему я изложилъ подробно все выше сказанное о проступкахъ офицеровъ, обслуживаніи ими телефона и придиркахъ ко мнѣ Воронова. Куропаткинъ нѣсколько разъ только проговорилъ одно слово: „странно“, а, когда я кончилъ, то добавилъ: а вотъ еще жалоба коменданта главной квартиры, свидѣтельствующая о вашемъ безобразномъ поведеніи“. На это я доложилъ: „оправдываться по этой клеветѣ я не буду;

*) Китайская ж. дорога заплатила за меблировку квартиры Намѣстника, въ Мукденѣ, и Куропаткина, въ Ляоянѣ, 50.000 рублей.

если угодно допросите тѣхъ, кто были со мною, и вамъ скажутъ, что ничего подобнаго не было“. На это послѣдовалъ отвѣтъ: „я дознанія дѣлать не буду, а, по докладу начальника штаба арміи, вы подлежите высылкѣ изъ предѣловъ арміи“. Вся кровь бросилась мнѣ въ голову, но въ силу дисциплины я сдержалъ себя и сказалъ: „Слушайте, Ваше Высокопревосходительство, я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы дѣлать карьеру, которую въ своей жизни уже сдѣлалъ дважды: одинъ разъ въ арміи, о чемъ извѣстно В-му В-ву, а затѣмъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія, о чемъ можете справиться. Сюда я прибылъ только для того, чтобы сложить свою голову за отечество, а такъ какъ у васъ теперь сражаются только на рѣкѣ Ялу, то я и прошу васъ меня туда отправить, гдѣ я постараюсь избавить васъ отъ себя“. Куропаткинъ помолчалъ нѣсколько секундъ и высокопарнымъ тономъ (онъ уже страдалъ маніей величія) вымолвилъ слѣдующее: „Я хочу дать вамъ возможность стать на ноги и поэтому посылаю васъ въ распоряженіе генерала Засулича, но помните, что посылаю васъ туда безъ права командованія чѣмъ нибудь; по своему чину вы должны командовать нѣсколькими ротами и сотнями, но вы командовать не будете, а только будете водить разъѣзды“. Я сказалъ, что благодарю и за это и прошу три дня времени на пріобрѣтеніе лошадей. Вотъ какимъ образомъ я былъ разжалованъ изъ полковниковъ (еще въ мирное время пользовался правами командира отдѣльной части) въ хорунжіе, или даже въ урядники, такъ какъ разъѣзды водятъ и тѣ и другіе. По странному взгляду въ эту кампанію (что довольно неправильно) сотенные и эскадронные командиры въ разъѣзды не ходили.

Конечно бесѣда съ Куропаткинымъ была столь унизительна и тягостна, что не понимаю, какъ только сознаніе дисциплины заставило меня ее выдержать, ибо выслушивать такую оскорбительную рѣчь челоуѣку, рѣшительно ни въ чемъ неповинному и только строго исполняющему долгъ службы, было просто возмутительно. Странно, что, во все время этой довольно продолжительной пытки, внутренній голосъ настойчиво твердилъ мнѣ: подожди, посмотримъ,

что будетъ дальше; такія шутки не доведутъ до добра, и не будетъ ли въ этомъ павильонѣ сидѣть японскій главнокомандующій, и не для него ли все здѣсь приготовлено. Къ несчастью я не ошибся, и 23-го августа это предчувствіе обратилось въ историческій фактъ, ибо павильонъ Куропаткина, вмѣстѣ съ вѣнчавшимъ его георгіевскимъ флагомъ, достался Оямѣ въ самомъ цѣльномъ видѣ. Знаменитый комендантъ главной квартиры поспѣшилъ оставить Ляоянь, не позаботясь не только вывезти, но и уничтожить роскошную обстановку командующаго, а вѣдь она стоила Китайской дорогѣ не одинъ десятокъ тысячъ рублей. Впрочемъ, что говорить о потерѣ цѣнностей, которыхъ Куропаткинъ легко отдавалъ японцамъ на милліоны рублей, но отдача георгіевскаго флага и ставки командующаго арміей—это безнравственно въ морально боевомъ отношеніи.

Тѣмъ не менѣе было отъ чего придти въ полное отчаяніе: переживать позоръ, видѣть торжество всѣхъ этихъ штабныхъ людишекъ, готовыхъ, не взирая на надвигавшуюся грозную опасность, грызть и кусать всякаго, кто только имъ не уподоблялся, было слишкомъ тяжело... и я былъ близокъ одну минуту къ малодушію—думалъ покончить съ собою, въ какомъ духѣ и высказался передъ однимъ товарищемъ. Послѣдній былъ въ достаточной степени болтливъ и рассказалъ это своему сожителю — молодому офицеру, прибывшему на войну по собственному желанію и посвятившему себя развѣдывательной дѣятельности. Этотъ юноша сказалъ мнѣ случайно слѣдующее: „я былъ уже на одной войнѣ—китайской—и всетаки знаю, что такое бой, а потому по опыту говорю вамъ, полковникъ, что ваше положеніе для войны очень хорошо: если вы настолько не дорожите жизнью, что рѣшаетесь лишиться себя ея, то вы будете имѣть огромное преимущество въ бою надъ другими людьми; вѣдь тамъ всѣ безъ исключенія чувствуютъ себя очень тягостно и хотя подавляютъ чувство самосохраненія, но всетаки страдаютъ; идите въ бой, и вы сразу почувствуете свою силу.“ Какъ часто вспоминалъ я этого умницу въ первомъ и послѣдующихъ бояхъ. Судьба свела меня съ нимъ вновь 12 августа, когда мнѣ удалось одержать побѣду надъ

японской гвардіей, и я искренно поблагодарилъ его за оказанную мнѣ поддержку. *)

Два дня провелъ я въ безвыходномъ положеніи, потому что, не смотря на мои повторныя телеграммы, Вороновъ не выслалъ мнѣ сланныхъ ему на сохраненіе денегъ, а безъ нихъ я не могъ приобрѣсти лошадей. Наконецъ судьба сжалилась надо мной: приѣхавшій изъ Петербурга товарищъ далъ мнѣ взаймы 800 рублей, получивъ отъ меня довѣренность на выдачу ему такой же суммы изъ полка. Одинъ военный врачъ досталъ мнѣ за относительно недорогую цѣну трехъ маньчжурскихъ коней и принялъ на храненіе нѣкоторыя вещи.

[Я пробылъ въ Ляоянѣ трое сутокъ и долженъ отмѣтить слѣдующія данныя, запечатлѣвшіяся въ моей памяти:

1. Главная квартира арміи производила впечатлѣніе чего то несерьезнаго, показнаго, бумажнаго и пожалуй опереточнаго; поражала многочисленность всякихъ штабныхъ чиновъ, начиная съ офицеровъ генеральнаго штаба и кончая всякими ординарцами, посыльными, денщиками и вообще нестроевыми; кромѣ того Ляоянъ наводняла масса иностранныхъ агентовъ, иностранныхъ и русскихъ корреспондентовъ, всякихъ праздношатающихся офицеровъ и чиновниковъ, какой то подозрительной молодежи, какъ русской, такъ и иныхъ національностей (преимущественно гре-

*) Мои враги скажутъ, что все здѣсь рассказанное искажено, и что на самомъ дѣлѣ я просто сдѣлалъ въ Ляоянѣ скандалъ, и это въ чинѣ полковника, въ военное время и т. д... но во-первыхъ у меня есть свидѣтели, что все здѣсь рассказанное совершенная правда, во-вторыхъ, и главное, вотъ что: почему же Куропаткинъ поставилъ мнѣ въ вину даже непровѣренную имъ басню о томъ, что я имѣлъ въ Ляоянѣ какое то общеніе съ женщинами и виномъ, а въ то же самое время, у него на глазахъ, начальникъ штаба арміи Сахаровъ позволялъ себѣ держать при себѣ женщину подъ видомъ сестры милосердія и устраивать въ своемъ помѣщеніи съ нею кутежи. По странной случайности эта знаменитая особа, въслѣдствіи супруга Сахарова, извѣстная въ арміи подъ названіемъ Елены прекрасной, была отчасти виновницею и жестокаго обо мнѣ доклада ея будущаго благовѣрнаго, такъ какъ она состояла въ близкомъ родствѣ съ командиромъ Приморскаго драгунскаго полка Вороновымъ и носила одну съ нимъ фамилію, а слѣдовательно, благодаря ея протекціи у начальника штаба, Воронову и удалось оклеветать меня

ковъ, армянъ и грузинъ). Все это ожидало устроиться при комънибудь и при чемънибудь, толкалось и суетилось по улицамъ русскаго поселка, около станціонныхъ и штабныхъ сооружений, и конечно не способствовало сохраненію въ тайнѣ военныхъ секретовъ; наоборотъ слухамъ и сплетнямъ не было предѣловъ, а между ними попадались и вѣрныя свѣдѣнія.

2. Въ канцеляріяхъ отдѣловъ штаба, занимавшихъ цѣлые кварталы, кипѣла дѣятельность, и въ смыслѣ бумагомаранія колоссальная, но въ смыслѣ дѣла весьма сомнительная: писать то писали, но если было нужно достать какуюнибудь важную справку, или хотя бы карту, или спѣшно сдѣлать какоенибудь распоряженіе, то требовались часы, а пожалуй и денекъ—другой.

3. Къ войнѣ относились какъ къ какому то развлеченію; казалось господствовало ожиданіе чего то въ родѣ недавняго похода противъ китайцевъ: стоитъ молъ намъ показаться японцамъ, и они побѣгутъ передъ нами; но вмѣстѣ съ тѣмъ проглядывала и какая то неувѣренность, вѣрнѣе робость передъ невѣдомымъ и грознымъ. Я спрашивалъ 15-го апрѣля штабныхъ дѣльцовъ, когда вдругъ распространился слухъ о намѣреніи японцевъ переправляться черезъ р. Ялу: „хорошо ли для насъ, что японцы выступаютъ изъ Кореи въ Маньчжурію?“ До сихъ поръ почему то предполагали, что они не посмѣютъ этого сдѣлать, а укрѣпятся въ горахъ Кореи, а потому наши стратеги смущались вопросомъ трудности атаковать (спрашивается, когда они рассчитывали это сдѣлать?) эти позиціи. Что такое предположеніе существовало въ штабѣ арміи, среди вершителей судьбы кампаніи, служить доказательствомъ фактъ постройки желѣзной ширококолейной дороги отъ станціи Хайченъ къ Шахэдзы (на р. Ялу), находившейся по настойчивому распоряженію Куропаткина въ полномъ разгарѣ. Мнѣ весело отвѣчали: „да, есть надежда, что япоши вылѣзутъ изъ Кореи; уже одна ихъ колонна не выдержала нашего огня на переправѣ и бѣжала“. Я позволялъ себѣ настаивать и допрашивалъ: „командующій арміей доволенъ признаками наступленія изъ Кореи?“ Мнѣ отвѣчали: „О, да, онъ же-

лаетъ выманить ихъ изъ Кореи“.—„Но, хорошо ли это“?— „А еще бы!“ Лично я разсуждалъ такъ: японцы далеко не то, что китайцы, и врядъ ли будутъ сражаться хуже насъ; они уже два съ половиною мѣсяца устраивались въ Корей и вѣроятно сосредоточили значительныя силы, обладая господствомъ на морѣ въ полномъ смыслѣ слова, а ихъ встрѣтить на р. Ялу сравнительно слабый отрядъ Засулича.

Я пробовалъ оцѣнить наше стратегическое положеніе въ Ляоянѣ. Можно утверждать, что Ляоянъ былъ избранъ нашей основной стратегической базой, и, въ описываемые дни, мы не только не помышляли о его эвакуаціи когда либо, а наоборотъ сами готовились наступать впередъ отъ него, на что указывали слѣдующія данныя:

а. какъ сказано выше, отъ Хайчена (южнѣе и слѣдовательно впереди Ляояна на 70 верстъ) строилась широкая колея въ Корею;

б. станцію Ляоянъ развивали самымъ усиленнымъ образомъ;

в. устраивали канализацію русскаго поселка въ Ляоянѣ;

г. сосредоточивали всѣ тыловые запасы продовольствія и фуража, госпиталя запасные и Краснаго Креста;

д. строили укрѣпленія временной усиленной профили, т. е. какъ бы обращали Ляоянъ въ крѣпость—лагерь временнаго характера, въ родѣ Плевны;

е. проводили самымъ дѣятельнымъ образомъ этапныя линіи на югъ и юго-востокъ, и усиленно разрабатывали въ томъ же направленіи дороги и перевалы—вѣдь не для наступленія же противника.

Откровенно говорю, что, наблюдая все это, я тогда же приходилъ въ недоумѣніе; и было отъ чего, когда тоже кое что понимаешь въ наукѣ стратегіи. Силъ у насъ было немного—всего 4 Восточносибирскихъ стрѣлковыхъ корпуса (не 32-хъ а 24-хъ баталіоннаго состава, т. к. стрѣлковые полки имѣли по 3 баталіона), 4 полка 10-го и 17-го корпусовъ и около 9 конныхъ полковъ; одинъ корпусъ изъ 4-хъ предназначенался цѣликомъ для обороны Портъ-Артура. Если предположить, а это было весьма вѣроятно, что японцы рѣшатъ свою задачу правильно и, не задаваясь немедленно цѣлью

взять Артуръ, начать ускоренное наступленіе противъ нашей арміи, сосредоточивающейся подъ Ляояномъ, то именно выборъ нами послѣдняго пункта, какъ основной базы, былъ донельзя неудаченъ. Конечно японцы обезопасили бы себя со стороны нашей крѣпости, имѣя возможность произвести безнаказанно высадку гдѣ угодно между Артуромъ и устьемъ р. Ялу и выставить заслонъ противъ Артура на Квантунскомъ перешейкѣ. Наше сосредоточеніе у Ляояна не удовлетворяло возможности оказать какую либо поддержку Артуру по своему удаленію отъ послѣдняго. Поэтому если бы японцы, базируясь на Корею и на Дагушань — Бицзыво (коммуникація моремъ), начали быстрое наступленіе конечно превосходящими насъ силами, то положеніе арміи въ Ляоянѣ дѣлалось въ высшей степени неудобнымъ, такъ какъ стратегическій ея обходъ отъ Фынхуанчена былъ всегда возможенъ; ничто не препятствовало японцамъ даже идти прямо на Мукденъ черезъ Саймацзы и Бенсиху (мѣстность и дороги это допускали), что заставило бы насъ во всякомъ случаѣ бросить Ляоянъ и отойти къ Мукдену (что въ концѣ концовъ и случилось). Правда, нашъ противникъ ничего этого не сдѣлалъ и сыгралъ намъ въ руку, погнавшись за двумя зайцами одновременно, т. е. осаждая Артуръ и наступая, при чемъ наступленіе велось какъ бы по нашему приглашенію, ограничиваясь совсѣмъ близкимъ тактическимъ обходомъ Ляоянскихъ позицій (хотя и этой угрозы оказалось достаточно, чтобы Куропаткинъ отказался отъ своей базы 19—21 августа). Кромѣ того, выигрывая пространство передъ Ляояномъ, японцы могли еще произвести десантъ въ Инкоу и оттуда угрожать нашему правому флангу у Ляояна. Но если можетъ быть кто нибудь думаетъ, что Ляоянъ представлялъ выгоды въ тактическомъ отношеніи, то могу въ этомъ разувѣрить, ибо въ этомъ отношеніи онъ рѣшительно былъ неудовлетворителенъ по слѣдующимъ причинамъ: желѣзнодорожная станція Ляояна, и составлявшая нашу базу—точку, лежитъ на лѣвомъ южномъ берегу р. Тайцзы, большую часть времени года непроходимой въ бродъ, а потому ея оборона невыгодна при условіи нахожденія въ тылу непроходимой преграды; Ля-

оянъ лежитъ при выходѣ изъ горной страны въ равнину и окруженъ съ юго-востока и юга командующими высотами, что опять таки крайне невыгодно для обороны, потому что занятіе предгорій повело бы къ слишкомъ растянутой линіи, а вѣдь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мы не могли знать, что японцы подойдутъ къ Ляояну только въ половинѣ августа, когда намъ удастся достигнуть равновѣсія силъ съ противникомъ; приходилось слѣдовательно укрѣпляться на равнинѣ и рѣшить нѣчто неразрѣшимое: строить свои укрѣпленія такъ, чтобы они обезпечивали отъ огня базу — станцію, т. е. вынести ихъ значительно впередъ, и такъ, чтобы укрѣпленія не были слишкомъ близко къ командующимъ высотамъ, т. е. осадить ихъ назадъ, а между тѣмъ разстояніе отъ станціи Ляоянъ до высотъ не допускало совмѣщеніе этихъ требованій, и слѣдовательно выстроенныя, а въ то время спѣшно строившіяся, укрѣпленія инженера Величко не обезпечивали Ляоянъ отъ бомбардировки и могли только служить тетъ-де-понами мостамъ черезъ р. Тайцзы при отступленіи нашей арміи.

Однако были и нѣкоторые данныя, указывающія на предвзятую идею Куропаткина эвакуировать Ляоянъ, а именно:

а) необезпеченіе лѣваго фланга позицій, т. е. непринятіе никакихъ мѣръ обороны на правомъ берегу р. Тайцзы, въ ближайшихъ окрестностяхъ Ляояна (до Янтайскихъ копей включительно);

б) постройка на лѣвомъ берегу р. Тайцзы, какъ только что сказано, укрѣпленій, не обезпечивавшихъ станцію отъ бомбардировки, т. е. низведеніе ихъ значенія на степень тетъ-де-пона.

Фактически вопросъ объ эвакуаціи Ляояна возникъ въ штабѣ арміи уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, что доказываютъ многія распоряженія его учрежденій въ отношеніи администраціи В.-Китайской желѣзной дороги.

Въ общемъ слѣдуетъ придти къ заключенію, что выборъ Ляояна, какъ основной базы Русской Маньчжурской арміи для выполненія ею первой операціи войны, врядъ ли былъ сдѣланъ Куропаткинымъ вполнѣ сознательно; онъ остановился на немъ случайно, потому что Ляоянъ былъ избранъ

сперва Намѣстникомъ и Линевичемъ; можетъ быть для того, чтобы двѣ главныхъ квартиры не помѣшались бы въ одномъ пунктѣ—Мукденъ; можетъ быть потому, что хорошо оборудованная жилыми помѣщеніями станція Ляоянь оказывалась наиболѣе удобной для размѣщенія многочисленнаго и блестящаго штаба Куропаткина и его свиты. Словомъ, мы ткнулись въ Ляоянь, какъ въ первую попавшуюся дыру, и тамъ остались, тѣмъ болѣе что находились въ полномъ невѣдѣніи относительно своего плана дѣйствій и въ совершенныхъ потемкахъ относительно намѣреній противника. Было лишь предчувствіе, что рассчитывать на скорую удачу нельзя, о чемъ впрочемъ Россія была уже оповѣщена еще изъ Москвы историческимъ словомъ нашего печальнаго полководца: „терпѣніе“.

А между тѣмъ ошибка въ выборѣ Ляояня исходнымъ пунктомъ наступательной, а тѣмъ болѣе окончательнымъ мѣстомъ оборонительной операціи, была пагубна, и сама по себѣ въ нѣкоторой степени предрѣшала побѣду нашего врага. Для сосредоточенія арміи слѣдовало избрать пунктъ, который давалъ бы намъ слѣдующія преимущества: а. сосредоточеніе въ силахъ допускавшихъ начать наступательную операцію, ибо безъ наступленія нельзя выиграть кампанію; б. въ худшемъ случаѣ дать такой отпоръ, чтобы противникъ не могъ бы и боемъ принудить насъ къ отступленію, а тѣмъ болѣе обходомъ; в. не быть во все время сосредоточенія арміи въ постоянной неизвѣстности (а потому и опасности), придется ли закончить сосредоточеніе, или противникъ ему помѣшаетъ. Какъ сказано выше, Ляоянь не удовлетворялъ ни одному изъ этихъ первостепенныхъ условий: японцы могли всегда подойти къ нему въ превосходныхъ силахъ и не дать намъ перейти въ наступленіе; движеніемъ на Мукденъ противникъ могъ заставить насъ очистить Ляоянь безъ боя; по своимъ стратегическимъ и тактическимъ условіямъ оборона Ляояня была неудобна и потому ненадежна и, въ продолженіе всей Ляоянской операціи, считая ея началомъ Тюренченскій бой, Куропаткинъ постоянно беспокоился о возможности наступленія противника на Мукденъ, или хотя бы въ обходъ лѣваго фланга Восточнаго отряда со стороны Фынхуанчена.

Могъ ли однако быть найденъ пунктъ для сосредоточенія нашей арміи въ Маньчжуріи, удовлетворявшій высказаннымъ здѣсь положительнымъ условіямъ? Съ увѣренностью скажу, что имъ являлся совершенно естественно Мукденъ, или, вѣрнѣе, весь районъ между Мукденомъ и Ляояномъ. Что можно было найти плацдармъ подъ Мукденомъ, на которомъ можно было бы принять рѣшительный бой, доказано нашей Мукденской операціей, гдѣ японцы не были въ состояніи взять наши позиціи и выиграли операцію только тактическимъ обходомъ, который мы прозѣвали, а вѣдь Мукденскія позиціи были случайныя, занятыя нами подъ давленіемъ нашего неуспѣха при Шахэ-Бенсиху. Вотъ какія выгоды были на сторонѣ такого рѣшенія нами начала кампаніи: 1) сосредоточеніе нашихъ силъ происходило бы на нѣсколько переходовъ дальше отъ противника, т. е. давало выигрышъ во времени; 2) между нами и противникомъ пролегла значительная преграда—р. Тайцзы, что задержало бы приближеніе противника еще на нѣкоторое время; конечно предполагаю, что желѣзнодорожный мостъ, да и вообще вся линія дороги были бы основательно разрушены, а не оставлены противнику, для его наступленія, въ полной исправности, какъ это было сдѣлано на самомъ дѣлѣ Куропаткинымъ; 3) районъ сосредоточенія былъ совершенно обезпеченъ отъ обхода: а) лѣвый флангъ—непроходимостью мѣстности къ востоку отъ линіи Фушунъ-Мацзяданъ-Мицзы; въ непроходимости ея я убѣдился въ сентябрѣ 1904 года, и лично видѣлъ тамъ только горныя тропы и ни одной колесной дороги; мы сами разработали ихъ зимою и тѣмъ самымъ облегчили демонстративное наступленіе въ февралѣ 1905 года японцевъ; б) правый флангъ обезпечивался близостью къ Монгольской границѣ и нашимъ громаднымъ превосходствомъ силъ въ кавалеріи, которая могла быть широко использована въ этой равнинной мѣстности; во всякомъ случаѣ опасность обхода съ этой стороны была не болѣе велика, какъ подъ Ляояномъ, и самый обходъ требовалъ отъ японцевъ раздѣленія силъ для дѣйствія по обоимъ берегамъ р. Хунъ, затрудняя связь между частями, наступавшими на Мукденъ съ фронта и въ обходъ.

Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что нельзя было уступать безъ боя японцамъ всю южную Маньчжурію и сидѣть у Мукдена сложа руки, позволяя противнику осаждать Артуръ, устраивать свои базы, собирать средства страны, возстановлять линію желѣзной дороги, наконецъ воздѣйствовать на китайское населеніе; пожалуй въ такомъ случаѣ японцы добрались бы до Мукдена скорѣе, чѣмъ до Ляояна, и атаковали бы насъ не 11—20 августа, а въ іюлѣ или въ іюнѣ, когда у насъ еще не были бы сосредоточены равныя или даже превосходныя (какъ то было подъ Ляояномъ) силы. Эти возраженія можно опровергнуть легко и даже фактически.

Мы дѣйствительно давали бои противнику, но только совершенно безцѣльные: Тюренченъ—17 и 18 апрѣля, Вафангоу—1 и 2 іюня, Янзелинъ—4 іюля, Дашичао—10 и 11 іюля, Тхавуанъ, Симучень и Хайченъ—18 іюля; всѣ эти бои были нами проиграны и кончались иногда не только отступленіемъ, но и бѣгствомъ: они имѣли слѣдующія крайне вредныя послѣдствія: если мы и наносили противнику уронъ въ людяхъ, то теряли и сами не менѣе, съ тою разницей, что японцы пополняли свои ряды въ нѣсколько дней, а мы либо совсѣмъ рядовъ не пополняли, либо дѣлали это въ ущербъ прибытію свѣжихъ частей; отступая, мы разстраивали свои матеріальныя средства, теряя орудія, снаряды, ружья, патроны, отдавали свои запасы продовольствія и фуража, средства госпитальныя и обозныя, словомъ обогащали противника. Но хуже всего то, что мы усиливали японцевъ побѣдами и ослабляли себя пораженіями, возвышая духъ ихъ войскъ и растлѣвая моральное состояніе своей арміи. Мы просто развратили войска непрерывными отступленіями, систематически приучили ихъ не сражаться упорно, подорвали въ нихъ довѣріе къ ихъ собственнымъ силамъ; старшіе начальники, офицеры и солдаты привыкли смотрѣть на оставленіе позицій какъ на нѣчто неизбѣжное и правильное: только начинается перестрѣлка, и всѣ уже смотрятъ назадъ и заботятся только о томъ (бывали конечно и счастливыя исключенія, былъ элементъ, который не развращался, но онъ во всякомъ случаѣ былъ очень невеликъ) какъ бы по-

скорѣе выйти изъ подъ огня и оставить побольше разстоянія между собою и противникомъ. И на много ли мы задержали своими несчастными боями наступленіе японцевъ? Отъ Тюренчена Восточный отрядъ, предводимый Засуличемъ и Орановскимъ, отмахалъ сразу 150 верстъ, и штабъ его водворился въ Ляньшаньгуань—второмъ этапѣ отъ Ляояна, а черезъ нѣсколько дней бросилъ, безъ всякаго давленія противника, и заблаговременно укрѣпленную позицію на Феншуйлинскомъ хребтѣ, гдѣ даже китайцы сумѣли дать отпоръ японцамъ. Японцы не наступали вовсе не потому, что ихъ удерживало присутствіе Восточнаго отряда, расположившагося въ 75 верстахъ отъ Фынхуанчена (кстати сказать этотъ отрядъ былъ настолько деморализованъ поражениемъ у Тюренчена, что конечно и не оказалъ бы серьезнаго сопротивленія), а потому что они сами не желали наступать. Послѣ Вафангоу, хотя славный 1-й Сибирскій корпусъ и не деморализовался, но тоже былъ увенчанъ безъ боевъ на 125 верстъ къ Дашичао и слѣдовательно тоже не препятствовалъ противнику дѣлать все, что ему было угодно. 10—11 іюля мы легко отдали Гайчжоу и Дашичао. Единственная попытка противодѣйствовать активно намѣреніямъ противника состояла въ наступленіи Восточнаго отряда на Янзелинѣ 4 іюля, окончившаяся для насъ полной неудачей, если не по матеріальнымъ результатамъ (мы отошли очень недалеко), то по нравственнымъ: русскіе оказались неспособными наступать на японцевъ. Итакъ всѣ эти бои не только не задержали, но скорѣе облегчили наступленіе противнику, ибо вѣдь, кромѣ обогащенія его побѣдами, трофеями, средствами, мы подготовили для него пути наступленія, разработавъ дороги и перевалы; японцамъ пришлось бы это дѣлать самимъ, а тутъ все было уже готово; мы даже подарили 50 верстъ готоваго желѣзнодорожнаго полотна отъ станціи Хайченъ до Долина (направленіе на Сюань), подарили неразрушенной всю линію Китайской дороги до самого Ляояна, со всѣми мостами и станціонными сооруженіями; и при всемъ томъ они добрались до Ляояна только въ половинѣ августа; ясно, что если бы ничего этого не было бы, то японцы подошли бы къ Мук-

дену никакъ не ранѣе, чѣмъ къ Ляояну, а въ такомъ случаѣ является еще вопросомъ, ждали бы мы ихъ на позиціи, или уже сами перешли бы въ наступленіе.

Можетъ быть Куропаткинъ хотѣлъ уподобиться Кутузову и, отступая, заманивать противника подобно тому, какъ это было въ 1812 году; но можно ли сравнивать эти два отступленія? Французы углублялись въ невѣдомую для нихъ страну, съ враждебнымъ населеніемъ, уничтожавшимъ всѣ средства продовольствія арміи; съ каждымъ шагомъ они ослабляли себя увеличеніемъ крайне опаснаго тылового района. Во время же Ляоянской операціи противникъ наступалъ по странѣ ему отлично извѣстной (во всякомъ случаѣ въ большей степени, чѣмъ намъ), богатой и населенной элементомъ скорѣе сочувствующимъ, чѣмъ нейтральнымъ, обладавшимъ огромными средствами продовольствія, которыя мы не уничтожали; японцы не опасались за свой тылъ, а арьергардные бои нами разыгрываемые были вредны только для насъ.

Развѣ, базируюсь на Ляоянь, наша армія оказала какую-нибудь помощь Портъ-Артуру? Все равно къ 1-му мая онъ былъ уже совершенно отрѣзанъ отъ насъ, а если до этого времени намъ и удавалось, поддерживая сообщеніе по желѣзной дорогѣ, нѣсколько пополнять крѣпостные запасы, то это было достигаемо охраной линіи, какъ отъ отдѣльныхъ злоумышленниковъ, такъ и отъ возможныхъ покушеній небольшихъ японскихъ десантовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога приближалась къ морю; какъ только японцы стали угрожать линіи отъ Бицзыво, мы ее бросили (сперва даже слишкомъ поспѣшно: очищеніе Вафандяна и эвакуація станцій къ сѣверу отъ него въ концѣ апрѣля; потомъ занимали линію вторично и исправляли станціи); войска 1-го Сибирскаго корпуса, разбросанныя отъ Дашичао до Вафангоу, такъ и не приняли участія собственно въ оборонѣ линіи дороги. Наше наступленіе къ Вафангоу, предпринятое Куропаткинымъ слишкомъ поздно и въ такомъ сосредоточеніи, какъ это было имъ сдѣлано, явилось безцѣльнымъ и вреднымъ для насъ предпріятіемъ, такъ какъ привело ко второму напрасному пораженію, а послѣдствіями Вафангоу

были Сюніочень, Гайчжоу, Дашичао, Симучень, Долинъ, Хайчень и Айшаньчжанъ, т. е. либо новыя пораженія, либо поспѣшныя отступленія безъ боя, а подчасъ и просто бѣгства. Точно такъ же, какъ для Восточнаго отряда послѣдствіемъ Тюренчена явились безчисленныя дальнѣйшія неудачи, о которыхъ расскажу подробно, такъ какъ большая часть ихъ произошла на моихъ глазахъ.

Конечно если бы русская армія избрала мѣстомъ своего сосредоточенія районъ между Мукденомъ и Ляояномъ, то ей не слѣдовало бездѣйствовать. Прежде всего надо было занять прочно, для воспрепятствованія развѣдкѣ противника, линію р. Тайцзы отъ р. Ляохэ приблизительно до Мицзы. Наши легкія развѣдывательныя партіи и даже отряды (а не только одни казаки) могли проникать гораздо дальше—до соприкосновенія съ противникомъ, и такимъ образомъ слѣдить за его сосредоточеніемъ и движеніемъ. Выдвиженіе такихъ легкіхъ отрядовъ безъ колеснаго обоза было вполне возможно, такъ какъ они могли продовольствоваться мѣстными средствами. Главная масса кавалеріи должна была работать по линіи желѣзной дороги и въ долинахъ рѣкъ Тайцзы, Хунъ и Ляо, выдвигаясь до самаго моря на линію Инкоу—Гайчжоу. Занятіе Южной Маньчжуріи не корпусами, а только летучими отрядами и кавалеріей, имѣло слѣдующія несомнѣнныя выгоды: мы не подставляли бы противнику неравныя силы, а дѣйствовали бы только съ цѣлью развѣдки, тревоженія и партизанства; мы не терпѣли бы поражений и не приучали бы наши войска отдавать противнику позиціи, орудія и плѣнныхъ; не дали бы возможности японцамъ использовать преимущества своей горной артиллеріи, потому что, при встрѣчѣ съ ними въ районѣ Мукдена-Ляояна, въ горной артиллеріи менѣе надобности, чѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій къ юго-востоку отъ Ляояна; мы не оставили бы противнику трофеевъ, боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, не разработали бы для него путей сообщенія, и конечно привели бы въ полную негодность линію желѣзной дороги, а главное ея мосты и водоканалы. Не полагаю, чтобы наше выжиданіе рѣшительныхъ дѣйствій отразилось бы на нашемъ престижѣ надъ китай-

цами, потому что предсказать окончательный успѣхъ было бы трудно, а во всякомъ случаѣ это выжиданіе не производило бы такого удручающаго впечатлѣнія, какъ нашъ разгромъ подъ Тюренченомъ, послѣ котораго китайцы не стѣсняясь говорили намъ: „моя войско и твоя войско эгоянъ (по кѣтайски: одно и то же)“, т. е. другими словами одинаково бѣгаетъ передъ японцами. Кромѣ того думаю, что китайцы не препятствовали бы дѣйствіямъ нашихъ передовыхъ отрядовъ, ожидая, что въ дальнѣйшемъ ходѣ кампаніи мы могли бы опять возвратиться на тѣ же мѣста; вообще надо замѣтить, что содѣйствіе китайцевъ японцамъ выражалось лишь въ сообщеніи о насъ свѣдѣній, а совсѣмъ не въ нападеніяхъ, хотя бы даже на одиночныхъ людей (я не говорю про хунхузовъ, но ихъ въ районѣ южной Маньчжуріи не было); даже непосредственно послѣ нашихъ поражений, во время поспѣшныхъ нашихъ отступленій, китайцы не отказывали въ продовольствіи и фуражѣ, если конечно имъ платили, хотя не сопротивлялись и явно насильному пользованію ихъ продуктами. Мы могли бы въ крайнемъ случаѣ просто терроризировать мѣстное населеніе, какъ японцы, въ этомъ отношеніи совсѣмъ не стѣснявшіеся.

Во время сосредоточенія арміи подъ Мукденомъ можно было озаботиться развѣдками мѣстности въ районѣ Синминтинъ-Ляоянъ-Саймацзы-Мукденъ, такъ какъ къ началу войны мы имѣли о ней весьма смутныя представленія. У насъ, правда, была отличная двухъ-верстная карта, но только южной части театра военныхъ дѣйствій, такъ что со дня отхода отъ Ляояна мы—Русская образованная армія двадцатаго столѣтія—дѣйствовали исключительно по компасу, и такъ продолжалось до октября, т. е. до нашего наступленія на Шахэ-Бенсиху, включительно. То же случилось и послѣ Мукденскаго сраженія, такъ какъ мы опять лишились района, въ которомъ успѣли сдѣлать кое какія съемки во время сидѣнія на Мукденскихъ позиціяхъ, съ октября 1904 по февраль 1905 года. О, заботливость и предусмотрительность нашего блестящаго генеральнаго штаба и штабовъ Намѣстника, командующаго и впослѣдствіи главнокомандующаго... Что заслужили вы столь преступнымъ упущеніемъ?

Во всякомъ случаѣ не того замалчиванія, которое продолжается и понынѣ, а строгой кары общественнаго мнѣнія Россіи, дабы вы вновь не почивали... не на лаврахъ, коихъ не стяжали, а по вашей привычкѣ, по традиціи вашего неотвѣтственнаго служенія арміи и родинѣ. Можно было, въ зависимости отъ обстановки *), выработать и планъ кампаніи, ибо такового создано не было ни главнымъ штабомъ, ни штабами Намѣстника и Линевица, командовавшего нашей Маньчжурской арміей до пріѣзда Куропаткина; а нельзя же въ самомъ дѣлѣ воевать безъ плана. Начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, каждому юнкеру твердили съ кафедры, что французы, начиная войну съ Германіей, не имѣли плана войны, и вотъ спустя слишкомъ 30 лѣтъ, профессоръ военного искусства, опытный боевой генералъ, администраторъ военного дѣла, имѣющій ореолъ генія, сидѣлъ подъ носомъ у противника въ какой то дырѣ, куда случайно ткнулся по пріѣздѣ своемъ изъ Россіи, и рѣшительно не зная, что ему предпринять. Сегодня ему казалось, что японцы останутся въ Корей, и онъ приказывалъ строить желѣзную дорогу въ Корею, не задумываясь выбросить какія нибудь 700.000 рублей казенныхъ денегъ; завтра, узнавъ, что наши войска разбиты подъ Тюренченомъ, онъ посылалъ нѣсколько казаковъ и 3—4 баталіона стрѣлковъ имъ на поддержку; послѣ завтра ему рекомендовали оказать поддержку осажденной крѣпости, и при томъ именно тогда, когда обстановка это допускала *), онъ терялъ время, колебался, упускалъ обстановку и наконецъ тгналъ вдругъ все, что было подъ рукою на превосходныя

*) Слѣдовало собирать свѣдѣнія о противникѣ при помощи организованной системы шпіонства, а не такъ, какъ этимъ занималось праздное, карикатурное бюро развѣдки (развѣдывательное отдѣленіе) въ Ляоянскомъ штабѣ. При огромныхъ, совершенно безконтрольных средствахъ, имѣвшихся въ распоряженіи командующаго арміей, это было вполне достижимо. Говорю такъ по опыту личной развѣдки услугами китайцевъ за самыя ничтожныя деньги. Да, ничего не дѣлая, можно было быть разбитымъ и подъ Мукденомъ, и подъ Харбиномъ, вообще гдѣ бы мы ни вздумали сосредоточивать нашу армію.

**) Смотри приложение № 2. Изслѣдованіе вопроса: „кто виноватъ въ стратегическихъ результатахъ Вафангоу“.

силы противника; получалось нѣчто въ родѣ Тюренчена; когда ему казалось, что японцевъ слишкомъ много, онъ готовилъ Ляоянъ къ эвакуаціи, но такъ какъ они все таки не наступали, то онъ снова развивалъ желѣзную дорогу на югъ; сегодня онъ тащилъ всѣ резервы съ востока на югъ, а завтра гналъ ихъ опять на востокъ. Не показываетъ ли все это, что до самаго начала Ляоянскаго сраженія, т. е. до 11-го августа, и даже затѣмъ, вплоть до его окончанія, мы не знали что слѣдуетъ дѣлать. Конечно, во многомъ такимъ колебаніямъ Куропаткина способствовали двѣ данныя: 1. вышеуказанный неудачный выборъ Ляояна, какъ базы первой операціи, и 2. полная несостоятельность работы штаба арміи, съ его начальникомъ во главѣ, а въ особенности неспособность этого штаба освѣтить обстановку—полное неумѣніе организовать развѣдку; штабъ командующаго арміей былъ въ полномъ смыслѣ слова слѣпымъ, т. е. никуда негоднымъ орудіемъ. Но, спрашивается, зачѣмъ же Куропаткинъ терпѣлъ такое ненормальное положеніе дѣла? Вѣдь ему никто не мѣшалъ отдѣлаться отъ слѣпыхъ отъ рожденія неудачниковъ, въ родѣ Сахарова и Харкевича, и взять другихъ. Однако онъ не пожелалъ этого сдѣлать и слѣдовательно вполнѣ отвѣтствененъ за ихъ неудачную дѣятельность.

Мнѣ могутъ сказать, что легко говорить и критиковать теперь, черезъ 2—3 года, когда карты уже открыты, и почему я, понимая несовершенство нашей стратегіи, не попытался предпринять тогда же что либо противъ него. Изъ всего рассказаннаго о моемъ тогдашнемъ служебномъ положеніи ясно, что въ моихъ совѣтахъ не только не нуждались, но и не потерпѣли бы, если бы я попробовалъ какимъ либо способомъ высказаться. Тѣмъ не менѣе, говорю по совѣсти, что, сидя въ Гайчжоу и Сюніоченѣ съ 20-го марта по 11-е апрѣля, я уже понималъ, что дѣло идетъ неладно, а трехъ-дневное пребываніе въ Ляоянѣ меня въ этомъ окончательно убѣдило. Я не могъ конечно такъ ясно, какъ теперь, оцѣнивать ошибки по выбору базы, по сосредоточенію и распредѣленію нашихъ силъ, по всѣмъ первоначальнымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ, но если бы меня спросили

тогда: можно ли строить желѣзную дорогу въ Корею отъ Хайчена, можно ли допустить разброску силъ между Лясяномъ, Тюренченомъ и Дашичао, по окружности въ 300 верстъ, можно ли давать неопредѣленныя инструкціи Засуличу относительно перваго столкновенія съ врагомъ, то я не затруднился бы въ простомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ и сказалъ бы, что прежде, чѣмъ думать о наступленіи въ Корею, надо было собрать свои силы, что, имѣя въ апрѣлѣ мѣсяцѣ горсть полевыхъ войскъ, нельзя было держать одну треть на р. Ялу, а другую въ Дашичао; наконецъ, что если одна треть очутилась подъ ударомъ противника, то надо было озаботиться, чтобы этотъ ударъ не имѣлъ бы того ужаснаго моральнаго послѣдствія, какое случилось благодаря внезапному назначенію генерала Засулича съ полковникомъ Орановскимъ въ самое критическое мѣсто, и благодаря двусмысленному руководству дѣйствій Восточнаго отряда командующимъ арміей. Я сказалъ бы все это не стѣняясь, какъ привыкъ высказывать громко свои мнѣнія и въ мирное, и въ военное время, но.... я былъ совершенно не нуженъ въ арміи ея предводителямъ, и даже мое присутствіе въ ней вѣроятно считалось ими вреднымъ, потому что я позволилъ себѣ нарушить семейный покой командира Приморскаго драгунскаго полка (Воронова), имѣвшаго счастье состоять въ близкомъ родствѣ съ нарѣченной суженой начальника штаба арміи (Сахарова), потому что позволялъ себѣ требовать дисциплину отъ офицеровъ—любимцевъ командира полка и отъ полицейскихъ чиновъ самодержавнѣйшаго коменданта главной квартиры Куропаткина. За все это, благодаря только снисходительности нашего печальнаго полководца, я былъ допущенъ къ участию въ военныхъ дѣйствіяхъ на положеніи оберъ-офицера, безъ права командовать даже ротой, имѣя за плечами чинъ полковника, 41 годъ отъ роду, 23 года дѣйствительной безпорочной службы, выпустивъ черезъ свои руки около 3.000 офицеровъ—моихъ учениковъ, и создавъ двѣ кафедры военныхъ наукъ. И вотъ я ѣхалъ водить разѣзды на р. Ялу; оригинальное назначеніе и невыносимо трудное выполненіе; удивляюсь только, какъ хватало у меня силъ выполнять, служить, работать и все-таки кое что сдѣ-

лать. Никогда, никому не пожелаю очутиться въ такомъ положеніи! Но судьба была справедлива: черезъ 4 мѣсяца, событія свергли съ пьедестала мнимыя боевыя величины, показавъ все ихъ малодушіе, неспособность и нечестность; я же вышелъ побѣдителемъ изъ испытанія и въ настоящее время, честно исполнивъ свой долгъ передъ отечествомъ и арміей, могу отвѣтить презрѣніемъ всѣмъ этимъ людишкамъ, не смотря ни на какія ихъ положенія, ранги, чины и званія, ибо вмѣстѣ со мною презираютъ ихъ Россія, общество, русскіе офицеры и солдаты.

ГЛАВА IV.

Путешествіе изъ Ляояна въ Восточный отрядъ г. Засулича съ 16-го по 21-е апрѣля.

16 апрѣля я выѣхалъ изъ Ляояна по большой этапной дорогѣ на г. Фынхуанченъ—г. Шахэдзы (послѣдній на р. Ялу). На первомъ переходѣ заболѣла одна лошадь, на слѣдующемъ пришлось бросить другую, совершенно обезножившую, и купить новую. Въ виду такого состоянія моихъ коней я не могъ дѣлать болѣе 30—40 верстъ въ сутки и подвигался впередъ довольно медленно. Странно, что уже по этапамъ ходили слухи о наступленіи японцевъ къ Ляояну, и царило довольно тревожное настроеніе; рассказывали даже, что разѣзды японской кавалеріи появились чуть ли не подъ самымъ Ляояномъ; коменданты этаповъ не совѣтывали ѣхать отдѣльно отъ почтовыхъ эшелоновъ, но слѣдовать такимъ совѣтамъ было невозможно, потому что движеніе арбыной почты происходило слишкомъ медленно, и, какъ только я привелъ въ порядокъ свой конскій составъ, такъ поѣхалъ уже отдѣльно и самостоятельно. Съ другой стороны ничто не указывало на какую нибудь опасность, потому что ускоренно развивались этапныя учрежденія, собирались громадныя запасы продовольствія, открывались рестораны, лавки, бани, а по всей дорогѣ тянулись сплошными линіями безчисленные интендантскіе арбыя транспорты съ китайскими погонщиками.

20 апрѣля я прибылъ на этапъ № 4, въ д. Туинпу, гдѣ засталъ полное смятеніе и суету. Мнѣ сообщили, что 18-го числа на р. Ялу произошелъ крайне неудачный для насъ бой, и отрядъ отступаетъ. Войдя въ отведенное для проезжающихъ офицеровъ помѣщеніе, я увидѣлъ лежавшаго на койкѣ артиллерійскаго штабъ-офицера (Подполковника Гусева) и при немъ доктора; повидимому это былъ раненый. Докторъ немедленно ушелъ, и я поспѣшилъ подойти и выразить свое сочувствіе герою—первому, котораго я имѣлъ честь встрѣтить на театрѣ военныхъ дѣйствій. Я приблизился къ нему съ чувствомъ благоговѣнія. Онъ заговорилъ очень быстро и довольно несвязно, но сущность относительно длинной рѣчи могла быть резюмирована такъ: „произошелъ ужасный бой; насъ расколотили въ дребезги; г. Засуличъ вѣроятно отрѣзанъ, и къ нему попасть уже нельзя. Я контуженъ въ голову и въ ногу, оставилъ свою батарею—собственно 6 орудій, потому что 2 орудія были выдѣлены; вообще же вслѣдствіе контузіи мнѣ отшибло память, и я все очень плохо помню“. Этотъ рассказъ не произвелъ на меня впечатлѣнія, ибо съ первыхъ же словъ я замѣтилъ Гусеву, что не понимаю, какъ онъ не помнитъ хорошо гдѣ его контузили, и что случилось съ его батареей, а между тѣмъ знаетъ, что весь отрядъ разбитъ и начальникъ отряда отрѣзанъ. Оставивъ этого типа, я пошелъ искать на дворѣ этапа когонибудь, кто могъ бы дать мнѣ болѣе точныя свѣдѣнія о случившемся въ Восточномъ отрядѣ. Въ одной изъ фанзъ я нашелъ цѣлое общество врачей и студентовъ Краснаго Креста, повидимому изъ отряда бывшаго при сражавшихся войскахъ; эти тоже начали рассказывать какія то странныя происшествія; было ясно, что они ничего не знаютъ, а просто откуда то поспѣшно ретировались. На мой вопросъ, нѣтъ ли когонибудь, кто собирается ѣхать въ г. Фынхуанченъ, раздался смѣхъ и восклицаніе: „ну, нѣтъ, благодаримъ покорно, туда ѣхать желающихъ не найдется“. Я хотѣлъ продолжать распросы, но ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ въ студенческой формѣ и заявилъ, что онъ ѣдетъ въ Фынхуанченъ. Опять послышался дружный смѣхъ. Юноша отрекомендовался студен-

томъ Владивостокскаго Восточнаго института, исполняющимъ обязанности переводчика китайскаго языка при г. Засуличѣ. На вопросъ, почему же онъ не въ штабъ отряда, онъ, конфузясь, сознался, что, обезумѣвъ отъ страха, предался бѣгству. И дѣйствительно, вскочивъ на собственную лошадь начальника штаба, онъ сдѣлалъ сразу не менѣе 120 верстъ, что въ пору хорошему кавалеристу. Вотъ что значитъ испугаться! Конечно не обвиняю статскаго молодого человѣка, заразившагося общей паникой и очутившагося на войнѣ не по призванію, а по назначенію. На другой день, когда мы съ нимъ ѣхали, я успокаивалъ его и говорилъ, что, принимая во вниманіе общее бѣгство, онъ конечно заслуживаетъ наибольшаго снисхожденія за свое малодушіе. Вечеромъ я видѣлъ одного сапернаго штаб-офицера изъ состава Восточнаго отряда, также рассказывавшаго про бѣгство обозовъ и тоже державшаго себя очень подозрительно. Странно, что все это не производило на меня никакого впечатлѣнія—точно я былъ уже готовъ воспринимать постигавшее насъ бѣдствіе, какъ нѣчто неизбѣжное. Впрочемъ, какъ же могло быть иначе? Развѣ я видѣлъ что либо отрадное въ нашей арміи еще въ мирное время? то же, что пережилъ уже на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Гайчжоу и Ляоянѣ, показывало, что мы принесли въ Маньчжурію все наше безобразіе, и что плохая система мирнаго времени окажется еще хуже въ военное.

Ночь я спалъ плохо и слѣдилъ за спокойнымъ сномъ подполковника Гусева, постепенно приходя къ заключенію, что его слѣдовало отправить не въ госпиталь (онъ такъ и эвакуировался въ Россію и кажется до сихъ поръ еще украшаетъ нашу армію), а прямо подъ судъ за бѣгство. Онъ убѣдилъ меня въ этомъ еще болѣе утромъ слѣдующаго дня, когда я увидѣлъ его бодро сидящимъ на лошади, при чемъ онъ имѣлъ нахальство спросить меня, нельзя ли доѣхать до Ляояна (болѣе 100 верстъ) въ одинъ переходъ, такъ что я отвѣтилъ ему: „считаю себя совершенно здоровымъ и не поѣхалъ бы съ такою скоростью, а вы еще раненый“.

Кажется на этомъ же этапѣ я встрѣтился съ началь-

никомъ 6-й Восточносибирской дивизіи, входившей въ составъ Восточнаго отряда, ген. лейт. генеральнаго штаба Трусовымъ. Никакъ не могъ понять почему этотъ генераль ѣдетъ отъ мѣста сраженія, съ своимъ адъютантомъ, въ Ляоянь.

21 апрѣля я продолжалъ путь къ р. Ялу и встрѣтилъ большой транспортъ раненыхъ, на носилкахъ, въ двуколкахъ и просто тащившихся пѣшкомъ. Мнѣ показалось, что шли и совсѣмъ здоровые, но утверждать не могу. Я прибылъ въ половинѣ дня на этапъ Сейлючанъ, отъ котораго оставалось всего 25 верстъ до г. Фынхуанчена. Мнѣ сказали, что ожидаютъ съ минуты на минуту прибытія начальника Восточнаго отряда, и слѣдовательно я доѣхалъ до мѣста назначенія. Здѣсь уже встрѣтились отступавшіе обозы второго разряда и артиллерійскіе парки. Все это шло торопливо, въ безпорядкѣ, въ какомъ то нервномъ возбужденіи. Командовавшій паркомъ, или частью его, офицеръ не зналъ забирать ли ему сложенные на этапѣ большіе запасы артиллерійскихъ снарядовъ, но его выручили батареи, рѣшившія взять ихъ въ свои ящики. Во время нагрузки раздался не то выстрѣлъ, не то взрывъ. У всѣхъ лица побѣлѣли. Я пошелъ по направленію звука и около одной изъ фанзъ увидѣлъ разсѣивающееся облако дыма. Войдя въ помѣщеніе, я почувствовалъ запахъ, напоминающій сожженіе обыкновеннаго чернаго пороха; вѣроятно его нечаянно сожгли китайцы, сильно шумѣвшіе въ фанзѣ. Я вернулся объяснить грузившимъ снаряды артиллеристамъ причину взрыва. Начальникъ транспорта собирался уже выступать, а, узнавъ, что я состою въ распоряженіи г. Засулича, просилъ доложить ему, что, во исполненіе его распоряженія пороть нижнихъ чиновъ за пьянство, онъ выпоролъ двухъ своихъ людей.

Помѣщеніе этапа начало наполняться чинами полевого контроля, интендантства и управленія корпуснаго врача. Наконецъ, около 6—7 часовъ вечера, прибылъ генераль Засуличъ со своимъ штабомъ. Не могу сказать, чтобы я былъ принять любезно или нелюбезно, а просто индифферентно. Генераль сказалъ только: „вы кавалеристъ; будемъ посылать васъ въ развѣдку“. Я началъ присматриваться къ дѣя-

тельности штаба, весьма и весьма многочисленного состава. Офицеровъ генеральнаго штаба было 4, кромѣ начальника штаба, корпусный врачъ съ помощниками, нѣсколько топографовъ, ординарцевъ, завѣдывающіе обозомъ и хозяйствомъ, чины контроля, переводчики. Все это суенилось, но не по службѣ, а по устройству постелей и ѣды (не помню, былъ ли въ этотъ день общій столъ, но затѣмъ такой бывалъ ежедневно, подъ предсѣдательствомъ начальника отряда); въ общемъ происходилъ отчаянный беспорядокъ и толчея; каждый не обращалъ никакого вниманія на другого, а нахально лѣзъ, отвоевываая себѣ мѣсто, не стѣняясь ни чиномъ, ни положеніемъ—лишь бы ему было поудобнѣе. Никого распоряжающагося помѣщеніями и порядкомъ не было. Во всѣхъ фанзахъ стоялъ шумъ, и слышалась непрекращавшаяся ругонь. Въ общемъ штабъ производилъ впечатлѣніе не военнаго учрежденія, а какой то оравы невоспитанныхъ, неинтеллигентныхъ и праздныхъ людей. Впрочемъ удивляться этому было нельзя. Вѣдь Восточный отрядъ, назначенный дебютировать на посрамленіе русскаго оружія на вѣроятнѣйшемъ мѣстѣ нашего перваго столкновения съ врагомъ, представлялъ изъ себя первый продуктъ положеннаго въ основаніе нашей боевой дѣятельности принципа дезорганизации армій, корпусовъ, дивизій, бригадъ, полковъ, словомъ всѣхъ составныхъ частей и элементовъ военной машины. Тюренченъ и Мукденъ въ этомъ отношеніи представляютъ изъ себя совершенно одно и то же, не смотря на то, что ихъ раздѣляетъ промежутокъ времени въ 10 мѣсяцевъ военной боевой практики. Что дѣлать, безталанные люди, конечно, неспособны совершенствоваться и учиться военному искусству на войнѣ; да это и поздно. Войска, вошедшія въ составъ Восточнаго отряда, были именно настоящими артурцами, жившими и воспитывавшимися въ крѣпости; и конечно ихъ слѣдовало оставить тамъ, для обороны родныхъ имъ верковъ, которые они знали, какъ и всю прилегающую мѣстность, на которой учились и маневрировали. Но ихъ бросили поскорѣе, безъ всякаго опредѣленнаго плана дѣйствій, на Корейскую границу (въ Корею углубились только казаки Мищенко), сперва

въ двухъ-баталіонномъ составѣ, а затѣмъ дослали изъ Россіи третьи баталіоны; такимъ образомъ одна треть пѣхоты Восточнаго отряда явилась на мѣсто перваго столкновѣнія всего за нѣсколько дней до боя и была совершенно незнакома своему начальству (правда это былъ отборный элементъ, высланный изъ всѣхъ частей пѣхоты Европейской Россіи). Главное начальство надъ всѣми сосредоточенными на р. Ялу войсками сперва было ввѣрено г.-л. Кашталинскому, начальнику артурской 3-й Вост. сибирской дивизіи, имѣвшему начальникомъ штаба подполковника Линда. Эти два лица и организовали оборону р. Ялу, вели развѣдку противника и во всякомъ случаѣ уже давно были въ курсѣ дѣла. Но Куропаткинъ рѣшилъ полезнымъ назначить болѣе старшаго генерала, уже командовавшаго корпусомъ г. л. Засулича, для котораго создали новый, совершенно импровизованный штабъ отряда, подъ начальствомъ полковника Орановскаго, считавшагося едва ли не самымъ выдающимся офицеромъ генеральнаго штаба на Дальнемъ Востокѣ. Окончивъ академію въ 1891 году, онъ къ началу войны занималъ генеральскую должность генераль-квартирмейстера въ штабѣ г. Линевица, имѣлъ за боевыя отличія въ Китайскую войну Владиміра 4 ст. съ мечами и за мирныя заслуги Владиміра 3 ст., служилъ на Дальнемъ Востокѣ около 10 лѣтъ. Но оказывается, что всѣ его заслуги состояли лишь въ томъ, что онъ былъ женатъ на дочери генерала Линевица и поэтому пользовался особенной протекціей. Можно утверждать, что именно назначеніе начальникомъ Восточнаго отряда корпуснаго командира, вмѣсто уже командовавшаго имъ начальника дивизіи, состоялось исключительно ради того, чтобы устроить Орановскаго, котораго пришлось уволить отъ должности генераль-квартирмейстера арміи, которую дали привезенному изъ Россіи профессору отступательной стратегіи (по опыту войны 1812 года) Харкевичу. При корпусномъ командирѣ можно было сформировать штабъ, имѣвшій значеніе даже больше корпуснаго, а потому слѣдовательно зятекъ Линевица, съ которымъ особенно дружилъ Куропаткинъ, могъ быть устроенъ отлично и съ вѣрными шансами на производство въ генералы.

И вотъ только 9 апрѣля, т. е. за недѣлю до Тюренченской катастрофы, импровизованное случайное начальство со своимъ импровизованнымъ органомъ управленія—штабомъ—приняло руководство надъ импровизованнымъ отрядомъ и начало готовиться разыграть операцію въ разстояніи 200 верстъ отъ ближайшихъ резервовъ и отъ центра командованія войсками, сосредоточиваемыми на театрѣ военныхъ дѣйствій. Надо было имѣть особенное довѣріе къ избранному генералу, а, по существовавшему порядку въ нашей арміи, и къ приставляемой къ нему нянькѣ генеральнаго штаба, для того, чтобы послать ихъ на такое рискованное дѣло, въ которомъ нельзя было не предоставить самой широкой инициативы и самостоятельности. Ляоянь былъ соединенъ со штабомъ Восточнаго отряда телеграфомъ, но протянутая на 200 верстъ по полувраждебной странѣ проволока всегда могла быть случайно, или намѣренно, перерѣзана въ самую нужную критическую минуту, а слѣдовательно командовать изъ Ляояна генераломъ Засуличемъ въ Шахэдзахъ Куропаткинъ конечно не могъ. Новый начальникъ ѣхалъ въ невѣдомую ему и его штабу мѣстность (считаю, что Орановскій не бывалъ раньше на р. Ялу, а если я ошибаюсь, то его отвѣтственность за Тюренченъ еще усугубляется), къ незнакомымъ ему войскамъ, съ импровизованнымъ органомъ для приведенія въ исполненіе своихъ предначертаній, и въ такое время, когда противникъ уже совсѣмъ приготовился къ наступленію (г. Мищенко уже давно отошелъ подъ напоромъ японцевъ, ведя ихъ на хвостъ своей кавалеріи). Вступленіе въ командованіе при такой обстановкѣ было нелегко, а слѣдовательно, повторяю, вѣроятно Куропаткинъ высоко цѣнилъ, какъ Засулича, такъ и Орановскаго.

Съ 9-го по 18-е апрѣля прошло 8 сутокъ, но, по всѣмъ даннымъ, ни новый начальникъ отряда, ни его помощникъ—начальникъ штаба—не проявили никакой дѣятельности; они воспользовались номинально своимъ правомъ командованія, но не исправили кордонное расположеніе на р. Ялу, не усилили развѣдку, а предоставили все на волю Божию: что будетъ, то и будетъ. Однако, казалось, было время на что нибудь рѣшиться, такъ какъ японцы не дремали и по всѣмъ

признакамъ готовились къ переправѣ. У людей, стоявшихъ ближе къ дѣлу (я говорю про г. Кашталинскаго и подполковника Линда), сложилось уже, если не убѣжденіе, то предчувствіе, что ударъ послѣдуетъ рѣшительный, и они склонялись къ отступленію безъ упорнаго боя, но новые заправила не хотѣли брать на себя отвѣтственность уходить безъ сопротивленія, и поэтому Засуличъ отдалъ роковой приказъ: „держаться“. Можно и иногда должно отдать приказъ не только держаться, но драться до послѣдней капли крови, умирать на позиціи, но это должна оправдывать обстановка и результаты. При мнѣ, за обѣдомъ, какъ то Засуличъ получилъ сочувственную телеграмму отъ москвичей—патріотовъ, восхвалявшихъ доблесть нашихъ войскъ подъ Тюренченомъ, и съ апломбомъ, прочитавъ вслухъ депешу, сказалъ: „видите, господа, нельзя было отступать: боя требовало общественное мнѣніе Россіи“. Громкая фраза, пустыя слова, и какъ они были жалки въ устахъ позорнаго героя; ими высказалъ онъ свое ничтожество и нечестность. Ради чего онъ приказалъ держаться на позиціи ничтожной горсти храбрецовъ? ради того, что имѣлъ право это сдѣлать, какъ начальникъ; но на чемъ основано было его распоряженіе? зналъ онъ какими силами будутъ атаковать японцы?—нѣтъ; принялъ ли онъ мѣры къ сосредоточенію своихъ силъ?—нѣтъ; намѣтилъ ли онъ направленіе куда японцы нанесутъ главный ударъ?—нѣтъ; имѣлъ ли онъ наготовѣ войска для прикрытія отступленія?—нѣтъ; обезпечилъ онъ себѣ возможность управленія и руководства боемъ?—нѣтъ. Если мнѣ скажутъ, что все это голословныя обвиненія, то я докажу, что они вѣрны, что всѣ мои „нѣтъ“ существуютъ.

1. Невѣдѣніе силъ противника явствуется изъ того, что Засуличъ позволилъ задавить сперва 3, а потомъ 6 баталіоновъ.

2. Невѣдѣніе мѣста главнаго удара явствуется изъ того, что всѣ наши силы были разбросаны, и именно у Тюренчена мы были слишкомъ слабы.

3. Непринятіе мѣръ къ сосредоточенію войскъ слѣдуетъ изъ того, что только 3 баталіона поддерживали тоже 3 ба-

таліона, а даже ближайшія части участія въ бою не принимали.

4. Необезпеченіе фланговъ доказываетъ ходъ боя—выходъ японцевъ не только во флангъ, но и въ тылъ нашей позиціи; положимъ, одинъ полкъ ушелъ по иниціативѣ своего командира и тѣмъ поставилъ другіе въ критическое положеніе, но если бы этого и не случилось, то все-таки цѣлая японская дивизія должна была насъ охватить, благодаря неумѣлому занятію нами позиціи.

5. Неприкрытіе отступленія слѣдуетъ изъ того, что отрядъ почти бѣжалъ: обозы подверглись настоящей паникѣ, а все остальное шло возможно скорѣе, не помышляя о какомъ нибудь сопротивленіи, и такимъ образомъ даже промахнулись заблаговременно укрѣпленную позицію у Пьямыня.

6. Отсутствие управленія боемъ и руководства боемъ есть историческій фактъ, потому что ни Засуличъ, ни Орановскій не были 18 апрѣля на полѣ сраженія и даже вблизи его, а первые отступили и даже участвовали въ паникѣ обозовъ, скакали во весь опоръ съ вынутыми револьверами; не отдали рѣшительно никакихъ распоряженій.

А если это все такъ, то отдача приказа Засуличемъ „держаться на позиціи“ есть преступленіе. Посмотримъ, каковы были его послѣдствія: въ первомъ же столкновеніи съ японцами мы были ими на голову разбиты; 2 славныхъ полка разстрѣляны, часть людей попала въ плѣнъ (я не считаю позоромъ въ упорномъ бою потерять нѣсколько человѣкъ, но подъ Тюренченомъ ихъ было слишкомъ много), одинъ полкъ разбѣжался, а, главное, мы отдали до 30 орудій. Конечно, теперь, подводя итоги войны, мы знаемъ, что отдали врагу сотни орудій, десятки тысячъ плѣнныхъ, нѣсколько броненосцевъ, словомъ легендарное количество всякихъ трофеевъ и цѣлое богатство всякаго имущества, и поэтому отдача подъ Тюренченомъ трехъ—четырехъ десятковъ пушекъ не производитъ жестокаго впечатлѣнія, но тогда, Боже мой, тогда, вѣдь впечатлѣніе было ужасно; оно отразилось и прошло красною ниткою во всѣхъ нашихъ послѣдующихъ бояхъ. Прибавимъ къ этому, что послѣ пер-

ваго же столкновѣнія произошло паническое бѣгство, хотя бы только тыловыхъ учреждений, но все же были налицо такіе факты: брошенныя повозки, вещи, денежные ящики, скачущіе въ безумномъ страхѣ генералы, офицеры, нижніе чины, неистовые крики—японская кавалерія; это безобразіе было! Оно стало извѣстно арміи, японцамъ, китайцамъ, Россіи, Европѣ! Русскія войска бѣгутъ какъ китайцы, русскія пушки (30) въ рукахъ японцевъ! Русскіе разбиты японцами наголову въ первомъ сраженіи и отступили на 150 верстъ (отъ Шахэдзы до Фынхуанчена 85, а отъ Фынхуанчена до Ляншаньгуань, гдѣ остановился Восточный отрядъ, 65 верстъ)! Такое начало кампаніи не предвѣщало ничего хорошаго, и, казалось бы, надо было тотчасъ же принять самыя рѣшительныя мѣры, т. е. посмотрѣть на дѣло серьезно и честно, и прежде всего рѣшить вопросъ, кто являлся виновникомъ позора, на кого падаетъ отвѣтственность за такое пораженіе.

Рѣшить вопросъ было не трудно. Начальникъ, располагающій 18-ю баталіонами и допустившій противника обрушиться сперва на 3, а потомъ на 6 баталіоновъ, не есть начальникъ способный распоряжаться операціей; начальникъ, дозволившій погибнуть одной четверти своего отряда съ одною третью своей артиллеріи, совершенно безцѣльно и бессмысленно, потому что результатомъ такой потери было только беспорядочное отступленіе однихъ и паническое бѣгство другихъ, неспособенъ управлять боемъ, неспособенъ и совсѣмъ командовать войсками. Пускай даже высшая надъ нимъ власть давала ему слишкомъ неопредѣленныя указанія, но въ самостоятельной операціи точныхъ указаній на всѣ случаи дать невозможно; допустимъ, что Засуличу было рекомендовано не уходить безъ боя, но бой надо было давать со смысломъ, возможно большими силами, съ резервами, а, главное, слѣдовало руководить имъ, а не бросать на жертву, ради исполненія предписаннаго номера, одну горсть, уничтоженіе которой влекло за собой и моральное уничтоженіе всей остальной части отряда, дѣлая ее неспособной и позднѣе выдерживать серьезный натискъ противника. Понадобилась смерть храбраго Графа Келлера на

батареѣ, на глазахъ всего Восточнаго отряда, понадобилось то, что случилось 11-го августа подъ Тунсинпу, для того, чтобы пережившій погромъ Тюренчена, деморализованный Восточный отрядъ сталъ вновь настоящимъ боевымъ войскомъ. Не будь Графа Келлера, уйди небольшой отрядъ безъ боя отъ Тунсинпу, и неизвѣстно какъ бы дрались подъ Ляньдясаномъ и Ляояномъ.

Итакъ виновные были: г. Засуличъ и его нянька Орановскій; были и другіе; ихъ можно было розыскать, напр. командиръ полка генеральнаго штаба полковникъ Громовъ, котораго судили и конечно оправдали въ виду того, что не только пощадили, но въ концѣ концовъ даже и наградили самыхъ главныхъ виновниковъ.

Уже вечеромъ 21 апрѣля, на этапѣ Сейлючжанъ, я сознавалъ весь ужасъ послѣдствій Тюренчена, и меня крайне интересовало, что предприметь послѣ такой позорной первой неудачи нашъ глава, на котораго смотрѣли и которому довѣряли милліоны Русскихъ людей. Въ тотъ же день вечеромъ пришла телеграмма Куропаткина на имя Засулича, гласившая: „вы и ввѣренныя вамъ войска сдѣлали все возможное, благодарю“. Я слышалъ какъ это читалъ Засуличъ, и былъ ошеломленъ. Да вѣдь этотъ человѣкъ сдѣлалъ все возможное, чтобы покрыть съ самаго начала войны позоромъ Русское оружіе; онъ далъ врагу Россіи упоеніе славой и полнымъ успѣхомъ; онъ бѣжалъ съ поля сраженія! И его благодарятъ. О, несчастный, пагубный режимъ нашей арміи, переживаемый не одинъ десятокъ лѣтъ: закрывать глаза на прорѣхи и скрывать свой позоръ и язвы. Но, господа, вѣдь то была война, а не маневры, тамъ лилась русская кровь, а не шутики шутили, была поставлена на карту честь арміи, достоинство родины, а вы готовы были не считаться со всѣмъ этимъ, лишь бы не было скандала въ благородномъ семействѣ, а все было бы шитокрыто. О, какъ это себялюбиво и нечестно, а, главное, опасно и страшно! Могъ ли я сказать тогда что нибудь въ этомъ родѣ, въ этой средѣ штабныхъ тюренченцевъ, сытыхъ, довольныхъ, что оставили за собою подальше противника,

и совершенно не понимавшихъ и не принимавшихъ къ сердцу своего позора.

Какое вліяніе могъ имѣть на своихъ подчиненныхъ и вообще на войска г. Засуличъ, лучше всего обрисовывается постоянно повторяемой имъ фразой: „эта война, господа, на тридцать лѣтъ; мы всѣ умремъ, а наши дѣти будутъ ее продолжать“; я слышалъ такой разговоръ по крайней мѣрѣ раза три, а пробылъ, къ счастью, при Засуличѣ только четыре дня. И такого то господина послалъ Куропаткинъ для самостоятельной операціи на берегахъ р. Ялу, допустилъ его командовать войсками въ нашей первой встрѣчѣ съ врагомъ. Засуличъ относился къ дѣлу съ нескрываемыми отвращеніемъ и апатіей, а своимъ бѣгствомъ сразу заслужилъ кличку „паническаго генерала“, и онъ оправдывалъ ее во весь послѣдующій періодъ военныхъ дѣйствій: его войска слишкомъ поспѣшно уходили изъ боя подъ Симученомъ, Хайченомъ, Ляояномъ и Мукденомъ, а самъ онъ исключительно заботился объ отступленіяхъ и исполнялъ ихъ всегда слишкомъ заблаговременно. Допустимъ, что у командующаго арміей не было выбора, и пришлось назначить именно этого типа, но можно ли было подарить ему Тюренченъ безнаказаннымъ? не надлежало ли немедленно удалить его изъ арміи, какъ виновника позора Русскаго оружія? этою мѣрою были бы достигнуты два важныхъ результата: во-первыхъ такая крупная часть арміи, какъ корпусъ, избавилась бы отъ безталаннаго, пассивнаго, неспособнаго, удручающимъ образомъ дѣйствовавшаго на духъ войскъ начальника, а во-вторыхъ, что особенно важно, наши генералы и офицеры узнали бы, что на войнѣ есть отвѣтственность, что если не умѣешь дѣлать дѣло, то и не берись за него, что быть разбитымъ не есть ничто дозволенное, безнаказанное, что класть даромъ—зря тысячи сыновъ родины не позволяется, что оставлять позиціи и поворачивать тылъ непріятелю, а тѣмъ болѣе бѣгать отъ него преступно, что за все это бываетъ немедленное, строгое и суровое возмездіе; вообще войска увидѣли бы, что мы воюемъ, а не шутимъ, что всѣ чины арміи являются отвѣтственными передъ начальствомъ, обществомъ и родиной. Вѣдь читалъ же

я кажется въ іюлѣ 1904 года, т. е. черезъ три мѣсяца послѣ Тюренчена, предложеніе отъ имени командующаго арміей всѣмъ командирамъ частей: „если кто чувствуетъ себя слабымъ и неспособнымъ, прямо и честно въ этомъ сознаться“ *). Я былъ крайне удивленъ прочитатъ подобное повѣствованіе нашего старшаго начальника на войнѣ, обнаружившаго такое непониманіе свойствъ человѣческихъ. Да, можетъ быть многіе изъ командировъ частей съ охотою повинились бы въ своей неспособности; только конечно не изъ честности, а по малодушію: чтобы какъ нибудь только уйти изъ грязной исторіи (увы, такъ постоянно называли войну г.г. офицеры и начальники). Но кто же изъ нихъ посмѣлъ бы это сдѣлать? если даже режимъ, существовавшій въ нашей дѣйствующей арміи, поощрявшій всякія эвакуаціи, отлыниванія, уклоненія отъ службы, и пощадилъ бы этого слабоумнаго, то всетаки инстинктъ самосохраненія въ будущемъ заставилъ бы его отказаться отъ такого неосторожнаго шага: всетаки, если не сейчасъ, во время хаотическаго состоянія арміи, то позднѣе, когда она оздоровѣла бы, такого проходимца покрыли бы позоромъ и отставили бы отъ службы **); а то какъ же, до войны служилъ и бралъ деньги за свою неспособность, пользовался всѣми преимуществами мундира, облакавшаго жалкую душонку, лишенную доблести, а когда грянулъ громъ и увидѣлъ, что

*) Этотъ шефдѣвръ существуетъ въ редакціи телеграммы Куропаткина на имя Бильдерлинга отъ 5 августа 04 г. за № 1023: „... надѣюсь, что вы пробудите во вѣрренныхъ вамъ войскахъ точно заснувшій въ нихъ духъ лихости, молодчества. Повторяю, что тѣ начальники частей, которые относятся къ врагу съ преувеличеннымъ и вреднымъ почтеніемъ, чтобы не сказать со страхомъ, и думаютъ больше всего о томъ, чтобы уйти назадъ, должны быть вами представлены къ отчисленію отъ должностей. Съ ихъ стороны честнѣе будетъ самимъ признать свою несостоятельность для военнаго времени (точно они всетаки годятся для мирнаго времени!).“

**) Къ сожалѣнію, повидимому это оздоровленіе придетъ весьма нескоро, ибо только что узналъ о назначеніи командиромъ 2-й бригады 23-й пѣхотной дивизіи полковника фонъ-Фреймана, командовавшаго весьма неудачно на войнѣ Каспійскимъ полкомъ и эвакуировавшагося съ театра военныхъ дѣйствій.

японцы не шутятъ, то сейчасъ же призналъ себя неспособнымъ выносить тягости военной службы. Я перечитывалъ нѣсколько разъ присланную мнѣ литографію и не вѣрилъ своимъ глазамъ... но къ несчастію это былъ фактъ; такъ командовалъ нами нашъ воевода! вмѣсто того, чтобы писать такую бессмыслицу, черезъ три мѣсяца послѣ Тюренчена, Куропаткину слѣдовало 21-го апрѣля послать изъ Ляояна въ Сейлючанъ телеграмму не вышеприведеннаго содержанія, а слѣдующаго: „съ полученіемъ сего передать командованіе Восточнымъ отрядомъ такому то, а вамъ, вмѣстѣ съ вашимъ начальникомъ штаба (нянькой), явиться ко мнѣ для объясненій вашего позорнаго пораженія и бѣгства; остальные виновные будутъ также привлечены къ отвѣтственности; хвалю и благодарю только доблесть славныхъ 11-го и 12-го стрѣлковыхъ полковъ, сумѣвшихъ поддержать своимъ геройствомъ честь арміи и Россіи“. О, тогда ручаюсь, клянусь всѣмъ, что у меня есть святого, что позоръ Тюренчена не былъ бы такъ ужасенъ по своимъ послѣдствіямъ, не былъ бы такъ гибеленъ для арміи, и такая мѣра спасла бы насъ отъ послѣдующихъ неудачъ. И, главное, вѣдь все равно шила въ мѣшкѣ не утаишь; армія отлично знала и признавала фактъ пораженія и бѣгства, но такая безнаказанность за нихъ въ первомъ же столкновеніи съ врагомъ показала и вселила убѣжденіе, среди генераловъ и офицеровъ, что война есть служба совершенно неотвѣтственная, что дозволено рѣшительно все: и нерадѣніе, и неисполненіе, и нераспорядительность, и отступленіе безъ надобности, и неподдержка своихъ, и даже бѣгство.

Необходимость принять рѣшительныя мѣры послѣ Тюренчена видна изъ того, что уже черезъ недѣлю Куропаткинъ нашелъ нужнымъ отозвать Засулича и передать его отрядъ Графу Келлеру *), но эта была только жалкая по-

*) Уже находясь далеко впереди отряда, съ разѣздомъ, я получилъ записку отъ одного изъ ординарцевъ штаба, сообщавшую мнѣ такими словами перемѣну командованія: „вы вѣроятно знаете, что Засулича убрали, на его мѣсто присланъ Келлеръ“. Даже у такихъ маленькихъ чиновъ Восточнаго отряда было убѣжденіе, что паническаго генерала убрали, а слѣдовательно былъ же онъ виноватъ въ случившемся подъ Тюренченомъ погромѣ.

лумбра: Засуличъ получилъ въ командованіе другой корпусъ (2-й Сибирскій) и слѣдовательно не понесъ заслуженной кары. Восточный отрядъ конечно выигралъ, получивъ начальникомъ человѣка идеальной храбрости и самоотверженности, преданнаго не только дѣлу родины и арміи, но и военному искусству, съ высшимъ военнымъ образованіемъ, глубоко честнаго, небоявшагося ни недовольства начальства, ни инцидентовъ, и не бившаго на мелкую популярность. Къ сожалѣнію этому герою пришлось своею жизнью искупить развратное командованіе своего предшественника, и хотя онъ успѣлъ заслужить себѣ вѣчную память и славу, но не ему довелось доставить лавры Русскому оружію. Я убѣжденъ, что если бы не роковая шрапнель, разорвавшая до блестную грудь Графа, то въ дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ событій онъ оказался бы выше многихъ тѣхъ, которые черезъ нѣсколько недѣль послѣ его кончины пожали то, что онъ посѣялъ, и заслужили себѣ побѣдный ореолъ. Миръ праху его, вѣчный покой и безконечная благодарность сыновъ родины служившихъ подъ его начальствомъ. Полумбра Куропаткина состояла еще въ томъ, что онъ оставилъ Орановскаго начальникомъ штаба при Келлерѣ и вообще не тронулъ больше никого; я не считаю г. Трусова, удаленнаго въ моментъ Тюренченскаго боя; его роль до сихъ поръ еще не вполне выяснена; а также полковника Громова командира полка, оставившаго поле сраженія, который продолжалъ оставаться въ арміи, занимая тепленькое тыловое мѣстечко по управленію этапами, вѣроятно его совершенно устраивавшее.

Я остановился такъ долго на разборѣ виновности команднаго элемента за Тюренченское пораженіе, потому что это послѣднее, какъ сказалъ уже нѣсколько разъ, имѣло особенное значеніе для послѣдовавшихъ событій. Роль несчастнаго начальника штаба Орановскаго я выясню, рассматривая дѣятельность ввѣреннаго ему учрежденія, съ которой ознакомленъ въ полной мѣрѣ, отчасти какъ зритель, иногда состоя при самомъ штабѣ, а больше всего какъ строевой офицеръ Восточнаго отряда и начальникъ многихъ самостоятельныхъ отрядовъ.

Нельзя также не остановиться на мотивахъ, побудившихъ Куропаткина пощадить виновниковъ Тюренчена, и, мнѣ кажется, я могу выяснить ихъ довольно точно. Существуетъ мнѣніе, что этотъ человѣкъ по своей исключительной добротѣ не въ состояніи покарать кого бы то ни было. Полагаю, что это есть большое заблужденіе, тѣмъ болѣе, что такое предположеніе представляетъ само по себѣ не оправданіе, а обвиненіе нашего военначальника. Полководцу быть настолько добрымъ, чтобы оставлять безъ послѣдствій все содѣянное начальниками, какъ крупными, такъ и мелкими—словомъ всѣми чинами арміи, безнравственно, ибо такимъ образомъ будетъ уничтожена всякая отвѣтственность, а гдѣ ея не существуетъ, тамъ дѣло идти правильно не можетъ, особенно такое, какъ военныя дѣйствія, въ которыхъ всегда можно найти столько неопредѣленнаго, невыясненнаго, гадательнаго и потому оправдывающаго и смягчающаго. Доброта можетъ быть только разумная, напр. не рубить тамъ головы, гдѣ отъ этого не произойдетъ ущерба для дѣла; пощадить же при такихъ обстоятельствахъ, когда безнаказанность послужитъ развратомъ для войскъ, преступно, и пощадить быть не должно, ибо на войнѣ нельзя допускать ни малѣйшаго соблазна. Обратимся къ примѣрамъ исторіи, посмотримъ на дѣятельность великихъ полководцевъ и увидимъ, что они не прощали, не щадили, а карали, изгоняли, и никто никогда не ставилъ имъ этого въ вину; тѣмъ самымъ они способствовали повышенію и расширенію дѣятельности своихъ подчиненныхъ; индифферентное же отношеніе къ дѣятельности подчиненныхъ убиваетъ энергію достойныхъ, поощряетъ пороки недостойныхъ и развращаетъ войска. Итакъ не безграничная доброта Куропаткина была причиною оставленія имъ безъ заслуженнаго возмездія виновниковъ Тюренчена. Настоящая причина состояла въ непониманіи обстановки, въ недоумѣніи какъ быть; погромъ ошеломилъ не только Петербургъ, Россію, но и Ляоянь; вѣдь случилось что то совсѣмъ неожиданное; дѣйствительно, японцы, хотя и въ превосходныхъ надъ нами силахъ, и при содѣйствіи какихъ то грозныхъ морскихъ пушекъ, но всетаки атаковали, положили сами нѣсколько ты-

сячь бойцовъ, полѣзли и не побоялись ни Русскаго имени, ни Русскаго штыка; а Русскіе потеряли свои орудія и отступили въ большомъ безпорядкѣ. Какое разочарованіе для того, кто такъ величественно говорилъ въ первопрестольной столицѣ: „терпѣніе и терпѣніе“. Ораторъ не могъ не знать, будучи облеченъ, въ продолженіе шести лѣтъ предшествовавшаго войнѣ періода, высшею военною властью, что армія имъ подготавливаемая во многихъ и многихъ отношеніяхъ была плоха, а больше всего въ лицѣ своего команднаго персонала, начиная отъ генерала и кончая подпоручикомъ; но за то существовала непоколебимая вѣра въ русскаго солдата, въ эту сѣрую скотину, которая умѣетъ беззавѣтно умирать, грудью отстаивая каждую пядь земли, можетъ не ѣсть, не пить, не спать, можетъ ходить раздѣтой, разутой и выносить всѣ тягости, всѣ лишенія. Смыслъ слова „терпѣніе“ состоялъ въ томъ, что въ началѣ войны сѣрой скотины будетъ недостаточно, и поэтому придется отступить передъ превосходствомъ силъ и даже пожалуй передъ искусствомъ тактики японцевъ, но затѣмъ, когда изъ Россіи подвезутъ достаточную массу сѣрой скотины, и можно будетъ ее класть не десятками, а сотнями тысячъ, то какой же врагъ, а тѣмъ болѣе япоши, устоитъ. Фридрихъ Великій, одержавъ побѣду при Цорндорфѣ, считалъ себя разбитымъ и ушелъ съ поля сраженія; Наполеонъ, за котораго французы готовы были умирать какъ одинъ человѣкъ, расшибался о грудь русскаго солдата подъ Фридландомъ, Аустерлицомъ, Бородинымъ и Ульмомъ; подъ Плевной легло 30.000 русскихъ сыновъ; они умирали богатырями на Шипкѣ въ невозможно критическомъ положеніи; на Черной рѣчкѣ, подъ Севастополемъ, отбитые, разстрѣлянные, безъ начальниковъ, богатыри стояли и грозно смотрѣли на врага, которому и въ голову не пришло самому атаковать ихъ; но уже Графъ Милютинъ послѣ Плевны сказалъ: „надо беречь кровь русскаго солдата и руководить операціями съ большимъ смысломъ“. Однако наши носители военного искусства не вняли словамъ этого генія—настоящаго, а не занимавшаго только вакансію генія,—да и какъ было ихъ помнить, когда черезъ 20 лѣтъ послѣ войны 1877 года записки Графа Милютина лежали еще подъ спу-

домъ въ главномъ штабѣ. Ёдучи пожинать лавры въ Маньчжурію, забыли, что въ современномъ бою, при нынѣшнемъ моральномъ эффектѣ огня и потерь, солдатъ, а въ особенности мало развитой умственно, не сознающій идеи борьбы, будетъ стоять и умирать, пойдетъ самъ впередъ на вѣрную смерть только за достойнымъ и любимымъ начальникомъ и офицеромъ. У насъ и въ эту войну были такіе, напр. Келлеръ, Церпицкій, Мищенко, Зарубаевъ, Даниловъ, Артамоновъ, Горскій, Ласскій, Долгоруковъ, Роткевичи, Зиновьевъ, Юзифовичъ, но масса? развѣ она удовлетворяла этому условію, когда были Сахаровъ, Засуличъ, Трусовъ, Орановскій, Грековъ, Абадзіевъ, Громовъ, Вороновъ, Маркозовъ, и сколько такихъ — не перечестъ. Такъ вотъ Тюренченъ далъ смутное представленіе о настоящемъ положеніи дѣлъ; съ этой катастрофой рушилось державшееся на пескѣ зданіе, въ смыслѣ надежды на выигрышъ кампаніи сѣрой скотиной, и во всемъ ужасѣ всталъ грозный вопросъ: что же будетъ дальше, когда япоши умираютъ на полѣ сраженія не хуже нашихъ солдатъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ, даже отдать себѣ въ немъ отчетъ, ни высшая командная власть, ни его орудіе освѣщенія и исполненія конечно не были въ состояніи, потому что они сидѣли въ Ляоянской дырѣ и ко дню Тюренчена не имѣли никакого представленія о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Ну, а когда самъ не знаешь что дѣлать, за что взяться, то приводитъ въ исполненіе карательныя мѣры очень трудно и пожалуй рискованно. Вотъ почему Куропаткинъ въ первые дни послѣ Тюренчена оставилъ Засулича въ покоѣ, чему конечно способствовало и преобладающее свойство его характера—нерѣзительность; наконецъ и рутина всей школы управленія нашей арміей продолжала властвовать: пораженіе непріятно, что дѣлать, но есть смягчающія обстоятельства въ видѣ превосходства непріятельскихъ силъ, да, при натяжкѣ, и безпорядка въ войскахъ собственно не было, а только въ обозахъ; отрѣшить въ самомъ началѣ войны отъ командованія корпуснаго командира, признать его несостоятельнымъ и покарать—будетъ неслыханнымъ инцидентомъ и подтвержденіемъ нашей

неудачи; ее труднѣе будетъ замазать и заставить закрыть на нее глаза; къ тому же генераль можетъ и оправдываться, потому что его послали командовать въ незнакомую обстановку, непосредственно передъ сраженіемъ, съ импровизованнымъ штабомъ, и дали еще какую то инструкцію. Слѣдовательно, сперва выждать, не трогать никого было политичнѣе, а затѣмъ можно было посмотреть. И посмотрѣли—когда увидѣли, что японцы не выльзаютъ изъ Фынхуанчена и дали намъ нѣсколько дней опомниться и придти въ себя, то рѣшились на полумѣру, благо подъ рукой былъ надежный генераль Графъ Келлеръ, которому и поручили командованіе, а виновника тоже пристроили; вышло, что и овцы цѣлы, и волки сыты. Но честно ли это, достойно ли это, и каково исполненъ такимъ образомъ долгъ передъ родиной, и такова ли должна была быть отвѣтственная, столь безумно дорого оплачиваемая народными деньгами, служба? Предоставляю отвѣтить на эти вопросы самимъ читателямъ.

ГЛАВА V.

Отступательный маршъ г. Засулича къ Ляньшаньгуань. Съ 22-го по 24-е апрѣля.

22 апрѣля утромъ штабъ Восточнаго отряда выступилъ съ этапа Сейлючжанъ и перешелъ на этапъ Туинпу (4-й отъ Ляояна). Главныя силы и аррьергардъ отряда двигались по той же дорогѣ; все движеніе прикрывалъ 2-й Читинскій казачій полкъ (кажется въ составѣ только 4-хъ сотенъ), прибывшій изъ Ляояна уже послѣ боя 18 апрѣля; на него были возложены развѣдка и соприкосновеніе съ противникомъ, который не тѣснилъ, не преслѣдовалъ и еще не дошелъ до Фынхуанчена. Такимъ образомъ къ вечеру этого дня штабъ отряда долженъ былъ оказаться въ разстояніи не менѣе 70—80 верстъ отъ противника. Впрочемъ, повидимому въ штабѣ смотрѣли на дѣло весьма просто: возможно скорѣе отойти подальше отъ японцевъ къ позиціи на Феншуйлинскомъ хребтѣ, а какъ складывалась обстановка въ тылу—

занималъ ли противникъ только оставленное нами поле сраженія, или двигался впередъ, какъ будетъ произведена эвакуація роскошно обставленныхъ этаповъ, что станется съ заготовленными на нихъ запасами продовольствія и даже съ артиллерійскимъ складомъ въ Фынхуанченѣ— все это никого не интересовало. Вѣроятно еще наканунѣ войскамъ было роздано приказаніе, въ которомъ часу выступить и куда стать на ночлегъ, но расчета марша сдѣлано не было. Очень скоро по выступленіи изъ Сейлючжана, мы начали обгонять колонны стрѣлковъ, шедшія на хвостѣ обозовъ, двигавшихся въ полномъ безпорядкѣ, что и понятно, такъ какъ паническій обозъ конечно не могъ скоро устроиться. Повозки и вьюки разныхъ частей слѣдовали какъ попало, вперемѣшку своихъ номеровъ, иногда въ одинъ, иногда въ нѣсколько рядовъ, произвольно останавливаясь и обгоняя другъ друга. На пути лежалъ переваль, не представлявшій особой трудности движенія, по крутизнѣ и длинѣ подъема и спуска; въ одномъ мѣстѣ по полотну дороги текъ ручеекъ, и, когда я проѣзжалъ здѣсь наканунѣ, то это мѣсто показалось мнѣ подозрительнымъ, а теперь, когда по немъ прослѣдовало нѣсколько сотъ повозокъ, то образовалось нѣчто въ родѣ трясины, въ которой лошади вязли по колѣно, а колеса по ступицу. Уже давно обозъ двигался по трясинѣ съ большими усиліями лошадей и людей, помогавшихъ подталкиваніемъ повозокъ. Когда штабъ отряда подошелъ къ этому мѣсту, то движеніе совсѣмъ замерло—образовалась пробка: на прохожденіе одной двуколки требовалось нѣсколько минутъ. Я ждалъ, что будетъ. Начальникъ отряда и чины штаба слѣзли съ коней и сѣли надъ расщелиной, въ которой вязли повозки. Такъ просидѣли мы часа два, не дѣлая никакихъ распоряженій, точно возникшее затрудненіе движенія насъ совершенно не касалось и не интересовало. Кто сидѣлъ, кто лежалъ, и всѣ ворчали на то, что Засуличъ не пожелалъ обогнать обозъ, вѣроятно соблюдая свое присутствіе на указанномъ въ диспозиціи мѣстѣ. Сзади насъ постепенно подтягивались войсковыя части и вѣроятно испытывали такое же томленіе. Постепенно прибывали начальники колоннъ, частей, спѣши-

вались и также разсаживались, наблюдая томительную картину переправы черезъ трясину. Неужели же нельзя было починить дорогу, вызвавъ даже не саперъ, а хотя полуроту стрѣлковъ, которая легко бы нарубила хвороста. Наконецъ отрядный инженеръ догадался и приказалъ рубить шашками растущій по оврагамъ кустарникъ, послѣ чего черезъ нѣсколько минутъ движеніе пошло быстрѣе. Такимъ образомъ, въ присутствіи начальника отряда и всего штаба, было потеряно нѣсколько часовъ времени, а легкій маршъ въ 25 верстъ, благодаря замедленію, обратился въ продолжительное изводящее мотаніе войскъ и обозовъ всего отряда.

Лучше всего то, что одинъ офицеръ генеральнаго штаба досталъ наконецъ карту и объявилъ, что имѣется обходная дорога неизмѣримо лучшаго качества и даже совсѣмъ минующая переваль. Спрашивается, какъ же могли мы воевать, когда даже не знали какъ выбрать дороги по точной картѣ, и еще какія? На главномъ стратегическомъ направленіи всей операціи отряда! Какое имѣлъ основаніе генеральный штабъ посылать весь отрядъ на переваль и въ трясину, когда была полная возможность миновать ихъ и пройти путь безъ потери времени и силъ людей и лошадей. Какъ могли себѣ позволять эти тунеядцы курить, зѣвать и балагурить цѣлыми часами, наблюдая созданный ихъ руками беспорядокъ, и даже не принимать никакихъ мѣръ къ его устраненію. Что это за штабъ, который однако имѣетъ своимъ назначеніемъ обезпечивать удобства боевой жизни войскъ! Что это за начальникъ штаба, ограничивающій свою роль и дѣятельность тѣмъ, что ѣздитъ рядомъ или за лошадыю своего начальника, сидитъ и зѣваетъ отъ скуки, когда, сидитъ этотъ послѣдній; имѣя въ своемъ распоряженіи 3-хъ офицеровъ генеральнаго штаба, инженеровъ, топографовъ, адъютантовъ, не потребовать изслѣдованія пути отхода войскъ (при этомъ и увѣренности въ полной инертности японцевъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ, у него не было), главной и боковыхъ дорогъ, а увидя, что образовалась пробка, и движеніе надолго замерло, не шевельнуть пальцемъ для его возстановленія. Нисколько не интересоваться тѣмъ, что боевыя войска совершенно напрасно изведутся,

придя на отдыхъ на нѣсколько часовъ позднѣе и пробывъ напрасно это время подъ ружьемъ и ранцемъ. Да, думалось тогда, съ такимъ генеральнымъ штабомъ немудрено получить Тюренченъ, когда мы не можемъ быстро пройти какія нибудь 30 верстъ пути безъ того, чтобы пустая случайность не задержала насъ произвольное время. Что же будетъ дальше? Пока случилось то, что Засуличу надоѣло ждать прохожденія обозовъ по трясинѣ; онъ воспользовался открытіемъ новой дороги, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ. За нимъ тронулся конный конвой, повезли флагъ съ буквами В. и О. (восточный отрядъ), потянулся и весь штабъ. Съ тыла тревожныхъ свѣдѣній не поступало, а потому конечно войска и обозы какъ нибудь доберутся до мѣстъ назначеній.

23 апрѣля штабъ выступилъ изъ Туинпу на этапъ № 3, Лянъшаньгуань, не ранѣе полудня. Утромъ пріѣхалъ обогнавшій свои полки казачьей Забайкальской дивизіи г. Ренненкампфъ—герой китайской войны 1900 года, отъ котораго тогда такъ много ожидали, что даже стрѣлковые наши полки кричали ему ура. Онъ вѣроятно хотѣлъ оріентироваться въ нашемъ штабѣ, но съ увѣренностью говорю, что врядъ ли ему могли сообщить что нибудь, кромѣ одной данной, а именно, что Фынхуанченъ считался еще не занятымъ японцами. Ренненкампфъ долженъ былъ, пройдя Туинпу, повернуть на юго-востокъ, такъ какъ его райономъ дѣйствій были окрестности Саймацзы. При немъ состоялъ извѣстный въ нашей арміи военный корреспондентъ—Л.-Гв. Атаманскаго полка подъесаулъ Красновъ.

Не могу не остановиться на дѣятельности сего офицера. Прежде всего надо замѣтить, что во время войны офицеры въ принципѣ должны состоять только въ рядахъ войскъ, съ чисто боевымъ назначеніемъ; всякія неболевые должности для офицеровъ должны быть возможно ограничены въ своемъ количествѣ, и на занятіе ихъ офицерами слѣдуетъ смотрѣть, какъ на неизбежное зло; желательно даже имѣть возможно ограниченный составъ офицеровъ въ штабахъ и въ качествахъ личной свиты начальниковъ. На тыловыя должности въ разныхъ учрежденіяхъ надо выбирать неспособныхъ къ

бою, а въ продолженіе кампаніи назначать на нихъ пострадавшихъ отъ ранъ и болѣзней, кои, не подлежа эвакуаціи, могутъ командовать напр. транспортами, этапами, служить въ администраціи военныхъ сообщеній, интендантства. Придумывать же какія либо должности и занятія офицерамъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, дающія имъ право на законномъ основаніи не идти въ бой, не только вредно, но преступно, а создавать офицеровъ—спеціальныхъ корреспондентовъ значитъ кромѣ того позорить публично званіе офицера. Какая можетъ быть роль такого господина корреспондента при войскахъ во время боя, когда его товарищи обязаны рисковать своею жизнью и не щадить своей головы, а онъ, также носящій офицерскіе погоны, получаетъ право избѣгать пуль, имѣя своей задачей не сражаться, а описывать подвиги или пораженія своихъ товарищей. А что если корреспондентъ окажется трусомъ? Можетъ ли кто нибудь бросить это ему въ лицо, или покарать его за это преступленіе? Кто или что мѣшаетъ ему уклониться отъ опасности подъ благовиднымъ предлогомъ? Весь этотъ развратъ происходитъ на глазахъ у офицеровъ и нижнихъ чиновъ, существуя на законномъ основаніи офиціальнаго признанія такого субъекта некомбатантомъ. Онъ наравнѣ съ своими товарищами получаетъ усиленное содержаніе военного времени и въ то же время зарабатываетъ особый гонораръ (и составляющій главную приманку), такъ же, какъ они, будетъ всю свою дальнѣйшую службу хвастаться опытомъ войны, а между тѣмъ онъ продѣлалъ ее не ради высокой цѣли защиты родины, а лишь для удовлетворенія личныхъ интересовъ, при чемъ обезпеченъ въ сохраненіи своей шкуры и жалкой душонки, имѣетъ даже шансы на полученіе боевыхъ отличій (въ нашей арміи тѣхъ временъ въ особенности, когда награды давались не за отличія, а по знакомству). Онъ имѣетъ возможность во всякую данную минуту не только повернуть спину противнику и ускокать отъ опасности, но даже просто избавиться отъ тягостей войны (да и несетъ ли онъ ихъ?) и уѣхать съ театра военныхъ дѣйствій, между тѣмъ какъ его товарищи обязаны нести тягость долгихъ мѣсяцевъ боевой жизни. Итакъ, уже назна-

ченіе офицера спеціальнымъ военнымъ корреспондентомъ при дѣйствующей арміи является преступленіемъ и аномальнымъ явленіемъ въ ея боевой жизни, но посмотримъ искупается ли это преступленіе какою либо пользою для дѣла.

Для этого рѣшимъ вопросъ, нужно ли вообще имѣть на театрѣ военныхъ дѣйствій какихъ бы то ни было представителей прессы. Конечно въ принципѣ это совершенно лишній элементъ, даже вредный, что доказываетъ фактъ обязательнаго пропуска всякой корреспонденціи изъ арміи черезъ предварительную цензуру, учреждаемую при штабахъ, такъ какъ военныя дѣйствія составляютъ тайну, оберегаемую всѣми средствами; присутствіе представителей прессы есть неизбѣжное зло, заставляющее организовать особое учрежденіе цензоровъ, отрывая отъ прямого дѣла много лицъ и обременяя и безъ того сложную дѣятельность штабовъ. И всетаки въ концѣ концовъ, подъ видомъ корреспондентовъ, при арміи можетъ быть организовано противникомъ шпіонство; не смотря на самую бдительную цензуру, при напряженной спѣшной боевой работѣ, могутъ проскочить въ прессу свѣдѣнія, которыя было бы выгодно не оглашать, или огласить гораздо позднѣе, когда, вслѣдствіе перемѣны обстановки, они явятся безвредными. Конечно мнѣ могутъ возразить, что общество будетъ лишено, при отсутствіи корреспондентовъ, правильно судить о дѣйствіяхъ арміи, что донесенія печатавшіяся нашими штабами затуманивали событія и факты, а попадавшія въ прессу извѣстія изъ за границы совсѣмъ сбивали съ толку, выставя наше положеніе въ худшемъ свѣтѣ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Я не буду оспаривать того, что дѣйствительно лучше прямо и открыто сказать Россіи и всѣмъ: мы разбиты и понесли такое то пораженіе, чѣмъ туманными донесеніями маскировать свои неудачи, исказить истину и увѣрять, что напр. подъ Тюренченомъ войска проявили одно геройство, что отступленіе (замѣтимъ поспѣшное, точно вынужденное) отъ Ляояна было преднамѣреннымъ стратегическимъ маршемъ, что сраженіе при Шахэ—Бенсиху было полу-побѣдой, въ которой мы, наступая, выиграли

пространство, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ по всей длинной линіи фронта закончили операцію отступленіемъ и дали возможность противнику въ нѣкоторыхъ пунктахъ продвинуться впередъ. Это было нечестно и дѣлалось изъ личныхъ интересовъ, дабы, скрывая свои пораженіе и неспособность, сохранить какъ нибудь свою популярность, если не передъ Правительствомъ, которое всетаки было ориентировано, то среди интеллигенціи и всей народной массы. Благодаря такимъ туманнымъ донесеніямъ штаба единственной сперва Маньчжурской арміи, мы получили главнокомандующимъ сформированныхъ трехъ армій генерала, терпѣвшаго однѣ неудачи во всѣхъ своихъ операціяхъ и бояхъ, послѣдствіемъ чего явилось и полное наше пораженіе подъ Мукденомъ. Только тогда наконецъ устранили главного виновника катастрофы, но, къ сожалѣнію, всего на нѣсколько дней, а затѣмъ ограничились полумѣрой, оставивъ его командующимъ арміи.

Еще до Тюренчена, а затѣмъ и передъ Ляояномъ и Шахэ—Бенсиху, при нашей арміи состоялъ легіонъ корреспондентовъ статскихъ, военныхъ, русскихъ и иностранныхъ; однако они не сумѣли освѣтить вѣрно все происходившее на театрѣ военныхъ дѣйствій, и имя Алексѣя Николаевича Куропаткина оставалось популярно въ Россіи; на него все еще надѣялось „Новое Время,“ и какъ будто ожидали скорой побѣды. Близко стояшій къ правительственнымъ сферамъ человекъ, пріѣзжавшій въ Мачъжурію съ особыми полномочіями, сказалъ мнѣ на мой докладъ: *) „о да, въ Петербургѣ все это знаютъ и не вѣрятъ въ Куропаткина, но существуетъ еще его несчастная популярность

*) Разговоръ происходилъ въ Харбинѣ около 10 января 1905 г., а нѣсколько дней позднѣе я передалъ тому же лицу написанный мною краткій, но правдивый и точный очеркъ командованія арміей съ самаго начала военныхъ дѣйствій, въ которомъ говорилъ о неминуемой катастрофѣ, такъ сказать предсказывалъ Мукденское пораженіе, при чемъ я говорилъ, что вовсе не боюсь быть доносчикомъ, а считаю своимъ долгомъ доносить о постигающемъ нашу армію и родину бѣдствіи. Судьба моего доклада мнѣ неизвѣстна, но повидимому онъ не имѣлъ никакихъ результатовъ, въ чемъ конечно не моя вина.

въ Россіи, изъ за которой его и не смѣняютъ“. А въ такомъ случаѣ какая же была польза нашему обществу отъ цѣлой арміи корреспондентовъ? одинъ только вредъ, тѣмъ болѣе что не всѣ корреспонденты, какъ и не всѣ войсковые начальники, честные люди, и между такими происходятъ даже сдѣлки, служащія къ полному заблужденію общественнаго мнѣнія.

Но можетъ ли быть названъ честнымъ человѣкомъ спеціально военный корреспондентъ — офицеръ? Безусловно нѣтъ, по слѣдующимъ соображеніямъ и даннымъ:

1. Честный офицеръ не возьметъ на себя позорной роли бѣжать на войну не съ цѣлью сражаться, по долгу службы и присяги, а зарабатывать деньги, опытъ и отличія легчайшимъ и удобнѣйшимъ способомъ.

2. Честный человѣкъ понимаетъ, что ему не позволятъ критиковать и писать правду про наблюдаемые бои и операціи, если только они хотя не совсѣмъ удовлетворительны; ему предоставятъ право описывать событія только въ выгодномъ для начальства свѣтѣ, иначе его прогонятъ.

3. Наконецъ офицеръ, приглашаемый корреспондировать, долженъ быть интеллигентнымъ человѣкомъ, а потому не можетъ не постигнуть того, что его именно и избираютъ начальники для составленія себѣ рекламы, въ виду его способности, оцѣнивая военную обстановку, умѣть представить и скомбинировать ее такъ, чтобы вся дѣятельность начальника и его войскъ казалась блестящей, чтобы онъ умѣло, опытною рукою развращеннаго, присяжнаго писака втиралъ очки общественному мнѣнію и рекламировалъ бы, популяризировалъ своего фактотума и благодѣтеля... Вотъ что передумалъ я при встрѣчѣ съ господиномъ Красновымъ, любимцемъ Куропаткина и другихъ генераловъ. Я до сихъ поръ удивляюсь, какъ въ гвардейскомъ полку, гдѣ онъ служить, ему позволили очутиться въ такой роли, тѣмъ болѣе, что того же полка нѣсколько офицеровъ пошли на войну не корреспондировать, а умирать за родину. Я своими глазами видѣлъ ихъ безстрашными, въ самомъ адскомъ огнѣ, видѣлъ ранеными и продолжавшими служить и работать, а этотъ краснобай и шелкоперъ пріѣхалъ описывать доблесть и славу

Куропаткина, Ренненкампа и другихъ, о которой мы получили бы самыя точныя свѣдѣнія и безъ него. Армія не нуждалась въ присутствіи и дѣятельности Краснова, разъ онъ пріѣхалъ не офицеромъ, а писакой—рекламистомъ подвиговъ нашихъ начальниковъ съ Куропаткинымъ во главѣ.

Говоря о специально военномъ корреспондентѣ типа Краснова, нельзя не затронуть вопроса о корреспондентахъ офицерахъ, состоявшихъ въ рядахъ арміи и писавшихъ въ газетахъ по своей инициативѣ и по соглашенію съ редакціями. Это зло къ несчастію также было допущено въ нашей арміи, и я смѣло высказываю убѣжденіе, что до заключенія мира ни одинъ офицеръ, ни одинъ воинскій чинъ, находящійся на театрѣ военныхъ дѣйствій, не долженъ имѣть права участвовать своимъ словомъ въ прессѣ, и вотъ почему:

1. Армія побѣждающая не нуждается ни въ какихъ корреспондентахъ для освѣщенія обстановки, объясненія такихъ или иныхъ своихъ дѣйствій; общество не судитъ побѣдителей и вполне удовлетворяется фактомъ побѣды, а попадется ли на столбцы газетъ больше или меньше подробностей о побѣдахъ не столь важно. Статскіе корреспонденты сумѣютъ удовлетворить интересы публики, а, какъ не участники военныхъ дѣйствій, они дадутъ болѣе безпристрастное описаніе.

2. Армія побѣждаемая не можетъ допустить публичнаго разоблаченія своей дѣятельности, потому что разоблаченіе подрываетъ авторитетъ военной власти, дѣлающійся при неудачахъ и безъ того неустойчивымъ. Пока идутъ военныя дѣйствія, особенно нужно поддерживать авторитетъ командованія, а не разрушать его, и потому печатная гласная критика нежелательна. Можно и должно принимать самыя безпощадно суровыя мѣры за неудовлетворительное командованіе, какъ напр. подъ Тюренченомъ, но позволять печатную критику начальниковъ и вообще военныхъ дѣйствій офицерами изъ арміи нельзя. Я прошу не смѣшивать понятія о корреспонденціи съ понятіемъ о донесеніи, такъ какъ послѣднее должно быть всегда правдиво и незамаскировано, дабы можно было знать о неудачахъ и ихъ причинахъ, но эти донесенія могутъ и не предаваться временно гласности.

3. Такими корреспондентами являются почти исключительно молодые офицеры, мало опытные и слишком зависимые отъ своего начальства, а потому въ большинствѣ случаевъ и пишущіе для его прославленія. Я читалъ много такихъ корреспонденцій и знаю насколько были искажены обстановка и факты въ пользу начальниковъ и ихъ войскъ; слѣдовательно, онѣ не заслуживали довѣрія и только вводили общество въ заблужденіе; онѣ вредны еще потому, что рекламируютъ въ большинствѣ случаевъ вздоръ, раздуваютъ славу такихъ героевъ, кои никогда героями не были, а иногда приносятъ и вредъ достойнымъ лицамъ, напр., когда такой писака попадаетъ во временное подчиненіе какому нибудь начальнику и бываетъ имъ недоволенъ; тогда онъ умышленно изъ мести способенъ рассказывать про такого начальника небылицы. И это часто бывало.

4. Обыкновенные строевые офицеры не занимаются корреспонденціей, а самыми яркими писаками являлась штабная и тыловая челядь, болтавшаяся подальше отъ пуль, при всякихъ генералахъ, штатныхъ и нештатныхъ командахъ; для нихъ не было ничего святого, ибо они служили не дѣлу, а около него, для своихъ интересовъ, и въ своихъ корреспонденціяхъ преслѣдовали или рекламу какихъ нибудь лицъ, или, и главное, строчную плату.

5. Описывать всякіе бои, даже стычки, очень трудно, потому что большинство придаетъ имъ субъективную, пристрастную оцѣнку, описывая собственную дѣятельность, собственное участіе. А разъ правдивость отсутствуетъ, то какую же пользу могутъ принести такія корреспонденціи. Я зналъ начальника охотничьей команды рекламировавшаго себя всюду, а между тѣмъ это былъ просто шантажистъ и негодяй, и пришлось выгнать его изъ отряда. Если допустить, что офицеры корреспонденты имѣютъ нѣкоторое преимущество передъ обыкновенными газетными репортерами тѣмъ, что знаютъ военное дѣло, то смѣю разувѣрить думающихъ такъ. На войнѣ дѣльному офицеру, а тѣмъ болѣе образованному настоящимъ образомъ, напр. хорошему офицеру генеральнаго штаба писать корреспонденціи некогда; да такіе и предпочтутъ описывать военныя событія

послѣ войны, когда можно провѣрить факты и данныя, получить документы и разъясненія. А на войнѣ пишутъ именно офицеры ничего общаго съ военнымъ дѣломъ не имѣющіе, напр. какой нибудь транспортный офицеръ, какой-нибудь опредѣлившійся изъ запаса въ штабъ главнокомандующаго, или удравшій изъ строя подальше отъ пуль; я зналъ такого ординарца въ штабъ арміи, который писалъ весьма ретиво въ Харбинскія газеты о всякихъ бояхъ, а самъ, будучи въ сотнѣ, не могъ поставить по картѣ сторожевой постъ, или провести разъѣздъ на нѣсколько верстъ.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать, что если бы съ самаго начала военныхъ дѣйствій было воспрещено нашимъ офицерамъ корреспондировать въ газеты, то наше общество потеряло бы весьма немного. Правда, оно не узнало бы, что лихіе охотники въ числѣ 20 человекъ, потерявъ ранеными и убитыми 18, отступили не оставивъ въ рукахъ противника ни одного тѣла (были и такія корреспонденціи), оно не знало бы нѣсколько фамилій героевъ, но, къ сожалѣнію, настоящіе герои остались всетаки неизвѣстными, какъ болѣе скромные и занятые. И, не смотря на сомнѣніе корреспондировавшихъ изъ арміи лицъ, Русское общество до сихъ поръ понятія не имѣетъ напр. объ операціи подъ Бенсиху, 25 сентября—2 октября 1904 г., хотя о ней тоже писали въ газетахъ, но какъ? А такъ, чтобы прикрасить дѣятельность и распорядительность такого то начальника, когда этотъ такой то на самомъ дѣлѣ подлежитъ преданію суду. Скажу еще, что въ этой несчастной кампаніи, гдѣ съ нашей стороны было слишкомъ много проявлено отрицательнаго и несовершеннаго, конечно нельзя было преслѣдовать такъ строго принципъ воспрещенія гласности, ибо всетаки, благодаря печати, общество узнало довольно скоро, что не одинъ генераль Орловъ виновенъ въ Янтайской неудачѣ, а вѣдь въ арміи расклеивали плакаты съ анонсомъ о гибели всей Ляоянской геніальнѣйшей операціи благодаря дивизіи этого начальника, хотя тутъ вина падаетъ и на многихъ другихъ, начиная прежде всего съ командующаго арміей. Статьи Новаго Времени и Руси дали

нѣкоторыя разоблаченія дѣятельности нашего генеральнаго штаба и такимъ образомъ дали возможность отнестись болѣе снисходительно къ неудачамъ въ бояхъ строевого элемента, ибо, если войска ведутъ въ потемкахъ, если ихъ не направляютъ, не орьентируютъ, подставляютъ подъ удары противника, да еще путаютъ всѣ распоряженія, то можно ли ихъ обвинять въ неуспѣхѣ. Но всетаки, къ сожалѣнію, эта война была особенная, и къ ней нельзя примѣнять нѣкоторыя положительныя требованія, а потому слѣдуетъ во всякомъ случаѣ признать слѣдующія три основныя положенія: 1) назначеніе специальными корреспондентами офицеровъ безнравственно, и лица, бывшія въ такой роли, недостойны носить впредь военный мундиръ; 2) любителей корреспондентовъ среди чиновъ дѣйствующей арміи быть не должно; и 3) чѣмъ меньше будетъ при арміи журналистовъ и корреспондентовъ вообще, тѣмъ лучше, а, если только это возможно, ихъ слѣдуетъ держать совсѣмъ вдали отъ раіона военныхъ операцій.

По дорогѣ отъ Туинпу въ Ляньшаньгуань не произошло ничего сколько нибудь замѣчательнаго. Мы встрѣтили дивизію Ренненкампа, шедшую стройно и въ порядкѣ, съ пѣснями; нѣкоторыя сотни держали винтовки въ рукахъ, какъ это принято у кавказскихъ казаковъ; вѣроятно сотенные командиры хотѣли шегольнуть своею воинственностью; было нѣсколько пьяныхъ офицеровъ и казаковъ. Мнѣ было жаль этой массы кавалеріи, посылаемой въ гористую, недоступную для дѣятельности этого рода оружія, мѣстность, гдѣ она должна была встрѣтить столько препятствій въ развѣдкѣ. Какія крупныя ошибки совершали мы противъ основныхъ правилъ военнаго искусства! Вѣдь было же извѣстно, что первоначальнымъ театромъ военныхъ дѣйствій была избрана мѣстность къ юго-востоку и югу отъ Ляояна, въ исключительно гористой странѣ, гдѣ кавалерія была совершенно бесполезна, особенно при условіи существованія при каждомъ стрѣлковомъ полкѣ охотничьей конной команды. А между тѣмъ сюда посылали такую массу казаковъ. Положимъ дивизія Ренненкампа пришла изъ Забайкалія и частью походнымъ порядкомъ, но вслѣдъ

за ней мы обременили желѣзнодорожную колею, дававшую не болѣе 6 паръ поѣздовъ въ сутки, дивизіей сибирцевъ, бригадой уральцевъ, бригадой драгунъ, дивизіей оренбурцевъ. вмѣсто этой лишней роскоши, можно было доставить цѣлый корпусъ пѣхоты въ 25.000 штыковъ и 128 орудій. Какъ пригодился бы онъ намъ во время Ляоянскаго сраженія. Но вѣроятно у насъ вообще разсуждали какъ Засуличъ, отвѣтившій на мое замѣчаніе, что сейчасъ намъ кавалерія не нужна, такъ: „надо же намъ быть въ чемъ нибудь сильнѣе японцевъ; у насъ вообще больше кавалеріи, и вотъ мы будемъ имѣть въ ней подавляющее превосходство“. И мы были дѣйствительно сильнѣе въ кавалеріи, но если это могло намъ пригодиться, когда мы отбросили нашъ правый флангъ въ долины р. р. Ляо и Тайцзы, въ августѣ, то въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ дѣйствовать массами кавалеріи не было никакой возможности. Дѣйствительно, не смотря на полное преобладаніе въ количествѣ кавалеріи, Куропаткинъ могъ сказать въ іюнѣ мѣсяцѣ, что для него составляетъ совершенную загадку расположеніе японцевъ, адресуя эти слова упрекомъ къ кавалеріи командуемой Ренненкампомъ, Мищенко, Грековымъ, Абадзіевымъ, Закржевскимъ и Самсоновымъ. Не говорю, что обвиненіе въ бездѣятельности было до нѣкоторой степени правильно, потому что нѣкоторыхъ изъ названныхъ начальниковъ не слѣдовало совсѣмъ держать на театрѣ военныхъ дѣйствій, но я видѣлъ и доблестныхъ кавалеристовъ, которые, при всемъ умѣніи, энергіи и рвеніи выполнить свой долгъ, не могли ничего сдѣлать, потому что не дѣло кавалеріи вести развѣдку въ горахъ, гдѣ конь является не вѣрнымъ помощникомъ, а обузой и тормазомъ. Тѣ, кто хотѣли что нибудь сдѣлать, обращали казаковъ въ пѣхоту, т. е. посылали пѣшіе патрули и сражались упорно по пѣхотному, но такихъ къ сожалѣнію было очень немного. Японцы рѣдко показывали свою кавалерію и держали ее при пѣхотѣ, а чаще за нею. За все время Ляоянской операціи было одно чисто кавалерійское дѣло подъ Вафангоу, въ которомъ дивизіонъ сибирцевъ уничтожилъ японскій эскадронъ своими пиками, но какую пользу при-

несло намъ это дѣло, кромѣ нѣкотораго нравственнаго удовлетворенія, и стоило ли для этого имѣть такую массу кавалеріи. Я предчувствовалъ, что Ренненкампфъ не пожнетъ никакихъ лавровъ въ окрестностяхъ Саймацзы, и не ошибся, ибо читалъ приказъ Графа Келлера о томъ, какъ одна стрѣлковая охотничья команда своею искусною развѣдкою избавила Восточный отрядъ отъ напраснаго передвиженія, вызываемаго недостаточнымъ освѣщеніемъ мѣстности цѣлою дивизіей казаковъ.

Во время марша, я часто слышалъ разговоры по поводу проявляемаго китайцами сочувствія японцамъ; рассказывали, что они постоянно сигнализируютъ съ высокихъ горъ, зажигаютъ на нихъ ночью огни, постоянно слѣдятъ съ сопокъ за передвиженіями нашихъ войскъ въ долинахъ. Можетъ быть такъ и было на самомъ дѣлѣ, но почему же мы не принимали противъ этого никакихъ мѣръ? Напримѣръ, всѣ видятъ, что на вершинѣ горы стоитъ какой то человѣкъ, и всѣ начинаютъ говорить, что это шпіонъ; слѣдовало немедленно избавиться отъ такого ненормальнаго положенія, и для этого есть даже мѣры рекомендуемая уставомъ. Если по долинѣ идетъ колонна, то ея патрули должны слѣдовать по окаймляющимъ долину хребтамъ, какъ впереди колонны, такъ и сзади, и даже параллельно, а тогда ни одинъ китаецъ не можетъ безнаказанно производить свои наблюденія, потому что или будетъ прогнанъ, или схваченъ, или наконецъ пристрѣленъ. Если въ томъ раіонѣ, гдѣ совершалось передвиженіе, мы считались въ такой безопасности, что не желательно было мучить людей высылкою патрулей, то можно было нѣсколько иначе обезпечить себя отъ назойливаго наблюденія, а именно: стрѣлять по всякому человѣку, появляющемуся на сопкахъ. Мирные китайцы быстро поняли бы въ чемъ дѣло и, при прохожденіи войскъ, не показывались бы на высотахъ, а шпіонамъ пришлось бы выслѣживать скрытно и слѣдовательно съ затрудненіями. Кажется мы получили разрѣшеніе такъ дѣйствовать, но только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Тюренчена, а въ описываемое время до этого еще не додумались, и всѣ только жаловались и ныли. Я сказалъ, что

можетъ быть не стоило гонять понапрасну по горамъ патрули, но думаю, что во время нашего отступленія отъ Тюренчена именно стоило это дѣлать, и вотъ почему: у всѣхъ была увѣренность въ несочувствіи намъ мѣстнаго населенія, а въ такомъ случаѣ нельзя ходить безъ сторожевого охраненія; всѣ утверждали, что на сопкахъ были соглядатаи и стрѣлять по нимъ не рѣшались, а слѣдовательно единственною мѣрою противъ нихъ была высылка по хребтамъ патрулей; войска Восточнаго отряда не имѣли никакого представленія о тактикѣ въ горахъ; офицеры даже были младенцами въ этомъ дѣлѣ; слѣдовало воспользо-ваться спокойнымъ отступленіемъ и попрактиковаться въ сторожевыхъ мѣрахъ охраненія на походѣ, ибо не сегодня-завтра все равно ихъ пришлось бы примѣнять въ сферѣ вліянія противника. Наконецъ, долженъ замѣтить, что, не смотря на пребываніе въ горахъ уже не одинъ мѣсяцъ, повидимому въ Восточномъ отрядѣ еще не уразумѣли, что движеніе по Маньчжурскимъ сопкамъ, окаймляющимъ долины, вовсе не такъ затруднительно; въ большинствѣ случаевъ отъ сопки до сопки идутъ хребтики, на которыхъ, и кромѣ того по бокамъ сопокъ, протоптаны тропы китайцами и ихъ скотомъ; слѣдовательно движеніе даже удобно и не изнуряетъ людей; можно вести такимъ образомъ конные разѣзды; въ этомъ меня убѣдили многочисленныя рекогносцировки и передвиженія такимъ способомъ; мало того, я самъ въ послѣдствіи водилъ такъ и цѣлые отряды, потому что на высотахъ получаешь несравненно большія выгоды въ орьентировкѣ, а въ особенности на незнакомой мѣстности и при ожиданіи боя. Но когда я ѣхалъ съ Восточнымъ отрядомъ, то относительно его начальника и его штаба могъ сказать только одно, и это было то, что такъ болѣзненно, печально и сочувственно въ отношеніи нашей арміи написалъ французскій корреспондентъ Надо: „они не знали“.

Не доходя 7—8 верстъ до этапа Ляньшаньгуань, мѣста нашего ночлега, нужно было пересѣчь позицію на Феншуйлинскомъ хребтѣ, къ которой и отходилъ Восточный отрядъ, и гдѣ такимъ образомъ должно было закончиться

его непрерывное отступленіе — результатъ Тюренченскаго погрома; здѣсь предполагалось дать отпоръ противнику. Я полагалъ, что мы на ней остановимся и будемъ ее изслѣдовать, тѣмъ болѣе, что слышалъ какъ говорили еще о какой то передовой позиціи; но ничего подобнаго не случилось, и мы, не останавливаясь, доѣхали до этапа, гдѣ занялись своимъ размѣщеніемъ, ѣдою, чаепитіемъ, но только не службою. Впрочемъ начальникъ штаба отѣхалъ на нѣсколько сотъ шаговъ въ сторону; но во всякомъ случаѣ онъ не задержался на рекогносцировкѣ, потому что, не доѣзжая до этапа, мы встрѣтились съ нимъ снова, а я ѣхалъ, хотя и шагомъ, но безостановочно. Итакъ мы сдѣлали за 2 дня 70 верстъ и наконецъ дошли до мѣста вѣроятнаго боя, но, спрашивается, неужели задача Восточнаго отряда состояла только въ томъ, чтобы, получивъ разгромъ подъ Тюренченомъ, безъ оглядки отмахать 150 верстъ до какой то классической позиціи, можетъ быть отлично извѣстной стратеги отряда („мы ее знаемъ“, говорилъ онъ) и даже, какъ я увидѣлъ это на слѣдующій день, усиленной окопами по распоряженію штаба арміи? Неужели можно было совершенно забыть на все время исполненія марша, имѣвшаго характеръ бѣгства (тѣмъ болѣе безславнаго, что противникъ бездѣйствовалъ), о всемъ томъ, что могъ дѣлать противникъ, и интересоваться лишь вопросомъ, подается ли онъ впередъ, а, разъ признаковъ такого опаснаго обстоятельства не было, то спокойно уходить и ничего не предпринимать? Какіе мотивы заставляли насъ столь поспѣшно удирать за Феншуйлинскій хребетъ? выгодная позиція... но на другой же день на рекогносцировкѣ, вѣрнѣе, на прогулкѣ по этой позиціи, весь штабъ говорилъ о ея неудовлетворительности, несоотвѣтствіи своимъ протяженіемъ силамъ отряда, недостаточномъ обстрѣлѣ; мало того, черезъ нѣсколько дней ее оставили безъ боя, не смотря на солидную разработку дорогъ и вполне готовыхъ укрѣпленій. Въ горахъ, да и вообще, трудно найти позицію соотвѣтствующую даннымъ силамъ; всѣ онѣ обходимы и часто съ ограниченнымъ обстрѣломъ; но для желающаго и умѣющаго сражаться въ горахъ позиціи существуютъ вездѣ, и задерживать про-

тивника всегда возможно, если не упорно, то все-таки серьезно; наступать, хотя бы и значительными превосходными силами, трудно, если ваш даже много слабѣйшій противникъ умѣетъ выставить во-время и на удобныхъ мѣстахъ хотя и небольшія части, если онъ скомбинируетъ ихъ взаимодѣйствіе, сумѣетъ ими управлять, не побоялся разбросаться по широкому фронту, а конечно не засядетъ кучей въ одной только долинѣ. Попробуйте тогда обойти конечныя точки его фланговъ; вамъ это удастся, но за то какой выигрышъ времени для обороняющагося, и сколько утомленія для наступающаго, чтобы выбить какія нибудь двѣ-три роты; при сознательномъ упорствѣ, потребуется нѣсколько баталіоновъ. А Восточный отрядъ свернулся весь въ одну кишку, свалился въ одну долину, благо дорога была этапная, съ хозяйственными удобствами, и зналъ только одно: утекать за Феншуйлинь. При отступленіи слѣдовалъ и арьергардъ, но его роль была совершенно лишней, при условіи разстоянія до противника болѣе 100 верстъ. Въ соприкосновеніи съ противникомъ оставался подполковникъ Закржевскій со своими 4-мя сотнями 2-го Читинскаго полка. Но что значать въ горахъ такое или даже большее число сотенъ въ смыслѣ упорства: во время боя въ сотнѣ 60 винтовокъ и 150 коней сзади, коихъ надо во-время разобрать и увести; на походѣ—это медленно двигающаяся, нисколько не быстрѣе пѣхоты, часть, такъ какъ, чтобы не рисковать полученіемъ неожиданнаго обстрѣла противникомъ, приходится охраняться пѣшими патрулями, лазающими по сопкамъ, и выжидать ихъ изслѣдованій осторожнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ, въ виду большей уязвимости какъ цѣль, большей трудности укрытія отъ огня; на отдыхѣ—вѣчно ожидающая тревоги часть, мучающаяся вопросомъ, разсѣдывать или нѣтъ, отъ рѣшенія чего зависитъ цѣлость спинъ лошадей, а слѣдовательно и годность ихъ къ дальнѣйшей службѣ. Нельзя не замѣтить, что, не смотря на все это, казаки часто дѣйствовали въ горахъ превосходно: въ бою забывали о коноводахъ и не хуже пѣхоты оказывали противнику самое упорное сопротивление, на походѣ шли смѣло впередъ, даже не помышляя

о томъ, что изъ за каждаго куста и камня имъ угрожали пули; на отдыхъ разсѣдывали въ самой близости отъ противника и умѣли сбѣречь коней. Я хорошо знаю 2-й Читинскій полкъ и причисляю его именно къ казачьимъ частямъ, умѣвшимъ преодолевать всякія трудности горной войны и выказавшимъ много доблести; 3-й сотнѣ этого полка удавалось достигать просто невозможнаго; но можно ли оправдать Засулича и Орановскаго въ томъ, что они бросили горсть казаковъ на сѣдненіе японцевъ, если бы она стала упорствовать, понимая такъ исполненіе своей задачи, или только для того, чтобы она быстро отходила, будучи тѣсна двумя—тремя ротами (въ японской ротѣ около 250 винтовокъ, и столько же въ 4-хъ сотняхъ) и только увѣдомляла бы, что вотъ молъ передовыя части противника въ такомъ то часу дошли до такого то мѣста, а сотни очистили такой то пунктъ. Можно ли было предположить, что Закржевскій сумѣетъ выйти изъ столь труднаго положенія? предполагать конечно все можно, но имѣть увѣренность нѣтъ, тѣмъ болѣе, что полкъ присоединился къ отряду уже послѣ Тюренчена, и ни командиръ, ни составъ полка (второочередного) не были извѣстны ни Засуличу, ни Орановскому; слѣдовательно, возлагать особыя надежды на Читинцевъ они права не имѣли, а не могли не сознать въ какое положеніе ставили слабыя 4 сотни и какой важности задачу на нихъ возлагали. Прикрывать отступленіе разбитаго отряда, части котораго уже подвергались бѣгству, т. е. отряда имѣвшаго только стремленіе на утекъ и неспособнаго къ сопротивленію; развѣдывать огромныя силы противника, такъ какъ Тюренченскій погромъ объясняли сосредоточеніемъ японцами къ полю сраженія 3-хъ дивизій, или 50.000 штыковъ; развѣдывать на обширномъ фронтѣ, такъ какъ, если еще влѣво, въ направленіи на Саймацзы, распоряженіемъ Куропаткина уже выдвигалась масса кавалеріи и нѣсколько баталіоновъ стрѣлковъ, то вправо, въ направленіи отъ Фынхуанчена къ Сюяню, не было никого (связь съ г. Мищенко была совсѣмъ потеряна); уничтожать наши роскошно обставленные этапы, панически брошенные на протяженіи отъ р. Ялу до Фынхуанчена, слишкомъ

поспѣшно, безъ всякихъ мѣръ по эвакуаціи; исполнять все это не при условіи инертности врага, а наоборотъ, какъ это тогда считали, въ ожиданіи его рѣшительнаго наступленія; вѣроятность послѣдняго доказываетъ быстрота и безостановочность отступленія Восточнаго отряда на 150 верстъ отъ поля сраженія, доказываютъ масса иныхъ признаковъ. И не смотря на такую серьезность обстановки, Засуличъ и Орановскій обратились къ первому встрѣчному, неизвѣстному имъ подполковнику Закржевскому, приведшему 4 сотни, и, возложивъ на него все вышеуказанное, спокойно уходили и уводили свои войска подальше отъ противника. Знаменитый штабъ Восточнаго отряда въ полномъ составѣ бѣжалъ за крупомъ или за бричкой Засулича; къ Закржевскому не послали ни одного офицера генеральнаго штаба, а ихъ болталось четыре безъ всякаго дѣла; послать нужно было во что бы то ни стало, въ помощь и какъ довѣренное лицо старшаго начальника, долженствовавшее понимать обстановку. Для чего же тогда держать въ штабахъ просвѣщенныхъ стратеговъ и тактиковъ, если они только праздно переѣзжаютъ съ этапа на этапъ, а при остановкахъ пишутъ кое какія записочки и разговариваютъ по телефону, избѣгая всякой полевой и боевой дѣятельности, въ полномъ смыслѣ слова. Развѣ нельзя было, кромѣ 4-хъ казачьихъ сотенъ, оставить у Фынхуанчена настоящій аррьергардъ изъ трехъ родовъ оружія, который отходилъ бы медленно, шагъ за шагомъ, и только подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, оберегая и фланги на нѣсколько верстъ протяженія; тогда была бы и развѣдка, и всетаки противникъ получилъ бы отпоръ; японцы считались бы съ присутствіемъ Восточнаго отряда и не могли бы съ такимъ спокойствіемъ и увѣренностью заниматься устройствомъ своей базы и коммуникаціи. Ни Засуличу, ни Орановскому не было никакого интереса до того, что происходитъ сзади ихъ, разъ они могли спокойно, мирнымъ порядкомъ, перебираться въ Ляньшаньгуань, разъ казаки доносили, что противникъ не наѣдаетъ, и у нихъ были только перестрѣлки съ разъѣздами и патрулями.

Я не могу критиковать или хвалить дѣятельность Закр-

жевскаго, потому что въ моей просьбѣ, отправиться къ казачьему полку и поступить хотя бы въ распоряженіе его командира, мнѣ было отказано, и слѣдовательно я ее близко не наблюдалъ *). Но знаю, что весьма скоро (кажется 24 апрѣля) начальникъ отряда выразилъ крайнее неудовольствіе за поспѣшное отступленіе казаковъ. Дѣло въ томъ, что Закржевскій просилъ разрѣшеніе отойти отъ Туинпу, въ виду недостатка фуража, на что Засуличъ выразился такъ: „надо дать понять казакамъ, что ихъ задача состоитъ не исключительно въ быстромъ утеканіи отъ противника“ (другимъ онъ ставилъ на видъ, а самъ?). Повидимому Читинцы слишкомъ поспѣшно отступали, такъ какъ Туинпу находится въ 60 верстахъ отъ Фынхуанчена; при занятіи послѣдняго произошло крупное недоразумѣніе съ уничтоженіемъ склада артиллерійскихъ снарядовъ, доставшагося въ неприкосновенномъ видѣ японцамъ. Кажется Закржевскій обвинялъ въ этомъ командира сотни сотника Орефьева и удалилъ даже его за это изъ полка. Если вѣрить, что на Закржевскаго въ тѣ дни наступала цѣлая дивизія, то конечно ему оставалось только уходить, но во всякомъ случаѣ японцы подавались впередъ вяло, а съ занятіемъ Фынхуанчена, ихъ наступленіе и всякія активныя дѣйствія совсѣмъ прекратились, и казаки остались надолго въ Туинпу (въ этомъ селеніи позднѣе былъ обстрѣлянъ графъ Келлеръ). Читинцы производили не мало развѣдокъ, что доказываютъ ихъ потери въ казакахъ и офицерахъ, но, какъ и вся наша кавалерія, серьезныхъ свѣдѣній добыть не могли, въ виду гористой мѣстности и иныхъ условій, о которыхъ скажу ниже, когда буду описывать мою службу съ Уссурійскими казаками. Вообще съ 22-го по 25-е апрѣля, т. е. пока я

*) Отказъ былъ мотивированъ Орановскимъ тѣмъ, что нельзя подчинять подполковнику полковника, но однако тотъ же Орановскій послалъ меня черезъ 2 дня командовать полусотней, а затѣмъ сдѣлать полковымъ адъютантомъ; конечно я на него не претендую, потому что нашъ великій полководецъ приказалъ мнѣ проходить службу съ начала, на положеніи хорунжаго, и не полковнику Орановскому было нарушать непреклонную волю, оказавшуюся столь пагубно преклонною для Россіи во всѣхъ операціяхъ и сраженіяхъ.

состоялъ при штабѣ Восточнаго отряда, его начальникъ находился въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что происходило подѣ Фынхуанченемъ, но иначе и быть не могло, вслѣдствіе непринятія начальникомъ штаба никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ по развѣдкѣ. За организацію отступленія отъ Тюренчена до Ланьшаньгуаня, за полную потерю соприкосновенія съ противникомъ и за полное нерадѣніе о томъ, что происходитъ не только у противника, но и въ непосредственномъ тылу Восточнаго отряда, Орановскій заслуживаетъ полного осужденія.

Этотъ господинъ былъ типичнымъ офицеромъ генеральнаго штаба—продуктомъ современныхъ нашихъ академій и режима, губившихъ нашу армію. Невозмутимый (но далеко не хладнокровный въ минуты боевого кризиса), безучастный, корректный, онъ постоянно молчалъ, не отдавалъ никакихъ распоряженій, предпочитая исполнять приказанія своего генерала; въ данномъ случаѣ это пожалуй было для него особенно выгодно, какъ выходъ изъ затруднительнаго и опаснаго положенія. Хотя уже въ его полевой сумкѣ, или въ обозѣ канцеляріи штаба, лежала телеграмма Куропаткина, до нѣкоторой степени прикрывавшая позоръ Тюренчена и сдѣлавшая неотвѣтственными его главнаго виновника—Засулича и главнаго пособника—Орановскаго, все же нельзя было не сознавать, что настанетъ минута, когда осудятъ того и другого, а вѣдь этотъ другой былъ причастенъ къ руководству и организаціи операціи; слѣдовательно, подготовка ея, поражавшая нецѣлесообразностью расчета и расположенія силъ и средствъ, и завершеніе ея, въ смыслѣ отсутствія распорядительности, не могли не быть поставлены въ вину носителю военного искусства. Какъ ни какъ, а быть начальникомъ штаба при исполненіи операціи, окончившейся безцѣльнымъ разстрѣломъ двухъ геройскихъ полковъ, отдачей противнику 30 орудій и паническимъ бѣгствомъ хотя бы только обозовъ—плохое начало для боевой карьеры офицера генеральнаго штаба, занимавшаго генеральскую должность; пожалуй и родственная протекція не поможетъ. Способомъ спасенія было—прикрыться неотвѣтственностью, не вмѣшиваться въ опасную сферу опера-

тивныхъ и боевыхъ комбинацій, ибо при такомъ условіи таковыхъ и вовсе не будетъ; не отъ Засулича же они могли исходить; этотъ только поскорѣ уходилъ и готовъ былъ ни во что не вмѣшиваться. И Орановскій корректно ѣхалъ при своемъ начальствѣ, сидѣлъ за трапезой рядомъ съ нимъ, спать кажется въ одной и той же комнатѣ, распечатывалъ конверты и ожидалъ приказаній и распоряженій, которыя конечно готовъ былъ исполнять со всею талантливостью выдающагося офицера генеральнаго штаба, отлично понимая, что ни приказаній, ни распоряженій не послѣдуетъ. А если такимъ образомъ не служилъ и не работалъ начальникъ штаба, то также бездѣйствовалъ и весь составъ его штаба. Я оцѣнилъ Орановскаго уже за эти три, четыре дня совмѣстной жизни послѣ Тюренчена и потому нисколько не удивлялся его неудовлетворительной дѣятельности вполнѣдствіи, а въ особенности подъ Бенсиху, но въ описываемые дни я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и надеждою, что или онъ измѣнится, или его уберутъ, дабы онъ не былъ въ состояніи приносить дальнѣйшій вредъ войскамъ; но мнѣ пришлось убѣдиться, что, за всѣ его дѣянія, за всю неспособность и нечестность, онъ только получалъ награды и повышенія, во-первыхъ потому что былъ удобнымъ, тактичнымъ человѣчкомъ, умѣвшимъ подлаживаться къ начальству, а во-вторыхъ потому что былъ женатъ на дочери Линевича (тогда послѣднее обстоятельство мнѣ еще не было извѣстно).

Во время ужина на этапѣ Ляньшаньгуань, въ день нашего прибытія, въ столовую вошелъ полковникъ генеральнаго штаба Драгомировъ, жившій здѣсь какъ руководитель укрѣпленія Феншуйлинской позиціи. Можно было замѣтить, что полковникъ былъ недоволенъ тою безцеремонностью, съ какою чины штаба расположились въ его помѣщеніи. Я позволилъ себѣ замѣтить, что ему слѣдуетъ очистить мѣсто. Немедленно ординарецъ Засулича изъ Забайкальскихъ казачьихъ офицеровъ грубо замѣтилъ мнѣ, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, да къ тому же и мнѣ самому не слѣдуетъ здѣсь располагаться, такъ какъ я стѣсняю оберъ-офицеровъ. Такая дерзость и нахальство конечно остались

безнаказанными, потому что, если бы я не промолчалъ, то вышелъ бы инцидентъ, и тогда пожалуй опять начальник штаба составилъ бы докладъ о моемъ удаленіи изъ арміи. Я конечно не располагался бы въ кампаніи всѣхъ этихъ невоспитанныхъ тунеядцевъ штабной челяди, но дѣло въ томъ, что обыкновенно они ухитрялись заполнить рѣшительно всѣ помѣщенія этапа, и приходилось приткнуться гдѣ-нибудь въ общемъ помѣщеніи. Казалось мы находились теперь достаточно далеко отъ японцевъ, чтобы наконецъ водворить какой-нибудь порядокъ въ штабѣ, подумать о комендантствѣ, дежурствахъ, нарядѣ посыльныхъ. Но ничего этого организовано не было, и если бы произошло что-нибудь ночью, то во-первыхъ нельзя было бы даже вручить донесеніе, а во-вторыхъ вѣроятно произошелъ бы общій кавардакъ. На слѣдующій день я устроился въ деревнѣ, воспользовавшись гостепріимствомъ судебного слѣдователя, пріютившаго меня въ фанзѣ, и отказался отъ общей трапезы. Въ этотъ день, или наканунѣ, выпившій чиновникъ контроля произвелъ скандалъ въ этапномъ рестораѣ.

Я останавливаюсь на такихъ мелочахъ только потому, что онѣ хорошо обрисовываютъ службу штаба, показывая отсутствіе всякаго порядка и дисциплины среди его чиновъ; ясно, что при такомъ режимѣ штабная служба идти правильно не можетъ, а отъ этого страдаютъ войска и дѣло. Правда, и въ составѣ штаба Восточнаго отряда была болѣе интеллигентная и воспитанная среда, которую составляли инженеры, интенданты и юристы, но генеральный штабъ къ ней причислить было, къ сожалѣнію, невозможно. Подтвержденіемъ своихъ словъ приведу сказанное помощникомъ интенданта—офицеромъ призваннымъ изъ запаса; когда его кто-то спросилъ, почему онъ отказывается жить въ общемъ помѣщеніи, онъ отвѣтилъ такъ: „я видѣлъ какъ, господа, вы позволяете себѣ обращаться съ старымъ полковникомъ; ну, а какъ же вы тогда отнесетесь ко мнѣ?“

На 24-е апрѣля было объявлено производство рекогносцировки Феншуйлинской позиціи, и я получилъ приказаніе участвовать въ ней. На мой взглядъ позиція была очень сильна, и атака ея съ фронта долиною обѣщала мало ус-

пѣха, тѣмъ болѣе, что были готовы ложементы для орудій, ходы, траншеи и редуты. Задача обороны сводилась къ обезпеченію какимъ нибудь способомъ фланговъ, представлявшихъ цѣлую систему сопокъ; ихъ слѣдовало тщательно рекогносцировать, можетъ быть укрѣпить, можетъ быть растянуть нѣсколько фронтъ, безъ чего въ горахъ не обойдешься, но конечно нельзя было ограничиться тѣмъ, что слѣдала вся многочисленная толпа рекогносцеровъ. Осмотрѣли всѣ окопы, демонстрируемые Драгомировымъ, влѣзли на одну сопку ближе къ правому флангу, но ни этого фланга ни подступовъ къ нему, не видали, а затѣмъ говорили и говорили безъ конца, напр., что слѣдуетъ занять какими нибудь частями командующія крайнія точки. Кто то радостно замѣтилъ: „теперь, послѣ Тюренчена, мы знаемъ, что надо лазать по сопкамъ и занимать ихъ“. Повидимому этотъ тактикъ предполагалъ до сихъ поръ, что война ведется только по днамъ долинъ. Впрочемъ вѣдь подъ Тюренченомъ мы почти такъ и располагались. Говорили, что японцамъ легко втащить свою горную артиллерію и сбить нашу полевую; при этомъ кто то пугнулъ, что придутъ и шести-дюймовки, разстрѣливавшія насъ на берегахъ Ялу. Говорили, что позиція слишкомъ длинна для состава нашего отряда, особенно при необходимости обезпечивать и сосѣдній, болѣе южный Модулинскій переваль; тогда кто то предложилъ обезпечить фланги казаками, собравъ до двухъ сотенъ. Неожиданно начальникъ штаба 3-й дивизіи подполковникъ Линда предложилъ назначить командовать этими сотнями меня; „тогда, сказалъ онъ, мы будемъ увѣрены, что онѣ не уйдутъ“. Это предложеніе не встрѣтило сочувствія, и Орановскій замыая разговоръ, сказавъ, что казаки нужны для иного назначенія. Не знаю, насколько было рационально предложеніе Линда, такъ какъ никто дальше рекогносцировать не поѣхалъ, а всѣ вернулись въ Ляньшаньгуань.

Долженъ сознаться, что мое настроеніе все ухудшалось, ибо я видѣлъ и чувствовалъ, что являюсь совершенно лишнимъ и ненужнымъ человѣкомъ, а выносить болтаніе среди всѣхъ этихъ праздныхъ и невоспитанныхъ людей было невыносимо. Я схватился за одну мысль. Наканунѣ Оранов-

скій, описывая артиллерійскую перестрѣлку подъ Тюренченомъ 17 апрѣля (съ которой онъ возвратился въ штабъ, оставивъ свою лошадь на позиціи, чтобы не рисковать напрасно драгоценною жизнью), говорилъ, что въ современномъ бою нѣтъ возможности оставаться на батареѣ, когда ее обстрѣливаютъ; вотъ я и рѣшилъ въ ожидаемомъ бою на Феншуйлинской укрѣпленной позиціи найти себѣ конецъ на осмотровыхъ нами укрѣпленіяхъ для орудій. Но скоро я убѣдился, что укрѣпить позицію не значитъ еще ее оборонять, что на артиллерійской позиціи и въ современномъ бою оставаться можно и должно, а что кому не суждено быть убитымъ въ бою, тотъ этого никакъ не добьется.

ГЛАВА VI.

Дѣйствія съ разѣздомъ—заставой на стратегическомъ узлѣ Мадзи, съ 25-го апрѣля по 18-е мая.

25 апрѣля утромъ я зашелъ въ канцелярію штаба, справиться о свѣдѣніяхъ по обстановкѣ, и встрѣтилъ начальника отряда, спросившаго меня, видѣлъ ли я начальника штаба, и скоро ли я выступаю. Это указывало, что мнѣ давали спѣшное порученіе. Генераль подвелъ меня къ разложенной картѣ и сказалъ: „вправо отъ насъ нѣтъ никого своихъ, а тутъ именно возможенъ обходъ японцевъ; мы дадимъ вамъ все, что у насъ есть казаковъ, и вы освѣтите этотъ важный районъ“. Затѣмъ Орановскій указалъ мнѣ важный узелъ дорогъ, сходящихся отъ Фынхуанчена, Сюяня (Дагушани), Долинскаго перевала, Модулинскаго перевала, Ляньшаньгуаня и Туинпу; мы обозначили его Мадзи, по названію бывшей на картѣ деревни. Никакихъ свѣдѣній о противникѣ и нашихъ силахъ (напр. о г. Мищенко, дѣйствовавшемъ въ окрестностяхъ Сюяня) дано не было, да вѣроятно ихъ и не существовало въ штабѣ. Съ трудомъ нашли и выдали мнѣ 4 листа двухъ-верстной карты, а въ отношеніи всѣхъ казаковъ, поступавшихъ подъ мое начальство, оказалось возможнымъ собрать около 50 чело-

вѣкъ Уссурийцевъ, такъ какъ все остальное было занято штабною службою. Я пошелъ въ канцелярію и просилъ немедленно пригласить командира сотни, что оказалось весьма затруднительно. Меня не удивляло, что офицеры генеральнаго штаба понятія не имѣли какая была нужна сотня, но не оказалось ни одного посыльнаго въ штабъ—ни пѣшаго, ни коннаго. Наконецъ писарь розыскалъ охотника—стрѣлка и послалъ его по назначенію. Примѣрно черезъ часъ прибылъ есаулъ Мунгаловъ. Ему передали приказаніе поступить въ мое распоряженіе, а я предупредилъ его, что мы уходимъ далеко впередъ къ противнику, на нѣсколько дней, и просилъ быть готовымъ часа черезъ два.

Когда мы выступали, командиръ сотни доложилъ мнѣ слѣдующее: въ строю около двухъ взводовъ, потому что одинъ взводъ остался при штабѣ, а одинъ находится въ разѣздѣ, неизвѣстно гдѣ; ни одного младшаго офицера съ нами нѣтъ; сотня сдѣлала весь походъ въ Корею, въ отрядъ г. Мищенко, и прикрывала отступленіе пѣхоты отъ Тюренчена, а потому лошади совершенно изнурены. Итакъ, вмѣсто всѣхъ казаковъ, только 50, а для скорѣйшаго движенія впередъ загнанные, изнуренные кони. Послѣднее впрочемъ было невѣрно, но заботливый командиръ сотни заранѣе хотѣлъ предупредить о необходимости сбереженія его конскаго состава. Я не буду описывать дѣятельность разѣзда-заставы по днямъ, а сдѣлаю ея общій очеркъ до 18 мая, когда мои казаки вошли въ составъ своего полка, а я лично поступилъ въ распоряженіе командира послѣдняго.

Исполненіе возложенной на насъ задачи свелось къ тому, что мы освѣтили весь раіонъ вокругъ указаннаго намъ стратегическаго узла путей Мади, и я ручаюсь, что мимо насъ не прошло не только ни одного японскаго отряда, но даже разѣзда, хотя фронтъ охраненія былъ около 10 верстъ. Мы держали дѣятельно связь съ лѣвымъ флангомъ Восточнаго отряда на Модулинскомъ перевалѣ, а также сперва съ отрядомъ г. Мищенко, а затѣмъ съ выдвинувшимся правѣ насъ Уссурийскимъ казачьимъ полкомъ. Я могъ утверждать, что, ни со стороны Сюня, ни Фынхуанчена, противникъ не предпринималъ никакихъ попытокъ активной дѣятельности,

и слѣдовательно разсѣялъ всѣ возникшія въ концѣ апрѣля безпокойства по обходу праваго фланга Восточнаго отряда. Такимъ образомъ мы выполнили вполнѣ задачу конной части, выдвинутой впередъ, съ цѣлью своевременнаго предупрежденія войскъ о какомъ либо покушеніи противника.

Въ отношеніи активной развѣдки противника и соприкосновенія съ нимъ, можно было сдѣлать больше, особенно принимая во вниманіе тотъ превосходный боевой матеріаль, какой представляли изъ себя ввѣренные мнѣ казаки, хотя и при столь небольшомъ ихъ числѣ, но въ этомъ я не повинень. Думаю, что если бы у меня было только три—четыре десятка такихъ молодцовъ, а не цѣлая сотня (во вторую половину службы заставы), то я достигъ бы большихъ результатовъ, при условіи отсутствія ихъ прямого начальника—командира сотни, есаула Мунгалова, который былъ настоящимъ тормазомъ всякаго активнаго начинанія, и съ которымъ я не имѣлъ, какъ это ни кажется страннымъ, возможности что бы то ни было сдѣлать. Это былъ типъ казака въ самомъ печальномъ, а не достойномъ, смыслѣ этого званія. По происхожденію кровный бурятъ изъ Забайкальскихъ казаковъ (Уссурійцы имѣютъ въ своемъ войскѣ выходцевъ изъ многихъ другихъ войскъ), онъ своимъ умственнымъ развитіемъ, интересами, манерами и привычками ничѣмъ не отличался отъ самыхъ простыхъ казаковъ; строевую ординарную службу зналъ хорошо, былъ хозяйственный, аккуратный человекъ, о своихъ казакахъ заботился и былъ ими любимъ, обладалъ смѣткой, находчивостью, оцѣнивалъ мѣстность, имѣлъ опытъ китайской войны, передѣлокъ съ хунхузами, похода въ Корею; но всѣ эти качества, казалось, должныя сдѣлать изъ него желательнаго для военныхъ дѣйствій офицера, не стоили ничего, будучи парализованы другими его наклонностями и отношеніями къ службѣ. Его заботливость о казакахъ доходила до того, что онъ не желалъ посылать ни одного развѣзда, ни одного дозора, чтобы какъ нибудь не погонять лишній разъ лошади и не безпокоить казака (я склоненъ считать, что онъ, какъ вообще нѣкоторые изъ казачьихъ офицеровъ, боялся своихъ казаковъ); изъ аллюровъ онъ признавалъ только шагъ, а больше всего

предпочиталъ водить сотню въ поводу; стремленія впередъ не имѣлъ никакого, а всегда готовъ былъ осадить назадъ; службу понималъ въ смыслѣ полученія денегъ, земель, чиновъ и всякихъ жизненныхъ удобствъ; боевыми отличіями не интересовался совершенно; проклятіе Маньчжуріи, въ которой ему пришлось прожить со времени китайской смуты, не сходило съ его губъ, а про войну онъ не могъ говорить безъ ругательствъ, не понимая ни цѣли, ни смысла ея (правда, онъ былъ тоже Тюренченецъ и слѣдовательно уже деморализованъ); пѣхоту и другія всякія войска ненавидѣлъ, считая, что всѣ они готовы эксплуатировать несчастныхъ казаковъ; вообще съ утра до вечера пѣлъ жалобную пѣсню о тяжелой казачьей долѣ. Встрѣтить, розыскать японцевъ онъ конечно не имѣлъ ни малѣйшаго желанія, а тѣмъ болѣе сражаться съ ними. Къ сожалѣнію, мнѣ не довелось увидѣть его подъ пулями. Я знаю, что онъ воспользовался во время военныхъ дѣйствій отпускомъ (это у насъ въ арміи допускалось!), а теперь, слава Богу, покинулъ строй и занимается хозяйствомъ въ Амурскомъ казачьемъ войскѣ; слѣдовательно, въ будущей войнѣ не будетъ въ рядахъ такого нежелательнаго и даже вреднаго типа.

Мунгаловъ относился ко мнѣ сперва наружно дисциплинарно, но сразу же далъ понять, что считаетъ себя самостоятельнымъ начальникомъ своихъ казаковъ, терпитъ меня, но исполнять будетъ лишь то, что ему нравится, ибо немедленно сообразилъ, что я непрочно стоялъ въ арміи. Чѣмъ дольше мы оставались съ нимъ вмѣстѣ, тѣмъ болѣе онъ тяготился моимъ присутствіемъ, что и понятно: я долженъ былъ дѣлать наряды разѣздовъ, дозоровъ, постовъ связи, освѣщая мѣстность и иногда производя довольно дальнія развѣдки; слѣдовательно, я заставлялъ казаковъ и ихъ коней работать; я присутствовалъ невольнымъ свидѣтелемъ расплаты съ китайцами, что для казака было очень щекотливо; наконецъ все-таки я былъ его начальникомъ. Онъ сопротивлялся мнѣ все сильнѣе, сперва глухо, а потомъ уже не стѣсняясь—явно; дошло до того, что началъ позволять себѣ дѣлать мнѣ замѣчанія. И все это я былъ вынужденъ выносить, такъ какъ зналъ, что всякій инцидентъ будетъ

истолкованъ и разрѣшенъ не въ мою пользу. Кромѣ того я оставался и для пользы дѣла, ибо зналъ, что мое присутствіе въ Мади обезпечиваетъ правый флангъ Восточнаго отряда; что хотя я не въ состояніи работать такъ, какъ бы хотѣлъ этого, но во всякомъ случаѣ если появятся 30 японцевъ, то не будетъ донесено о наступленіи 3.000, и я не побѣгу назадъ. Однако я пытался избавиться отъ такого ненормальнаго положенія и писалъ объ этомъ начальнику штаба отряда, но изъ этого ничего не вышло.

За все время моего командованія заставой, японцы находились довольно далеко, верстахъ въ 30. Я посылалъ развѣзды верстъ на 20, но они ни разу противника не встрѣтили. Ко мнѣ постоянно являлись развѣзды изъ другихъ частей кавалеріи: слѣва 2-го Читинскаго полка и даже дивизіи Ренненкампа, а справа изъ отряда Мищенко. Нѣкоторые возвращались отъ противника, но большинство держалось въ окрестностяхъ Мади, хотя, повторяю, противникъ былъ отъ меня въ разстояніи 30 верстъ. Наблюдая дѣятельность всѣхъ этихъ развѣздовъ, могу высказать заключеніе, что они серьезной развѣдки противника произвести не могли по слѣдующимъ причинамъ:

1. японцы въ ту пору выставляли необыкновенно густую стѣну сторожевого охраненія и были очень бдительны; проходить незамѣченными между ихъ постами было почти невозможно, не только днемъ, но и ночью, при чемъ по времени года ночи были очень короткія;

2. развѣдывать въ горахъ на конѣ невозможно, а потому только тѣ офицеры и могли ошупать передовую линію противника, которые ходили пѣшкомъ; большинство этого не дѣлало, а потому не могло даже приближаться къ линіи охраненія.

Вообще присутствіе нашей кавалеріи, въ смыслѣ развѣдывательномъ, было почти бесполезно, и не мудрено, что самъ командующій арміей былъ неудовлетворенъ результатами дѣятельности всѣхъ конныхъ отрядовъ. Тѣмъ не менѣе были искусные, честные и энергичные развѣдчики, пожертвовавшіе своею жизнью въ непосильной задачѣ. Первымъ кажется погибъ 2-го Читинскаго полка сотникъ Зиновьевъ

(офицеръ Л. Гв. Коннаго полка). Опрашивая казаковъ его разъѣзда, прибавшихся ко мнѣ на заставу, я одно время думалъ, что они бросили своего офицера, но 11 — 14-го августа я сражался съ этими молодцами подъ Тунсинпу и Тасигоу и говорю, что не знаю части болѣе доблестной, какъ 3-я сотня Читинцевъ, къ составу которой они принадлежали. Мнѣ ясно, что они не могли спасти своего начальника, и я даже счастливъ, что они тогда уцѣлѣли, какъ нѣсколько единицъ полезныхъ для арміи. Говорю единицъ, потому что, напримѣръ, если бы тогда погибъ казакъ Мамонтовъ, то не знаю нашелся ли бы другой, который сумѣлъ бы исполнить мое приказаніе въ бою 12-го августа.

Сотникъ Зиновьевъ задался цѣлью во что бы то ни стало развѣдать главныя силы японцевъ подъ Фынхуанченемъ, и есть два его донесенія, показывающія, что дѣйствительно ему удалось заглянуть дальше сторожевого охраненія. Разъѣздъ былъ дважды обстрѣлянъ; тогда офицеръ пошелъ пѣшкомъ съ двумя казаками, приказавъ остальнымъ разсѣяться и собраться внѣ сферы противника; самъ онъ все-таки прорвался черезъ линію охраненія, но затѣмъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Ему удалось провести ночь въ скрытномъ мѣстѣ, но съ разсвѣтомъ японцы устроили на него облаву; одинъ казакъ, посланный за водой, спрятался въ расщелинѣ скалы, другой проползъ между кустарникомъ, а самъ Зиновьевъ былъ обнаруженъ, отстрѣливался изъ револьвера и былъ убитъ, или смертельно раненъ. Изъ всего разъѣзда въ 22 человекъ было ранено двое, изъ коихъ одного я принялъ, и утеряно 3 или 4 лошади; словомъ разъѣздъ уцѣлѣлъ благодаря заботливости его начальника; рискуя собою, онъ не хотѣлъ напрасно терять меньшую братію, потому что и всѣ 20 человекъ не могли помочь ему въ его задачѣ, въ которой нужно было имѣть особенное счастье, ему не улыбнувшееся. Слава и вѣчная память настоящему герою! Какъ [сейчасъ вижу передъ собой его благородное лицо, такъ часто наблюдаемое мною во время моихъ лекцій его классу въ училищѣ. Для этого человекъ не было компромиссовъ: начальство приказало развѣдать, и онъ могъ только или исполнить, или погибнуть. Къ не-

счастію нѣкоторые не понимаютъ такой доблести, и я слышалъ, какъ казачій офицеръ сказалъ: „это глупо прошибать стѣну лбомъ“. А я скажу, что если бы всѣ наши офицеры были Зиновьевыми, то, не смотря ни на какія горы и ни на какое охраненіе японцевъ, Куропаткинъ зналъ бы точно расположеніе всѣхъ силъ японцевъ. Еще разъ слава павшему за родину на полѣ брани герою.

Считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ въ предвидѣніи возможныхъ нареканій на меня, въ родѣ слѣдующаго: почему п. Дружининъ, требуя такой самоотверженности отъ офицеровъ нашей кавалеріи, самъ не попробовалъ рекомендуемыхъ имъ же развѣдокъ? Почему онъ, сидя спокойно въ Мади, не пошелъ къ японцамъ, не пролѣзъ черезъ ихъ сторожевое охраненіе и не развѣдалъ ихъ силъ, къ тому же обладая знаніемъ военнаго искусства и будучи профессоромъ специально по кавалерійскимъ развѣдкамъ? Я скажу откровенно, что,—за все время моего пребыванія въ Мади, меня мучило именно это сомнѣніе, но здравый смыслъ удержалъ меня отъ такихъ попытокъ. Во-первыхъ, теперь мнѣ самому кажется, что въ Мади было спокойно сидѣть, но въ то время каждую минуту можно было ожидать партій японцевъ, если не значительныхъ ихъ отрядовъ, такъ какъ развѣ они не могли узнать черезъ свою развѣдку, черезъ китайскихъ шпионовъ, что въ Мади на воздухѣ виситъ горсть казаковъ; слѣдовательно, было достаточно неспокойно; во-вторыхъ, я не имѣлъ права оставлять стратегическій узелъ мнѣ ввѣренный, тѣмъ болѣе что не имѣлъ никакихъ основаній довѣрять моему помощнику. А затѣмъ, считая себя вполне способнымъ выносить тягости военныхъ дѣйствій (я не былъ ни разу во время войны настолько боленъ, чтобы оставлять ряды войскъ), я все-таки уже не обладалъ достаточною физическою силою и выносливостью, чтобы проползать нѣсколько сутокъ по сопкамъ, пѣшкомъ и безъ пищи; я зналъ, что къ концу перваго же дня сдѣлаюсь лишь обузой для своихъ спутниковъ. Что дѣлать, въ извѣстномъ возрастѣ и въ извѣстномъ чинѣ, можно исполнять только соотвѣтствующія обязанности, и я не былъ виноватъ, что Куропаткинъ въ угоду господамъ Вороновымъ, Сахаровымъ и симъ подобнымъ (?), а, по его

приказанію, Орановскій обратили меня, заслуженнаго штабъ-офицера, въ корнета. Если бы я служилъ нормально, то, занимая подобающую должность, мнѣ и въ голову не пришло бы мучить себя тѣмъ обстоятельствомъ, что я чувствую себя не въ состояніи ползать на животѣ по сопкамъ среди японскихъ часовыхъ, чего конечно не дѣлали штабъ-офицеры арміи, а въ особенности командиры полковъ, и въ чемъ имъ никто не дѣлаетъ упрека. Гдѣ же справедливость, и по какому праву такъ со мною поступали? Теперь, послѣ Тунсинпу, Тасигоу, Бенсиху, Шуншуцуйцзы и Мукдена, моя совѣсть успокоилась, ибо никто не имѣетъ права сказать мнѣ, что я когда нибудь хотѣлъ пощадить свою шкуру, но тогда, повторяю, я мучился и завидывалъ тѣмъ храбрецамъ, которые въ состояніи были проникать за черту передовыхъ линій японцевъ, потому что не былъ еще подъ огнемъ, и моя служба въ Мади казалась мнѣ слишкомъ безопасной. Впрочемъ вообще я поступалъ правильно, что не отлучался изъ Мади, такъ какъ дальнѣйшіе случаи показали, что изъ этого могло выйти: 25 мая я уѣхалъ оттуда только на 24 часа; тамъ стояла уже не сотня казаковъ, а цѣлыхъ четыре, съ командиромъ полка во главѣ; онъ тотчасъ же отошелъ на переходъ назадъ, и мнѣ пришлось вытащить его впередъ. Загѣмъ съ невѣроятными усиліями я продержалъ ввѣренныя тому же герою 8 сотенъ продолжительное время въ д. Сандіазѣ, правда, подъ нѣкоторымъ давленіемъ японцевъ; едва прибылъ къ этому отряду генераль Грековъ (Митрофанъ), тотчасъ же поставившійся меня удалить, какъ немедленно отошелъ подальше за переваль, гдѣ ему казалось безопаснѣе. Теперь съ спокойной совѣстью, говорю, что я обезпечивалъ Восточный отрядъ въ Мади своею грудью и поступалъ правильно, не покидая этого пункта.

Съ 25-го по 29-е апрѣля я устанавливалъ связь съ правымъ флангомъ отряда, изслѣдовалъ дороги, перевалы, вообще весь районъ на правомъ флангѣ, освѣщая фронтъ передъ нимъ. Присутствіе японцевъ было обнаружено только противъ центра отряда, ближе къ району дѣйствій Читинскаго полка, и потому я предполагалъ сперва войти въ сопри-

косновеніе съ противникомъ въ этомъ направленіи, но такъ какъ тутъ работали Читинцы, то мнѣ предписали стать въ самомъ узлѣ Мади, что я исполнилъ 28 апрѣля. Мы слѣдовали по назначенію въ этотъ день изъ д. Тинтей, лежавшей въ 15 верстахъ отъ Мади. На половинѣ дороги показалась вдали двигавшаяся намъ навстрѣчу небольшая колонна пѣхоты; къ сожалѣнію, нашъ головной дозоръ не донесъ о ней ничего, и поэтому мы были нѣсколько секундъ въ сомнѣніи: противникъ ли передъ нами, или свои. Въ самомъ дѣлѣ, насколько мнѣ было извѣстно, никакихъ частей Восточнаго отряда впереди насъ быть не могло, а г. Мищенко, съ которымъ мы уже были въ связи, пѣхоты не имѣлъ. Однако я скоро различилъ въ сильный бинокль, что дозорные казаки сѣхались съ какими то всадниками, а слѣдовательно наступала наша часть. То были полторы роты, кажется, 24 стрѣлковаго полка, шедшія на присоединеніе къ своему полку, дѣйствовавшему въ составѣ Восточнаго отряда, съ этапа Догушанъ. Я сказалъ командиру роты, что мы едва не приняли стрѣлковъ за японцевъ, такъ какъ ожидаемъ скоро войти въ соприкосновеніе съ ними, и думаю, что онъ очень удачно избѣжалъ встрѣчи съ противникомъ. „Мы знаемъ, что здѣсь опасно, молвилъ капитанъ, а потому и валяемъ по 60 верстъ въ сутки, и сегодня уже отмахали слишкомъ 40“. Я рекомендовалъ ему стать на ночлегъ верстахъ въ 8, въ д. Тинтей, и хорошенько отдохнуть, такъ какъ, находясь съ казаками впереди, буду его оберегать и во всякомъ случаѣ успѣю предварить о японцахъ, но онъ не счелъ нужнымъ слѣдовать моему совѣту и продолжалъ также гнать своихъ людей. Слѣдуя самъ дальше, я убѣдился, что дѣйствительно несчастная пѣхота валяла и махала изъ Догушаня, ибо полторы роты растянулись на 5 верстъ; много солдатъ едва волочили ноги; десятки отсталыхъ тащились по одному, по два, сидѣли, лежали—словомъ совсѣмъ выбивались изъ силъ.

Мои казаки скоро расположились бивакомъ близъ деревни, называемой на картѣ Мади, и приняли мѣры охраненія. Я занялся изученіемъ мѣстности, потому что карта была не совсѣмъ вѣрна, и надо было выяснить наивыгод-

нѣйшее мѣсто для наблюденія за многочисленными направленіями. Неожиданно появился казачій офицеръ и объявилъ, что сейчасъ прослѣдуетъ самъ генераль Мищенко, который конвоируетъ роту, высланную имъ съ этапа Догушанъ, такъ какъ г. Куропаткинъ, узнавъ о такомъ неосторожномъ распоряженіи, страшно разгнѣвался и насыпалъ Мищенко; и вотъ послѣдній, опасаясь, чтобы съ ротой что нибудь не случилось, слѣдуетъ теперь за ней съ одной сотней, желая непременно лично удостовѣриться въ участи роты. Подъ вечеръ прибылъ г. Мищенко съ сотней и 5—6-ю состоявшими при немъ офицерами. Онъ чрезвычайно сердечно поздоровался съ казаками словами: „здорово, славные Уссурийцы“; по отвѣту и выраженію лицъ казаковъ сейчасъ же можно было замѣтить, что они очень цѣнили этого начальника. Ко мнѣ генераль отнесся очень сухо, но я не ожидалъ иного пріема, ибо при Мищенко состоялъ нѣкій Троцкій (здѣсь его не было, и конечно, этотъ вопросъ меня не интересовалъ)—разжалованный изъ поручиковъ Гвардейской конной артиллеріи въ рядовые, за совершенное имъ противъ меня въ 1902 году гнусное преступленіе *). Мищенко со свитою скушали мои послѣдніе запасы (консервы и хлѣбъ) и тронулись дальше вслѣдъ за стрѣлками, хотя я предупредилъ Мищенко, что они вѣроятно промахнулись очень далеко, и нагнать ихъ трудно. Дѣйствительно, генераль не догналъ роту даже въ 15 верстахъ разстоянія, гдѣ остановился на ночлегъ, и на другой день повернулъ обратно, считая, вѣроятно, что болѣе уже

*) Замѣчательно, что всѣ наши популярныя кавалерійскіе начальники украсили свою свиту офицерами—преступниками и скандалистами: при Мищенко состоялъ названный Троцкій, приговоренный судомъ къ 6-ти лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, и вмѣсто этого разжалованный въ рядовые; при Ренненкамповѣ—Жеребковъ, посланный на каторгу за убійство своего товарища въ Лейбъ Казачьемъ полку, сотника Иловайскаго; при Самсоновѣ—знаменитый своими скандалами въ Петербургѣ и даже за границей, удаленный изъ Собственнаго Конвоя Его Величества свѣтлѣйшій князь Грицко Зейн-Витгенштейнъ-Верлебургъ. Замѣчательно также, что эти герои мирнаго времени на войнѣ себя рѣшительно ничѣмъ не проявили, въ смыслѣ храбрости и подвиговъ, и работали при штабахъ, но не въ строю, т. е. въ болѣе спокойной и безопасной обстановкѣ.

не рисковалъ какими нибудь непріятностями за послѣдствія своего неосторожнаго распоряженія. Я остановлюсь подробно на фактѣ конвоированія генераломъ Мищенко роты, кажушемся можетъ быть незначительнымъ, но на самомъ дѣлѣ являюшемся историческимъ по двумъ даннымъ: какъ характеристика нашего командующаго арміей, и какъ фактъ имѣющій огромное вліяніе на результаты дѣйствій коннаго отряда Мищенко въ описываемые дни.

Послѣ отъѣзда Мищенко, мой товарищъ по службѣ въ Мади, мрачный есаулъ, мрачно глядя на догоравшій костеръ, неожиданно изрекъ такія знаменательныя слова: „генераль конвоируетъ роту, полковникъ въ летучемъ развѣздѣ; что съ нами будетъ дальше?“ Что было дальше, теперь знаетъ весь міръ, но тогда вся эта ненормальность отправления службы дѣйствительно не предвѣщала ничего хорошаго, и можно было придти въ мрачное настроеніе.

Что за надобность, что за необходимость для начальника значительнаго коннаго отряда, извѣстнаго и уже популярнаго генерала, въ такую важную минуту, какъ начало стратегическихъ ходовъ нашего противника, бросать свой отрядъ и все порученное ему дѣло, какъ то: соприкосновеніе съ противникомъ и его развѣдку, и задаваться цѣлью пробѣжать сотню верстъ, чтобы убѣдиться цѣлы ли полторы роты стрѣлковъ, слѣдовавшія, кстати сказать, вдоль линіи связи (летучей почты къ штабу Восточнаго отряда), установленной самимъ Мищенко. Неужели офицеры, объѣзжавшіе эту линію (а таковыхъ я видѣлъ самъ), или специально наряженная сотня, или развѣздъ, не могли своевременно донести генералу о благополучіи или неблагополучіи слѣдовавшей пѣхоты; наконецъ, вѣдь я лично ручался ему за безопасность и цѣлость стрѣлковъ и предупреждалъ, что ихъ командиръ можетъ уже сегодня очутиться совсѣмъ близко отъ войскъ Восточнаго отряда. Слѣдовательно, какая нибудь особо важная причина вынуждала г. Мищенко скакать за пѣхотой. А между тѣмъ именно въ это время ввѣренный ему отрядъ началъ отступленіе и уже находился въ одномъ переходѣ сѣвернѣе г. Сюня; чѣмъ было вызвано это отступленіе непонятно, потому что черезъ два или три

дня Мищенко опять пошелъ впередъ и находился со всѣмъ своимъ отрядомъ впереди (южнѣ) Сюняя. Считая, что японцы заняли Фынхуанченъ только 23—24 апрѣля, нельзя было предположить, чтобы они, при свойственной имъ методичности и медленности движенія, могли угрожать Сюняю съ этой стороны, такъ какъ ихъ удаляло отъ него разстояніе въ 70 верстъ, т. е. 4 перехода; высадка у Догушаня (около 50 верстъ отъ Сюняя) произошла не ранѣе 30 апрѣля. Поэтому ничѣмъ не оправдываемое отступленіе отъ Сюняя отряда Мищенко было ошибочно и вредно въ двухъ отношеніяхъ; а именно: не наблюдалось направленіе отъ Сюняя къ Фынхуанчену, и были брошены безъ всякой развѣдки окрестности Догушаня. Потеря 2-хъ—3-хъ сутокъ въ такомъ дѣлѣ, какъ соприкосновеніе съ противникомъ и его развѣдка, часто совершенно невознаградима.

Г. Мищенко принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нашихъ генераловъ, которые никогда не думали о томъ, что не успѣютъ уйти отъ японцевъ; онъ уходилъ всегда позднѣе всѣхъ и только подъ напоромъ противника, да и то шагъ за шагомъ; вотъ почему фактъ его отступленія за Сюнянь въ концѣ апрѣля для меня совершенно непонятенъ, и причину такого явленія я принужденъ искать въ распоряженіяхъ исходившихъ свѣше. Что начальникъ коннаго развѣдывательнаго отряда, освѣщавшаго важнѣйшіе въ ту минуту районъ и направленія, т. е. исполнявшаго важнѣйшую стратегическую развѣдку,—потерялъ не менѣе 3-хъ сутокъ времени для конвоированія какой то роты — это останется навсегда историческимъ фактомъ, ибо не во снѣ же я видѣлъ, что Мищенко ночевалъ 29—30 апрѣля въ д. Тинтей, въ 15 верстахъ сзади меня, и находился въ 50 верстахъ разстоянія отъ своего отряда, стоявшаго въ д. Вандяпуза (30 верстъ сѣвернѣе г. Сюняя, на направленіи Сюнянь — Хайченъ). Замѣтимъ, что этотъ фактъ и объясняетъ до нѣкоторой степени неудовлетворительность стратегической дѣятельности въ то время кавалеріи Мищенко: начальника этой кавалеріи задержали, загипнотизировали какими то мелочами и пустяками, заставили бросить серьезнѣйшее дѣло и отдаться всецѣло улаживанію инцидента съ высылкой Догушанской этапной команды черезъ районъ находившійся,

какъ казалось кому то (положимъ это было отчасти вѣрно), въ сферѣ вліянія противника. Но допустимъ даже, что армія рисковала потерять полторы роты стрѣлковъ, что генераль поступилъ неосторожно, но вѣдь это уже случилось и слѣдовательно было непоправимо, и какое конвоированіе самимъ генераломъ не спасло бы стрѣлковъ, если бы на нихъ напали превосходныя силы противника; за гибель этихъ людей и понесъ бы отвѣтственность ихъ вышавшій. Отвлекать же все вниманіе, отрывать отъ столь серьезнаго дѣла, какъ стратегическая развѣдка, начальника кавалеріи, мучить его такою мелочью, было совершенно нецѣлесообразно, просто бессмысленно. Въ этомъ фактѣ сказывается полная несостоятельность высшей командной власти, размѣниваніе ея на мелочи и упусканіе главной цѣли дѣйствій, а при такомъ характерѣ управленія войсками не можетъ быть успѣха. Съ другой стороны, неужели не было извѣстно, что храбрѣйшій изъ храбрыхъ генераль чрезвычайно остороженъ и никогда не потерялъ даромъ ни одного казака (это сознаніе уже тогда жило въ войскахъ); если онъ послалъ стрѣлковъ изъ Догушаня, то слѣдовательно была нѣкоторая вѣроятность пройти въ Восточный отрядъ безъ особеннаго риска, что и подтвердила дѣйствительность, такъ какъ они не видѣли ни одного японца и не слышали ни одного выстрѣла. Полагаю, что если бы въ Ляоянѣ, въ послѣдніе дни апрѣля, не страдали бы за участь полутора ротъ стрѣлковъ и больше бы вѣрили г. Мищенко, то пожалуй не было бы затѣмъ въ маѣ того невѣдѣнія относительно передвиженій японцевъ между Фынхуанченомъ, Сюянемъ и Догушанемъ, которое всѣмъ извѣстно, и которое такъ затрудняло орьентировку нашей высшей командной власти на театрѣ военныхъ дѣйствій.

На другой день Мищенко прослѣдовалъ мимо Мади и остановился верстахъ въ трехъ на привалѣ. Я сопровождалъ его, потому что онъ имѣлъ свѣдѣнія (по слухамъ китайцевъ) о нахожденіи значительныхъ массъ японцевъ между Фынхуанченомъ и Сюянемъ, а кромѣ того мнѣ просто хотѣлось побыть съ боевымъ и столь популярнымъ уже тогда генераломъ. Разложили карты, позвали китайцевъ и раз-

спрашивали ихъ, но мѣста нахожденія японцевъ по картѣ всетаки опредѣлить не могли. Генераль посовѣтываль мнѣ послать нѣсколько казаковъ въ деревню, которую можно было признать за указываемую китайцами. Я освѣтилъ этотъ раіонъ, но такъ же, какъ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ мои казаки предполагали нахожденіе кавалерійскаго полка противника, японцевъ не оказалось.

Я провелъ въ разъѣздной службѣ болѣе недѣли, а каждому извѣстно, что эта служба нелегка: постоянная готовность, перемѣна мѣстъ ночлеговъ подъ открытымъ небомъ, охраненіе, бдительность; кромѣ того были постоянные слухи о появленіи японцевъ, и съ этимъ приходилось считаться. Въ Восточномъ отрядѣ произошла замѣна Засулича Графомъ Келлеромъ, и я попросилъ Орановскаго смѣнить меня изъ разъѣзда, надѣясь, что, явившись къ Графу, который меня хорошо зналъ, я получу болѣе соотвѣтствующее назначеніе, но 6-го мая я получилъ отъ начальника штаба свою вьючную лошадь и категорическое приказаніе, оставаясь въ Маді, наблюдать такія то направленія, и между прочимъ такое, которое розыскать по картѣ оказалось невозможнымъ, а на мои запросы о немъ мнѣ такъ и не отвѣтили. Я понялъ, что моя роль состояла уже не въ командованіи разъѣздомъ, а наблюдательной заставой. Правѣ насъ начали выдвигаться другія части: нѣсколько стрѣлковыхъ ротъ и Уссурійскій казачій полкъ (съ дивизіономъ 2-го Верхнеудинскаго) подъ начальствомъ Собственнаго Его Величества Конвоя полковника Абадзіева, съ которымъ я долженъ былъ держать связь. Присутствію этого офицера я обрадовался, такъ какъ считалъ его опытнымъ боевымъ офицеромъ, прошедшимъ службу у Скобелева въ Турціи и Средней Азіи. Такъ какъ я командовалъ теперь сотней его полка, то просилъ подчинить ее ему, и готовъ былъ самъ поступить въ распоряженіе этого скобелевца, не смотря на то, что былъ много старше его въ чинѣ (онъ еще командовалъ сотней, когда я готовился принять полкъ). Къ тому же удобнѣе было подчиняться командующему полкомъ, чѣмъ находиться въ какой то полувисимости отъ командира сотни, на отношенія съ кото-

рымъ приходилось смотрѣть сквозь пальцы, или выгнать его вонъ, но... тогда бы вышелъ инцидентъ, а этимъ я никоимъ образомъ рисковать не могъ.

8 мая Абадзіевъ съ 6-ю сотнями прошелъ мимо Мади на югъ, имѣя задачей освѣтить мѣстность между Фынхуан-ченомъ и Сюанемъ; это движеніе было исполнено быстро и рѣшительно (правда, какъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи самъ Абадзіевъ, онъ наступалъ смѣло, потому что слѣва стояла моя сотня, а справа отрядъ г. Мищенко), но уже 11-го онъ началъ отходить безъ всякаго давленія противника, а къ 15-му апрѣля подошелъ совсѣмъ близко къ Мади.

8 мая прибыли ко мнѣ два офицера со взводомъ казаковъ той же сотни. Одинъ офицеръ—хорунжій Калмыковъ, служившій въ полку уже годъ или два, представлялъ изъ себя типъ ноюшаго, всѣмъ недовольнаго казачьяго офицера, въ родѣ Мунгалова, но, если его сотенный командиръ все-таки иногда подавалъ надежду проявлять какую-нибудь энергію, хотя бы подъ страхомъ начальства или противника, то этотъ юноша былъ совершенно безнадеженъ. Онъ интересовался только ѣдой, водкой (замѣняя ее ханшиномъ—китайской сивухой, выгоняемой изъ гаоляна) и сномъ; да къ тому же страдалъ половой болѣзью. Онъ пѣлъ въ унисонъ съ своимъ командиромъ, поносилъ того, кого ругалъ послѣдній, экономно кормилъ, будучи въ отдѣлѣ, лошадей и людей, конечно берегъ коней, т. е. не ходилъ иначе, какъ шагомъ. Командиръ сотни считалъ его идеаломъ младшаго офицера. Другой прибывшій офицеръ—хорунжій Ефимьевъ былъ типомъ особаго рода. Престарѣлый полицейскій—приставъ города Брянска, пріѣхавшій на войну добровольцемъ. Служилъ въ Турецкую кампанію 1877 года въ какомъ то кавалерійскомъ полку нижнимъ чиномъ, былъ затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ офицеромъ и съ тѣхъ поръ въ отставкѣ, помѣщикомъ, актеромъ и наконецъ полицейскимъ; имѣлъ многочисленную семью и между прочимъ двухъ сыновей офицеровъ, служившихъ въ Петербургѣ. Когда этотъ пятидесятилѣтній папаша, обладавшій генеральскимъ брюшкомъ, сползъ съ своего уже набитаго имъ

на первомъ же переходѣ коня, то я подумалъ, что передо мной по крайней мѣрѣ штабъ-офицеръ, и былъ изумленъ признать въ немъ хорунжаго. „Что привело васъ сюда?“ спросилъ я его, и онъ отвѣтилъ: „последняя кампанія оставила во мнѣ такое хорошее впечатлѣніе (онъ въ дѣлахъ не былъ, а, если и былъ, то только въ увеселительныхъ); я люблю такую военно-походную жизнь и поэтому попросился на войну; мнѣ сперва отказали, но я все-таки добился распоряженія и очень счастливъ“. Командиръ сотни конечно не былъ доволенъ получить такую обузу, за которой приходилось ухаживать, давать вѣстовыхъ и кормить еще пару лошадей. Впрочемъ приставъ сразу началъ держаться по вѣтру и поладилъ съ своимъ начальствомъ. Позднѣе я узналъ, что этотъ господинъ смотрѣлъ на свою поѣздку въ Маньчжурію, какъ на денежное предпріятіе, позволившее ему, получивъ тысячи двѣ подъемныхъ и прогонныхъ, уплатить свои долги. Къ тому же вѣдь пріятнѣе было провести годъ, другой, въ офицерскомъ мундирѣ, заслужить славу защитника отечества и избавиться отъ полицейской службы, да еще въ такое смутное время, когда это занятіе было сопряжено съ рискомъ собственной жизни, иногда большимъ, чѣмъ на войнѣ. Я видѣлъ его въ 1905 году въ Харбинѣ, а въ 1906-мъ во Владивостокѣ, всегда цвѣтущимъ, довольнымъ и отлично устраивавшимся. Не принесъ арміи и родинѣ никакой пользы, онъ стоилъ нѣсколько десятковъ тысячъ народныхъ денегъ.

Такимъ образомъ я получилъ двухъ доблестныхъ лихихъ офицеровъ и собралъ около сотни казаковъ. Казалось бы, теперь можно было приступить къ болѣе дальнимъ развѣдкамъ—до соприкосновенія съ противникомъ, потому что нужный для этого элементъ—офицеры—былъ налицо. Но всякій и не военный пойметъ, что рискнуть послать къ японцамъ съ развѣздомъ господина пристава значило поступить безсмысленно: можно ли подчинять боевой элементъ небоевому, т. е. подчинять обстрѣлянныхъ и знающихъ дѣло казаковъ человѣку, ничего въ военной службѣ не понимающему и только носящему офицерскіе погоны. Могъ ли я рисковать жизнью доблестныхъ защитниковъ родины,

призванныхъ закономъ, и слѣдовательно участью ихъ семей, подчиняя ихъ какому то авантюристу, пріѣхавшему на войну для удовлетворенія своихъ личныхъ интересовъ, который своимъ невѣжествомъ въ военномъ ремеслѣ неминуемо могъ напрасно погубить ввѣряемыхъ ему воиновъ. Во всякомъ случаѣ я считалъ нужнымъ хотя бы убѣдиться сперва въ храбрости такого господина и конечно не далъ ему никакого порученія. Возвращаясь къ сказанному мною раньше (страница 29): если даже признать, что Ефимьевъ горѣлъ желаніемъ принести свою голову въ жертву на алтарь отечества, то его слѣдовало назначить въ пѣхоту: тамъ, будучи постоянно на глазахъ товарищей, дѣйствуя подъ ихъ руководствомъ, онъ могъ принести пользу даже одной личной храбростью, а въ кавалеріи, гдѣ каждый офицеръ работаетъ самостоятельно, онъ былъ только обузой. Но я видѣлъ въ этомъ человѣкѣ отсутствіе военной доблести, отсутствіе всякаго интереса къ дѣлу и какого нибудь желанія быть полезнымъ, а потому вспоминаю о немъ съ отвращеніемъ, какъ о печальномъ и негодномъ элементѣ нашей арміи, котораго къ сожалѣнію я видѣлъ и зналъ слишкомъ, слишкомъ много.

Попробовалъ утилизировать другого хорунжаго и сразу убѣдился, что онъ ни на что неспособенъ и слишкомъ дорожить своей шкурой. Онъ былъ посланъ въ развѣдку и, возвращаясь, заночевалъ на передовомъ посту. Къ нему съ вечера прибилась большая часть разсѣяннаго японцами развѣзда Зиновьева, отъ которой онъ узналъ о тягостномъ положеніи послѣдняго. Калмыковъ не только не принялъ никакихъ мѣръ, но не донесъ мнѣ, а на другой день, явившись, между прочимъ упомянулъ и объ этомъ случаѣ. На вопросъ: „отчего вы не донесли? вѣдь надо было помочь“, онъ отвѣтилъ: „да они идутъ сюда и тащатъ раненаго“. Я выѣхалъ навстрѣчу и узналъ, что еще ночью вахмистръ съ нѣсколькими казаками отправился розыскивать Зиновьева, о чемъ Калмыковъ и не зналъ. Вечеромъ вахмистръ вернулся и сообщилъ, по свѣдѣніямъ отъ китайцевъ, о геройской гибели Зиновьева.

Когда Абадзіевъ прослѣдовалъ съ своими казаками нѣ-

сколько правѣе меня, то я продвинулся впередъ и принялъ немного вѣтѣво. На этомъ маршѣ случилось нѣчто достойное исторіи дисциплины нашей арміи, а потому и повѣствую о семъ. Мы перешли черезъ невысокій переваль, и сотня шла пѣшкомъ, ведя коней въ поводу. Есаулу вздумалось прѣхать впередъ, и онъ присоединился къ дозорнымъ. Я оставался при сотнѣ, и, миновавъ спускъ, посадилъ сотню на коней и прибылъ съ нею въ деревню, избранную для стоянки. Прискакалъ казакъ и передалъ вахмистру приказаніе сотеннаго командира вести къ нему сотню. Я разрѣшилъ сотнѣ идти, предполагая, что Мунгаловъ хочетъ самъ расположить ее на коновязи, и не хотѣлъ держать ее на солнцепекѣ, а есаулу приказалъ явиться ко мнѣ. Онъ прибылъ весьма не скоро и сдѣлалъ мнѣ такое строгое внушеніе: „вы, полковникъ, позволили себѣ посадить на коней сотню; по уставу я команду сотней, и слѣдовательно вы нарушили уставъ; прошу васъ знать на будущее время, что я команду сотней, и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы впредь казаки исполняли только мои команды, а не ваши“. Спросите военныхъ юристовъ, и они вамъ скажутъ, что Мунгаловъ сдѣлалъ дисциплинарное преступленіе, но въ нашей арміи дисциплина существуетъ только на бумагѣ, и поэтому дерзость есаула должна была остаться безнаказанной. На самомъ дѣлѣ мнѣ слѣдовало немедленно отрѣшить нахала отъ командованія сотней и отправить его къ командиру полка. Но если бы я позволилъ себѣ такой инцидентъ, то конечно остался бы виноватъ самъ же, и вѣроятно мнѣ не пришлось бы потягаться съ японской гвардіей у Тунсинпу и Тасигоу, а я былъ бы въ лучшемъ случаѣ сосланъ въ тылъ арміи, а въ худшемъ удаленъ совсѣмъ изъ ея предѣловъ. Кто повѣрилъ бы моему докладу о дерзостяхъ, отъ которыхъ хитрый бурятъ конечно отказался бы, и вотъ тому доказательство. Я приказалъ ему немедленно изложить все сказанное имъ въ рапортѣ. Онъ долго писалъ и подалъ мнѣ рапортъ, въ которомъ было сказано, что, согласно такого то параграфа устава, сотней командуетъ сотенный командиръ. Я махнулъ рукой, возвратилъ рапортъ и кажется тогда же рѣшительно попросилъ

Орановскаго и Абалзіева о присоединеніи сотни къ полку и назначеніи меня въ распоряженіе командира полка, ибо не могъ выносить гнусной роли зависимости отъ слишкомъ младшаго меня по положенію и чину.

14 мая вечеромъ пріѣхаль съ развѣдки сотникъ Сараевъ отряда Мищенко. Изъ всѣхъ пріѣзжавшихъ до этого времени развѣдчиковъ это былъ единственный, который достигъ серьезныхъ результатовъ, и конечно потому, что бросилъ коней и нѣсколько сутокъ проползаль по горамъ выслѣживая японцевъ. Онъ не догадался воспользоваться средствами моей заставы, чтобы возможно скорѣе послать свои важныя донесенія во всѣ штабы, такъ нуждавшіеся въ орьентировкѣ. Этотъ честный и храбрый офицеръ, пришедшій безъ сапогъ и совершенно отошавшимъ, умѣлъ работать, но не умѣлъ использовать результаты своей работы. Я составилъ ему донесеніе, на основаніи его разсказа, и экстренно отправилъ его въ штабъ. Говорятъ, онъ получилъ особую награду за добытыя важныя свѣдѣнія; очень былъ бы счастливъ, если помогъ этому доблестному юношѣ быть вознагражденнымъ.

Долженъ коснуться и внутренняго порядка сотни, которой не смѣлъ командовать, но которая была въ моемъ распоряженіи. Первое время мнѣ казалось, что казаки не только исправны собственно въ боевой—полевой службѣ, но надежны во всѣхъ отношеніяхъ. Однако пришлось разубѣдиться. 17 мая высланный въ развѣдку подъ начальствомъ урядника развѣздъ донесъ, что имѣлъ стычку съ китайцами. Я послалъ немедленно хорунжаго Калмыкова съ 15-ю казаками и получилъ отъ него донесеніе, что хунхузы проломили голову начальнику развѣзда; затѣмъ принесли раненаго, а офицеръ остался ловить злодѣевъ, посягнувшихъ на казаковъ. Изъ самаго факта происшествія, т. е. проломленія головы начальника развѣзда, очутившагося почему то въ одиночествѣ въ китайской фанзѣ, безъ сопровожденія другими казаками, можно было подозрѣвать, что не было никакого нападенія жителей, а просто грабежъ казаковъ, или посягательство на китаянокъ. Хотя на другой день Калмыковъ доставилъ мнѣ трехъ связанныхъ китай-

цевъ, одно кремневое ружье и допотопную саблю, въ видѣ трофеевъ своей дѣятельности, даже самъ сотенный командиръ призналъ, что во всемъ виноватъ урядникъ, и просилъ меня не докладывать о происшествіи командиру полка. Въ виду того, что въ этотъ день я сдавалъ командованіе заставой, а, вмѣсто проломленія головы, у урядника оказалась легкая рана отъ удара дубиной, я отпустилъ на свободу китайцевъ и предалъ дѣло забвенію, ибо изъ него все равно ничего бы не вышло: командиръ полка не сталъ бы дѣлать непріятностей командиру сотни изъ за какихъ то китайцевъ.

Внутренній порядокъ обрисовывается еще изъ слѣдующихъ эпизодовъ. При сотнѣ состоялъ въ качествѣ переводчика мальчикъ китаецъ лѣтъ двѣнадцати, брошенный своими родителями; онъ былъ привязанъ къ казакамъ, какъ собака, и они также любили его. Какъ то разъ я услышалъ плачь ребенка; на вопросъ о причинахъ его горести, мальчикъ смѣло сказалъ мнѣ, что онъ оставилъ свой кошелекъ съ 30 рублями въ помѣщеніи вѣстовыхъ сотеннаго командира, которые его украли, а за заявленіе о кражѣ избили. Тотчасъ выскочилъ вѣстовой и объяснилъ, что мальчикъ по глупости растерялъ свои деньги. На вопросъ, откуда у мальчика такія деньги, казакъ отвѣтилъ, что онъ беретъ деньги съ китайцевъ продающихъ въ сотню убойный скотъ и фуражъ, какъ вознагражденіе за свои труды переводчика; мальчикъ же пояснилъ, что китайцы сами любезно его награждаютъ. Я передалъ о случившемся Мунгалову и указалъ, что слѣдуетъ разслѣдовать дѣло, заключающее фактъ воровства, фактъ взяточничества и фактъ насилія надъ ребенкомъ. Есаулъ конечно не пожелалъ себя утруждать, а китаенокъ пересталъ жить съ ними и ушелъ къ вахмистру. Оставленіе безъ послѣдствій кражи въ 30 рублей повело уже къ настоящему скандалу... Когда сотня Мунгалова вошла въ составъ полка, то онъ пригласилъ въ свое помѣщеніе командира 2-й сотни подъесаула Шереметева. Этотъ офицеръ уже разъ былъ отрѣшенъ отъ командованія, но затѣмъ возстановленъ. Онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка ненормальнаго: не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, постоянно бѣгалъ изъ угла въ уголь, болталъ всякій вздоръ,

свирѣпо обращался съ казаками, билъ ихъ и еовсѣмъ не вникалъ въ бытъ и довольствіе своихъ подчиненныхъ, предоставляя это вахмистру, каптенармусу и фуражиру. Говорятъ, что онъ сильно пилъ, но я этого не видѣлъ. Шереметевъ жилъ въ нашей фанзѣ и пользовался услугами вѣстовыхъ Мунгалова, а я перебрался въ фанзу командира полка. На другой же день Шереметевъ пришелъ ко мнѣ и просилъ разрѣшеніе сдѣлать обыскъ вещей моего денщика—драгуна, подозрѣваемаго въ кражѣ изъ переметныхъ суммъ Шереметева 500 рублей, взятыхъ изъ лежавшихъ тамъ нѣсколькихъ тысячъ сотеннаго аванса. Я разрѣшилъ сдѣлать обыскъ, но предупредилъ, что мой денщикъ не знаетъ счета деньгамъ, не различаетъ дней недѣли и мѣсяцевъ года, отказывается брать даримыя мною деньги, на томъ основаніи, что они ему не нужны, и не разъ доказалъ мнѣ свою честность при расплатахъ по моимъ надобностямъ. Я сказалъ также, что вѣстовые Мунгалова обокрали мальчика китайца. Шереметевъ заявилъ, что всѣ казаки въ одинъ голосъ показываютъ на моего денщика. Я посовѣтывалъ ему лучше принять рѣшительныя мѣры относительно настоящихъ воровъ, иначе онъ понесетъ значительный матеріальный ущербъ, но тотъ стоялъ на своемъ. Командиръ полка назначилъ дознаніе, на которомъ конечно ловкіе жулики (одинъ изъ вѣстовыхъ Мунгалова даже состоялъ въ разрядѣ штрафованныхъ) оплели честнаго и неразвитога мужичка, оказавшагося впоследствии и очень храбрымъ *).

Мнѣ удалось его спасти отъ суда во-первыхъ тѣмъ, что я изолировалъ отъ общей стачки казаковъ еще неиспорченнаго юношу, состоявшаго при мнѣ коннымъ вѣстовымъ, и онъ опровергъ показанія лжесвидѣтелей, а во-вторыхъ,

*) Во время Мукденскаго бѣгства, рядовой Приморскаго драгунскаго полка Федоръ Саблинъ, не смотря на сильный обстрѣлъ колонны обозовъ артиллеріей, вывелъ въ полномъ порядкѣ моихъ лошадей и व्यюкъ, въ то время, когда остальные люди бросили двуколки, व्यюки и бѣжали. Было сдѣлано нѣсколько попытокъ отобрать у него мою व्यючную лошадь, чтобы бѣжать на ней, но, благодаря страшной физической силѣ Федора, онъ высвободился отъ цѣлой оравы обезумѣвшихъ бѣглецовъ. За это усердіе я наградилъ Саблина серебряными часами.

написалъ военному слѣдователю письмо съ подробнымъ изложеніемъ всей обстановки дѣла. Такимъ образомъ слѣдствіе ничѣмъ не кончилось, а деньги пропали, при чемъ убытокъ потерпѣли, какъ это ни странно, не личные средства виновника—разгильдяя сотеннаго командира, а экономическія суммы Уссурійскаго полка. При мнѣ Абадзіевъ объявилъ Шереметеву, что, вслѣдствіе представленія имъ значительныхъ экономическихъ суммъ съ фуражнаго довольствія 2-й сотни, онъ разрѣшаетъ ему погасить изъ этой экономіи украденныя деньги. Пожалуй на войнѣ 500 рублей казенныхъ денегъ представляютъ изъ себя ничтожную сумму; но какой развратъ, или лучше, какое проявленіе командиромъ полка содѣйствія служебному разврату. Кромѣ того, что надо требовать отъ каждого офицера добросовѣстнаго отношенія къ казенному интересу, въ данномъ случаѣ нужно было поставить на видъ сотенному командиру, что, швыряя деньги въ фанзѣ, въ кобуры сѣдла, онъ самъ вводилъ въ соблазнъ своихъ подчиненныхъ и наталкивалъ ихъ на преступленія. По моему мнѣнію, этотъ самъ по себѣ ничтожный эпизодъ имѣетъ огромное значеніе, показывая какъ вообще низко стояли въ нашей арміи служебныя требованія и служебный долгъ.

Конечно, изъ всего сказаннаго о 1-й сотнѣ Уссурійскаго полка нельзя не вынести впечатлѣнія, что она была въ порядочномъ безпорядкѣ, а между тѣмъ она составляла коренную первоочередную часть полка, ибо въ мирное время существуетъ только Уссурійскій дивизіонъ изъ 1-й и 2-й сотенъ, а еще четыре сотни, для развертыванія въ полкъ, набираются изъ льготныхъ казаковъ. Я сказалъ выше, что Уссурійскіе казаки были превосходны какъ боевой элементъ, и дѣйствительно они были во всей своей массѣ сильные, здоровые, находчивые, смѣтливые, въ большинствѣ храбрые, даже опытные въ походѣ, такъ какъ многіе участвовали въ Китайской войнѣ; но кто же вообще ихъ воспитывалъ и подготавливалъ въ мирное время? Передъ настоящей войной Уссурійскимъ дивизіономъ командовалъ полковникъ Дануровъ — бывший офицеръ гвардейской кавалеріи, очень скоро покинувшій полкъ и всю свою службу адъютантство-

вавшій при генералитетѣ Дальняго Востока. Онъ получалъ огромное содержаніе, часто бывалъ въ столицѣ, сопровождая своихъ патроновъ, двигался по службѣ раза въ три скорѣе своихъ сверстниковъ по полку и получилъ за свою пріятную службу часть на правахъ командира полка. Привыкнувъ ничего не дѣлать и ни за что не отвѣчать, не зная совершенно строевой службы, онъ конечно могъ только пользоваться всѣми полагававшимися ему правами и преимуществами, предоставляя дѣло хозяйства своему помощнику—штабъ-офицеру, а строевую подготовку командирамъ сотенъ. Онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть никакого авторитета. Его дивизіонъ, а потомъ полкъ, въ началѣ войны стоялъ въ Гайчжоу, а потомъ вошелъ въ составъ Корейскаго отряда г. Мищенко; по дорогѣ въ Корею Данауровъ разболѣлся, долженъ былъ эвакуироваться и умеръ въ Москвѣ, а полкъ перешелъ въ руки войскового старшины Савицкаго, о которомъ рѣчь еще впереди. Когда Мищенко отвелъ свою кавалерію на правый берегъ р. Ялу, Уссурійскій полкъ вышелъ изъ подъ его командованія и поступилъ въ составъ бригады полковника Карцова, при чемъ его ввѣрили полковнику Абадзіеву. Когда прибыла въ окрестности Саймацзы дивизія Ренненкампа, то бригада Карцова была расформирована: одинъ полкъ остался у Ренненкампа, а Уссурійцы вошли въ составъ Восточнаго отряда, и, какъ сказано выше, Графъ Келлеръ выслалъ его сперва подальше впередъ, между Фынхуанченомъ и Сюянемъ, а затѣмъ оставилъ на стратегическомъ узлѣ Мади, какъ бы усиливъ мою заставу.

Полковникъ Абадзіевъ, родомъ изъ осетинъ, началъ службу въ Турецкую кампанію рядовымъ—въстовымъ при Скобелевѣ сынѣ, былъ имъ отличаемъ и произведенъ въ офицеры одного изъ пѣхотныхъ полковъ Скобелевской дивизіи; послѣ войны онъ продолжалъ состоять при Скобелевѣ, выдержалъ экзаменъ на офицера, отличился снова въ Средней Азіи, гдѣ былъ раненъ. Послѣ кончины Михаила Дмитриевича, благодаря протекціи его родни, Абадзіевъ былъ опредѣленъ на службу въ Собственный Его Величества Конвой, не смотря на вышедшее какъ разъ тогда

распоряженіе о приѣмѣ въ эту часть только и исключительно казаковъ. Онъ дослужился къ 1904-му году до чина полковника и на войну прибылъ съ особеннымъ назначеніемъ. Не знаю по чьей весьма оригинальной инициативѣ въ полевой штабъ Намѣстника были вызваны отборные развѣдчики изъ всего состава драгунской кавалеріи Европейской Россіи. Это были оберъ-офицеры наиболѣе отличавшіеся своими развѣдками на маневрахъ; ихъ послали немедленно, спѣшно, въ мундирахъ своихъ полковъ, съ увеличеннаго размѣра суточными деньгами (4 рубля вмѣсто 1 рубля 50 копѣекъ); всего пріѣхало 10—12 человекъ, при двухъ развѣдчикахъ изъ нижнихъ чиновъ съ каждымъ. Общее начальство надъ всей этой командой и предполагалось ввѣрить знаменитому герою—скобелевцу Абадзіеву. Но когда весь отборный развѣдочный элементъ, съ своимъ начальникомъ во главѣ, прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій, то обнаружилась полная неосуществимость затѣи. Развѣдчики были потребованы въ распоряженіе штаба Намѣстника, но развѣдка все-таки дѣло боевое, а ни Намѣстникъ, ни его штабъ въ Мукденѣ не воевали; войну велъ полководецъ со своимъ штабомъ изъ Ляояна. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ штабъ Намѣстника высылать изъ Мукдена за тридевять земель свои спеціальныя офицерскія развѣзды, ибо онъ не руководилъ операціями и не могъ заправлять боевой развѣдкой; наконецъ вѣдѣніе развѣдкой помимо командующаго арміей просто нелѣпо *). Пришлось вытребованный для себя полевой штабомъ Намѣстника дорогой мате-

*) Мнѣ кажется, что можно объяснить возникновеніе всей этой нелѣпой затѣи. Наша армія вообще страдала несовершенствомъ организаціи всякой полевой службы войскъ (знали только мирно-парадную и муштровку, да и то не совсѣмъ), а у большинства крупныхъ начальниковъ, даже изъ генеральнаго штаба, не существовало яснаго представленія о способахъ выполненія развѣдки; знали только, что главнымъ образомъ развѣдываетъ кавалерія, что она ведетъ развѣдку офицерскими развѣздами, и что руководить развѣдкой долженъ штабъ высшаго начальника. А такъ какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій высшимъ начальникомъ являлся Намѣстникъ, то кто то и придумалъ снабдить его полевой штабъ органами развѣдки, выписавъ для этого отборныхъ офицеровъ-развѣдчиковъ.

ріаль подарить арміи, но тутъ то и обнаружилась вся нелѣпость затѣи. Одинъ офицеръ, съ однимъ—двумя нижними чинами, обыкновенно не ходитъ въ разъѣздъ, а беретъ съ собой цѣлый составъ разъѣзда; слѣдовательно, и прибывшихъ офицеровъ—развѣдчиковъ надо было снабжать конными нижними чинами изъ бывшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій частей. Но какъ же вдругъ прислать въ казачій полкъ, или драгунскій, какого то никому неизвѣстнаго офицера и довѣрить ему команду нижнихъ чиновъ, которыхъ онъ не знаетъ, и которые его не знаютъ, только потому, что кто то патентовалъ его на маневрахъ? Почему офицеры полка не могутъ выполнить того же? Развѣ это для нихъ не обидно? Легко ли командирамъ полковъ и сотенъ отдавать своихъ дѣтей въ незнакомыя руки? Изъ такихъ затрудненій вышли, прикомандировавъ патентованныхъ развѣдчиковъ къ казачьимъ полкамъ, т. е. вливъ ихъ въ составъ полковъ, гдѣ они и должны были нести службу наравнѣ съ непатентованными офицерами, съ тою лишь разницею, что они получали большее содержаніе. А это было совсѣмъ неприлично! На какомъ основаніи, исполняющій совершенно тѣ же обязанности казачій офицеръ Сибирскихъ полковъ, или прибывшій въ ихъ составъ по собственному желанію доброволецъ, должны были быть оплачиваемы за рискъ своей головой меньше—дешевле, чѣмъ присланный для какой то специальной развѣдки драгунъ изъ Россіи? На моихъ глазахъ работали три такихъ патентованныхъ офицера, и только одинъ изъ нихъ проявилъ себя выдающимся, хотя были всетаки искуснѣе и самоотверженнѣе работавшіе изъ среды не патентованныхъ; одинъ оказался не только неудовлетворительнымъ, но позорнымъ, одинъ совершенно зауряднымъ; еще одинъ, будучи въ дорогѣ на театръ военныхъ дѣйствій произведенъ въ штабъ-офицерскій чинъ, въ разъѣзды, т. е. для чего именно былъ присланъ, ходить не пожелалъ. Впослѣдствіи всѣхъ патентованныхъ, безъ всякаго запроса объ ихъ желаніи, перевели въ штатъ казачьихъ полковъ, и тогда наконецъ додумались лишить ихъ добавочнаго содержанія.

ГЛАВА VII.

Дѣйствія въ составѣ Уссурійскаго казачьяго полка въ роли: не то начальника штаба 4-хъ сотенъ, не то полкового адъютанта, съ 18-го мая по 20-е іюня.

17 мая Абадзіевъ, пригласивъ меня къ себѣ, объявилъ, что получилъ приказаніе занимать Маді; находившаяся въ моемъ распоряженіи 1-я сотня Мунгалова войдетъ въ составъ полка, а я имѣю поступить въ его распоряженіе. Выше сказано, что одна сотня Уссурійскаго полка была въ составѣ отряда Мадритова, а еще одна держала летучую почту, состоя въ распоряженіи штаба Восточнаго отряда. Дивизіонъ 2-го Верхнеудинскаго полка сталъ правѣе и сѣвернѣе насъ въ д. Сандіаза, а пѣхота (баталіонъ стрѣлковъ) отошла еще дальше, за Тхазелинскій переваль. Итакъ съ 18 мая мнѣ предстояло быть въ роли начальника штаба только что произведеннаго въ полковники Абадзіева, командовавшаго 4-мя сотнями, а между тѣмъ еще въ мирное время я былъ 2 года начальникомъ штаба дивизіи и одно время даже своднаго кавалерійскаго корпуса. Но надо было по волѣ Куропаткина проходить службу съ начала: я уже былъ начальникомъ разъѣзда, заставы, а теперь обращался въ полкового адъютанта.

Прогулка 4—5-ти сотенъ (3 Уссурійскихъ и 1 или 2 Верхнеудинскихъ), подъ начальствомъ Абадзіева, къ линіи Фынхуанченъ-Сюянь не принесла никакихъ результатовъ, ибо ни штабъ Восточнаго отряда, ни главная квартира въ Ляоянѣ не узнали, происходитъ ли какое либо передвиженіе силъ противника между названными стратегическими пунктами. Въ дѣйствительности у Фынхуанчена происходило сосредоточеніе арміи Куроки, имѣвшаго цѣлью наступать на Ляоянъ по нашей этапной дорогѣ, т. е. по любезно разработанному и разрабатываемому нами пути; черезъ Сюянь же шли японскія войска арміи Нодзу, высадившіяся въ Дагушани и имѣвшія задачей двигаться въ разрѣзъ между нашими Южной и Восточной группами, на Далинскій переваль, къ которому Куропаткинъ поспѣшно строилъ отъ

станціи Хайченъ желѣзную дорогу, т. е. опять таки стремился облегчить наступленіе своему врагу. Къ 15-му іюля инженеръ В.-Китайской дороги Бочаровъ выстроилъ около 50 верстъ готоваго для укладки рельсовъ полотна и уложилъ 6 верстъ пути отъ станціи Хайченъ. Кромѣ того, японцы передвинули изъ Фынхуанчена къ Сюяню одну гвардейскую бригаду. Конечно, противникъ держалъ энергичную связь между этими пунктами и принималъ мѣры противъ ея прорыва. А такъ какъ японцы были вообще очень бдительны и не скупились на наряды передовыхъ сторожевыхъ частей, то проникнуть за ихъ линію отдѣльные слабые развѣзды наши не могли. Если бы Абадзіевъ, въ своемъ поискѣ, рискнулъ бы спѣшеннымъ боемъ отряда, то вѣроятно ему и удалось бы выяснитъ кое что, но на такой рискъ онъ былъ совершенно неспособенъ. Отозваніе его въ Мади дѣлало развѣдку этого важнѣйшаго направленія уже совершенно затруднительной, такъ какъ отдаляло казаковъ отъ противника на 30 верстъ, и японцы не преминули выдвинуть вслѣдъ за нашимъ отходомъ свои сторожевыя наблюдательныя части. Впрочемъ думаю, что отступление къ Мади было совершено болѣе по личной инициативѣ Абадзіева, чувствовавшаго себя очень нехорошо въ болѣе близкой сферѣ къ противнику; теперь же ему приходилось только взять на себя выполнение назначенія моей заставы, т. е., занимая узелъ путей отходящихъ отъ Сюяня и Фынхуанчена къ правому флангу Восточнаго отряда, обеспечивать послѣдній предупрежденіемъ о возможномъ обходѣ противника, освѣщая передъ собою районъ мѣстности шириною верстъ въ 15.

Я сказалъ выше, что правѣе и сзади насъ, верстахъ въ 15—20, сталъ дивизіонъ 2-го Верхнеудинскаго полка, дѣйствовавшій въ правой половинѣ нашего района, ведя развѣдку совершенно самостоятельно; его развѣзды и даже цѣлыя сотни болтались между, но больше за нашими передовыми постами, совершенно зря, иногда мѣшая Уссурийцамъ выполнять свои задачи. Почему не было объединено начальство въ одномъ и томъ же районѣ надъ двумя конными частями объяснить не трудно: по полному непонима-

нію и неумѣнію начальника штаба Восточнаго отряда Орановскаго правильно организовать и вести развѣдку.

Въ первые дни прихода Абадзіева въ Мади обстановка и дѣятельность не измѣнились; я посылалъ ежедневно впередъ для освѣщенія 2 развѣзда подѣ начальствомъ урядниковъ; теперь стали посылать по 2, иногда по 3 офицерскихъ развѣзда, требуя отъ нѣкоторыхъ доходить до противника и развѣдывать его силы; кромѣ того, вмѣсто одного передового поста, держали два. До 25 мая ни одинъ развѣздъ не розыскалъ японцевъ, кромѣ одного, на дѣятельности котораго я остановлюсь подробно. 18 мая явился въ полкъ корнетъ драгунскаго полка Михаилъ Юзефовичъ. По происхожденію литовскій татаринъ, маленькаго роста, коренастый, съ большою физическою силою, нервный, съ необыкновенно живымъ взглядомъ и выраженіемъ особенной рѣшительности на лицѣ, этотъ офицеръ сразу производилъ незаурядное впечатлѣніе. Онъ объяснилъ мнѣ, что съ большимъ трудомъ, только по прошенію на Высочайшее Имя, ему удалось добиться отпращиванія на войну, такъ какъ, когда онъ явился Военному Министру, то Г. А. Сахаровъ хотѣлъ его посадить подѣ арестъ. Вскорѣ я узналъ, что Юзефовичъ за 4 года своей службы перемѣнилъ два полка, имѣлъ непріятности съ обществомъ офицеровъ, былъ подѣ судомъ, отсидѣлъ въ крѣпости и отставленъ отъ производства въ слѣдующій чинъ. Въ догонку за нимъ пришла въ армію изъ главнаго штаба бумага съ предписаніемъ особенно слѣдить за этимъ офицеромъ и, въ случаѣ какой либо провинности, не щадить. Меня чрезвычайно заинтересовалъ этотъ юноша, уже такъ много испытавшій на своемъ краткомъ служебномъ поприщѣ, тѣмъ болѣе, что онъ казался въ высшей степени интеллигентнымъ, развитымъ, интересовавшимся военными дѣйствіями и вообще воспитаннымъ и симпатичнымъ. Я знаю, что въ полкахъ иногда гибнуть молодые офицеры съ самостоятельнымъ характеромъ, неспособные на компромиссы и сдѣлки съ развратной рутинной господствующей въ офицерской средѣ, имѣющіе несчастіе беспокоить начальство своими инцидентами; знаю также какіе бываютъ пошлые и глупые суды общества офицеровъ;

а потому все, казалось, позорившее службу мирного времени Юзефовича не имѣло въ моихъ глазахъ никакого значенія. Его выдающаяся доблестная дѣятельность и геройская кончина на полѣ брани показываютъ, что я не ошибся.

Въ день прибытія Юзефовича, отъ полка посылалась партія охотниковъ—пѣшихъ казаковъ—для дальней развѣдки Синхайлинскаго перевала, гдѣ иногда бывали посты нашихъ сторожевыхъ частей, выдвинутые лѣвѣе насъ, а иногда появлялись (по слухамъ) японцы... Юзефовичъ явился къ командиру полка и просилъ разрѣшеніе участвовать въ развѣдкѣ, но Абадзіевъ сухо и рѣзко оборвалъ его: „Ваша очередь еще не наступила, и тогда вы пойдете, а теперь это лишнее“. Подобное отношеніе къ дѣлу службы и къ офицеру было глупо и вредно:

1. Офицеръ горѣлъ желаніемъ дѣйствовать; зачѣмъ же было ему препятствовать, тѣмъ болѣе, что на такія опасныя предпріятія, какъ поискъ къ противнику, желающихъ и напрашивающихся не было; шли только по наряду, и, ухъ какъ строго слѣдили за очередью, чтобы не пойти лишній разъ. Конечно, строгое соблюденіе очереди между офицерами, для посылки въ опасныя развѣдки, есть вредная рутина; нельзя посылать постоянно однихъ и тѣхъ же, напр. лучшихъ, болѣе храбрыхъ и способныхъ, или предпочитая рисковать жизнью тѣхъ, а не другихъ; надо утилизировать всѣхъ въ равной степени, но допустить обязательную очередь, которую нельзя было бы нарушать, безнравственно; начальство имѣетъ право посылать и наряжать кого угодно и сколько угодно, и никто на это претендовать не смѣетъ. Къ сожалѣнію у насъ соблюдалась очередь, и на ней выгадывали только плохіе элементы, умѣвшіе изощряться попадать въ болѣе легкія и безопасныя мѣста, а въ критическую, трудную минуту все равно хватались за лучшихъ, болѣе добросовѣстныхъ, и объ очереди забывали.

2. Юзефовичъ только что прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій, и каковъ онъ оказался бы въ развѣдкѣ было неизвѣстно, тѣмъ болѣе что онъ не былъ знакомъ съ гористою мѣстностью и не служилъ съ казаками; развѣ не

полезно было удовлетворить его просьбу и послать при другихъ офицерахъ (ихъ было назначено два, изъ коихъ одинъ, хорунжій Кузнецовъ, пользовался вполнѣ заслуженнымъ особеннымъ довѣріемъ командира полка), не въ роли самостоятельнаго начальника, что случилось не далѣе, какъ дня черезъ два, а подчиненнаго, какъ бы обучающагося; этотъ опытъ былъ полезенъ для службы, для юноши и для меньшей братіи, жизнь которой ему приходилось до-вѣрять, какъ офицеру. Но Абадзіевъ отказалъ Юзефовичу и, странное дѣло, съ этой же минуты началъ чувствовать и даже выражать какую то ни на чемъ не основанную непріязнь къ своему самому лучшему офицеру, посланному ему на помощь самую судьбою.

20 или 21 мая Юзефовичъ былъ посланъ по очереди въ разъѣздъ въ самую пересѣченную мѣстность, безъ торныхъ дорогъ, до соприкосновенія съ противникомъ. Онъ внимательно выслушалъ задачу и немедленно выступилъ съ своимъ разъѣздомъ. На другой день я получилъ отъ него донесеніе, сразу показавшее, что онъ понимаетъ свое дѣло, а именно: представлено отчетливое кроки всей пройденной мѣстности и сообщено, что, пройдя верстъ 20 и узнавъ, что противникъ еще далеко, а также убѣдившись, что кони составляли только обузу, онъ отправилъ весь составъ разъѣзда назадъ и пошелъ впередъ пѣшкомъ съ двумя спѣшенными же казаками. Конечно затѣмъ присылка донесеній прекратилась; отважный офицеръ пропадалъ 4 сутокъ и вернулся только 25 мая, приведя съ собой цѣлый обозъ—6 запряженныхъ арбъ съ фуражомъ, который китайцы поставляли японцамъ. Вотъ его походы. Пройдя большую половину разстоянія, отдѣлявшаго противника отъ нашего расположенія, стали попадаться транспорты китайскихъ арбъ, шедшихъ въ направленіи къ японцамъ. Юзефовичъ выяснилъ, что это были поставки китайцами противнику продовольствія и фуража, а потому онъ сжегъ два такихъ обоза въ присутствіи толпы китайцевъ. Когда я впоследствии высказывалъ ему, что такимъ способомъ дѣйствій онъ себя обнаруживалъ, онъ совершенно резонно возразилъ мнѣ: „я двигался впередъ только ночью и зигзагами; при-

влечь вниманіе противника къ мѣсту такого происшествія мнѣ было выгодно, потому что я уходилъ затѣмъ далеко въ сторону“. Вотъ какъ онъ разсказывалъ о своемъ неожиданномъ столкновеніи съ японцами: „Подойдя къ расположенію противника я карабкался по самымъ неприступнымъ сопкамъ, выбирая наиболѣе лѣсистыя, и наконецъ достигъ долины, гдѣ ожидалъ найти японцевъ. Передо мною лежала большая деревня. Оставивъ на опушкѣ казаковъ, я пошелъ къ стоявшей у окраины деревни толпѣ китайцевъ, поднявшей страшный шумъ и крики при моемъ приближеніи. Я не хотѣлъ идти назадъ, чтобы китайцы не подумали, что я ихъ боюсь, и потому быстро приблизился къ нимъ. Толпа раздалась, и вотъ что я увидѣлъ: по улицѣ деревни мнѣ навстрѣчу шла фигура офицера, хотя можетъ быть это былъ и японскій солдатъ; далѣе виднѣлась фура или экипажъ, запряженный довольно рослыми лошадьми; мы оба, т. е. японецъ и я, мгновенно остановились, и тотчасъ же я повернулъ назадъ и во всѣ лопатки побѣжалъ въ лѣсъ, изъ котораго вышелъ, слыша сзади себя тревожные сигналы и свистки. Мои казаки уже замѣтили нѣсколько японцевъ, мывшихся въ ручьѣ близъ деревни. Мнѣ удалось спрятаться въ какомъ то заброшенномъ строеніи, мимо котораго пробѣжало нѣсколько японскихъ солдатъ и проѣхалъ офицеръ на сѣрой лошади, вѣроятно предполагая, что мы ушли дальше. Мы отсидѣли такъ до ночи, когда обратились назадъ, а затѣмъ, захвативъ на полудорогѣ арбяной китайскій обозъ, я благополучно добрался до расположенія полка“. Абадзіевъ приказалъ купить заключавшійся въ арбахъ фуражъ и отпустилъ возчиковъ на свободу.

Нельзя не считать результаты развѣдки Юзефовича очень важными, ибо противникъ былъ найденъ, при чемъ опредѣлилось, что на протяженіи 30 верстъ къ юго-востоку отъ насъ его совсѣмъ не было: наконецъ обозначилось, что въ направленіи сдѣланной развѣдки противникъ не только не предпринимаетъ что либо активное, но даже охраняется недостаточно бдительно, а также, что онъ спокойно занимается сборомъ запасовъ въ районѣ передъ нашимъ расположеніемъ. Затѣмъ офицеръ проявилъ предпримчивость,

настойчивость и искусство, не говоря уже про выдающуюся храбрость.

Мы получили извѣстіе, что Графъ Келлеръ пріѣдетъ 26 мая на позиціи Модулинскаго перевала, въ штабъ 6-й стрѣлковой дивизіи, и Абадзіевъ поручилъ мнѣ съѣздить туда и выяснить нѣкоторые вопросы по нашей дѣятельности. Лично мнѣ хотѣлось повидаться съ Графомъ, отлично знавшимъ мою службу мирнаго времени. Я надѣялся получить болѣе соотвѣтствующее назначеніе. Выѣхавъ подъ вечеръ, я заночевалъ въ обозѣ Уссурійскаго полка, стоявшемъ близъ д. Тинтей, въ 15 верстахъ сзади насъ. При обозѣ находились офицеръ имъ командовавшій и чиновникъ—дѣлопроизводитель по хозяйственной части полка; на ихъ попеченіи находилась масса побитыхъ строевыхъ лошадей и, какъ вы думаете, что еще?—полковое знамя Уссурійскаго полка. Я зналъ объ этомъ, такъ какъ Абадзіевъ самъ заявилъ мнѣ, что, ради безопасности и цѣлости, держать полковое знамя въ обозѣ. Я тогда же высказалъ ему, что совершенно не понимаю такого взгляда, и если бы самъ командовалъ полкомъ, то конечно никогда не довѣрилъ бы священной регаліи обозу, уже только потому, что обозъ вообще есть самая менѣе боевая часть полка (примѣръ Тюренченъ), и настойчиво совѣтовалъ взять знамя въ сотни. При обозѣ находился всего одинъ офицеръ, и если бы съ нимъ что нибудь случилось, то кто же остался бы при знамени? Наконецъ отсылка знамени изъ боевыхъ линій въ тылъ должна была дѣйствовать деморализующимъ образомъ на казаковъ, намекая на неувѣренность въ своихъ силахъ и на страхъ передъ врагомъ. Позднѣе мнѣ удалось убѣдить Абадзіева взять знамя изъ обоза, но за то сколько разъ онъ упрекалъ меня что я связалъ ему знаменемъ руки и поставилъ его въ затруднительное положеніе. Изъ дальнѣйшаго описанія будетъ видно, что, если мы и могли ожидать боя и даже неожиданнаго нападенія противника, то все-таки ни разу не были въ такомъ положеніи, что можно было опасаться потерять знамя; такое опасеніе возникало только въ больномъ воображеніи Абадзіева, и я всегда смѣялся надъ нимъ.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня я продолжалъ путь. Отѣхавъ нѣсколько верстъ, встрѣтилъ есаула казачьяго полка дивизіи Ренненкампа (Гулевича), сообщившаго мнѣ, что еще вчера японцы начали наступленіе по большой этапной дорогѣ отъ Фынхуанчена и атаквали стрѣлковъ у д. Уалюнди. По его разсказу выходило, что японцы находились уже много сѣвернѣе расположенія Уссурійскаго полка, а потому, узнавъ, что Гулевичъ скоро повернетъ на югъ, я взялъ съ него слово, что онъ сегодня же передастъ Абадзіеву всѣ свои свѣдѣнія. Однако мнѣ показалось очень страннымъ, что развѣздъ, посланный изъ отряда Ренненкампа къ противнику, находится совершенно въ сторонѣ отъ раіона дѣйствій своего отряда (на 80 верстъ), при этомъ вовсе не имѣя задачей поддерживать связь, а исключительно развѣдывать противника. Станный способъ развѣдки противника, выдвигаясь не въ направленіи къ нему, а въ сторону, и слѣдуя въ тылу сторожевыхъ частей сосѣднихъ войскъ. Вообще офицеръ показался мнѣ подозрительнымъ, и поэтому, не довѣряя ему, я, доѣхавъ до перваго поста летучей почты, послалъ Абадзіеву донесеніе. Послѣ полудня я прибылъ въ д. Цунвалихэ, въ штабъ дивизіи, гдѣ тотчасъ узналъ, что Графъ Келлеръ не пріѣдетъ, вѣроятно будучи обезпокоенъ наступленіемъ противника. Мнѣ нужно было покормить лошадей, а потому я пробылъ въ штабѣ дивизіи нѣсколько часовъ и удостоился приглашенія къ обѣду—очень роскошному, приготовленному въ ожиданіи Его Сіятельства, что для человѣка, болѣе мѣсяца питавшагося вареной говядиной и лепешками изъ муки, было очень пріятно. За обѣдомъ игралъ оркестръ музыки, а къ концу его принесли одного раненаго, по случаю чего г. Романовъ произнесъ рѣчь, при чемъ обнаружилъ свое полное неумѣніе разговаривать съ солдатами. Пошли разсказы о какомъ то особенно удачномъ для насъ дѣлѣ, въ которомъ стрѣлки положили много японцевъ и въ особенности ихъ лошадей, но на дѣлѣ оказалось, что всѣ наши передовыя части отступили, и Графъ былъ очень недоволенъ. Въ этомъ первомъ, вѣроятно развѣдочнаго характера, наступленіи японцевъ сказалась рѣзко деморализація войскъ Восточнаго отряда

Тюренченомъ: они не выдерживали даже слабого напора противника и немедленно подавались назадъ.

Я съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣлъ на начальника 6-й дивизіи г.-л. Романова, замѣнившаго г.-л. Трусова, удаленнаго за провинности въ Тюренченской операціи; слѣдовательно и его дивизія не могла отличиться, а во всякомъ случаѣ, принимая участіе въ Тюренченскомъ пораженіи, конечно нуждалась въ хорошемъ, испытанномъ начальникѣ. Но, почему остановились на Романовѣ, не понимаю. Онъ служилъ въ саперахъ и въ Турецкую кампанію 1877 года получилъ офицерскій георгіевскій крестъ; затѣмъ никогда болѣе въ строю не былъ, а просидѣлъ въ главномъ инженерномъ управленіи, т. е. былъ военнымъ чиновникомъ, и наконецъ получилъ въ командованіе военную электротехническую школу въ С.-Петербургѣ, главная обязанность коей состояла въ освѣщеніи электричествомъ дома военного министра Ванновскаго, находившагося въ ближайшемъ сосѣдствѣ со школой, по Садовой улицѣ; вѣроятно это послѣднее обстоятельство вообще способствовало прочности карьеры Романова. Онъ пожелалъ ѣхать на войну, и вотъ никогда ничѣмъ не командовавшему, въ смыслъ строя, генералу дали сразу деморализованную дивизію, вѣроятно для приведенія ея въ порядокъ. Онъ вступилъ въ командованіе дивизіей въ двадцатыхъ числахъ апрѣля и прокомандовалъ ею до 10 іюля, когда, будучи сброшенъ лошадыю, сильно расшибся и эвакуировался въ Россію по разстроенному состоянію здоровья. Романовъ участвовалъ въ бою подъ Янзелиномъ при наступленіи графа Келлера, но непріятеля не видѣлъ, потому что, по диспозиціи Орановскаго, командовалъ войсками за р а н ѣ е назначенными для прикрытія нашего отступленія на случай неудачи (и такъ писались диспозиціи Орановскимъ!!!). Прикрывать отступленіе не пришлось, потому что, хотя японцы и разбили насъ, но не преслѣдовали. Такимъ образомъ о дѣятельности Романова на театрѣ военныхъ дѣйствій можно сказать, что она была весьма кратковременной и совершенно бесполезной для Русской арміи, благодаря несчастной случайности паденія съ лошади. Могъ ли бы онъ въ дальнѣйшемъ принести пользу, судить

не берусь, но противъ этого говорить его предшествующая служба, лишившая его всякаго опыта полевой дѣятельности и жизни съ войсками, знанія солдата и офицера, а также фактъ всеобщей ненависти, которую онъ возбудилъ къ себѣ среди своего штаба и офицеровъ полковъ дивизіи (про солдатъ не знаю). Но съ другой стороны, за г. Романова говорить то, что онъ былъ требователенъ и настойчивъ, а такихъ начальниковъ въ нашей арміи сейчасъ же начинаютъ ненавидѣть офицеры, а въ особенности генеральный штабъ. Я пробылъ только нѣсколько часовъ въ штабѣ дивизіи и сейчасъ же понялъ въ чемъ было дѣло. Оба офицера генеральнаго штаба, бывшіе тогда налицо, стремились уйти отъ Романова. Въ концѣ іюня мѣсяца открылась вакансія начальника штаба другой дивизіи Восточнаго отряда (3-й), и тотчасъ же пошло представленіе о переводѣ на эту вакансію подполковника Одишелидзе. Спрашивается есть ли какой нибудь смыслъ въ такомъ переводѣ и особенно въ военное время? Во-первыхъ перемѣна одного начальника штаба дивизіи неизбѣжно заставляетъ назначать человѣка новаго, которому нужно нѣкоторое время, для ознакомленія съ своимъ начальникомъ, штабомъ, войсками, дѣйствіями дивизіи, задачами, мѣстностью; все это можетъ случиться именно въ критическую минуту какой либо операціи, или даже боя. А перемѣненіе въ отрядѣ (корпусѣ) изъ одной дивизіи въ другую п. Одишелидзе распространяло невыгодную случайность на обѣ дивизіи. Слѣдовательно, оно вызывалось не пользою службы, а наоборотъ приносило ей существенный вредъ и объяснялось лишь удовлетвореніемъ желанія офицера генеральнаго штаба избавиться отъ непріятнаго ему начальника, во избѣжаніе инцидентовъ. Но снисходить къ такимъ личнымъ удобствамъ во время войны значить не воевать, а шутить. Я понимаю, что отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ могутъ дойти до предѣловъ возможнаго и терпимаго, но тогда одинъ изъ нихъ виноватъ, и съ нимъ надо поступить по закону, т. е. удалить, смѣстить, судить, но конечно не устраивать.

Старшимъ адъютантомъ штаба 6-й дивизіи былъ гене-

рального штаба капитанъ Серебряниковъ. Какъ бывший, правда очень недолго, его начальникомъ въ мирное время, я считалъ его удовлетворительнымъ офицеромъ, но мнѣ сообщили, что онъ также не поладилъ съ Романовымъ. Въ этомъ инцидентѣ становлюсь всецѣло на сторону г. Романова. Послѣ Янзелинскаго боя начальникъ дивизіи послалъ Серебряникова розыскать одинъ баталіонъ, но онъ его не нашелъ и былъ конечно не особенно привѣтствованъ Романовымъ; вышло обоюдное неудовольствіе, и Серебряникова перемѣстили въ другое мѣсто служенія. Оригинальное разрѣшеніе служебнаго промаха! Баталіонъ не былъ уничтоженъ, не былъ взятъ въ плѣнъ, не бѣжалъ съ поля сраженія, а слѣдовательно не могъ находиться далѣе десятка верстъ (и то предполагаю слишкомъ большое удаленіе) отъ поля сраженія. Какъ же могъ офицеръ и еще генеральнаго штаба не найти этого баталіона? Оправданіемъ могли быть смерть, раненіе, или болѣзнь, лишающія силъ для исполненія порученія; если же этихъ причинъ не было, то офицеръ генеральнаго штаба подлежалъ прежде всего изгнанію изъ генеральнаго штаба за неспособность выполненія задачи, доступной всякому чину арміи, а пожалуй и преданію суду, за неисполненіе приказанія, ибо сіе неисполненіе пахнетъ боязнью за свою шкуру.

Приѣхавъ въ штабъ В. отряда, въ д. Ляньшаньгуань, т. е. въ то же мѣсто, откуда я выступилъ съ развѣздомъ мѣсяцъ тому назадъ, я не засталъ Графа Келлера, бывшего на позиціи. Онъ вернулся въ 10 часовъ вечера, принялъ меня любезно, пригласилъ ужинать и затѣмъ повелъ въ свою ставку, гдѣ просидѣлъ со мною въ бесѣдѣ полтора часа времени. Главною своею задачею я считалъ выясненіе вопроса о способѣ продолженія веденія развѣдокъ противника. Лично я предлагалъ не ограничиваться высылкою слабыхъ офицерскихъ развѣздовъ, а наступать иногда 2—4-мя сотнями и стараться прорвать линію сторожевого охраненія, вступая въ спѣшенный бой, или даже, не прорывая, заставляя японцевъ показывать какія они могутъ сосредоточивать противъ насъ въ различныхъ пунктахъ силы. Если же мы имѣли дѣло только со слабыми по-

стами, то конечно могли бы заглянуть и за нихъ. Развѣдку только офицерскими развѣздами, хотя бы и добросовѣстно веденную пѣшкомъ и такими молодцами, какъ Юзефовичъ, Бровченко, Кузнецовъ, Карнауховъ и др., я считалъ недостижавшею серьезныхъ результатовъ, такъ какъ удавалось только опредѣлить линію сторожевого охраненія противника. Помню, что тогда же высказалъ идею о необходимости сформированія, вмѣсто конныхъ, пѣшихъ охотничьихъ командъ, или же назначенія для усиленныхъ развѣдокъ цѣлыхъ ротъ пѣхоты. Орановскій замялъ этотъ разговоръ, и потомъ я узналъ почему. Пѣшія охотничьи команды въ полкахъ Восточнаго отряда уже формировались, и существовало предположеніе назначить меня ихъ начальникомъ, съ порученіемъ производства ими дѣятельныхъ развѣдокъ, но вѣроятно мое состояніе въ разрядѣ штрафованныхъ не допускало такой неосторожности, или вѣрнѣе нетактичности.

Я предлагалъ Абадзіеву заняться развѣдкою посредствомъ найма китайскихъ шпионовъ, для чего было необходимо имѣть переводчика. При Уссурійскомъ полку имѣлись три субъекта, услугами которыхъ мы пользовались въ этомъ смыслѣ, но всѣ они были неудовлетворительны. Лучшимъ переводчикомъ былъ казакъ 3-й сотни, природный китаецъ, но онъ обслуживалъ потребности сотни, и Абадзіевъ ни за что не соглашался отобрать его отъ сотни, тѣмъ болѣе, что онъ былъ фуражиромъ; уже знакомый читателямъ, по описанію воровства въ 1-й сотнѣ, мальчикъ китаецъ былъ слишкомъ молодъ и глупъ; наконецъ специально нанимаемый полкомъ переводчикъ кореецъ не говорилъ по русски, а только мычалъ, и понимать его было невозможно. Непонятно зачѣмъ его держали при полку и, позволяя только обирать китайцевъ, платили ему огромное жалованіе. Въ виду всего этого я просилъ дать намъ переводчика изъ штаба отряда.

Графъ Келлеръ разрѣшилъ предложенные мною вопросы такъ: онъ нашелъ, что дѣятельность, проявляемая Уссурійскимъ полкомъ, его удовлетворяетъ, что усиленныхъ развѣдокъ съ перестрѣлками онъ не желаетъ, а слѣдуетъ продолжать высылку офицерскихъ развѣздовъ. Переводчика онъ приказалъ мнѣ назначить изъ числа состоявшихъ при

штабъ—корейца, отлично владѣвшаго и русскимъ и китайскимъ языкомъ, при чемъ оставилъ его на иждивеніи штаба отряда. Послѣдняя мѣра казалась мнѣ совершенно лишней, потому что полкъ могъ нанять этого переводчика на свой счетъ, отпустивъ совершенно ненужнаго своего. Когда я кончилъ докладъ по службѣ Уссурийскаго полка, то спросилъ Графа, оставляетъ ли онъ меня въ распоряженіи Абадзіева. Онъ отвѣтилъ: „оставайтесь и, долженъ вамъ сказать, что въ настоящее время у меня не предвидится для васъ иного назначенія“. Увы, тонъ его словъ и смыслъ показали, что ожидать мнѣ было нечего: Графъ также считалъ меня въ чемъ то провинившимся и не желалъ оказывать мнѣ довѣрія.

Съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ я на ночлегъ, къ пріютившему меня врачу Краснаго Креста Диканскому. Я познакомился съ этимъ достойнѣйшимъ человѣкомъ на пути слѣдованія изъ Ляояна къ Засуличу, и онъ почему то особенно дружелюбно ко мнѣ относился. Всегда буду вспоминать съ благодарностью этого добраго человѣка, день и ночь трудившагося самоотверженно при своемъ летучемъ отрядѣ.

На другой день нужно было розыскать и дожидаться переводчика, получить на него деньги. Все это зависѣло отъ исполнительности чиновъ штаба, а этотъ достойный органъ достойнаго Орановскаго отличался особою неаккуратностью, да кромѣ того любой заурядъ-чиновникъ любилъ заставить почувствовать свою власть и силу, или вѣрнѣе попрактиковать свое нахальство. Утромъ я уже слышалъ разговоры о спѣшномъ отступленіи Абадзіева изъ Мади, но повидимому серьезнаго значенія этому отступленію не придавали, потому что на прощаніе Графъ приказалъ мнѣ передать полку и его командиру благодарность за службу; ну, а за только что совершенную ретираду Абадзіева благодарить не стоило.

Я не рассчитывалъ доѣхать въ одинъ переходъ до расположения полка, потому что собственная лошадь сопровождавшаго меня переводчика была очень плоха, но мнѣ хотѣлось присоединиться къ казакамъ возможно скорѣе, въ

виду того, что у нихъ было дѣло съ противникомъ, и я надѣялся на его продолженіе. Въ виду сего я выбралъ нѣсколько болѣе кружную дорогу, но безъ переваловъ, и вѣроятно доѣхалъ бы въ тотъ же день, такъ какъ Абадзіевъ находился на 15 верстъ ближе, чѣмъ я его оставилъ, но къ несчастію я встрѣтился съ высланнымъ имъ развѣздомъ (въ свой тылъ—спрашивается зачѣмъ и для чего?!). Очень хорошій развѣдчикъ, хорунжій Карнауховъ, на этотъ разъ сплеховалъ, увѣривъ меня, что его казаки знаютъ кратчайшую дорогу, оказавшуюся на самомъ дѣлѣ и не кратчайшей, а главное съ десяткомъ самыхъ неразработанныхъ и крутыхъ переваловъ, такъ что намъ почти все время пришлось идти въ поводу. Бѣдняга страшно огорчался, бѣжалъ впереди, розыскивая д. Чинчинзу, но привелъ меня въ нее только ночью. Здѣсь мы заночевали и сошлись съ другимъ развѣздомъ Уссурійцевъ подъ начальствомъ патентованнаго развѣдчика штабсъ-ротмистра Абсеитова. Командиръ полка уже былъ имъ крайне недоволенъ, потому что онъ никогда не могъ доложить куда попадалъ съ своимъ развѣздомъ, и какова была обстановка его дѣйствій. Теперь онъ сообщилъ мнѣ, что былъ посланъ для розыска противника, дошелъ до какой то деревни, гдѣ узналъ отъ китайцевъ, что вблизи были японцы; онъ послалъ въ указанное мѣсто урядника съ частью казаковъ, а самъ, считая свою задачу исполненной, пошелъ назадъ. Не имѣя никакого офиціальнаго положенія при полку, я не сталъ вразумлять Абсеитова, что онъ не только не исполнилъ своей задачи, но поступилъ довольно малодушно, что я думаю понятно всѣмъ и каждому. Я доложилъ то же самое на другой день Абадзіеву, выслушавшему одинаковый докладъ отъ самого офицера, но онъ оставилъ этотъ поступокъ даже безъ внушенія.

Въ 7 часовъ утра 28 мая, присоединившись къ полку въ д. Тинтей, я прежде всего просилъ рассказать о боѣ 26 мая, и узналъ слѣдующее: застава или развѣздъ, выдвинутые изъ Маді къ Синхайлинскому перевалу, донесли о наступленіи японцевъ. Абадзіевъ выдвинулся съ полутора сотнями; японцы наступали сперва долиною, а затѣмъ и ея бере-

гами, въ числѣ 400—500 человѣкъ пѣхоты. Не желая ввязываться въ упорный бой, Абадзіевъ отошелъ къ Мади подъ вечеръ, а затѣмъ ночью отошелъ еще на нѣсколько верстъ, и наконецъ на слѣдующій день занялъ д. Тинтей. На вопросъ, занято ли противникомъ Мади, мнѣ сказали, что это неизвѣстно (всего 15 верстъ разстоянія). Потерь ранеными кажется не было, но пропало 2 или 3 молодыхъ казака, бывшихъ въ боковомъ дозорѣ, въ чемъ обвиняли кого то, но вообще ихъ исчезновеніе было непонятно и осталось невыясненнымъ. Я не удивлюсь, если этого факта и совсѣмъ не было. Такое описаніе отступленія (а не перестрѣлки, потому что повидимому ея и не было), сдѣланнаго спѣшно, ночью, при полномъ отсутствіи соприкосновенія съ противникомъ, напоминало Тюренченъ и его панику. Вѣроятно японцы, предпринимая поискъ по главному направленію отъ Фынхуанчена къ Ляньшаньгуань, выслали на свой лѣвый флангъ какую нибудь партію развѣдчиковъ, наступавшую на Синхайлинскій переваль. Этого оказалось достаточнымъ, чтобы 4 сотни славныхъ казаковъ немедленно ретировались назадъ, бросивъ всякое соприкосновеніе съ противникомъ— настолько, что только 30 мая мы убѣдились, что японцы никогда и не входили въ Мади. Во время Ляоянскихъ боевъ офицеры Уссурійскаго полка сознались мнѣ, что 26 мая не было не только 500 японцевъ, но вѣроятно и 50 человѣкъ, и весь полкъ не понимаетъ, почему Абадзіевъ увелъ ихъ назадъ; что отступать было нечего, ибо японцы показались только близъ Синхайлинскаго перевала и не наступали, что на всѣхъ отступленіе произвело удручающее впечатлѣніе, и они потеряли съ этой минуты всякое довѣріе къ командиру, но тогда не рѣшились мнѣ обо всемъ рассказывать, считая меня другомъ Абадзіева. Кажется Графъ Келлеръ остался недоволенъ отступленіемъ Уссурійцевъ и кромѣ того поставилъ на видъ Абадзіеву высылку имъ развѣздовъ въ свой тылъ, а не къ противнику (оба, которые я встрѣтилъ). Онъ предписалъ выдвинуться впередъ, но исполненіе сего приказанія Абадзіевымъ было довольно оригинально, потому что сперва онъ подался всего на 8 верстъ, и только къ 5-му іюня мнѣ удалось уговорить его опять занять Мади (собственно д. Куандепузу).

Мы простояли здѣсь до 14 мая. Обстановка оставалась прежней; только японцы нѣсколько продвинулись передовыми частями на сѣверъ по направленію Сюянь—Мади—долина д. Сандіазы, такъ что наша правая застава находилась въ нѣкоторомъ соприкосновеніи съ противникомъ, а выславшіеся въ этомъ направленіи разъѣзды имѣли иногда перестрѣлки и понесли небольшія потери: 1 раненый офицеръ, 2 раненыхъ казака и 3 убитыхъ лошади. На бивакѣ мы имѣли часто ложныя тревоги, потому что Абадзіевъ приказывалъ сдѣлать при малѣйшемъ тревожномъ симптомѣ, напр. если ночью кто нибудь сообщалъ, что видѣлъ на дорогѣ промелькнувшую тѣнь человѣка.

Итакъ мы добывали скудныя свѣдѣнія о противникѣ исключительно искусствомъ и храбростью нашихъ офицеровъ и притомъ самыхъ младшихъ, потому что ни сотенные командиры, ни штабъ-офицеры въ развѣдкѣ не участвовали. Посмотримъ какъ организовалъ ее глава Уссурійцевъ. Обыкновенно передъ высылкой разъѣздовъ Абадзіевъ совѣтывался со мною; затѣмъ, съ помощью адъютанта, ведшаго очередь всѣхъ нарядовъ, назначалъ офицеровъ, призывалъ ихъ къ себѣ и орьентировалъ; вотъ эта орьентировка и портила обыкновенно все дѣло: онъ забывалъ многое изъ того, что я ему указывалъ, или все перепутывалъ, и обыкновенно ставилъ свои требованія слишкомъ туманно, и чаще всего у него выходило слѣдующее напутствіе развѣдчику: „поѣзжайте туда то, посмотрите, а если встрѣтите японцевъ, то уходите назадъ, а главное не имѣйте потерь“. Давать инструкціи въ такомъ тонѣ довольно странно. Конечно каждый разъѣздъ, посылаемый до противника, чтобы его ошупать, можетъ легко погибнуть (погибъ же и такой выдающійся искусный офицеръ, какъ Юзифовичъ), но гдѣ лѣзь рубять, тамъ щепки летятъ, и безъ потерь на войнѣ не обойдешься. Давая же развратное указаніе прежде всего избѣгать потерь, Абадзіевъ портилъ все дѣло. Были офицеры исполнявшіе свой долгъ сознательно, честно, съ интересомъ, но были и слабые, малодушные. Съ несовершенствомъ человѣческой природы надо считаться, и необходимо принимать противъ него мѣры, а

потому начальникъ долженъ быть неумолимъ въ своихъ боевыхъ требованіяхъ и отдавать свои приказанія определенно и твердо. Я допускаю, что, посылая противъ бдительнаго, искуснаго противника, на неблагопріятной мѣстности, офицера рисковать своею жизнью, его можно жалѣть, но высказывать это при немъ, даже намекать, преступно, и такое поведеніе доказываетъ отсутствіе настоящаго военнаго духа. Офицеръ въ развѣдкѣ исполняетъ самую трудную и опасную службу, пропадаетъ на нѣсколько сутокъ и постоянно находится на волосокъ отъ гибели; такое дѣло естественно исполняется не всѣми одинаково хорошо уже потому, что не всѣ одинаково искусны и талантливы, предприимчивы и храбры; кромѣ того, результатъ развѣдки зависитъ отъ счастья, удачи: иному повезетъ на неудобной мѣстности, а иной попадется впросакъ и на болѣе подходящей; противъ одного окажется противникъ вялый, недлителный, противъ другого—энергичный и осторожный. Поэтому часто нельзя сказать, что если у такого то офицера результаты развѣдки лучше, то онъ лучше работаетъ, благодаря умѣнію или энергіи. Но руководство такимъ серьезнымъ дѣломъ, какъ развѣдка конными или пѣшими офицерскими партіями, можетъ быть возложено только на лицъ въ ней компетентныхъ, а если ими являются командиры конныхъ полковъ, т. е. чины прошедшіе всю школу развѣдки, какъ важнѣйшей отрасли кавалерійской службы, то они конечно должны быть въ состояніи оцѣнивать по результатамъ развѣдки дѣятельность наряжаемыхъ офицеровъ, если не съ одного, то съ двухъ, трехъ случаевъ. Но Абадзіевъ не дѣлалъ никакой разницы въ этомъ отношеніи; правда, когда я позволялъ себѣ объяснять ему неспособность, или нежеланіе такого то офицера работать, то онъ соглашался, вздыхалъ, жаловался на неудовлетворительность общаго состава офицеровъ, говорилъ, что потребуетъ отъ нихъ настоящей добросовѣстной службы, но на дѣлѣ довольствовался отбытіемъ своими подчиненными номеровъ службы и одинаково представлялъ къ наградамъ, какъ самыхъ храбрыхъ, такъ и наиболѣе неудачныхъ. Естественно, что такое отношеніе къ опасной и трудной дѣятельности офицеровъ

вело къ ея ухудшенію, ибо безъ поощренія лучшихъ и по-
нужденія худшихъ дѣло идти не можетъ—такова природа
человѣка. Приведу примѣръ. Начальникъ лѣвой заставы,
стоявшей въ д. Татангоу, сотникъ Карташевскій донесъ
что, по полученнымъ отъ Читинскихъ казаковъ свѣдѣніямъ,
противникъ наступаетъ на переваль Синхайлинъ (въ 10
верстахъ отъ мѣста расположенія заставы), а его развѣд-
чики появились въ деревнѣ, находившейся верстахъ въ 7
отъ заставы. Конечно всякій дѣльный офицеръ, придавая
значеніе такому донесенію и донесъ о немъ начальнику
охраняемаго ввѣренной ему заставой отряда, немедленно
долженъ былъ по собственной инициативѣ предпринять раз-
вѣдку въ угрожаемомъ противникомъ направленіи. Но Кар-
ташевскій ограничился лишь посылкою донесенія о тревож-
номъ сообщеніи, вслѣдствіе чего Абадзіевъ, и безъ того
слишкомъ мнительный, отчаянно взволновался. Онъ прика-
залъ начальнику заставы произвести немедленно развѣдку.
Когда я писалъ приказаніе отъ имени Абадзіева, то хотѣлъ
добавить указаніе: „произведите развѣдку лично“, зная,
что иначе приказаніе будетъ выполнено посылкою нѣсколь-
кихъ казаковъ съ заставы, а офицеръ самъ не поѣдетъ,
но Абадзіевъ не пожелалъ давать такого указанія. Насту-
пила ночь, и, въ виду отчаяннаго безпокойства Абадзіева,
я предложилъ ему послать немедленно самаго надежнаго
офицера—Юзефовича, которому далъ инструкцію во что
бы то ни стало и возможно скорѣе выяснить занята ли де-
ревня японцами. Около полуночи пришло донесеніе Карта-
шевскаго, что посланный съ развѣздомъ урядникъ видѣлъ
бивачные огни японцевъ у самой деревни. Тотъ же развѣ-
здъ, возвращаясь, встрѣтился съ развѣздомъ Юзефовича
и передалъ ему тѣ же свѣдѣнія о японцахъ. Я не будиль
спавшаго Абадзіева и дожидался донесенія Юзефовича, ко-
торое пришло къ разсвѣту и гласило: „нахожусь въ деревнѣ,
варю чай, никакихъ японцевъ здѣсь нѣтъ, и ничего о нихъ
не слышно“. Кажется онъ закончилъ свою записку сообще-
ніемъ, что, давъ отдыхъ лошадямъ, возвратится на бивакъ.
Тутъ только я понялъ, что слѣлалъ ошибку, не предписавъ
Юзефовичу заодно продвинуться еще впередъ и осмотрѣть

переваль Синхайлинь. Но этотъ офицеръ самъ зналъ, что было нужно дѣлать, и, отдохнувъ, пошелъ не на бивакъ, а именно къ перевалу Синхайлинь, гдѣ нашелъ постъ Читинскихъ казаковъ и записалъ фамилію старшаго на посту казака, сообщившаго, что и у нихъ свѣдѣній о наступленіи японцевъ не имѣлось. Послѣ этого случая я сказалъ Юзефовичу: „Я много лѣтъ трудился по совершенствованію образованія нашихъ кавалерійскихъ офицеровъ, въ дѣлѣ развѣдыванія, и приходилъ къ заключенію, что для такой трудной службы можно вообще найти немного вполне удовлетворительныхъ офицеровъ. Тебя я признаю своимъ желаннымъ идеаломъ, ибо результаты развѣдки во многомъ зависятъ не только отъ искусства исполнителя, но и отъ умѣнія оріентировать исполнителя тѣмъ, кто посылаетъ его въ развѣдку. Въ данномъ случаѣ ты своею инициативою пополнилъ пробѣлъ въ задачѣ, сдѣланный мною“.

Когда я передалъ утромъ Абадзіеву всѣ донесенія, онъ вознегодовалъ на Карташевскаго, и, такъ какъ въ это время мы не знали еще, что Юзефовичъ отправился на Синхайлинскій переваль, то онъ предписалъ провинившемуся офицеру, въ наказаніе (!), немедленно, лично, по смѣнѣ его на заставѣ другимъ офицеромъ, развѣдать переваль. Карташевскій возвратился къ намъ гораздо позднѣе Юзефовича и доложилъ, что, не доходя перевала, встрѣтилъ неожиданно конныхъ людей съ желтыми лампасами и желтыми околышами, пытался ихъ атаковать, но атаки не вышло, послѣ чего онъ пошелъ назадъ. Докладъ былъ сдѣланъ въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ полка, начавшихъ жестоко смѣяться надъ тѣмъ, что Карташевскій принялъ за японцевъ Читинскихъ казаковъ и побѣждалъ отъ нихъ. Противъ насъ дѣйствовала японская гвардейская кавалерія, имѣвшая зеленые околыши и лампасы. Спрашивается, исполнилъ ли офицеръ свою задачу, выполнилъ ли онъ развѣдку, проявилъ ли достаточную храбрость и добросовѣстность? Предоставляю отвѣтить на эти вопросы самимъ читателямъ, а скажу лишь, что командиръ полка и не подумалъ высказать свое порицаніе Карташевскому, равно какъ и не поблагодарилъ Юзефовича.

Съ этого дня я потерялъ всякое довѣріе къ Петрушевскому, и конечно, если бы имѣлъ власть, то немедленно же принялъ относительно такого офицера самыя рѣшительныя мѣры. Этотъ типъ служилъ раньше въ пѣхотѣ, потомъ въ охранной стражѣ Китайской дороги, откуда былъ удаленъ за какія то по слухамъ нечистоплотныя дѣла; будучи въ запасѣ, занимался торговлей лошадей, а, при призывѣ въ ряды арміи на войну, объявился конникомъ и попалъ въ казаки, ибо отлично вѣдалъ, что служба будетъ (при желаніи того) много менѣе рискованной и легкой, чѣмъ въ пѣхотѣ. И зачѣмъ только брали въ казаки такихъ офицеровъ!

Весьма важную отрасль службы полка составляетъ его хозяйство, ибо если казаки и ихъ кони будутъ худо кормлены и плохо снаряжены, то выполненіе службы пострадаетъ. Вести исправно въ военное время хозяйство не легко, потому что отвѣчающій за него командиръ полка слишкомъ бываетъ поглощенъ боевою дѣятельностью. Лучшій способъ разрѣшенія вопроса — это возложеніе всѣхъ заботъ по удовлетворенію хозяйственныхъ нуждъ части на помощника командира полка, съ предоставленіемъ ему инициативы, самостоятельности и права нахожденія въ тылу, при обозѣ—вообще тамъ, гдѣ того требовали бы удобства заготовленія и доставки всего нужнаго. Противъ такого порядка пожалуй можно возразить, что командиръ полка всетаки по закону отвѣтствененъ за хозяйство и денежную отчетность, а потому не можетъ вполне довѣриться своему помощнику; однако это возраженіе неосновательно, потому что командиръ полка, являясь вполне опытнымъ въ командованіи, можетъ сдѣлать правильный выборъ помощника, тѣмъ болѣе, что законъ предоставляетъ ему право выбора и смѣщенія съ должности. Наконецъ, при условіи трехъ штабъ-офицеровъ въ полку, исключеніе одного изъ боевой дѣятельности не приносило ушерба, будучи вознаграждаемо возможностью посвященія ей всей энергіи самого командира полка. Во всякомъ же случаѣ въ дѣлѣ управленія полкомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій слѣдовало руководствоваться принципомъ: прежде всего

думать о достиженіи боевых задачъ, а затѣмъ уже о хозяйственныхъ надобностяхъ. На дѣлѣ же, наблюдая дѣятельность командировъ полковъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Маньчжуріи вообще, а Уссурійскаго казачьяго полка въ особенности, я увидѣлъ нѣчто совершенно иное. Хозяйство было выдвинуто на первый планъ, и при томъ не въ смыслѣ удовлетворенія насущныхъ потребностей части, т. е. продовольствія людей и лошадей,ковки, а въ смыслѣ накопленія экономіи въ полковыхъ суммахъ для обзаведенія новыми предметами обмундированія и снаряженія, для выдачи на руки казакамъ такъ называемыхъ ремонтныхъ денегъ. Не говорю, что не слѣдовало позаботиться о будущемъ, такъ какъ мы ожидали продолжительной кампаніи, и можно было предвидѣть, что потребуются напр. полушубки, валенки, но заботиться только объ этомъ, загонять въ ущербъ желудкамъ казаковъ и брюхамъ ихъ коней огромную экономію, было безнравственно и преступно, а доказательствомъ тому, что это было такъ, привожу такой фактъ. Стоя въ Мади, мы могли получать съ тыла, какъ ячмень для лошадей, такъ и сухари для казаковъ, а между тѣмъ лошадей кормили исключительно гаолянью, жмыхами, чумизой, а казаки кушали лепешки изъ китайской муки и китайскую лапшу. Наконецъ Графъ Келлеръ, имѣвшій особенную заботливость о ввѣренныхъ ему войскахъ, безъ всякаго заявленія со стороны Абадзіева, прислалъ выючный транспортъ съ ячменемъ и сухарями, чѣмъ конечно весьма огорчилъ заправиль полкового хозяйства. Сѣтованіе на то, что, въ случаѣ наступленія противника, придется сжечь или бросить казенное имущество, было совершенно неосновательно, потому что нашъ противникъ былъ въ то время пассивенъ; но даже если бы полкъ и потерялъ нѣсколько сотъ рублей, то всетаки необходимость поддержать силы боевого матеріала ячменемъ и сухаремъ была слишкомъ очевидна, и рискнуть потерей экономіи полка слѣдовало.

Уже тогда полкъ дѣлалъ заказы новаго снаряженія, людского и конскаго, торговымъ фирмамъ въ Москвѣ, для чего туда былъ командированъ изъ полка офицеръ, а въ полку совсѣмъ не было подковъ. Интересно знать для чего

существуютъ многочисленныя управленія наказныхъ атамановъ, отзывающія изъ рядовъ много офицеровъ, какъ не для того, чтобы заботиться о нуждахъ своихъ сражающихся полковъ, и почему же хозяйственная часть полка должна была сама заготовлять себѣ всѣ предметы въ Европейской Россіи. Часто, слушая хозяйственные разговоры Абадзіева съ его помощникомъ Савицкимъ, мнѣ казалось, что мы совсѣмъ не воюемъ, а пришли въ Маньчжурію только для того, чтобы обогатить казаковъ, полкъ, все Уссурийское войско экономіей имъ отпускавшагося казеннаго довольствія; точно мы должны были приготовить чье то благосостояніе на послѣ войны. Но, правда, и экономія получалась колоссальная, ибо фуражныхъ денегъ отпускалось 37 рублей въ мѣсяцъ на лошадь, а довольствіе ея обходилось сотеннымъ командирамъ 6—7 рублей; бывали же дни когда оно ничего не стоило, либо беря фуражъ у китайцевъ даромъ, либо довольствуясь подножнымъ кормомъ. Крайне дешево и обильно было снабженіе казаковъ мясомъ, потому что, хотя китайцы и угоняли свой скотъ изъ деревень въ горы, но казаки розыскивали его безъ труда и платили то, что сами назначали, т. е. очень дешево. Не помню какими соображеніями руководствовалось наше интендантство, открывая въ самомъ началѣ войны огромныя цѣны на фуражъ, зная его изобиліе въ Маньчжуріи; онѣ оставались такими же въ продолженіе всей кампаніи, и это служить доказательствомъ, что были чрезмѣрно велики, по крайней мѣрѣ въ продолженіе первого года войны, потому что въ противномъ случаѣ онѣ подвергались бы повышенію: наша армія увеличивалась, а край истощался. Но мы привыкли дѣлать экономію и наживаться съ фуражнаго довольствія еще въ мирное время, а какъ же было отказаться отъ такого обыкновенія на войнѣ, когда лошадей было гораздо больше (въ пѣхотныхъ частяхъ мирнаго времени состоитъ нѣсколько десятковъ лошадей, а въ военное время нѣсколько сотенъ), цѣны должны предполагаться выше (вѣдь въ Россіи никто не знаетъ, что Маньчжурія въ этомъ отношеніи исключительная по богатству страна), а контроль куда слабѣе. Да и всѣмъ начальникамъ

и офицерамъ было такъ выгодно получать на руки большія фуражныя деньги. Война обошлась бы много дешевле, если бы фуражъ на лошадь былъ не 37, а хотя бы 17 рублей, что было вполне и съ избыткомъ возможно. Къ 15 августа 1904 года въ Русской Маньчжурской арміи состояло 148 эскадроновъ и сотенъ, что составляло въ одной кавалеріи около 20.000 коней (считая со штабами частей и ихъ обозами); такимъ образомъ въ одинъ мѣсяць было бы 400.000 руб. чистой экономіи, а въ одинъ годъ 4.800.000 руб.; а сколько бы получилось экономіи съ фуража пѣхотныхъ, артиллерійскихъ частей и всякихъ тыловыхъ учреждений. Словомъ, установленная интендантствомъ цѣна на фуражъ, во время войны, причинила Россіи убытокъ въ сотню милліоновъ. Спрашивается, неужели же нѣтъ виновниковъ такого расточенія народныхъ средствъ, каковыми являются, кромѣ интендантства, и представители высшей командной власти на театрѣ военныхъ дѣйствій, съ командующимъ арміей во главѣ. Если полководца нельзя судить за его поражение и напрасное отступление подъ Ляояномъ, за поражение и безпорядочное отступление его лѣваго фланга подъ Бенсиху, за напрасную жертву 12.000 сыновъ родины подъ Сандепу, за позоръ Русскаго оружія подъ Мукденомъ, то все-таки казалось бы его можно притянуть къ отвѣтственности за растрату милліоновъ русскихъ денегъ.

Почти ежедневно производившіеся поиски къ противнику младшими офицерами Уссурійскаго полка выяснили въ половинѣ іюня слѣдующую обстановку:

1. японцы держали весьма солидное охраненіе вокругъ Фынхуанчена, передъ фронтомъ Восточнаго отряда, на главной этапной дорогѣ, въ окрестностяхъ Ляньшангуань, а также оберегали направленіе къ Сюяню, выдвинувшись значительно сѣвернѣе этого пункта;

2. по дорогѣ отъ Сюяня на Сандіаза—переваль Тхазелинъ, японцы занимали уже д. Таянгоу, вблизи (южнѣе) перевала Тайпинлинъ, остававшагося нейтральнымъ, такъ какъ наша правая застава занимала окрестности д. д. Ченганъ — Лидіапфуза, и ея разъѣзды проникали до перевала, а иногда и за него; здѣсь бывали перестрѣлки, и мы поте-

ряли раненымъ одного офицера (сотника Нурова), 2 — 3-хъ казаковъ и столько же лошадей.

Направо мы держали связь съ Сибирскими казаками, дѣйствовавшими въ составѣ войскъ защищавшихъ Далинскій переваль, преграждавшій путь отъ Сюнянъ къ Хайчену.

Я уже говорилъ выше, что въ д. Сандіаза стояли 2 сотни (2-я и 6-я—Маркозова и Шахматова) 2-го Верхнеудинскаго полка, а за ними въ д. Тхазелинъ другія части того же полка, и въ долинѣ Ломогоу было 2 или 3 баталіона стрѣлковъ. Въ д. Тхазелинѣ былъ устроенъ интендантскій складъ, цѣль устройства котораго совершенно безсмысленна. Уссурійскій полкъ имъ не пользовался; казалось бы, ни для его 4-хъ сотенъ, ни для сотенъ Верхнеудинскаго полка, а равно и для пѣхоты въ долинѣ Ломогоу, устраивать складъ не стоило, ибо до этапа Ляньдясанъ было всего 35 верстъ. Такимъ образомъ это былъ складъ для аванпостовъ, которые могли быть легко оттѣснены противникомъ, а потому запасы легко могли попасть въ руки противника, или должны были быть сожжены (что и случилось), при чемъ сожженіе такого матеріала, какъ хлѣбное зерно, очень затруднительно. Не думаю, чтобы штабъ Восточнаго отряда, устраивая складъ въ Тхазелинѣ, руководился бы какою нибудь идеей наступленія, потому что, при сдѣланной Графомъ Келлеромъ 4-го іюля такой попыткѣ на большой этапной дорогѣ Ляньдясанъ — Фынхуанченъ, по направленію Тхазелинъ — Сюнянъ, или Тхазелинъ — Фынхуанченъ даже не было обозначено наступленіе (согласно диспозиціи Восточному отряду). Устройство такого склада на передовыхъ постахъ можно объяснить только такимъ соображеніемъ: не имѣя никакого плана дѣйствій, мы съ самаго начала ихъ открытія только и занимались всякими интендантскими операціями, стараясь заготовить въ возможно большемъ количествѣ запасы, и почему то не стѣснялись продвиганіемъ ихъ впередъ, поближе къ противнику; результатомъ такихъ дѣйствій было конечно частью уничтоженіе, а частью расхищеніе запасовъ, или дареніе ихъ японцамъ и китайцамъ. Маньчжурія изобиловала средствами продовольствія и перевозочными, а мы, за неспособ-

ностью готовить чисто боевыя операціи, изощрялись въ заготовкѣ жизненныхъ средствъ, благо кредиты ничѣмъ не ограничивались, а отчетность по всякаго рода заготовкамъ была очень проста, будучи основана на констатированіи факта уничтоженія, а вѣрнѣе бросанія, запасовъ.

Въ виду того, что наша правая Уссурійская застава стояла на дорогѣ Мади—Сюань, она обезпечивала и расположение Верхнеудинцевъ въ Сандіазѣ и Тхазелинѣ; поэтому послѣднимъ собственно нечего было и дѣлать, а такъ какъ они не подчинялись Абадзіеву и дѣйствовали самостоятельно, то часто мѣшали работѣ Уссурійцевъ. Постоянно получались съ заставы такія донесенія: „сегодня произошла тревога, потому что есаулъ Маркозовъ вздумалъ охотиться за цаплями“; „застава не можетъ расположиться въ такомъ то мѣстѣ, потому что тамъ стала сотня Верхнеудинцевъ“; „впереди насъ Верхнеудинцы устраиваютъ засаду“ и т. п. Конечно, если бы всѣ командиры сотенъ и всѣ офицеры были надлежащаго качества, стремились бы къ серьезной цѣли развѣдки, то, не смотря на такую неправильную организацію штабомъ Восточнаго отряда всего дѣла освѣщенія въ районѣ Фынхуанченъ — Мади—Сюань, результаты могли бы быть удовлетворительны *), но нѣкоторая часть этихъ лицъ не удовлетворяла, по своимъ способностямъ и энергіи, требованіямъ, предъявляемымъ кавалерійскимъ офицерамъ въ смыслѣ развѣдывательной службы, а потому происходилъ общій кавардакъ, а не служба.

*) Успѣхъ развѣдки всегда зависитъ отъ умѣнія ее организовать; въ данномъ же случаѣ никакой организаціи и не было; конныя части попадали куда нибудь случайно, и тамъ оставались. Сперва выслали нѣсколько казаковъ въ Мади подъ начальствомъ п. Дружинина, потомъ туда же приткнули Абадзіева съ 4-мя сотнями, а казаковъ другого полка сунули въ д. Сандіаза, въ затылокъ правому флангу Уссурійцевъ. Не проще ли было соединить вмѣстѣ оба полка, объединивъ надъ ними начальствованіе въ одномъ лицѣ, которому и ввѣрить извѣстный районъ; этимъ достигалось бы увеличеніе силъ, ихъ сбереженіе и правильность дѣйствій. Позднѣе это было осуществлено, но уже послѣ опыта безобразнаго бѣгства двухъ казачьихъ полковъ изъ Тхазелина, чему много способствовала путаница въ районахъ и задачахъ дѣйствовавшихъ совмѣстно, но самостоятельно, двухъ конныхъ частей.

Тутъ пришлось мнѣ познакомиться съ дѣятельностью такихъ кавалеристовъ, какъ Маркозовъ и Шахматовъ, о которыхъ рѣчь еще будетъ впереди.

Къ описываемому времени относится появленіе въ нашемъ районѣ замѣчательнаго развѣдчика, сумѣвшаго заслужить особенное вниманіе командующаго арміей, Есаула Гулевича, встрѣченнаго мною 26 мая. Вскорѣ онъ опять появился въ Мади, и я могъ познакомиться съ его дѣятельностью. Оказалось, что Гулевичъ успѣлъ побывать въ Ляоянѣ, имѣлъ счастье обѣдать за столомъ Куропаткина, получить отъ него благодарность, а также полномочіе на веденіе самостоятельной развѣдки, донося непосредственно въ штабъ арміи. Чѣмъ заслужилъ этотъ офицеръ честь, благодарность и довѣріе? Онъ состоялъ въ одномъ изъ полковъ дивизіи Ренненкампа и былъ высланъ послѣднимъ, одновременно съ другими офицерами, еще въ началѣ мая мѣсяца, на развѣдку въ окрестности Фынхуанчена, а никоимъ образомъ не на Модулинъ, гдѣ я его встрѣтилъ 26 мая, и на Мади, гдѣ онъ объявился въ началѣ іюня. Согласно съ его же рассказомъ, онъ началъ работу вмѣстѣ съ младшимъ его въ чинѣ Графомъ Бенкендорфъ, который отправился тогда же на поискъ къ противнику, взявъ съ собою карту и бинокль. Гулевичъ гдѣ то нѣсколько дней продолжалъ Бенкендорфа, а затѣмъ очутился за передовыми постами, и даже за ихъ резервами, Восточнаго отряда, добрался до Мади и отправился въ Ляоянъ. Казалось бы онъ уже вполне заслужилъ порицанія, ибо, вмѣсто исполненія поставленной ему задачи развѣдывать противника, предоставилъ это опасное предпріятіе младшему по себѣ офицеру, а самъ поѣхалъ собирать свѣдѣнія въ сосѣднія войска и даже въ самый глубокой тылъ арміи—въ Ляоянъ. У него хватило нахальства не только представляться командующему арміей, но вѣроятно и рассказать что нибудь о своихъ блестящихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ иначе нельзя объяснить его появленіе въ Мади съ полномочіемъ веденія самостоятельной развѣдки. И онъ началъ развѣдывать, но какъ? Пристроился къ нашей правой заставѣ и до нашего отступленія отсюда пользовался ея прикрытіемъ и ея ра-

ботой, при чемъ, благодаря его присутствію, опять таки происходила путаница; то онъ требовалъ снабженія его людей патронами, которыхъ у насъ вообще было немного, то своими произвольными дѣйствіями мѣшалъ развѣдкѣ нашихъ развѣздовъ, то затруднялъ казаковъ доставкой своихъ безсодержательныхъ донесеній. Даже, допустивъ, что онъ и не мѣшалъ Уссурійцамъ, утверждаю, что все равно онъ могъ сообщать въ армію только то, что сообщали Уссурійцы, и слѣдовательно его дѣятельность была совершенно излишней. Но за то какой выдающійся примѣръ деморализаціи офицеровъ, исходящій отъ высшаго начальства! Офицеръ получаетъ приказаніе отъ своего начальника дивизіи, его не исполняетъ, идетъ въ тылъ, не возвращается въ свою часть, держа при себѣ и ея людей, и начинаетъ работать самостоятельно изъ за спины другихъ войскъ. Вѣдь это просто невѣроятно! за неисполненіе приказанія и долга — почетъ и благодарность, за уклоненіе — довѣріе и отличіе! Не разъ потомъ я слышалъ и читалъ знаменитую фразу: „Гулевичъ доносить“, но зналъ, что и какъ доносилъ этотъ офицеръ, ни слову котораго нельзя было вѣрить.

Находясь въ Мади, мы почти ничего не знали о томъ, что дѣлается въ Восточномъ отрядѣ, потому что ни начальникъ штаба, ни его офицеры генеральнаго штаба не считали нужнымъ насъ ориентировать. 13 іюня началось наступленіе частей арміи Куроки, и японцы заняли Феншуйлинскій и Модулинскій перевалы; къ намъ доходили тревожные слухи, но опредѣленнаго мы ничего не знали; было только предписано *б а з и р о в а т ь с я* не на *Х о я н ь*, находившійся прямо къ сѣверу отъ насъ, а на *Тхазелинъ—Ляньдясань*; узнали мы, что Верхнеудинцы отходятъ изъ д. Сандіазы за перевалъ въ д. Тхазелинъ, а пѣхотныя части, бывшія у послѣдняго пункта, отошли къ д. Ломогоу, гдѣ была телеграфная станція. Все указывало, что Графъ Келлеръ хотѣлъ отойти за Хоянь, что и было исполнено. Теперь мнѣ извѣстно, что передъ оставленіемъ этого важнаго пункта былъ созванъ при штабѣ В. отряда военный совѣтъ, на которомъ выказалась деморализація Тюренченцевъ; всѣ начальники желали

немедленного отступленія, а между тѣмъ японцы не проявляли достаточной для этого энергіи. Нѣкоторымъ смягчающимъ обстоятельствомъ склонности къ отступленію служить то, что Куропаткинъ какъ разъ въ это время держалъ войска то въ направленіи на югъ, то на востокъ; были дни, что въ распоряженіи Графа оставалось менѣе стрѣлковой дивизіи; резервы были измучены напрасными переходами и перевозками; одинъ изъ командировъ полковъ вынужденъ былъ заявить начальнику штаба арміи, что не можетъ исполнить приказанія двинуть свой полкъ, такъ какъ его люди уже не были въ силахъ передвигать ноги. Тѣмъ не менѣе на военномъ совѣтѣ нашелся человѣкъ, имѣвшій мужество заявить, что отступление не нужно. Это былъ начальникъ штаба 3-й дивизіи подполковникъ Линда. Мало того, онъ телеграфировалъ свое мнѣніе генераль-квартирмейстеру арміи Харкевичу, который не нашелъ ничего лучше сдѣлать, какъ переслать это донесеніе Графу. Послѣдній немедленно отрѣшилъ Линда отъ должности и такимъ образомъ удалилъ изъ своего подчиненія, что было конечно совершенно правильно. Но каковъ же былъ у насъ генераль-квартирмейстеръ арміи? Какъ же понималъ этотъ высокопоставленный офицеръ генеральнаго штаба обязанности и службу своихъ офицеровъ? Утверждаю, что Линда поступилъ правильно, честно и доблестно. Правильно — потому что въ дѣйствительности наступленіе японцевъ не состоялось, и мы сами переходили довольно удачно въ наступленіе 21 іюня, сами же атаковали японцевъ 4 іюля и, хотя потерпѣли полную неудачу, но всетаки уступили лишь ничтожное пространство. Доблестно — потому что офицеръ генеральнаго штаба, сообщая свое личное заключеніе, шедшее наперекоръ его непосредственному начальнику, рисковалъ своей службою, ибо если бы онъ ошибся, то подрывалъ къ себѣ довѣріе генераль-квартирмейстера и могъ даже быть имъ жестоко караемъ. Честно — потому что, видя ошибку военного совѣта, будучи въ ней убѣжденъ, онъ воспользовался только своимъ правомъ офицера генеральнаго штаба донесеніемъ своему начальнику по генеральному же штабу ориентировать

высшую командную власть арміи и предотвратить ошибку. Что долженъ былъ сдѣлать Харкевичъ? А вотъ что: если онъ зналъ своего офицера настолько, что безусловно ему вѣрилъ, то могъ достигнуть вмѣшательства командующаго арміей и исправить ошибку; если же онъ не могъ настолько довѣриться, то могъ оставить телеграмму безъ послѣдствій, выждать хода событій и затѣмъ, въ случаѣ если бы донесеніе оказалось правильно, принять на будущее время къ свѣдѣнію способность офицера оцѣнивать обстановку, или же въ противномъ случаѣ хотя бы казнить его. Телеграмма Линда не была доносомъ, а средствомъ оказать существенную пользу общему дѣлу. Такой способъ дѣйствій не обя-зателенъ для офицеровъ генеральнаго штаба, но долженъ быть разрѣшаемъ и поощряемъ въ случаяхъ подобныхъ настоящему. Примѣръ Линда не повлекъ бы за собою постоянного его повторенія другими офицерами генеральнаго штаба, ибо оцѣнивать обстановку весьма не легко, и не каждому по плечу, а рисковать ошибочнымъ донесеніемъ опасно, ибо за ошибку можно и проститься со службою въ генеральномъ штабѣ; такъ доносить рѣшится только человекъ дѣйствительно увѣренный въ своемъ мнѣніи. Я не знаю боевой службы Линда и познакомился съ нимъ гораздо позднѣе, когда онъ уже выбылъ изъ боевыхъ рядовъ, но въ данномъ случаѣ только констатирую факты: деморализованныя войска Восточнаго отряда были склонны вообще къ отступленію, а дѣйствія противника были до сихъ поръ вялы и нерѣшительны; Линда понялъ обстановку, и его донесеніе безусловно подтвердилось, а между тѣмъ Харкевичъ тотчасъ же предалъ его на казнь, потому что Графъ Келлеръ не могъ не казнить его, какъ подрывавшаго авторитетъ его командованія, при условіи оглашенія телеграммы Линда. Правда, поступившему такъ Харкевичу не пришлось брать на себя отвѣтственности, которую нашъ генеральный штабъ вообще не признаетъ; Линда рѣшился нарушить этотъ установившійся (безнравственный) принципъ и, принявъ на себя отвѣтственность, какъ бы предлагалъ сдѣлать то же самое и самому генераль-квартирмейстеру. Думаю, что не-правильность поступка Харкевича была понята въ арміи,

такъ какъ Линда не былъ удаленъ изъ генеральнаго штаба, а послѣ Ляоянскаго боя занималъ должность начальника развѣдывательнаго отдѣленія штаба командующаго арміей и главнокомандующаго; затѣмъ его назначили военнымъ комиссаромъ въ г. Цицикаръ; полагаю, что объ должности были повышеніемъ по службѣ, а не пониженіемъ.

Такъ какъ, вслѣдствіе слуховъ объ отступленіи Восточнаго отряда за Хоянь, настроеніе было тревожное, то Абадзіевъ немедленно рѣшилъ воспользоваться разрѣшеніемъ базироваться на Ляньдясанъ и отойти вправо, по слѣдующимъ мотивамъ: 1) положеніе 4-хъ сотенъ въ Мади было довольно трудное, такъ какъ японцы могли напасть со всѣхъ сторонъ и вполнѣ неожиданно; держать непрерывную линію охраненія день и ночь на 12—15 верстъ было невозможно, и какіе нибудь 200—300 человекъ могли подкрасться горными тропинками и наѣсть на казаковъ, которые противопоставляли имъ не болѣе 250 винтовокъ, имѣя нѣсколько сотъ коней за собою; 2) наши сосѣди слѣва и справа держали съ нами весьма неустойчивую связь, и рассчитывать на своевременное предупрежденіе о ихъ отступленіи было гадательно; 3) въ случаѣ оставленія нашими войсками Хояна, противникъ выходилъ намъ въ тылъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Соглашаясь съ удобствомъ и большею безопасностью расположенія въ долинѣ Мади-Тхазелинъ, я былъ противъ значительнаго отхода назадъ, потому что до сихъ поръ, почти за 2 мѣсяца нахожденія нашего въ Мади, японцы не сдѣлали ни одной попытки насъ потревожить (не считая случая 26 мая, которому уже сдѣлана въ своемъ мѣстѣ надлежащая оцѣнка); кромѣ того за нами въ Тхазелинѣ стояли близко Верхнеудинцы; поэтому я предложилъ Абадзіеву районъ Кіуцейгоу-Чоненпенъ; ставясь тамъ, мы могли удерживать узелъ Мади, занимая его передовыми частями, а на перевалѣ южнѣе д. Кіуцейгоу имѣли позицію; въ то же время, благодаря свойствамъ мѣстности и нѣкоторому удаленію назадъ, наши фланги не столь подвергались обходу противникомъ. 14 іюня мы сдѣлали переходъ въ 15 верстъ и стали въ д. Чоненпенъ, въ которой вѣроятно и пробыли бы еще съ мѣсяцъ, если бы не стеченіе случайныхъ обстоятельствъ (но никакъ не дѣй-

ствій нашего противника), разстроившее нервы Абадзіева и наконецъ вызвавшее въ немъ настоящую панику—такую, что мы очутились уже 18 іюня въ разстояніи 75 верстъ отъ Чоненпена и затѣмъ вторично его заняли 22 іюня. Вотъ какъ было дѣло.

15 іюня, около 1 часа дня, съ заставы, выставленной въ направленіи на Мади, у д. Тадейзы (южнѣ), въ разстояніи 8 верстъ отъ насъ, получилось первое донесеніе, что съ юга долиною на нее наступаютъ 50 конныхъ японцевъ, а черезъ нѣсколько минутъ второе: „застава отступаетъ на переваль (южнѣ д. Кіуцейгоу), японцы преслѣдуютъ и обходятъ слѣва (съ востока)“. Не помню, по первому или второму донесенію, Абадзіевъ произвелъ тревогу полку, будучи увѣренъ въ наступленіи противника. Такъ какъ затѣмъ донесеній не поступало, то мы начали подозрѣвать недоразумѣніе. Дѣйствительно, 50 конныхъ японцевъ не могли быть страшны нашей заставѣ изъ 35—40 казаковъ, особенно если японцы наступали въ конномъ строю, такъ какъ они не выдержали бы атаки лихихъ Уссурійцевъ. Допустивъ, что за 50-ю кавалеристами, согласно обыкновенной тактики японцевъ, въ весьма близкомъ разстояніи слѣдовали пѣхотныя части, всетаки застава могла принудить противника своимъ огнемъ остановиться, а не бѣжать отъ одного вида наступленія. Прошло около получаса. Была послана на подкрѣпленіе полусотня. Я поѣхалъ впередъ, взобрался на самую высокую сопку, съ отличнымъ кругозоромъ, и увидѣлъ, что все спокойно: полусотня подошла къ перевалу, а изъ сосѣдняго ущелія выѣхалъ казачій разъѣздъ (со стороны противника) и двигался совершенно спокойно. Когда я вернулся къ полку, то узналъ слѣдующее. Къ заставѣ штабсъ-ротмистра Абсеитова *) со стороны отъ противника возвращался нашъ разъѣздъ подъ начальствомъ поручика Бровченко (выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ). Дозоры заставы приняли его за японцевъ и поскакали къ заставѣ, которую Абсеитовъ немедленно началъ уводить вскачь. Бровченко посылалъ вдогонку своихъ казаковъ, но едва они прибавляли аллюръ, какъ застава также

*) Пользовался особенной протекціей начал. штаба арміи г. л. Сахарова.

наддавала ходъ; тогда разъѣздъ пошелъ шагомъ, а, увидѣвъ, что застава влетѣла на переваль, спѣшилась и приготовилась открыть огонь, чтобы не быть обстрѣляннымъ, свернулъ долиною вправо, обошелъ переваль и прибылъ къ полку. Одновременно съ Уссурійскимъ разъѣздомъ возвращался еще разъѣздъ Верхнеудинцевъ и способствовалъ вѣроятно заблужденію Абсеитова въ опредѣленіи числа всадниковъ, потому что у Бровченко было всего 10 казаковъ.

Что могло быть безобразнѣе этого случая! среди бѣлаго дня, офицеръ, оберегающій спокойствіе цѣлой части, имѣющій отвѣтственную задачу, при первомъ же признакѣ появленія противника, убѣгаетъ съ поста въ паническомъ страхѣ; его донесеніе нарушаетъ отдыхъ 4-хъ сотенъ; его бѣгство было продѣлано на глазахъ части; его видятъ и оцѣниваютъ казаки, знающіе, что офицеръ присланъ изъ Россіи въ качествѣ выдающагося развѣдчика; это господинъ рискующій своею головою не за полтора рубля, какъ его товарищи, а за 4 рубля. Что же сдѣлалъ командиръ полка, чтобы не могло повториться на будущее время нѣчто въ этомъ родѣ? Онъ не сказалъ ничего, а только передалъ мнѣ наединѣ приказаніе не наряжать болѣе Абсеитова въ развѣдку и на сторожевое охраненіе (значить за него должны были работать другіе, лучшіе офицеры), но лучше всего то, что Абадзіевъ самъ воспользовался готовностью полка къ походу и отступилъ еще на 13 верстъ въ д. Каучепфузу, къ южному подножію перевала Тхазелинъ (Фынсяолинъ). Не могу вспомнить чѣмъ было мотивировано *) его отступленіе, но оно было бессмысленно и вредно для дѣла, потому что во-первыхъ противникъ могъ наблю-

*) Впрочемъ мотивировка навѣрное есть въ журналѣ военныхъ дѣйствій Уссурійскаго полка, который, къ моему несчастію, я согласился вести со дня моего поступленія въ распоряженіе Абадзіева. Сколько разъ приходилось имѣть сдѣлки съ своею совѣстью, оправдывая стратегически и тактически бессмысленную дѣятельность моего начальника, но если бы я на это не соглашался, то вышелъ бы инцидентъ, а этого я долженъ былъ избѣгать во что бы то ни стало и... приходилось выдерживать свою печальную роль.

дать нашу робость, а во-вторыхъ каждый офицеръ и казакъ понимали, что мы боимся японцевъ, бѣжимъ цѣлымъ полкомъ передъ звукомъ ихъ имени, подобно тому, какъ бѣжала застава Абсеитова. Но отступленіе въ Каучепфузу было только прелюдіей позора, только цвѣточками, ягодки которыхъ я проглотилъ въ слѣдующіе дни.

16 іюня прошло спокойно. Насколько помню, мы пытались получить какія нибудь свѣдѣнія изъ штаба В. отряда, принимая усиленные мѣры связи съ телеграфной станціей, но ничего не добились и оставались въ полномъ невѣдѣніи о происшедшемъ на фронтѣ отряда; сами мы о японцахъ не знали ничего, потому что, уходя назадъ, бросили соприкосновеніе съ противникомъ, выставивъ заставу только въ ближайшей деревнѣ Сандіаза. Думаю, что японцы не заняли окрестности Мади, такъ какъ ихъ не было тамъ и 22 іюня. Непосредственно за нами стоялъ Верхнеудинскій полкъ въ д. Тхазелинѣ, подѣ начальствомъ полковника Перевалова, и не помню сколько то стрѣлковъ.

Въ ночь съ 16 на 17 іюня я проснулся во второмъ часу ночи и увидѣлъ Абадзіева вполнѣ одѣтымъ и читающимъ сообщеніе Перевалова: объ отхожденіи стрѣлковъ къ д. Саматунѣ (24 версты сѣвернѣе д. Тхазелинѣ), объ оставленіи В. отрядомъ Хояна. Говорилось, что Верхнеудинцы посѣдланы и въ полной готовности (конечно къ отступленію). Было ясно, что вообще въ тылу насъ происходитъ нѣчто въ родѣ паники. Конечно, въ случаѣ занятія японцами Хояна и долины, отходящей отъ него на д. Тинтей и д. Мади, ихъ наступленіе на западъ угрожало тылу частей группировавшихся около Тхазелина, отрѣзывая ихъ кратчайшій путь на Ляньдясань, но оставались дороги на сѣверо-западъ. Абадзіевъ съ разсвѣтомъ увелъ полкъ въ Тхазелинѣ. Отговаривать его не стоило, ибо онъ видѣлъ себя окруженнымъ японцами и на всѣ мои доводы отвѣчалъ: „ты ни за что не отвѣчаешь, а я отвѣчаю за полкъ, за знамя, которое теперь при мнѣ“. Несчастный не понималъ, что если бы его знамя было теперь въ обозѣ, то онъ безпокоился бы еще больше, ибо мы не знали гдѣ находился обозъ, и отошелъ ли онъ къ Ляньдясань.

Какъ только мы прибыли въ д. Тхазелинъ, я пошелъ на телеграфную станцію и отъ имени Абадзіева донесъ о прибытіи полка, испрашивая приказаній для дальнѣйшихъ дѣйствій. Вернувшись къ командиру полка, на дворъ фанзы, въ которой помѣшался штабъ Верхнеудинскаго полка, я засталъ тамъ весьма шумную компанію: обоихъ командировъ полковъ, 3-хъ штабъ-офицеровъ Верхнеудинскаго полка, 2-хъ полковыхъ адъютантовъ и нѣсколько командировъ сотенъ. Верхнеудинскіе офицеры были въ большомъ волненіи; наиболѣе спокоенъ былъ командиръ полка; всѣ говорили о необходимости оставленія Тхазелина, въ виду отступленія В. отряда отъ Хояна,—словомъ выходило, что наше положеніе было совсѣмъ критическимъ. Переваловъ предложилъ Абадзіеву принять общее начальство, какъ старшему въ чинѣ, но этотъ рѣшительно отказался. Сообщивъ объ отправленіи депеши въ штабъ отряда, я отвелъ Абадзіева въ сторону и сказалъ ему, что если онъ не приметъ командованія надъ обоими полками, то не только совмѣстныя дѣйствія, но даже совмѣстное пребываніе неудобно, потому что въ командованіи Верхнеудинскимъ полкомъ происходитъ кавардакъ. Старшій штабъ-офицеръ, Войсковой старшина Свѣшниковъ (ротмистръ гвардіи, претендовавшій на немедленное полученіе полка и считавшійся офицеромъ съ высшимъ образованіемъ, какъ окончившій академію генеральнаго штаба по второму разряду), былъ на ножахъ съ командиромъ полка; другіе 2 повидимому никакого участія въ распоряженіяхъ и службѣ не принимали (Висчинскій и Эйлерсъ, также съ академическимъ значкомъ); одинъ сотенный командиръ, есауль Маркозовъ, также изъ гвардіи, съ большими связями и репутаціей спортсмена и пропагандиста англійской конской крови, кричалъ и говорилъ больше всѣхъ, съ необыкновеннымъ апломбомъ, критикуя всѣхъ и все. На командира полка никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; личность и командованіе послѣдняго не существовали. Я настоялъ, чтобы Абадзіевъ потребовалъ сообщенія, какія имѣются свѣдѣнія о противникѣ, какія приняты мѣры развѣдки—освѣщенія въ восточномъ направленіи, откуда Верхнеудинцы главнымъ

образомъ ожидали опасности. Оказалось: о противникѣ не знали ничего, такъ какъ полкъ, стоя за нами, развѣдки не велъ; ни одного развѣзда выслано не было; какая то сотня, или полусотня, находилась неизвѣстно гдѣ; говорили, что есть сторожевые посты для ближняго охраненія, но никто не зналъ гдѣ они стояли, и я не увѣренъ, что они были. Впрочемъ, все это имѣло въ данную минуту мало значенія, потому что ни одинъ изъ присутствовавшихъ людей не помышлялъ о необходимости дѣйствовать противъ врага, въ интересахъ нашего отряда; всѣ боялись неопредѣленной обстановки, появленія японцевъ и думали только о томъ, какъ бы во-время уйти, не быть отрѣзанными. Чтобы выйти изъ тягостнаго положенія я опять отозвалъ Абадзіева и сказалъ ему, что все обстоитъ благополучно, а, для полного успокоенія, предложилъ освѣтить развѣздами наиболѣе интересныя направленія къ востоку, и выбралъ 2-хъ лучшихъ офицеровъ — Юзефовича и Карнаухова, которымъ и далъ соотвѣтствующія указанія.

Желая избавиться отъ непріятной компаніи, я ушелъ на телеграфъ ожидать приказаній изъ штаба отряда и скоро получилъ краткое предписаніе: „обоимъ казачьимъ полкамъ оставаться на своихъ мѣстахъ“. Ясно, что штабъ предполагалъ оба полка въ Тхазелинѣ, если это былъ отвѣтъ на мою депешу, или же въ этомъ пунктѣ только Верхнеудинцевъ, а Уссурийцевъ, какъ это и надлежало бы, гдѣ нибудь южнѣе, близъ Мади. По полученіи этого категорическаго приказанія, въ Верхнеудинскомъ полку пошелъ настоящій кабакъ. Переваловъ сперва твердо стоялъ на исполненіи приказанія, не соглашаясь увести полкъ, но окружавшіе его настолько настроились къ отступленію, что объ исполненіи приказанія и слышать не хотѣли. Наконецъ ихъ вліяніе превозмогло, и несчастнаго командира потащили на вѣрную казнь, такъ какъ отвѣчать пришлось только ему, а настояшіе виновники бѣгства остались ненаказанными и заслужили званіе героевъ. Но я, конечно, не жалѣю Перевалова, ибо что это за командиръ, позволяющій собою распоряжаться подчиненнымъ. Впрочемъ я далъ ему возможность спастись, указавъ на картѣ пунктъ сѣвернѣе Тхазелина на 4 версты,

гдѣ уговаривалъ остановиться; удаленіе всего на 4 версты не имѣло значенія въ смыслѣ отступленія, и такимъ образомъ, какъ бы исполняя приказаніе, онъ ставилъ полкъ въ совершенно безопасное мѣсто, откуда отходили удобные пути отступленія на сѣверо-западъ, и мифическій обходъ японцевъ на Ломогоу (этого Верхнеудинцы и Абадзіевъ боялись больше всего) становился недѣйствительнымъ; казалось это могло быть понятно и двумъ помощникамъ Перевалова, носившимъ видимые знаки невидимыхъ познаній. Полкъ немедленно выступилъ.

До этой минуты Верхнеудинцы, стоя въ Тхазелинѣ, отвѣчали за цѣлость имущества интендантскаго склада, охраняя его часовыми, хотя складъ былъ уже брошенъ интендантствомъ, и всякая войсковая часть могла брать изъ него все, что хотѣла. Уссурійцы взяли въ изобиліи ячменя, сахара и консервовъ. Съ уходомъ Верхнеудинцевъ, складъ переходилъ на попеченіе Уссурійцевъ, и Абадзіевъ прежде всего началъ заботиться о его уничтоженіи на случай своего отступленія. Въ Тхазелинѣ продолжала дѣйствовать телеграфная станція подъ начальствомъ молодого сапернаго офицера, поручика Шигорина, имѣя при себѣ тяжелый обозъ. Я спросилъ офицера, почему онъ не готовится къ отступленію со всѣми своими тяжестями, видя что казаки только и помышляютъ объ этомъ; достойный офицеръ отвѣтилъ, что приказанія закрывать станцію и отступать не получалъ. Я счелъ своимъ долгомъ предупредить его, что врядъ ли онъ получитъ какое либо содѣйствіе со стороны присутствующаго начальника. Когда хвостъ колонны Верхнеудинцевъ уже вышелъ изъ Тхазелина, прискакалъ полковой адъютантъ и передалъ точно, что Переваловъ имѣлъ распоряженіе по охранѣ телеграфнаго отдѣленія, а теперь, уходя, онъ слагаетъ ее съ себя, возлагая на Абадзіева; послѣдній отвѣтилъ ему что то весьма неопредѣленное, но конечно, разъ Верхнеудинцы уходили, то отвѣтственность за телеграфъ переходила къ Абадзіеву.

Съ уходомъ Верхнеудинцевъ я вздохнулъ свободнѣе: исчезъ шумный кавардакъ, и остался одинъ начальникъ, имѣвшій возможность выяснить обстановку, а повидимому

въ ней не было ничего тревожнаго: съюга мы охранялись, и японцевъ тамъ не было и признака; на востокъ поѣхали дѣльные, надежные развѣдчики и скоро донесли, что на протяженіи болѣе 10 верстъ о противникѣ не слышно; съ сѣвера, въ направленіи на Ломогоу, выдвинулся Верхнеудинскій полкъ, обѣщавшій вести развѣдку и сражаться (какіе храбрецы!); телеграфъ продолжалъ работать, но вотъ въ его проволоку и таилось несчастье, а могла быть гибель (какъ жаль что этого не случилось!) полковника Абадзіева, украшеннаго нѣсколькими знаками отличія Военнаго Ордена рукою самого Скобелева. Телеграфисты изъ Ломогоу начали передавать тревожныя свѣдѣнія о появленіи японцевъ къ востоку отъ станціи на высотахъ; все сообщаемое было туманно и сбивчиво, но герой рѣшилъ, что положеніе ввѣренной ему части и ея знамени критическое, и надо во что бы то ни стало спасаться. Долженъ сказать къ чести всѣхъ Уссурійцевъ, какъ офицеровъ, такъ и казаковъ, никто изъ нихъ не чувствовалъ никакого страха и не помышлялъ объ отступленіи, тѣмъ болѣе, что они пріобрѣтали въ Тхазелинѣ отличную стоянку съ массою продовольствія и фуража, получаемого даромъ, безъ денегъ. Однако уговорить Абадзіева оставаться на мѣстѣ было невозможно, тѣмъ болѣе, что, по отсутствію сообщеній отъ Перевалова и по свѣдѣніямъ отъ телеграфистовъ, полкъ быстро уходилъ на сѣверъ (утверждаю, что Перевалова тащили его помощники), и онъ началъ готовиться оставить Тхазелинѣ. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что нельзя было, уходя безъ напора противника, жечь казенное имущество въ складѣ. Рѣшили сдѣлать такъ: отойти на 4 версты на сѣверъ, т. е. стать на ту спасительную точку, куда сперва цѣлились Верхнеудинцы, а при складѣ оставить 20 охотниковъ подъ начальствомъ храбраго офицера, хорунжаго Шербачева, которые и зажгли бы складъ при появленіи японцевъ. Абадзіевъ отдалъ приказъ о выступленіи, и сотни начали подтягиваться.

Въ это время подъѣхалъ саперный офицеръ и заявилъ, что, снимая станцію, въ виду нашего ухода, проситъ дать ему въ прикрытіе одну сотню, согласно особаго распоря-

женія штаба В. отряда, имѣвшагося у Перевалова. Абадзіевъ отказалъ. Тогда офицеръ обратился ко мнѣ, и вотъ что было ему мною сказано: „я состою здѣсь какимъ то нештатнымъ чиномъ, и никто не обязанъ меня слушаться, да и не послушается; опасности я не вижу, потому что мы станемъ въ 4-хъ верстахъ отсюда, а сѣвернѣе по вашей линіи идетъ Верхнеудинскій полкъ, хотя кажется онъ просто бѣжить; вы всетаки настаивайте передъ Абадзіевымъ“. Тогда произошелъ слѣдующій разговоръ:

Шигоринъ. — Господинъ полковникъ, такъ какъ полковникъ Переваловъ ушелъ и передалъ меня вамъ, то прошу сотню въ прикрытіе, такъ какъ вы уходите, и я остаюсь сзади васъ, ближе къ противнику.

Абадзіевъ. — Я не могу ничего вамъ дать: у меня при знамени остается менѣе 2-хъ сотенъ; все остальное въ нарядѣ (было выслано 2 небольшихъ разъѣзда и одна застава, а потому имѣлось болѣе 3-хъ сотенъ).

Шигоринъ. — Г. полковникъ, вы должны знать, что инженерный обозъ есть такое же знамя, и вы обязаны его охранять.

Абадзіевъ. — Я не дамъ вамъ ни одного казака, дѣлайте какъ хотите.

Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно, и мнѣ было обидно и совѣстно за Абадзіева, но въ ту же минуту я забылъ объ этой сценѣ, ибо случилось нѣчто по серьезнѣе. Мы уже начали отступательное движеніе и проходили мимо интендантскаго склада ячменя. Я увидѣлъ надъ нимъ довольно сильный дымъ, подскакалъ къ Абадзіеву и спросилъ его: „по чьему приказанію зажженъ складъ?“ Абадзіевъ склонилъ главу свою на грудь, безнадежно махнулъ рукой и убитымъ голосомъ молвилъ: „не спрашивай, по моему приказанію“. Я понялъ, что онъ отдалъ это глупое приказаніе въ то время, когда я отдѣлился отъ него, бесѣдуя съ саперомъ. Онъ показался мнѣ до того жалкимъ и противнымъ, что я отѣхалъ отъ него подальше и рѣшилъ болѣе не говорить ему ни слова, а молчать и только смотреть, что будетъ. Я выдержалъ такую роль часа 3, а затѣмъ пришлось вмѣшаться.

Кажется на слѣдующій день, въ д. Ляодитанъ, Абадзіевъ рассказывалъ мнѣ, что приказаніе о сожженіи склада онъ отдалъ вынужденнымъ образомъ, вслѣдствіе просьбы войскового старшины Савицкаго, упросившаго его это сдѣлать для спасенія его брата, сотника Савицкаго, командовавшаго сотней и по ошибкѣ зажегшаго складъ. Оставляю этотъ вопросъ открытымъ. Можетъ быть было и такъ, но во всякомъ случаѣ Абадзіевъ допустилъ сожженіе склада и отвѣчаетъ за это, какъ старшій. Манера держать себя войскового старшины Савицкаго мнѣ не нравилась. Онъ больше всего проводилъ время въ обозѣ, а когда ему случалось быть съ нами при затруднительныхъ обстоятельствахъ, то сейчасъ же стушевывался, между тѣмъ какъ вообще онъ не давалъ намъ покоя своимъ словоизверженіемъ, обладая особенно неприятнымъ пискливымъ голосомъ.

Мы скоро достигли д. Унцяпуцзы, гдѣ находилась знаменитая безопасная точка, которую промахнулись мимо въ своемъ бѣгствѣ Верхнеудинцы. На бѣду и нашъ передовой офицеръ ошибся по картѣ, такъ что мы прошли еще версты 4 и очутились у новаго поворота на западъ, сходявшагося въ небольшомъ разстояніи съ предыдущимъ. Тогда Абадзіевъ рѣшилъ стать въ вилку, т. е. на мѣсто схожденія обѣихъ дорогъ, отходявшихъ на западъ; „тутъ, говоритъ онъ, мы будемъ въ безопасности отъ обхода“. Пришли, стали (версть 8 отъ Тхазелина); не оказалось воды; Абадзіевъ ни на что не рѣшался; офицеры просили меня сказать ему, чтобы онъ на что нибудь рѣшился, потому что кони уже были подъ сѣдломъ около сутокъ. Я немедленно отыскалъ бивачное мѣсто съ водою и предложилъ разсѣлать, что было исполнено. Мы залѣзли въ такое ущелье, что я, смѣясь, говорилъ: „здѣсь насъ не найдутъ не только японцы, но и свои“. Юзефовичъ, выполнившій замѣчательно быстро развѣдку порученнаго ему района, уже достигъ Ломогоу и далъ самыя успокоительныя свѣдѣнія объ отсутствіи японцевъ, но... въ концѣ своего донесенія прибавилъ, что телеграфная станція въ Ломогоу снимается, и линія провода будетъ укорочена до д. Саматунъ, гдѣ стоитъ пѣхота (9 верстъ сѣвернѣе Ломогоу); о Верхнеудинцахъ и въ Ломогоу ничего не было слышно. Это донесеніе Юзефовича

окончательно разстроило Абадзіева, рѣшившаго, что, разѣ Ломогоу очищено, то В. отрядъ отступаетъ на Ляндясанскую позицію, о существованіи которой онъ къ несчастію зналъ; поэтому не только возвращеніе въ Тхазелинъ, но даже и пребываніе въ его окрестностяхъ казалось ему слишкомъ рискованнымъ; онъ хотѣлъ отступить еще дальше на сѣверо-западъ и сблизиться съ главными силами В. отряда; вѣрнѣйшимъ признакомъ отхода онъ считалъ также отсутствіе приказаній и свѣдѣній изъ штаба. Зная, что удержать Абадзіева невозможно, я только посовѣтывалъ ему достигнуть долины р. Сидакхья у д. Пахудзай и оттуда начать развѣдку на югъ къ перевалу Пханлинъ и къ тому же Тхазелину, такъ сказать, обезпечивая правый флангъ Ляндясанской позиціи. На этомъ несчастный Абадзіевъ успокоился и на другой день, около 10 часовъ утра, мы выступили въ вышеуказанномъ направленіи, но, придя въ д. Пахудзай, не остановились, а, по инерціи отступленія, вѣроятно для большей безопасности, прошли еще верстъ 10 до д. Лаодитанъ, гдѣ и расположились.

Итакъ, не видѣвъ ни одного японца, даже не получивъ намека на ихъ присутствіе, вопреки категорическому приказанію начальника Восточнаго отряда, 4 сотни храбрыхъ Уссурійцевъ, были уведены своимъ болѣзненно-нервнымъ командиромъ въ тылъ позиціи, занятой тогда главными силами отряда (Янзелинъ), за 20 верстъ сзади штаба Графа Келлера (Лаодитанъ — Нютхіай); при этомъ было брошено всякое соприкосновеніе съ противникомъ, брошена телеграфная линія и сожженъ интендантскій складъ (консервы, чай и сахаръ были приведены въ негодность, а ячмень обгорѣлъ только снаружи, такъ что мы въ послѣдствіи имъ пользовались). Я не удивлялся, что Абадзіевъ находился въ удрученномъ состояніи, хватался за голову и причиталъ: „теперь все кончено, подъ судъ—вѣдь, говорятъ, складъ стоитъ 60.000 рублей“; самое малое, что онъ заслужилъ это отрѣшеніе навсегда отъ командованія частью, но, глядя на него, я тогда же думалъ, что онъ опасается напрасно: прежде всего онъ былъ скобелевцемъ, товарищемъ и соратникомъ Куропаткина и Графа Келлера, имѣлъ види

мые патенты храбрости (знаки отличія Военнаго Ордена и золотое оружіе), носилъ форму Собственнаго Его Величества Конвоя и былъ всѣми очень любимъ. Однако приходилось утѣшать слабонервнаго человѣка, и я согласился на его просьбу поѣхать въ штабъ В. отряда и лично доложить обо всемъ Графу, стараясь стратегическими соображеніями оправдать бѣгство моего друга. Абадзіевъ просилъ особенно настаивать на его безвыходномъ положеніи, вслѣдствіе отсутствія подковъ, при условіи чего онъ считалъ невозможнымъ передвигаться въ горахъ. Конечно оправдывать и спасать бѣглеца было нечестно, но у насъ уже бѣгало безнаказанно столько начальниковъ, а этотъ всетаки отнесся ко мнѣ прилично, по товарищески; я былъ связанъ съ нимъ еще дружбою мирнаго времени, и мнѣ все еще казалось, что въ немъ проснется духъ Скоболевца. Итакъ я взялъ на себя тяжелое порученіе, а кромѣ того опять надѣялся устроить себѣ въ штабѣ отряда другое назначеніе и избавиться отъ своей неопредѣленной роли.

Въ полдень 19 іюня я выѣхалъ изъ Лаодитана и сейчасъ же встрѣтилъ посланнаго изъ штаба, съ приказаніями Графа: 1. подѣ начальство Абадзіева поступала сводная казачья бригада изъ Уссурійскаго и 2-го Верхнеудинскаго полковъ, 2. я назначался начальникомъ штаба этой бригады, и 3. бригадѣ предписывалось немедленно выдвинуться впередъ долиною Тхазелинъ — Мади, для освѣщенія района между Фынхуанченомъ и Сюянемъ. Вѣроятно это приказаніе было отдано Графомъ еще до полученія имъ извѣстія о бѣгствѣ Абадзіева изъ Тхазелина въ Лаодитанъ. Для меня оно имѣло особенную важность, ибо я получалъ опредѣленное положеніе, и поэтому возможность взять Абадзіева въ руки и не допускать новыхъ безобразій. Вернувшись къ Абадзіеву и, передавъ ему, приказанія, я обѣщала ему, что, не смотря на большой пробѣгъ (до 40 верстъ), постараюсь вернуться въ тотъ же день, чтобы поскорѣ двинуться впередъ.

Не могу не остановиться на той странной случайности, что уже въ день 19 іюня я два раза проѣхалъ черезъ поле сраженія у д. Тунсинпу, на которомъ мнѣ пришлось съ

небольшимъ отрядомъ состязаться со всею японскою Императорскою Гвардіей, начавъ генеральное сраженіе подъ Ляояномъ, 11-го и 12-го августа, причемъ въ этой завязкѣ боя намъ удалось достигнуть первой для Маньчжурской арміи настоящей, дѣйствительной побѣды. Точно сама судьба способствовала первой нашей удачѣ, заставивъ будущаго начальника отряда столь заблаговременно ознакомиться съ полемъ сраженія. Проѣзжая переваль между д. д. Тунсинпу и Саматунъ, я долго стоялъ на немъ, осматривая мѣстность около первой деревни (моя позиція и подступы къ ней) и склоны—хребты близъ перевала (позиція японской гвардіи, а до сраженія мѣсто расположенія сторожевого охраненія, откуда и дебушировали на насъ главные силы противника). Не знаю, говорило ли во мнѣ предчувствіе, но уже въ этотъ день, и позднѣе, когда я жилъ въ д. Тунсинпу, я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на два большихъ каменныхъ китайскихъ изваянія, обозначавшія вершину перевала. Въ д. Саматунъ, гдѣ стояли части 11-го стрѣлковаго полка, мнѣ сообщили, что штабъ В. отряда находится въ д. Нютхійай, и я поѣхалъ дальше по мѣстности, на которой позднѣе имѣлъ двѣ перестрѣлки съ японцами. По дорогѣ, въ д. Холунгоу (последнее мѣсто ставки Графа Келлера), постъ летучей почты сообщилъ, что Графъ недавно проѣхалъ на югъ къ д. Лидіапуза, въ расположеніе 2-го Читинскаго полка. Я послѣдовалъ за нимъ, и встрѣча произошла верстахъ въ 4-хъ.

Не могу сказать, чтобы былъ встрѣченъ любезно, такъ какъ Графу уже было извѣстно о нашемъ безсмысленномъ отступленіи. Идя крупной рысью, онъ на ходу выговаривалъ: „Хорошъ Абадзіевъ, я уже отрѣшилъ отъ командованія Перевалова, а Абадзіевъ не лучше“. Я пробовалъ возразить, но былъ прерванъ: „отступаютъ только въ двухъ случаяхъ: или по полученному приказанію, или подъ напоромъ противника, а въ данномъ случаѣ не было ни того, ни другого“. Я намекнулъ о стратегическомъ соображеніи по развѣдкѣ противника для обезпеченія праваго фланга Восточнаго отряда въ долину Сидакхы, но получилъ рѣзкій отвѣтъ: „вашу стратегію оставьте, а предоставьте мнѣ

знать свою; довольно, Константинъ Ивановичъ, я васъ знаю, вы говорите противъ себя“. Я отсталъ и поѣхалъ съ ординарцами. Одинъ изъ нихъ, знакомый по Ляояну, сказалъ мнѣ: „полковникъ, право же вамъ не стоитъ распинаться за Абадзіева—мы его знаемъ, а такъ вы обвиняете самого себя“. Другой ординарецъ, изъ гвардіи, съ насмѣшкой спросилъ меня: „хорошо дѣйствуетъ твой нукеръ?“ Начальникъ штаба тоже противъ обыкновенія выразилъ, что дѣйствія Абадзіева ничѣмъ не лучше дѣйствій Перевалова. Когда мы прибыли въ расположеніе штаба, Графъ перемѣнилъ только лошадей и поскакалъ опять на позиціи, но, помню, что сказалъ мнѣ на заявленіе Абадзіева о недостаткѣ подковъ: „скажите ему, что я сдѣлаю изъ его полка пѣшіи баталіонъ, и тогда онъ будетъ у меня ходить впередъ, а не назадъ“.

Итакъ начальникъ отряда, его начальникъ штаба и весь штабъ знали о позорномъ бѣгствѣ обоихъ командировъ казачьихъ полковъ, но одного отрѣшили отъ командованія, а другому дали повышеніе, такъ какъ ввѣрили бригаду. Конечно, меня это не удивило, ибо Абадзіевъ имѣлъ слишкомъ много протекціи, а Переваловъ никакой. Я убѣдился, что моя слабая попытка прикрыть грѣхи бѣглеца не имѣла никакого значенія, ибо и безъ нея все равно онъ не пострадалъ бы; а потому нѣкоторая тяжесть спала съ моей совѣсти. Я тотчасъ послалъ Абадзіеву телеграмму частнаго характера: „завтра, съ разсвѣтомъ, выступаемъ въ Каучепфузу“. Къ вечеру вернулся Графъ, пригласилъ меня ужинать, но я отказался, доложивъ, что спѣшу въ полкъ, такъ какъ онъ съ разсвѣтомъ выступаетъ впередъ. Графъ сказалъ: „отлично, не задерживаю, спѣшите“. Я нѣсколько ввелъ его въ заблужденіе, потому что самъ назначилъ выступленіе, а онъ повидимому думалъ, что я получилъ такое извѣщеніе отъ Абадзіева.

Темною ночью, по размокшей отъ дождя почвѣ, я дотащился на измученномъ конѣ до Лаодитана, гдѣ ожидалъ меня въ лихорадочномъ состояніи Абадзіевъ. Мой пріѣздъ его успокоилъ, и мы рѣшили выступить возможно раньше и дать отдыхъ полку въ Тхазелинѣ, гдѣ имѣлъ присоеди-

ниться къ намъ 2-й Верхнеудинскій полкъ, а затѣмъ въ тотъ же день перейти къ подножію Тхазелинскаго перевала, въ д. Каучепфузу.

ГЛАВА VIII.

Служба начальникомъ штаба сводной казачьей бригады въ составѣ: Уссурійскаго и 2-го Верхнеудинскаго казачьихъ полковъ, съ 20-го іюня по 8-е іюля.

Наша задача состояла въ рѣшительномъ и смѣломъ наступленіи, для освѣщенія раіона передъ правымъ флангомъ Восточнаго отряда до линіи Фынхуанченъ-Сюянь, а также выясненія расположенія и группировки силъ противника. Важность задачи была подтверждена личнымъ требованіемъ выясненія обстановки самого Куропаткина (я помню, что въ полученной нами инструкціи были указанія отъ имени командующаго арміей). Конечно, задача могла быть выполнена несравненно легче и удобнѣе въ то время, когда Уссурійцы стояли въ Мади, а Верхнеудинцы въ Сандіазѣ и Тхазелинѣ, о чемъ я уже говорилъ выше, но, къ сожалѣнію, до нея додумались только теперь, когда обстановка значительно измѣнилась въ благопріятную для японцевъ сторону; они продвинулись и къ Далинскому перевалу правѣ насъ, и къ фронту Восточнаго отряда, по направленіи къ Тхавуану (Хояну), и къ самому Мади. Если бы мы выдвинулись впередъ въ концѣ мая и все время поддерживали бы дѣйствительное соприкосновеніе съ противникомъ, то, даже и будучи оттѣснены, все-таки еще держались бы на высотѣ Мади и знали бы кое что о японцахъ. Теперь же надлежало наступать отъ Тхазелина ошупью, въ потемкахъ, вновь искать противника и входить съ нимъ въ соприкосновеніе, а, при условіи современной тактики, да еще въ горахъ, это не такъ то легко для кавалеріи, а въ особенности требовало энергіи и неустрашимости, чего, какъ читатели уже достаточно видѣли, и не было у назначеннаго командовать конной бригадой полковника Абадзіева.

Правѣ нашей бригады, у д. Титуню, формировался

небольшой отрядъ (2 роты и 2 сотни) полковника Драгомирова, имѣвшій своей задачей поддерживать связь между 2-мъ корпусомъ г. Засулича, т. е. вообще войсками дѣйствовавшими у Далинскаго перевала, и Восточнымъ отрядомъ, а также наблюдать—оборонять выходъ въ долину р. Сидахья черезъ перевалы Пханлинь и Ханцялинь. Лѣвѣе насъ, въ долинѣ Тинтей-Мади, продолжали выставлять заставы и развѣдывать казаки 2-го Читинскаго полка. Намъ было приказано оставить 1 сотню Уссурійцевъ въ д. Уцзяфанъ (между долиной р. Сидахья и Тхазелиномъ) и 1 сотню Верхнеудинцевъ, для занятія двухъ переваловъ южнѣе д. Тхазелинъ (Чензелинъ и Фынсяолинь) и д. Чудяпуза. Такъ какъ въ Уссурійскомъ полку 1 сотня продолжала оставаться въ отрядѣ Мадритова, а одна держала летучую почту, а въ Верхнеудинскомъ 1 сотня была куда то откомандирована и одна также на летучей почтѣ, то въ составѣ сводной бригады оказалось только 6 сотенъ, т. е. силы равныя одному полку.

20 іюня мы выступили изъ д. Лаодитанъ въ 6 часовъ утра; у д. Пахудзай выдѣлили 5-ю сотню, направивъ ее въ д. Уцзяфанъ, при чемъ я попросилъ Абадзіева взять съ собой изъ этой сотни ея младшаго офицера поручика Юзефовича, такъ какъ предвидѣлъ, что сотня будетъ бездѣйствовать, а такой искусный и лихой развѣдчикъ былъ намъ очень нуженъ. Съ этой минуты Михаилъ Юзефовичъ перешелъ на службу во 2-ю сотню Уссурійскаго полка, съ 6-ю казаками которой онъ геройски палъ, окруженный врагомъ, въ двадцатыхъ числахъ іюля. Такъ какъ я былъ инициаторомъ его перевода, то меня мучаетъ мысль, что я какъ бы принесъ ему несчастье.

Придя въ Тхазелинъ, мы нашли тамъ 2-й Верхнеудинскій полкъ, въ которомъ происходила перемѣна камандованія: отрѣшенный Переваловъ сдавалъ полкъ Свѣшникову. Здѣсь мы получили свѣдѣніе, что южнѣе перевала дѣйствуетъ пѣшая охотничья команда 11-го стрѣлковаго полка, сообщавшая о присутствіи японцевъ въ д. Каучепфузѣ. Такъ какъ донесеніе было весьма неопредѣленное, то было приказано 5-й сотнѣ Верхнеудинцевъ подъесаула Черноярва

выдвинуться впередъ и выяснить обстановку. Абадзіевъ подвелъ полкъ къ перевалу и уперся: не двигаться ни шагу, пока не будетъ разъяснено, что происходитъ въ д. Каучепфузъ. Я не настаивалъ продолжать движеніе по слѣдующимъ соображеніямъ: если была задержана цѣлая охотничья команда въ 100 человекъ, то вѣроятно противникъ могъ серьезно обороняться, а день клонился къ вечеру; въ Верхнеудинскомъ полку еще не установился порядокъ командованія, и я не успѣлъ ознакомиться съ его составомъ, а Абадзіевъ входилъ въ свою роль бригаднаго болѣе чѣмъ робко. На самомъ дѣлѣ мы дѣлали ошибку, потому что въ д. Каучепфузъ было не болѣе 30 японскихъ кавалеристовъ, а охотничья команда просто боялась наступать и пошла впередъ только тогда, когда двинулся Чернояровъ, занявшій въ тотъ же вечеръ не только этотъ пунктъ, но и д. Сандіазу, лежавшую въ 4-хъ верстахъ южнѣе. По полученіи донесенія объ этомъ, мы вернулись въ Тхазелинъ.

Съ ночлега надо было выслать разъѣзды. Я выслалъ изъ Уссурійскаго полка Карнаухова, но никакъ не могъ добиться назначенія и прибытія за полученіемъ инструкціи офицеровъ Верхнеудинскаго полка. Послѣ пяти напоминаній явились Поповъ и Виноградовъ. Послѣдній оказался офицеромъ конной артиллеріи, окончившимъ курсъ академіи генеральнаго штаба. Онъ пришелъ безъ очковъ и потому не могъ читать карту, да и вообще рѣшительно не былъ въ состояніи усвоить поставленную ему задачу. Не знаю откуда только свалилось это золото на украшеніе казаковъ, и какимъ образомъ могъ онъ окончить академію.

21 іюня выступили въ 6 часовъ утра. Не доходя д. Сандіазы, пришло донесеніе Карнаухова, что, пройдя деревню, его разъѣздъ попалъ въ засаду, былъ обстрѣлянъ и потерялъ 1 казака и 1 лошадь. Раненаго подобрать не успѣли. Въ Сандіазѣ насъ встрѣтили Чернояровъ съ своимъ младшимъ офицеромъ Васильковскимъ и начальникъ пѣшей охотничьей команды поручикъ Остапенко; по ихъ докладу выходило, что впереди деревни дѣйствуетъ какая то партія японцевъ; кажется, въ то же время пришло донесеніе Виноградова, что онъ гдѣ то видѣлъ издали 2 эскадрона про-

тивника. Меня удивило, что пѣшая охотничья команда, дѣйствовавшая самостоятельно и знавшая, что по близости стрѣляли по казакамъ, сидить сложа руки и ничего не предпринимаетъ, тѣмъ болѣе что тутъ же оставалась сотня и подходило еще нѣсколько. Я не дѣлаю упрека въ томъ же Черноярову, потому что для него еще есть нѣчто въ родѣ оправданія: онъ донесъ, что занимаетъ Сандіазу, и не получилъ отъ насъ новаго приказанія. Конечно Абадзіеву слѣдовало сказать Остапенко: вы находитесь въ районѣ моихъ дѣйствій, а потому, если вамъ угодно въ немъ оставаться, то я принимаю надъ вами начальство и приказываю дѣлать то то, а если вы на это не согласны, то либо сидите смирно, либо убирайтесь откуда пришли. Но Абадзіевъ предложилъ ему совмѣстныя дѣйствія, и когда ему придали спѣшенную полусотню подъ начальствомъ Васильковского, то онъ соблаговолилъ дѣйствовать и пошелъ впередъ со своими 90 винтовками. Одновременно я приказалъ сотнику Савицкому съ его 2-й Уссурийской сотней вынестись впередъ и прогнать японцевъ, ибо догадывался что ихъ было нѣсколько человѣкъ *).

Савицкій и Юзефовичъ быстро вынеслись впередъ, ловко спѣшились и нѣсколькими залпами прогнали японцевъ, которые конечно, замѣтивъ наши относительно значительныя силы, могли только благоразумно отступить. Долженъ сознаться, что эти нѣсколько японцевъ достойны великой похвалы, такъ какъ сумѣли остановить наступленіе нашей бригады, и задача, поставленная намъ самимъ командующимъ арміей, закончилась въ своемъ выполненіи почти на позиціи этой горсти. Абадзіевъ убѣдился, что вошелъ въ соприкосновеніе съ непріателемъ, а наступать дальше значило по его мнѣнію пробиваться и рисковать уже не однимъ, а двумя знаменами. Я хотѣлъ въ этотъ день достигнуть Мади, но Абадзіевъ не только рѣшительно уперся, но даже

*) Я настойчиво просилъ Абадзіева разрѣшить мнѣ руководить высланной 2-й сотней, но онъ также настойчиво приказалъ мнѣ оставаться при немъ, а послѣ случая съ сожженіемъ Тхазелинскаго склада, когда приказаніе было отдано Абадзіевымъ въ ту минуту, какъ я его оставилъ, я вообще опасался оставлять его одного, безъ моего надзора.

желалъ отступить въ Каучепфузу. Мнѣ удалось уговорить его остаться въ Сандіазѣ на ночлегъ, а пока хотя порекогносцировать нѣсколько впереди деревни, что оказалось весьма кстати, потому что мы встрѣтили наши два разъѣзда — Попова и Карнауха, спросившіе указанія что имъ дѣлать. Я объяснилъ, что бывшая ничтожная перестрѣлка не должна препятствовать продолженію ихъ работы, и направилъ ихъ впередъ. Карнауховъ, понесшій потери, пожалуй еще могъ задержаться (онъ розыскалъ трупъ убитого казака, и мы его похоронили вечеромъ), но почему не шелъ впередъ Поповъ — непонятно. Но лучше всего поступилъ начальникъ третьяго разъѣзда Виноградовъ. Когда я вернулся на бивакъ, то услышалъ, что этотъ господинъ уже болтается на бивакѣ, а потому послалъ за нимъ. На вопросъ, почему онъ возвратился, не освѣтивъ указаннаго ему района, онъ отвѣтилъ, что видѣлъ 2 эскадрона противника, о чемъ донесъ, и потому возвратился. Я сказалъ, что ему былъ данъ районъ развѣдки, и онъ не прошелъ и половины его; кромѣ того, противникъ отступилъ, и ничто не препятствовало ему продолжать движеніе; наконецъ, вернувшись, онъ долженъ былъ немедленно явиться къ начальнику его посылавшему. Этотъ офицеръ не исполнилъ приказанія и порученія, выказалъ полное непониманіе службы и еще какое то пренебреженіе начальству, а между тѣмъ онъ остался даже безъ словеснаго выговора. Только въ донесеніи на имя начальника штаба В. отряда я написалъ, что его разъѣздъ не выполнилъ своего назначенія. На это въ штабѣ не обратили никакого вниманія, но за то ужасно обидѣлся Свѣшниковъ. При такой нетребовательности со стороны начальниковъ, конечно и такіе негодные офицеры, какъ Виноградовъ, могли продолжать свою нечестную и вредную для арміи службу, и вѣроятно продолжаютъ состоять въ ея рядахъ и понынѣ. Вотъ если бы штабъ В. отряда запросилъ бы по полученіи моего донесенія: а что же сдѣлано съ офицеромъ за неисполненіе задачи, то можетъ быть мнѣ и удалось бы тогда же избавить Верхнеудинскій полкъ отъ Виноградова.

Итакъ на второй день выполненія нашей стратегической

развѣдки, намѣченной самимъ Куропаткинымъ, мы продвинулись на 16 верстъ впередъ, имѣли перестрѣлку, потери (1 казакъ и 1 лошадь), но рѣшительно ничего не узнали о противникѣ. Я надѣялся, что Орановскій потребуетъ отъ насъ наконецъ свѣдѣній и вообще энергіи, тѣмъ болѣе, что Тхазелинское бѣгство Абадзіева не могло внушать ему особенныхъ надеждъ на его ретивость, но . . . насъ не подталкивали, не беспокоили, и такимъ образомъ я не находилъ необходимой поддержки. За то тормазовъ еще прибавилось. Верхнеудинцевъ отъ Перевалова передали Свѣшникову, но, спрашивается, за какія заслуги? До сихъ поръ онъ рѣшительно ни чѣмъ себя не зарекомендовалъ, но развѣ не было всѣмъ извѣстно, что этотъ офицеръ былъ совершенно неспособенъ къ военной службѣ. Ему не доставало только одной ступни, вслѣдствіе чего онъ пѣшкомъ ходить не можетъ совсѣмъ, а ѣздитъ верхомъ съ большимъ рискомъ, ибо можетъ управлять только особенно сминою или дрессированною лошадью. Вѣдь это былъ несчастный чловѣкъ при боевой обстановкѣ, одоlvаемый естественною физическою робостью! Можно ли въ самомъ дѣлѣ не робѣть, когда и верхомъ, и пѣшкомъ чувствуешь себя одинаково пропащимъ и безсильнымъ, когда, снявъ съ ноги особенный механизмъ, надо затѣмъ его приспособлять нѣсколько минутъ; а если въ эту минуту произойдетъ тревога, неожиданное нападеніе? Нечестно со стороны Свѣшникова служить въ строю не только въ военное, но и въ мирное время, и безнравственно со стороны начальства терпѣть такую аномалію. Но Свѣшниковъ былъ шикарнымъ гвардейскимъ офицеромъ съ протекціей, и конечно Абадзіевъ съ этимъ считался; къ тому же они были солидарны въ смыслѣ оглядки назадъ: первый по своей физической немоши, а второй по своимъ слабонервности и малодушію. О, какъ часто глаза ихъ высказывали другъ другу сочувствіе во время нашихъ военныхъ совѣтовъ, и какія молніи ненависти проносились надъ моей головой... но оба меня боялись и относительно иногда слушались.

Вечеромъ же я заявилъ Абадзіеву, что сидѣть въ Сандіазѣ не желаю, и требую выполненія задачи, т. е. насту-

плєнія; онъ вздумалъ дать мнѣ понять, что я, какъ начальникъ штаба, являюсь только исполнителемъ его предначертаній; тогда я вразумилъ его, что, какъ это мнѣ ни непріятно и даже невыгодно (выйдетъ инцидентъ), но я немедленно попрошу Графа меня отчислить и объясню ему причины сего. Тогда Абадзіевъ сдался, и 22 іюня, въ 8 часовъ утра, мы поползли впередъ. Опаснаго не могло быть ничего, потому что впереди насъ наступали Чернорыльскіе съ Васильковскимъ и стрѣлковая охотничья команда; кромѣ того мы оставили въ Сандіазѣ всѣ выюки, сотню Уссурійцевъ и взводъ Верхнеудинцевъ, да въ Каучепфузу выдѣлили тоже одинъ взводъ. Въ 9 часовъ утра пришло донесеніе хорунжаго Ушакова о присутствіи японской пѣхоты у д. Семагю, вслѣдствіе чего остановились и ждали; затѣмъ нѣсколько продвинулись впередъ, а тѣмъ временемъ охотники и спѣшенные казаки заняли перевалъ южнѣе д. Кіуцейгоу; смѣнивъ ихъ 1-й сотней Верхнеудинцевъ, мы отошли въ д. Чоненпенъ и остались тамъ на ночлегъ, хотя Абадзіевъ склонялся къ отступленію въ Сандіазу. Такимъ образомъ на 3-й день стратегической развѣдки мы продвинулись на 6 верстъ. Высланные утромъ развѣзды донесли:

1. ротмистръ Юмущій, прошедшій за перевалъ до д. Тадейзы, опредѣлилъ присутствіе 1 баталіона и 1 эскадрона;
2. хорунжій Щербачевъ нашель д.д. Мади, Куандепуза и Ундеапуга свободными отъ противника;
3. сотникъ Ладыженскій нашель д.д. Упынь и Туненпудза свободными отъ противника; онъ возвратился очень поздно вечеромъ.

На ночь надо было выслать новые развѣзды, хотя по одному отъ cadaго полка. Отъ Уссурійскаго шель Бровченко. Я пошелъ въ фанзу къ Свѣшникову и передалъ ему приказаніе о нарядѣ офицерскаго развѣзда, на что получилъ энергическій отпоръ: „въ полку нѣтъ свободныхъ офицеровъ, и сейчасъ въ нарядъ полковой адъютантъ Ладыженскій“. Я возразилъ, что исполненіе приказанія обязательно, на что Свѣшниковъ отвѣтилъ такъ: „не могу же я послать въ развѣздъ командира сотни“, и указалъ на есаула Маркозова. Я высказалъ, что съ развѣздами могутъ и

должны ходить командиры сотень, ибо ходятъ и полковники. Не успѣлъ я вернуться къ Абадзіеву, какъ слѣдомъ за мною прибѣжали Свѣшниковъ и Маркозовъ и начали торговаться: идти, или нѣтъ, на такое рискованное предпріятіе такой важной особѣ, какъ господинъ Маркозовъ. Я успѣлъ внушить Абадзіеву, что освобожденіе отъ наряда Верхнеудинцевъ будетъ несправедливо по отношенію къ его Уссурійскому полку, и потому онъ настаивалъ на исполненіи наряда Верхнеудинцами. Во время исполненія послѣдняго марша, Маркозовъ не переставалъ критиковать дѣйствія нашей арміи, а нашей бригады въ особенности, находя что мы наступаемъ вяло, нерѣшительно, а опасаться нечего, такъ какъ можно двигаться не долинами, а прямо горами, ссылаясь на полную возможность такихъ быстрыхъ пробѣговъ его кровною англійскою лошадыю. Вотъ теперь судьбѣ было угодно испытать, насколько онъ обладалъ въ дѣйствительности наступательнымъ порывомъ, ибо ему представлялся отличный случай пробраться на своемъ скакунѣ далеко впередъ въ расположеніе противника и произвести энергичную развѣдку. Но, увы, весь его пылъ пропалъ, всѣ спортсменскія скаковыя стремленія испарились, и онъ только обсуждалъ, насколько трудно выполнимо и опасно возлагаемое на него порученіе, что ѣхать верхомъ невозможно, а надо ползти пѣшкомъ. Къ несчастію судьба окончательно его доканала. Уссурійскій офицеръ, молодчина Бровченко, принимавшій всякое опасное порученіе съ удовольствіемъ и выполнявшій его блестяще, на этотъ разъ оказался безъ лошади, вслѣдствіе поврежденія его копыта, и могъ идти въ развѣдку только пѣшкомъ. Изъ двухъ намѣченныхъ мною направленій развѣдки, какъ разъ одно—кратчайшее не допускало движенія на коняхъ, а другое—кружное могло быть исполнено именно такъ; но, правда, первое допускало незначительное удаленіе отъ нашихъ передовыхъ частей—нѣкоторую связь съ ними, а второе было въ этомъ отношеніи несравненно опаснѣе. Казалось и разговаривать было нечего: Бровченко, спѣшенный силою обстоятельствъ, могъ идти по первому направленію, а лихой гусарь Маркозовъ, украшавшій скаковые ипподромы, сидѣвшій на стиплерѣ, есте-

ственно долженъ былъ желать развѣдывать во второмъ направленіи. Однако, послѣ часового дебата между Абадзіевымъ, Свѣшниковымъ и Маркозовымъ (я не вмѣшивался и только любовался), пришли къ заключенію, что пѣшкомъ пойдетъ Маркозовъ, а верхомъ поѣдетъ Бровченко, который займетъ лошадь у казака сотни. Утверждаю, что такое рѣшеніе было основано исключительно на удовлетвореніи чувства самосохраненія Маркозова, которому Абадзіевъ приносилъ въ жертву своего любимаго офицера, по сравненію съ особой Маркозова являвшагося простымъ смертнымъ. Ясно, что такая посылка въ развѣздъ, противъ желанія, Маркозова, не взирая на его высокое положеніе и званіе сотеннаго командира, сдѣлало мнѣ изъ него злѣйшаго врага, а между тѣмъ доказательствомъ его нежеланія исполнить весьма обыкновенную задачу служатъ такіе факты: 1. заступничество Свѣшникова, согласившагося послать его только по личному приказанію Абадзіева и послѣ разговора съ добрый часъ времени, и 2. отказъ идти верхомъ, не смотря на затруднительное положеніе Бровченко достать себѣ коня *) А между тѣмъ нѣкоторые сотенные командиры не находили неудобнымъ лично водить развѣзды: 29 іюля того же года состоявшій въ моемъ отрядѣ командиръ 3-й сотни 2-го Читинскаго полка, есаулъ Князь Долгоруковъ, самъ просилъ у меня разрѣшеніе идти въ развѣздъ, вмѣсто назначеннаго мною его младшаго офицера сотника Ребиндера, и пошелъ, а задача была не изъ легкихъ. Крайнее недовольство Маркозова рѣзко обозначилось слѣдующей его безтактностью, а вѣрнѣе недисциплинарнымъ поступкомъ. Зашла рѣчь о томъ, что долго не возвра-

*) Лично я не видѣлъ никакого затрудненія: слѣдовало приказать казаку (изъ сотни, имѣвшему порядочнаго коня, предоставить его офицеру, ибо для такой важной службы, какъ веденіе развѣзда офицеромъ, нѣкоторый ущербъ казака (если бы лошадь погибла, то ему конечно было бы вознагражденіе отъ казны, но нѣкоторое время пришлось бы оставаться пѣшимъ) не заслуживаетъ вниманія и можетъ быть принесенъ въ жертву пользѣ дѣла. Но въ Уссурийскомъ полку смотрѣли на это иначе, и когда одинъ разъ у Юзефовича заболѣла лошадь, то я былъ вынужденъ дать ему собственную лошадъ изъ подъ моего вѣстового.

шается съ развѣдки Ладыженскій, и есауль позволилъ себѣ сказать: „послѣ случая съ Виноградовымъ полковникъ Дружининъ такъ запугалъ нашихъ офицеровъ, что они никогда не вернутся“. И это смѣлъ сказать оберъ-офицеръ въ присутствіи старшаго начальника, старому полковнику—начальнику штаба. Во избѣжаніе инцидента, я долженъ былъ переварить дерзкую выходку, но всетаки обрѣзалъ, сказавъ: „прошу оставить въ покоѣ имя п. Дружинина и молчать“.

Въ виду того, что, по всѣмъ даннымъ, передъ нами были совсѣмъ ничтожныя силы противника, я рассчитывалъ вытащить отрядъ въ Мади, но это мнѣ не удалось. 23 іюня мы выступили только въ 10½ часовъ утра и дошли лишь до подножія перевала у Кіуцейгоу; здѣсь встрѣтили возвратившагося съ развѣдки Маркозова, давашаго болѣе чѣмъ неопредѣленныя свѣдѣнія. Взявъ съ собою до 30 пѣшихъ, казаковъ, оставляя частые посты для связи (для обезпеченія своего отхода), онъ продвинулся передъ сторожевое охраненіе не болѣе какъ на 4 версты и узрѣлъ движеніе какихъ то партій японцевъ, не то въ долину д. Туненпудзы, не то д. Санчанъ; онъ опредѣлялъ силы японцевъ въ 1 баталіонъ и 1 эскадронъ, но конечно это было весьма гадательно. Тѣмъ не менѣе Абадзіевъ рѣшилъ, что наступать, имѣя передъ собою баталіонъ японцевъ, невозможно и приказалъ отходить къ д. Чоненпенъ. Производившій наканунѣ развѣдку сотникъ Ладыженскій неожиданно заявилъ мнѣ, что только теперь догадался о своей ошибкѣ, а именно: онъ доходилъ не только до д. д. Упынь и Туненпудза, а на 8 верстъ южнѣе, къ д. д. Чиндепфуза и Ундепфуза. Это значительно измѣняло обстановку, ибо оказывалось, что далеко на югъ, вправо отъ насъ, совсѣмъ не было японцевъ, а такъ какъ ихъ не было и влѣво, по донесенію Шербачева, то конечно и передъ нами ихъ было весьма немного—можетъ быть все та же партія, такъ удачно задержавшая стрѣльцовъ-охотниковъ у д. Каучепфузы, а потомъ у д. Сандіаза. Если бы Ладыженскій сообщилъ такую важную данную наканунѣ, то можетъ быть Абадзіевъ рѣшился бы продвинуться до Мади, но теперь мы уже отходили, а, главное, можно ли было довѣрять офицеру? Можно ли было поручиться, что

онъ не скажетъ черезъ часъ времени, что опять ошибся, и былъ въ другомъ мѣстѣ. И такія ошибки дѣлаетъ офицеръ, развѣдывая днемъ, съ отличной картой въ рукахъ. Я замѣтилъ Ладыженскому, что онъ сдѣлалъ большой промахъ, но до нѣкоторой степени искупилъ его честнымъ признаніемъ своей ошибки. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ избѣгать посылать его въ развѣдку, такъ какъ объяснялъ неудовлетворительность его работы исключительно неспособностью: онъ проявилъ вѣдь и энергію и честность. Въ тотъ же день я имѣлъ случай убѣдиться въ его непригодности для всякой полевой работы. Итакъ, за три дня наблюденія за Верхнеудинскимъ полкомъ, пришлось признать неудовлетворительными 3-хъ офицеровъ: Маркозова, Виноградова и Ладыженскаго, и, кромѣ того, конечно командующаго полкомъ.

Когда сотни пошли на бивакъ, Абадзіевъ, вмѣстѣ со Свѣшниковымъ, свернули съ торной дороги. Нехорошо, когда старшій начальникъ безъ особенной надобности удаляется отъ направленія, по которому проходитъ артерія жизни отряда, въ виду постоянной возможности получить экстренное приказаніе и донесеніе, а удаленіе вызываетъ потерю времени на розыскъ, отдачу распоряженій и выполнение приказаній. Поэтому я не поѣхалъ съ моимъ начальникомъ, а оставался на главномъ направленіи, и скоро получилъ сообщеніе изъ штаба В. отряда: сообщалось объ усиленной рекогносцировкѣ японцами одной изъ нашихъ позицій; въ то же время изъ сотни, занимавшей перевалы въ нашемъ тылу, сообщалось о неудачномъ нападеніи на передовыя части японцевъ у Тхавуана. Я поѣхалъ догнать мое начальство и убѣдился, что ведшій его Ладыженскій сумѣлъ завести на самую неудобную и далеко не кратчайшую дорогу. Располагаясь въ д. Чоненпенъ, мы выставляли 3 заставы: одну впередъ на перевалъ, одну вправо къ д. Чудіапуза и одну въ тылъ въ д. Тулинза. Нарядъ былъ отъ Верхнеудинцевъ, и я оріентировалъ по картѣ полкового адъютанта. Выйдя на улицу деревни, я случайно замѣтилъ, что застава, назначенная стать на западъ, идетъ на сѣверъ, и потребовалъ объясненія отъ Ладыженскаго. Оказалось, что онъ опять ошибся, т. е. не сумѣлъ оріентироваться по

картъ и невѣрно направилъ заставу. Я останавливаюсь на промахѣхъ Ладыженскаго по слѣдующимъ соображеніямъ. Это былъ молодой человѣкъ, развитой, смысленный, даже пописывавшій статьи въ газеты, обладавшій интересомъ къ дѣлу и не лишенный энергіи, но онъ былъ совсѣмъ не подготовленъ службою мирнаго времени, какъ полевой офицеръ, а потому его полная неспособность, выказанная въ развѣдкѣхъ и даже въ ориентировкѣ по картѣ, происходила отъ плохой постановки кавалерійской службы у насъ вообще: офицеровъ обучали ѣздить, скакать, рубить, но забывали о главномъ—искусствѣ ориентировки въ полѣ и развѣдки. Этого не требовали и этому не обучали, или обучали слишкомъ мало и плохо.

Въ 3^{1/2} часа пріѣхалъ на бивакъ жизнерадостный Бровченко и положилъ, что Мади по прежнему японцами не занято, а только на масляномъ заводѣ стоитъ около одной роты и одного эскадрона. Этому офицеру Абадзіевъ довѣрялъ безусловно, а потому мнѣ удалось убѣдить его, что задерживаться передъ такой горстью противника совѣстно, а потому надо на слѣдующій день, хотя бы и съ перестрѣлкой, продвинуться впередъ. Всѣ распоряженія для наступленія были сдѣланы, но позднѣе получились донесенія съ тыла отъ Арсеньева, занимавшаго перевалы, о занятіи японцами долины сѣвернѣе д. Тинтей, а отъ Виноградова (изъ Каучепфузы) о появленіи ихъ южнѣе этой деревни; кромѣ того, Васильковский, ставившій постъ въ д. Тулинза, доложилъ, что встрѣтилъ японскій развѣздъ, по которому стрѣляли казаки. Абадзіевъ не только отмѣнилъ наступленіе, но приказалъ всѣмъ быть въ полной готовности (подъ сѣдломъ) и рѣшилъ отойти въ Сандіазу. Онъ спросилъ меня официально, какъ начальника штаба, считаю ли я нужнымъ отступить. Я отвѣтилъ ему, что ни подъ какимъ видомъ отходить назадъ не слѣдуетъ, потому что занятіе японцами долины Тинтей, основанное на какихъ то слухахъ, очень сомнительно, что японскіе развѣдчики легко могли забѣжать и въ Тулинзу, такъ какъ весь раіонъ лѣвѣе насъ свободенъ отъ нашихъ войскъ, что, отдавъ противнику переваль Кіуццейгоу, мы значительно стѣснимъ и затруднимъ себѣ веде-

ніе развѣдки, наконецъ, что стоянка въ Сандіазѣ лишь немного безопаснѣе стоянки въ д. Чоненпенъ. Мы имѣемъ задачу наступательнаго характера, а потому пятиться назадъ при отсутствіи напора противника нельзя. Но я былъ только исполнителемъ предначертаній полководца, а потому въ 6½ часовъ утра мы начали отступательный маршъ и прибыли въ д. Сандіазу.

Утромъ пошли къ противнику 2 офицерскихъ развѣзда: Люмана (Уссурійцы) и Секретева (Верхнеудинцы), а на д. Тинтей развѣздъ Васильковскаго. По дорогѣ мы оставили заставу подъ начальствомъ хорунжаго Ушакова (Верхнеудинцы) въ д. Тулинза. Скоро Секретевъ донесъ, что близъ перевала Кіуцейгоу встрѣтилъ пѣшихъ и конныхъ японцевъ (это было естественно, потому что противникъ, видя наше отступленіе, выслалъ за нами свои развѣзды и патрули), давшихъ по немъ нѣсколько безвредныхъ залповъ. Молодецъ не только не ускакалъ отъ противника, а еще подобралъ на своихъ лошадяхъ пѣшихъ казаковъ 3-й сотни Уссурійскаго полка, которые, согласно первоначальнаго предположенія наступать, съ разсвѣтомъ выдвинулись на развѣдку. Я не успѣлъ вернуть ихъ, такъ какъ они выступили ранѣе назначеннаго мною имъ часа. Около 4 часа дня Свѣшниковъ пришелъ доложить, что на заставу у д. Тулинзы наступаютъ японцы, и онъ выслалъ въ подкрѣпленіе полусотню подъ начальствомъ Маркозова. Я увидѣлъ, что происходитъ что то неладное: почему заставка не донесла старшему начальнику? отчего послѣдній узнаетъ о сдѣланномъ уже распоряженіи Свѣшникова? Абадзіевъ немедленно приказалъ сдѣлать всѣмъ сотнямъ, и мы поѣхали впередъ къ окраинѣ деревни. Къ удивленію, всѣ наши передовыя части, а именно: развѣздъ Секретева, заставка Ушакова и полусотня Маркозова находились уже на позиціи у самой Сандіазы, а слѣдовательно можно было думать, что ихъ оттѣснилъ противникъ. Въ данномъ случаѣ Абадзіевъ правильно произвелъ тревогу всему отряду, ибо, если передовыя части необыкновенно спѣшно отошли къ самому биваку, даже не донося объ этомъ, то съ минуты на минуту можно было ожидать атаки противника. Едва мы вы-

ѣхали изъ деревни, навстрѣчу прискакало нѣсколько Верхнеудинскихъ казаковъ; одинъ везъ на сѣдлѣ раненаго японца въ одномъ бѣльѣ, безъ фуражки, другой сѣдло японскаго образца. Разсматривать трофеи не было времени, но все-таки мнѣ врѣзалось въ память интеллигентное, красивое лицо молодого японца и страдальческое выраженіе его глазъ. Мы ждали наступленія противника, видѣли доказательства его близости, но рѣшительно ничего не понимали въ обстановкѣ. Я увидѣлъ Юзефовича и приказалъ ему, взявъ разѣздъ, вынестись впередъ и освѣтить обстановку. Юзефовичъ бывалъ якоремъ спасенія: за него хватались всегда въ трудныя минуты. „За мной, наметомъ“, скомандовалъ онъ, и маленькій лихой татаринъ исчезъ съ нашего горизонта, а я съ этой минуты пересталъ беспокоиться.

Абадзіевъ верхомъ влетѣлъ на остроконечную сопку, на позицію ретировавшагося побѣдителя (!) Маркозова. Казаки лежали, съ заряженными винтовками въ рукахъ, готовые отрыть огонь противъ.....мифа или миража. Свѣшниковъ и другіе офицеры смотрѣли въ бинокль. Кто то сказалъ: „видно, какъ перевязываютъ раненаго“. А я въ безсильномъ негодованіи и тоскѣ думалъ: что за позоръ! разстрѣляли ничтожный японскій разѣздъ, а затѣмъ отошли безъ оглядки поближе къ своимъ, забывъ о священной обязанности охранять отрядъ, лишь бы самимъ очутиться въ безопасности, даже не подумавъ донести о своемъ отходѣ, особенно въ виду того, что есть на чемъ отыгаться— есть трофеи, и можно хвастаться блестящимъ дѣломъ. Я отношу всѣ эти мои слова всецѣло по адресу Маркозова, пожавшаго лавры этой перестрѣлки, описанной въ реляціяхъ, газетахъ и составившей реноме его имени. Впрочемъ онъ рекламировалъ себя при всякомъ удобномъ случаѣ и даже за бой у д. Тунсинпу, гдѣ изъ всѣхъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ отряда оказался по доблести изъ послѣднихъ, хотя и былъ раненъ. Вотъ какъ на самомъ дѣлѣ произошла ретирада Маркозова (но не Верхнеудинцевъ) въ д. Сандіазу.

Какъ уже сказано выше, сотникъ Секретевъ былъ обстрѣлянъ выдвинувшимися вслѣдъ за нашимъ отступленіемъ

партіями японцевъ, но онъ не бросилъ соприкосновенія съ ними, а, постепенно отходя, зорко слѣдилъ. Поровнявшись съ заставой, которой командовалъ его товарищъ по Л.-Гв. Атаманскому полку Ушаковъ, оба офицера рѣшили устроить засаду и выбрали весьма удачное мѣсто вблизи д. Тулинза. Японскій разъѣздъ, силою до 20 коней, весьма неосторожно продвигался впередъ, и вѣроятно лихіе офицеры расщелкали бы его въ полномъ составѣ (они имѣли нѣсколько десятковъ казаковъ), но на бѣду донесеніе о приближеніи японцевъ попало помимо старшаго начальника Свѣшникову, который и распорядился самовольно, пославъ Маркозова съ полусотней. Этотъ едва не испортилъ все дѣло, но Секретевъ успѣлъ во время указать ему скрытый путь слѣдованія и мѣсто расположенія, дабы не спугнуть зарывавшагося противника. Командованіе принялъ Маркозовъ, какъ старшій, и открылъ слишкомъ рано огонь, такъ что японцы, потерявъ одного раненаго, одну раненую лошадь и одну убитую, успѣли ускакать. Немедленное затѣмъ отступленіе Маркозова къ Сандіазѣ не можетъ быть ничѣмъ оправдано. По его показаніямъ, тотчасъ же выскочила рота японцевъ и начала обстрѣливать казаковъ, такъ, что раненаго японца подбирали уже подъ огнемъ противника. Допустимъ, что это было такъ, и за японскимъ коннымъ разъѣздомъ слѣдовала близко пѣхота, но однако она не помѣшала взять раненаго и не нанесла никакихъ потерь намъ (не было ни одного оцарапаннаго пулей казака). Какое право имѣетъ сторожевая часть отходить къ биваку охраняемаго отряда, не получивъ на то приказанія и не будучи тѣснима или обходима противникомъ? Вѣдь Юзефовичъ проѣзжалъ мѣсто расположенія заставы и донесъ, что ни одного японца не встрѣтилъ; и дѣйствительно, если бы тамъ была рота, то онъ подвергся бы обстрѣлу, наступая долиной совершенно открыто. Утверждаю, что послѣ разстрѣла японскаго разъѣзда, Верхнеудинцамъ не угрожали никакіе японцы, пѣшіе или конные, доказательствомъ чему служить еще тотъ фактъ, что ихъ казаки успѣли не только увести раненаго японца, но еще и обокрасть его. Это былъ несомнѣнно унтеръ-офицеръ, а вѣрнѣе офицеръ, на что указывали осо-

бенно интеллигентная наружность и показанія китайцевъ, которымъ на слѣдующій день японцы прислали предложеніе большаго денежнаго вознагражденія за доставку тѣла убитаго. Слѣдовательно при унтеръ-офицерѣ или офицерѣ должны были быть часы, компасъ, револьверъ и бумажникъ съ деньгами, но ничего этого не получило начальство, ибо все осталось у казаковъ, раздѣвшихъ раненаго. Вообще въ отношеніи приобрѣтенныхъ трофеевъ было поступлено безобразно. По закону, все взятое у противника имущество представляется по командѣ и никоимъ образомъ не составляетъ собственности лицъ его забиравшихъ, но въ данномъ случаѣ, вопреки моимъ настояніямъ, Абадзіевъ оставилъ все въ распоряженіи Маркозова, который взялъ себѣ коня и роздалъ кое что другимъ участникамъ перестрѣлки. Замѣчательно, что намъ не были даже переданы цѣликомъ розысканные въ платьѣ убитаго книжки и документы, которые я долженъ былъ идти отбирать лично въ расположеніе Верхнеудинскихъ офицеровъ.

Это ничтожное само по себѣ дѣло принесло только существенную пользу Абадзіеву, воспользовавшемуся такимъ случаемъ доказательства присутствія передъ нами японцевъ оправдывать свое бездѣйствіе и нежеланіе наступать. Для большаго выясненія обстановки, съ разсвѣтомъ 25 іюня, были направлены офицерскіе разѣзды: Лутовинова (Уссурійскаго п.) и Черемухина (Верхнеуд. п.) по главному направленію на Маді и лѣвѣе; оба шли на коняхъ и потому добрались только до д. Чоненпенъ, лежащей въ 6 верстахъ, не открывъ ничего. Посланный правѣе на д. Упынъ Юзефовичъ донесъ, что встрѣтилъ японцевъ, возвратилъ на бивакъ лошадей и пошелъ впередъ пѣшкомъ; для этого офицера не было отговорки: „не пушаютъ“, и безъ выполненія задачи онъ не возвращался. Въ тотъ же день прибылъ Васильковскій, развѣдывавшій у д. Тинтей и восточнѣе, и доложилъ, что присутствія японцевъ не обнаружилъ, но, по свѣдѣніямъ китайцевъ, ихъ разѣзды иногда посѣщаютъ этотъ раіонъ. Обстановка вообще начинала выясняться, и оказывалось, что она почти совсѣмъ не измѣнилась за послѣдній мѣсяцъ. Одна японская армія медленно продви-

галась къ позиціямъ В. отряда на этапной дорогѣ Ляоянь-Фынхуанченъ, другая оперировала противъ войскъ г. Засулица, въ направленіи отъ Сюня на Далинь—Хайченъ; узелъ Мади былъ теперь въ сферѣ вліянія японцевъ, и они продвинули свои небольшія прикрывающія части по 3-мъ направленіямъ, на Тинтей, Тхазелинь и Титуню. Въ виду полной пассивности нашихъ передовыхъ частей, японцы стали смѣлѣе и выдвинули даже впередъ конныя части, одна изъ которыхъ попалась въ засаду Верхнеудинцевъ. Такъ какъ, согласно донесеній разъѣздовъ, японцы продвинулись къ сѣверу отъ Мади незначительными силами, а лѣвѣ насъ ихъ также не было (донесеніе Васильковскаго), то я уговорилъ Абадзіева продвинуться впередъ и, занявъ переваль Кіуцейгоу, или дойти до Мади всѣми нашими силами, или хотя бы дать возможность пробраться туда отдѣльнымъ разъѣздамъ.

26 іюня въ 8 часовъ утра первыя сотни обоихъ полковъ выслали свои спѣшенныя части по хребтамъ, окаймляющимъ долину Сандіаза—Кіуцейгоу, и тѣмъ обезпечили наступленіе остальныхъ сотенъ долиною. Хотя такой способъ наступленія кажется некрасивымъ по своей медленности, особенно для конныхъ частей, но, будучи въ соприкосновеніи съ противникомъ, наступать иначе слишкомъ рискованно, ибо можно ожидать засадъ противника за каждой сопкой. Въ горахъ всякая конная часть представляетъ изъ себя не болѣе какъ ѣздящую пѣхоту, и, только при такомъ взглядѣ на нее, можетъ приносить пользу арміи. Если судить по донесеніямъ Лутовинова и Черемухина, то японцы должны были встрѣтить насъ ближе перевала Кіуцейгоу, но вѣроятно они отошли при нашемъ приближеніи, и спѣшенные казаки заняли переваль безпрепятственно; кто то донесъ (кажется ротмистръ Юмуцкій) объ отступленіи 100 японскихъ пѣхотинцевъ и 1½ эскадроновъ. Пройдя д. Чоненпенъ, мы остановились. Абадзіевъ пришелъ въ крайне нервное состояніе, засуетилъ всѣхъ, посылалъ сбивчивыя приказанія подполковнику Маркову, командовавшему спѣшенными частями, и наконецъ приказалъ отходить въ Сандіазу, находя слишкомъ рискованнымъ выдвинуться за переваль. Боль-

шинство офицеровъ было недовольно, потому что который разъ мы уже танцевали кадрили между Сандіазой и переваломъ Кіуцейгоу и все никакъ не могли продвинуться за переваль, а японцы либо отступали, либо отсутствовали. Я сужу о недовольствѣ офицеровъ потому, что даже такой образцовый, какъ Бровченко, позволилъ себѣ странную выходку при своемъ докладѣ о дѣйствіяхъ спѣшенныхъ частей, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Вечеромъ Абадзіевъ торжествовалъ, такъ какъ вернувшійся съ развѣдки сотникъ Поповъ доложилъ ему, что видѣлъ у д. Ліудепузы (за переваломъ) стоявшихъ на привалѣ 400 пѣшихъ и 150 конныхъ японцевъ, расположеніе коихъ указывало намѣреніе приготовить намъ засаду. Я не имѣю основаній не довѣрять видѣнному Поповымъ, но, при условіи высылки нами спѣшенныхъ частей по хребтамъ, мы никакъ не могли попасть въ засаду, и тотъ же Поповъ могъ насъ предупредить о ней. Но по крайней мѣрѣ, подравшись съ японцами, увидя, что они въ серьезныхъ силахъ преграждаютъ намъ дорогу, у насъ больше не было бы сомнѣній въ невозможности наступать къ Мади, а пока всетаки были однѣ догадки. Такъ какъ вернувшійся съ развѣдки Юзефовичъ опредѣлилъ присутствіе японской пѣхоты у д. Яндзелу и движеніе ихъ развѣздовъ по долинѣ отъ этой деревни къ д. Чиденпфуза, и поступили свѣдѣнія, что противникъ обнаруживаетъ наступленіе въ окрестностяхъ д. Намаю, противъ перевала Пханлинъ (южнѣе д. Титуню занятой отрядомъ Драгомирова), то можно было опредѣлить силы японцевъ на линіи Мади—Яндзелу—Намаю въ 2 баталіона и 2—3 эскадрона. Этого было достаточно, чтобы наша наступательная задача замерла навсегда, и теперь мнѣ оставалось только настаивать на удержаніи за собой Сандіазы, въ виду того, что Абадзіевъ и Свѣшниковъ склонялись къ расположенію за перевалами Фынсяолинъ и Чензелинъ, въ Тхазелинъ. Какъ кошмаръ стояла передъ ними возможность обхода насъ противникомъ со стороны Тинтей, или отъ перевала Пханлинъ, но я не уступалъ имъ и, пока состоялъ начальникомъ штаба бригады, не отдалъ Сандіазы японцамъ.

Для нашего непосредственнаго охраненія въ д. Сандіаза

мы выставляли одну заставу на югъ, къ д. Аллотунъ, и двѣ на западъ, на высоты д. Сандель и южнѣе д. Кучитенъ; кромѣ того 20 казаковъ, подъ начальствомъ офицера, стояли въ д. Каучепфузъ, освѣщая направленіе на д. Тинтей и держа связь съ 2-мъ Читинскимъ полкомъ. 27 іюня случилось непріятное происшествіе на сторожевомъ охраненіи. Имъ вѣдалъ въ отношеніи расположенія и примѣненія къ мѣстности, а также повѣрки службы, прикомандированный къ Уссурійскому полку патентованный развѣдчикъ подполковникъ Марковъ, производившій впечатлѣніе дѣльнаго офицера, но его положеніе въ полку было неопредѣленное, и Абадзіевъ относился къ нему, какъ къ постороннему ему человѣку, хотя больше штабъ-офицеровъ въ полку не было, не считая Савицкаго, остававшагося почти всегда при обозѣ въ тылу. Думаю, что Марковъ, не чувствуя подъ собою почвы, не относился съ достаточною требовательностью къ выполненію сторожевой службы, и она часто хромала; обыкновенно онъ указывалъ офицерамъ по картѣ, пункты расположенія заставъ и постовъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что заставу еще можно поставить по двухъ верстной картѣ, но посты ея никоимъ образомъ. Когда же нарядъ держали Верхнеудинцы, то Марковъ совсѣмъ не распоряжался. Абадзіевъ не обращалъ вниманія на мои доклады о неисправности сторожевой службы и конечно не поручилъ бы мнѣ ея повѣрку, опасаясь инцидентовъ, особенно съ Верхнеудинцами. Наконецъ пришлось обратить нѣкоторое вниманіе, ибо мы узнали, что японскіе пѣхотинцы напали среди бѣлаго дня на уссурійскую заставу у д. Сандель, захватили въ плѣнъ нераненымъ часового, увели одну и убили 3-хъ лошадей; казаки заставы разбѣжались, побросавъ вьюки снятые съ лошадей. Абадзіевъ немедленно произвелъ тревогу (о сколько тревогъ пережилъ я подъ его начальствомъ въ Маді и Сандіазъ!) и выслалъ къ д. Сандель сотню съ Марковымъ, который теперь лично расположилъ части сторожевого охраненія. Оказалось, что заставка, вопреки приказанію, была подъ начальствомъ не офицера, а урядника, расположившаго ее на скатѣ идущемъ отъ противника, имѣя передъ собою лѣсъ, по которому и

подкрались японцы. Я самъ осматривалъ это мѣсто по указаніямъ казаковъ бывшихъ въ составѣ пострадавшей заставы.

28 июня прошло спокойно. Изъ высланныхъ 3-хъ разъѣздовъ 2 не доставили никакихъ свѣдѣній (у меня отмѣчено въ записи: офицеры своихъ задачъ не исполнили), а одинъ (Люманъ), развѣдывавшій на д. Семагю, донесъ объ отсутствіи противника. Вечеромъ командиръ 4-й Уссурійской сотни, стоявшей на южной главной заставѣ, донесъ о приближеніи японскаго эскадрона; посланный на подкрѣпленіе есауль Арсеньевъ выяснилъ, что это былъ китайскій скотъ. Въ 3 часа ночи, въ помѣщеніе занимаемое Абадзіевымъ, зашелъ безъ приглашенія пьяный командиръ 1-й сотни есауль Мунгаловъ и занималъ его своею бесѣдой часа полтора. Отмѣчаю этотъ фактъ распушенности офицера и слабости командира полка; благодаря сему мы провели ночь безъ сна.

28 июня сторожевое охраненіе занимали Верхнеудинцы, и этотъ день я назвалъ ихъ бенефисомъ; ибо они весь день доносили о японцахъ, а послѣдніе какъ нарочно не показывались. На бѣду утромъ поступило тревожное донесеніе изъ Каучепфузы о нападеніи японцевъ на читинскую заставу между Каучепфузой и Тинтей. Послѣ полудня Ельчаниновъ (прикомандированный къ Верхнеудинскому полку конно-артиллеристъ съ академическимъ ген. штаба образованіемъ) донесъ съ правофланговой заставы, что японцы группами перебѣгаютъ мимо него къ сѣверу, направляясь въ тылъ д. Сандіазы. Абадзіевъ тотчасъ выслалъ 2-ю сотню Уссурійцевъ, дошедшую до д. д. Семагю и Манюхэ, и Юзефовича до д. Ванцязпуцзы; никакихъ признаковъ японцевъ обнаружено не было. Около 5 часовъ дня приближалъ испуганный Свѣшниковъ и сообщилъ, что японскій разъѣздъ стоитъ на горѣ надъ нами (я сказалъ: „скоро ему покажется, что японцы заглядываютъ къ нему въ окна“); розыскъ этихъ отважныхъ японцевъ 1-ю сотней Верхнеудинцевъ не увѣнчался успѣхомъ. Наконецъ уже въ сумеркахъ явился хорунжій Хвошенскій, ходившій съ разъѣздомъ по порученію своего командира сотни въ направленіи къ д.

Чоненпень, и доложилъ, что, по словамъ китайцевъ, у д. Ходепфуза сосредоточено 4.000 ч. японской пѣхоты. Я не придалъ никакой цѣны этому донесенію, но оно меня возмутило: сказать Абадзіеву, что въ 8 верстахъ отъ насъ собраны такія значительныя силы противника, да еще на ночь, значило лишить насъ спокойствія и сна на всю ночь. Я довольно рѣзко пояснилъ офицеру, что указанный китайцами пунктъ находится всего въ разстояніи 4 версты отъ расположенія выславшей его на развѣдку заставы и отдѣляется всего однимъ гребнемъ, при чемъ съ высоты 210, въ 3-хъ верстахъ отъ заставы, должна быть видна долина д. Ходепфузы и вѣроятно самая деревня; поэтому неprovѣрку привезеннаго имъ слуха считаю полнымъ непониманіемъ отправленія сторожевой и развѣдывательной службы. Я никоимъ образомъ не хотѣлъ и не хочу дѣлать Хвощенскому, позднѣе доблестно павшему на полѣ брани, упрека въ робости, но отмѣчаю фактъ непониманія имъ своихъ обязанностей. Допустимъ, что командиръ сотни не предписалъ ему развѣдки у д. Ходяпфуза, и онъ исполнилъ все ему порученное, но неужели, узнавъ о столь близкомъ присутствіи значительныхъ силъ противника, угрожавшихъ прежде всего заставѣ, отъ которой онъ и былъ высланъ для ея же обезпеченія, онъ не долженъ былъ догадаться немедленно продолжить развѣдку, что допускало и время, и разстояніе. Къ сожалѣнію, командиръ сотни Арсеньевъ жестоко обидѣлся на меня, особенно въ виду того, что Хвощенскій былъ его товарищемъ по Л. Гв. Уланскому полку, и въ оправданіе своего офицера говорилъ, что ему не было приказано высылать офицерскихъ развѣдочъ, а онъ по собственной инициативѣ (подумаешь какая жертва!) побезпокоилъ Хвощенскаго, и теперь вдругъ, вмѣсто благодарности, недовольство. Я сказалъ, что лучше и не посылать офицера, если онъ не имѣетъ представленія о службѣ развѣдыванія и охраненія, а можетъ только кататься и ни о чемъ не размышлять. Я считаю Арсеньева однимъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ офицеровъ арміи, но, подобно и другимъ, онъ конечно не былъ далекъ отъ общей рутины и не могъ признать моего авторитета, ибо

для него таковымъ могли быть извѣстныя имена и фамиліи, но не чины и опытѣ.

Къ вечеру ставшій въ Каучепфузѣ Бровченко немедленно выяснилъ, что нападеніе японцевъ на Читинцевъ было вздорнымъ слухомъ. Я предложилъ Абадзіеву, въ виду постоянной остановки нашихъ развѣздовъ передъ японскими постами, послать цѣлыя сотни сбить эти посты спѣшеннымъ боемъ, но согласія не добился, и поэтому результаты всѣхъ развѣдокъ на слѣдующій день были нолевые. Развѣздъ Карнаухова былъ обстрѣлянъ у перевала Кіуцейгоу и едва не охваченъ японцами; развѣздъ Колесникова, высланный на Яндзелу, вернулся и донесъ, что былъ остановленъ противникомъ. Только Люману удалось разрѣшить свою задачу. Я приказалъ ему, въ виду слуховъ о наступленіи японцевъ значительными силами къ Пханлинскому перевалу, во что бы то ни стало выяснить, заняты ли ими д. д. Манюхэ и Намаю, и далъ ему, цѣлый взводъ казаковъ. Люманъ, пройдя д.д. Семагю и Манюхэ, повернулъ на югъ къ д. Намаю, гдѣ замѣтилъ присутствіе противника; онъ развернулъ казаковъ лавой и пошелъ открыто долиной, чѣмъ вызвалъ на себя сильный огонь, по его опредѣленію до 2-хъ ротъ пѣхоты. Такъ какъ японцы начали стрѣльбу съ 2 — 3-хъ тысячъ шаговъ, то потери казаковъ были невелики: легко-раненый казакъ и 3 лошади. Когда Люманъ началъ отходить, то японцы выслали конную часть, но она сейчасъ же прекратила преслѣдованіе. Къ сожалѣнію два казака показали себя трусами, бросивъ своихъ лошадей и убѣжавъ въ сопки. Какъ по этому случаю, такъ и по другимъ, я все болѣе убѣждался, что японцы были плохими стрѣлками, потому что казаки часто попадали подъ ихъ огонь и всегда несли ничтожныя потери; кромѣ того они всегда открывали огонь съ слишкомъ дальнихъ дистанцій.

Вечеромъ пришло сообщеніе штаба Восточнаго отряда о возможномъ наступленіи японцевъ; 1 іюля его же телеграмма гласила: „безъ перемѣны“, а Бровченко доносилъ объ отступленіи японцевъ отъ Тинтея (свѣдѣнія Читинцевъ) и Желтухинъ—объ очищеніи перевала Кіуцейгоу. Китайскій шпіонъ, посланный мною въ окрестности Мади, сообщилъ

довольно интересныя свѣдѣнія: въ окрестностяхъ этого пункта стоятъ 500 пѣхотинцевъ и 200 кавалеристовъ съ 6-ю орудіями или пулеметами (не выяснено); начальникъ этого отряда имѣлъ резервъ еще въ 300 человекъ, но просилъ дать ему подкрѣпленій для занятія переваловъ Пхан-линъ или Фынсяолинъ (не выяснено), такъ какъ опредѣляетъ силу казаковъ въ 4.000 человекъ; въ подкрѣпленіяхъ ему было отказано. Эти свѣдѣнія заслуживали довѣрія, потому что сходились съ данными, добытыми нашими офицерами, а самъ китаецъ, получивъ 30 рублей за свои услуги, отказался продолжать развѣдку, опасаясь быть замѣченнымъ японцами, или же выданнымъ своими соотечественниками. Къ сожалѣнію я опять былъ безъ переводчика, потому что уступленный штабомъ Восточнаго отряда кореецъ Чаденво былъ, вскорѣ по прибытіи къ намъ, заподозрѣнъ комендантомъ штаба графомъ Комаровскимъ въ сношеніяхъ съ японцами и, по приказанію Орановскаго, арестованъ и отправленъ въ штабъ. Я знаю, что подозрѣнія Комаровскаго оказались нелѣпыми, и Чаденво былъ возстановленъ въ своей честности.

2 іюля было выслано 4 разъѣзда: 1) Бровченко изъ Каучепфузы черезъ Тинтей, въ раіонъ Мади-Нунунгоу-Татангоу, для проникновенія съ этой стороны къ масляному заводу близъ Мади; считая это порученіе очень серьезнымъ, я надѣялся, что Бровченко удастся выбрать изъ своей заставы хорошихъ людей и коней и такимъ образомъ избѣжать ихъ назначенія командиромъ сотни Мунгаловымъ, которому, по горькому опыту, имѣлъ полное основаніе не довѣрять; 2) Жигалинъ на переваль Кіуцейгоу, или въ обходъ его слѣва (къ востоку); 3) Апухтинъ на д. д. Упынь и Іендевейза; 4) Поповъ въ раіонъ Семагю-Манюхэ-Намаю-Яндзелу. Свѣшниковъ просилъ послать передъ его двумя разъѣздами лазутчиковъ китайцевъ, но, если онъ это и слѣлалъ, то пользы отъ этого не было никакой. Апухтинъ прибылъ въ 5 часовъ дня и доложилъ, что у д. Упынь много японской пѣхоты; идя пѣшкомъ, онъ оказался между передовыми постами противника, но удачно выбрался, потому что японцы отвлеклись наступленіемъ разъѣзда Жигалина

долиною Сандіаза-Киуцейгоу. Послѣдній былъ сильно обстрѣлянъ, ушелъ въ сопки и продолжалъ всетаки движеніе. Бровченко прислалъ донесеніе ночью, что между Нунунгоу и Татангоу стоитъ японская застава въ 40 человекъ. Поповъ отправилъ лошадей на бивакъ и пошелъ пѣшкомъ.

Вечеромъ изъ штаба Восточнаго отряда прислали диспозицію о наступленіи Графа Келлера, въ ночь съ 3-го на 4-е іюля, отъ Хояна къ Ляньшаньгуань. Существуетъ мнѣніе, что это наступленіе было какъ бы авантюрою Графа, какою то отдѣльною частною его попыткою. Но я утверждаю, что Графъ наступалъ по идеѣ Куропаткина, рекламировавшаго это наступленіе почти такъ же широко, какъ свое наступленіе подъ Шахэ-Бенсиху. Насъ также хотѣли тогда увѣрить, что стратегія терпѣнія кончилась, и настала минута сломить дерзкаго врага и гнать его передъ собой. Но никто въ Восточномъ отрядѣ этому не вѣрилъ, и всѣ какъ бы предчувствовали заранѣе неудачу. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не было ясно, что наши силы еще недостаточны, что доказывало столь недавнее дерганіе командующимъ арміей своихъ резервовъ то на югъ, то на востокъ. Нерѣшительность Куропаткина и отсутствіе опредѣленнаго плана дѣйствій уже были для всѣхъ очевидны. И вдругъ приказъ одному только Восточному отряду, сняться съ якоря и ходъ впередъ, даже не намекая о наступленіи другихъ частей войскъ. Я думаю, что это безразсудное приказаніе было отдано Куропаткинымъ только потому, что Восточнымъ отрядомъ командовалъ доблестный Графъ Келлеръ, потому что въ его храбрости и энергіи нельзя было сомнѣваться, потому что онъ могъ или побѣдить, или умереть. Въ этомъ Куропаткинъ не ошибся, но за то имѣетъ ли командующій арміей право наступать только во имя львиной храбрости одного генерала, у котораго были деморализованный штабъ и деморализованныя войска. Недавнее недоразумѣніе по очищенію Хояна и постоянные отходы безъ упорнаго сопротивленія отдѣльныхъ частей отряда показывали, что наступленіе Графа могло бы имѣть успѣхъ, только будучи обставлено извѣстными выгодными условіями, которыя отсутствовали въ полномъ смыслѣ слова. Обстановка

была туманна, не имѣлось точныхъ свѣдѣній о противникѣ, резервовъ для развитія успѣха не было. Впрочемъ въ данную минуту частный успѣхъ Восточнаго отряда и не могъ принести существенной выгоды, потому что только при большомъ перевѣсѣ силъ можно было заставить Куроки обходами фланговъ уйти въ Корею, или хотя бы къ Фынхуанчену. Кромѣ того, рисковать наступательнымъ боемъ, не обезпечивъ его успѣхъ, было безсмысленно, потому что это значило деморализовать армію еще больше; до сихъ поръ нашимъ неудачамъ еще можно было найти нѣкоторое оправданіе въ превосходствѣ силъ, которому мы уступали при оборонѣ; сила соломѣ ломить, и ореолъ мужества и искусства оставался еще хотя на словахъ. Наступать же самимъ и быть отбитыми значило понести фактическое, видимое, осязаемое пораженіе, доказывавшее, что противникъ или устойчивѣе, или искуснѣе насъ. И вотъ на такую авантюру, съ легкимъ сердцемъ, сказавъ нѣсколько громкихъ фразъ, Куропаткинъ бросилъ В. отрядъ и прежде всего пожертвовалъ жизнью своего храбрѣйшаго генерала, (Графъ искалъ смерти послѣ этой неудачи), который ему очень пригодился бы подъ Ляояномъ, въ моментъ генеральнаго сраженія. Доказательствомъ моихъ словъ привожу донесеніе Графа на сдѣланный ему Куропаткинымъ запросъ: вынесены ли всѣ раненые, какъ велики потери, и какія силы были выяснены у противника?—„5 іюля. Смѣю убѣжденно донести, что раненые вынесены всѣ; что касается убитыхъ, то ихъ осталось не мало въ рукахъ противника; о потеряхъ донесу, какъ только онѣ выяснятся. Относительно силъ противника долженъ высказать свое личное убѣжденіе, по которому таковыя не превышали силъ колонны г. Кашталинскаго; со стороны же Модулина, хоть онѣ не выяснены, но думаю, что было менѣе 4-хъ баталіоновъ.—Непріятель превосходилъ насъ только въ умѣніи дѣйствовать и въ искусствѣ пользоваться артиллеріей“. Колонна Кашталинскаго состояла изъ 14 батл. и 12 орудій. Какой великой честности былъ незабвенный, мужественный Графъ Келлеръ!!!

Но хороша же была и диспозиція для боя 4 іюля, составленная Орановскимъ. Она была не только неискусна,

неграмотна и несоотвѣтственна обстановкѣ, но безнравственна, потому что сама заранѣ говорила не о наступленіи, а объ отступленіи, не о доблести, энергіи и успѣхѣ, а о бѣгствѣ, пассивности и спасеніи. Такую диспозицію могъ только выдумать и разработать бѣглець Тюренчена со своимъ паническимъ штабомъ, на посрамленіе Русской арміи и русскаго генеральнаго штаба. Диспозиція распредѣляла всѣ войска на 5 частей: 3 боевыхъ отряда, 1 резервъ и 1 часть для обезпеченія отступленія на заранѣ избранной позиціи. Не знаю, въ какой тактикѣ рекомендуется, наступая, занимать сзади себя позицію особыми войсками, но во всякомъ случаѣ такая мѣра противорѣчитъ здравому смыслу. Для обезпеченія отъ случайностей въ бою, какъ оборонительномъ, такъ и наступательномъ, служить резервъ, но, даже при оборонѣ, расположеніе въ нѣсколько линій сразу невыгодно, потому что отнимаетъ часть силъ изъ резерва и отнимаетъ упорство отъ первой линіи, какъ бы указывая, что ея оборона только временная; выдѣлить же часть силъ на позицію въ тылу резерва, въ наступательномъ боевомъ порядкѣ, значитъ: ослабить себя для удара, ослабить свой резервъ, подорвать всякую энергію наступленія, сразу узаконивъ и разрѣшивъ отступленіе; въ данномъ же случаѣ, принимая во вниманіе, что пускали въ атаку войска уже слишкомъ привыкшія осаждать, деморализованныя, такая мѣра была сугубо безсмысленной и безнравственной. Только по этому было сразу видно, что диспозиція не предвѣщала ничего хорошаго и въ себѣ самой носила зародышъ неуспѣха, но я сказалъ, что она была несоотвѣтственна обстановкѣ, и, хотя не видѣлъ ее болѣе 4-хъ лѣтъ, могу перечислить всю ея несостоятельность въ этомъ отношеніи. Совсѣмъ не была принята въ соображеніе данная мѣстности, т. е. что приходилось атаковать въ горахъ, а не на равнинѣ; войска должны были наступать слишкомъ узкимъ фронтомъ и слишкомъ длинными кишками; читая диспозицію, уже рисовалась картина атаки головными ротами—баталіонами, когда все остальное должно было смотрѣть, а затѣмъ опоздать или бездѣйствовать, какъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Я не виню за диспозицію подписывавшаго ее Г. Келлера, потому

что онъ отсталъ отъ службы въ генеральномъ штабѣ и конечно довѣрять рекомендованному ему выдающемуся начальнику штаба; послѣ этого случая довѣріе исчезло, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Я слышалъ обвиненіе Графа въ неумѣіи управлять войсками, но развѣ не служатъ смягчающими обстоятельствами слѣдующія: 1) управлять не только корпусомъ, но и гораздо меньшею частью въ современномъ бою нелегко, и нужны исполнительные органы, а если эти органы (штабъ В. отряда) бредятъ отступленіемъ, то они являются не помощью, а тормазомъ, чѣмъ и были при Графѣ Орановскій, Яронъ и компанія; 2) начальники атакующихъ колоннъ не проявили никакой инициативы, чему служить доказательствомъ фактъ командованія Графомъ въ послѣдніе моменты боя стрѣлками цѣпами, которыми онъ самъ прикрывалъ отступленіе; это было не размѣниваніе командной власти на второстепенныя роли, а необходимость пополнить пробѣлы своихъ подчиненныхъ. Слава и честь доблестно павшему на полѣ брани герою!

Штабъ прислалъ намъ 5 экземпляровъ диспозиціи, не смотря на то, что о нашей бригадѣ въ ней не говорилось (во всякомъ случаѣ назначенія никакого мы не получили), и бой происходилъ въ разстояніи болѣе 2-хъ переходовъ отъ насъ. Казалось бы вполне достаточнымъ дать намъ 1 экземпляръ, предоставивъ Абадзіеву ознакомить съ содержаніемъ его своихъ подчиненныхъ. Я замѣчаю объ этомъ, потому что съ такими документами вообще обязательно быть осторожнымъ, и зря раздавать ихъ не слѣдуетъ, дабы они не попадали въ руки противника. Къ огорченію нашей компаніи, я тотчасъ же сжегъ 4 экземпляра. Вечеромъ мы получили неопредѣленное извѣстіе объ оставленіи Читинцами д. Тинтей.

3 іюля въ 11 часовъ дня патентованный офицеръ Абсеитовъ донесъ, „что онъ видитъ японцевъ и спрашиваетъ что ему дѣлать“. Полагаться на него было нельзя, а потому послали на развѣдку есаула Желтухина съ полусотней, прошедшаго далеко впередъ и противника нигдѣ не обнаружившаго. Въ 3 часа дня прибылъ Поповъ съ развѣдомъ Верхнеудинцевъ и доложилъ что д. Намаю

занята 2-мя ротами японцевъ (подтвержденіе донесенія Люмана отъ 30 іюня), и за ними стоитъ столько же; проникнуть къ д. Яндзелу его не допустили. Вечеромъ явился Жигалинъ, прошедшій до горъ, доминирующихъ надъ узломъ Мади (отличная развѣдка въ тылу противника), и доложилъ, что масляный заводъ не занятъ, но японцы стоятъ въ лошинѣ западнѣе, а на перевалѣ Кіуцейгоу имѣютъ заставу. Бровченко, какъ всегда блистательно исполнившій свою задачу, донесъ, что Мади не занято, равно какъ и масляный заводъ. Въ виду такихъ успокоительныхъ свѣдѣній, я предложилъ Абадзіеву произвести на слѣдующій день наступленіе въ виду наступательнаго боя нашего отряда, и хотя бы занятъ перевалъ Кіуцейгоу, при чемъ заранѣе предупреждалъ, что, въ случаѣ контръ-наступленія японцевъ, надо держаться упорно, такъ какъ всякое наше малѣйшее отступленіе могло болѣзненно отозваться на операціи Графа. Абадзіевъ не отказалъ мнѣ, но созвалъ на совѣщаніе всѣхъ штабъ-офицеровъ и командировъ сотенъ. Военный совѣтъ, а главнымъ образомъ Свѣшниковъ, нашелъ непреодолимая затрудненія къ осуществленію моей идеи, ссылаясь на расходъ людей по охраненію и тягости службы. Мнѣ пришлось удовольствоваться разрѣшеніемъ выслать въ 6 часовъ утра 1 сотню Верхнеудинцевъ и $\frac{3}{4}$ сотни Уссурійцевъ, подъ начальствомъ Маркова. Такъ какъ Желтухинъ увлекся своей развѣдкой и долго не возвращался, то, для успокоенія Абадзіева, я выслалъ по тому же направленію Юзевича и китайца-шпіона, отъ которыхъ получились конечно успокоительныя донесенія.

Считаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ объ есаулѣ Желтухинѣ. Этотъ гвардеецъ, переведшійся въ казаки во время войны, представляетъ типъ образцовѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ офицера и командира сотни. Всякое порученіе онъ исполнялъ немедленно, не теряя ни одной минуты, энергично и добросовѣстно; никогда не протестовалъ противъ наряда не въ очередь, а между тѣмъ его сотню трепали больше и чаще всего. Онъ былъ вполне образованъ тактически: оцѣнивалъ мѣстность, примѣнялся къ ней, искусно располагался, отлично ориентировалъ сво-

ихъ подчиненныхъ, правильно велъ развѣдку и образцово доносилъ въ отношеніи честности, своевременности, точности и непрерывности. Я былъ бы счастливъ видѣть въ рядахъ нашей кавалеріи возможно больше такихъ офицеровъ, тѣмъ болѣе, что и въ совершенно чуждой ему средѣ онъ, при всей своей требовательности по службѣ, снискалъ себѣ всеобщія любовь и уваженіе. Ему смѣло можно было довѣрить уже тогда любой кавалерійскій или казачій полкъ. Надо отмѣтить его особенную дисциплинированность, корректность и скромность.

Какъ разъ передъ засѣданіемъ военнаго совѣта къ намъ явился уже знакомый намъ начальникъ охотничьей команды 11 стрѣлковаго полка Остапенко, котораго мы потеряли изъ вида съ 22 іюня; тогда онъ заявлялъ, что идетъ искать противника и дѣлать съ нимъ; между тѣмъ мы стояли тогда въ д. Чоненпенъ и были въ соприкосновеніи съ японцами, а онъ уходилъ къ намъ въ тылъ, гдѣ ихъ не было. Какія онъ имѣлъ лихія дѣла не знаю, такъ какъ наши развѣзды, всюду шнырявшіе, его не встрѣчали, но ходили слухи, что его команда гдѣ то подверглась паникѣ. У меня была записка командира 11 полка, отзывавшая команду въ полкъ. Остапенко заявилъ, что ему слѣдуетъ идти въ полкъ, но, если намъ предстоитъ завтра дѣло, то онъ останется съ нами. На этотъ разъ, не спрашивая Абадзіева, я сказалъ ему: „угодно вамъ войти въ составъ отряда п. Абадзіева, то для васъ имѣется отличное назначеніе; мы будемъ наступать долиною Сандіаза — Кіуцейгоу и должны послать по хребтамъ долины спѣшенныхъ казаковъ, которыхъ съ успѣхомъ замѣнить ваша команда, не имѣющая лошадей и коноводовъ; если вамъ неужгодно исполнить предлагаемаго, то вы не нужны“. Герой безъ колебанія рѣшилъ, что онъ уйдетъ въ полкъ. Выходило очень странно: офицеръ болтается безъ всякаго смысла и дѣла, говорить, что ищетъ противника, а, какъ только ему предлагаютъ участвовать въ перестрѣлкѣ, онъ немедленно бѣжитъ назадъ. Позднѣе я узналъ, что это былъ за шантажистъ.

Нельзя не остановиться на вопросахъ формированія, организациі и эксплуатированія въ нашей арміи охотничьихъ

командъ въ разсматриваемую кампанію. Въ началѣ войны сибирскіе стрѣлковые полки имѣли только конныя команды, вопреки всякому здравому смыслу. Нельзя было не предвидѣть, что сибирскія войска будутъ дѣйствовать въ гористой мѣстности, гдѣ конныя части бесполезны. Но у насъ обыкновенно ничего не предвидятъ, и вышло, что стрѣлки были лишены горныхъ пушекъ, вьючнаго обоза и пѣшихъ развѣдчиковъ, а получили въ изобиліи конныя части въ лицѣ своихъ конныхъ командъ и казаковъ; замѣтимъ, что въ равнинной Европейской Россіи сформировали пѣшія команды. Я объясняю происхожденіе конныхъ командъ у сибирскихъ стрѣлковъ такими соображеніями: конные нижніе чины обезпечивали удобство пользованія всѣми чинами полка казенными лошадьми, конными вѣстовыми и посыльными, а хозяйственная часть получала экономію съ фуражнаго довольствія. Офицеровъ любителей служить на конѣ найдется всегда сколько угодно. Какъ только грянула война, конные охотники оказались если не бесполезными, какъ ѣздящая пѣхота, то во всякомъ случаѣ гораздо менѣе полезными, чѣмъ пѣшіе, ибо кони ставили ихъ иногда въ критическое положеніе, какъ это случилось при оборонѣ береговъ р. Ялу не помню съ командой какого полка, потерявшей большую часть своихъ лошадей. Я имѣю широкій опытъ командованія охотничьими командами въ горахъ Маньчжуріи и конечно предпочитаю пѣшія, обладающія большею независимостью дѣйствій, большимъ упорствомъ въ бою и большею силою, за ненадобностью имѣть коноводовъ. Конечно, каждому пѣхотному полку нужны конные чины для ординарческой и посыльной службы, но для этого не зачѣмъ обременять казну расходами на содержаніе 150 всадниковъ. Мы совсѣмъ не такъ богаты, чтобы позволять себѣ такую роскошь, и у насъ имѣется слишкомъ много коннаго войска (кавалеріи и казаковъ), котораго на театрѣ военныхъ дѣйствій было слишкомъ достаточно съ самаго начала войны. Любой командиръ пѣхотнаго полка пожалуй скажетъ, что сотня или эскадронъ не замѣняютъ полковой команды, что драгуны и казаки не станутъ такъ работать, какъ его команда, ибо они подчиняются ему лишь временно и не очень то его опа-

саются. Но съ такою ересью службы соглашаться нельзя: любой эскадронъ или сотня, приданные полку, обязаны нести службу столь же добросовѣстно, какъ если бы они подчинялись своему прямому кавалерійскому начальнику, и командиру пѣхотнаго полка нечего съ ними церемониться въ своихъ служебныхъ требованіяхъ. Конечно сотня или эскадронъ не доставятъ командиру и полковому штабу роскошнаго штата посыльныхъ и конвойныхъ, а также экономіи отъ фуража въ хозяйственныя суммы. Однимъ изъ главныхъ назначеній конныхъ командъ на войнѣ было составлять конвой и прислугу разныхъ начальниковъ и ихъ штабовъ. Командуя отрядами изъ охотничьихъ командъ, я получалъ часто, вмѣсто командъ, ихъ половины или даже четверти, и сами начальники командъ жаловались на расхищеніе людей полковыми и другими штабами.

Но въ сибирскихъ стрѣлковыхъ полкахъ конныя команды, хотя и ошибочно, но существовали до войны, и пришлось организовать пѣшія; всѣ же полки изъ западной Сибири и Россіи прибыли въ Маньчжурію сперва безъ конныхъ командъ, съ одними пѣшими. На удивленіе, Куропаткинъ приказалъ сформировать и конныя, чѣмъ загубилъ напрасно много милліоновъ русскихъ денегъ (формированіе и содержаніе). И что это были за команды, на китайскихъ лошаденкахъ, некованныхъ, съ всадниками понятія не имѣвшими объ уходѣ за лошадей и о верховой ѣздѣ. Съ какою цѣлью обременяли армію такой импровизованной конницей, не приносившей никакой пользы и только раззорявшей казну, когда массы кавалеріи бездѣйствовали и часто праздно стояли на мѣстѣ. За то мы вели войну роскошно, шикарно и, если неудачно сражались, то умѣли швырять на театръ войны деньгами и потворствовать всякой блажи нашихъ подчиненныхъ, снискивая себѣ тѣмъ дешевую популярность, въ обезпеченіе жизненнаго пути послѣ проигранной кампаніи. Нажившіеся, обогатившіеся, эвакуировавшіеся, награжденные, осыпанные милостями всетаки изъ чувства благодарности можетъ быть будутъ молчать и даже поддерживать славу развѣнчанныхъ кумировъ. О тонкій, но всетаки невѣрный расчетъ, ибо были люди воевавшіе не для наградъ

и наживы, а во славу и честь Родины; они были не ко двору, ихъ стремились изгнать, но уничтожить не посмѣли, и вотъ они могутъ сказать слово правды и потребовать общественнаго суда.

Затронувъ вопросъ о безцѣльности формировація во время войны при пѣхотныхъ полкахъ конныхъ охотничьихъ командъ, не могу обойти молчаніемъ интереснаго факта сформировація конныхъ добровольцевъ есаула Шахматова, случившагося передъ самымъ заключеніемъ мира. Вотъ исторія этого оригинальнаго безобразія. Шахматовъ служилъ когда то въ кавалеріи и еще до 1890 года вышелъ въ отставку; затѣмъ онъ сдѣлался интендантомъ и слѣдовательно не имѣлъ ничего общаго со строевой службой болѣе 12 лѣтъ. На войнѣ онъ конечно оказался казакомъ и получилъ въ командованіе 6-ю сотню 2-го Верхнеудинскаго полка. Когда я занималъ Мади, то онъ былъ съ своей сотней въ составѣ дивизіона ввѣреннаго Свѣшникову, стоявшаго въ Сандіазѣ. Какъ уже сказано выше, отличиться этому дивизиону не пришлось. Кажется еще до Тхазелинскаго бѣгства Шахматовъ получилъ лестное назначеніе держать своей сотней летучую почту куда то отъ главной квартиры Ляояна, гдѣ и процвѣталъ, напоминая о себѣ на страницахъ газеты „Вѣстника Маньчжурской Арміи“, повѣствуя о необходимости проявлять болѣе энергичную и дѣятельную развѣдку; не помню, лѣтомъ ли 1904 года, или позднѣе, онъ дописался до призыва нашей кавалеріи къ партизанскимъ дѣйствіямъ, при чемъ самъ онъ продолжалъ партизанить въ глубокомъ тылу арміи и армій, въ Ляоянѣ и Харбинѣ, потому что сотню и полкъ ему пришлось оставить. Случайно я встрѣтился съ нимъ въ Харбинѣ и въ насмѣшку замѣтилъ, что вотъ молъ онъ пишетъ о партизанскихъ дѣйствіяхъ, а самъ не подаетъ примѣра исполненія такой лихой службы. На слѣдующій день Шахматовъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что мои слова задѣли его за живое, и онъ намѣренъ испросить разрѣшеніе Линевица на вызовъ охотниковъ изъ драгунъ и казаковъ, для составленія партизанскаго отряда подъ его начальствомъ. Я понималъ, что человекъ, проводившій всю войну вдали отъ противника, не-

способенъ къ выполнению такой задачи и конечно не найдеть охотниковъ собраться подъ его знаменемъ, особенно среди офицеровъ, но ради шутки, чтобы посмотреть, что изъ этого выйдетъ, самъ редактировалъ его докладную записку на имя генераль-квартирмейстера главнокомандующаго, г. м. Орановскаго, на котораго, въ смыслѣ содѣйствія его затѣѣ, особенно рассчитывалъ Шахматовъ. Я былъ заранѣе увѣренъ, что вся затѣя кончится ничѣмъ, но каково же было мое удивленіе, когда черезъ нѣкоторое время, встрѣтивъ Шахматова, я узналъ, что Орановскій отнесся очень сочувственно къ докладной запискѣ, и что уже Линевиچъ далъ разрѣшеніе нанять добровольцевъ на цѣлыхъ двѣ сотни, на что уже ассигновано 75.000 рублей (это никакъ не могло мнѣ придти въ голову!!!).

Приказомъ главнокомандующаго отъ 15 іюня 1905 года было разрѣшено сформировать партизанскій отрядъ Шахматова на слѣдующихъ основаніяхъ:

Отрядъ формируется на 3 мѣсяца со дня формированія.

Составъ отряда: классныхъ чиновъ 4, въ томъ числѣ 3 переводчика и 1 почтово-телеграфный чиновникъ; вахмистровъ 2, унтеръ-офицеровъ 20, саперъ 12, партизанъ 256, нестроевыхъ 17, лошадей: верховыхъ 307, вьючныхъ 3 и подъ классныхъ чиновъ 4.

На формированіи отпускалось: на лошадь 150 р., на сѣдло 25 р. и на вьюкъ 15 р., на канцелярскіе расходы въ мѣсяцъ 20 р., жалованія партизанамъ по 12 р. въ мѣсяцъ.

Сдѣлавъ подсчетъ стоимости формированія на основаніи этихъ данныхъ, выйдетъ, что оно обошлось казнѣ не менѣе 70.000 р., а содержаніе партизанъ и ихъ коней за 3 мѣсяца, по минимальной расцѣнкѣ фуража, около 30.000 р. Итого было выброшено не менѣе 100.000 р., а можетъ быть и гораздо больше (говорятъ 180.000 р.).

Я сказалъ, что всю эту затѣю можно было назвать оригинальнымъ безобразіемъ, и полагаю, что оспаривать это довольно трудно. Извѣстно, что наша армія совсѣмъ не нуждалась въ кавалеріи, ибо ее было слишкомъ много на театрѣ военныхъ дѣйствій, и она далеко не принесла всей той пользы, которую могла бы принести, и которую отъ

нея ожидали. Наемныхъ войскъ въ нашей арміи не было, если не считать Кавказскую казачью бригаду, формированіе которой также было ошибкою, но эта ошибка произошла въ самомъ началѣ войны, когда мы еще не были умудрены опытомъ, а формированіе отряда Шахматова исполнено въ самомъ концѣ кампаніи. Для того, чтобы ожидать отъ партизанскаго отряда успѣшной дѣятельности, прежде всего надо было найти соотвѣтствующій элементъ для командованія имъ, но что же представлялъ изъ себя Шахматовъ, кромѣ развѣ того, что былъ знакомъ съ Орановскимъ: до войны даже не былъ военнымъ, а чиновникомъ, а всю войну просидѣлъ въ тылу и рѣшительно ничѣмъ себя не зарекомендовалъ; популярности какъ воина и кавалериста не имѣлъ и даже вообще пользовался сомнительной репутацией, а слѣдовательно нельзя было рассчитывать, что подъ его командой соберутся лихіе офицеры-партизаны. Да откуда и взялись бы они, когда вся масса нашей кавалеріи не проявляла за всю войну склонности къ лихимъ набѣгамъ и рейдамъ, а тѣмъ болѣе къ партизанству. Но посмотримъ, каковъ могъ и долженъ былъ быть въ отрядѣ Шахматова составъ партизанъ—нижнихъ чиновъ—добровольцевъ. Лѣтомъ 1905 года война уже достигла высшаго предѣла непопулярности и несочувствія во всей средѣ Русской націи; если и были въ началѣ войны геройскіе люди, шедшіе класть свою голову за общее дѣло, то къ сожалѣнію, надо сознаться, къ концу ея могъ идти добровольцемъ только тотъ, кто не зналъ какъ себя устроить, а слѣдовательно представлялъ изъ себя нежелательный въ нравственномъ отношеніи элементъ. Изъ кого могъ набрать Шахматовъ своихъ партизанъ въ Харбинѣ? исключительно изъ разныхъ отбросовъ, авантюристовъ, неудачныхъ спекуляторовъ, торговцевъ, выгнанныхъ служащихъ В.-Китайской жел. дороги и разныхъ частныхъ учреждений. А слѣдовательно какую же пользу могъ принести такой отрядъ, состоящій изъ совершенно негоднаго элемента нижнихъ чиновъ и несоотвѣтствующаго команднаго элемента. Наконецъ для партизана нужно имѣть хорошаго коня, хорошее снаряженіе и умѣть хорошо ѣздить верхомъ, если партизанить по кав-

лерійски. Въ данномъ случаѣ лошади были отвратительныя, китайской и монгольской породы, сѣдла представляли изъ себя китайскую рвань, а люди конечно едва болтались въ сѣдлѣ. Значить для кого же понадобилась вся эта затѣя? только для есаула Шахматова, преслѣдовавшаго конечно свои личные расчеты и интересы. Я ихъ не знаю, но если бы напечатать то, что говорили про нихъ въ арміи, то уже ради одного этого нельзя было допускать такого бросанія ста тысячъ рублей народныхъ денегъ. Какую пользу принесъ сформированный отрядъ? Онъ былъ законченъ формированіемъ и прибылъ въ расположеніе боевыхъ линій ко дню мира, а потому только возбудилъ насмѣшки у однихъ и справедливое негодованіе у другихъ. Права главнокомандующаго и его помощниковъ огромны, но развѣ они не обязаны пользоваться ими разумно, а не безсмысленно, вводя казну въ непроизводительные расходы, какъ было въ данномъ случаѣ. Я считаю, что убытки казны по формированію отряда Шахматова должны быть покрыты имуществомъ Линевица и Орановскаго, потому что послѣдній провелъ эту затѣю; а бывший есауль Шахматовъ во всякомъ случаѣ не долженъ бы былъ украшать ряды нашей кавалеріи въ чинѣ подполковника, какъ это есть въ настоящее время, потому что его бесполезная дѣятельность на театрѣ военныхъ дѣйствій обошлась Россіи черезчуръ дорого, и слѣдовательно нечестно.

Примѣръ Шахматова былъ заразителенъ, и нашелся еще любитель партизанить съ собственнымъ отрядомъ, а именно князь Витгенштейнъ, но этотъ хоть требовалъ деньги на содержаніе своихъ кавказскихъ добровольцевъ и ихъ лошадей, предоставляя заводить имъ лошадей на собственный счетъ, такъ же какъ и снаряженіе. Этотъ отрядъ стоилъ меньше, но во всякомъ случаѣ расходы и по сей забавѣ должны быть отнесены на счетъ ее разрѣшавшихъ. Кажется партизаны Витгенштейна участвовали въ какой то перестрѣлкѣ, хотя также были готовы дѣйствовать только наканунѣ заключенія мира.

Итакъ въ день наступленія Графа Келлера его кавалерія предпринимала по собственной инициативѣ нѣчто въ родѣ

наступательной операциі, вѣрнѣе, должна была ее обозначить, но она конечно могла бы принести несравненно большую пользу, а не бездѣйствовать, какъ это ей предоставилъ Орановскій своею диспозиціей. Въ Сандіазѣ сосредоточилось къ этому времени уже не 6, а 8 сотенъ, да за нами стояли еще праздно двѣ, охраняя въ нашемъ тылу два перевала и д. Чудяпузу и составляя нашъ резервъ въ д. Вандяпузѣ (перешла изъ д. Уцзяфанъ). Такое оставленіе двухъ сотенъ въ нашемъ тылу имѣло бы еще смыслъ, если бы мы, согласно первоначальнаго плана, продвинулись далеко на югъ, но такъ какъ мы замариновались въ Сандіазѣ, обратившись изъ подвижного развѣдывательнаго отряда въ охранительную заставу, то оберегать нашъ тылъ было совершенно излишне. Слѣдовало сосредоточить всѣ наши 10 сотенъ, вмѣстѣ со 2-мъ Читинскимъ полкомъ, въ д. Тинтей, придать имъ еще нѣсколько уже сформированныхъ охотничьихъ командъ и направить отъ д. Тинтей на д. Чинчинзу и далѣе во флангъ и тылъ расположенія японцевъ передъ Янзелиномъ. Если бы на разсвѣтѣ 4-го іюля этотъ отрядъ уже далъ себя чувствовать противнику, то конечно этимъ нарушилъ бы моральное равновѣсіе японскихъ вождей на атакованной Г. Келлеромъ позиціи и способствовалъ бы меньшему упорству ея обороны. Но штабъ В. отряда не усвоилъ азбучнаго правила пользоваться въ бою всѣми своими силами, не пренебрегая ни одной боевой единицей, и забылъ о имѣвшихся въ его распоряженіи 3-хъ казачьихъ полкахъ. Впрочемъ Орановскій всегда думалъ только объ обезпеченіи своего отступленія, а обезпеченіе успѣха наступленія являлось для него дѣломъ слишкомъ второстепеннымъ.

4 іюля съ разсвѣтомъ мы вышли съ поручикомъ Бровченко въ поле и прислушивались къ сторонѣ Янзелина (Тхавуана). Артиллерійской канонады не было слышно, но долетѣли звуки нѣсколькихъ отдѣльныхъ орудійныхъ выстрѣловъ, скоро прекратившихся, что показало, что несчастное, стоившее намъ жизни незабвеннаго Графа, наступленіе состоялось (мы вѣдь сомнѣвались въ его осуществленіи) и прекратилось. Я сказалъ: „японская артиллерія замолчала,

потому что Графъ взялъ ихъ орудія“. Бровченко спросилъ: „развѣ вы такъ увѣрены въ побѣдѣ? Я отвѣтилъ: „во всякомъ случаѣ, если побѣды не будетъ, то мы не увидимъ болѣе Графа Келлера—онъ будетъ убитъ, ибо не переживетъ этого пораженія“. Мои слова оправдались, потому что, хотя судьба пощадила жизнь героя въ эту минуту, но онъ нашелъ себѣ смерть въ слѣдующемъ же бою, черезъ двѣ недѣли.

Подполковникъ Марковъ со своими 1³/₄ сотнями занялъ безпрепятственно д. Чоненпень; справа показались поль-эскадрона японцевъ, немедленно отступившихъ на д. Упынь, но черезъ полтора часа оттуда появились ихъ полторы роты. Въ то же время партіи японцевъ начали наступленіе на нашу заставу у д. Аллотунъ (взводъ Уссурийцевъ). По донесенію начальника заставы хорунжаго барона Ферзена, 4 переодѣтыхъ китайцами японца подошли на близкое разстояніе къ посту и ранили часового, при чемъ остальные 50 японцевъ едва не отрѣзали постъ: за-става отошла къ Сандіазѣ, отстрѣливаясь изъ 5 винтовокъ (хорошъ былъ взводъ, хотя, правда, казаки вели лошадей и несли раненаго). Абадзіевъ немедленно произвелъ тревогу и выслалъ впередъ 1-ю сотню Верхнеудинцевъ, а Маркову немедленно приказалъ отходить. Едва 1-я сотня вышла изъ ущелія Сандіазы, по ней было сдѣлано нѣсколько безвредныхъ залповъ со стороны д. Едепудзы. Затѣмъ японцы отступили, и Марковъ присоединился къ намъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Высланный съ разѣздомъ, въ долину Сандель-Люцзяпудзы, Юзефовичъ замѣтилъ отступление японцевъ и увлекся ихъ преслѣдованіемъ, при чемъ самъ былъ охваченъ какою то ихъ партіей, но предупрежденный китайцами лихо прорвался вскачь подъ выстрѣлами и присоединился къ заставѣ, съ которой вмѣстѣ огнемъ принудилъ противника окончательно отступить (кажется японцы понесли въ этой перестрѣлкѣ потерю въ нѣсколько человекъ). Въ 4-мъ часу дня сотни разошлись на бивакъ, а въ 5 разсѣдлали. Мы нѣсколько усилили сторожевое охраненіе. Вотъ какимъ образомъ сводная казачья бригада поддержала наступленіе Графа Келлера: попробовали выслать впередъ

около 2-хъ сотенъ, но появилась партія японцевъ челоѣкъ въ 50; мы забили тревогу, подождали, посмотрѣли и успокоились.

Слѣдующіе дни, съ 5 по 9 іюля, казаки бездѣйствовали въ полномъ смыслѣ слова и даже не высылали развѣдковъ. Нервное разстройство Абадзіева все возрастало и усугублялось тѣмъ, что его утвердили командиромъ полка, а слѣдовательно онъ былъ исключенъ изъ списковъ Конвоя Его Величества, чѣмъ онъ особенно дорожилъ, въ надеждѣ, что, при такомъ высокомъ общественномъ положеніи, онъ будетъ менѣе уязвимъ, конечно не противникомъ, а начальствомъ; теперь же онъ дѣлался просто уссурійскимъ казакомъ, и это его огорчало. Замѣчательно, что офицеры полка и даже казаки отлично понимали, что ихъ командиръ вовсе не обрадованъ своимъ назначеніемъ, и конечно его популярность между подчиненными дѣлалась все меньше и даже начала переходить въ ненависть, что впоследствии выразилось разными недисциплинарными поступками офицеровъ. Но зачѣмъ же было вводить въ искушеніе несчастныхъ казаковъ и офицеровъ, отдавая ихъ въ руки такимъ неспособнымъ и вреднымъ элементамъ?

5 іюля произошелъ характерный случай, кончившійся для меня инцидентомъ. Командиръ 4-й сотни Уссурійцевъ доложилъ, что вернулись въ сотню 2 казака изъ 4-хъ, посланныхъ еще въ ночь съ 3 на 4 іюля на развѣдку мѣстности впереди заставы, въ направленіи къ югу отъ д. Едепудзы; эти молодцы вызвались идти охотниками пѣшкомъ. На разсвѣтъ слѣдующаго дня они столкнулись съ партіями японцевъ и были отрѣзаны отъ нашего расположенія; они раздѣлились на двѣ группы, и, пробираясь чуть не ползкомъ, эти два вышли на бивакъ, конечно ничего не зная о другихъ двухъ казакахъ. Абадзіевъ выразилъ командиру сотни свое неудовольствіе за потерю людей. По уходѣ виновнаго, я замѣтилъ, что не понимаю, въ чемъ онъ провинился, потому что посылать казаковъ на развѣдки противника необходимо, а при соприкосновеніи съ нимъ они конечно рискуютъ своею жизнью; но если ставить на видъ проявленную для такой развѣдки инициативу, то и воевать не стоитъ. Нашъ

разговоръ закончился почти ссорой. На слѣдующій день, около полудня, тотъ же сотенный командиръ привелъ и пропавшихъ двухъ казаковъ. Они были совершенно оборваны, отошали, потому что не ѣли трое сутокъ, но за то глядѣли молодцами и дѣйствительно были такими, ибо добрались почти до самого узла Мади и дали отличныя свѣдѣнія, подтверждавшія наше заключеніе о силахъ противника, а также донесеніе шпіона китайца о присутствіи близъ перевала Кіуцейгоу 2-хъ (а не 6-ти) пулеметовъ (а не горныхъ пушекъ). Противъ всякаго ожиданія, Абадзіевъ, въ присутствіи офицеровъ, попросилъ у меня извиненіе за недоразумѣніе наканунѣ.

6 іюля мы получили сообщеніе штаба В. отряда объ отбитіи нашей атаки подъ Янзелиномъ. Неудача Г. Келлера подѣйствовала на меня весьма сильно, и мнѣ стоило большихъ усилій скрывать свое настроеніе. Я болѣлъ душою за несчастную армію, за отрядъ, которому выпало второе горькое испытаніе, а больше всего за Графа. Въѣстѣ съ тѣмъ наша бездѣятельность—вѣрнѣе невѣроятно неспособное командованіе нами Абадзіева начинали меня тяготить въ такой мѣрѣ, что, я чувствовалъ это, мое терпѣніе должно было истощиться. Мнѣ нужно было сдѣлать что нибудь такое, чтобы развлечься и успокоиться, и я придумалъ. Я отправился 7 іюля повѣрять сторожевое охраненіе, но избралъ пути между заставами, пролежавшіе въ сферѣ появленія японцевъ. Начальникъ первой заставы, къ которому я пріѣхалъ, ни за что не хотѣлъ отпустить меня одного и настаивалъ сопровождать меня, но я сказалъ ему, что онъ не можетъ покидать своего раіона. Медленно, шагъ за шагомъ, огибалъ я хребты и долины, но тщетно ждалъ выстрѣловъ. Все было тихо, мертво, и казалось даже птицы и насѣкомыя попрятались отъ палящихъ лучей Маньчжурскаго солнца. Вдали, съ нашей стороны, раза два появились наши дозорные казаки, вѣроятно принимавшіе меня съ моимъ вѣстовымъ за японцевъ, что доказывало бдительность охраненія, въ чемъ впрочемъ я и не сомнѣвался, ибо начальниками заставъ были такіе образцовые офицеры, какъ Желтухинъ, Юзефовичъ и Карнауховъ. Общеніе съ этими товарищами подѣйствовало на меня замѣчательно

ободряющимъ образомъ; я вернулся въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ уѣхалъ, и сейчасъ же отправилъ на заставы только что явившихся въ Уссурийскій полкъ двухъ молодыхъ драгунскихъ офицеровъ, для практики и обученія моими надежными товарищами.

Отправившійся въ полковой обозъ войсковой старшина Савицкій прислалъ тревожное частное свѣдѣніе, что японцы обходятъ лѣвый флангъ В. отряда, и поэтому наши войска отступили отъ Хояна. Вечеромъ изъ Каучепфузы донесли, что Читинская застава оттъснена изъ д. Тинтей; въ виду этого, съ разсвѣтомъ 8-го, туда былъ направленъ разъѣздъ Черемухина, сообщившій что въ Тинтеѣ 40 японцевъ, а, по свѣдѣніямъ китайцевъ, отъ Сандолина наступаютъ 4.000. Изъ отряда у д. Титуню сообщили, что у д. Намаю стоитъ полкъ пѣхоты противника и занимается разработкой дорогъ; носились слухи, что въ этомъ участвуютъ и наши плѣнные.

8 іюля было послѣднимъ днемъ исправленія мною должности начальника штаба казачьей бригады. Эта служба не давала мнѣ удовлетворенія. Мой начальникъ былъ совершенно не на мѣстѣ, ибо не обладалъ никакой рѣшимостью и до невозможности боялся всякой отвѣтственности; ясно, что при такихъ данныхъ нельзя командовать самостоятельной конною частью, находящеюся въ соприкосновеніи съ противникомъ; къ тому же командующій другого полка представлялъ изъ себя также типъ боязливаго, нервнаго офицера, физически неспособнаго къ службѣ, и невольно поддерживалъ въ Абадзіевѣ его боязнь какъ нибудь потерпѣть неудачу, понести потери, а главное быть отхваченнымъ японцами. Это послѣднее опасеніе отравляло всякое существованіе, и мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій удерживать бригаду въ д. Сандіаза, ибо Абадзіевъ порывался отойти назадъ въ болѣе безопасное мѣсто, хотя бы въ д. Каучепфузу, лежащую въ 5 верстахъ. Но на всѣ его доводы я отвѣчалъ словами Графа Келлера: „отступаютъ только по полученному приказанію, или подъ напоромъ противника“. Нѣсколько разъ оба командира полковъ доказывали, что, вслѣдствіе слишкомъ продолжительной стоянки бригады въ Сандіазѣ (а ранѣе тутъ стоялъ дивизіонъ казаковъ), деревня

пришла въ анти-санитарное состояніе, но я лишь посмѣивался, возражая, что отъ начальниковъ частей зависитъ улучшить санитарное состояніе квартиръ и биваковъ; почему же они совсѣмъ не обращаютъ вниманія на содержаніе и зарываніе отхожихъ мѣстъ. Полагаю, что Графъ понималъ всю неспособность Абадзіева, потому что только этимъ можно объяснить его распоряженіе о передачѣ бригады такому сомнительному субъекту, какъ г. Грековъ (Митрофанъ). Когда у насъ появились слухи о такой перемѣнѣ, я все-таки надѣялся, что названный генералъ, имѣвшій продолжительный опытъ командованія отдѣльными частями, будетъ болѣе на своемъ мѣстѣ, и мнѣ станетъ легче добиваться положительныхъ результатовъ, но, съ другой стороны, прошлое г. Грекова обѣщало весьма и весьма мало хорошаго.

Я впервые познакомился съ нимъ, какъ съ командиромъ Л. Гв. Атаманскаго полка. Его грудь украшена Георгіемъ 4 ст., заработаннымъ въ Турецкую войну 1878 г., хотя доводилось слышать, что награда присуждена за ловкое донесеніе о захватѣ нѣсколькихъ десятковъ турецкихъ пушекъ, взятыхъ не съ боя, а подобранныхъ брошенными противникомъ въ паническомъ бѣгствѣ (это даже напечатано нынѣ покойнымъ полковникомъ Бѣлогрудовымъ). Прокомандовавъ довольно долго полкомъ, генералъ принялъ гвардейскую казачью бригаду, а затѣмъ получилъ на западной границѣ казачью дивизию. Уже по оставленіи имъ рядовъ гвардіи, въ Л. Гв. Казачьемъ полку обнаружилось скандальное казнокрадство цѣлымъ рядомъ командировъ полка и чинами полкового хозяйственнаго управленія (извѣстное всей Русской арміи дѣло Иловайскаго и комп.), при чемъ оказалось, что и въ другомъ гвардейскомъ казачьемъ полку, а также и въ гвардейской бригадѣ, хозяйство велось на особыхъ основаніяхъ. Репутація Грекова сильно пострадала, что слишкомъ хорошо извѣстно въ гвардейской кавалеріи, а традиціонныя неправильности хозяйства въ Атаманскомъ полку были мною обнаружены еще въ 1901—02 г.г., когда, какъ начальникъ штаба дивизіи, я, по приказанію начальника дивизіи г. л. Зыкова, провѣрялъ, или вѣрнѣе, только началъ (прекращено *) по приказанію того

же Зыкова) провѣрять хозяйство полка. Грековъ былъ внезапно отстраненъ отъ командованія дивизіей, также вслѣдствіе недоразумѣній по хозяйственной части. Казалось бы что дальнѣйшая служба генерала и офицера, скомпрометированнаго послѣдовательно на всѣхъ степеняхъ командованія: полкомъ, бригадой и дивизіей, терпима быть въ арміи не можетъ, а либо слѣдовало его судить, дабы очистить отъ всякихъ подозрѣній, либо хотя только удалить изъ арміи... Но у насъ, согласно принятому обыкновенію, поступали иначе, т. е., во избѣжаніе инцидента, куда то прикомандировали и держали подозрительнаго генерала на шикарномъ содержаніи, для украшенія столицы, для поощренія служебнаго разврата. Наступила Китайская передрыга 1900 г., и вотъ г. Грековъ просилъ разрѣшеніе военнаго министра Куропаткина ѣхать на поле брани, искупать свои грѣхи мирнаго времени, и согласился командовать чѣмъ угодно. Вѣроятно Куропаткинъ, предчувствуя, что ему самому придется перемѣнить высшую степень власти на низшую, не отказалъ и далъ бывшему дивизіонному бригаду. Грекову пришлось искупить не службу, а только Государственную казну на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, въ видѣ подъемныхъ и прогонныхъ, потому что на театръ войны онъ сѣздилъ, но сражаться опоздалъ. Затѣмъ онъ вернулся, продолжалъ ежедневно гранить плиты Невскаго проспекта, пока не грянулъ громъ, т. е. не началась настоящая война. Мы тотчасъ услышали, что Грековъ получилъ въ командованіе казачью бригаду дивизіи Ренненкампа (по возрасту отецъ пошелъ служить къ сыну); узнали также, что генералъ имѣлъ неудачное дѣло и былъ вынужденъ выбыть изъ отряда Ренненкампа. Вотъ тогда онъ и получилъ бригаду Абадзіева. Ниже, въ своемъ мѣстѣ, я опишу его подвиги, а теперь расскажу, какъ, благодаря желанію Грекова меня оскорбить, онъ оказалъ мнѣ величайшую услугу: избавилъ отъ роли няньки, дѣйствующей изъ за спины своего младенца — роли особенно невыгодной при качествахъ младенцевъ соотвѣтствующихъ типамъ

*) По той причинѣ, что тогдашній командиръ полка напомнилъ Зыкову о томъ, какъ они вели вмѣстѣ хозяйство въ одномъ гвардейскомъ полку, на роляхъ: Зыковъ — командира, а онъ его помощника.

Абадзіева и Грекова, и я сдѣлался самостоятельнымъ начальникомъ отрядовъ, въ каковой роли и продолжалъ всю кампанію, до Мукденскаго боя включительно.

9 іюля, около полудня, дозоры извѣстили, что ѣдетъ новое начальство въ двойной порціи: новый бригадный и новый настоящий, а не временный, командиръ 2-го Верхнеудинскаго полка, гвардейской кавалеріи полковникъ баронъ Делинсгаузенъ. Абадзіевъ, Свѣшниковъ и я выѣхали навстрѣчу и вмѣстѣ прибыли въ расположеніе Верхнеудинцевъ, гдѣ было отведено помѣщеніе бригадному и его штабу. Съ первой же минуты Грековъ сталъ меня усиленно игнорировать, а потому я не пошелъ въ помѣщеніе, ожидая когда меня позовутъ, какъ начальника штаба, для доклада обстановки, но генералъ вовсе и не интересовался обстановкой, т. е. расположеніемъ противника, нашими бывшими и предстоящими дѣйствіями; онъ только замѣтилъ, что намъ слѣдуетъ стоять не въ д. Сандіазѣ, а въ д. Каучепфузѣ, чѣмъ съ мѣста обнаружилъ свою отступательную тенденцію. Мой бывший ученикъ, только что явившійся въ полкъ, по товарищески предупредилъ меня, что Грековъ уже рѣшилъ меня выкурить. Верхнеудинцы пригласили къ обѣду, по окончаніи котораго я подошелъ къ бригадному и произошелъ слѣдующій разговоръ:

Дружининъ.—Вашему пр-ву извѣстно, что я состою начальникомъ штаба бригады.

Грековъ.—Какіе это штабы въ такихъ маленькихъ отрядахъ?

Д.—Но я назначенъ начальникомъ штаба Графомъ Келлеромъ.

Г.—Мнѣ объ этомъ извѣстно, но я назначаю начальникомъ штаба свѣдущаго человѣка—войскового старшину Свѣшникова.

Д.—Въ такомъ случаѣ я прошу разрѣшеніе немедленно уѣхать въ штабъ В. отряда, такъ какъ здѣсь не нуженъ.

Г.—Вы мнѣ совершенно не нужны, и можете ѣхать, но можетъ быть вы нужны командиру полка (указалъ на Абадзіева).

Д.—Я не состою при командирѣ полка, а, согласно

письменнаго приказа Графа Келлера, при командующемъ бригадой, какъ начальникъ штаба.

Абадзіевъ. — Полковникъ Д. состоялъ начальникомъ штаба бригады, а не въ моемъ распоряженіи, какъ командира полка, и не въ полку.

Д. — Получивъ разрѣшеніе уѣхать, я воспользуюсь имъ сейчасъ и прошу также разрѣшить мнѣ не являться, по случаю отбытія.

Г. — Пожалуйста не беспокойтесь.

Итакъ меня выгнали, показавъ на глазахъ у всѣхъ офицеровъ, что я представляю изъ себя нѣчто ненужное, лишнее въ арміи, человѣка, съ которымъ можно обращаться не стѣсняясь, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ нашей арміи вообще стѣснялись, не удаляли, не прогоняли, а все терпѣли и прощали. О, сколько надо было силы воли, чтобы сдержаться и не преступить дисциплины (я не понимаю, какъ могъ я это выносить, но вѣроятно чувствовалъ инстинктивно, что надо терпѣть, и что голова моя еще пригодится для исполненія своего долга передъ несчастной арміей и Родиной), особенно потому, что меня оскорблялъ не просто офицеръ и генераль, а человѣкъ съ опозоренной въ мирное время репутаціей и уже доказавшій свою несостоятельность на войнѣ. Дѣйствительно же я находился въ немилости, если и этотъ провинившійся жалкій старикъ смѣлъ третировать меня. А вѣдь я могу припомнить иныя времена: когда я былъ старшимъ адъютантомъ дивизіи, то командиръ гвардейскаго полка ухаживалъ за мной, пріѣзжалъ поздравлять меня по большимъ праздникамъ и даже съ днемъ ангела, насильно поилъ своимъ кислымъ донскимъ виномъ, а когда я былъ начальникомъ штаба дивизіи, то отставленный отъ дивизіи генераль заискивалъ при встрѣчахъ, первый привѣтствовалъ и разсыпался въ любезностяхъ. За то теперь ему казалось была подходящая минута выказать всю свою фальшь и притворство. Должно быть картина была тягостная, потому что едва я отошелъ отъ начальства (и это называется начальство!!), ко мнѣ подошелъ Свѣшниковъ и началъ клясться, что онъ ни при чемъ и не интриговалъ о своемъ назначеніи начальникомъ штаба.

Я сказалъ ему: „мнѣ это и въ голову не приходило, а кромѣ того я просто счастливъ избавиться отъ подчиненія такому..., а васъ сожалью“. Бѣдный Свѣшниковъ былъ вообще очень огорченъ, потому что ожидалъ самъ получить Верхнеудинцевъ, и вдругъ назначили другого, но, что дѣлать, надо же было устроить и барона Делингаузена, о дѣятельности котораго не скажу ничего, потому что не былъ ея свидѣтелемъ, но всѣмъ извѣстно, что командованіе имъ полкомъ кончилось болѣе чѣмъ печально.

Придя въ свою фанзу, я приказалъ вѣстовому сдѣлать и выучить. Проститься съ офицерами и казаками мнѣ не удалось, потому что они уже приводили въ исполненіе приказъ новаго начальника, а именно: готовились къ выводкѣ лошадей, и слѣдовательно сотенные командиры были въ полной суетѣ, такъ какъ должны были представить на судъ опытнаго кавалериста тѣла своихъ клячъ. Совсѣмъ мирное время: посмотрѣть выводку, а что дѣлаетъ противникъ, для чего здѣсь стоитъ отрядъ, въ чемъ состоитъ его назначеніе—дѣло второстепенное, а пожалуй и ненужное. Не служить ли тому доказательствомъ то, что человѣка, день и ночь работавшаго по направленію жизни организма—отряда, жившаго его интересами, и всетаки же кое что вѣдаваго, удаляли въ одну минуту, по личному капризу какого то авантюриста, пріѣхавшаго не воевать, а для устройства своихъ личныхъ расчетовъ, можетъ быть для поправленія плохого состоянія кармана. И какова же была дисциплина, когда по своему произволу отставляли человѣка назначеннаго на постъ властью своего непосредственнаго начальника, ибо дальше будетъ видно, что Графъ послалъ Грекова командовать бригадой, именно рассчитывая, что я буду при немъ нянькой. Развѣ не доказываетъ все это, что въ Маньчжурской арміи шутили, интриговали, занимались личными счетами и дразгами, но только не воевали, т. е. не исполняли своего долга.

Абадзіевъ и врачъ Уссурійскаго полка сдѣлали мнѣ что то въ родѣ проводовъ, но позднѣе я былъ осчастливленъ письмомъ отъ нѣсколькихъ офицеровъ, съ благодарностью за мою дѣятельность при Уссурійскомъ полку.

Это письмо храню какъ драгоценность, какъ доказательство того, что, при всей тягости своего служебнаго положенія, мнѣ всетаки удавалось приносить пользу, а не быть бременемъ. Я встрѣтилъ на улицѣ Михаила Юзefовича, и мы простились—тепло, но къ сожалѣнію мимоходомъ, потому что онъ также былъ занятъ этой дурацкой выводкой, а вѣдь я видѣлъ этого героя, котораго полюбилъ какъ сына, въ послѣдній разъ.

Выѣхавъ изъ Сандіазы, я былъ увѣренъ, что бригада не простоитъ въ ней и трехъ дней, что и случилось. Уже темнѣло, когда я прибылъ въ д. Ломогоу, близъ которой стоялъ баталіонъ стрѣлковъ, и дѣйствовала телеграфная станція. Не желая явиться въ штабъ отряда ночью, я просилъ гостепріимства у нижнихъ чиновъ—телеграфистовъ. Къ удивленію, они мнѣ обрадовались, будучи знакомы со мною по моимъ донесеніямъ, и приняли замѣчательно ласково: разбили палатку, достали походную постель, напоили чаемъ меня и вѣстового и накормили лошадей. Старшій унтеръ-офицеръ оказался совсѣмъ интеллигентнымъ человѣкомъ, и получасовая бесѣда съ нимъ показала, что онъ не только интересуется военными операціями, но можетъ и сдѣлать оцѣнку имъ; читая донесенія въ депешахъ, онъ составилъ себѣ картину обстановки съ довольно вѣрнымъ представленіемъ дѣйствительности. Я упоминаю объ этомъ фактѣ потому, что нельзя было не замѣтить, что такой относительно ничтожный рядовой арміи какъ будто сознавалъ, что руководство нашими операціями идетъ неправильно; въ его простыхъ, правдивыхъ словахъ сквозило какое то сомнѣніе и недовѣріе къ происходившему, и это его сознательно озабочивало и даже огорчало. А между тѣмъ сколько строевыхъ и штабныхъ начальниковъ, даже генеральнаго штаба, выказывали такъ мало интереса къ нашимъ неудачамъ, принимая ихъ совершенно равнодушно и проявляя энергію только по устройству своихъ личныхъ дѣлъ, а въ особенности по добыванію всякихъ наградъ и подачекъ послѣ cadaго новаго пораженія.

Съ разсвѣтомъ 10 іюля я продолжалъ путь и нашель штабъ Восточнаго отряда въ д. Холунгоу, въ 3 верстахъ позади предшествующей стоянки въ д. Нютхіай.

ГЛАВА IX.

5 дней при графѣ Келлерѣ, въ д. Холунгоу и на Янзелинѣ, съ 10-го по 14-е іюля.

Графа не было въ д. Холунгоу, такъ какъ онъ производилъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія, но, къ моему удивленію, начальникъ штаба его не сопровождалъ и оставался при штабѣ. Орановскій былъ крайне удивленъ удаленію меня изъ сводной казачьей бригады Грековымъ и далъ мнѣ понять, что это совсѣмъ не входило въ предположенія штаба, удостоивъ меня слѣдующихъ лестныхъ словъ: „намъ нуженъ былъ тамъ человѣкъ твердый“. Было сказано, что Грековъ будетъ запрошенъ. Это и было сдѣлано, на что получился отвѣтъ, что я самъ, чуть ли не самовольно, уѣхалъ. Мнѣ сказали въ штабѣ, что не слѣдовало уѣзжать, не подавъ соответствующаго рапорта Грекову и не добившись отъ него письменнаго отвѣта, такъ какъ теперь Грековъ будетъ правъ, а я даже могу быть виноватъ; но меня это не испугало. Вечеромъ прибылъ Графъ, но я не могъ съ нимъ разговаривать, потому что онъ былъ при Великомъ Князѣ Борисѣ Владиміровичѣ, который осчастливилъ въ этотъ день войска Восточнаго отряда своимъ участіемъ въ рекогносцировкѣ. Вечеромъ за ужиномъ, въ собраніи всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ штаба, Графъ пилъ за здоровіе Великаго Князя по случаю его боевого крещенія.

На слѣдующій день утромъ, въ день Святой Ольги, имѣющій въ моей жизни какое то особенное значеніе, я имѣлъ продолжительный интимный разговоръ съ Графомъ, и съ этой минуты мое служебное положеніе въ арміи рѣзко измѣнилось. Св. Ольга на этотъ разъ принесла мнѣ счастье.

Вотъ слова, которыми Графъ меня встрѣтилъ: „Константинъ Ивановичъ, вы знаете о моей неудачѣ, но знайте также, что въ ней виноватъ только одинъ я, и больше никто“. Я видѣлъ и чувствовалъ, что этотъ честный слуга отечества страдалъ ужасно, и мнѣ это было тѣмъ больнѣе, что именно онъ былъ виноватъ менѣе всего, испуская ошибки

своего предшественника г. Засулича и самого командующаго арміей; у меня было довольно ясное предчувствіе, что этотъ достойный воинъ скоро оставить ряды арміи, которой могъ быть такъ полезенъ, и которую такъ украшалъ. Я доложилъ о поступкѣ со мною Грекова. Графъ возмутился и сказалъ, что Грековъ отвѣтитъ за это, потому что, посылая этого генерала, онъ именно рассчитывалъ, что я останусь при немъ начальникомъ штаба, а потому я буду немедленно водворенъ на ту же должность. Тогда я просилъ Графа этого не дѣлать по двумъ причинамъ: 1) если отношенія между начальникомъ части и ея начальникомъ штаба нехороши, то это принесетъ ущербъ дѣлу; 2) я самъ настолько презиралъ Грекова, что не въ состояніи былъ ему подчиняться. Затѣмъ я просилъ разрѣшить откровенно высказаться о своемъ служебномъ положеніи, подробно описалъ всѣ инциденты съ командиромъ драгунскаго полка и въ Ляоянѣ, закончивъ признаніемъ, что болѣе не въ силахъ терпѣть. Графъ подаль мнѣ руку и взволнованно, но рѣшительно и твердо, молвилъ: „теперь я все знаю, и вамъ безусловно вѣрю; я былъ введенъ въ заблужденіе; больше ничего подобнаго не повторится; я дамъ вамъ соотвѣтствующее назначеніе, а такъ какъ вы все это время слишкомъ много работали, за что васъ сердечно благодарю и представляю къ награжденію орденомъ Св. Владиміра 4 ст. (я получилъ этотъ крестъ), то даю вамъ три дня для отдыха, а пока оставайтесь при мнѣ въ штабѣ“. Онъ сдѣлался веселъ, еще два раза крѣпко пожалъ мою руку и отпустилъ.

Итакъ мнѣ было разрѣшено отдохнуть, но для этого нужно было найти какой нибудь пріютъ, какой нибудь уголъ, что въ штабѣ В. отряда было довольно трудно. Комендантъ штаба графъ Комаровскій не считалъ своею обязанностью вообще что либо дѣлать, а тѣмъ болѣе отводить квартиру какому то штрафованному полковнику, а всѣмъ остальнымъ чинамъ штаба до этого было еще меньше дѣла; но свѣтъ не безъ добрыхъ людей, и меня призрѣло корпусное интендантство. На самомъ дѣлѣ отдыхать не пришлось, потому что на слѣдующій день рано утромъ меня разбудилъ адъютантъ Графа и сказалъ, что Графъ спѣшно

ѣдетъ, въ предвидѣніи атаки противника на позиціи 6-й стрѣлковой дивизіи, и беретъ меня съ собою. Черезъ полчаса я уже скакалъ за нимъ къ Янзелинскому перевалу, гдѣ была избрана и укрѣплялась позиція. Тамъ мы провели цѣлый день на бивакѣ штаба дивизіи, не имѣя возможности выйти изъ палатки, вслѣдствіе непрерывнаго тропическаго ливня, вѣроятно и остановившаго наступленіе японцевъ. Наканунѣ настоящій начальникъ дивизіи г. Романовъ упалъ съ лошади и безнадежно расшибся. Нельзя не отмѣтить, что въ штабѣ дивизіи царило по этому случаю чрезвычайно радостное настроеніе, и никто не скрывалъ своего удовольствія по поводу избавленія отъ нелюбимаго начальника.

13 іюля рано утромъ Графъ поѣхалъ осматривать позицію, и, такимъ образомъ, я получилъ представленіе о томъ священномъ для Россіи мѣстѣ, которое было обогрено кровью одного изъ лучшихъ сыновъ ея. Судить о позиціи, избранной самимъ героемъ и укрѣпленной по его указаніямъ, при содѣйствіи талантливаго корпуснаго инженера подполковника Колоссовскаго, въ подробностяхъ не могу; какихъ-нибудь 3—4-хъ часовъ времени, проведеннаго на ней при Графѣ, было слишкомъ недостаточно прежде всего потому, что, уже прекрасно изучивъ всю мѣстность, Графъ занимался теперь лишь подробностями примѣненія къ ней фортификаціонныхъ сооруженій и тактическаго расположенія войскъ на отдѣльныхъ пунктахъ. Тѣмъ не менѣе думаю, что не ошибусь, если назову позицію вполне удовлетворительной, да впрочемъ иначе и быть не можетъ, потому что въ горахъ вездѣ есть позиціи для отрядовъ какой угодно силы, по причинѣ повсемѣстныхъ командованія, крутизны скатовъ и возможности укрытія. Надо было быть школы нашего генеральнаго штаба (равнинной), чтобы постоянно розыскивать какіе то стратегическіе и тактическіе идеалы и сомнѣваться въ возможности обороны гдѣ угодно; правда, послѣ несчастнаго Тюренчена, вездѣ мерещились обходы и охваты противника и удобные для него подступы; никакъ не могли разобрать въ лабиринтѣ сопокъ, стремились непременно засунуть войска въ долины и забывали основное правило обороны, что нельзя сидѣть пассивно на

одномъ мѣстѣ, т. е., расположивъ войска на заранѣ избранныхъ мѣстахъ, не двигаться и ничего не предпринимать, а ждать и смотрѣть, что будетъ дѣлать противникъ. Для доказательства приведу соображенія, высказывавшіяся въ этотъ день, по поводу возвышавшагося на лѣвомъ флангѣ позиціи отдѣльнаго пика, называемаго горой Макутинзой. На него обращались со страхомъ всѣ взоры; только и слышалось: онъ командуеъ всѣмъ, и если японцы его займутъ, то положеніе будетъ критическимъ. А между тѣмъ вопросъ рѣшался совсѣмъ просто: во-первыхъ, гору слѣдовало занять хоть небольшою частью, ибо съ такой твердыни трудно было выбить и одну охотничью команду, во-вторыхъ, слѣдовало тщательно слѣдить за наступленіемъ противника, чтобы своевременно обнаружить его серьезное покушеніе, что и было возможно, потому что гора не выдавалась очень впередъ передъ фронтомъ позиціи, и не могли же японцы свалиться на нее съ неба, въ-третьихъ, надо было держать наготовѣ резервъ, не сваливая его въ одну кучу, а распредѣливъ по частямъ; въ горной тактикѣ безъ этого не обойдешься, потому что поспѣвать къ рѣшительному мѣсту вообще трудно, и всякое движеніе сопряжено съ большою потерей времени — приходится подыматься по кручамъ. Графъ быстро переѣзжалъ съ одного пункта на другой, внимательно изсяѣдовалъ расположеніе орудійныхъ и пѣхотныхъ окоповъ, часто давая свои указанія, которыя, скажу по совѣсти, были вѣрны, но онъ выслушивалъ также съ замѣчательнымъ терпѣніемъ мнѣнія строевыхъ и штабныхъ офицеровъ, допуская споры и разрѣшая ихъ еще болѣе тщательнымъ изслѣдованіемъ; онъ просто бѣгалъ по сопкамъ, проявляя замѣчательную физическую выносливость. Между его словами, вопросами и указаніями и всѣмъ слышавшимся изъ устъ его окружавшихъ была какая то особенная, рѣзкая, чисто психологическая разница; бодрый, молодой начальникъ говорилъ увѣренно, весело, вселяя желаніе сражаться, надежду бить врага, а остальные говорили робко, неуѣренно (конечно не изъ страха передъ начальникомъ, потому что представить себѣ генерала болѣе любезнаго и обходительнаго очень трудно, если не невоз-

можно), съ оглядкою назадъ. Я всматривался въ лица, вслушивался въ тонъ и наконецъ вспомнилъ: да вѣдь въ нихъ все еще жилъ проклятый Тюренченъ! И дѣйствительно, артиллеристы спрашивали прежде всего, успѣютъ ли они скатить свои орудія при отступленіи, пѣхотинцы указывали, что роты будутъ фланкироваться огнемъ, а имъ придется прикрывать отступление орудій, или такихъ то частей, и т. п.; словомъ, всѣ думали не о томъ какъ бить, а только о томъ, какъ уходить изъ боя, какъ съ честью отступить, скативъ орудія. Да, при такихъ Тюренченскихъ началахъ и вообще при такомъ отступательномъ духѣ, всѣ природныя твердыни, усиленные часто весьма талантливыми инженерами, какъ напр. въ данномъ случаѣ, теряли всякую силу и доставались японцамъ сравнительно легко. Я любовался Графомъ, ибо если въ его душѣ и были сомнѣнія, то никто не могъ о нихъ догадаться; наоборотъ, въ немъ казалось не было никакихъ сомнѣній и никакой боязни непобѣдимости врага, и я убѣжденъ, что, не будь онъ убитъ, мы не отдали бы нашихъ позицій 18 іюля. Теперь, когда карты противной стороны до нѣкоторой степени открыты, мы знаемъ, что въ этотъ день 21-й стрѣлковый полкъ безъ всякихъ резервовъ остановилъ цѣлую дивизію японцевъ, а если бы онъ былъ поддержанъ хотя бригадой, то неизвѣстно что бы было, но во всякомъ случаѣ намъ не пришлось бы отступить. Да не сдѣлаютъ мои ученые коллеги упрека герою, что онъ вмѣшивался въ детали расположенія ротъ и батарей (въ родѣ Базена), будучи командиромъ корпуса. Время—досугъ ему это позволяли, а положиться было не на кого; по крайней мѣрѣ временно командовавшій дивизіей, расположенной тогда на позиціи, бригадный командиръ уже только благодаря своей службѣ мирнаго времени не могъ внушить никакого довѣрія; къ сожалѣнію приходилось провѣрять расположеніе каждой роты, и выполненіе этого было не ошибкою, а только добросовѣстно и правильно.

Начальникъ штаба Восточнаго отряда, полковникъ Орановскій, блисталъ своимъ отсутствіемъ; впрочемъ мнѣ уже сказали въ штабѣ, что послѣднее время Графъ ѣздитъ постоянно одинъ, оставляя его въ штабѣ. Въ силу устано-

вившагося въ нашей арміи правила, что начальникъ штаба никогда не отлучается отъ своего генерала, такое явленіе возбуждало подозрѣніе. Конечно поклонники выдающагося офицера генеральнаго штаба, сумѣвшаго сдѣлать баснословную карьеру въ кампаніи, не смотря на свое активное участіе въ баснословныхъ пораженіяхъ подъ Тюренченомъ и Бенсиху, скажутъ, что оставленіе Орановскаго Келлеромъ въ тылу, въ минуту ожиданія атаки противника, обусловливалось какими нибудь особенной стратегической важности соображеніями; можетъ быть даже будутъ ссылаться на личныя слова Графа, который, какъ человѣкъ въ высшей степени корректный, конечно, сохраняя еще Орановскаго начальникомъ штаба, сумѣлъ замаскировать свое недовѣріе къ нему отъ его же подчиненныхъ, но я, хорошо зная Графа, отлично понималъ, что онъ уже не считалъ Орановскаго своимъ помощникомъ и потерялъ къ нему всякое довѣріе. Развѣ могъ такой прямой и честный начальникъ, какъ Графъ, терпѣть при себѣ тактичнѣйшаго офицера генеральнаго штаба, заботившагося только о сложеніи съ себя въ рѣшительныя минуты всякой отвѣтственности, а въ нѣмкѣ генеральнаго штаба, слава Богу, Келлеръ не нуждался. Доказательствомъ всего сказаннаго также служить фактъ, что Графъ пользовался услугами штабнаго офицера, генеральнаго штабаподполковника Хростицкаго, отличавшагося довольно рѣдкою особенностью въ средѣ своихъ товарищей по мундиру высказывать иногда свое мнѣніе опредѣленно и даже рѣзко. Говорю иногда, потому что, наблюдая его дѣятельность, не могу не сказать, что онъ часто не могъ отрѣшиться отъ общей рутины своихъ коллегъ. Самъ Хростицкій говорилъ мнѣ, что ему неловко передъ Орановскимъ, когда Графъ иногда замѣняетъ имъ при себѣ начальника штаба.

Къ 4-мъ часамъ дня 13 іюля мы возвратились въ Холунгоу. По дорогѣ Графъ убѣдился, что офицеръ (изъ запаса кавалеріи) не заботится о продовольствіи людей конвоя, хотя исполнялъ обязанности его начальника. Онъ вышелъ изъ себя, и, правда сказать, было изъ за чего: офицеръ пристроился на тепленькое мѣстечко и, ничего не дѣлая, не могъ даже подумать о желудкахъ меньшей брати.

Въ это время въ штабѣ Восточнаго отряда происходило необыкновенное событіе, можетъ быть даже отмѣченное въ его исторіи, а потому считаю нужнымъ на немъ остановиться. Всѣ чины штаба восклицали: „графъ Комаровскій пошелъ на развѣдку“. Я поинтересовался узнать, что это была за важная развѣдка, и услышалъ только, что графъ взялъ съ собой двухъ казаковъ, или охотниковъ, и куда то отправился развѣдывать, по собственной инициативѣ. Было добавлено, что онъ хорошо сдѣлалъ, потому что иначе его положеніе становилось ложнымъ. Тогда я все понималъ. Графъ Комаровскій служилъ въ гвардейскомъ казачьемъ полку въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, вышелъ въ запасъ, или зачислился по войску, дослужился до высокихъ гражданскихъ чиновъ, а съ объявленіемъ войны пожелалъ вынуть свой мечъ на защиту отечества. Добравшись до театра военныхъ дѣйствій, онъ никакъ не могъ добраться до врага, хотя казалось бы эта задача была легко разрѣшима, ибо онъ былъ зачисленъ въ Уссурійскій казачій полкъ, а, какъ видно изъ моего разсказа, полкъ вступилъ въ непрерывное соприкосновеніе съ противникомъ уже въ половинѣ мая. Но графу какъ то не повезло; сперва въ Ляоянѣ онъ попалъ въ распоряженіе г. Романова и долженъ былъ заботиться объ удобствахъ его путешествія къ мѣсту своего назначенія въ 6-ю дивизію, а, съ назначеніемъ сѣятельнаго начальника В. отряда, сѣятельство получило должность коменданта штаба, исключавшую, по роду своихъ тыловыхъ занятій, всякое общеніе съ врагомъ отечества. Такъ вотъ, видимо выведенный изъ терпѣнія такими препятствіями проявить свою доблесть, графъ Комаровскій въ одно прекрасное утро рѣшился на самоотверженный подвигъ и пошелъ куда то, на развѣдку чего то. Рискованное предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, но только не по результатамъ добытыхъ стратегически и тактически цѣнныхъ свѣдѣній о противникѣ; о, нѣтъ, ибо, гдѣ былъ безстрашный развѣдчикъ и что видѣлъ, осталось тайной, извѣстной только ему одному (теперь уже погибшему въ какой то шантажной исторіи отъ руки убійцы). Но за то онъ объявилъ, что попалъ въ районъ противника, былъ обстрѣлянъ и получилъ двѣ контузіи:

одну—головы, а другую—сапога. О послѣдней онъ отзывался пренебрежительно и говорилъ, что ее не стоитъ записывать въ формуляръ, но первая, сперва казавшаяся легкой и перевязанная только черезъ день, или два, послѣ ея полученія, увы, лишила нашу армію такого храбраго боевого офицера. Тотчасъ послѣ Ляоянскаго сраженія Комаровскій уѣхалъ въ Харбинъ, гдѣ тягости страданій отъ боевого поврежденія хотя и были смягчены присутствіемъ красавицы графини, изображавшей сестру милосердія и пользовавшейся особеннымъ успѣхомъ среди штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба, но всетаки заставили героя эвакуироваться на Родину, а послѣдняя, въ благодарность за оказанныя отличія, подтвержденныя боевыми орденами, послала его на окончательное поправленіе разстроеннаго здоровья къ нашимъ друзьямъ французамъ, въ чудныя мѣста подъ лазурнымъ небомъ.

14 іюля Графъ Келлеръ объявилъ мнѣ, что назначаетъ меня начальникомъ отряда, расположеннаго въ д. Титуню, которымъ сперва командовалъ состоявшій при штабѣ арміи генеральнаго штаба полковникъ Драгомировъ, а затѣмъ 9-го В. Сибирскаго стрѣлковаго полка подполковникъ князь Амилахори, напутствуя меня слѣдующими словами: „посылаю васъ въ Титуню, потому что считаю назначеніе отряда чрезвычайно важнымъ; вы должны держать связь между мною и 2-мъ Сибирскимъ корпусомъ г. Засулича, дѣйствія котораго не могутъ не интересовать меня, потому что между нами большое пространство (60 верстъ), удобное для прорыва противника, и, кромѣ того, кто же изъ насъ можетъ положиться на Засулича; такимъ образомъ вы въ значительной степени обеспечиваете мой правый флангъ и тылъ; никакого резерва вамъ дать не могу, но знаю, что вы не уйдете и будете меня охранять. Отправляйтесь немедленно, потому что нынѣшнему начальнику отряда я не довѣряю; этотъ командиръ баталіона уже подвелъ разъ Читинскій казачій полкъ; командуя въ тылу послѣдняго, онъ ушелъ не сообщивъ объ этомъ командиру казаковъ, войсковому старшинѣ Закржевскому, который былъ отрѣзанъ японцами, но искусно вывелъ полкъ горами; къ сожалѣнію я не имѣю

въ рукахъ точныхъ данныхъ для обвиненія Амилахори, вслѣдствіе постоянной путаницы въ распоряженіяхъ моего штаба; обстоятельства дѣла во многомъ остались невыяснены. Конечно если бы я былъ вполне убѣжденъ въ виновности Амилахори, то уже отрѣшилъ бы его отъ баталіона, но на всякій случай считаю нужнымъ предупредить васъ, потому что этотъ штабъ-офицеръ будетъ вашимъ помощникомъ и замѣстителемъ. Я знаю, что вы нуждаетесь въ деньгахъ, такъ какъ, не смотря на мои требованія, вашъ полкъ не высылаетъ на васъ аттестатовъ, и вы съ самаго начала войны не получаете содержанія; вамъ дадутъ авансомъ денегъ изъ суммъ штаба. Когда вы поѣдете? Я доложилъ, что выѣду сегодня же и отправился собираться въ путь, но выѣхать въ этотъ день не удалось, такъ какъ мнѣ выдали предписаніе и деньги только къ вечеру, а ѣхать по незнакомой мѣстности 60 верстъ ночью, съ вьюкомъ, имѣя только что купленную новую и неиспытанную клячу, не слѣдовало. Я говорилъ выше, что вынужденъ была уступить одну изъ своихъ лошадей Юзефовичу, когда его лошадь заболѣла; онъ свалился вмѣстѣ съ ней ночью съ обрыва, и лошадь сломала спину; Миша досталъ мнѣ взамѣнъ другую лошадь, которая оказалась слѣпой на одинъ глазъ, а въ Холунгоу ослѣпла и на другой; пришлось ее бросить и приобрѣсти опять новую.

Меня возмущала халатность штаба, изобиловавшего количествомъ дѣльцовъ — писаекъ и не желавшаго сварганить коротенькую бумажонку для отправленія къ отвѣтственному посту спѣшно назначаемого офицера, но, благодаря этой халатности, я имѣлъ счастье еще разъ видѣть Графа и даже вновь бесѣдовать съ нимъ. Онъ вспомнилъ, что 14 лѣтъ тому назадъ мы встрѣтились съ нимъ въ Ниццѣ, гдѣ я былъ тогда прикомандированъ къ французскимъ альпійскимъ стрѣлкамъ и изучалъ практически тактику въ горахъ, подъ руководствомъ одного изъ выдающихся офицеровъ французскаго генеральнаго штаба; по спеціальному приглашенію Графа я тогда же въ Ниццѣ дѣлалъ ему докладъ объ организаціи, обученіи и маневрахъ этихъ отборныхъ войскъ нашихъ союзниковъ; теперь онъ просилъ меня вспом-

нить о системѣ сигнализациі въ горахъ и совѣтовался, какъ лучше и скорѣе ввести ее въ войскахъ ввѣреннаго ему отряда. Я доложилъ, что система сигнализациі въ высшей степени проста, и требуетъ лишь нѣкотораго времени, чтобы войти въ жизнь, но приступить къ обученію ей надо немедленно, потому что этотъ пробѣлъ давалъ себя чувствовать постоянно. Графъ благодарилъ меня и сказалъ: „какъ жаль, что я только сейчасъ вспомнилъ, что вы прошли школу тактики въ горахъ; вы были бы мнѣ такъ полезны, а сейчасъ я не могу не отправить васъ въ Титуню, гдѣ вы нужнѣе“. Конечно я не сказалъ ничего, потому что отвѣтомъ могло быть только слѣдующее: вообще жаль, что вотъ уже болѣе 2-хъ мѣсяцевъ меня то гоняютъ въ роли хорунжаго съ разъѣздами, то предоставляютъ быть адъютантомъ полковника младше меня въ чинѣ, то держать въ роли безправной няньки при немъ же, на положеніи начинающаго службу офицера генеральнаго штаба, въ то время, какъ, казалось бы, можно было эксплуатировать нѣсколько болѣе соотвѣтственнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ я былъ безмѣрно благодаренъ Графу за его отношеніе ко мнѣ, а главное счастливъ тѣмъ, что мнѣ наконецъ вѣрили, дали самостоятельное назначеніе и фактически возстановили въ правахъ командованія.

ГЛАВА X.

Дѣйствія передового отряда въ д. д. Титуню и Тыашентунъ и на перевалѣ Мяолинъ, между войсками Восточнаго отряда Графа Келлера (г. л. Иванова) и 2-го Сибирскаго корпуса г. л. Засулича, съ 15-го по 23-е іюля.

Едва лучи солнца освѣтили погруженный въ глубокой сонъ городокъ штаба Восточнаго отряда, 15 іюля, я уже выбирался изъ него мелкой рысцой, спѣша прибыть къ мѣсту назначенія въ д. Титуню. Опять пришлось проѣхать въ окрестностяхъ д. Тунсинпу, гдѣ началось и завязалось наше первое генеральное сраженіе этой войны, подъ Ляояномъ, и опять, внимательно разсматривая мѣстность, я испытывалъ какое то особенное удовольствіе. Приходилось сдѣлать

около 60 верстъ, и три четверти пути по весьма густо населенной мѣстности, не встрѣтивъ никакихъ нашихъ войсковыхъ частей и даже разъѣздовъ. Не могу сказать, чтобы путешествовать такимъ образомъ одному, безъ всякаго конвоя, было непремѣнно опасно; японцы никогда не рыскали въ нашихъ тыловыхъ районахъ, хунхузовъ въ этой мѣстности не было, а китайцы позволяли себѣ нападенія только тогда, когда ихъ обижали, или грабили. Но я затрогиваю вопросъ о конвоѣ принципиально. Почему мнѣ, въ моемъ чинѣ, не полагалось такового, а всякій штабной оберъ-офицеръ его получалъ; штабъ-офицеры же ѣздили съ дозорами и мѣрами охраненія? почему моя жизнь была менѣе драгоцѣнна, чѣмъ жизнь моихъ товарищей? Я никого не обвиняю въ намѣренномъ обреченіи моей головы на какой-нибудь рискъ, и увѣренъ, что если бы я попросилъ конвой у Абадзіева или Орановскаго, мнѣ дали бы десятокъ казаковъ или охотниковъ, но въ томъ то и дѣло, что просить конвой, по крайней мѣрѣ для меня, было не только неприятно, но предосудительно: во-первыхъ я ничего не боялся, а во-вторыхъ конвой получаютъ чины, которымъ онъ полагается на ихъ штатныхъ мѣстахъ, изъ штатныхъ же частей, а я былъ обездоленнымъ, болтающимся полковникомъ, состоявшимъ въ распоряженіи иногда одного, а иногда другого лица. Мнѣ вѣроятно и въ голову бы не пришелъ вопросъ о конвоѣ для поѣздки въ д. Титуню, еслибы не особенный случай въ дорогѣ. Я въѣхалъ въ огромную д. Талинхо, гдѣ былъ какой то китайскій праздникъ, и собралось окрестное население; дѣйствовали балаганы, базары, угощенія; тысячи двѣ народа шумѣли и галдѣли невообразимо. Мое появленіе въ деревнѣ, въ которой еще не стояли русскія войска, произвело впечатлѣніе, и я былъ немедленно окруженъ сотнями китайцевъ, конечно только изъ любопытства бравшихъ подъ уздцы лошадей и ощупывавшихъ меня и вѣстового. Я не могъ выбраться изъ толпы около получаса. Спрашивается, что мѣшало этой толпѣ учинить надомною насиліе. Никто, никогда бы не узналъ куда дѣлся полковникъ Русской службы—безъ вѣсти пропасть и только. Напрасный рискъ на войнѣ не только головою полковника,

но и всякаго солдата не долженъ имѣть мѣста, но, мнѣ, благодаря капризамъ нашихъ отступательныхъ стратеговъ, приходилось всегда и всюду рисковать совершенно зря; впрочемъ въ этомъ рискѣ и заключалась въ бояхъ моя сила; а Богъ хранить именно такихъ гонимыхъ и преслѣдуемыхъ.

Не доѣзжая 10 верстъ до д. Титуню, вѣстовой замѣтилъ вдали всадника и обратилъ на него мое вниманіе словами: „ваше в-е, ѣдетъ конный, влѣво; не то казакъ, не то японецъ“. На возраженіе: „какіе тутъ японцы—скоро пріѣдемъ въ отрядъ“, драгунъ добродушно усмѣхнулся и молвилъ: „а почему знать, можетъ они и ушли“. Истина говорила устами младенца, и юноша былъ глубоко правъ, такъ какъ поручиться, что отрядъ стоялъ на мѣстѣ, я конечно не могъ; не видѣлъ ли я примѣровъ, а ихъ отлично оцѣнивалъ и мой драгунъ, что цѣлые полки уходили при одномъ воображеніи о наступленіи японцевъ, а вѣдь они могли и наступать въ самомъ дѣлѣ. Въ бинокль мнѣ удалось скоро разсмотрѣть казака, но нѣсколько новаго для Маньчжуріи типа, потому что я привыкъ къ забайкальцамъ, а это былъ уралецъ. Казакъ понялъ мой призывъ фуражкой и повернулъ ко мнѣ, но не по забайкальски или уссурійски, т. е. шагомъ, а полнымъ ходомъ, вскачъ. Огромнаго роста, могучаго тѣлосложенія, красавецъ и богатырь, пришептывая по уральски, доложилъ мнѣ, что его сотня частью на заставахъ, а около половины ея стоитъ въ деревнѣ не доѣзжая Титуню, гдѣ расположена пѣхота. Скоро повернувъ въ ущеліе, я вѣхалъ въ д. Пейдзяпуцзы и нашелъ бивакъ полусотни, гдѣ былъ встрѣченъ какъ знакомый, потому что на лицо оказалось нѣсколько казаковъ, служившихъ раньше въ Петербургѣ, въ составѣ гвардейской Уральской сотни, и знавшихъ меня, какъ начальника штаба дивизіи; съ ними я расцѣловался, привѣтствовалъ офицеровъ, кое что разспросилъ, оставилъ расковавшихся лошадей (въ расположеніи штаба Восточнаго отряда подковать лошадей оказалось невозможнымъ), взялъ одного изъ старыхъ сослуживцевъ вѣстовымъ и къ 4 часамъ дня прибылъ въ д. Титуню, гдѣ тотчасъ же вступилъ въ командованіе отрядомъ.

Обстановка была слѣдующая. Отрядъ состоялъ изъ 1-й (капитанъ Врублевскій) и 4-й (штабсъ-капитанъ Гребенка) ротъ 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, 2-й (подъесаулъ Прикашиковъ) и 3-й (подъесаулъ Голованичевъ) сотенъ 5-го Уральскаго полка. Пѣхота стояла въ д. Титуню, а свободная отъ сторожевыхъ нарядовъ часть казаковъ тамъ, гдѣ я ихъ видѣлъ, въ 3-хъ верстахъ сзади. Стрѣлки выставляли днемъ одну заставу и нѣсколько постовъ; на ночь это охраненіе отводилось ближе къ деревнѣ и усиливалось до одной роты, т. е. до половины всего состава пѣхоты; 1¹/₂, сотни казаковъ были разбросаны на разстояніи 14 верстъ влѣво (къ востоку) и къ югу отъ отряда отдѣльными взводами. Отъ штаба 2-го корпуса (окрестности г. Симучена) шла летучая почта изъ состава уральскихъ казаковъ (4-го полка) корпуса; со штабомъ В. отряда поддерживалась связь по летучей почтѣ бригады Грекова, отступившей уже въ д. Тхазелинъ, для чего Уральцы отряда выставляли одинъ постъ; кромѣ того отрядъ держалъ свою летучую почту Уральцами черезъ переваль на д. Тайпингоу до ст. Хайченъ. Начальникъ отряда считалъ себя въ одинаковомъ прямомъ подчиненіи, какъ Графу Келлеру, такъ и г. Засуличу, потому что пѣхота отряда принадлежала къ составу войскъ В. отряда, а казаковъ считали въ составѣ 2-го корпуса; отрядъ подчинялся еще штабу Маньчжурской арміи, для чего и держалъ летучую почту на Хайченъ, на случай донесеній г. Куропаткину. Такую организацію службы отряда Амилахори принялъ отъ полковника Драгомирова *).

*) Командиръ 5-го Уральскаго полка, полковникъ Соловьевъ, лично сообщилъ мнѣ, что, при формированіи отряда въ Титуню, онъ стоялъ съ полкомъ при ставкѣ Куропаткина, который, призвавъ его къ себѣ, сказалъ, что назначаетъ изъ полка 2 сотни, для спеціальной серьезной задачи, и приказалъ обратиться за указаніями по выполненію къ начальнику штаба арміи. Г. Сахаровъ, когда Соловьевъ явился къ нему, заявилъ: „вы получили приказаніе отъ Куропаткина, а потому и обращайтесь къ нему“. Онъ получилъ необходимыя указанія отъ г. Харкевича. Не дурная иллюстрація порядковъ арміи и управленія ею!

Противникъ недавно овладѣлъ переваломъ Далинъ и наступалъ къ сѣверу на переваль Пханлинъ; войска 2-го корпуса имѣли бой, въ которомъ принимали участіе и роты изъ Титуню; до сихъ поръ можно было еще ожидать доставленія китайцами безъ вѣсти пропавшихъ и раненыхъ нашихъ нижнихъ чиновъ (но только не изъ частей отряда въ Титуню). Въ данную минуту, непосредственно передъ отрядомъ, японцы занимали не только переваль Пханлинъ, но и переваль Ханцзялинъ, а также появлялись и сѣвернѣе, въ долину Синлунгоу; эту послѣднюю и обѣ боковыя, ей параллельныя долины стерегли день и ночь Уральскіе дозоры.

При отрядѣ въ д. Титуню находились двѣ ротныя походныя кухни и нѣсколько двуколокъ, а остальной обозъ въ д. Мацзяуайзы, гдѣ производилось хлѣбопеченіе; продовольствіе подвозилось изъ Хайчена; всего при отрядѣ было около 18 повозокъ.

Прежде всего я немедленно сократилъ чрезмѣрный сторожевой нарядъ, уменьшивъ его въ пѣхотѣ до полуроты (этого желалъ и князь Амилахори). Въ отношеніи казаковъ я понялъ, что ихъ сторожевой нарядъ соотвѣтствовалъ прежней, уже миновавшей, обстановкѣ, а не настоящей. Когда штабъ арміи выдвигалъ п. Драгомирова съ отрядомъ въ д. Титуню, то предполагались активныя дѣйствія сводной бригады Абадзіева, южнѣ линіи переваловъ Пханлинъ—Тхазелинъ (Фынсяолинъ), такъ какъ задача бригады состояла въ наступленіи въ районъ Фынхуанченъ—Сюянъ; для охраненія по линіи переваловъ, на ея лѣвомъ флангѣ были выдвинуты 2 сотни изъ состава бригады (заставы на перевалахъ Чензелинъ, Фынсяолинъ и въ д. Чудяпуза, см. стр. 177), а правый флангъ линіи отъ перевала Пханлинъ, у котораго стояла пѣхота въ Титуню, и былъ занятъ полковникомъ Драгомировымъ отдѣльными заставами его Уральцевъ, при чемъ онъ поставилъ нѣкоторые изъ нихъ на отдѣльныхъ командующихъ вершинахъ, доступныхъ лишь по горнымъ тропамъ. Такое расположеніе конныхъ заставъ вообще неудобно, ибо пѣшему противнику легко подкрасться по пересѣченной мѣстности (почти непроходимой для коней) къ одиноко

гнѣздящейся заставѣ и вырѣзать ее, но тогда оно оправдывалось необходимостью тщательно наблюдать всю линію горныхъ проходовъ отъ Титуню до Тхазелина. Теперь же казаки Грекова отошли сами за перевалы къ д. Тхазелинѣ *), и слѣдовательно расположеніе уральскихъ заставъ ввѣреннаго мнѣ отряда служило лишь охраненіемъ моихъ сосѣдей, а вовсе не отряда и его района; поэтому я немедленно снялъ заставы, замѣнивъ ихъ одною, въ д. Уцзяфань, и постомъ для связи въ д. Ханцзяпуцзы. Такимъ образомъ мы имѣли въ нарядѣ не $\frac{3}{4}$, а немного болѣе $\frac{1}{4}$ казаковъ; конечно сотни, изнуренныя непосильной службой въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, были мнѣ очень признательны. Объ охраненіи же Грекова я конечно не заботился, тѣмъ болѣе, что, съ присоединеніемъ къ нему Читинцевъ, въ его распоряженіи находилось 3 казачьихъ полка, и кажется даже уже поступилъ баталіонъ пѣхоты; связь съ нимъ мы держали непрерывно. Я сосредоточилъ весь отрядъ на бивакѣ въ Титуню, такъ какъ разбрасываніе такихъ малыхъ силъ въ глубину на 5 верстъ не имѣло никакого смысла.

16 іюля я знакомился съ окрестностями стоянки отряда, выбиралъ, на случай наступленія противника, мѣстность для дѣйствій (но конечно не позицію), осматривалъ расположеніе заставъ и постовъ. Не могу сказать, чтобы нашелъ все въ порядкѣ. Штабъ-офицеръ повидимому входилъ во все самъ, предъявлялъ требованія, интересовался исполненіемъ, но со стороны его подчиненныхъ было замѣтно какое то нежеланіе исполнять его приказанія, хотя его требованія были разумны и правильны; я узналъ потомъ, что его вообще почему то не любили. Въ отношеніи меня онъ выказалъ полную готовность идти навстрѣчу всѣмъ моимъ желаніямъ

*) Это отступленіе Грекова было совершено на другой же день послѣ моего отъѣзда изъ Сандіазы, сперва въ д. Каучепфузу; я слышалъ въ штабѣ В. отряда, что оно было мотивировано обходомъ японцевъ на д. Тинтей. Констатирую только безспорный фактъ, что отступленіе изъ Сандіазы совершилось тотчасъ же, какъ я оставилъ бригаду, а черезъ три дня Грековъ уже благополучно устроился за перевалами, въ д. Тхазелинѣ.

исполнялъ все приказываемое немедленно и точно; если случались иногда недодѣлки, то отношу ихъ всецѣло къ неисполнительности командировъ ротъ.

Утромъ того же дня произошелъ несчастный случай. Стрѣлковый постъ принялъ возвращавшійся казачій дозоръ за разъѣздъ японцевъ и ранилъ пулей урядника. Случай прискорбный, потому что стрѣлкамъ пора было знать, что конные японцы не приближались къ нашимъ постамъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла; начальникъ поста зналъ, что впереди его ходитъ уральскій дозоръ, и могъ бы не горячиться. Считаю нужнымъ остановиться на способѣ дозорной службы принятомъ Уральцами. Согласно устава полевой службы, застава высылаетъ конные дозоры, которые должны доходить до извѣстныхъ впереди лежащихъ пунктовъ, возвращаться и замѣняться новыми, дѣлающими то же самое. Казаки поняли, что имѣя, какъ напримѣръ въ данномъ случаѣ, 3 ущелія, ѣздить по нимъ хотъ и ежечасно неразумно и не достигаетъ цѣли; пока конные идутъ по долинѣ, пѣшіе лазутчики противника могутъ лезть по сопкамъ, и каждая новая смѣна рискуетъ получить неожиданную пулю. Поэтому Уральцы наряжали въ сутки по двѣ смѣны дозоровъ, въ 6 человекъ каждый, которыхъ продвигали долинами возможно дальше впередъ и обращали въ конечной точкѣ въ наблюдательный сторожевой постъ, спѣшивавшійся и наблюдавшій берега долины.

Съ 16-го іюля я установилъ прочную связь со штабомъ В. отряда, выставивъ долиной Сидяхыа летучую почту до Холунгоу, и снялъ все остальное, выставленное на Хайченъ и къ летучей почтѣ Грекова. Согласно приказа Графа Келлера, я считалъ себя подчиненнымъ только ему одному, а быстрое доставленіе важныхъ донесеній въ Ляоянъ мнѣ обезпечивала та же связь съ Графомъ, который могъ ихъ передавать по телеграфу.

Такъ какъ свѣдѣнія о силахъ и расположеніи противника были не вполне точны, то я началъ производить развѣдки, посылая пѣшихъ стрѣлковъ прямо на югъ горами къ перевалу Пханлинъ и офицерскіе разъѣзды съ фланговъ. Къ утру 18 іюля мы имѣли точныя данныя: на перевалѣ

Пханлинъ находилось не болѣе одного баталіона, главная часть котораго стояла бивакомъ непосредственно южнѣе перевала, имѣя при себѣ небольшой колесный и многочисленный व्यочный обозъ; переваль Ханцзялинъ былъ занятъ слабой заставой, выдвигавшей свои посты въ долину Синлунгоу. Мѣстность къ юго-западу отъ Титуню, къ перевалу Пейталинъ и далѣе, была свободна отъ противника, равно какъ и раіонъ южнѣе д. Уцзяфанъ. Очевидно японцы поставили баталіонъ у перевала Пханлинъ, для прикрытія своего наступленія на Долинъ противъ 2-го Сибирскаго корпуса.

19 іюля я рѣшилъ произвести еще разъ развѣдку, какъ по долину Синлунгоу, такъ и съ лѣваго фланга отъ д. Уцзяфанъ, и, выславъ развѣзды и патрули, ожидалъ подтвержденія имѣвшихся данныхъ, но обстановка къ полудню нѣсколько измѣнилась. Можетъ быть японцы были обезпкоены нашими энергичными поисками, а можетъ быть нѣкоторое наступленіе входило въ ихъ намѣренія, но они продвинулись впередъ по обоимъ направленіямъ. Въ долину Синлунгоу они подались версты на полторы, при чемъ основательно обстрѣляли нашъ дозоръ, попавшійся въ цѣлый рядъ засадъ и только уцѣлѣвшій какимъ то чудомъ (опять подтвержденіе плохой и невыдержанной стрѣльбы японцевъ). Дозоръ лихо усакалъ подъ частымъ огнемъ противника и при этомъ не потерялъ ни на минуту самообладанія; одинъ казакъ былъ раненъ 2-мя пулями, одна лошадь подстрѣлена, одинъ казакъ упалъ вмѣстѣ съ конемъ; дозоръ остановился, поймалъ лошадь и подобралъ упавшаго; какъ только казаки вышли изъ сферы огня, они остановились, выставили постъ и продолжали сторожевую службу; раненый, уступивъ свою лошадь товарищу, взялъ его подстрѣляннаго коня и на немъ поѣхалъ въ отрядъ, при чемъ, чувствуя себя бодрымъ, отпустилъ провожатаго съ дороги; затѣмъ явился весь окровавленный ко мнѣ, а не на бивакъ сотни, и обстоятельно, спокойно доложилъ, что, по мнѣнію старшаго, т. е. урядника, японцы специально охотились за казаками, и поэтому опасаться ихъ наступленія на отрядъ нельзя; то же подтвердилъ и посланный на подкрѣпленіе

сильный офицерскій разѣздъ. Казакъ Бородинъ былъ раненъ замѣчательно счастливо: одна пуля прошла между винтовкой и спиной, содравъ кожу съ послѣдней, а другая разорвала мягкія части руки; онъ остался въ строю, хотя я уговаривалъ его съѣздить показаться доктору.

Противъ заставы у д. Узьяфанъ, гдѣ работалъ еще офицерскій разѣздъ, японцы выдвинули до полутора ротъ пѣхоты и потѣснили заставу, при чемъ была перестрѣлка, окончившаяся для насъ безъ потерь.

Такимъ образомъ по активности японцевъ выяснилось, что всякая наша попытка наступленія вызоветъ серьезное дѣло, а между тѣмъ уже получились свѣдѣнія съ поста летучей почты въ Холунгоу, что 18 іюля В. отрядъ имѣлъ неудачный серьезный бой, и убить Графъ Келлеръ. Такъ какъ записка урядника была написана не очень грамотно, то я надѣялся, что роковое извѣстіе не подтвердится, но 21 іюля пришло его офиціальное подтвержденіе. Связь со штабомъ 2-го корпуса была прервана—онъ не отвѣчалъ на мои запросы, хотя почта еще стояла на мѣстѣ; съ постовъ послѣдней доходили слухи, что корпусъ былъ атакованъ подъ Симученомъ и поспѣшно отходилъ къ Хайчену. Я видѣлъ, что въ отрядѣ начинается нервность. Ротный командиръ доложилъ мнѣ, что вѣроятно пропали и погибли посланные съ вечера наканунѣ на развѣдку въ тылъ противника, за переваль Пханлинь, стрѣлки: вольноопредѣляющійся Карпицкій и рядовой Чаусъ; я зналъ, что вольноопредѣляющійся участвовалъ въ такомъ же рискованномъ поискѣ 17 іюля и слѣдовательно долженъ былъ быть переутомленъ; онъ пошелъ по своей настойчивой просьбѣ; японцы значительно продвинулись впередъ; къ счастію охотники прошли линію японскихъ передовыхъ частей въ ночь съ 18 на 19 іюля, и въ день перестрѣлки въ долину Синлунгоу наблюдали ее, находясь сзади противника; слѣдующею ночью они приползли на бивакъ съ самыми точными свѣдѣніями. Въ общемъ силы противника предъ нами не увеличились, но большая часть баталіона, стоявшаго южнѣе Пханлина, выдвинулась къ сѣверу. Изъ сопоставленія донесеній Карпицкаго и уральскаго дозора можно было поручиться за ихъ правдивость

и точность, а также, что оба стрѣлка дѣйствительно проходили за линію передовыхъ частей японцевъ; поэтому я представилъ обоихъ, а также и оставшагося въ строю раненымъ Бородкина, къ награжденію знакомъ отличія военнаго ордена. Изъ нихъ Карпицкій еще въ 1905 и 1906 году нѣсколько разъ просилъ моего содѣйствія для полученія вполне заслуженной имъ награды, но мои хлопоты не увѣнчались успѣхомъ; наконецъ онъ добился своего, благодаря ходатайству г. Линевича. Что же касается до Бородкина и Чауса, то они остались ненагражденными, и это ихъ ненагражденіе я не могу не поставить въ упрекъ нашимъ штабамъ, относившимся къ такимъ представленіямъ начальниковъ отрядовъ чрезвычайно небрежно, что нельзя не признать безнравственнымъ. Дѣйствительно, посылаешь людей почти на вѣрную гибель, обещаешь награду за геройскіе подвиги, а въ результатѣ оказываешься обманщикомъ; не есть ли это подрывъ авторитета начальника, парализованіе усердія и рвенія подчиненныхъ, и обида храбрымъ, тѣмъ болѣе чувствительная, что рядомъ, въ штабахъ, награждали знаками боевыхъ отличій писарей и денщиковъ.

Нашъ командующій арміей подумался еще до иного средства поощренія доблести вѣренныхъ ему войскъ, а именно: онъ предписалъ выдавать за каждого плѣннаго японскаго солдата 100 руб., а за каждого плѣннаго японскаго офицера 300 руб.; въ награду тѣмъ молодцамъ, которые доставятъ плѣнныхъ. Полагаю, что врядъ ли можно было придумать что нибудь развратнѣе и вреднѣе. Точно русскіе люди пошли сражаться не по долгу присяги и службы, а по найму. Къ счастью, наши солдаты оказались выше этого разврата, и я по крайней мѣрѣ ни разу не слышалъ, чтобы они требовали себѣ такой награды. Эта оригинальная мѣра угасла сама собою, и вѣроятно не обременила большими расходами нашу казну.

20 іюля прошло спокойно; японцы не шевелились; по летучимъ почтамъ получались самыя неутѣшительныя извѣстія, и не было никакого сомнѣнія, что оба корпуса, между которыми мы держали связь, уже находились въ полномъ отступленіи, а въ одномъ изъ нихъ былъ убитъ старшій

начальникъ. Въ сумеркахъ ко мнѣ явился офицеръ изъ сотни, державшій линію почты со штабомъ 2-го корпуса, и доложилъ, что корпусъ ушелъ, а командиръ сотни приказалъ немедленно собирать посты и уходить на сѣверъ (!!). Такъ какъ въ отрядѣ начиналось распространяться тревожное настроеніе, то мнѣ не хотѣлось, чтобы бѣгство летучей почты его усилило, и я уговаривалъ офицера остаться до разсвѣта со своими, уже собранными въ Титуню, казаками; онъ согласился, и мы условились, что онъ пойдетъ вмѣстѣ съ моимъ офицерскимъ разъѣздомъ, которому я поручилъ установить связь съ штабомъ 2-го корпуса, но черезъ нѣсколько минутъ я узналъ, что онъ все-таки ушелъ на сѣверъ. Этотъ юноша уже поддался паникѣ, но трудно винить его, ибо при нашихъ отступленіяхъ проявлялась такая нераспорядительность начальниковъ и ихъ штабовъ, что войска знали только одно зловѣщее слово „отступать“, и, блуждая въ полной неизвѣстности обстановки, стремились выполнять это приказаніе возможно скорѣе, дабы не быть брошенными другими. Тогда же я получилъ сообщеніе Грекова, что онъ немедленно отходитъ въ Лаодитанъ—пунктъ, лежавшій въ той же долиנѣ р. Сидакъ, какъ и д. Титуню, но только въ 35 верстахъ сзади насъ. Не знаю, отступилъ ли Грековъ по приказанію, или подъ напоромъ противника, но какъ разъ передъ этимъ я справлялся въ его штабъ о дѣйствіяхъ Восточнаго отряда и получилъ отвѣтъ, что оттуда никакихъ распоряженій не поступило. Я склоненъ думать, что Грековъ ушелъ на основаніи моего сообщенія, что я имѣю диспозицію Восточнаго отряда, по которой, при занятіи Ляндясанской позиціи, бригадъ Грекова предназначалось стать у Лаодитана.

Итакъ всѣ уходили, а объ отрядѣ у Титуню забыли, что впрочемъ было естественно: существованіе отряда обусловливалось необходимостью поддерживанія связи между двумя корпусами, ну, а когда оба были заняты деликатною операціей отступленія послѣ достаточно неудачныхъ боевъ, разыгранныхъ по идеѣ Куропаткина „ради тактическаго использованія мѣстности“, то когда же штабамъ корпусовъ думать о связи съ сосѣдними корпусами, а тѣмъ болѣе о

какомъ то ничтожномъ отрядикѣ, когда надо было уводить дивизіи, полки. Съ уходомъ Грекова въ Лаодитанъ и предоставленіемъ противнику сразу 50-ти верстнаго раіона на лѣвомъ флангѣ и въ тылу ввѣреннаго мнѣ отряда у д. Титуню, положеніе наше дѣлалось довольно оригинальнымъ, тѣмъ болѣе, что и на правомъ флангѣ корпусъ Засулича, вѣроятно, не оставилъ ничего, кромѣ безъ вѣсти пропавшихъ, въ такомъ же раіонѣ, а потому нахожу остроумнымъ замѣчаніе князя Амилахори, что „оставаться въ Титуню значитъ лѣзть въ лапы къ японцамъ“, и что, поступая такимъ образомъ, я беру на себя слишкомъ большую отвѣтственность за участь отряда. Отвѣтственности я не боялся, но здравый смыслъ говорилъ, что напрасно рисковать не слѣдуетъ и нужно отойти; но въ то же время не выходили изъ головы слова уже покойнаго Графа: „отступаютъ или по приказанію, или подъ напоромъ“. Такъ какъ японцы насъ не беспокоили, то я принялъ рѣшеніе отвести отрядъ только на 5—6 верстъ назадъ, къ д. Чаодзягоу, гдѣ его положеніе значительно улучшалось; въ виду же того, что Грековъ перешелъ въ Лаодитанъ, я рѣшилъ укоротить свою летучую почту и пользоваться его средствами для связи со штабомъ Восточнаго отряда. Рѣшеніе отойти, оказалось правильнымъ: 1) съ разсвѣтомъ японцы начали наступленіе и охватили нашъ лѣвый флангъ, 2) еще до выхода изъ Титуню я получилъ предписаніе отойти еще далѣе назадъ къ д. Тыашентунь.

Около 11 часовъ ночи я собирался заснуть, какъ вдругъ на бивакѣ раздался выстрѣлъ, а черезъ нѣсколько секундъ второй. Необходимо было произвести тревогу, и я отдалъ соотвѣтствующія распоряженія. Къ сожалѣнію я замѣтилъ совсѣмъ нежелательные симптомы, въ родѣ слѣдующихъ. Я началъ жечь имѣвшійся у меня экземпляръ диспозиціи, и вдругъ изъ подъ окна фанзы мнѣ крикнули: „гасите огонь“; это конечно означало, что боялись стрѣльбы по освѣщенной фанзѣ. Я вышелъ на улицу, гдѣ уже стояла въ ружьѣ 1-я рота и началъ закуривать трубку; услышалъ замѣчаніе: „нельзя курить“. Тогда я рявкнулъ: „а кто здѣсь начальникъ“, и конечно получилъ извиненія. Прибѣжалъ одинъ офицеръ и доложилъ,

что „японцы стрѣляли по нашимъ пѣхотнымъ постамъ“, между тѣмъ какъ было отлично слышно, что выстрѣлы раздались въ тылу бивака. Другой офицеръ заявилъ, что „стрѣляли съ праваго фланга, съ сопки“. Я все время шутилъ съ солдатами, а на послѣднее сообщеніе замѣтилъ: „спасибо японцамъ, что насъ предупредили о своемъ нападѣніи, и мы готовы ихъ бить“. Тутъ подъѣхалъ вахмистръ одной изъ сотенъ и со страхомъ доложилъ: „простите В-е в-е, по своимъ стрѣляли“. Оказалось, что у двухъ казаковъ заболѣли кони коликъ; они вскочили на нихъ не взнуздавъ и поскакали, дабы промять; лошади занесли, и вотъ, при возвращеніи, постъ принялъ ихъ за противника и сдѣлалъ два выстрѣла, къ счастью не задѣвъ никого.

Итакъ тревога оказалась напрасной, но отдыхъ былъ нарушенъ, что было обидно, въ виду, какъ это потребовалось, совершенія затѣмъ ночныхъ маршей. Выступленіе отряда было назначено въ 5 часовъ утра; такъ какъ мнѣ не спалось, вслѣдствіе начинавшагося на ногѣ нарыва, то уже въ 4 часа я былъ на улицѣ и разговаривалъ съ дежурнымъ по 1-й ротѣ унтеръ-офицеромъ. Мы одновременно замѣтили, что по направленію на югъ, впереди заставы, неожиданно вспыхнулъ огонь, и быстро разгорѣлось пламя. Меня убѣждали, что это былъ какой то сигналъ для японцевъ; не оспариваю, и можетъ быть дѣйствительно китайцы были въ соглашеніи съ противникомъ. Я не ускорилъ выступленіе, которое еще замедлилось, потому что 4-я рота проспала, запоздавъ выниманіемъ хлѣбовъ изъ печей (о такомъ хозяйствѣ я не былъ поставленъ въ извѣстность). Застава силою въ полусотню составляла нашъ арьергардъ и донесла, что немедленно послѣ нашего ухода японцы заняли деревню; ея развѣзды имѣли незначительную перестрѣлку.

Я сказалъ уже, что при выступленіи изъ Титуню я получилъ приказаніе изъ штаба отойти къ д. Тыашентунъ и тамъ оставаться. Къ сожалѣнію, забылъ какая была поставлена задача отряду, но, какъ тогда, такъ и теперь, не могу признать сдѣланное распоряженіе правильнымъ, при тогдѣшней обстановкѣ. Дѣйствительно, разъ г. Грековъ со своимъ сильнымъ коннымъ отрядомъ въ 12—16 сотенъ на-

ходилъ въ д. Лаодитанъ (всего 16 верстъ въ затылокъ Тыашентунъ), то развѣдка долины р. Сидакъ была обезпечена, и въ Тыашентунъ могла стоять его передовая часть; не ставили же меня специально охранять отрядъ Грекова. Гораздо важнѣе было обезпечить направленія западнѣе, тѣмъ болѣе, что, по отступленіи 2-го корпуса къ Хайчену и потерѣ съ нимъ связи, этотъ районъ получалъ особенно серьезное значеніе: японцы могли пробраться къ перевалу на дорогѣ изъ д. Мохоасанъ въ д. Тайпингоу и даже къ перевалу Мяолинъ. Я изложилъ свои соображенія на полученное мною приказаніе и отправилъ ихъ въ штабъ.

Прибывъ въ Тыашентунъ и предполагая, что отрядъ останется въ этомъ пунктѣ неопредѣленное время, я рѣшилъ принять нѣкоторыя мѣры въ смыслѣ большей свободы дѣйствій, а именно, отослать весь обозъ; тогда, не имѣя ни одного колеса, обративъ пѣхоту въ легкій партизанскій отрядъ, никакіе обходы японцевъ мнѣ не были страшны. Немедленно я отдалъ приказъ о снаряженіи колонны обоза, а для того, чтобы вселить въ офицеровъ убѣжденіе въ необходимости отказаться отъ удобствъ походной жизни, предоставляемыхъ ихъ двуколками, приказалъ забрать и моего денщика съ моимъ выюкомъ. Около 4 часовъ дня всѣ 18 повозокъ при офицерѣ направились черезъ Лаодитанъ въ обозъ 9 стрѣлковаго полка. Подъ вечеръ уралецъ, урядникъ Порушковъ, доставилъ на мое утреннее донесеніе въ штабъ корпуса отвѣтъ, чѣмъ привелъ меня въ полное изумленіе. Во-первыхъ, онъ пробѣжалъ болѣе 70 верстъ въ 10 часовъ времени, считая и время потраченное на ожиданіе приказанія въ штабѣ; во-вторыхъ приказаніе начиналось такъ: „начальникъ отряда, соглашаясь съ вашими доводами, приказываетъ Вамъ немедленно занять перевалъ Мяолинъ“. Могъ ли я ожидать, чтобы такой большой начальникъ въ нашей арміи написалъ такъ такому ничтожному офицеру, какимъ былъ я. Одной этой фразы было достаточно, чтобы понять, что генералъ Ивановъ обдумываетъ свои рѣшенія, а не только подписываетъ то, что фабриковала инстанція съ громкимъ названіемъ штабъ В. отряда, постоянно только очищавшая

номера. Вѣроятно, поэтому и приказаніе дошло такъ быстро. И я не ошибался: Ивановъ, смѣнившій Графа Келлера, былъ въ то время еще свѣжимъ человѣкомъ, не считавшимся съ рутиной нашихъ штабовъ, и чуть ли не самъ отдавалъ всѣ приказанія и даже писалъ ихъ; и дѣло пошло у него удовлетворительно, что доказываютъ результаты его боевъ подъ Ляояномъ. Къ сожалѣнію, мнѣ придется описывать его и совершенно другимъ военнымъ начальникомъ, но утверждаю, что причиною такой перемѣны было именно то обстоятельство, что онъ не устоялъ передъ рутиной, или вѣрнѣе передъ разрушавшей нашу армію гидрой генеральнаго штаба, успѣвшей даже совсѣмъ поработить этого мягкаго и боязливаго передъ всякимъ начальствомъ человѣка, преслѣдовавшаго, впрочемъ, достаточно тонко и искусно свои личные интересы и расчеты.

Согласно того же приказанія, Мяолинъ долженъ былъ быть занятъ немедленно, а потому отряду пришлось совершить ночной маршъ на протяженіи 20 верстъ. Казалось бы рѣшеніе такой задачи для отряда, въ составѣ 2-хъ ротъ лихихъ сибирскихъ стрѣлковъ и 2-хъ сотенъ молодцовъ уральцевъ, не можетъ представить никакихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что погода была отличная, а дорога, пролегая по широкимъ долинамъ, представляла лишь небольшія затрудненія при переправахъ въ бродъ. Однако оказалось, что совершить ночной маршъ вовсе не такъ легко, благодаря тому, что офицеры русской арміи незнакомы съ самыми элементарными требованіями тактики и устава полевой службы. Заблаговременно отдавъ всѣ приказанія о времени выступленія и порядкѣ слѣдованія (1 сотня въ авангардѣ, 2 роты и 1 сотня въ арьергардѣ), пунктъ сосредоточенія, съ котораго должны были дебушировать въ колонну части, я хорошенько ориентировалъ казачьяго офицера, которому поручилъ вести головную сотню, и въ назначенное время былъ на перекресткѣ, указанномъ частямъ. Оказалось, что головная рота не готова, и пришлось два раза посылать къ господину ротному, чтобы онъ торопился, на что было потеряно около получаса. Ночь была очень темная; я ѣхалъ въ хвостъ всей пѣхоты, т. е. за 4-й ротой; проѣхавъ деся-

токъ верстъ, мнѣ показалось, что мы идемъ не по настоящей дорогѣ (я проѣзжалъ уже здѣсь, слѣдуя въ Титуно); поѣхалъ къ головѣ роты, гдѣ нашелъ баталіоннаго и ротнаго; признаковъ головной роты не было; стало ясно, что рота оторвалась и заблудилась. Выразивъ порицаніе за безпорядокъ, я повернулъ роту назадъ, и самъ вывелъ ее на настоящую дорогу. Близко отъ перекрестка, гдѣ повернула 4-я рота, я нашелъ и 1-ю остановившуюся и насъ поджидавшую. Уральцы не только вели колонну, но и шупали ее въ глубину, замѣтили ошибку и остановились. Мы продолжали маршъ еще потерявъ часа полтора. Черезъ нѣсколько минутъ я получилъ новый сюрпризъ. Князь Амилахори перегрузилъ изъ отправленныхъ повозокъ запасъ хлѣба и сухарей на нанятые китайскія арбы и выслалъ ихъ заблаговременно впередъ, но арбы увязали въ мокрый песокъ и глину и двигались со скоростью 1-й версты въ часъ. Мы ихъ нагнали, и пришлось впрягаться людямъ. Съ этой минуты нашъ маршъ обратился въ какой то кавардакъ: роты тащили арбы, люди кричали, понукали и т. д. Я, смѣясь, сказалъ Амилахори, что, по производимому нами шуму, японцы могутъ предположить, что у насъ огромныя силы. Отъ д. Пахудзай дорога стала много лучше, и движеніе продолжалось безпрепятственно.

Когда мы прибыли на переваль Мяолинъ, уже разсвѣло. Онъ представлялъ изъ себя прекрасную позицію, и я очень сожалѣю, что не пришлось на ней сражаться *). Никакихъ затрудненій въ ея занятіи не представлялось, и нужно было лишь позаботиться объ обезпеченіи праваго фланга, откуда шли дороги въ обходъ, но очень скоро прибылъ офицеръ изъ отряда князя Трубецкого, командира 7-го Сибирскаго

*) На разсвѣтъ 13-го августа (для Южной Группы Русской Маньчжурской Арміи начало—завязка генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ, т. е. на 2 дня позже, чѣмъ для Восточной Группы) авангардъ 2-го Сибирскаго корпуса, подъ начальствомъ г. Толмачева, въ составѣ 2 баталіоновъ и 5 сотенъ, отдалъ эту твердыню противнику безъ всякаго сопротивленія. Даже Засуличъ называлъ это отступление преждевременнымъ. И все это сходило, какъ ни по чемъ: кто не хотѣлъ сражаться, могъ уходить безотвѣтственно и безнаказанно.

казачьяго полка, съ сообщеніемъ, что его отрядъ занимаетъ переваль по дорогѣ отъ д. Мохоасанъ—на д. Чаодзягоу, т. е. вполнѣ насъ обезпечиваетъ. Въ тотъ же день стало извѣстно, что переваль Мяолинъ ввѣренъ оборонѣ отряда г. Мищенко, въ составѣ приблизительно 3-хъ казачьихъ полковъ, полка пѣхоты и 3-хъ батарей, а потому присутствіе моего маленькаго отряда становилось лишнимъ.

23 іюля на нашу позицію сталъ передовой отрядъ Мищенко, въ составѣ 1 баталіона и 2-хъ сотенъ, а главныя его силы остались въ д. Сансычецзы. Я отправился къ генералу. Подѣзжая къ расположенію отряда, я видѣлъ почти всѣ войска и не могу не высказать произведеннаго на меня ими впечатлѣнія. Никогда не случилось встрѣтить на бивакахъ такой ужасный безпорядокъ, такую разбросанность частей и такую распушенность. Вездѣ, куда ни взглянешь, разбрелись солдаты и казаки; пасутъ лошадей, тащатъ всякій скарбъ съ полей и изъ домовъ; вездѣ костры и огни—словомъ, впечатлѣніе орды, табора, но только не войска. Болѣе получаса искалъ я въ деревнѣ штабъ г. Мищенко, потому что никто не могъ мнѣ его указать, даже казаки. Наконецъ, случайно наткнулся на поившую у колодца коня фигуру (какого она была войска сказать невозможно), указавшую мнѣ на прилежащую фанзу. Я былъ принятъ немедленно, но нелюбезно. Можетъ быть, я производилъ непріятное впечатлѣніе своимъ грязнымъ видомъ, да еще одна ступня у меня была обернута тряпкой, потому что нарывъ не позволялъ одѣть сапога. Я доложилъ генералу, что имѣлъ задачу оборонять переваль Мяолинъ, теперь уже занятый его передовыми частями, а потому, впредь до полученія новыхъ приказаній отъ начальника В. отряда, буду считать себя въ подчиненіи и распоряженіи генерала. Однако Мищенко возразилъ, что „чужими войсками распоряжаться и командовать не желаетъ“. Я обратилъ его вниманіе, что въ составѣ моего отряда есть, какъ войска В. отряда, такъ и 2-го Сибирскаго корпуса.

Въ эту минуту одинъ изъ офицеровъ штаба подаль генералу телеграмму, заключавшую въ себѣ категорическое приказаніе произвести рекогносцировку на д. Пахудзай. Не

знаю отъ кого, или изъ какой инстанціи, исходило это приказаніе, но, къ моему удивленію, присутствовавшіе офицеры начали настоящій торгъ: „да почему опять намъ? да мы устали! да мы должны отдыхать! да мы только что пришли; наши люди и лошади замотаны!“ Генераль тоже хмурился и былъ видимо недоволенъ полученнымъ приказаніемъ. Тогда я позволилъ себѣ доложить слѣдующее: „в—е п—во, въ данную минуту мой отрядъ совершенно безъ назначенія; имѣть свойства партизанъ, такъ какъ ходитъ налегкѣ, безъ всякаго обоза; въ виду утомленія вашихъ войскъ, разрѣшите мнѣ произвести требуемую рекогносцировку“. На это послѣдовалъ отвѣтъ: „чужими войсками не распоряжаюсь и васъ послать не могу; дѣлайте сами рекогносцировку“. Я спросилъ: „а вы будете все-таки рекогносцировать своими войсками?“—„Да, буду, пошлю казаковъ и пѣхоту“.—„Въ такомъ случаѣ я не буду дѣлать рекогносцировку и честь имѣю явиться“. Я откланялся. Дѣйствительно больше здѣсь дѣлать было нечего, потому что пользоваться вѣрными мнѣ войсками не желали, приняли меня какъ бы враждебно, а дѣлать самостоятельно рекогносцировку, впутываясь въ войска мнѣ не подчиненныя, и на согласіе съ которыми расчитывать было трудно, конечно, было бы нелѣпо.

На пути къ перевалу Мяолинъ я встрѣтилъ скачущаго уральца съ экстреннымъ пакетомъ, въ которомъ заключалось приказаніе г. Иванова немедленно перейти къ д. Тунсинпу, для выполненія особо важной задачи—обезпеченія праваго фланга передъ фронтомъ Ляньдясанской позиціи Восточнаго отряда. „Возлагаю это особенно серьезное порученіе на вашъ отрядъ потому, что вы имъ командуете; отсюда ожидаю наступленіе японцевъ и ихъ главный ударъ“, писалъ мнѣ мой новый начальникъ и конечно доставилъ мнѣ своими словами огромное нравственное удовлетвореніе: нашелся же генераль, который не только не отказывалъ мнѣ въ довѣріи, но прямо заявлялъ, что считаетъ меня офицеромъ способнымъ выполнять самыя серьезныя боевыя задачи. Судьбѣ было угодно, чтобы японцы въ точности исполнили предположеніе г. Иванова, а боями 11—13-го августа подъ Тун-

синпу и Тасигоу мнѣ удалось оправдать оказанное мнѣ довѣріе. Я имѣлъ въ то время совсѣмъ неясное представление о томъ, кто былъ г. Ивановъ, и только догадывался, что это былъ генераль, имѣющій репутацію самаго знающаго артиллериста въ нашей арміи, котораго я видѣлъ одинъ разъ въ жизни, въ Кронштадтѣ. Онъ былъ тамъ начальникомъ крѣпостной артиллеріи, а я сопровождалъ начальника штаба округа, пріѣзжавшаго, по приказанію командующаго войсками, проверить боевую готовность крѣпости.

Отрядъ выступилъ съ Мяолина около 3-хъ часовъ пополудни. Разстояніе до д. Тунсинпу составляло около 30 верстъ. Отъ д. Пахудзай дорога шла долиною р. Сидыхы, которая, принявъ въ себя нѣсколько ручьевъ, становилась у д. Лаодитана довольно значительной рѣчкой. Въ виду того, что въ д. Пахудзай стояла застава изъ отряда Грекова, я не предполагалъ встрѣчи съ противникомъ, тѣмъ болѣе, что мои разъѣзды доносили утромъ, что японцы держатся на линіи Тумынсянъ-Тинчанъ. Маршъ былъ организованъ такъ: сильный казачій разъѣздъ, 3-я сотня, двѣ роты и 2-я сотня. Когда голова пѣхоты достигла д. Пейюанъ, разъѣздъ донесъ, что д. Пахудзай занята японцами, и ихъ одиночные люди видны на высотахъ къ югу отъ деревни. Выславъ впередъ 3-ю сотню, я догналъ ее у д. Сяцуайцзы, гдѣ командиръ сотни остановился, считая, что при дальнѣйшемъ движеніи онъ можетъ быть обстрѣлянъ, съ высотъ между д. д. Тунмынсянъ и Пахудзай, гдѣ, по донесеніямъ дозоровъ, показалось что то въ родѣ цѣпи пѣхоты; головной разъѣздъ осадилъ къ сотнѣ. Долженъ сознаться, что обстановка была совершенно невыяснена, и казаки выказали нѣкоторую робость; я даже сомнѣвался въ фактѣ оставленія заставой Грекова Пахудзая, но для выясненія обстановки надо было потратить много времени, выславъ пѣшія разъѣдки. Потеря времени совсѣмъ не входила въ мои расчеты, потому что отрядъ долженъ былъ спѣшить исполненіемъ важной задачи, а въ районѣ, гдѣ онъ находился, было достаточно нашихъ войскъ. Отрядъ Грекова обезпечивалъ долину Сидыхы, а г. Мищенко только что получилъ приказаніе рекогносцировать у д. Пахудзая. Въ виду всѣхъ

этихъ соображеній, чтобы не терять время, я немедленно рѣшилъ свернуть кратчайшимъ направлѣніемъ на сѣверъ и миновать подозрительное мѣсто. Мой хозяйственный штабъ-офицеръ ухитрился опять имѣть при ротахъ китайскую арбу, запряженную ротнымъ убойнымъ скотомъ, которая конечно не могла слѣдовать по плохимъ дорогамъ. Я отослалъ арбу въ отрядъ Мищенко, подаривъ, находившееся на ней продовольствіе, и немедленно двинулся дальше. Въ прикрытіе я оставилъ 2-ю сотню, которая выяснила, что дѣйствительно на высотахъ къ юго-западу находилось немного японской пѣхоты, а слѣдовательно, если бы мы продолжали движеніе на Пахудзай, то имѣли бы напрасную перестрѣлку и вѣроятно прошли бы, но задержались на нѣсколько часовъ.

День былъ необыкновенно жаркій, и уральцы догадались облегчить стрѣлковъ, взявъ на лошадей ихъ шинели. Когда мы перевалили въ долину д. Хуаинцзы, то, пройдя эту деревню, я приказалъ сдѣлать привалъ, но не успѣли казаки слѣзть съ лошадей, а стрѣлки составили ружья, какъ послышались залпы, и засвистали пули. Совершенная неожиданность обстрѣла отряда была тѣмъ болѣе поразительна, что, какъ съ юга, такъ и съ востока, сторожевые развѣзды и дозоры доносили о томъ, что противникъ остался далеко, за нами, и залпъ былъ данъ съ сѣвера, гдѣ можно было ожидать появленія только своихъ войскъ. Такъ и оказалось: это были охотники какого то стрѣлковаго полка, принявшіе насъ за японцевъ и давшіе около 4—5 залповъ съ 2000 шаговъ разстоянія. Не понимаю, какимъ образомъ могли они ошибиться, видя передъ собою 2 сотни вооруженныхъ пиками. Стрѣльба прекратилась, когда я выслалъ впередъ наметомъ сотню и приказалъ трубить горнисту. Мы отдѣлались весьма счастливо, не смотря а то, что прицѣлъ былъ взять очень вѣрно, а именно: была расщеплена одна винтовка, оцарапаны 1 или 2 лошади, и съ рикошета пуля ранила въ копыто мою лошадь; эту пулю вѣстовой подобралъ и подаль мнѣ, такъ что я имѣю память и вещественное доказательство обстрѣла своими войсками. Конечно охотники поспѣшили скрыться, и мы никогда не узнаемъ, кто именно устроилъ намъ такую неприятность. Впрочемъ этотъ случай

имѣлъ и свою хорошую сторону, такъ какъ показалъ насколько поддавались, или нѣтъ, чины отряда неожиданно-стямъ. Я замѣтилъ, что штабъ-офицеръ весьма осторожный человѣкъ, потому что онъ быстро соскочилъ съ лошади и укрылся подъ деревья. На стрѣлковъ огонь не произвелъ никакого впечатлѣнія и только возбудилъ ихъ любопытство; 3-я сотня, находившаяся вблизи меня, бросилась къ конямъ и сѣла на нихъ безъ всякаго приказанія—настолько нервно, что нѣсколько лошадей вырвалось; я мгновенно скомандовалъ ей: „справа по три, въ карьеръ“, „впередъ на выстрѣлы“. Это было принято очень дружно. Хотя залпы прекратились, но я пропустилъ такъ всю сотню, внушая, чтобы впредь не смѣли волноваться. Состоявшій при казакахъ переводчикъ китаецъ соскочилъ съ лошади и убѣждалъ въ гаолянъ, что было замѣчено нѣсколько поздно; онъ больше къ намъ не возвратился.

Давъ людямъ отдохнуть 15 минутъ, мы продолжали движеніе; у д. Лаодитанъ сдѣлали большой привалъ съ варкой чая. Отрядъ Грекова находился на рекогносцировкѣ долины Ломогоу—Сяматунъ, въ окрестностяхъ д. Тунсинпу, и ожидалось его возвращеніе. Присутствовавшіе офицеры Верхнеудинскаго полка ничего о противникѣ сообщить не могли и даже не знали, заняты ли Пахудзай заставой ихъ отряда.

Въ 9 часовъ вечера мы продолжали движеніе. Пришлось совершить тяжелый ночной маршъ, хотя, всего въ 10 верстѣ, но въ совершенной темнотѣ (безлунная и облачная ночь), а, главное, перейти до 6 разъ въ бродъ рѣку Сидыха, при чемъ вода доходила мѣстами до пояса и выше. Я поручилъ организацию направленія и связи движенія 2-й сотнѣ, и подъесаулъ Прикашиковъ выполнилъ свою задачу блистательно; мы шли ровно, спокойно, безъ оттяжекъ и наталкиваній, по лучшимъ колеямъ дороги и вѣрнымъ бродамъ; отсталыхъ не было. Отойдя версты полторы отъ Лаодитана, мы встрѣтили возвращавшійся съ рекогносцировки отрядъ Грекова (около 12 сотенъ); я подѣхалъ къ генералу и обратился съ просьбой ориентировать меня относительно всего выясненнаго отрядомъ, но получилъ лишь

краткую фразу: „обратитесь къ начальнику моего штаба“. Конечно я имѣлъ право заставить Грекова дать себѣ трудъ сообщить мнѣ обстановку, потому что это составляло его обязанность, и, какъ начальникъ самостоятельнаго отряда, я имѣлъ право сношеній съ нимъ, но, не желая терять времени и напередъ зная, что Грековъ не способенъ вообще обстоятельно разказать что либо, я поѣхалъ искать Свѣшникова, который однако также ничего не зналъ. Дѣйствительно, отрядъ подошелъ къ перевалу между д. д. Тунсинпу и Сяматунъ, выслалъ за переваль какія то партіи, постоялъ и ушелъ, ничего не развѣдавъ. Можно было только удивляться, зачѣмъ прогоняли нѣсколько десятковъ верстъ 12 сотенъ и держали ихъ подъ сѣдломъ, не желая совсѣмъ дѣйствовать. Но вѣдь то былъ отрядъ подъ начальствомъ Митрофана Грекова, пріѣхавшаго во второй разъ на поля Маньчжуріи искупать свои хозяйственные грѣхи мирнаго времени въ званіи командира полка, бригады и дивизіи; безрезультатность его рекогносцировки болѣе чѣмъ понятна.

Отрядъ прибылъ въ д. Тунсинпу въ 11 ¹/₂ часовъ ночи. Пѣхота была очень утомлена. Бивакомъ стали въ совершенной темнотѣ. Надо было прежде всего выяснитъ, есть ли впереди насъ сторожевое охраненіе, оставленное, по словамъ Свѣшникова, отрядомъ. Я нашелъ въ кумирнѣ командира сотни, сказавшаго мнѣ, что на перевалѣ стоитъ его застава, и поэтому ввѣренный мнѣ отрядъ можетъ не охраняться, тѣмъ болѣе что за весь день присутствіе японцевъ вблизи обнаружено не было. Въ виду сего я отложилъ выполненіе службы до разсвѣта и сдѣлалъ только немедленно соотвѣтствующія распоряженія.

ГЛАВА XI.

Дѣйствія передового отряда у д. Тунсинпу, впереди праваго фланга Ляндясанской позиціи Восточнаго отряда, съ 24-го іюля по 10-е августа.

Задача отряда: охранять линію отъ д. Шанматунъ (правый флангъ) по долину Ломогоу (эта деревня расположена въ 6 верстахъ южнѣе д. Шанматунъ), къ сѣверу до д. Киминсы, протяженіемъ въ 12 верстъ, производить развѣдки на всемъ этомъ фронтѣ до соприкосновенія съ противникомъ и держать связь, направо—съ отрядомъ г. Греккwa (1 бат. 12-го В. Сибирскаго полка, 11 $\frac{1}{2}$ сотенъ и 4 кн. горн. орд.), стоявшимъ въ д. Лаодитанъ, и налѣво—съ охотничьими командами, выдвинутыми въ окрестности д. Ляндясанъ (бывшій этапъ большой дороги Ляоянъ—Фынхуанченъ), и войсками, занимавшими позицію между д. д. Киминсы и Тасинтунъ (на этой передовой позиціи обыкновенно располагался 1 баталіонъ). Резервъ отряда долженъ былъ быть расположенъ въ д. Тунсинпу. Предписывалось имѣть особенное наблюденіе на линіи охраненія за высотой 161, лежавшей въ 1 $\frac{1}{2}$ верстахъ сѣвернѣе перевала между д. д. Тунсинпу и Сяматунъ; кажется эта высота была указана самимъ командующимъ арміей. Такимъ образомъ отрядъ прикрывалъ всѣ подступы къ правому флангу главной позиціи В. отряда, тянувшейся къ востоку отъ д. Кофынцы, до высоты 300, обходъ и охватъ котораго были тѣмъ болѣе вѣроятны, что японцамъ представлялось особенно выгоднымъ нанести свой рѣшительный ударъ въ разрѣзъ между обѣими группами нашей арміи—Восточной г. Бильдерлинга и Южной г. Зарубаева, занимавшей позицію у Айшаньчжуаня.

Принимая во вниманіе ничтожныя силы отряда, трудно было рассчитывать не только на упорное сопротивленіе — задержку наступленія противника, но нельзя было дать сторожевой нарядъ, достаточный для обезпеченія фронта охраненія отъ прорыва партіями японцевъ, по гористой пересѣченной мѣстности. На слѣдующій же день, послѣ ре-

когносцировки позиціи на перевалѣ, я донесъ въ штабъ В. отряда, что для прочнаго удерживанія имѣвшаго столь серьезное значеніе раіона впереди стратегически важнаго (наиболѣе подверженнаго обходу и охвату, такъ какъ стоявшая правѣ В. отряда ближайшая часть войскъ, подъ начальствомъ г. Засулича, была удалена отъ позиціи болѣе чѣмъ на переходъ, и потому являлось естественнымъ стремленіе японцевъ ударить въ разрѣзъ) фланга, необходимо значительно увеличить силы отряда, а, для прочнаго охраненія заданной линіи, желательно получить еще хотя одинъ баталіонъ. Мои соображенія не были приняты во вниманіе. При данныхъ силахъ пришлось организовать службу слѣдующимъ образомъ: было выставлено 3 заставы:

№ 1 (правофланговая) 1 взводъ казаковъ, на дорогѣ — Тунсинпу—Шанматунъ, въ 5 $\frac{1}{2}$ верстахъ отъ первой деревни, на томъ мѣстѣ, гдѣ дорога мѣняла свое направленіе, поворачивая на востокъ;

№ 2 (средняя—главная) $\frac{3}{4}$ роты и $\frac{1}{2}$ сотни, на перевалѣ по дорогѣ Тунсинпу—Сяматунъ, въ 3 верстахъ отъ первой деревни; начальнику этой заставы подчинялся и выделяемый имъ взводъ стрѣлковъ для обезпеченія высоты 161, лежащей въ 1 $\frac{1}{2}$ верстахъ сѣвернѣе перевала;

№ 3 (лѣвофланговая) $\frac{1}{4}$ роты и взводъ казаковъ, на дорогѣ Тунсинпу—Киминсы, въ 4 $\frac{1}{2}$ верстахъ отъ первой деревни.

Заставы №№ 2 и 3 выставляли пѣхотные посты, образовавшіе непрерывную линію охраненія на протяженіи около 4 верстъ, считая отъ заставы № 3 до 1 $\frac{1}{2}$ —2 версты южнѣе перевала, занимаемаго заставой № 2. Продолжить такое же охраненіе до заставы № 1 было невозможно, вслѣдствіе удаленія послѣдней. Слѣдовательно противникъ могъ всегда ночью и даже днемъ проникать между заставами №№ 1 и 2. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ: наступленіемъ 2—3-хъ баталіоновъ въ обходъ праваго фланга заставы № 2 японцы начали Ляоянское сраженіе 11 августа. Всѣ 3 заставы высылали отъ себя постоянно конные дозоры—вѣрнѣе разѣзды—въ долину Ломогоу, которые не только постоянно наблюдали ея участокъ отъ Шанматунъ до Киминсы, но

проникали на правый берегъ протекавшей (теченіе съ юга на сѣверъ) по долинь рѣчки. Застава № 2 высылала пѣшихъ развѣдчиковъ для изслѣдованія мѣстности между ея правофланговымъ постомъ и заставою № 1. Такимъ образомъ въ постоянномъ нарядѣ на сторожевой службѣ находилась половина отряда (1 рота и 1 сотня); смѣна производилась черезъ каждыя 3 или 2 сутокъ, въ зависимости отъ состоянія погоды (жары, перемежающіяся съ тропическими ливнями).

Резервъ отряда расположился въ Тунсинпу; 3 взвода занимали прекрасный импань китайскаго купца; внутреннее помѣщеніе магазина, занимаемое офицерами, было роскошно; одинъ взводъ размѣщался въ фанзѣ по другую сторону улицы; уральская сотня стала бивакомъ у западной окраины деревни; въ близъ лежащей фанзѣ помѣстился штабъ отряда. Деревня тянулась съ востока на западъ на 1½ версты, имѣла двѣ параллельныхъ улицы—дороги и нѣсколько поперечныхъ, представляя неправильнаго вида четырехъ-угольникъ, площадью около 1 кв. версты; на западной окраинѣ деревни находилась обширная усадьба китайскаго офицера. Какъ мѣстный предметъ для обороны, деревня не имѣла никакого значенія, будучи окружена съ 3-хъ сторонъ (кромѣ западной) высотами и холмами, прилежавшими къ ней непосредственно довольно крутыми скатами (съ сѣвера и сѣверо-востока), или подходившими къ ея окраинѣ на ближній ружейный выстрѣлъ холмами (съ юга и юго-востока); на востокъ, къ перевалу, тянулось довольно узкое дефиле—долина ручья, истоки котораго находились у перевала; ручей во время дождей обращался въ бурный потокъ, разрѣзывавшій въ двухъ мѣстахъ главныя улицы деревни; по прекращеніи дождей онъ немедленно высыхалъ.

Позиція у Тунсинпу не удовлетворяла требованіямъ тактики, потому что прилежащія къ ней высоты, которыя и приходилось занимать для обороны, совершенно командовались впереди лежащею мѣстностью; тѣмъ не менѣе, въ случаѣ наступленія противника съ востока и юго-востока (какъ случилось 11 и 12 августа), можно было расположить войска по сопкамъ къ востоку и юго-востоку отъ деревни,

при чемъ первыя отдѣлялись отъ вторыхъ долиною ручья (она же дорогаизъ Тунсинпу въ Сяматунъ). Фронтъ этой позиціи не могъ быть менѣе 2 верстъ, т. е. совсѣмъ не соотвѣтствовалъ силамъ отряда. Лѣвый флангъ—сѣвернѣе названной долины—имѣлъ за собою еще одну относительно хорошую позицію на сопкахъ, лежавшихъ сѣвернѣе деревни, круто обрывавшихся на западъ въ долину р. Сидахыа и имѣвшихъ достаточное командованіе, но отступленіе съ этой послѣдней позиціи было въ высшей степени затруднительно, такъ какъ приходилось слѣдовать по открытой широкой долинѣ болѣе 2 верстъ; въ случаѣ захвата же д. Тунсинпу, можно было уходить только сопками на сѣверъ. Правый флангъ находился еще въ худшихъ условіяхъ, потому что, будучи сбитъ съ невысокихъ сопокъ (скорѣе холмовъ) у деревни, долженъ былъ сразу отходить по открытой мѣстности; кромѣ того сами холмы по своей ничтожной профили не представляли удобства дальняго обстрѣла и укрытія. Я не дѣлаю оцѣнки позиціи на высотахъ по линіи сторожевого охраненія отряда (высота 161, переваль и сопки южнѣе), потому что оборонять ихъ при данныхъ силахъ отряда было совершенно невозможно, хотя нельзя не оговориться, что если бы, вмѣсто 2 ротъ, было 2 баталіона, и можно было бы рассчитывать на серьезную оборону отрядомъ Грекова высоты 282, а передовыми войсками, выдвинутыми къ Ляньдясань, высотъ между д.д. Тагоу и Тасинтунъ, то овладѣніе лѣвымъ берегомъ долины Ломогоу обошлось бы противнику не дешево (на самомъ дѣлѣ японская гвардія заняла его въ ночь съ 10 на 11 августа безъ выстрѣла), а веденіе нашими войсками хотя бы и не упорнаго, а чисто рекогносцировочнаго боя на назначенныхъ позиціяхъ позволило бы выяснитъ группировку силъ и намѣренія противника. Это выясненіе было много труднѣе при условіи боя въ котловинѣ Тунсинпу, окруженной полукругомъ командующихъ гребней и высотъ. Такъ случилось на самомъ дѣлѣ, при чемъ отрядъ Грекова и передовыя части, занимавшія Ляньдясань и сопки между д.д. Киминсы, Тасинтунъ и Тагоу, отошли безъ боя, или съ самой ничтожной перестрѣлкой.

24 іюля съ разсвѣтомъ я былъ уже на перевалѣ. Не только заставы, но и никакого поста Верхнеудинцевъ тамъ не оказалось. Я послалъ искать начальника заставы. Черезъ два часа явился офицеръ, доложившій, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ, и что его люди стояли ночью у самой окраины деревни. Слѣдовательно приходилось не принимать сторожевую и развѣдывательную службу, въ смыслѣ ихъ продолженія, а приступать къ нимъ вновь съ самаго начала: освѣтить мѣстность и искать противника. На заставы стала 2-я сотня подъесаула Прикашикова, самого энергичнаго и дѣльнаго офицера изъ всѣхъ имѣвшихся въ данную минуту въ отрядѣ, и 4-я рота штабсъ-капитана Гребенка (убить подъ Бенсиху 29 сентября), офицера лишеннаго всякой инициативы. Выше я говорилъ, что мѣстность на перевалѣ была уже мнѣ знакома съ 19 іюня; теперь я не могъ лично произвести ей детальную рекогносцировку, потому что нарывъ на правой ступнѣ, вслѣдствіе надѣванія сапога на предшествовавшемъ маршѣ, настолько усилился, что я совсѣмъ не могъ двигаться. Прикашиковъ быстро разставилъ сторожевое охраненіе къ сѣверу отъ перевала, но съ Гребенка, которому было поручено то же къ югу, пришлось повозиться. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что требовалось отъ полуроты, потому что нельзя было примѣнить въ точности требованія устава полевой службы, и на каждое мое указаніе выполненія наряда упорно возражалъ, что это невозможно, или неправильно, или что онъ не понимаетъ въ чемъ дѣло. Пришлось наконецъ внушить ему: „старшій начальникъ не долженъ вмѣшиваться въ детали выполненія службы ротой—заставою, но я уже и такъ принялъ во вниманіе всѣ ваши затрудненія по особенностямъ даннаго наряда и далъ вамъ самыя подробныя практическія указанія, которыя дополню и провѣрю еще, какъ только буду въ состояніи ходить; потрудитесь въ своемъ исполненіи идти навстрѣчу моихъ желаній, и бросьте ваши возраженія и критику, или мнѣ придется передать командованіе ротой другому офицеру“. Съ этой минуты Гребенка сдѣлался, что называется, шелковымъ и выполнилъ все ему указанное вполнѣ удовлетворительно.

Для освѣщенія долины Ломогоу немедленно съ перевала спустились 3 разъѣзда уральцевъ, получившихъ задачи: правый—дойти до д. Шанматунъ, средній—изслѣдовать участокъ Сяматунъ-Хоганза-Холунгоу, и лѣвый—Эрдахэ-Киминсы-Ляньдясань. Эти разъѣзды скоро встрѣтили въ окрестностяхъ д. Сяматунъ нѣсколько десятковъ конныхъ и пѣшихъ японскихъ развѣдчиковъ; я поддержалъ ихъ стрѣлками съ заставы; послѣ перестрѣлки, продолжавшейся около получаса, мы заставили противника очистить не только деревню, но и сопки между д. д. Сяматунъ и Пьяндяванъ, на противоположащемъ берегу. Съ нашей стороны потерь не было, но у японцевъ были убитые и раненые, что подтвердилось не только нашимъ наблюденіемъ и показаніями китайцевъ, но и 6-ю уральцами изъ лѣваго разъѣзда, пробравшимися черезъ д. Эрдахэ на крутыя сопки сѣвернѣе Холунгоу. 3 спѣшившихся казака влѣзли на сопку и, видя какъ китайцы несутъ носилки съ ранеными, открыли огонь по сопровождавшимъ ихъ японцамъ. Китайцы бросили носилки и убѣжали; японцы сперва хотѣли ихъ подобрать, но также принуждены были бѣжать. Казаки не могли спуститься съ отвѣсныхъ скалъ, чтобы взять какіе нибудь трофеи, и просидѣли такъ до ночи. Надо полагать, что этотъ огонь въ тылу японцевъ помогъ намъ принудить ихъ къ скорѣйшему отступленію.

Когда все дѣло кончилось, ко мнѣ пріѣхалъ уссурійскій казакъ вольноопредѣляющійся, хорошо знакомый по службѣ въ полку, и доложилъ, что съ своими двумя казаками принималъ также участіе въ перестрѣлкѣ, выѣхавъ съ юга изъ окрестностей д. Мамакей, съ донесеніемъ г. Грекову отъ начальника разъѣзда корнета Юзефовича. Юноша доложилъ мнѣ, что японцы разъѣздомъ обнаружены не были, и Юзефовичъ вѣроятно скоро возвратится. На мое замѣчаніе, что разъѣздъ можетъ неожиданно наткнуться на японцевъ, которыхъ мы только что прогнали изъ Сяматуна, вольноопредѣляющійся весело отвѣтилъ: „в-е в-е, вѣдь это Юзефовичъ—этотъ не попадется, да къ тому же онъ слышалъ перестрѣлку“. Это соображеніе меня нѣсколько успокоило, потому что когда я вернулся въ Тунсинпу, то за-

сталъ всѣхъ жителей деревни столпившихся на улицѣ и находившихся въ крайнемъ волненіи, предполагая немедленное наступленіе японцевъ, въ виду слышанной перестрѣлки; разстояніе отъ Сяматунъ до Мамакея, гдѣ могъ быть Юзёвичъ, равно разстоянію отъ той же деревни до Тунсинпу и слѣдовательно допускало развѣзду слышать нашу перестрѣлку. Тѣмъ не менѣе я отдалъ приказаніе всѣмъ постами и дозорамъ, въ случаѣ проѣзда мимо нихъ какого либо офицера, немедленно прислать его ко мнѣ, такъ какъ, во-первыхъ, хотѣлъ просто видѣть своего друга, а во-вторыхъ, убѣдиться въ его безопасности, но онъ такъ и не появился, и предчувствіе меня не обмануло: въ этотъ день онъ былъ окруженъ, отстрѣливался, рубился и, по одной версіи, былъ убитъ и зарытъ около д. Мамакей, а по другой взятъ въ плѣнъ смертельно раненымъ и скончался на пути въ Японію. Мнѣ стоило большого труда привить всѣмъ чинамъ отряда правило препровождать ко мнѣ всѣхъ случайно появлявшихся въ районѣ отряда представителей нашихъ войскъ, что не исполнялось даже, когда они бывали въ д. Тунсинпу, т. е. въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Иногда вдругъ въ разговорѣ съ подчиненнымъ узнаешь, что приходилъ казакъ или охотникъ, рассказывавшій то-то и то-то — часто очень важное, напримѣръ при возвращеніи съ развѣдки.

Въ общемъ дѣятельность отряда 24 іюля, т. е. въ первый же день расположенія его въ Тунсинпу, ознаменовалась полной удачей, такъ какъ противникъ отступилъ понеся потери, а мы, не имѣя урона, сдѣлались полными хозяевами участка долины Ломогоу, ввѣреннаго нашему охраненію, достигнувъ подробнаго освѣщенія всего фронта и убѣжденія въ отсутствіи значительныхъ силъ непріятеля. Такой быстрый первый успѣхъ, въ виду предстоящаго выполненія важной задачи, былъ очень полезенъ, ибо онъ поднялъ духъ отряда и сплотилъ между собою его части. Принимая во вниманіе, что, начиная съ 15 іюля, намъ пришлось порядочно поработать и находиться постоянно въ полномъ напряженіи, я счелъ нужнымъ дать нѣкоторую оцѣнку, дѣятельности ввѣренныхъ мнѣ войскъ и отдалъ приказъ отряду № 1 (приложеніе 2-е). Онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе, особенно на

уральцевъ, которые выказывали вообще мнѣ рѣшительно всѣмъ свои симпатіи. Наша дѣятельность была оцѣнена и начальникомъ Восточнаго отряда г. Ивановымъ, извѣстившимъ меня о своемъ удовольствіи всѣмъ сдѣланнымъ отрядомъ и приказавшимъ дать нижнимъ чинамъ нѣсколько чарокъ водки, которой мы достать не могли.

Въ отношеніи связи съ сосѣдними отрядами были приняты слѣдующія мѣры: застава № 3 высылала своихъ казаковъ въ д. Ляндясанъ, застава № 1—къ д. Лаодитанъ; кромѣ того, связь съ отрядомъ Грекова поддерживалась по выставленной имъ летучей почтѣ, долиною р. Сидахыа въ д. Чинертунъ (штабъ В. отряда); по ней же и я сносился со штабомъ отряда; такую связь съ послѣднимъ я сперва не считалъ надежной, не имѣя вообще никакого довѣрія ко всякаго рода службѣ исполняемой частями отряда Грекова, но, на другой же день по вступленіи моемъ въ Тунсинпу, мнѣ случайно удалось сдѣлать летучую почту 2-го Верхнеудинскаго полка своимъ надежнымъ исполнительнымъ органомъ. Постъ, стоявшій въ деревнѣ (около 15 казаковъ) подчинялся мнѣ, какъ начальнику гарнизона населеннаго пункта; я услышалъ, что на посту произошелъ безпорядокъ, и немедленно отправился въ занимаемую имъ кумирню; люди перепились ханшиномъ, и одинъ изъ очередныхъ, посланный съ пакетами въ Чинертунъ, свалившись съ лошади, потерялъ почту, подобранную другимъ казакомъ того же поста. Я произвелъ дознание, убѣдился въ томъ, что ничего не пропало, и внушилъ старшему на посту, а равно и провинившимся казакамъ, что они подлежатъ преданію суду, но я готовъ оставить дѣло безъ послѣдствій, если они поклянутся мнѣ нести впредь службу исправно. Казаки согласились съ радостью, и съ этой минуты исправность ихъ службы не оставляла никогда желать лучшаго. Старшій поста урядникъ по нѣсколько разъ въ сутки являлся ко мнѣ для исполненія моихъ порученій, и точно исполнялъ мое приказаніе, давалъ мнѣ для прочтенія, прежде отсылки въ Чинертунъ, всѣ донесенія изъ штаба Грекова. Ни одно изъ нихъ меня не миновало, а это было необходимо, потому что штабъ этотъ совсѣмъ не оріентировалъ меня въ обстановкѣ, а обращался

лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда почему либо опасался противника и просилъ содѣйствія. Кромѣ того, я могъ иногда ориентировать штабъ В. отряда въ неточности посылавшихся ему донесеній изъ Лаодитана, напр. послѣ рекогносцировки предписанной Грекову въ районъ къ юго-западу отъ Лаодитана (подъ носомъ у отряда), прилежавшемъ къ сферѣ наблюденія моей заставы № 1, прочитавъ въ донесеніи Свѣшникова такую фразу—„японцы не обнаружены, т. е. они были и ушли“—я приписалъ: „никогда японцевъ тамъ не было, потому что уже двое сутокъ тамъ стоятъ и ходятъ посты и дозоры заставы № 1.

Дѣятельность отряда за все время стоянія въ Тунсинпу была довольно однообразна, такъ какъ продолжавшіеся большую часть дней тропическіе дожди сдѣлали затруднительными какія либо операциі. До самого разсвѣта 11 августа противникъ выказывалъ полную пассивность, готовясь къ рѣшительному удару, что было совершенно въ духѣ тактики японцевъ: не заниматься мелкими перестрѣлками и ничего не стоящими набѣгами маленькихъ партій, а начать сразу рѣшительную операцію. Составъ отряда былъ вскорѣ совершенно измѣненъ. 27 іюля пришло приказаніе отправить къ своему полку, находившемуся при 2-мъ корпусѣ, уральцевъ; на смѣну имъ прибыли 5-я сотня 2-го Верхнеудинскаго полка (стала на сторожевое охраненіе днемъ 27 іюля) и 3-я сотня 2-го Читинскаго полка (пришла въ полдень 28 іюля). Уральцы ушли отъ меня 28 іюля, и мнѣ было крайне отрадно видѣть, что, какъ офицеры, такъ и казаки, уходили изъ отряда съ сожалѣніемъ. Съ 5-й сотней Верхнеудинцевъ я отлично познакомился, находясь въ отрядѣ Абадзіева, и поэтому былъ спокоенъ и увѣренъ въ отличномъ исполненіи службы; командиръ сотни подъесаулъ Чернояровъ былъ храбрый, способный и толковый офицеръ, а его оба офицера, сотникъ Васильковскій и хорунжій Ушаковъ были мнѣ извѣстны по гвардіи, а въ особенности первый, какъ выдающійся офицеръ; оба успѣли себя зарекомендовать и боевой службой, которую я наблюдалъ въ Сандіазѣ. Долженъ откровенно сознаться, что прибытіе на смѣну лихихъ уральцевъ 3-й сотни Читинцевъ повергло меня

въ нѣкоторое уныніе; сотней командоваль есауль Князь Александръ Николаевичъ Долгоруковъ, и вотъ именно, узнавъ его, я огорчился. Будучи два года начальникомъ штаба 1-й Гв. кавалерійской дивизіи, я хорошо зналъ большинство ея офицеровъ, а потому зналъ также, что этотъ штабсъ-ротмистръ Кавалергардскаго полка не пользовался репутаціей лихого строевого офицера; впрочемъ мнѣ было извѣстно, что это очень развитой и образованный человѣкъ, окончившій курсъ восточныхъ языковъ при Главномъ Штабѣ и стремившійся дополнить свое образованіе въ академіи генеральнаго штаба, которую онъ теперь временно и оставилъ, отправившись на войну по собственному желанію. Ну, подумаль я, когда крупная, съ виду очень флегматичная, фигура симпатичнаго князя довольно грузно опутилась съ сѣдла на дворъ моей фанзы, и мы привѣтствовали другъ друга на театрѣ военныхъ дѣйствій, какъ старые товарищи придется пожалуй съ нимъ повозиться; я опасался больше всего, что онъ не будетъ проявлять достаточно энергіи. Нарочно описываю впечатлѣніе нашей встрѣчи, чтобы показать, насколько трудно узнать и оцѣнить боевыя способности офицера въ мирное время. Дѣйствительно, безмѣрно благопріятствовавшая судьба посылала мнѣ въ распоряженіе одного изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ достойныхъ русскихъ воиновъ. По крайней мѣрѣ за всю кампанію я не встрѣтилъ въ нашей арміи офицера столь выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ и столь высоко-талантливаго, какъ Князь Александръ Николаевичъ; по совѣсти, скажу, что мы обязаны во многомъ его талантамъ нашими успѣхами надъ японской императорской гвардіей въ бояхъ 11 и 12 августа.

30 іюля былъ отозванъ штабъ-офицеръ Князь Амилахори и уѣхаль поспѣшно, съ удовольствіемъ, даже не простившись со мною. 5 августа, т. е. всего за 5 дней до рѣшительнаго боя (я обращаю вниманіе читателей на то, какъ тяжело начальнику постоянно мѣнять войска, которыми онъ командуетъ, и, долженъ сказать, что это не только тяжело, но неминуемо вредить дѣлу и даже можетъ вести къ катастрофамъ: калифъ на часъ не начальникъ, и это въ такомъ страшномъ дѣлѣ, какъ бой) на смѣну 1-й

и 4-й ротъ 9-го В. Сибирскаго стрѣлковаго полка прибыли 9-я и 10-я роты. Мнѣ было грустно разставаться съ нижними чинами, съ которыми я совершенно сжился за трехъ-недѣльное командованіе ими и зналъ ихъ всѣхъ въ лицо, а многихъ по фамиліямъ, но въ отношеніи офицеровъ, про которыхъ не могу сказать, что они были плохи, я не сожалѣлъ ихъ, кромѣ одного—капитана Врублевскаго. Этотъ симпатичный человекъ имѣлъ орденъ Св. Георгія 4 ст., полученный въ 1900 году не въ борьбѣ съ китайцами или хунхузами въ открытомъ полѣ, а за оборону нашего посольства въ Пекинѣ, гдѣ онъ проявилъ чудеса храбрости, мужества и выносливости. Я увѣренъ, что тѣ тягости, которыя онъ пережилъ, оставили слѣды на его нервной системѣ, и поэтому иногда мнѣ приходилось обращаться съ нимъ какъ съ больнымъ. Тѣмъ не менѣе я успѣлъ оцѣнить высокія достоинства этого человека и прощалъ ему тѣ маленькіе недочеты, которые онъ къ сожалѣнію, проявлялъ довольно часто. Долженъ сказать, что, весьма мало интересуясь своими подчиненными, онъ, тѣмъ не менѣе былъ ими очень любимъ. Среди офицеровъ полка это былъ всеобщій любимецъ. Вновь прибывшія роты производили отличное впечатлѣніе, какъ офицеры, такъ и нижніе чины. Это были роты третьяго баталіона, состоявшаго изъ отборнаго элемента, высланнаго Русской арміей на усиленіе сибирскихъ стрѣлковъ въ самомъ началѣ войны. По моему глубокому убѣжденію фактъ влитія въ эти войска одной третьей части такого отборнаго элемента во многомъ способствовалъ той славѣ, которую стяжали себѣ въ эту кампанію сибирскіе стрѣлки. Командиръ 9-й роты капитанъ Кантаровъ, уже прослужившій 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, былъ еще достаточно бодръ, отличался находчивостью, исполнительностью и точностью. Командиръ 10-й роты капитанъ Томашевскій былъ еще молодой человекъ, интеллигентный, дѣятельный и усердный, знатокъ ротнаго хозяйства. Младшихъ офицеровъ было всего двое, но о нихъ рѣчь будетъ еще впереди, а тутъ только скажу, что они не оправдали перваго произведеннаго на меня благоприятнаго впечатлѣнія. Я выѣхалъ ротамъ навстрѣчу, и, увидѣвъ настоящихъ красавцевъ и богатырей, почувствовалъ подъемъ

духа и сказалъ имъ горячее привѣтственное слово, на которое они отвѣтили мнѣ могучимъ сердечнымъ ура. Какъ сейчасъ помню, всматриваясь при первой же встрѣчѣ въ лица этихъ настоящихъ героевъ, изъ которыхъ скоро я не досчитывался многихъ и многихъ, я прочелъ у нихъ какую то рѣшимость и увѣренность, и не ошибся: эти роты дали Куропаткину первую побѣду на поляхъ Маньчжуріи; онѣ начали и трое сутокъ вели побѣдоносно и грозно начало—завязку его перваго генеральнаго сраженія; онѣ—эта горсть чудо-богатырей—искупили неудачу Восточнаго отряда подъ Тюренченомъ и сдѣлали изъ него непобѣдимый подъ Ляояномъ 3-й Сибирскій корпусъ. Много помогли и казаки, но основою боя были эти двѣ молодецкія роты, пришедшія добровольцами изъ Россіи положить за родину свои головы. Миръ праху павшихъ героевъ, слава и честь живымъ! Вы не только честно исполнили свой долгъ, но покрыли громкою славою свои знамена! Пусть же исторія отдастъ вамъ должное, и пусть ваши, къ сожалѣнію, безвѣстныя имена послужатъ примѣромъ нашимъ дѣтямъ въ будущихъ войнахъ нашего отечества.

Въ общемъ, хотя перемена состава отряда и затруднила исполненіе службы и командованія, такъ какъ новымъ частямъ пришлось вновь знакомиться съ мѣстностью и обстановкой, но качественный составъ прибывшихъ войскъ съ избыткомъ искупалъ эти затрудненія.

Развѣдывательная служба отряда. Выше сказано, что посылая отрядъ съ перевала Мяолинъ въ Тунсинпу, г. Ивановъ предвидѣлъ, что именно на Тунсинпу послѣдуетъ главный ударъ противника, при атакѣ Ляньдясанской позиціи Восточнаго отряда. Помня и вѣря въ указаніе начальника, я старался всѣми силами развѣдать группировку силъ японцевъ не только передъ фронтомъ ввѣреннаго мнѣ отряда, но и много правѣе его, такъ какъ по группировкѣ можно было судить о намѣреніяхъ противника. Естественнѣе всего было предположить, что главныя силы арміи Куроки, все время оперировавшей противъ Восточнаго отряда по большой дорогѣ отъ Фынхуанчена, отлично нами для нихъ разработанной, сосредоточатся именно по ней; эта дорога,

идя съ востока на западъ, у д. Холунгоу рѣзко мѣняетъ направленіе на сѣверо-западъ, но отъ этой деревни отходитъ кратчайшій путь черезъ Хоганзу, сѣвернѣе Сяматунъ, прямо на Тунсинпу (8—9 верстъ); слѣдовательно, такъ и долженъ былъ направиться отъ Холунгоу на Тунсинпу главный ударъ въ охватъ праваго фланга нашей укрѣпленной позиціи, оканчивающійся близъ д. Кофынцы, о расположеніи на которой нашихъ войскъ японцы конечно отлично знали. Дальнѣйшее направленіе отъ Тунсинпу шло на Тасигоу, и я удивляюсь, почему г. Ивановъ, еще за 3 недѣли предрѣшившій замѣчательно вѣрно направленіе атаки Куроки именно сюда, не принялъ къ 11 августа никакихъ мѣръ для парирования его, доказательствомъ чему служить фактъ, что если бы ввѣренный мнѣ отрядъ не удержалъ бы 11 августа натискъ 5-ти баталіоновъ японцевъ, то бой на Ляньдясанской позиціи въ лучшемъ случаѣ закончился бы утромъ 13 августа, а въ худшемъ пришлось бы отступить уже 12-го, имѣя противника въ своемъ тылу; резервы Восточнаго отряда прибыли на правый флангъ Сесигоу—Тасигоу только къ утру 13-го августа, а часть стратегическаго резерва Куропаткина изъ подъ Ляояна—Зарайскій пѣхотный полкъ—только къ полудню того же дня, когда ихъ содѣйствіе было уже бесполезно, и бой былъ нами выигранъ. Мало того, когда боями у Тунсинпу 11 и 12 августа мы выяснили наступленіе на Тунсинпу всей японской гвардіи, всетаки, во исполненіе заблаговременно отданной Орановскимъ диспозиціи, мы должны были идти вдоль всего фронта Ляньдясанской позиціи съ ея праваго фланга на лѣвый, и, лишь по прибытіи въ д. Чинертунъ, 12 августа, г. Ивановъ лично направилъ мой отрядъ къ д. Павшугоу, лежавшей въ 3¹/₂ верстахъ сѣверо-западнѣе Тасигоу.

Кромѣ вѣроятнѣйшаго для дѣйствія арміи Куроки направленія отъ Холунгоу, на Тунсинпу выходили еще два важныхъ направленія, удобныхъ для противника, чтобы оперировать въ обходъ—охватъ праваго фланга Восточнаго отряда, дѣйствуя въ разрѣзъ между нимъ и лѣвымъ флангомъ Южной группы нашей арміи, а именно: долина Тхазелинъ—Ломогоу и долина р. Сидыха, которую оборонялъ—

наблюдалъ Грековъ. Исходя изъ приведенныхъ данныхъ о вѣроятныхъ дѣйствіяхъ противника, мнѣ приходилось развѣдывать по всѣмъ 3-мъ направленіямъ, т. е. и внѣ вѣреннаго мнѣ района, потому что рассчитывать на дѣятельность Грекова, развѣдывавшаго по долинѣ Сидахыа и на югъ отъ Ломогоу, при существовавшей у насъ безотвѣтственности, я не могъ, зная составъ заправиль этой развѣдки въ лицѣ самого Грекова, Свѣшникова и Абадзіева, думавшихъ всегда только о скорѣйшемъ отступленіи. Уже 25 мая было установлено, что японцы, получивъ наканунѣ достаточно неприятностей отъ нашихъ сторожевыхъ частей, благородно ретировались и очистили правый берегъ долины, держа свои передовые посты только въ Нютхіай и по высотамъ съвернѣе и южнѣе. Въ такомъ положеніи противникъ оставался все время передъ нами; проникнуть черезъ его линію охраненія было почти невозможно (хотя мы пытались это дѣлать, о чемъ скажу ниже), вслѣдствіе бдительности охраненія японцевъ, а также вслѣдствіе дождливаго времени, (иногда нельзя было переправляться черезъ рѣку даже вплавь *).

28 или 29 іюля пришло приказаніе штаба В. отряда проинформировать развѣдку противника въ районѣ Шанматунъ-Ломогоу-Титуню, что ясно показывало недовѣріе къ развѣдкѣ отряда Грекова, такъ какъ этотъ районъ входилъ въ сферу его дѣйствій. Дѣйствительно, вотъ что было донесено за послѣдніе дни:

24 іюля. „Развѣзды, посланные отъ Мяолина изъ отряда Мищенко, выяснили передвиженіе противника внизъ по долинѣ Сидахыа и занятіе ими Пахудзая въ 7 верстахъ отъ Мяолина. Въ общемъ всѣми развѣдками и показаніями лазутчиковъ опредѣляется эшелонированіе значительныхъ силъ противника по мандаринской дорогѣ между Хайченъ

*) Есть донесеніе ротмистра Голѣвскаго, командовавшаго охотничьими командами въ окрестностяхъ Ляньдясань, о попыткахъ японцевъ переправляться черезъ рѣку вплавь, но это было ошибкою; пытались плавать мои казаки, и не могли преодолѣть теченіе бурнаго потока.

и Янтай, равно какъ и передвиженіе сильной обходной колонны къ долинь р. Сидахыа“.

27 іюля. „Отъ нашихъ развѣдокъ продолжаютъ получаться свѣдѣнія о сосредоточеніи значительныхъ силъ противника въ долинь Сидахыа, къ югу отъ Пахудзай“.

28 іюля. „27 іюля г. Грековъ съ 7-ю сотнями и 2-мя охотн. командами, при 4 конно-горныхъ орудіяхъ, произвелъ усиленную развѣдку въ долинь Сидахыа, къ югу отъ Пахудзай. У Тинчана (2 версты южнѣе Пахудзай) отрядъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ противника. Наступленіе 2-хъ спѣшенныхъ сотенъ, поддержанныхъ огнемъ 2 орудій, заставило японцевъ въ безпорядкѣ отойти къ югу. Г. Мищенко, прибывшій съ 2-мя сотнями и 4-мя орудіями отъ Сансычецзы, поддержалъ артиллерійскимъ огнемъ наступленіе Грекова, который вынудилъ японцевъ отойти къ Тыашентуню (всего на 3 версты, считая отъ Тинчана). Наступленіе ночи и туманъ заставили Грекова прекратить наступленіе, и отрядъ отошелъ къ Лаодитану. У насъ ранено 6 казаковъ. Развѣдчиками въ Восточной и Южной группахъ арміи движенія значительныхъ силъ противника не обнаружено“.

30 іюля. „Развѣдчиками В. отряда опредѣлилось, что въ долинь Сидахыа передовыя части противника остаются въ Тыашентунь. Наша застава заняла 29 іюля Тинчанъ, въ 3 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Тыашентунь. Также замѣчено присутствіе значительныхъ силъ противника въ долинь праваго притока Сидахыа, въ окрестностяхъ Ліудохыа (долина Ломогоу), верстахъ въ 20 отъ Ляньдясань, въ южномъ направленіи. Противъ Ляньдясань ближайшая застава противника занимаетъ Холунгоу. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ Куроки прибылъ въ Тхавуанъ (Хоянь)“.

Воистину отрядъ Грекова рѣшительно ничего не выяснилъ и только возбудилъ напрасное опасеніе о наступленіи значительныхъ силъ долинами Ломогоу и Сидахыа. Усиленная рекогносцировка, руководимая двумя генералами, производитъ впечатлѣніе о переткѣ. Право, не стоило беспокоить такъ много войскъ (всего 9 сотенъ, команды и 8 орудій), чтобы отбросить на 3 версты ничтожную япон-

скую заставу, ничего не узнать и отойти домой отдыхать. Но у насъ одинаково довольствовались въ штабахъ всякими донесеніями, и хорошими, и пустыми, лишь бы только можно было что нибудь телеграфировать въ Петербургъ и оповѣщать всему цивилизованному міру. Но вѣроятно г. Иванову понадобилось узнать что нибудь вѣрное относительно верховьевъ долины р. Сидяхы, и вотъ обратились къ отряду въ Тунсинпу, приглашая его развѣдывать въ районѣ Грекова. Я послалъ 29 іюля 6 стрѣлковъ 1-й роты, вызвавшихся идти на развѣдку охотниками (см. приложение 2-е). Они возвратились 2 августа и донесли, что доходили до самой д. Титуню (а они вѣдь эти мѣста хорошо знали, простоявъ тамъ болѣе мѣсяца), гдѣ видѣли лишь бивакъ ничтожныхъ силъ противника, и на основаніи этой развѣдки я могъ утверждать, что въ то время ни въ долинѣ Ломогоу, ни въ долинѣ Сидяхы, не было даже и полка японцевъ. Слѣдовательно всѣ вышеприведенныя донесенія были или непровѣренными слухами, или плодомъ фантазіи. Вѣроятно верховья долины Сидяхы и Ломогоу занимали тѣ же передовыя прикрывающія части противника, съ которыми мы имѣли дѣло въ Титуню, и раньше въ Сандіазѣ и Тинтеѣ. Я ручаюсь за добросовѣстность 6 развѣдывавшихъ стрѣлковъ, ибо они готовы были совершить какой угодно рискованный подвигъ, а кромѣ того я обѣщалъ наградить ихъ бѣлыми крестами, но, къ сожалѣнію, и передъ этими героями я оказался обманщикомъ, потому что мое представленіе о ихъ награжденіи конечно завалялось въ штабахъ.

1 августа штабъ В. отряда предписалъ Грекову произвести рекогносцировку на д. Ломогоу, и, насколько помню, онъ долженъ былъ выслать для этого 3—4 роты, 4 орудія и 5 сотенъ. Свѣшниковъ просилъ меня о содѣйствіи, намекалъ даже о вырुकѣ, въ случаѣ ихъ критическаго положенія, но, зная, что никакого противника у Ломогоу мои храбрые сосѣди не встрѣтятъ, я ограничился приказаніемъ начальнику заставы № 1 сотнику Ребиндеръ держать связь съ наступающими частями отряда Грекова, что онъ и выполнилъ. Рекогносцировка свелась къ высылкѣ

3-хъ сотенъ, изслѣдовавшихъ районъ между Шанматунъ и Ломогоу, послѣ чего послѣдовало донесеніе въ штабъ В. отряда, „что противникъ не былъ обнаруженъ“, и оговаривалось, что „японцы были и ушли“. О моемъ дополненіи къ сему донесенію я уже сказалъ выше. Вотъ какъ развѣдывалъ и доносилъ со своимъ начальникомъ штаба г. Грековъ, но вѣроятно удовлетворялъ своею дѣятельностью начальство, давая все-таки нѣкоторый матеріалъ для писанія.

Къ 5—6-му августа дожди прекратились, вода въ горныхъ потокахъ пошла быстро на убыль, и необходимо было посмотрѣть подробно, что дѣлается на правомъ берегу долины Ломогоу. Развѣдка была произведена сотникомъ Васильковскимъ съ 4-мя стрѣлками 9-й роты и 5-ю пѣшими казаками. Онъ долженъ былъ сперва обслѣдовать мѣстность вблизи Хоганзы и Холунгоу и, въ случаѣ если противника тамъ не окажется, проникнуть далѣе уже съ большимъ числомъ людей. Седьмого августа днемъ Васильковскій донесъ мнѣ, что можетъ идти далѣе, и я послалъ ему въ ночь на 8-е августа 6 стрѣлковъ 10-й роты и 15 стрѣлковъ 9-й, съ 4-мя казаками (проводникъ отъ Васильковского и еще 3 конныхъ для посылки донесеній). Имѣя въ своемъ распоряженіи всего 35 человекъ, отважный развѣдчикъ пробрался до самаго Нютхія и, изслѣдовавъ линію сторожевого охраненія противника, отошелъ на другой день съ разсвѣтомъ. Онъ былъ почти окруженъ, но пользуясь темнотою ему удалось уйти.

Вечеромъ 8 августа черезъ д. Тунсинпу прослѣдовали 2 сотни изъ отряда Грекова, подъ начальствомъ подъесаула Козлова, производившія рекогносцировку у д. Мамакей (5 верстъ восточнѣе д. Шанматунъ), главнымъ образомъ для выясненія гибели развѣзда Юзефовича. По словамъ Козлова, онъ обстрѣлялъ съ высотъ надъ д. Мамакей нѣсколько партій японцевъ и ихъ транспортъ, а отъ китайцевъ узналъ о гибели всѣхъ 6 казаковъ развѣзда и ихъ офицера. Такъ какъ эта развѣдка обнаружила присутствіе японцевъ къ югу отъ Холунгоу, въ тылу Васильковского, и пожалуй могла заставить ихъ пошевелиться, то я началъ опасаться, чтобы они не окружили моихъ развѣдчиковъ, и

въ виду этого приказаль полусотнѣ читинцевъ подѣ начальствомъ сотника Зеленкова, находившейся на заставѣ № 2 на перевалѣ, съ разсвѣтомъ 9 августа занять д. Холунгоу. Подтвержденіе гибели Юзефовича, котораго я любилъ, какъ сына, подѣйствовало на меня очень тяжело. Конечно война избираетъ свои жертвы, и каждый долженъ быть только счастливъ найти себѣ славный удѣлъ смерти на полѣ брани, а гибель такого бѣшено храбраго офицера, какъ Михайль Юзефовичъ, была только естественна, но всетаки мнѣ было досадно, что погибъ едвали не лучший изъ волонтеровъ прибывшихъ на войну, воевавшій дѣйствительно во славу Родины и арміи, а не для отбыванія номера. Теперь мною были посланы на отчаянно смѣлую попытку 35 храбрецовъ подѣ начальствомъ Васильковского и, сознаюсь, единственный разъ за всю войну, я пожалѣлъ, что предпринялъ это дѣло, и даже не могъ заснуть всю ночь. Въ 8 часовъ утра прискакалъ читинскій казакъ съ донесеніемъ, что, не доходя д. Хоганзы, полусотня была обстрѣляна изъ гаоляна, причемъ убита одна лошадь. Такимъ образомъ Хоганза и вообще путь отступленія Васильковского былъ перерѣзанъ японцами, и возвращеніе развѣдчиковъ было сопряжено съ большою опасностью уже только потому, что, приближаясь къ Хоганзѣ и чувствуя себя какъ бы дома, они могли тѣмъ легче попасть въ засаду. Поэтому надо было во что бы то ни стало очистить этотъ путь отхода развѣдчикамъ. Я прискакалъ на главную заставу къ перевалу, но, въ виду происходившей смѣны сторожевого охраненія, могъ собрать только $\frac{3}{4}$ роты и $\frac{1}{2}$ сотни. Еще по дорогѣ къ перевалу меня нагналъ Князь Долгоруковъ, спѣшившій къ полусотнѣ, въ виду обстрѣла ея японцами. Собравъ людей подѣ начальствомъ капитана Кантарова, я объяснилъ имъ, что японцы занимаютъ Хоганзу и отрѣзали путь отхода нашимъ развѣдчикамъ, а потому мы должны ихъ выгнать. „Пускай будетъ хоть тысяча японцевъ, но мы ихъ прогонимъ“ — закончилъ я свою рѣчь. Между тѣмъ сотникъ Зеленковъ, вопреки всякому здравому смыслу, не продолжая никакой развѣдки, отошелъ къ самому перевалу, а потому, направляясь съ пѣхотой кратчайшимъ путемъ къ Хоганзѣ, я при-

казаль Долгорукову перейти у д. Сяматунъ на правый берегъ долины и выходить къ Хоганзѣ во флангъ японцамъ, если они занимали деревню, или въ тылъ имъ, если они встрѣтятъ меня ближе деревни. Я предупредилъ есаула, что онъ можетъ быть обстрѣлянъ также съ высотъ у Сяматунъ, а потому, при всей желательности его скорѣйшаго наступленія, необходимо быть осторожнымъ.

Такъ какъ, благодаря поспѣшной ретирадѣ Зеленкова, нельзя было знать гдѣ насъ могли встрѣтить японцы, а вся долина между Сяматунъ и Хоганзой была покрыта гаолянномъ, закрывавшимъ всадника на лошади, то, по выходѣ въ долину, мы выслали патрули и цѣпь. Перейдя нѣсколько ручьевъ и наконецъ главный рукавъ рѣчки, мы безпрепятственно заняли деревню Хоганзу, а одновременно подошла и полусотня. По показаніямъ китайцевъ, утромъ здѣсь было около 100 человѣкъ японской пѣхоты, часть которыхъ ходила дальше и стрѣляла; узнавъ о нашемъ наступленіи, они поспѣшно ушли въ сопки сѣвернѣе Хоганзы. Казаки немедленно освѣтили всю мѣстность до д. Холунгоу, и тогда, убѣдившись, что путь отступленія для нашихъ развѣдчиковъ свободенъ, а также получивъ донесеніе отъ Васильковского, что онъ уже спокойно отходитъ къ Холунгоу, я отвелъ войска назадъ, тѣмъ болѣе, что они были въ нарядѣ трое сутокъ и нуждались въ отдыхѣ. Дѣло 9-го августа, если такъ можно назвать стрѣльбу японцевъ по казакамъ и затѣмъ наступленіе части отряда, имѣло однако нѣкоторое значеніе для послѣдующихъ событій, не говоря про то, что безпрепятственное возвращеніе Васильковского съ развѣдчиками конечно явилось результатомъ нашихъ дѣйствій. Японцы, можетъ быть и выдвинувшіеся впередъ, чтобы перехватить путь Васильковского, сами очутились окруженными съ трехъ сторонъ, ибо съ фронта на нихъ наступала пѣхота, во флангъ ихъ брали казаки, а развѣдчики оказывались у нихъ въ тылу. Они уклонились сѣвернѣе, откуда и обстрѣляли конныхъ казаковъ, состоявшихъ при развѣдчикахъ и спустившихся въ долину между Холунгоу и Хоганзой. Въ этотъ день я могъ оцѣнить дѣятельность Князя Долгорукова. Проведя не мало дней съ казаками, я зналъ насколько трудно на-

ступленіе конныхъ частей въ горахъ, въ этихъ безчисленныхъ корридорахъ, гдѣ на каждомъ шагу можно нарваться на засаду. Въ данномъ случаѣ князь, оцѣнивъ значеніе обхода, шелъ замѣчательно быстро впередъ, хотя, конечно, съ нѣкоторымъ рискомъ. Я узналъ, что этотъ офицеръ смѣлъ и рѣшителенъ, идетъ навстрѣчу интересу общаго дѣла и оцѣниваетъ обстановку. Съ этой минуты я вполне ему довѣрялъ.

Развѣдка Васильковского продолжалась трое сутокъ и установила, что сильная сторожевая часть занимаетъ д. Нютхіай, но присутствія японцевъ въ д. д. Сидяпузъ и Ліудяпузъ не обнаружено. Слѣдовательно, никакихъ перемѣнъ въ расположеніи противника не произошло: онъ попрежнему держался за Нютхіаемъ и дѣйствовалъ пассивно, что доказывало быстрое отступленіе его полуроты изъ Хоганзы, но, повторяю, японцы не обнаруживали своихъ намѣреній до самой минуты ихъ выполненія. 9 и 10 августа прошли совсѣмъ спокойно; мы привели въ порядокъ обувь стрѣлковъ, пришедшую въ такое состояніе, что нѣкоторые ходили босыми; пришлось купить китайскія улы. На 11-е августа я задумалъ произвести съ большею частью отряда наступленіе на Нютхіай, чтобы перестрѣлкой выяснить силы японцевъ, и, если возможно, проникнуть въ глубь ихъ расположенія, а также произвести развѣдку казаками на Мамакей, но въ этотъ день сами японцы приступили къ активнымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и начали Ляоянское генеральное сраженіе.

К о н е ц ъ 1-й ч а с т и .

ЧАСТЬ II.

Начало—завязка генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ.

Бои у д. Тунсинпу 11 и 12 августа и у д. Тасигау 13^{чи} 14 августа 1904 г., впереди праваго фланга и на правомъ флангѣ Ляндзясань - Анпинской позиціи Восточной группы Русской Маньчжурской Арміи.

Въ эту несчастную для Россіи и ея Арміи войну сражались только тѣ начальники, которые желали сражаться; тѣ же, которые этого не желали, могли не сражаться. Естественнымъ послѣдствіемъ такого полнѣйшаго отсутствія требовательности являлась массовая неисполнительность, поощряемая полнѣйшими безотвѣтственностью и безнаказанностью. *К. Д...ъ.*

Русскій солдатъ въ рукахъ хорошихъ начальниковъ оставался такимъ же богатыремъ, какъ и въ представляющія болѣе счастливыя войны нашего Отечества. Этотъ фактъ подтверждаетъ высказанное въ 1877-мъ году, послѣ неудачныхъ штурмовъ Плевны, историческое мнѣніе Военнаго Министра Графа Милютина, указавшаго, что „необходимо беречь кровь Русскаго солдата“. А слѣдовательно теперь пора, послѣ полувѣкового заблужденія, обратиться наконецъ къ подъему искусства управленія войсками въ бою и къ упорядоченію всего нашего военного механизма. *К. Д...ъ.*

Я и нынѣ повторяю, можетъ быть въ болѣе условной формѣ, то, что я утверждалъ до войны (1904—05 гг.): „Будучи вѣрнымъ и самоотверженнымъ, русскій солдатъ представляетъ собою въ рукахъ хорошихъ начальниковъ, которымъ онъ вполне довѣряетъ, такой матеріалъ, какой едва ли имѣютъ еще другія арміи всего свѣта“. *Баронъ Тетмай.*

ГЛАВА I.

Обстановка на театрѣ военныхъ дѣйствій къ 11-му августа 1904 г.

Русская армія.

Послѣ неудачныхъ для насъ боевъ 18 іюля 2-го Сибирскаго корпуса г. Засулича подъ Симученомъ, 10-го армейскаго корпуса г. Случевского на Юшулинскомъ перевалѣ и Восточнаго отряда Графа Келлера на Янзелинскомъ

перевалѣ, наши войска, раздѣленные на 2 группы—Южную и Восточную, отошли и расположились на слѣдующихъ позиціяхъ:

Южная группа Г.-Л. Зарубаева.

Составъ: 1, 2 и 4 Сибирскіе корпуса, съ отдѣльнымъ коннымъ отрядомъ, всего: 57 баталіоновъ, 158 орудій и 60 эскадроновъ и сотенъ.

Войска расположились на укрѣпленной Айшаньчжанской позиціи, имѣя на правомъ флангѣ отъ д. Гушутунъ 1-й и на лѣвомъ до д. Кусанцзы 2-й корпуса, по фронту 14 верстъ. Разстояніе до Ляояна около 30 верстъ.

Восточная группа Г.-Л. Бильдерлинга.

Составъ: Восточный отрядъ Г.-Л. Иванова, 10-й армейскій корпусъ Г.-Л. Случевского—всего 44 батал., 152 орд. и 29 сот.

Эти войска расположились на Ляньдясань — Анпинской укрѣпленной позиціи, по фронту 30 верстъ. Разстояніе до Ляояна около 30 верстъ.

Кромѣ того Г. Бильдерлингу подчинялись еще слѣдующія войска:

Отрядъ Г. М. Янжула, силою 8 бтл., 44 орд. и 6 эск., расположенный на позиціяхъ праваго берега р. Тайцзы.

Резервъ, силою 19 бтл., 64 орд. и 6 эскад., находившійся въ окрестностяхъ Ляояна.

Всего въ Восточной группѣ было: 71 бтл., 264 орд. и 41 эск. и сот.

Резервъ въ Ляоянѣ, всего: 25 бтл., 14¹/₂ сот. и 105 орд. Резервъ въ Мукденѣ, всего: 19 бтл. и 40 орд.

Отряды для обезпеченія фланговъ.

П. Грулева у Бенсиху—5 бтл., 6 ¹/₂ стн. и 6 орд.

Г. М. Любавина у Уинюнина—12 сот. и 4 орд.

Г. М. Косоговскаго (Ляохейскій отрядъ) у Давана—3 бтл., 8 сот. и 4 орд.

П. Мадритова у Лаочена—2 бтл., 12 сот. и 2 орд.

На охранѣ тыла—6 бтл.

Всего въ арміи было: 188 бтл., 153 сот. и эск. и 592 орд. Числительность арміи, безъ нестроевыхъ и артиллерійской прислуги, можно принять въ 151.000 пѣхоты и 18.500 кавалеріи,

но число штыковъ, по нѣкоторымъ даннымъ, можно принять только въ 125.000. и слѣдовательно считать боевой составъ арміи въ 140.000 человекъ.

Японская армія.

1-я армія Куроки въ составѣ 3 дивизій и 1 резервной бригады—76 бтл. 14 эск., 180 пол. и 36 грн. орд.

2-я армія Оку въ составѣ 3 полевыхъ и одной резервной дивизій—48 бтл. 26 эск., 216 пол. и 36 грн. орд.

4-я армія Нодзу въ составѣ 3 дивизій—36 бтл., 9 эск. и 108 грн. орд.

Всего въ 3-хъ арміяхъ: 160 бтл., 52 эск. и 576 орд.

Армія Куроки была расположена на направленіи Фынхуанченъ—Ляоянь, въ окрестностяхъ Тхавуана (Хояна). До Ляояна 45 верстъ, а до Ляньдясанской позиціи 15 верстъ.

Армія Оку—на направленіи Дашичао—Ляоянь, въ окрестностяхъ станціи Восточно-Китайской желѣзной дороги Хайченъ. До Ляояна 65 верстъ, а до Айшанчжанской позиціи 35 вер.

Армія Нодзу—на направленіи Симученъ—Ляоянь, въ окрестностяхъ Симучена. Разстояніе до Ляояна 75 верстъ, а до Айшаньчжанской позиціи 45 верстъ.

Боевая сила японскихъ армій можетъ быть съ нѣкоторою вѣроятностью опредѣлена въ 140.000 человекъ. Въ виду этого можно принимать, что въ генеральномъ сраженіи подъ Ляоянемъ Куропаткинъ и Ояма имѣли равныя силы, и никоимъ образомъ нельзя предположить, что мы уступали въ силахъ нашимъ врагамъ. Мы имѣли большое превосходство въ кавалеріи, а японцы въ количествѣ горныхъ орудій, но, благодаря условіямъ мѣстности, на которой происходилъ бой съ 15-го по 20-е августа, горная артиллерія не давала особенныхъ преимуществъ японцамъ, особенно принимая во вниманіе, что техническія качества нашихъ полевыхъ скорострѣлокъ значительно превосходили таковыя японскихъ орудій.

Сраженіе должно было начаться сперва отдѣльными состязаніями нашей Восточной группы съ арміей Куроки и Южной группы съ арміями Оку и Нодзу, при чемъ,

вслѣдствіе большей близости къ намъ Куроки, первое состязаніе должно было предшествовать второму. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ, но только Восточная группа приняла это состязаніе и разыграла бои за Ляньдясань-Анпинскую позицію 11, 12 и 13 августа, а Южная отдала свои Айшаньчжанскія позиціи безъ сопротивленія и отошла на предгорія, окружавшія Ляоянь.

Въ отношеніи плана нашихъ дѣйствій, можно сказать, что такового у насъ совсѣмъ не было. Съ одной стороны, пользуясь затишіемъ военныхъ дѣйствій съ 20 іюля и прибытіемъ къ намъ подкрѣпленій, мы подумывали о переходѣ въ наступленіе, не представляя себѣ опредѣленно въ какихъ направленіяхъ и когда оно будетъ осуществлено. Съ другой стороны, мы укрѣпляли цѣлыхъ 3 ряда позицій и не знали на которой изъ нихъ будемъ обороняться, а именно позиціи: 1. Айшаньчжань-Ляньдясань-Анпинъ, 2. такъ называемая передовая Ляоянская позиція Шоушаньпу-Кудяцзы-Яючи-Сяпу, и 3. линія фортовъ на лѣвомъ берегу р. Тайцзы отъ Панцзяцзахе до Эфа.

Упорно оборонять первую позицію признавалось неудобнымъ, потому что общее ея протяженіе достигало до 70 верстъ; на фронтѣ ея между войсками обѣихъ группъ арміи оставался ничѣмъ незанятый промежутокъ въ 26 верстъ, въ который противникъ могъ нанести свой ударъ и разрѣзать такимъ образомъ армію на двѣ части, при чемъ Восточная группа могла быть отрѣзана отъ Ляояна и опрокинута въ р. Тайцзы; но Куропаткинъ считалъ удобнымъ перейти съ этой растянутой линіи въ наступленіе и потому не рѣшался сказать, что оборонять ее не будетъ.

Вторая позиція, почему то называемая передовою, тоже не предназначалась для упорной обороны, на что указываетъ ея названіе, а также ея незаконченность, въ смыслѣ укрѣпленія, ни къ 11-му, ни даже къ 17-му августа.

Наконецъ третья позиція, которую приходилось считать главною, если предыдущая являлась передовою, была совершенно абсурдна, какъ по тѣмъ соображеніямъ, которыя я высказалъ уже на страницахъ 54 и 55 части I-й моего труда, такъ и потому, что къ началу Ляоянскаго сраженія въ рас-

пораженіи Куропаткина было слишкомъ много войскъ, а протяженіе этой главной (правильнѣе тетъ-де-понной) позиціи было всего 15 верстъ. Если послѣ сраженія подъ Ляояномъ начали говорить объ идеѣ нашего командующаго арміей, благодаря устройству линіи фортовъ и передовой позиціи, маневрировать со своими войсками на обоихъ берегахъ р. Тайцзы, то я утверждаю, что эта идея придумана послѣ сраженія, на основаніи произведеннаго опыта 19 и 20 августа, вызваннаго исключительно необходимостью парировать обходъ слабыхъ силъ Куроки, переправившихся на правый берегъ рѣки и угрожавшихъ нашей коммуникаціонной линіи.

Приказъ объ оборонѣ позицій Айшаньчжуанъ и Ляньдясань-Анпинъ, отданный Куропаткинымъ 11-го августа г.г. Зарубаеву и Бильдерлингу, все-таки не требовалъ отъ нихъ настоящей упорной обороны, потому что говорилъ только объ отпорѣ, а это слово имѣетъ понятіе скорѣе временной обороны, и былъ именно такимъ образомъ понятъ, какъ этими генералами, такъ и ихъ ближайшими подчиненными. Доказательствомъ этому служитъ то, что именно такъ дѣйствовали оба командира корпусовъ, командовавшіе стратегическими флангами обѣихъ группъ арміи, т. е. лѣваго Южной и праваго Восточной. Г. Засуличъ не проявилъ никакого упорства въ первый же день боя 13 августа, и на примѣръ его авангардъ г. Толмачева просто отходилъ при появленіи передовыхъ японскихъ частей. Г. Ивановъ, не смотря на блестящую побѣду его Восточнаго отряда, въ продолженіе трехъ первыхъ дней боя 11, 12 и 13 августа, уже къ вечеру послѣдняго дня просилъ у г. Бильдерлинга разрѣшеніе ночью отойти и до разсвѣта снять орудія. Донесеніе этого генерала было столь боязливое, что его начальникъ приказалъ ему лично обратиться за разрѣшеніемъ къ г. Куропаткину.

Вообще же всѣ войска настолько привыкли отступать, что, для выполненія ими упорной обороны, слѣдовало потребовать этого отъ всѣхъ корпусныхъ командировъ и начальниковъ дивизій не словами „дайте отпоръ“, а категорическимъ внушеніемъ: „умирать и не уходить“. Но Куро-

паткинъ и не имѣлъ какого либо твердаго рѣшенія, отдавая свой приказъ Зарубаеву и Бильдерлингу 11 августа; онъ только приказалъ что то, такъ себѣ, и затѣмъ ежеминутно продолжалъ колебаться, а, какъ только японцамъ случайно удалось потѣснить наши войска на высотахъ у Пегу (высота 273) на относительно неопасномъ мѣстѣ всей Ляньдясань-Анпинской позиціи, онъ тотчасъ же обратился къ своей любимой тактикѣ отступленія и приказалъ побѣдоноснымъ войскамъ, только что одержавшимъ блестящую побѣду, ретироваться съ обгаренныхъ ихъ кровью позицій, а войскамъ Южной группы отдать безъ выстрѣла всѣ съ такимъ трудомъ укрѣпленныя ими твердыни. На донесеніи г. Бильдерлинга о просьбѣ г. Иванова поспѣшно отступить, г. Куропаткинъ положилъ такую резолюцію: „все это было къ сожалѣнію вполне предусмотрѣно, и распоряженія объ отходѣ дѣлались, когда депеша эта (Бильдеринга) обдумывалась“.

Интересно обратиться къ плану дѣйствій японскаго главнокомандующаго маршала Оямы. Одинъ изъ нашихъ профессоръ военного искусства, состоявшій въ главной квартирѣ Куропаткина и слѣдовательно имѣвшій возможность быть вполне освѣдомленнымъ и получить всѣ нужные матеріалы, а въ особенности уже послѣ войны, въ 1906 г., такъ опредѣлилъ планъ японцевъ даже въ ихъ частностяхъ: „1) 15 августа арміи Оку и Нодзу должны были овладѣть Айшаньчжанской позиціей, а армія Куроки занять линію р. Танхэ; 2) затѣмъ арміи Оку и Нодзу и гвардія (изъ арміи Куроки) должны были демонстрировать противъ Ляояна; и 3) 12-я и 2-я дивизіи съ резервной бригадой (арміи Куроки) должны были нанести рѣшительный ударъ, обойдя лѣвый флангъ Русскихъ“. Если бы дѣйствительно у японцевъ былъ такой планъ дѣйствій, то можно было бы сказать только одно: русскіе послужили для японцевъ обозначеннымъ противникомъ, потому что ихъ планъ былъ разыгранъ и выполненъ въ точности. Я склоненъ думать, что профессоръ высказалъ не планъ японцевъ, который онъ не зналъ, а только тѣ фактическія данныя, которыя произошли на самомъ дѣлѣ, и въ которыхъ сказалось наше пораженіе.

Дѣйствительно, неужели же могъ японскій главнокомандующій знать, что наша Восточная группа, имѣя силы во всякомъ случаѣ не уступавшія Куроки, бросить свои позиціи, отойдетъ къ Ляояну и позволить затѣмъ, совершенно игнорируя ея присутствіе, перейти черезъ непроходимую въ бродъ рѣку и такимъ образомъ угрожать нашимъ путямъ сообщенія. Я полагаю, что если Ояма рѣшилъ атаковать въ августѣ Куропаткина на лѣвомъ берегу р. Тайцзы, то онъ никакъ не могъ рассчитывать на то, что онъ позволитъ ему выдѣлать хотя бы 2 дивизіи на правый берегъ. Этотъ планъ возникъ уже тогда, когда Ояма узналъ, что русскія войска отдали безъ боя Айшаньчжанъ и потерпѣли неудачу подъ Ляньдясань-Анпинъ (наше отступленіе есть въ концѣ концовъ неудача). Въ противномъ случаѣ Куроки не очутился бы въ столь затруднительномъ положеніи для приведенія въ исполненіе приказа Оямы, полученнаго имъ въ полдень 15 августа, ибо его армія въ это время была занята совершенно другою операціей; по крайней мѣрѣ вотъ что пишетъ Гамильтонъ: „этотъ приказъ съ успѣхомъ можно было назвать невыполнимымъ; 1-я армія въ данный моментъ была обращена фронтомъ на сѣверо-западъ и вела съ непріателемъ бой на протяженіи около 20 миль (30 верстъ), на пересѣченнѣйшей и труднѣйшей мѣстности, какую только можно было себѣ представить. Прекратить бой или переимѣнить направленіе такого растянутого фронта было не легкой задачей“. По даннымъ того же Гамильтона, въ ночь съ 17 на 18 августа 12-я дивизія переправлялась („къ большому стыду казаковъ, которые допустили ее это сдѣлать, не поднявъ тревоги и не оказавъ сопротивленія“) черезъ р. Тайцзы у Лентована, а 2-я дивизія уже отошла изъ боя къ Кусаоцину, и эту операцію прикрывали только 4 роты у впаденія р. Танъ въ р. Тайцзы. „Если бы, говоритъ Гамильтонъ, бригада русскихъ спустилась съ своихъ позицій и опрокинула эти 4 роты, или даже если бы только одинъ русскій баталіонъ обошелъ бы ихъ слѣва и вышелъ въ долину Танхэ, то онъ не встрѣтилъ бы въ Анпинѣ никого, кромѣ носильщиковъ и обозныхъ ротъ“. А вѣдь нашъ лѣвый флангъ на позиціяхъ Мындяфанъ—Яючи-

Сяпу только пассивно оборонялся и 17 и 18 августа, а къ 19-му уже оставилъ свои позиціи безъ всякаго натиска японцевъ.

Въ виду всего сказаннаго, я полагаю, что планъ японскаго главнокомандующаго былъ нѣсколько иной. Онъ вовсе не предполагалъ устраивать намъ Седанъ, захвативъ наши пути отступленія на правомъ берегу р. Тайцзы, а намѣревался сдѣлать нѣчто подобное и не прибѣгая къ такому сложному, а, въ близости противника, и рискованному маневру. Ояма надѣялся воспользоваться разобщенностью нашей арміи на двѣ части и разбить каждую въ отдѣльности, предполагая, что Куроки одинъ на одинъ справится съ Восточной группой, которую онъ уже привыкъ побѣждать; для этой цѣли можно было поступить такъ: ударивъ въ правый флангъ Ляндясань-Анпинской позиціи, опрокинуть оборонявшія ее войска въ р. Тайцзы и угрожать лѣвому флангу Южной группы, которую подъ Айшаньчжаномъ также бить въ лѣвый флангъ, отбрасывая отъ Ляояна. Вѣроятность такого предположенія подтверждаетъ рѣшительная атака Куроки отъ Холунгоу на Тунсинпу и Тасигоу, въ охватъ и даже въ тылъ праваго фланга г. Иванова 12 и 13 августа, и наступленіе Нодзу на лѣвый флангъ г. Засулича 13 августа. На самомъ дѣлѣ ударъ на правый флангъ Ляндясанской позиціи былъ не только отбитъ, но выполнявшая его большая и лучшая треть арміи была разбита, и только ея правому флангу (12-й дивизіи бригадъ Кигоши) удалось одержать незначительный успѣхъ. Однако Восточная группа русскихъ войскъ признала себя побѣжденной и ретировалась, что было обнаружено Куроки уже утромъ 14 августа. Равнымъ образомъ Ояма узналъ, что Айшаньчжанъ оставленъ нами въ ночь съ 13 на 14 августа. Тогда то и родился смѣлый планъ, въ виду пассивности нашихъ дѣйствій, предпринять охватъ на правомъ берегу р. Тайцзы, который и даровалъ нашимъ врагамъ побѣду. Конечно, отдавая приказъ своей 1-й арміи Куроки переправляться черезъ рѣку, Ояма шелъ на большой рискъ, но воевать безъ риска нельзя; между тѣмъ опытъ всего предшествующаго Ляоянскаго сраженію періода военныхъ дѣйствій и

начало этого сраженія въ дни 13 и 14 августа давали Оямѣ полное основаніе рисковать, если не въ надеждѣ на неспособность русскихъ войскъ выдержать натискъ японскихъ, то уповая на нерѣшительность—вѣрнѣе робость нашего начальника. Для доказательства этихъ словъ я обрисую здѣсь въ краткихъ чертахъ положеніе обѣихъ сражавшихся сторонъ въ историческую минуту рѣшенія Куропаткина, принятаго на разсвѣтъ 21-го Августа—отступить изъ подъ Ляояна къ Мукдену.

Рѣшеніе это было основано исключительно на убѣжденіи въ невозможности отбросить армію Куроки, угрожавшую пути сообщенія нашей арміи. По свидѣтельству Гамильтона, Куроки, начавъ переправу черезъ р. Тайцзы въ ночь съ 17 на 18 августа, могъ располагать утромъ 21 августа слѣдующими силами:

- 1) 12 дивизія—переправилась къ утру 18 августа;
- 2) Бригада 2-й дивизіи—переправилась къ полудню 18 августа;
- 3) Бригада 2-й дивизіи—прибыла на поле сраженія къ полудню 20 августа;
- 4) Полкъ приданный ко 2-й дивизіи—прибылъ на поле сраженія послѣ полудня 20 августа;
- 5) Бригада Умецава—прибыла къ Янтайскимъ копямъ послѣ полудня 21 августа.

Боевая численность всѣхъ этихъ войскъ опредѣлена Гамильтономъ въ 34.000 человекъ, а безъ бригады Умецава въ 27.000 ч. Слѣдовательно Куроки располагалъ на 21 августа никакъ не болѣе 30.000 бойцовъ. Куропаткинъ могъ противопоставить этимъ силамъ болѣе чѣмъ двойное превосходство бойцовъ, а именно: X и XVII армейскіе, I и III В. Сибирскіе корпуса, что составляло по самому минимальному подсчету 57.000 штыковъ, при 4.500 сабель. Кромѣ того, на правомъ берегу р. Тайцзы находились отряды Янжула, Орлова, Самсонова и Любавина, въ которыхъ было 25 баталіоновъ, 100 орудій и 37 сотенъ.

Итакъ мы слишкомъ въ два раза превосходили численностью боевой силы нашего противника. Сомнѣваться въ такомъ соотношеніи силъ невозможно, ибо боевая сила на-

шихъ 4-хъ корпусовъ принята въ 57.000 ч., а полутора японскихъ дивизій въ 30.000 ч. Можетъ быть скажутъ, что у насъ ощущался недостатокъ снарядовъ для орудій, но Гамильтонъ свидѣтельствуеъ, что къ 20-му августа каждый выстрѣлъ японскаго орудія отнималъ у него день жизни. Именно въ день 20 августа Гамильтонъ отмѣчаетъ самую роскошную стрѣльбу нашей артиллеріи на позиціяхъ у д. Сыквантунъ, на которую японцы не могли отвѣчать по недостатку снарядовъ. Эти данныя говорятъ сами за себя и доказываютъ, что наше отступленіе отъ Ляояна было проявленіемъ крайняго малодушія со стороны того, кому надлежало рѣшить вопросъ о судьбѣ генеральнаго сраженія.

Неужели же можно допустить возможность того, что испытанныя въ бояхъ доблестныя войска Сибирскихъ X-го и XVII-го корпусовъ не нашли бы въ себѣ достаточно мужества, чтобы перейти 21 августа въ рѣшительное наступленіе противъ столь же, если еще не въ большей степени, утомленнаго и обезсиленнаго потерями противника. Вѣдь если бы Куроки былъ въ состояніи по численности и нравственному состоянію своихъ войскъ продолжать рѣшительныя дѣйствія, то конечно онъ развилъ бы съ разсвѣтомъ 21 августа одержанные имъ наканунѣ успѣхи надъ войсками Бильдерлинга и Орлова; по свидѣтельству Гамильтона, успѣхъ надъ первыми былъ равенъ почти пораженію и достался японцамъ слишкомъ дорогою цѣною, а успѣхъ надъ вторыми, хотя и доставшійся болѣе чѣмъ легко, позволилъ лишь надѣяться (но не быть увѣреннымъ) на избавленіе отъ критическаго положенія всей части арміи Куроки, сражавшейся на правомъ берегу Тайцзы.

Нравственное состояніе нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Куроки, вовсе не было подавленнымъ и слѣдовательно безнадежнымъ для активныхъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ въ отношеніи 3-го В. Сибирскаго корпуса могу съ полною увѣренностью засвидѣтельствовать слѣдующее: онъ не потерпѣлъ во всѣ дни Ляоянскаго сраженія ни одной неудачи, а потому духъ его былъ вполне побѣдный; его командиръ въ 10 часовъ утра, 21 августа, отдавалъ

приказаніе проложить колонные пути для наступленія на копи Янтая *); какъ разъ въ эту минуту прибылъ командующій арміей и отдалъ свой роковой приказъ объ отступленіи. Конечно этотъ приказъ тотчасъ же измѣнилъ настроеніе и духъ доблестныхъ войскъ: они сразу почувствовали себя побѣжденными, ихъ тотчасъ оставила всякая энергія, и у всѣхъ, что называется, опустились руки. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что доблестные полки 1-го В. Сибирскаго корпуса не ринулись бы также беззавѣтно въ атаку, если бы только это было имъ приказано, а развѣ плохо сражались наканунѣ части 17-го корпуса. Если бой 20 августа подъ Сыквантуномъ былъ для насъ неудаченъ, то въ томъ виноваты не войска, а полнѣйшее отсутствіе руководства боемъ. Я видѣлъ этотъ бой, наблюдая съ той же высоты, на которой находился командующій арміей съ своимъ многочисленнымъ штабомъ, и тогда же удивлялся столь легкому отношенію къ нему со стороны главной квартиры; точно они находились здѣсь въ качествѣ зрителей какого то мало интереснаго маневра, а вѣдь этимъ боемъ могла быть рѣшена судьба операціи и всей кампаніи. Однако неумѣніе руководить боемъ не можетъ служить основаніемъ для рѣшенія отступать: не честнѣе ли тогда тотчасъ отказаться отъ своихъ полномочій и предоставить рѣшеніе участи арміи другимъ. Во всякомъ случаѣ это было бы продуктивнѣе, чѣмъ смотрѣть и терять время, а потомъ подтасовывать карты для своего оправданія. Вотъ и оцѣнка дѣятельности командной власти нашей Маньчжурской арміи, приводимой Гамильтономъ со словъ одного изъ офицеровъ штаба Куроки:

„Если бы мы вчера (21 августа) двинулись впередъ, то непріятель могъ бы окружить насъ силами вчетверо превосходящими наши. Большое счастье для насъ, что Куропаткинъ вчера или третьяго дня не атаковалъ насъ. Вечеромъ 19-го мы рѣшили ограничиться одними демонстраціями

*) Совѣтъ «проложить колонные пути къ Янтайскимъ копямъ» былъ данъ генераль-лейтенанту Иванову состоявшимъ въ его распоряженіи полковникомъ Дружининымъ.

противъ непріятеля, пока не подойдетъ изъ гвардіи Мацунага, и 2-я и 12-я дивизіи не окажутся въ полномъ составѣ. Мы хотѣли, оставивъ заслонъ противъ сопки 131, продвинуться впередъ къ желѣзной дорогѣ, черезъ Хейянтай и Сафутунъ, противъ самага фронта непріятеля. Однако извѣстіе, что Орловъ, во главѣ почти цѣлой дивизіи, имѣетъ возможность оперировать противъ нашего праваго фланга со стороны угольныхъ копей парализовало наше движеніе: всякій начальникъ счелъ бы рискованнымъ идти впередъ, когда на обоихъ флангахъ остается непріятель въ превосходящихъ силахъ. Генераль нашъ весь вчерашній день находился въ очень непріятномъ затрудненіи.

„Нѣтъ сомнѣнія, что у русскихъ было 12 или 13 дивизій, которыми они могли уничтожить насъ, если бы только рѣшились на это, но они обнаружили большую нерѣшительность. Нашей удачѣ покадаже трудно вѣрить. Я предполагаю, что Куропаткинъ все еще думаетъ что у насъ 6 дивизій.

„Вчера и третьяго дня генеральный штабъ даже appetite потерять... Можетъ конечно случиться что мы потерпимъ неудачу; однако я вполне увѣренъ, что наши атаки, наша смѣлость, которой мы маскировали свое затруднительное положеніе наступившее 20 августа, являются настоящей причиной переправы на сѣверный берегъ находившихся на южномъ берегу Тайцзы, непріятельскихъ войскъ, что дало возможность II и IV арміямъ овладѣть Ляоянскими фортами. Такимъ образомъ роль нашей арміи была исполнена—по крайней мѣрѣ наполовину“.

Подъ словомъ „наполовину“ подразумѣвается конечно тотъ фактъ, что хотя Куроки и удалось принудить насъ къ отступленію, но не удалось насъ запереть.

Вообще изъ сдѣланнаго Гамильтономъ описанія боевъ у д. Сыквантунъ и его окрестностей видно, что штабъ 1-й японской арміи пребывалъ постоянно въ жгучихъ опасеніяхъ за судьбу арміи, а если таковыя опасенія были имъ подмѣчены, то надо предположить, что они были дѣйствительно серьезны, такъ какъ японцы навѣрное старались ихъ маскировать. Если намъ маленькимъ людямъ —

участникамъ великаго историческаго сраженія, даваго окончательно поворотъ кампаніи въ пользу нашихъ враговъ, тогда же казалось, что отступление начатое 21 августа было огромной ошибкой, то теперь, послѣ появленія въ печати отчета Гамильтона, въ этомъ не остается болѣе никакого сомнѣнія. Это служить и должно намъ служить большимъ утѣшеніемъ: не японцы побѣдили насъ подъ Ляояномъ, а мы не пожелали ихъ побѣдить, и ушли именно въ ту минуту, когда побѣда уже была въ нашихъ рукахъ. Таковъ долженъ быть приговоръ исторіи и науки, и пускай армія и Россія знаютъ кому они обязаны проигрышемъ кампаніи.

Такъ какъ моею задачей состоитъ описаніе начала — завязки Ляоянскаго сраженія 11—14 августа, которое исполнено войсками Восточнаго отряда, то я остановлюсь болѣе подробно на описаніи обстановки къ 11-му августа въ войскахъ Восточной группы, а въ частности Восточнаго отряда г. Иванова.

Ляндясань-Анпинская позиція была занята слѣдующимъ образомъ:

Восточный отрядъ г. Иванова.

Правый флангъ и центръ — Полковникъ Лечицкій: 3 бтл. 24 В. С. п. и 24 орд. и Г. М. Кричинскій: 2 и $\frac{3}{4}$ бтл. 23 В. С. п. и 12 орудій, отъ высотъ къ западу отъ д. Кофынцы до этапной дороги (Ляндясань-Ляоянь).

Лѣвый флангъ — Г. М. Даниловъ: 5 и $\frac{3}{4}$ бтл. 21 и 22 В. С. п. и 12 орд., отъ этапной дороги до высоты 300 (не занимая ее).

Резервъ, въ двухъ группахъ: 1. правая — Г. М. Кашталинскій: 6 и $\frac{3}{4}$ бтл. 9, 11 и 12 В. С. п. и 16 орд., въ долину р. Сидяхы, къ сѣверу отъ д. Кофынцы; 2. лѣвая — Г. М. Мардановъ: 3 бтл. 10 В. С. п., у этапной дороги, къ востоку отъ высоты 189.

Передовая позиція между д. д. Тасинтунъ и Ляндясань 1 бтл. 11 В. С. п.

Передовой отрядъ у Тунсинпу — Полковникъ Дружининъ: 2 роты и 2 сотни.

Отрядъ у Лаодитана—Г. М. Грековъ: 1 бтл., 11 $\frac{1}{2}$ сот. и 4 кн. грн. орд.

Участки Лечицкаго, Кричинскаго и Данилова были укрѣплены весьма основательно, такъ какъ работы по укрѣпленію позиціи начались еще въ апрѣлѣ. Кромѣ того укрѣплены тыловыя позиціи у д. Чинертунъ, д. Сяолинцзы и на маломъ перевалѣ Ванбатай.

10-й армейскій корпусъ.

Правый флангъ—Г. М. Гершельманъ: 16 бтл., 54 орд., 8 сот. и 2 охотн. команды, отъ высоты 300 до Мауэрлина.

Лѣвый флангъ—Полковникъ Клембовскій: 4 бтл., Тамбовскаго полка, 8 орд. и 2 сот., на высотахъ у д. Пегоу.

Общій резервъ—Г. М. Васильевъ: 4 бтл. Пензенскаго п. расположились у д. Анпинъ и 8 бтл. 31 пѣх. дивизіи у д. Шуншвянцзы.

Боевые участки Анпинской позиціи были укрѣплены, но профиль ихъ носила поспѣшный характеръ. Тыловая позиція была укрѣплена у Анпина.

Наиболѣе опаснымъ флангомъ всей Ляньдясань—Анпинской позиціи былъ ея правый по слѣдующимъ соображеніямъ: 1. Лѣвый флангъ обезпечивался рѣкою Тайцзы, правымъ берегомъ которой мы владѣли вверхъ по теченію до Бенсиху (отрядъ Грулева) и Уйнюнинъ (отрядъ Любавина), впередъ отъ позиціи на 40 верстъ, при томъ условіи, что хотя рѣка и была кое гдѣ проходима въ бродѣ, но всетаки переправа такимъ способомъ могла быть осуществлена лишь съ большими затрудненіями; задаться цѣлью немедленно переправиться на правый берегъ и отрѣзать путь отступленія на Мукденъ всей Русской арміи, или хотя бы только угрожать оттуда флангу Ляньдясань—Анпинской позиціи, было для Куроки невозможно при данной обстановкѣ, такъ какъ онъ не могъ быть увѣренъ въ бездѣйствіи 10-го армейскаго корпуса и Восточнаго отряда, а выдѣлить противъ нихъ достаточный заслонъ онъ не былъ въ состояніи.

2. Лѣвый флангъ позиціи состоялъ изъ неприступныхъ, а во всякомъ случаѣ трудно доступныхъ хребтовъ и высотъ, которые приходилось эскаладировать.

3. Въ случаѣ охвата (а обходъ стратегическій былъ не-

возможенъ вслѣдствіе указаннаго значенія р. Тайцзы) и даже распространенія въ тылъ Русской позиціи, японцы могли препятствовать отступленію къ Ляояну только незначительной части войскъ Восточной группы, расположенной на правомъ берегу р. Танъ, къ сѣверо-востоку отъ Анпина; остальные войска могли всегда безпрепятственно отойти за р. Танъ, гдѣ у нихъ имѣлась слѣдующая подготовленная позиція; фронтъ послѣдней обозначался рѣкою Танъ, а флангъ этою же рѣкою и рѣкою Тайцзы, здѣсь уже совершенно въ бродъ непроходимую; кромѣ того р. Танъ сама по себѣ, особенно въ дождливое время года (какъ въ дни августа мѣсяца 1904 г.), могла представить серьезное препятствіе, весьма трудное для форсированія.

4. Правый флангъ у д. Кофынцы—д. Тасигоу совершенно не былъ обезпеченъ мѣстностью отъ охвата и обхода, представляя изъ себя холмистую площадь безъ какихъ либо рѣзко обозначенныхъ хребтовъ (конечно сравнивая его съ мѣстностью на фронтѣ и лѣвомъ флангѣ Анпинской позиціи); наступающему было легко распространиться на всей площади между д. д. Тунсинпу, Шихуенцзы, Ванбатай и Сяолинцзы; распространившись на этой площади хотя бы только до линіи Выцзыгоу—Сяолинцзы, японцы ставили всю Восточную группу въ самое критическое положеніе, лишая ее возможности отступить къ Ляояну и угрожая опрокинуть въ р. Тайцзы.

5. Такъ какъ между правымъ флангомъ Восточной группы и лѣвымъ Южной 11-го августа существовалъ открытый, никѣмъ не обороняемый, промежутокъ въ 25 верстъ протяженіемъ (отъ Кофынцы до Кусанцзы), то ударъ въ правый флангъ у Кофынцы, разобщая обѣ группы, препятствовалъ ихъ соединенію; мало того, быстро распространяясь на указанной площади, японцы угрожали и путямъ отступленія къ Ляояну Южной группы.

Вообще если бы японцамъ удалось одержать рѣшительный успѣхъ не только обходомъ, но даже охватомъ праваго фланга Ляньдясанской позиціи, то они сдѣлали бы совершенно невозможнымъ сосредоточеніе обѣихъ частей Русской Маньчжурской арміи и совмѣстный отпоръ ихъ арміямъ Оямы въ

непосредственной близости Ляояна: лѣвый флангъ арміи Куроки подаль бы руку правому флангу арміи Нодзу, и добрая часть нашей арміи въ случаѣ дальнѣйшаго успѣха японцевъ была бы опрокинута въ р. Тайцзы. Если Куропаткинъ счелъ нужнымъ пассивно обороняться 17 и 18 августа на укрѣпленной позиціи, имѣя въ своихъ рукахъ превосходныя надъ противникомъ силы (съ уходомъ части арміи Куроки на правый берегъ р. Тайцзы, поэтому не принявшихъ участія въ бояхъ этихъ двухъ дней, по свидѣтельству Гамильтона, силы нашихъ 4-хъ Сибирскихъ корпусовъ, 10 армейскаго и приданныхъ имъ частей безспорно превосходили силы войскъ Оку и Нодзу), то врядъ ли ему удалось бы разыграть успѣшное сраженіе противъ всѣхъ трехъ армій Оямы, при условіи растянутости нашихъ силъ отъ Маेतунъ до Анпина; пожалуй было бы легко ретироваться съ войсками ближайшими къ Ляояну, благодаря многочисленнымъ мостамъ, прикрытымъ сильнымъ тетъ-депономъ, но отступление Восточной группы при такой обстановкѣ грозило ей катастрофой. Слѣдовательно, удачная атака Гвардіи, направленной Куроки на Тунсинпу—Тасигоу, сулила японцамъ несравненно болѣе выгодъ, чѣмъ ихъ тактическій успѣхъ, одержанный бригадой Кигоши на нашемъ лѣвомъ флангѣ у Пегоу.

Японскій генеральный штабъ не могъ не оцѣнить обстановку, и поэтому въ планѣ разыгранной имъ операціи противъ Восточной группы несомнѣнно должна была существовать идея рѣшительныхъ дѣйствій на правый ея флангъ, доказательствомъ чему служить, что въ этомъ направленіи наступаетъ Гвардія, т. е. лучшія войска, а когда она потерпѣла 11 и 12 августа неудачу, а къ 7 часамъ утра 13-го очутилась въ критическомъ положеніи, Куроки, не колеблясь, посылаетъ ей въ подкрѣпленіе свой послѣдній армейскій резервъ, который однако уже не могъ поправить дѣло. Тотъ фактъ, что Гвардія начала наступать въ направленіи на Тунсинпу, а не еще лѣвѣе, не показываетъ, что Куроки не имѣлъ въ виду обойти—охватить правый флангъ Ляньдясанской позиціи, ибо онъ навѣрное имѣлъ свѣдѣнія, что именно этотъ флангъ былъ занятъ слабѣе всего и, кончаясь у

д. Кофынцы, позволялъ японцамъ выиграть его двигаясь въ кратчайшемъ направленіи: Холунгоу—Тунсинпу—Тасигоу, и, если бы не упорство нашихъ войскъ подъ Тунсинпу, участь сраженія была бы рѣшена уже 12 августа.

Будетъ кстати замѣтить, что въ сочиненіи Гамильтона, весьма точно описывающемъ бой 13 августа, можно пожалуй найти признаніе имъ торжества стратегіи Куроки, вслѣдствіе рѣшительнаго успѣха одержаннаго его правофланговой дивизіей (12-й) на высотахъ Косареи (Пегоу), заставившаго насъ очистить Ляньдясань-Анпинскую позицію. Но это легко объяснить тѣмъ, что японцы вообще тщательно скрывали отъ всѣхъ военныхъ агентовъ свои планы и конечно рады были замаскировать свой неуспѣхъ чѣмъ бы то ни было, а такъ какъ мы все же не воспользовались своею побѣдою надъ японскою гвардіей и отдали имъ наши позиціи, то штабу Куроки было тѣмъ легче ввести въ заблужденіе Гамильтона. Надо обратить вниманіе также на то обстоятельство, что Гамильтонъ былъ допущенъ къ наблюденію боя только утромъ 13 авг., а потому онъ не имѣлъ никакого представленія о томъ, что происходило у Тунсинпу 11 и 12 августа, когда всѣ попытки 11-го и самыя рѣшительныя дѣйствія 12-го августа всей японской гвардіи, овладѣть сперва котловиною Тунсинпу, а потомъ и долиною Сидахья, были отбиты и разстроены. Гамильтону кажется, что Куроки, овладѣвъ полемъ сраженія Ляньдясань—Анпинъ, выигралъ свою операцію стратегически и тактически, а между тѣмъ сраженіе было выиграно только тактически, такъ какъ мы сами отдали свои позиціи, вслѣдствіе тактического неуспѣха на нашемъ лѣвомъ флангѣ у Пегоу, и отошли въ полномъ порядкѣ: нѣтъ и признаковъ стратегическаго преслѣдованія японцами, а тактическое свелось лишь къ перестрѣлкамъ съ нашими арьергардами, дававшими самый рѣшительный отпоръ всѣмъ попыткамъ японцевъ насѣдать на нихъ. Что касается до войскъ собственно Восточнаго отряда, то они остались безусловно побѣдителями въ бою 13 августа, потому что не только не уступили противнику ни одного шага, но сами преслѣдовали его 11-го и 13-го августа у Тунсинпу и Тасигоу.

ГЛАВА II.

Бой у д. Тунсинпу 11-го августа.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію этого историческаго событія, я обращаюсь къ вамъ, мои дорогіе товарищи и соратники по четырехъ-дневному бою за Ляньдясанскую позицію, впереди, на стражѣ ея, у Тунсинпу 11 и 12 августа, и на крайнемъ правомъ флангѣ, вѣрнѣе внѣ его, опять на стражѣ позиціи, 13 и 14 августа у Тасигоу, и отъ всего сердца, всей души, привѣтствую ваше мужество и доблесть на страницахъ исторіи. Пусть этотъ безпристрастный, строгій и справедливый судья отдастъ должное вамъ горсти чудо-богатырей Маньчжурской Арміи, подвиги которыхъ не были оцѣнены; наоборотъ ихъ умалили и замалчивали. Вы исполнили свой долгъ передъ Родиной и Державнымъ Вождемъ, вы уготовили имъ побѣду, покрыли славой ваши знамена, дали полное торжество Русскому оружію надъ Японскимъ; многіе изъ васъ остались спать вѣчнымъ сномъ на обгащенной вашей кровью землѣ, которую вы не хотѣли, не могли отдать врагу, и если бы васъ разбудили теперь и показали, какъ далеко отъ славныхъ, священныхъ могилъ вашихъ были отброшены врагомъ Русскія войска, вы не повѣрили бы; вы сказали бы: „умирая, мы чувствовали, сознавали свою побѣду; мы отомстили японцамъ за несчастье Тюренчена, которое довѣло надъ нами четыре мѣсяца; мы его искупили своею доблестью, своею кровью, и отошли въ вѣчность съ полной вѣрой, что къ нашимъ холодѣющимъ тѣламъ нагнутся русскіе побѣдители и, предавъ насъ землѣ, прослѣдуютъ дальше впередъ, пока не изгонятъ изъ предѣловъ Маньчжуріи и Кореи дерзкаго врага... „но нѣтъ, Русская Армія оставила васъ непогребенными; она ушла опять назадъ побѣжденною и не только отъ мѣста, гдѣ оставила васъ усопшихъ, но уходила дальше почти цѣлый годъ. Да, дорогіе товарищи, отдѣльнымъ ротамъ и сотнямъ было невозможно одолѣть врага въ одиночку, не смотря на все ихъ самопожертвованіе, ибо не нашлось энергіи и поддержки свыше; тамъ думали не о побѣдахъ, а заботились лишь о

благополучномъ исходѣ боевъ въ смыслѣ своевременнаго отступленія; ущербъ русскаго оружія не сознавался; утѣшались какими то будущими успѣхами, обезпеченными въ-роятнымъ будущимъ превосходствомъ силъ нашей арміи надъ японской; обманывали себя и общественное мнѣніе Россіи; такимъ образомъ неуклонно вели все дѣло войны къ катастрофѣ, которая случилась въ концѣ февраля слѣдующаго года, послѣ чего уже Арміи не пришлось помѣряться силами съ врагомъ.

Начало Ляоянскаго сраженія, всецѣло принадлежащее войскамъ передового отряда у Тунсинпу, имѣетъ огромное значеніе для Русско-Японской войны 1904—1905 года; оно настолько огромно, что если бы ввѣренный мнѣ отрядъ не одержалъ бы фактической, настоящей побѣды, то я не имѣлъ бы права его пережить, потому что считалъ бы себя виновнымъ за понесенное Маньчжурской Арміей поражение въ первомъ генеральномъ сраженіи; я поступилъ бы такъ же, какъ это сдѣлалъ Графъ Келлеръ, который не хотѣлъ и не могъ пережить поражения ввѣренныхъ ему войскъ, когда на ихъ долю выпало первыми перейти въ наступленіе; я уже выяснилъ выше, что доблестный воинъ невиновенъ, являясь жертвою бездарнаго командованія арміей. Въ данномъ случаѣ судьбѣ было угодно осыпать насъ своими милостями, т. е. даровать намъ побѣду.

Что бои у Тунсинпу 11 и 12 Августа составляютъ начало Ляоянскаго сраженія служить доказательствомъ тотъ фактъ, что онъ не прекращался для войскъ 3-го Сибирскаго корпуса (такъ былъ переименованъ въ началѣ августа Восточный отрядъ Г. Иванова) до 18-го августа включительно, когда на 19-е число корпусъ былъ выдѣленъ въ резервъ, а мы знаемъ, что 17 и 18-е августа были наиболѣе рѣшительными днями всей Ляоянской операціи, и командующему арміей оставалось только использовать успѣхъ этихъ и предшествующихъ дней.

Что начало Ляоянскаго сраженія, или его завязка, есть достояніе передового отряда у Тунсинпу доказываютъ тѣ факты, что 11 августа, кромѣ него, не сражалась ни одна часть 3 Сибирскаго корпуса до 4-хъ часовъ дня (бой начался

у Тунсинпу въ 7 часовъ утра), если не считать нѣсколько выстрѣловъ на какихъ нибудь постахъ охотничьихъ командъ; точно также и отъ 5 до 8 часовъ утра 12 августа бой шелъ только въ отрядѣ у Тунсинпу, ибо всѣ передовыя части, бывшія лѣвѣе, уже отошли за ночь къ главной позиціи, а равно и отрядъ генерала Грекова, уклонившійся глупо за ея правый флангъ, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Мало того, изъ донесеній на Высочайшее имя Генераль-Адъютанта Куропаткина о бояхъ 11 и 12 августа видно, что дѣйствительно въ первый день сражался только передовый отрядъ 3-го корпуса, у Тунсинпу, а навсѣмъ фронтѣ Маньчжурской Арміи никакихъ столкновеній съ противникомъ не было; во второй день говорится только объ артиллерійской перестрѣлкѣ и упорномъ боѣ двухъ ротъ отряда полковника Дружинина.

Слѣдовательно этотъ ничтожный по составу отрядъ (200—225 стрѣлковъ и 200 казаковъ) долженъ былъ одинъ принять на себя отвѣтственность за начало генеральнаго сраженія, отъ котораго зависѣла судьба всей кампаніи, ибо если бы Ляоянъ былъ нами выигранъ, то мы выиграли бы и кампанію, а возможность такого исхода сраженія доказана: превосходства силъ у японцевъ не было; арміи Оку и Нодзу и большая треть арміи Куроки разбились о стойкость и мужество четырехъ Сибирскихъ корпусовъ, а обходное движеніе Куроки, по времени и пространству, не могло увѣнчаться успѣхомъ, если бы только Куропаткинъ проявилъ какое нибудь руководство ввѣренными ему войсками въ положительномъ смыслѣ и пожелалъ бы возложить лично на себя отвѣтственность хотя бы за рѣшительный актъ всей операціи; но руководство блистало отсутствіемъ, принципъ сваливанія съ себя отвѣтственности примѣненъ въ полномъ объемѣ, отъ первой до послѣдней минуты боя; доминировало чувство самосохраненія, въ смыслѣ нежеланія ничѣмъ рисковать; все это вмѣстѣ парализовало всякій успѣхъ и сдѣлало напрасными доблесть и мужество Маньчжурской Арміи, проявленные подъ Ляояномъ въ самой высокой степени.

Итакъ бой у Тунсинпу имѣлъ выдающееся значеніе, какъ

завязка генеральнаго сраженія вообще, но это значеніе усугублялось въ огромной степени исключительной обстановкой, въ которой находились вообще войска всей Маньчжурской Арміи и въ частности 3-го Сибирскаго корпуса:

а) По отношенію къ войскамъ всей арміи. Раньше я уже высказался, что опредѣленнаго плана веденія всей операціи у Куропаткина не было; находясь въ полномъ невѣдѣніи обстановки, не зная на что рѣшиться, что предпринять, онъ успокоивалъ себя лишь двумя соображеніями: войска будутъ умирать и способностью усѣивать своими тѣлами поля сраженій наконецъ положить предѣлъ энергіи противника, который устанетъ отвѣчать тѣмъ же; Россія представляетъ неисчерпаемый источникъ боевого матеріала и въ концѣ концовъ сломитъ японцевъ подавляющимъ превосходствомъ своихъ силъ. Отступать безъ боевъ Куропаткинъ все-таки не хотѣлъ, ибо допустилъ разстрѣлъ 11-го и 12-го полковъ на Ялу, а затѣмъ, какъ самъ говорилъ впослѣдствіи, желалъ использовать тактически всѣ выгодныя позиціи, постепенно отходя до полнаго сосредоточенія своихъ силъ. Это тактическое использованіе мѣстности выразилось, въ самомъ началѣ, въ разгромѣ нашихъ войскъ у Тюренчена, а затѣмъ въ рядѣ послѣдовательныхъ неудачъ, потому что бои, заканчиваемые отступленіями, фактически составляютъ пораженія, хотя бы отступление и было предрѣшено заранее. Наступленіе противника, захватъ имъ занятой нами территоріи представляется конечно успѣхомъ и побѣдой. Слѣдовательно къ началу Ляоянскаго боя, на который Куропаткинъ тоже смотрѣлъ, можетъ быть, какъ на тактическое использованіе мѣстности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, введя въ дѣло имѣющіяся уже значительныя въ то время силы (болѣе семи корпусовъ) обратилъ въ настоящее генеральное сраженіе, армія знала только рядъ неудачъ, привыкла оставлять свои позиціи и показывать тылъ противнику; такою практикою нельзя поднять духъ войскъ передъ рѣшительнымъ столкновеніемъ, и конечно онъ былъ подавленнымъ, а потому успѣхъ въ началѣ столкновенія неминуемо долженъ былъ способствовать его подъему, былъ необходимъ, какъ самая насущная потребность. И вотъ бой у Тунсинпу

11 и 12 августа былъ въ полной мѣрѣ побѣденъ, т. е. даль именно то, что было столь необходимо Маньчжурской Арміи.

б) По отношенію къ войскамъ 3-го Сибирскаго корпуса— бывшаго Восточнаго отряда генерала Засулича, графа Келлера и наконецъ генерала Иванова, исходъ перваго столкновенія передовой части на позиціи у Ляньдясань, составлялъ рѣшительно все, ибо нигдѣ, ни въ какой части арміи, не жилъ такъ сильно Тюренченъ, т. е. всѣ его печальныя моральныя послѣдствія. Выше, въ 1-й части этого труда, я уже обрисовалъ положеніе войскъ Восточнаго отряда и скажу смѣло, что въ 7 часовъ утра 11 августа оно было совершенно то же, какъ и за все время отъ несчастнаго дня Тюренченскаго пораженія: значительная часть войскъ не имѣла достаточнаго упорства, не была способна удержать позицію при напорѣ противника; думали больше о временномъ задерживаніи, считали отступленіе нормальнымъ явленіемъ. Бой у Тунсинпу 11 августа имѣлъ волшебное дѣйствіе, и уже въ 2 часа пополудни на позиціи у Ляньдясань стоялъ не Восточный отрядъ, привыкшій уступать противнику свои позиціи, а новая часть, познавшая свою силу, сдѣлавшаяся грозной и страшной врагу, способная на самое упорное сопротивленіе, на самое энергичное наступленіе; въ какіе нибудь 7 часовъ времени одни и тѣ же войска переродились, и тогда дѣйствительно Восточный отрядъ отошелъ въ область преданій, а явился 3 Сибирскій корпусъ, считавшійся послѣ 18-го августа самымъ побѣдоноснымъ и славнымъ во всей Маньчжурской Арміи. Эта слава осталась за корпусомъ и послѣ отступленія отъ Ляояна, но къ сожалѣнію закатилась весьма скоро, послѣ операціи у Бенсиху 25 сентября—3 октября того же года. Читатели увидятъ, что и тогда счастье было такъ близко; 3-й корпусъ могъ выиграть всю операцію нашего злосчастнаго на самомъ дѣлѣ наступленія, но онъ не сдѣлалъ ничего положительнаго, побѣднаго; наоборотъ его дѣятельность была пассивна и неискусна, но конечно войска корпуса тутъ ни причемъ: все опять погибло изъ за неумѣлаго руководства операціей и боемъ.

Выяснивъ такимъ образомъ значеніе боя небольшого

отряда, выдвинутого передъ правымъ флангомъ Ляндясанской позиціи цѣлаго корпуса, нельзя не остановиться на разборѣ этого факта, т. е. на выясненіи: правильно, или неправильно, поступилъ командиръ корпуса, возложивъ такую огромную задачу на этотъ отрядъ, поставивъ участь боя въ зависимость отъ успѣха или неуспѣха ничтожной горсти своихъ силъ; вообще интересно рѣшить съ научной точки зрѣнія, на основаніи даннаго опыта, вопросъ о возможности завязывать серьезное сраженіе подобнымъ способомъ. Я конечно не могу обойти этотъ вопросъ молчаніемъ, но отвѣчу на него, сдѣлавъ описаніе двухъ-дневнаго боя ввѣреннаго мнѣ отряда у Тунсинпу, что дастъ возможность читателямъ рельефнѣе судить о вопросѣ, благодаря фактическимъ даннымъ.

10-е августа — канунъ боя — было особенно спокойнымъ днемъ; утромъ на сторожевую службу отправлялась 9 рота; я узналъ, что командиръ роты, капитанъ Кантаровъ, именно въ это число августа былъ произведенъ въ офицеры 25 лѣтъ тому назадъ; по этому случаю счелъ нужнымъ сказать ротѣ нѣсколько словъ, поздравилъ офицера и приказалъ прокричать ему ура. Очередной сотней пошла 2-я Верхнеудинская, но командиръ сотни принужденъ былъ остаться при резервѣ, такъ какъ съ 7-го числа болѣлъ дезинтеріей. На заставы стали: на № 1 — вахмистръ сотни, на № 2 — Кантаровъ, имѣя въ отдѣльномъ взводѣ у высоты № 161 прапорщика запаса Бутовскаго, на № 3 — сотникъ Ушаковъ. Не помню, кто именно изъ офицеровъ заявилъ мнѣ, что теперь впереди послѣдней заставы стоятъ посты отъ баталіона, занимавшаго участокъ передовой позиціи восточнѣе д. Тасинтунъ; кромѣ того въ д. д. Фынцзыай и Эрдахэ стояли посты изъ состава охотниковъ Голѣвскаго; поэтому можно было бы сократить нашъ нарядъ, упразднивъ совсѣмъ заставу № 3; но я отлично помню, что возразилъ на это слѣдующее: „вѣрю только своимъ войскамъ; начать наступленіе японцы, и передъ вами никого не окажется, кромѣ противника; требую бдительности и готовности“. Эти слова оправдались, какъ увидимъ ниже, въ ту же ночь. Мы обѣдали — наличные офицеры резерва отряда — въ 3-й

сотнѣ Читинскаго полка; во время обѣда пріѣхалъ Васильковскій, котораго я посылалъ въ штабъ корпуса (Чинертунь), и сообщилъ, что въ штабѣ замѣтно полное удовлетвореніе дѣятельностью нашего отряда, а командиръ корпуса приказалъ передать свою благодарность всѣмъ его чинамъ. Въ этотъ день я наконецъ — черезъ 5 мѣсяцевъ по прибытіи на театръ войны — получилъ свое содержаніе, что составило порядочную сумму, такъ что я могъ возратить выданный мнѣ Графомъ Келлеромъ авансъ. Князь Долгоруковъ просилъ разрѣшеніе съѣздить въ Ляоянь и собирался выѣхать на слѣдующій день въ 5 часовъ утра. За обѣдомъ зашла рѣчь о боевыхъ впечатлѣніяхъ; одинъ изъ офицеровъ сказалъ: „откровенно сознаюсь, что очень не люблю пуль“; на это я отвѣтилъ, что „пули не должны производить непріятнаго впечатлѣнія, а наоборотъ испытывать настоящий огонь должно быть пріятно“. Офицеръ видимо отнесся къ моимъ словамъ недовѣрчиво.

Какъ всегда, прослушавъ пѣніе стрѣлками вечерней молитвы „Боже Царя храни“, я побесѣдовалъ съ ними и пошелъ спать. Около полуночи пришло донесеніе съ заставы № 2, что японцы потревожили наши посты и ранили одного казака изъ наблюдавшаго въ долину у д. Сяматунъ дозора; донесеніе носило характеръ настолько тревожный, что можно было ожидать наступленія противника, въ виду чего я поднялъ резервъ по тревогѣ; къ 3-мъ часамъ ночи выяснилось, что все успокоилось; „послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ постовъ, японцы ушли въ гаолянь“ — такъ доносилъ Кантаровъ. Я приказалъ всѣмъ ложиться спать, но самъ заснулъ не ранѣе 4—5 часовъ утра. Въ 6 часовъ прискакалъ казакъ съ донесеніемъ отъ Кантарова, что японцы силою не менѣе 2-хъ баталіоновъ обходятъ его посты съ праваго фланга, т. е. между заставой его и № 1, и что положеніе очень серьезное.

Не могу сказать, чтобы это донесеніе меня порадовало, но не потому, что я не желалъ серьезнаго наступленія противника. Наоборотъ я жаждалъ его уже столько мѣсяцевъ и томился именно тѣмъ, что видѣлъ, или руководилъ какими то фантастическими передѣлками, когда приходи-

лось отходить передъ невидимымъ врагомъ, когда не было слышно ни одного артиллерійскаго выстрѣла, а пули прилетали, или вѣрнѣе залетали совершенно случайно; до 11-го августа, я былъ серьезно обстрѣлянь только одинъ разъ—своими же, на переходѣ отъ Мяолина къ Тунсинпу 23 июня. Мнѣ лично былъ нуженъ настоящій бой, въ которомъ я хотѣлъ или умереть, или побѣдить; я страстно хотѣлъ помѣряться силами съ врагомъ, который до сихъ поръ, по справедливому выраженію японскаго главнокомандующаго, видѣлъ передъ собою только отступающихъ и разбитыхъ. Но я былъ увѣренъ, что тревога напрасная, что никакихъ баталіоновъ противника нѣтъ; мнѣ еще претили безчисленные, чуть ли не ежедневныя, тревоги противъ мифическаго врага, пережитыя въ отрядѣ Абадзіева; наконецъ только что происшедшая ночная тревога оказалась также не серьезной; единственнымъ доказательствомъ присутствія японцевъ былъ одинъ раненый казакъ. Натянувъ сапоги (спаль всегда одѣтымъ), я вышелъ на дворъ и увидѣлъ своихъ молодцовъ стрѣлковъ 10 роты безмятежно спавшими, но точно они предчувствовали нѣчто серьезное, ибо ни одинъ изъ нихъ не раздѣлся, а, только снявъ мѣшки, положили ихъ подъ головы. Мнѣ жаль было будить людей. Выйдя на улицу я увидѣлъ такой туманъ, что буквально въ 5 шагахъ нельзя было различить человѣка; это обстоятельство указывало, что противникъ могъ воспользоваться покровомъ тумана и предпринять нападеніе, неудавшееся ему ночью, вслѣдствіе бдительности сторожевыхъ частей. Я приказалъ становиться въ ружье, выводить обозъ (отрядъ не имѣлъ ни одной двуколки, но изъ полка прислали въ каждую роту не менѣе 12 вьючныхъ животныхъ, что, вмѣстѣ съ вьючными и заводными лошадьми двухъ сотенъ, составляло все-таки нѣкоторый обозъ, который слѣдовало убрать съ поля сраженія) къ западной окраинѣ деревни, а сотнѣ—сѣдлать.

Въ 6 часовъ 15—20 минутъ утра прискакалъ опять казакъ отъ Кантарова съ донесеніемъ, что, вслѣдствіе обхода японцами въ значительныхъ силахъ съ праваго фланга, застава № 2 поспѣшно отходить къ Тунсинпу, чтобы не быть отрѣзанной; на заставѣ № 3 слышны выстрѣлы. Скажу

откровенно, что и этому донесенію не повѣрилъ, даже разсердился: какъ же это застава и всѣ посты уходятъ безъ единого выстрѣла? но конечно я не былъ на мѣстѣ, и можетъ быть противникъ, прикрываясь туманомъ, обходилъ расположеніе заставы, которая, какъ сказано выше (см. стр. 254), вовсе не имѣла непрерывной связи съ заставой № 1, а наоборотъ была легко обходима въ какой нибудь верстѣ южнѣе мѣста расположенія резерва заставы. Я послалъ за Княземъ Долгоруковымъ, но онъ уже шелъ ко мнѣ. Въ сущности онъ могъ уѣхать въ Ляоянь, такъ какъ, по окончаніи ночной тревоги, у насъ не было разговора объ отбѣгѣ его поѣздки, разрѣшеніе на которую оставалось въ силѣ; его казаки также провели остатокъ ночи въ полу-готовности, не разсѣдывая коней.

Еще черезъ нѣсколько минутъ пришло донесеніе съ заставы № 3, гласившее, что японцы наступаютъ въ туманѣ весьма энергично, и застава отходитъ кружнымъ путемъ, такъ какъ кратчайшій путь къ Тунсинпу уже занятъ противникомъ. Это донесеніе меня удивило, ибо между заставами №№ 3 и 2 было непрерывное охраненіе и постоянная связь; слѣдовательно, если японцы ихъ разобили, то должна была быть перестрѣлка у взвода занимавшего высоту 161, а между тѣмъ не было слышно выстрѣловъ, и не поступало донесеній отъ Кантарова, что японцы тѣснятъ его лѣвый флангъ.

Я приказалъ капитану Томашевскому немедленно занять 10-й ротой высоты къ сѣверо-востоку отъ деревни, имѣя въ цѣпи не менѣе трехъ взводовъ и, обратясь къ Князю Долгорукову, сказалъ ему: „Вашъ постъ на высотѣ южнѣе деревни въ туманѣ не видитъ ничего; пошлите дозоры освѣтитъ нашъ правый флангъ.“ Вѣроятно я тогда же приказалъ бы ему занять сотнею и самую высоту, составивъ правый участокъ позиціи, но въ данномъ случаѣ инициатива осталась за Княземъ, потому что онъ отвѣтилъ такъ: „разрѣшите занять сотней эту высоту.“ Я отвѣтилъ: „великолѣпно, занимайте; въ случаѣ боя, я буду при стрѣлкахъ на лѣвомъ участкѣ, а Вы командуйте правымъ, куда подойдутъ и остальные казаки (Верхнеудинцы были всѣ въ нарядѣ); полагаюсь на

Вася". Мы встрѣтились съ Княземъ только черезъ двое сутокъ, хотя дрались все время на одной позиціи, не теряя между собой ни на одну минуту общенія, ибо одинаково стремились только къ одной цѣли: не уходить, бить врага и побѣждать; намъ незначѣмъ было стоять плечомъ къ плечу, говорить, объясняться; каждый зналъ, что нужно было дѣлать, и одинъ понималъ другого; Долгоруковъ сразу постигъ, что отъ его упорства и инициативы на правомъ флангѣ будетъ во многомъ зависѣть результатъ боя, и не упустилъ ничего для того, чтобы обезпечить его успѣхъ. 7-й часъ утра былъ на исходѣ; туманъ все также препятствовалъ различать что либо. Прибыль Кантаровъ. Я встрѣтилъ его сухо и строгимъ тономъ спросилъ: „Капитанъ, не рано ли Вы отступили?“ Онъ отвѣтилъ, держа руку подъ кузырекъ, просто и точно: „я самъ не видѣлъ противника, но своимъ людямъ вѣрю; японцевъ не менѣе 4-хъ баталіоновъ.“ Я приказалъ ему стать въ резервъ за 10-й ротой и быть готовымъ удлинить ея лѣвый флангъ.

Васильковскій (адъютантъ отряда) напомнилъ мнѣ, что пора подняться на сопки для управленія войсками, но я отвѣтилъ сердито: „никакихъ японцевъ не будетъ, и не хочу напрасно лазать по кручамъ.“ Затѣмъ, обратясь къ Черноярову, спросилъ его „а Вы какъ думаете—это опять ложная тревога?“ Чернояровъ мучился отъ боли живота и только сказалъ: „надо провѣрить расчетъ казаковъ; всего набирается полъ-сотни“, и повелъ свою часть къ правому флангу позиціи (или онъ оставался при мнѣ—не помню). Мы стояли у западной окраины деревни, совершенно открыто: я, докторъ и Васильковскій; только вѣстовые и лошади, по счастливой случайности, были нѣсколько укрыты въ прилегающей улицѣ.

Отрядный врачъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ гдѣ будетъ перевязочный пунктъ, на что я отвѣтилъ, что въ деревнѣ его устроить нельзя, такъ какъ она будетъ обстрѣливаться, а поэтому придется выносить раненыхъ въ долину Сидахыа, но пока еще объ этомъ рано думать; докторъ можетъ пока оставаться при мнѣ, и я дамъ ему соотвѣтствующія указанія. Откровенно сказать я не вѣрилъ въ

возможность серьезного боя, и такіа детали казались мнѣ излишними.

Я обратился къ Васильковскому со словами: „японцы будутъ такъ любезны, что дадутъ намъ еще нѣсколько времени.“ Въ эту минуту туманъ началъ быстро разсѣиваться; было ровно 7 часовъ и... раздался залпъ нѣсколькихъ десятковъ ружей... пули засвистали и зарикошетировали по камнямъ и каменнымъ стѣнкамъ... То головная полурота или рота японской Императорской Гвардіи имѣла честь открыть первой Ляоянскій бой, а мы—получить на себя ея первыя пули. Почти въ тотъ же моментъ послышалась стрѣльба справа: Князь Долгоруковъ салютовалъ противниковъ, но не такъ безнаказанно, какъ это сдѣлали они, обстрѣливая нашу группу у окраины деревни.

Крикнувъ Васильковскому: „наконецъ то пожаловали! на позицію!“ я вскочилъ въ сѣдло и поскакалъ по деревнѣ, чтобы однимъ изъ переулковъ вынестись на сопки. Сзади уже шла живая перестрѣлка: Долгоруковъ и Томашевскій давали отчетливые залпы. Несясь по главной улицѣ деревни, я замѣтилъ, что группа стрѣлковъ на сопкахъ быстро двигается назадъ, остановилъ коня и закричалъ: „куда? ни шагу назадъ, впередъ на врага!“ Васильковский своими могучими легкими повторилъ этотъ окликъ, и стрѣлки мгновенно остановились *). Въ нѣсколько секундъ мы влетѣли по крутости въ 45 градусовъ на командующую сопку, какъ разъ за серединой расположенія 10-й роты Томашевского.

Вотъ что говорится въ Всеподданнѣйшемъ донесеніи о боѣ 11 августа: „Противъ фронта Восточнаго отряда (нынѣ переименованнаго въ 3-й Сибирскій корпусъ) противникъ силою до 8-ми ротъ, утромъ 11 августа, отъ Пьяндявана и Шанматуна, повелъ наступленіе на селеніе Тунсинпу въ долину Сидахыа, въ 7 верстахъ на юго-западъ отъ Ляндя-

*) Не помню которой роты это были люди, но ротный командиръ докладывалъ мнѣ позднѣе, что люди стояли, или сидѣли, открыто и будучи обстрѣляны, искали укрытія. Можетъ быть было и такъ, но увѣренъ, что энергичное внушеніе оказалось своевременнымъ и принесло пользу: оно сразу ободрило людей и дало понять, что отступленія не будетъ.

сая; у Тунсинпу на подготовленной позиціи былъ расположенъ нашъ передовой отрядъ полковника Дружинина, силою 2 роты и 2 сотни; наши передовые посты, къ которымъ японцы приблизились незамѣтно подъ прикрытіемъ утренняго тумана, отошли на свою позицію; съ 8 часовъ утра завязалось дѣло: наступленіе японцевъ носило нерѣшительный характеръ. На высотахъ къ востоку отъ Тунсинпу была обнаружена постройка окоповъ, но артиллерія противника въ дѣло не вступила; къ отряду полковника Дружинина были направлены подкрѣпленія. Къ 2-мъ часамъ пополудни японцы прекратили наступленіе, имѣвшее вѣроятно только развѣдочный характеръ; отрядъ полковника Дружинина продвинулся впередъ; о подробностяхъ дѣла и потеряхъ донесеніе еще не поступало. Одновременно, на главной Ляоянской дорогѣ, японцы заняли Фынцзыай и Эрдахэ, въ 2-хъ верстахъ на югъ отъ Ляндясань, и здѣсь около 5 часовъ пополудни разыгралась сильная перестрѣлка, ослабѣвшая значительно черезъ $\frac{1}{2}$ часа, о причинахъ и подробностяхъ которой донесенія не успѣли еще быть доставлены“. Это донесеніе отправлено г-мъ Куропаткинымъ 11 августа, а 12-го августа добавлено еще слѣдующее: „отрядъ полковника Дружинина въ дѣлѣ у Тунсинпу потерялъ до 20 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными; послѣдніе большею частью легко; небольшой отрядъ полковника Дружинина съ успѣхомъ сопротивлялся превосходнымъ силамъ противника и всѣхъ убитыхъ и раненыхъ вынесъ съ собою. На помощь отряду полковника Дружинина былъ посланъ 10 Стрѣлковый полкъ; съ прибытіемъ этого полка, противникъ прекратилъ наступленіе. Во время наступленія 10 полка у насъ былъ раненъ 1 офицеръ, убито 4 и ранено 29 нижнихъ чиновъ“.

Только изъ этихъ донесеній я узналъ, что ввѣренный мнѣ отрядъ дрался у Тунсинпу на подготовленной позиціи. Г. Куропаткинъ былъ введенъ къмъ то въ заблужденіе. Полковникъ Дружининъ не мучилъ своихъ людей устройствомъ укрѣпленной позиціи, ибо служба была и безъ того слишкомъ тяжела, а устройство укрѣпленной позиціи для его отряда, при данной обстановкѣ, было со-

вершенной безсмыслицей. Впрочемъ, конечно, кому же могло придти въ голову соображеніе, что отбросить превосходныя силы японцевъ, остановить ихъ наступленіе, можно было какимъ нибудь инымъ способомъ, кромѣ патентованнаго для Русскихъ Армій въ Маньчжуріи единственнаго средства, состоявшаго въ томъ, чтобы зарываться въ землю, окапываться и окапываться. Мы изрыли почву на протяженіи сотенъ верстъ во время войны, мы примѣнили новѣйшія техническія усовершенствованія полевой фортификаціи, но забыли главное, а именно: побѣждаетъ не техника этой науки, не ея совершенство, не мертвыя массы укрѣпленій, окоповъ, траншей, а энергія, активность, искусство маневрированія; громадное большинство нашихъ укрѣпленныхъ позицій даже не были атакованы противникомъ; онѣ доставались часто безъ выстрѣла, иногда служа ему же на пользу, и во всякомъ случаѣ являясь трофеями побѣды японцевъ надъ русскими, нагляднымъ свидѣтельствомъ безплодныхъ трудовъ и мученій послѣднихъ. Ввѣренный мнѣ отрядъ началъ побѣдно наше генеральное сраженіе именно потому, что онъ не былъ пришить къ мѣсту на заранѣ подготовленной позиціи, а дѣйствовалъ въ зависимости отъ обстановки, все время маневрируя, мѣняя мѣста расположенія частей, не только обороняясь, но и наступая рѣшительно, смѣло; только благодаря такому способу дѣйствій, отрядъ понесъ ничтожныя потери (11 августа и 12-го августа всего нѣсколько болѣе 50 убитыхъ и раненыхъ), а главное ввелъ въ заблужденіе противника относительно количества своихъ силъ, благодаря чему остановилъ въ первый же день наступленіе 4—5 баталіоновъ и заставилъ развернуться противъ себя на слѣдующій день дивизію со всею артиллеріей. Хорошо было бы намъ въ этихъ бояхъ, если, придя въ Тунсинпу 24 іюля, мы укрѣпили бы позицію на 2 роты и 2 сотни, фронтомъ въ 500 шаговъ, и неподвижно уцѣлись бы на ней при появленіи 4-хъ баталіоновъ противника: мы были бы окружены и переколоты черезъ нѣсколько часовъ, или, видя это окруженіе, должны были бы бросить свои окопы безъ выстрѣла и спасаться на главную позицію. Примѣръ Тунсинпу поучителенъ для кое кого, ибо если бы его постигли, то мо-

жетъ быть не строили бы 70 верстнаго укрѣпленнаго кордона подъ Мукденомъ, могущество и незыблемость котораго сокрушили 3 дивизіи арміи Ноги, вышедшей на нашъ правый флангъ; командная власть тотчасъ потеряла голову, начала сперва оглядываться къ Телину, а такъ какъ во-время ни парировать обходъ, ни отойти не успѣли, то на удивленіе народовъ всего міра показали военно-историческій примѣръ бѣгства 200.000 массы. Если бы у насъ умѣли руководить войсками и маневрировать, то не потратили бы миллионовъ русскихъ денегъ на укрѣпленія Ляояна во славу инженера Величко, а вѣроятно закончили бы Ляоянъ такъ, какъ мы его начали у Тунсинпу, т. е. побѣдно—пораженіемъ врага, а не отступленіемъ 130.000 славныхъ русскихъ штыковъ съ 550 скорострѣльными, представлявшими послѣднее по совершенству техники слово, орудіями, которое кому то удалось рекламировать въ Европѣ, какъ образецъ стратегическаго искусства, и представить фатальной необходимостью нашему отечеству.

А вѣдь при нашемъ отходѣ отъ Ляояна за нами оставалось всего 100.000 разстроенныхъ, обезсиленныхъ нашимъ геройскимъ боемъ съ 11 по 18-е августа японцевъ, которые не были въ состояніи даже обозначить преслѣдованіе. О слишкомъ большой поспѣшности отступленія отъ Ляояна свидѣлствуютъ донесенія желѣзнодорожныхъ агентовъ: оставлены 3 станціи несчастной, неумѣло, эгоистично эксплуатируемой Восточно-Китайской желѣзной дороги тогда, когда японцы не были даже въ виду ихъ; съ легкимъ сердцемъ подарена противнику работа добросовѣстныхъ труженниковъ Россіи, заставляемыхъ строить и воздвигать на пользу враговъ родины; мы подарили имъ массу матеріаловъ—средствъ и просто обогатили послѣ Ляояна японскую армію.

Я болѣе чѣмъ кто либо не могу простить нашего пораженія подъ Ляояномъ, потому что, насколько имѣлъ возможность, а судьба дала мнѣ въ этомъ отношеніи широкое полномочіе, исполнилъ свой долгъ; моему отряду было ввѣрено начало—завязка генеральнаго сраженія, и, послѣ столькихъ неудачъ нашихъ войскъ, онъ одержалъ первую

настоящую побѣду надъ врагомъ, но ее не использовали и свели на нѣтъ управленіемъ и руководствомъ, погубивъ все побѣдно начатое дѣло. Пусть же справедливый судъ исторіи рѣшить, что сдѣлалъ для Ляоянскаго сраженія ничтожный по своимъ силамъ передовой отрядъ у д. Тунсинпу.

Продолжаю описаніе боя. Занявъ самую высокую сопку, я могъ окинуть взглядомъ все поле сраженія и сразу замѣтить, что войска стоятъ правильно — для даннаго положенія дѣлъ, не смотря на то, что между крайней стрѣлковой винтовкой лѣваго фланга и крайнимъ спѣшеннымъ казакѣмъ праваго было болѣе двухъ верстъ; только удерживая все это пространство, можно было оказать сопротивленіе значительнымъ силамъ противника, не дать ему охватить себя съ обоихъ фланговъ; тѣмъ не менѣе конечно необходимо было проявить значительную упругость, такъ какъ противникъ могъ легко обойти; я не очень опасался за лѣвый флангъ, гдѣ былъ баталіонъ на передовой позиціи сѣвернѣе д. Тагоу, и должны были дѣйствовать нѣсколько охотничьихъ командъ; на самомъ дѣлѣ и до перваго и до послѣднихъ было далеко, и они существенной поддержки не оказали, но застава № 3, отойдя лѣвѣе занятой ротами позиціи, заняла выгодную сопку въ полуверстѣ отъ ихъ лѣваго фланга и тѣмъ обезпечила незанятый промежутокъ. Хуже было на правомъ флангѣ: если бы японцы дѣйствовали согласно сказаннаго во Всепоподданнѣйшемъ донесеніи, т. е. отъ Шанматуна, примѣрно на Пейлинцзы, съ юга, то конечно они скоро охватили бы не только флангъ, но и тылъ Князя Долгорукова; однако и японцамъ было свойственно дѣлать ошибки, ибо я получалъ пока успокоительныя донесенія съ заставы № 1, и она еще оставалась на мѣстѣ. Японцы не наступали на насъ долиною Ломогоу и не прошли у Шанматуна, а весь день они держались на фронтѣ передъ нашей позиціей; впрочемъ ихъ наступленіе замерло съ самаго начала, и вотъ почему.

Кантаровъ поступилъ превосходно, немедленно и быстро отступивъ безъ единого выстрѣла; что могъ онъ сдѣлать при такомъ туманѣ и столь значительномъ превосходствѣ

силъ противника? Удерживать противника огнемъ невозможно, когда нельзя различать предметы въ 5—10 шагахъ, а бороться грудь съ грудью было бы безумно, такъ какъ наши силы были слишкомъ слабы. Японцы вѣроятно знали расположеніе постовъ (мы стояли тамъ уже болѣе двухъ недѣль) если не заранѣе отъ шпионовъ, то по своей ночной попыткѣ; они даже вѣрно намѣтили себѣ и дыру для обхода сторожевого охраненія; но они конечно узнали и объ отступленіи нашихъ сторожевыхъ частей, вѣроятно ихъ не удивившемъ; какъ часто, при первыхъ признакахъ наступленія японцевъ, наши передовыя части уходили, не выказывая никакого упорства; слѣдовательно все шло по обыкновенію. Я утверждаю, что японцы знали отлично, что въ Тунсинпу стоитъ ничтожный сторожевой резервъ, ибо главная позиція была только на высотахъ у д. Кофынцы, т. е. въ 5 верстахъ сзади.

Направивъ 4—5 баталіоновъ, чтобы смести слабое наше сторожевое охраненіе у Тунсинпу, побѣдоносные, смѣлые японцы поставили себѣ главнѣйшею цѣлью возможно скорый захватъ всего пространства сопокъ между долинами Ломогоу и Сидахыа; утвердившись, окопавшись, выставивъ батареи, они могли затѣмъ нанести рѣшительный ударъ правому флангу Ляндясанской позиціи, отъ Тунсинпу въ охватъ его на Тасигоу *).

Подъ покровомъ непроницаемаго тумана, воодушевленные своими знающими мѣстность и обстановку генералами, авангарды г. Куроки спѣшили доблестно выполнить первый актъ великаго событія, Ляоянскаго Генеральнаго Сраженія—его начало-завязку; они успѣшно дебушировали изъ долины Ломогоу на ея лѣвый берегъ, быстро, какъ кошки, какъ это умѣютъ дѣлать только аборигены горъ, вползли на

*) Я писалъ это въ началѣ 1906 года, а вотъ что говоритъ Швейцарскій военный агентъ, полковникъ фонъ Герчъ (переводъ К. Адарики, изд. В. Березовскаго стрн. 114): «Начальникъ гвардейской дивизіи (генералъ Хасегава) принялъ рѣшеніе овладѣть прежде всего высотами, находящимися къ сѣверу и юго-западу отъ Холунгоу, оттѣснить затѣмъ передовые посты противника, утвердиться на высотахъ у Киминсы и Тагоу съ тѣмъ, чтобы выставить на нихъ артиллерию»

гребни высотъ, командующихъ надъ котловиной Тунсинпу, и слѣдовательно сразу безъ выстрѣла заняли весьма выгодное тактическое положеніе; конечно будь у нихъ хоть одна—двѣ батареи, то оборона Тунсинпу не была бы возможна; но эта помощь не была имъ нужна; ибо зачѣмъ же тратить время на подъемъ орудій, рекогносцировку позицій, расположеніе батарей, когда, по всѣмъ даннымъ и расчетамъ, по опыту 4-хъ мѣсяцевъ борьбы съ Восточнымъ отрядомъ, 5-ю баталіонами не трудно смести сторожевыя части противника; а вотъ, занявъ правый берегъ долины Сидакхы, овладѣвъ самымъ Тунсинпу, можно подтянуть артиллерію и поставить ее сразу на мѣсто для подготовки рѣшительнаго удара: вѣрная экономія времени, труда, снарядовъ, да и нѣкоторая маскировка подготовки атаки, ибо, если нѣтъ пушекъ, то и опасаться серьезнаго удара въ современномъ бою нельзя. Но, г. г. японцы, на этотъ разъ вы ошиблись: пренебрегать основнымъ правилами тактики не слѣдуетъ; и, при завязкѣ боя, артиллерія должна быть близка, должна сопровождать пѣхоту; только благодаря игнорированію вами этого принципа, ничтожный отрядъ нашъ у Тунсинпу одержалъ надъ вами побѣду, хотя, повторяю, вы имѣли нѣкоторое основаніе такъ дѣйствовать.

Можетъ быть раздадутся протесты за то, что я позволяю себѣ говорить о столь легкомъ отступленіи передъ японцами передовыхъ частей Восточнаго отряда, но развѣ дѣйствія послѣднихъ 11-го и 12-го августа не подтверждаютъ наглядно, фактически моихъ словъ. Обратитесь къ Всеподданнѣйшему донесенію 11-го числа и прочтите“.. одновременно, на главной Ляоянской дорогѣ, японцы заняли д. д. Фынцзыай и Эрдажэ, въ 2-хъ верстахъ на югъ отъ Ляндясань“... Что это значитъ? значитъ, что эти пункты были уступлены имъ легко, безъ упорства (я не говорю даже безъ выстрѣла), а вѣдь у Ляндясань дѣйствовали не менѣе 5 охотничьихъ командъ 3-го корпуса, подъ начальствомъ причисленнаго къ генеральному штабу ротмистра Голѣвскаго. Это по официальной реляціи, а вотъ свѣдѣнія, которыя я могу засвидѣтельствовать. Выше было сказано, что подчиненные

просили меня облегчить сторожевой нарядъ сокращеніемъ заставы № 3, такъ какъ передъ нею стояли двѣ линіи нашихъ же сторожевыхъ постовъ, но я не согласился. Однако сотникъ Ушаковъ повидимому уповаль на выставленное впереди его заставы охраненіе и разсѣдлалъ; въ результатъ японцы появились передъ нимъ внезапно, какъ онъ сознался потомъ; застава сѣдлала подъ выстрѣлами противника. Куда же дѣвались всѣ многочисленные посты и развѣдчики? почему отрядъ охотниковъ—отборныхъ нижнихъ чиновъ и выдающихся офицеровъ отдалъ ввѣренный ему районъ мгновенно, безъ малѣйшаго упорства, между тѣмъ какъ отрядъ у Тунсинпу, несравненно слабѣйшій по составу (охотники имѣли не менѣе 700—800 винтовокъ, а у насъ всего 400) сохранилъ его за собою? Читаемъ далѣе въ томъ же донесеніи Генераль-Адъютанта Куропаткина: „... и здѣсь (у Фынцзыай и Эрдахэ) около 5 часовъ пополудни разгорѣлась сильная перестрѣлка, ослабѣвшая значительно черезъ $\frac{1}{2}$ часа...“ Никакой перестрѣлки въ это время тамъ быть не могло, ибо японцы къ полудню 11 августа прочно владѣли высотой 161, а деревни Фынцзыай и Эрдахэ находятся въ тылу послѣдней, въ разстояніи 3—5 верстъ; перестрѣлка началась, но только то было наступленіе 10-го стрѣлковаго полка (западнѣе Киминсы) и ввѣреннаго мнѣ отряда.

Въ нашемъ сторожевомъ нарядѣ была 9-я рота; одинъ взводъ, подъ начальствомъ прапорщика запаса Бутовскаго, занималъ высоту 161; я уже сказалъ, что не могъ понять, какимъ образомъ японцы вышли на кратчайшій путь между Тунсинпу и расположеніемъ заставы № 3. Къ сожалѣнію не спросилъ объ этомъ Кантарова, когда онъ явился ко мнѣ въ 7-мъ часу утра, немедленно пославъ его на позицію. Затѣмъ руководство боемъ въ теченіе цѣлаго дня не позволяло вспоминать и разслѣдовать что либо; только вечеромъ 12-го числа я узналъ, что Бутовскій со своимъ взводомъ, ничего не донеся, поспѣшно отступилъ, и, какъ вы думаете, куда? къ нашему обозу, въ долину р. Сидыха. Развѣ это не бѣгство при первомъ же появленіи противника? Я виноватъ въ томъ, что не донесъ о такомъ

преступленіи по начальству, и прапорщикъ Бутовскій не былъ преданъ суду и исключенъ изъ арміи, но вѣдь я былъ калифомъ на часъ, я зналъ къ чему приводятъ жалобы на офицеровъ, какъ къ этому относится начальство, и наконецъ во вниманіе къ доблести обѣихъ ротъ отряда, проявленной въ продолженіе всего боя, не хотѣлъ изъ за какого то одного урода подымать столь непріятное для славнаго полка дѣло. Каюсь въ этой своей винѣ, но конечно не могу считать себя отвѣтственнымъ за Бутовскаго, ибо могъ ли я отвѣчать за дѣйствія ввѣренныхъ мнѣ войскъ, когда составъ ихъ мѣнялся чуть ли не ежедневно.

Правѣ отряда у Тунсинпу стоялъ передовой отрядъ генерала Грекова (4 роты, 11¹/₂ сотенъ, 4 конно-горныхъ орудія). Въ Всеподданнѣйшемъ донесеніи 12-го августа читаемъ: „... 11 августа японскій баталіонъ повелъ наступленіе по долинѣ Сидакхыа отъ Айцзяпущзы, черезъ Пахудзай, на Лаодитанъ, въ окрестностяхъ котораго былъ расположенъ нашъ передовой отрядъ г. Грекова; наступленіе японцевъ около 3-хъ часовъ пополудни было остановлено у Лаодитана ротою 12-го полка, потерявшей 5 нижнихъ чиновъ ранеными“... Какъ понимать такія дѣйствія передового отряда? превосходя противника силою, имѣя артиллерию, онъ подпускаетъ противника безъ выстрѣла къ самому мѣсту расположенія (онъ долженъ былъ стоять въ Лаодитанѣ, если только въ тотъ день не отошелъ отъ него, на что впрочемъ есть нѣкоторыя указанія), и тутъ только одна рота одерживаетъ легко побѣду надъ вчетверо сильнѣйшимъ противникомъ. Что же дѣлаютъ остальные силы отряда? что онъ выяснилъ? почему не развилъ успѣха одной храброй роты? Нѣтъ, по всему видно, что японцы только обозначили наступленіе, а отрядъ уже приготовился отходить, что и сдѣлалъ съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня безъ выстрѣла, но объ этомъ еще скажемъ далѣе.

Полагаю, что всѣхъ приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы не считать моихъ словъ о поспѣшныхъ отступленіяхъ передовыхъ частей Восточнаго отряда, при появленіи противника, недоказанными. Можетъ быть возражать, что передовыя части не обязаны ввязываться въ упорный бой съ

противникомъ, безъ особаго приказанія, а должны отходить, но тогда для чего же эти части существуютъ, и какую пользу приносятъ? Только упругостью, извѣстнымъ упорствомъ, наконецъ боемъ, могутъ передовыя части выяснить силы и намѣренія противника. Дѣйствительно, что выяснилъ отрядъ Грекова, поспѣшно скрывшійся отъ Лаодитана за правый флангъ Ляндясанской позиціи, въ теченіе двухъ дней подготовительныхъ дѣйствій японцевъ 11 и 12 августа? только то, что 11-го августа свалился съ неба къ Лаодитану одинъ баталіонъ (изъ Айцзяпуцзы—посмотрите на картѣ и увидите, что дѣйствительно съ неба!). Въѣренному мнѣ отряду также не было отдано категорическое приказаніе драться упорно, но мы проявили столько упорства, что заставили противника показать дивизію съ артиллеріей, заставили его обнаружить направленіе своего удара на Тасигоу, т. е. въ тылъ праваго фланга Ляндясанской позиціи, дали время командующему арміей подтянуть резервы изъ Ляояна (всю 35-ю пѣхотную дивизію), изъ за 20 слишкомъ верстъ; словомъ дали возможность и ему, и командиру корпуса, удержать Ляндясанскую позицію, т. е. побѣдить; кромѣ того мы подняли духъ войскъ, чѣмъ удесятирили ихъ силы; мы, правда, ушли отъ Тунсинпу 12-го августа, но ушли побѣдителями, съ сознаниемъ исполненія своего долга. Развѣ всѣ эти стратегическіе и тактическіе фактическіе результаты не окупаютъ сравнительно ничтожныя потери, понесенныя отрядомъ въ бояхъ 11 и 12 августа—менѣ 20% состава.

Всетаки японцы захватили однимъ махомъ командующія высоты лѣваго берега долины Ломогоу: высоту 161, переваль и сопки южнѣе, *) т. е. одержали первый тактическій успѣхъ. Спускаться всегда легче, чѣмъ подниматься: лучше, виднѣе мѣстность передъ собою, меньше физическое напря-

*) 25-го іюля (смотри стр. 253 и 254 1-й части) я донесъ генералу Иванову, что для удерживанія, въ случаѣ наступленія противника, этихъ высотъ необходимо увеличить составъ отряда по крайней мѣрѣ до одного баталіона; но кромѣ того конечно было необходимо и хотя нѣкоторое упорство другихъ передовыхъ отрядовъ.

женіе; поэтому является большой порывъ впередъ. И упорные успѣхомъ, если еще не видѣвшіе въ туманѣ, то конечно знавшіе объ отступленіи нашихъ сторожевыхъ частей, японцы безостановочно, по пятамъ спѣшно уходившихъ, какъ казалось имъ, русскихъ, начали спускаться въ котловину Тунсинпу. Но тутъ погода, благопріятствовавшая имъ до сихъ поръ, сыграла плохую шутку; туманъ мгновенно разсѣялся, и, вмѣсто отступавшихъ частей, передъ ними оказались Князь Долгоруковъ и Капитанъ Томашевскій со своими доблестными 3-ей сотней и 10-й ротой. Дружные залпы обѣихъ частей съ хорошаго разстоянія 1200—1000 и менѣе шаговъ озадачили противника: русскіе не ушли, не сдали, а встрѣчаютъ выдержанными залпами. Сильный перекрестный огонь на площади въ 2 версты, полное спокойствіе на позиціи значительнаго фронта, не обозначенной ни окопами, ничѣмъ-видимымъ, конечно произвели неожиданное впечатлѣніе на головныя части японцевъ, шедшія открыто (нѣкоторыя спускались въ колоннахъ); при такой неготовности къ бою, результаты первыхъ залповъ отряда, хотя можетъ быть и не слишкомъ губительныхъ, были сильнѣе самаго смертельнаго огня при отраженіи штурма; противникъ отъ полной увѣренности перешелъ къ тяжелой неизвѣстности; навалились—вотъ роковое сознаніе каждаго офицера, каждаго солдата, и, вмѣсто смѣлаго порыва впередъ, явилось стремленіе назадъ. Мы видѣли, какъ колонны растаяли, какъ бѣжали и прыгали солдаты, прячась за складки мѣстности; началась какая то дробная, несмѣлая трескотня; видимо стрѣляли не цѣлясь, для собственнаго успокоенія, чтобы что нибудь дѣлать, чѣмъ нибудъ успокоить свои нервы; то учащенный огонь въ одномъ мѣстѣ, то одиночные выстрѣлы въ другомъ. „Шальные пули—ничего не стоятъ“, сказалъ Васильковскій, когда нѣсколько прожужжало вблизи насъ; а въ отвѣтъ японцамъ все такіе же спокойные, отчетливые залпы. Скоро я прекратилъ стрѣльбу 10-й роты, боясь тратить патроны, ибо только въ ту минуту созналъ сдѣланное упущеніе. Мы не имѣли ни одной патронной двуколки, и я не позаботился, приспособивъ व्यюки (а ихъ было достаточно), потребовать изъ полка патроны; правда роты прибыли въ

Тунсинпу только 5 дней тому назадъ, и сношенія съ полкомъ были не такъ ужъ легки.

Я послалъ донесеніе г. Иванову, опредѣляя силы японцевъ въ 4—5 баталіоновъ, такъ какъ передъ нами было уже обнаружено не менѣе 8—10 ротъ, а за ними должны были быть и резервы; позднѣе я могъ пересчитать и резервы; вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ и г. Грекова такими словами: „на меня вышло около 5 баталіоновъ японцевъ, предполагаю удерживать позицію“.

Кажется около 9 часовъ утра разгорѣлся бой на правомъ флангѣ: Князь Долгоруковъ, замѣтивъ наступленіе японцевъ отъ перевала, рѣшилъ продвинуться впередъ и, расположившись на отдѣльной сопкѣ, уже занятой противникомъ, во-первыхъ лучше обстрѣливать во флангъ наступающія части, а во-вторыхъ вообще выиграть пространство на правомъ флангѣ позиціи. Это смѣлое, можно сказать дерзкое, наступленіе, предпринятое имъ по собственной инициативѣ, было выполнено настолько рѣшительно и умѣло, что въ нѣсколько минутъ онъ выбилъ огнемъ японцевъ укрывавшихся на сопкѣ, и сперва полусотней, а потомъ и всѣми людьми, открылъ мѣткій огонь по передвигавшимся частямъ противника, чѣмъ принудилъ ихъ къ отступленію. Этому героическому подвигу Князя Долгорукова мы конечно во многомъ обязаны успѣхомъ боя у Тунсинпу, во-первыхъ, потому, что онъ окончательно ввелъ въ заблужденіе японцевъ относительно нашей численности, ибо такое рѣшительное наступленіе должно было показаться имъ основаннымъ на сознаніи своихъ силъ; они не знали, что за Долгоруковымъ шли какія нибудь 50 винтовокъ Черноярова, а я никогда не успѣлъ бы дослать ему хотя одинъ взводъ стрѣлковъ; во-вторыхъ, потому, что, не займи онъ этой сопки, японцы утвердились бы на ней, а тогда удерживаніе праваго фланга нашей позиціи оказалось бы совершенно невозможнымъ; слѣдовательно, Князь Долгоруковъ этимъ подвигомъ безусловно заслужилъ награжденіе Орденомъ Св. Георгія 4-й степени, къ которому и былъ три раза представленъ, но не награжденъ до сего времени.

Съ своей командующей высоты я видѣлъ, какъ эта горсть отважныхъ самоотверженныхъ людей, по волѣ настоящаго героя, носившаго въ себѣ глубокое пониманіе искусства и техники веденія боя, бросилась впередъ и достигла своей цѣли. На слишкомъ громадномъ для ничтожнаго отряда полѣ сраженія, представляемомъ котловиною Тунсинпу и видимомъ мнѣ какъ на ладони, Читинцы Долгорукова, даже съ поддержкою Верхнеудинцевъ Черноярова, представляли изъ себя такую крупинку *), такую малость, висѣли въ такой степени на воздухѣ, что мнѣ становилось жутко; одинъ лихой порывъ многочисленнаго противника, бѣшенный натискъ желтыхъ фанатиковъ, и я не досчитался бы рядовъ моихъ соратниковъ, я лишился бы ихъ всѣхъ, ибо не трудно было догадаться, что Долгоруковъ умѣетъ наступать, а

*) Это слово вдругъ вызвало въ памяти давнюю бесѣду съ А. Н. Куропаткинымъ. Онъ пріѣзжалъ въ столицу изъ Закаспійской области отдать отчетъ о своей командировкѣ въ Персію. Я воспользовался случаемъ поднести ему свои сочиненія по вопросамъ о стратегической дѣятельности кавалеріи. Былъ удостоенъ любезныхъ словъ, но между прочимъ услышалъ слѣдующее поученіе: „части вашей стратегической кавалеріи, выдвинутой передъ фронтъ армій, представляются мнѣ такими ничтожными крупинками на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій при нынѣшнихъ массовыхъ арміяхъ; что могутъ онѣ сдѣлать?“ Я не помню, что отвѣтилъ тогда, но за то могу отвѣтить теперь: „въ Ляоянскомъ бою мы видѣли, что могутъ сдѣлать крупинки, вдохновленные начальниками, желающими побѣдить во что бы то ни стало, и что случилось съ массами руководимыми людьми другого направленія; первая побѣждали, а массы только терпѣли пораженія и отступали“. Цѣль моихъ трудовъ по стратегической дѣятельности кавалеріи состояла исключительно въ желаніи дать арміи органъ, освѣщающій обстановку, ибо зрячій бьетъ слѣпого. Мы были въ Маньчжуріи все время слѣпы, наша армія пребывала въ невѣдѣннй обстановки, и поэтому имѣли только одни пораженія. Въ данномъ случаѣ, на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, вслѣдствіе особыхъ условій мѣстности, роль кавалеріи, какъ органа стратегіи высшей командной власти, умалаялась, а въ горахъ сводилась къ нулю, но развѣ нельзя было примѣнить иные способы развѣдки. По существу, идея, пропагандируемая мною въ арміи десятки лѣтъ, на курсахъ академіи, въ военныхъ школахъ и училищахъ, публичныхъ лекціяхъ—сообщеніяхъ, остается вѣрной: только, при условіи организациі дѣйствительной результатной развѣдки, можно имѣть успѣхъ надъ противникомъ.

обороняться будетъ до послѣдней крайности, до потери послѣдняго казака.

Конечно на правомъ флангѣ нашей позиціи было легче всего проиграть дѣло; онъ былъ важнѣйшимъ; тѣмъ не менѣе я рѣшилъ, что мнѣ не зачѣмъ быть тамъ самому. Только оставаясь на своей командующей сопкѣ, я могъ видѣть все поле сраженія; мало того, съ участка Долгорукова я, совсѣмъ не видя участка стрѣлковъ, не видѣлъ бы и мѣстности окружавшей его флангъ такъ далеко, какъ видѣлъ отъ себя. Руководить тактикой Долгорукова было не нужно, ибо этотъ человѣкъ не нуждался въ руководствѣ; наоборотъ, слѣдовало дать ему самостоятельность. Онъ понималъ цѣль боя—не отдавать сколько возможно дольше ни шагу, боемъ развѣдывать противника; онъ зналъ, что если будетъ отданъ правый ввѣренный ему участокъ, то падеть вся оборона котловины Тунсинпу.

Большую пользу принесла въ отношеніи обезпеченія праваго фланга бывшая застава № 1, гдѣ Верхнеудинцы, подъ начальствомъ вахмистра (забылъ его фамилію) или старшаго урядника, замѣчательно настойчиво, вѣрно и непрерывно вели развѣдку противника, останавливая его развѣдчиковъ и отдѣльныя партіи; я былъ постоянно ориентированъ, а главное зналъ, что съ юга не наступаетъ сильная часть противника; одинъ только разъ былъ намекъ на появленіе баталіона, но и то скоро опровергнутый. Удивляюсь японцамъ, почему они не предприняли обхода нашей позиціи; но... всякому бываетъ свой чередъ, и, если бой у Тунсинпу составляетъ часть боя у Ляояна, то все-таки не имѣетъ съ послѣднимъ ничего общаго: здѣсь желаніе побѣдить во что бы то ни стало было у насъ сильнѣе, чѣмъ у японцевъ, и поэтому мы побѣдили; къ сожалѣнію, они отыгрались на всей совокупности Ляоянскихъ боевъ.

Я послалъ и подкрѣпленіе Князю Долгорукову. Согласно заблаговременно отданной генераломъ Ивановымъ инструкціи, въ случаѣ боя ввѣреннаго мнѣ отряда у Тунсинпу, генераль Грековъ обязанъ былъ поддержать насъ двумя сотнями, и я ожидалъ ихъ прибытія. Съ наблюдательнаго пункта мнѣ была видна долина рѣки Сидяхыа по направ-

ленію къ Лаодитану (на западъ) верстъ на 6—7, и вотъ задолго до полудня было замѣчено движеніе частей-колоннъ отъ Лаодитана; я подумалъ сперва, что это именно высланное мнѣ, согласно инструкціи, подкрѣпленіе, но потомъ, по количеству движущихся частей, казалось, что идутъ цѣлые конные полки, и я помню, что донесъ генералу Иванову такъ: „въ тылу генерала Грекова замѣтно большое движеніе—точно онъ отступаетъ“. Во всякомъ случаѣ утверждаю, что какія то части ушли отъ Лаодитана до или около полудня 11 августа. Время отъ 7 до 2 часовъ дня сливается въ памяти, ибо я былъ занятъ наблюденіемъ, руководствомъ боя, который не прекращался все время, полученіемъ и отсылкой донесеній. Возстановить точно по времени все происходившее невозможно, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ книжекъ донесеній; приходилось писать на обрывкахъ китайской бумаги, безъ копій; всѣ полученные мною документы были послѣ боя сданы въ штабъ корпуса.

Наконецъ мнѣ доложили, что къ намъ направляется долиною казачья сотня. Я рассмотрѣлъ ее въ бинокль. Долго, вяло двигалась эта сотня, но наконецъ приползла къ окраинѣ Тунсинпу; явился командиръ 2-й сотни 2-го Верхнеудинскаго полка есаулъ Маркозовъ, хорошо мнѣ знакомый по отряду Абадзіева (см. часть I, стр. 183). Я обрадовался прибытію сотни: „отлично, что вы прибыли на подкрѣпленіе; мнѣ это нужно; пока благополучно, но противникъ сильнѣе насъ, а гдѣ другая сотня подкрѣпленія?“ Отвѣтъ: „я присланъ генераломъ Грековымъ для связи, и ничего не знаю о подкрѣпленіи васъ; да у меня здѣсь собственно только полусотня“. Я сказалъ весьма опредѣленно и точно: „если вы присланы только для связи, то распоряжаться вами не могу, но нуждаюсь въ каждой винтовкѣ; угодно вамъ съ нами сражаться, то принимаю васъ подъ свое начальство, и въ такомъ случаѣ вотъ вамъ мѣсто. Смотрите (я показывалъ), есаулъ Долгоруковъ продвинулся впередъ, на его мѣсто не сталъ Чернояровъ, а идетъ правѣе; займите ту позицію, которую занималъ раньше Князь и такимъ образомъ составите резервъ. Если вы не хотите сражаться, а только желаете держать связь по порученію вашего началь-

ства, то станьте гдѣ вамъ угодно. Если вы согласитесь на первое, то вмѣстѣ съ тѣмъ ваше положеніе на правомъ флангѣ позиціи ближе къ Лаодитану, и вамъ легче держать связь, чѣмъ отсюда“. Есаулъ Маркозовъ отвѣтилъ: „я буду сражаться“. Я добавилъ: „вы подчиняетесь Князю Долгорукову, который командуетъ всѣми казаками“. Маркозовъ ушелъ и затѣмъ повелъ сотню къ назначенному мѣсту. Когда онъ удалился, я сказалъ Васильковскому: „у этого офицера такое выраженіе лица, какъ будто онъ обиженъ и чѣмъ то недоволенъ“. Впрочемъ я зналъ, что онъ былъ больше всего недоволенъ попасть подъ мое начальство.

Японцы все-таки не рѣшились окончательно отказаться отъ наступленія и до 2-хъ часовъ дня производили рядъ попытокъ продвинуться впередъ противъ расположенія стрѣлковъ, но каждый разъ во-время открываемый огонь останавливалъ ихъ импульсъ. Однако, пользуясь пересѣченностью мѣстности, они довольно удачно углубились въ долину деревни Тагоу, несмотря на то, что ее обстрѣливала застава Ушакова и, казалось, какія то еще части, расположившіяся на высотахъ южнѣе Тасинтунь. Въ виду этого я удлинилъ лѣвый флангъ частью 9-й роты и приказалъ фельдфебелю Сѣрову съ частью 10-й роты перейти въ наступленіе по правому берегу долины Тагоу; послѣдній исполнилъ это весьма быстро, удачно обстрѣлялъ сомкнутую часть японцевъ у группы фанзъ, заставилъ ихъ отойти и занялъ выдающееся положеніе впереди лѣваго фланга. Около того же времени Князь Долгоруковъ началъ, опять по собственной инициативѣ, наступленіе впередъ, но, такъ какъ я получилъ донесеніе о наступленіи баталіона противника съ юга, отъ Шанматуна, то къ 4-мъ часамъ прекратилъ наступленіе обоихъ своихъ фланговъ, ибо дальнѣйшее движеніе впередъ къ командующимъ высотамъ, занятымъ многочисленнымъ противникомъ, повело бы лишь къ напраснымъ потерямъ; позиція и вся котловина Тунсинпу осталась за нами; мы были обоими флангами на полъ-версты — версту впереди того расположенія, гдѣ начали бой; всѣ сознавали побѣду; для воодушевленія людей,

я приказаль пропѣть Боже Царя Храни и, обойдя стрѣлковъ, поздравилъ ихъ съ побѣдой.

Позволяю себѣ называть противника многочисленнымъ, ибо мы въ этомъ убѣдились воочию. Смѣло говорю, что 11-го августа мнѣ представился единственный случай видѣть такую массу японцевъ. Дѣйствительно, около 2—3 часовъ дня, они увѣнчали всѣ гребни занятыхъ ими высотъ, полукругомъ отъ высоты 161, на югъ, версты на 4; они стояли густо, плечомъ къ плечу, совершенно открыто, обрисовываясь во весь ростъ; стояли долго и смотрѣли. Это была не сплошная линія, а съ промежутками, и, принявъ отдѣльныя группы за роты, мы насчитали ихъ не мене 15—20. Такъ стояли они продолжительное время—нѣсколько минутъ, а можетъ быть и десятковъ минутъ.

Что думали и переживали эти люди, что заставило ихъ, такихъ умѣлыхъ, знающихъ тактиковъ, всегда скрывающихся искусно за каждою складкою мѣстности, вдругъ предстать передъ нами какъ бы для того, чтобы мы могли оцѣнить ихъ количество? Или любопытство нашихъ враговъ, почувствовавшихъ, что передъ ними творится что то особенное, небывалое, заставило ихъ пожелать взглянуть на виновниковъ этого событія? Знали ли они, что передъ ними горсть людей, что 400 винтовокъ занимаютъ по фронту 2 версты и не имѣютъ никакого резерва? Впрочемъ боемъ этого и слѣдующаго дня они доказали, что не знали этого. Можно лишь догадываться; но знаю навѣрное, что эти, сравнительно съ нашими силами цѣлая масса японцевъ не смѣли и не дерзали противъ насъ—крупинокъ; они окапывались, ждали свою артиллерію, можетъ быть рѣшили, что у Тунсинпу сосредоточено много силъ, что мы нарочно не открываемъ сами стрѣльбу артиллеріею; это ихъ дѣло; только исторія японской арміи можетъ открыть истину, а пока остается лишь историческій фактъ, что наступленіе 5 баталіоновъ японцевъ было остановлено на 24 часа 2-мя слабымъ состава ротами и 2-мя сотнями русскихъ войскъ.

Не назову фамиліи того, кто сказалъ слѣдующее: „смотрите, японцы любятъся нами; они думаютъ, что передъ ними не русскія войска, а что наняли нѣмцевъ“. Грустная,

обидная фраза, но это такъ было; это правда, и ею мы обязаны исключительно и только печальному командованію нами.

Въ 4 часа пополудни бой прекратился совершенно; не раздавалось ни одного выстрѣла; отовсюду, отъ ближайшихъ по расположенію частей корпуса ко мнѣ скакали ординарцы, частью съ сообщеніями, а частью просто повиди-мому посмотрѣть, убѣдиться, что отрядъ ведетъ бой и не отступаетъ... Вѣдь къ такой тактикѣ вообще не привыкли. Надо было воспользоваться перерывомъ, чтобы накормить людей; въ этомъ отношеніи оказали большое содѣйствіе жители Тунсинпу, которые тотчасъ же согласились рѣзать своихъ чушекъ, варить и доставлять на позицію стрѣлкамъ. Я никакъ не ожидалъ, что нашъ успѣхъ произведетъ столь пріятное впечатлѣніе на китайцевъ. Переводчикъ, нанятый изъ мѣстныхъ же жителей, сообщилъ, о довольствѣ послѣднихъ, что мы побѣдили ибеновъ и не пустили ихъ въ Тунсинпу, и что у противника большія потери. Пришли два китайскихъ старосты и поздравили насъ съ побѣдой. Я велѣлъ переводчику передать имъ, чтобы жители спокойно сидѣли въ деревнѣ, такъ какъ я ни за что не пушу сюда японцевъ и намѣренъ прогнать ихъ совсѣмъ. Бѣдные китайцы послушались и жестоко поплатились, къ несчастію, за это на слѣдующее же утро.

Въ 3-мъ часу дня я получилъ сообщеніе изъ штаба корпуса о движеніи лѣвѣе ввѣреннаго мнѣ отряда всего 10-го стрѣлковаго полка и одновременно приглашеніе командира полка наступать на противника. Я отвѣтилъ, что въ настоящее время хочу дать людямъ отдыхъ; содѣйствовать его наступленію буду демонстративно, такъ какъ передо мною фронтъ противника *), а атаку слѣдуетъ направить въ его правый флангъ.

*) Безусловно недоволенъ своимъ отвѣтомъ и до сихъ поръ не понимаю, почему я въ ту минуту говорилъ о демонстраціи, объ отдыхѣ. Полагаю, что это произошло вслѣдствіе неопытности. Я велѣ бой первый разъ. Такъ какъ это напряженіе уже продолжалось съ 6 часовъ утра, и бой затихъ, то настоящее дѣло казалось на сегодня конченнымъ. Вѣдь вообще до Ляоянскаго сраженія никто не предполагалъ, что можно

Въ 6-мъ часу обозначилось наступленіе 10-го полка, завязавшаго перестрѣлку; направленіе было взято отлично: отъ Тасинтунъ на высоту 161, т. е. въ охватъ праваго фланга противника. Я тотчасъ объяснилъ командирамъ ротъ, что, хотя главную атаку поведетъ 10 полкъ, но мы во всякомъ случаѣ должны энергично наступать, дабы во-первыхъ отвлечь на себя вниманіе противника, а во-вторыхъ и попытаться сбить его съ высотъ южнѣе 161; въ особенности желательно захватить переваль и заглянуть по ту сторону его, въ долину Сяматунъ. Не помню, послалъ ли я приказаніе Долгорукову также наступать, или онъ тотчасъ двинулся по собственной инициативѣ. Кажется просто былъ поданъ на трубѣ сигналъ „наступленіе“. Такъ какъ мѣстность на первой половинѣ нашего сближенія съ противникомъ была довольно открыта, то наступленіе стрѣлковъ велось возможно широкимъ фронтомъ, тремя участками: правый—3 взвода 10-й роты, цѣпью безъ поддержки, средній—взводъ той же роты, подъ начальствомъ фельдфебеля Сѣрова, нѣсколько впереди уступомъ, и за нимъ застава № 3 Ушакова, которая постепенно выходила нѣсколько лѣвѣе и на линію Сѣрова. За 10-й ротой, въ разстояніи не ближе 600 шаговъ, Кантаровъ велъ свои 3 взвода 9-й роты. Думаю, что фронтъ наступленія былъ не менѣе 2½ верстъ, а если считать спѣшенныхъ казаковъ Долгорукова (только его сотня Читинцевъ; остальные казаки не наступали), то около 3-хъ верстъ. Сперва японцы молчали, но затѣмъ открыли рѣдкій, весьма разсѣянный огонь, настолько плохо его направляя, что мы не имѣли ни одного раненаго даже на первыхъ 600—800 шагахъ движенія, когда вѣроятно можно было пересчитать каждаго стрѣлка. Правда, что Томашевскій прошелъ это разстояніе чрезвычайно быстро, а затѣмъ началъ пользоваться укрытіями, которыхъ встрѣтилось конечно въ изобиліи, т. к. шли по сопкамъ. Дальнѣйшее

вести бой не однѣ-двое сутокъ, а чуть ли не цѣлыя недѣли непрерывно. Наши послѣдующія дѣйствія покажутъ, что, какъ только обозначился бой 10-го полка, мы перешли въ самое рѣшительное наступленіе; черезъ ½ часа-часъ я уже сообщилъ командиру 10-го полка, что наступаю.

движеніе было задержано, ибо пришлось готовить атаку передовых частей противника; но охватъ Сѣрова съ одной стороны и Долгорукова съ другой заставилъ ихъ отойти; кажется они сосредоточили все вниманіе на взводѣ Сѣрова; тотъ, хотя и весьма осторожно, но все-таки быстро подавался впередъ. Уже наступали сумерки. 10-й стрѣлковый полкъ велъ перестрѣлку, какъ намъ казалось не ближе 800—1000 шаговъ отъ противника, занимавшаго командующую высоту 161; въ бинокль иногда можно было видѣть шевеленіе японцевъ; нашъ лѣвый флангъ сближался съ правымъ 10-го полка; между ними кажется еще наступалъ одинъ баталіонъ 6-й дивизіи, который, какъ я зналъ изъ сообщений штаба корпуса, или командира 10-го полка, долженъ былъ быть отозванъ. Я послалъ сообщить командиру 10-го полка, что подведу въ сумеркахъ обѣ роты возможно ближе къ позиціи противника, который убралъ всѣ свои передовыя части на главный гребень, а въ 9 часовъ полагаю, одновременно съ атакой его баталіоновъ, штурмовать позиціи противника. Мы подошли на разстояніе не далѣе 500 шаговъ и залегли въ густомъ кустарникѣ; я обошелъ людей, объяснилъ имъ предстоящую задачу—ночной атаки противника—и безъ 5 минутъ 9 отдалъ приказаніе, начавъ подъемъ по крутымъ склонамъ высотъ, лѣзть безостановочно до встрѣчи съ врагомъ, т. е. до удара въ штыки, когда ко мнѣ явились два охотника и передали отъ имени командира 10-го полка, что генераль Ивановъ приказалъ прекратить наступленіе, въ виду слишкомъ значительнаго количества силъ японцевъ, которыхъ считали съ дивизію. Первый посланный былъ изъ охотничьей команды не 10-го полка (какой части не помню); не смотря на то, что онъ передавалъ порученіе весьма толково и твердо, я не повѣрилъ ему, во-первыхъ потому что такое важное приказаніе корпуснаго командира надо было передать письменно, или съ офицеромъ; во-вторыхъ, я полагалъ, что происходила путаница, т. е. приказано было отходить именно тому баталіону 6-й дивизіи (но не 10 полка), къ составу котораго принадлежалъ передававшій приказаніе охотникъ, и объ отозваніи котораго сказано выше. Но вслѣдъ

за первымъ гонцомъ явился немедленно охотникъ 10-го полка и передалъ то же самое, добавивъ, что полкъ уже отходить на позицію. Наступленіе 10-го полка вообще велось очень вяло; насколько я могъ судить раньше, пока было свѣтло, и я не присоединился еще къ своей цѣпи, наблюдая съ болѣе возвышенныхъ пунктовъ, мы были ближе къ позиціи противника, чѣмъ передовыя части полка. Я повѣрилъ второму гонцу и конечно не безъ огорченія отдалъ приказаніе всѣмъ частямъ отходить на нашу позицію у Тунсинпу.

Такимъ образомъ закончился бой 11-го августа, т. е. всетаки отступленіемъ. Генераль Ивановъ на слѣдующій день спросилъ у меня: „какъ вы находите, правильно ли я поступилъ, отмѣнивъ вашу атаку на японцевъ“. Я отвѣтилъ такъ: „если Ваше Превосходительство предполагаете, что у японцевъ была уже дивизія, то насъ было слишкомъ мало“, но я долженъ признаться, что отвѣтъ былъ данъ на основаніи быстро промелькнувшей у меня мысли: сейчасъ не время волновать начальство, ибо во всякомъ случаѣ дѣло уже непоправимо; кромѣ того я зналъ, что къ разсвѣту 12-го числа дѣйствительно было не менѣе дивизіи японцевъ, такъ какъ только что покончилъ свое съ нею состязаніе. Но нисколько не желая брать свои слова назадъ, я всетаки позволяю себѣ сказать, что конечно можно было бы дѣйствовать 11-го августа совершенно иначе.

Бой начался въ 7 часова утра; сразу обозначилось наступленіе 5 баталіоновъ японцевъ; полагаю, что мое донесеніе о наступленіи противника, было получено задолго до полудня; поэтому можно было немедленно двинуть подкрѣпленія (пѣхоту и батареи), какъ въ мое непосредственное распоряженіе, такъ и лѣвѣе, куда и былъ высланъ 10-й полкъ. Противникъ не имѣлъ артиллеріи, уже потерпѣлъ неудачу, и вѣроятно главные силы его дивизіи могли подойти лишь поздно вечеромъ, а можетъ быть и съ разсвѣтомъ (онъ не рассчитывалъ на серьезный бой 11-го августа); поэтому, если бы наступленіе началось хотя бы около полудня и велось энергично, то можно было бы опрокинуть противника на долину Ломогоу, самимъ утвердиться на вы-

сотѣ 161 и южнѣе; тогда 12-го августа противникъ не овладѣлъ бы котловиной Тунсинпу; ему пришлось бы атаковать выдвинувшіяся впередъ наши части, что было бы очень не легко, такъ какъ онѣ занимали бы сильныя позиціи, или производить дальній обходъ. Конечно нужно предположить, что у Лаодитана отрядъ Грекова также оказывалъ бы сопротивление противнику, по крайней мѣрѣ хотя бы настолько, чтобы развѣдать его, а не ушелъ бы безъ выстрѣла. Во всякомъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, японцы атаковали насъ не со стороны Лаодитана, а только въ котловинѣ Тунсинпу, и Грековъ ушелъ безъ выстрѣла; слѣдовательно, 12-го можно было бы вести борьбу за обладаніе лѣвымъ берегомъ долины Ломогу. И это вовсе не академическое предположеніе *): вѣдь на самомъ дѣлѣ, посылая наступать 10-й полкъ, ему приказали взять высоту 161, но приказать еще мало, а надо позаботиться, чтобы приказаніе было исполнено, для чего прежде всего слѣдовало руководить боемъ у Тунсинпу. Конечно было бы совершенно правильно, если къ полудню у Тунсинпу былъ бы самъ командиръ корпуса; во всякомъ случаѣ долженъ былъ пріѣхать кто нибудь изъ офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшихъ въ его распоряженіи (ихъ было трое, не считая причисленныхъ), и обязательно тотъ начальникъ, участокъ главной позиціи котораго находился ближе всего къ Тунсинпу; но никто изъ всѣхъ названныхъ

*) Вотъ что говоритъ Швейцарскій военный агентъ полковникъ Ф. Герчъ:

„Въ штабѣ гвардіи (11 и 12 августа) считали, что если бы противникъ вздумалъ атаковать превосходными силами отдѣленную отъ остальныхъ войскъ гвардію, то это предпріятіе имѣло много данныхъ на успѣхъ, и потому ожидали перехода русскихъ въ наступленіе. Для усиленія лѣваго фланга туда былъ посланъ 2-й кавалерійскій полкъ“. Герчъ заканчиваетъ такъ: „въ общемъ день (11-е августа) прошелъ спокойно“, но онъ не былъ допущенъ наблюдать дѣйствія авангардовъ гвардіи, такъ какъ его попридержали въ д. Холунгоу, и слѣдовательно онъ не видѣлъ ихъ неудачи, о которой конечно докладывать ему японцы не считали нужнымъ. Дѣйствительно, онъ пишетъ: „до полудня 11-го августа изрѣдка раздавались выстрѣлы, а затѣмъ наступила полнѣйшая тишина (странно: а перестрѣлка 10-го В. С. полка въ 5—6 часовъ дня). Узнать что либо о положеніи дѣла намъ не удалось“.

лицъ не побезпокоилъ себя и не поинтересовался происшедшимъ боемъ, а, между тѣмъ, это было начало—завязка Генеральнаго Сраженія. На самомъ дѣлѣ чувствовалась необходимость что то предпринять, развить сразу такъ легко доставшійся успѣхъ, но ограничились полумѣрой, пославъ наступать 3 баталіона и давъ имъ задачу, на исполненіи которой никто не настаивалъ; результатъ такихъ мѣръ никогда не можетъ быть хорошъ, и если до 4-хъ часовъ дня отрядъ у Тунсинпу оказывался дѣйствительно побѣдителемъ, сломивъ совершенно энергію наступленія противника, и подавшись впередъ, то дальнѣйшій періодъ боя послужилъ только къ поднятію духа противника: наступали, пытались атаковать, но не дошли и повернули назадъ, причемъ мы—ничтожный отрядъ—все-таки хотъ сохранили свои позиціи, занятыя къ 2-мъ часамъ дня, а 10-й стрѣлковый полкъ, не задерживаясь, отмаршировалъ въ резервъ главной позиціи. Наше наступленіе было совершенно безцѣльно:

1) Въ моральномъ отношеніи по своему результату (отступленіе) выгодно только японцамъ.

2) Въ тактическомъ отношеніи никакой выгоды единственнымъ войскамъ, оставшимся сражаться у Тунсинпу, т. е. ввѣренному мнѣ отряду не принесло, а скорѣе ухудшило его положеніе, такъ какъ 10-й полкъ совершенно обнажилъ его лѣвый фланъ.

3) Въ развѣдывательномъ отношеніи наступленіе не выяснило силъ и намѣреній противника болѣе того, какъ это было сдѣлано до 4-хъ часовъ дня; наоборотъ у меня явилось сомнѣніе въ рѣшительныхъ намѣреніяхъ противника, на что указывала его пассивность противъ ввѣреннаго мнѣ отряда, и можетъ быть поэтому я упустилъ принятіе какихъ либо мѣръ для боя слѣдующаго дня. Откровенно говорю, что, ожидая все-таки на 12 августа серьезное дѣло, я не думалъ, что японцы начнутъ его такими значительными силами и такъ рѣшительно.

4) Вообще это наступленіе имѣло характеръ легкаго отношенія къ исполненію боевой задачи, характеръ какой то шутки, т. е. представляло образчикъ всей нашей системы веденія войны противъ японцевъ: попробовать, попытаться

что нибудь дѣлать, а тамъ—что Богъ дастъ. Такъ давали бои подъ Тюренченомъ, Вафангоу, Дашичао, Янзелиномъ, Тхавуаномъ; такъ дали Генеральное сраженіе подъ Ляояномъ. У кого то было намѣреніе отобрать у противника высоту 161, но по крайней мѣрѣ я лично не получалъ категорическаго, рѣшительнаго указанія на это, а между тѣмъ, если такая задача была поставлена моему сосѣду слѣва, то развѣ я не долженъ былъ способствовать ея выполнению, и въ этомъ отношеніи не могу сдѣлать себѣ упрека, ибо рѣшилъ штурмовать позицію противника во что бы то ни стало; меня остановили въ ту минуту, когда я уже отдалъ послѣднее приказаніе, и стрѣлки вели меня подъ руки на кручи занятыя японцами.

Около полуночи отрядъ расположился на своей позиціи. Лѣвый участокъ—стрѣлки: сѣвернѣе д. Тунсинпу въ боевой части вся 10-я рота и уступомъ влѣво полурота 9-й; другая полурота послѣдней въ резервѣ, также на сопкѣ. Правый участокъ—казаки: Читинцы впереди; правѣе уступомъ 2-я сотня Вехнеудицевъ и за ними 5-я сотня.

Тяжелое впечатлѣніе возвращенія послѣ неоконченной задачи совершенно изгладилось, когда я прибылъ въ д. Тунсинпу, въ ту же фанзу, гдѣ прожилъ предшествующіе дни. Китайцы встрѣтили насъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ, привѣтствіями и проявили небывалое радушіе; тотчасъ начали готовить чай, предлагали ѣду. Вотъ что значить побѣждать: сейчасъ эти люди готовы были для насъ сдѣлать все, что угодно, потому что считали насъ сильнѣе японцевъ; между тѣмъ раньше, я помню, Князю Долгорукову приходилось настаивать на выдачѣ всякихъ припасовъ, не смотря на то, что онъ платилъ очень щедро. Китайцы сообщили мнѣ, что японцы потеряли около 400 человекъ убитыми и ранеными и сидятъ смирно; особенно много труповъ и раненыхъ лежитъ близъ д. Тагоу. Я обѣщалъ заплатить за cadaго раненаго по 5 рублей, если мнѣ принесутъ ихъ; обѣщали, но не исполнили. Для боя слѣдующаго дня было отдано только одно распоряженіе: въ случаѣ наступленія противника, отрядъ окажетъ упорное сопротивленіе.

Согласно диспозиціи г. Иванова (составленной Орановскимъ), ввѣренному мнѣ отряду было предписано, по окончаніи боя у Тунсинпу, т. е. на крайнемъ правомъ флангѣ Ляндясанской позиціи, перейти на ея крайній лѣвый (не помню теперь пункта)—въ окрестностяхъ Цегоу, гдѣ усилиться одной казачьей сотней и служить связью съ войсками 10 корпуса. Задача довольно оригинальная, ибо отряду пришлось бы сдѣлать огромный маршъ, такъ какъ прослѣдовать кратчайшимъ путемъ по фронту главной позиціи нашихъ войскъ было врядъ ли возможно. Что за надобность тащить такой ничтожный отрядъ, да еще послѣ упорнаго боя, съ праваго фланга на лѣвый, съ рискомъ его опозданія? Не проще ли было ту же задачу возложить на войска лѣваго боевого участка, или наконецъ выдѣлить для этого часть изъ резерва; отрядъ попадалъ на новую, незнакомую мѣстность, между тѣмъ какъ войска лѣваго боевого участка уже были знакомы съ нею. Впрочемъ я заранѣе зналъ, что задача была невыполнима; надо было просто выдержать бой, а затѣмъ, отходя, наводить противника на нашу главную позицію. Однако всетаки бессмысленное требованіе диспозиціи заставило при отступленіи взять направленіе на Чинертунъ, вмѣсто Сесигоу-Тасигоу; оказалось, что штабъ отмѣнилъ требованіе диспозиціи, но такъ поздно, что я узналъ о томъ лишь по прибытіи 12 августа въ Чинертунъ.

Относительно веденія боя на правомъ участкѣ, я условился съ Княземъ Долгоруковымъ, что онъ не долженъ отходить ранѣе лѣваго участка; въ отношеніи выбора момента отступленія я предоставилъ ему самостоятельность, такъ какъ мое приказаніе могло не дойти; вообще я всецѣло на него полагался, и Князь Долгоруковъ доказалъ, что я имѣлъ основаніе это дѣлать.

Въ отношеніи связи съ сосѣдними войсками не могу припомнить почему, но былъ убѣжденъ, что 10-й стрѣлковый полкъ имѣетъ ночлегъ на позиціи лѣвѣе насъ, т. е. что оборона передовыхъ позицій Тасинтунъ — Тунсинпу на 12 августа не отмѣнена; впрочемъ было ясно, что, разъ намъ не было приказано очищать свою позицію, то какъ же

могла быть очищена мѣстность непосредственно лѣвѣе ея. Что касается генерала Грекова, то мы были съ нимъ въ связи посредствомъ его летучей почты, дѣйствовавшей до разсвѣта 12 августа. Я получилъ отъ него увѣдомленіе, что онъ выслалъ мнѣ на поддержку одну роту, но приказалъ ей расположиться гдѣ то въ 5 верстахъ отъ праваго фланга моей позиціи; на это отвѣтилъ, что не считаю такимъ образомъ расположенную часть входящей въ составъ моего отряда, но, если его превосходительству угодно, то готовъ принять эту роту подъ свое начальство; видимо генераль Грековъ былъ озабоченъ выполненіемъ номера вышеназванной инструкции (поддержать), чтобы сказать потомъ, что онъ меня поддерживалъ, въ то время, какъ на самомъ дѣлѣ и не думалъ этого дѣлать.

Ночь прошла спокойно, но спать не пришлось; писалъ реляцію о боѣ, отдавалъ распоряженія по развѣдкѣ и охраненію и наконецъ ѣлъ; увидя у вѣстового вареную свинину, я вспомнилъ, что днемъ не пришлось хорошо поѣсть; начатый обѣдъ былъ прерванъ обозначившимся наступленіемъ 10 полка. Казакъ далъ огромный кусокъ, а на вопросъ, не обидѣлъ ли онъ самого себя, отвѣтилъ: „у насъ, ѣды на нѣсколько дней; китайцы наварили своихъ чушекъ столько, что мяса дѣвать некуда.“ Къ сожалѣнію мы не расплатились съ ними, такъ что угошеніе пришлось получить даромъ. Ночью поступили донесенія, что японцы ставятъ батареи и маскируютъ ихъ гаоляномъ.

ГЛАВА III.

Бой у д. Тунсинпу 12-го августа.

Въ 4-мъ часу утра была легкая перестрѣлка у Князя Долгорукова, остановившая попытку японцевъ продвинуться впередъ съ разсвѣтомъ. Ровно въ 5 часовъ утра я взобрался на свой наблюдательный пунктъ въ затылокъ 10-й ротѣ, на командующую сопку; въ ту же минуту туда вѣхалъ верхомъ есауль Маркозовъ. Появленіе этой особы меня несказанно удивило, ибо я его не требовалъ, а въ

такую серьезную минуту, когда вотъ-вотъ ожидалось начало боя, оставить сотню по собственной инициативѣ довольно странно.

„Что нужно?“—„Я пріѣхалъ, чтобы узнать когда мы будемъ отступать“.—„Вотъ что, но видите ли, есауль, сперва еще надо подраться, а потомъ уже думать объ отступленіи“.—„Но вѣдь надо же и отступать, полковникъ?“—„Не беспокойтесь, вы подчинены Князю Долгорукову, а онъ знаетъ, когда нужно и можно отступать; къ нему и обращайтесь. Не забудьте передать, что приказаніе объ отступленіи можетъ не дойти, ибо дѣло будетъ серьезное, а вотъ вы совершенно напрасно вылѣзли верхомъ на эту самую командующую сопку; сюда пули залетали и вчера, а сегодня вѣроятно будетъ почище;—поѣзжайте съ Богомъ“.

Есауль повернулъ лошадь и молча удалился. Я конечно сдержалъ себя, да кромѣ того, не знаю почему, меня сопровождало въ эти минуты особенное спокойствіе, или вѣрнѣе я заставлялъ себя быть такимъ; это было нужно, необходимо. А между тѣмъ поступокъ Маркозова былъ возмутителенъ: уѣхать съ позиціи безъ разрѣшенія своего прямого начальника (Князя Долгорукова) къ старшему начальнику для того, чтобы напомнить ему объ отступленіи! Это говоритъ само за себя, и называть чувство, заставившее этого человѣка такъ поступить, не стоитъ. Я не считалъ нужнымъ и вразумлять его, ибо зналъ, что ни онъ, ни одинъ казакъ не уйдутъ. Конечно, если бы Князь Долгоруковъ выбылъ изъ строя... но объ этомъ я не думалъ, ибо зналъ, что замѣстителя ему не было; судьба намъ благопріятствовала и сохранила драгоцѣннаго офицера на все необходимое время критическаго положенія, а черезъ нѣсколько минутъ оно дѣйствительно сдѣлалось такимъ.

Въ 5¹/₄ часовъ утра начался ружейный огонь противника, открытый сразу на протяженіи болѣе 3-хъ верстъ, что ясно обозначило боевой порядокъ не менѣе бригады пѣхоты; на этотъ разъ огонь былъ увѣренный, массовый, стремившійся залить пулями всю котловину Тунсинпу. Въ 5¹/₂ часовъ грянулъ первый артиллерійскій выстрѣлъ, и шрапнель, сдѣлавъ перелетъ, за позиціей казаковъ дала высокій раз-

рывъ. Это былъ первый видѣнный мною разрывъ японскаго снаряда, и онъ врѣзался у меня въ памяти. Затѣмъ послѣдовало еще нѣсколько перелетовъ въ томъ же направленіи, но, казалось мнѣ, пристрѣлка была закончена, хотя и очень не скоро. Одновременно начали рваться шрапнели и шимозы надъ позиціей стрѣлковъ, но къ счастью давали все перелеты, или разрывались въ глубокихъ лощинахъ между сопками занятыми моими молодцами. Сосредоточенный огонь многихъ батарей не прерывался ни на одну минуту и велся площадями; японцы искали нашихъ резервовъ и потратили не мало снарядовъ; но резервовъ у насъ не было: стрѣлки и казаки были въ одну линію, а за нами на 5 верстъ пустота; сильно досталось д. Тунсинпу, жители которой, къ сожалѣнію, оставались спокойно въ своихъ домахъ, вѣроятно надѣясь, что мы снова удержимся на позиціи.

Какъ и наканунѣ, я больше всего опасался за правый флангъ, считая лѣвый обезпеченнымъ, но скоро получилось донесеніе, что японцы обходятъ насъ слѣва; кромѣ того, Васильковскій, разсматривая мѣстность на лѣвомъ флангѣ, утверждалъ, что видно наступленіе противника; я послалъ его на лѣвый флангъ, но еще до его возвращенія, по направленію огня, теперь уже бравшаго высоту, на которой мы стояли накрестъ, понялъ, что лѣвѣе насъ не было никого, что 10-й полкъ ушелъ на главную позицію, или въ резервъ, не предупредивъ объ этомъ.

Японцы распространялись весьма быстро въ охватъ нашего лѣваго фланга и въ 6 часовъ развили силу огня до предѣла его напряженія. Въ виду сего я отвелъ сперва 9-ю роту, а затѣмъ и 10-ю на 2-ю позицію. Во время этого маневра я легъ на гребнѣ и смотрѣлъ черезъ него; ружейныя пули въ буквальномъ смыслѣ слова пахали гребень по обѣимъ сторонамъ; такъ пролежалъ я 8 минутъ, отсчитывая время по хронографу; затѣмъ сталъ на гребнѣ и въ бинокль долго любовался фигурою Князя Долгорукова, стоявшаго въ цѣпи своихъ спѣшенныхъ казаковъ; сопка, которую они занимали, имѣла видъ редута, неправильнаго четырехъ-угольника; они могли занять только $1\frac{1}{2}$ фаса, загигая нѣсколько флангъ назадъ; люди лежали, а

командиръ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ сзади, на днѣ редута, немного сгорбившись и все время поднимая правую руку; фигура выражала замѣчательное хладнокровіе. Мнѣ хотѣлось послать ему приказаніе отступать, потому что, какъ казалось, его позицію осыпали шрапнелью, но я ждалъ еще нѣкоторое время.

Вообще черезъ полчаса послѣ начала боя, убѣдившись, что на передовой позиціи нѣтъ никого кромѣ нашего отряда, я отлично понималъ, что борьба была слишкомъ неравна, и слѣдуетъ уходить, но я зналъ также, что быстрое отступление опаснѣе, чѣмъ отходъ съ боемъ; повидимому противникъ считалъ насъ гораздо сильнѣе и обратился къ подготовкѣ своего наступленія огнемъ; слѣдовательно можно было выиграть нѣкоторое время. Многіе осуждаютъ меня за то, что я обрекъ на разстрѣлъ казаковъ, но въ горахъ кавалерія не можетъ дѣйствовать иначе, какъ пѣшимъ боемъ, а разъ ихъ нельзя замѣнить пѣхотой, то они должны драться совершенно такъ же, какъ послѣдняя, если только бой необходимъ; а что онъ былъ необходимъ—это доказываютъ послѣдующія событія: 1) мы заставили противника развернуться, а главное поставить свои батареи не противъ главной позиціи 3-го Сибирскаго Корпуса, а противъ насъ, т. е. этимъ выиграли цѣлыхъ два дня боя; противникъ могъ вступить въ артиллерійское состязаніе только на слѣдующій день 13-го августа. А такъ какъ большая часть артиллеріи В. отряда была къ 11-му августа снята съ Ляндясанской позиціи, отведена назадъ и поставлена вновь только къ утру 12-го августа, то задержка боемъ у Тунсинпу дебушированіе гвардейской (отборной) дивизіи противника имѣетъ колоссальное значеніе. 2) Боемъ 12-го августа былъ окончательно установленъ охватъ праваго фланга Ляндясанской позиціи, и могли быть приняты мѣры для его парированія. 3) Геройская борьба горсти Русскихъ войскъ съ огромными силами японцевъ при условіи даже отхода (но въ полномъ порядкѣ), имѣла огромное моральное значеніе для нашихъ войскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ конечно заставила противника дѣйствовать еще болѣе осторожно и медленно; японцы утвердились въ долинѣ Сиди-

хья къ вечеру 12-го августа, но начали атаку нашего правого фланга только 13-го утромъ. Принимая все это во вниманіе, не могу поставить себѣ въ упрекъ, что въ 2½ сотняхъ казаковъ пострадали 3 офицера, человѣкъ 30 казаковъ и нѣсколько десятковъ коней. Можетъ быть кому нибудь, пріѣхавшему изъ С.-Петербурга въ Забайкальское войско, для полученія наградъ и отличій, не понравилась такая хорошая баня, какъ 2½ часа боя у Тунсинпу 12-го августа, ибо у насъ уже успѣли слишкомъ привыкнуть къ тактическому правилу не употреблять конныя части въ бою наравнѣ съ пѣхотой, да къ опыту протекшаго періода кампаніи, сводившемуся къ отступленію, при появленіи нѣсколькихъ японцевъ; но до недовольства такихъ элементовъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, и всѣ ихъ попытки злословить на страницахъ печати конечно не произвели на меня впечатлѣнія.

Въ исходѣ 7-го часа я приказалъ пѣхотѣ занять послѣднюю позицію на гребнѣ, составляющемъ берегъ долины Сидакхы, къ сѣверу отъ Тунсинпу. Было пора, ибо японцы значительно выиграли нашъ лѣвый флангъ и въ то же время угрожали выйти въ тылъ казаковъ; Томашевскій уже ставилъ прицѣлъ на 600 шаговъ. Я совѣтывался съ Васильковскимъ, стоитъ ли посылать приказаніе Долгорукову отходить, ибо надѣялся что онъ сумѣетъ совершить выходъ изъ боя достаточно своевременно, но Васильковский настоялъ на немедленной посылкѣ приказанія; „ради обезпеченія отъ нареканій,“ сказалъ онъ. Я позвалъ казака Мамонтова, того самаго, который сопровождалъ сотника Зиновьева (смт. стрн. 113 части I) и сказалъ ему: „получишь бѣлый крестъ, скачи во весь духъ къ Князю и передай,“ что я приказалъ немедленно отступать, такъ какъ занимаю послѣднюю позицію и съ нея отоюду на Катасы и Чинертунъ“. Я не писалъ этого приказанія, потому что каждая секунда была дорога, а казакъ былъ надежный; если бы онъ погибъ по дорогѣ, то и письменное приказаніе пропало бы. Мамонтовъ доскакалъ и передалъ приказаніе. Я знаю съ какимъ удовольствіемъ принимаютъ многіе приказаніе уходить изъ боя, и какъ спѣшатъ, ни минуты не удержи-

ваясь, приводить его въ исполненіе; въ данномъ случаѣ отступленіе было естественно, обуславливалось обстановкою: нельзя сражаться дольше извѣстнаго времени одинъ противъ 20—30, при чемъ эти 20—30 представляютъ изъ себя врага одинаково доблестнаго, одинаково мужественнаго съ нами; и это время уже наступило. Но истинно храбрый офицеръ не обрадовался приказу — „отступить“, не бросился лихорадочно, поспѣшно его исполнять, а сказалъ: — „какъ же такое важное приказаніе не письменное, а устное, и можно ли уходить?“ Князь былъ правъ, тысячу разъ правъ; слѣдовало черкнуть 2 слова: „отступайте, Дружининъ“, и я виноватъ передъ нимъ. Не волненіе, не поспѣшность ухода съ позиціи заставили меня не написать приказаніе, а только стремленіе не терять болѣе ни одной секунды; я считалъ уже, что слишкомъ поздно отдаю приказаніе; кромѣ того я зналъ Мамонтова и думалъ, что въ его словахъ Долгоруковъ сомнѣваться не будетъ. Но повторяю, я виноватъ.

Отступленіе казаковъ произведено подъ сильнымъ огнемъ; въ это время они и понесли наибольшія потери; подробности отступленія 2-й сотни Верхнеудинскаго полка мнѣ не извѣстны, хотя ея дѣятельность больше всего рекламирована въ Харбинской и даже Петербургской прессѣ; я слышалъ рассказы, что 12-го августа у Тунсинпу бѣжалъ полковникъ Дружининъ, говорили (но меньше), что бѣжалъ и Князь Долгоруковъ; о своемъ бѣгствѣ читалъ въ Харбинскомъ Вѣстникѣ и С.-Петербургскихъ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ; слѣдовательно вся тяжесть боя выпала на долю этой сотни, и единственнымъ героемъ этого дѣла оказывается есаулъ Маркозовъ. Но послѣдней отступила 3-я сотня Читинскаго полка и послѣднимъ Князь Долгоруковъ, подъ которымъ шимозой была разбита лошадь; обѣ другія сотни ушли раньше, при чемъ 5-я сотня присоединилась ко мнѣ въ долину Сидыха; отъ 3-ей сотни прибилося лишь нѣсколько казаковъ, такъ какъ путь на сѣверъ былъ отрѣзанъ, и Князь Долгоруковъ ушелъ кружнымъ путемъ на Елюинцы; 2-я сотня направилась въ отрядъ Грекова, гдѣ

и могла получить полный отдыхъ отъ боя во всѣ послѣдующіе дни.

Расположивъ на послѣдней позиціи 10-ю роту, при чемъ особенное содѣйствіе оказалъ Васильковскій, я обошелъ цѣпь (всю роту) по гребню. Въ это время артиллерійскій огонь достигъ особенной силы; мнѣ приходилось потомъ выдерживать его нѣсколько сутокъ подъ рядъ (въ Мукденскихъ бояхъ), но такой сосредоточенной стрѣльбы, какъ въ эти минуты, я не видѣлъ: снаряды рвались одновременно надъ нами со всѣхъ сторонъ; въ ушахъ стоялъ звонъ отъ разрывовъ и звуковъ полета, дополняемыхъ жужжаніемъ и свистомъ пуль. Ободряя людей я предупреждалъ, что, когда обойду 9-ю роту, то дамъ приказъ отходить правымъ флангомъ. Между обѣими ротами былъ трудно проходимый оврагъ; я спустился внизъ, а затѣмъ началъ подниматься къ 9-й ротѣ, но, обернувшись, увидѣлъ, что уже часть стрѣлковъ 10-й роты спускается съ кручи въ долину Сидахья; добѣжать до роты было невозможно; я началъ кричать, чтобы люди не уходили, но либо они не слышали моего голоса, либо разъ начатое движеніе назадъ уже не было возможности остановить, и постепенно вся рота спустилась въ долину. 9-я рота стояла крѣпко на своей позиціи; я бросился по кручи внизъ, чтобы остановить и собрать 10-ю роту, на что потребовалось нѣсколько минутъ времени; наконецъ я достигъ долины, но такъ какъ большинство стрѣлковъ уже были здѣсь, то махнулъ рукой капитану Кантарову, что бы онъ также отступалъ. Рота скатилась внизъ по почти отвѣснымъ скаламъ. Мнѣ подвели лошадь, ибо молодцы вѣстовые, обойдя долиною, слѣдили за мною. Въ данную минуту мы были въ безопасности—въ мертвомъ пространствѣ крутого берега долины, но съ каждою минутою можно было ожидать, что японцы увѣнчаютъ гребни, и тогда конечно имъ легко было бы перестрѣлять насъ; слѣдовало возможно скорѣе отодвинуться къ противоположному берегу; поэтому, не задерживаясь, на ходу собирая людей, отрядъ двинулся на лѣвый берегъ рѣки, мимо д. Кофынцы; обширныя поля гаоляна были намъ отличной защитой, маскировавшей дви-

женія. Японцы дали намъ нѣсколько необходимыхъ минутъ, и пули ихъ засвистали надъ головами тогда, когда мы собрались къ небольшому перевалу южнѣе Кофынцы; я оставилъ Кантарова, шедшаго сзади своей роты, и уже приказывалъ ему занять ротою позицію, когда совсѣмъ близко раздался трескъ нашихъ скорострѣлокъ; это наша артиллерія у деревъ. Кофынцы открыла огонь по зарвавшейся впереди японской пѣхотѣ; батареи отчетливо, равномерно давали сперва выстрѣлъ за выстрѣломъ, а затѣмъ быстро перешли на очереди. Мгновенно затихъ ружейный огонь противника, и мы могли продолжать движеніе. Этотъ орудійный огонь доставилъ мнѣ огромное удовольствіе не только потому, что благодаря ему отрядъ избавился отъ напрасныхъ потерь, а потому что двухъ-часовой бой у Тунсинпу былъ такъ сказать санкціонированъ въ отношеніи своей результатности: мы навели пѣхоту противника подъ нашъ артиллерійскій огонь, на который ему отвѣчать было нечѣмъ, ибо его батареи оставались далеко сзади, празднуя вѣроятно свою побѣду надъ двумя ротами и двумя сотнями, но эта побѣда и была пораженіемъ японцевъ въ день 12-го августа; мы въ правѣ считать себя настоящими побѣдителями.

Отрядъ не могъ двигаться быстро, потому что мы несли нѣсколько раненыхъ, и между прочимъ, какъ мнѣ сказали, смертельно раненаго въ животъ 3-й Читинской сотни сотника Зеленкова: онъ сильно стоналъ и мучился; но докторъ сообщилъ мнѣ, что рана совсѣмъ не такъ опасна. Черезъ двѣ недѣли Зеленковъ поправился въ Харбинѣ, получилъ за рану орденъ на шею и былъ эвакуированъ въ Россію; думаю, что бой у Тунсинпу не сопряженъ для него съ дурными воспоминаніями.

По дорогѣ явился хорунжій Секретевъ, безъ шапки, раненый въ руку, на конѣ съ прострѣленной шеей; и всадникъ и лошадь были залиты кровью; не смотря на это, онъ имѣлъ самый веселый и бодрый видъ; поэтому я только спросилъ его: „выскочилъ благополучно! можете скакать дальше“? Онъ отвѣтилъ: „Конечно могу“. Тогда я сказалъ: „Поѣзжайте какъ можно скорѣе въ Чинертунъ и доложите генералу

Иванову, что отрядъ благополучно выдержалъ упорный бой съ противникомъ и теперь отходить, во исполненіе диспозиціи, на Чинертунъ, къ лѣвому флангу позиціи; кстати расскажите о самомъ боѣ“. Секретевъ въ точности исполнилъ мое приказаніе.

Позднѣе я узналъ, что Маркозовъ посылалъ его ко мнѣ опять за разрѣшеніемъ отступать, что онъ нарвался у Тунсинпу на японцевъ, былъ обстрѣлянъ съ близкаго разстоянія и счастливо ускакалъ, отдѣлавшись для себя и коня легкими ранами. Для чего, зачѣмъ такъ усиленно желалъ напоминать мнѣ объ отступленіи Маркозовъ, почему не обращался онъ къ своему непосредственному начальнику? Это рисуетъ съ извѣстной стороны его психологическое состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ служебную дисциплину.

Недоходя д. Кофынцы, я остановилъ отрядъ на довольно продолжительное время, чтобы провѣрить людей, ихъ потери, и воспользовался случаемъ выяснить причину начала отступления праваго фланга 10-й роты, которое всетаки было исполнено помимо моего приказанія. Такъ какъ Томашевскій не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго объясненія, то я собралъ роту и сдѣлалъ ей строгій выговоръ, предупреждая что въ будущемъ не оставляю безнаказаннымъ ни одного человѣка, повернувшего спину противнику безъ приказанія начальства. Я знаю, что Томашевскій былъ очень обиженъ, знаю также, что во всѣ дни боевъ его рота дѣйствовала безупречно доблестно; думая, что и въ данномъ случаѣ произошло лишь недоразумѣніе *), и ничего похожего на бѣгство не было; люди отошли въ полномъ порядкѣ и не производили совсѣмъ впечатлѣнія какого нибудь разстройства; я былъ убѣжденъ, что по первому слову они готовы сейчасъ же идти въ самый сильный огонь; но фактъ отхода

*) Совершенно случайно лѣтомъ 1906 года, состоя на службѣ въ крѣпости Владивостокъ, въ гарнизонѣ котораго состоитъ 9-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, я узналъ точно, кто именно былъ виновникомъ преждевременнаго отхода праваго фланга 10-й роты съ послѣдней позиціи у д. Тунсинпу, и не преминулъ отдать его на судъ непосредственнаго начальства, но, насколько мнѣ извѣстно, виновникъ остался ненаказаннымъ.

безъ приказанія былъ на-лицо, и, принимая во вниманіе все что я говорилъ выше о деморализаціи нашей арміи, я не поощаилъ героевъ, доблесть которыхъ уже видѣлъ и долженъ былъ еще увидѣть столько разъ. Впечатлѣніе моихъ словъ было сильное, ибо черезъ 3 мѣсяца, во время зимней стоянки на передовыхъ постахъ, одинъ изъ охотниковъ 9-го полка чинилъ каны (китайская печь) въ занимаемой мною фанзѣ; когда я спросилъ его какой онъ роты, онъ воскликнулъ: „вашей, ваше высокоблагородіе, 9-й; помните, вы остались нами довольны, когда 10-я рота ушла; и задали же вы имъ тогда подъ сосенками“. Дѣйствительно мы дѣлали приваль въ сосновой, или вообще какой то рошѣ.

Дальнѣйшее движеніе отряда отъ Кофынцы къ Чинертунъ шло безостановочно; мы проходили въ тылу главной позиціи, видѣли парки, лазареты; всѣ войска встрѣчали насъ съ особеннымъ интересомъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ намъ кричали ура. При переправѣ въ бродъ черезъ рѣчку я увидѣлъ нѣсколько двуколокъ съ патронами 9-го полка и воспользовался случаемъ пополнить запасъ своихъ стрѣлковъ; о, какъгодились эти патроны на слѣдующій день.

Не могу сказать навѣрное, когда именно, т. е. подъ Тунсинпу, или уже на походѣ, я получилъ изъ штаба извѣщеніе, что на подкрѣпленіе отряду высланы 2 роты 9-го стрѣлковаго полка, подъ начальствомъ подполковника того же полка Князя Амилахори; во все время слѣдованія къ Чинертунъ я поджидалъ съ минуты на минуту ихъ прихода; во время пополненія патроновъ офицеръ 9-го полка сообщилъ, что роты выступили въ 7 часовъ утра и слѣдуютъ къ отряду, но я тщетно ждалъ ихъ все 12-е, 13-е и даже 14-е августа. Почему не присоединился ко мнѣ Князь Амилахори, составляетъ для меня вопросъ до сихъ поръ не разрѣшенный. При встрѣчѣ лѣтомъ 1905 г. въ Харбинѣ, когда онъ возвращался изъ Россіи, куда былъ эвакуированъ передъ Мукденскимъ боемъ по болѣзни, онъ сказалъ мнѣ, что не присоединился потому, что получилъ на то приказаніе; 13-го августа онъ сражался рядомъ съ ввѣренными мнѣ войсками, а затѣмъ въ 1904 и 1905 г.г. долго оспаривалъ свое право на полученіе ордена Св. Георгія 4 ст. у полу-

чившаго таковой командира Зарайскаго полка полковника Мартынова.

Прибывъ въ Чинертунъ, явился г. Иванову и тутъ только узналъ, что ввѣренный мнѣ отрядъ, во измѣненіе существовавшей диспозиціи, получилъ новое назначеніе, а именно: перейдя въ д. Павшугоу, обезпечивать развѣдкою правый флангъ корпуса (подробности задачи не помню, но это не имѣетъ значенія, такъ какъ, вмѣсто развѣдки, пришлось вступить въ бой съ противникомъ); въ связи со мною, тамъ же, долженъ былъ дѣйствовать и г. Грековъ. Я просилъ разрѣшеніе дать людямъ отдыхъ и время для варки пищи и доложилъ о боѣ и потеряхъ, которыя выяснились такъ: по 8 человѣкъ убитыхъ стрѣлковъ въ каждой ротѣ и 20—25 раненыхъ, большею частью легко; половина ихъ, если не гораздо больше, остались въ строю. Относительно казаковъ я зналъ только, что въ 5-й сотнѣ Верхнеудинскаго полка потери незначительны; во 2-й сотнѣ ранены: сильно есаулъ Маркозовъ въ сѣдалище и легко сотникъ Секретевъ; о Князѣ Долгоруковѣ имѣлись свѣдѣнія весьма неутѣшительныя, а именно: коноводы были разсѣяны шрапнелью, и сотня окружена японцами; поэтому я считалъ Князя погибшимъ и доложилъ такъ г. Иванову: „этотъ офицеръ за оба дня выказалъ такую доблесть, такое мужество, искусство и инициативу, что безусловно заслужилъ Георгіевскій Крестъ, и хотя въ данную минуту я опасаюсь, что онъ погибъ, но надо его удостоить этой награды, ибо ему отрядъ обязанъ по крайней мѣрѣ на половину своими успѣхами въ бояхъ“. Командиръ корпуса отнесся очень сочувственно и принялъ меня вообще весьма ласково, приказалъ немедленно составить донесеніе о боѣ 11-го и 12-го августа въ такой формѣ, чтобы оно могло быть послано на Высочайшее Имя. Я написалъ его въ палаткѣ начальника штаба; не знаю было ли оно послано командующему арміей, но знаю, что Всеподданнѣйшее донесеніе отъ 13-го августа не обрисовываетъ картины боя ввѣреннаго мнѣ отряда, даже какъ бы указываетъ на то, что отрядъ ушелъ, безъ упорнаго сопротивленія противнику. Вотъ оно:

„Ночь на 12-е августа прошла спокойно. Части 3-го кор-

пуса расположились на укрѣпленной позиціи у Ляньдясань, съ правымъ флангомъ у Кофынцы; передовая позиція у селеній Ляньдясань и Киминсы была занята 5-ю ротами; съ вечера 11-го августа японцы, оттѣснивъ наши сторожевые посты, заняли высоты къ юго-востоку отъ Ляньдясань и приступили къ возведенію на нихъ окоповъ и засѣкъ. Въ 5 час. 45 минутъ утра батарея противника открыла огонь по нашему правому флангу у Кофынцы; ей отвѣчала наша батарея; не смотря на значительную дальность, огонь нашей батареи былъ успѣшенъ; японскія орудія замолчали, и было замѣчено, что прислуга ихъ попряталась. Съ утра 12-го августа противникъ, силою до бригады пѣхоты съ 4-мя батареями, двинулся внизъ по долину Сидяхья на Тунсинпу и Тасинтунъ и потѣснилъ наши двѣ роты отряда Дружинина, отошедшія къ позиціи; слѣдовавшая долиною Сидяхья одна изъ передовыхъ японскихъ ротъ подверглась огню нашей батареи и, видимо понесла большія потери, поспѣшно отступила“.

По этой редакціи можно думать, что наступленіе противника велось долиною рѣки Сидяхья, между тѣмъ какъ именно ввѣренный мнѣ отрядъ и боролся за участокъ мѣстности (котловину Тунсинпу), отдѣлявшій долину Сидяхья отъ долины (вѣрнѣе ея лѣваго берега) Ломогоу; японцы могли проникнуть въ первую не иначе, какъ взявъ сперва Тунсинпу, *) что и было ими исполнено только къ 8 часамъ

*) Не даромъ они занимали эту деревню съ музыкой, какъ говорили мнѣ казаки; она досталась имъ дорогою цѣною: потерей людей, а главное потерей времени, разрушеніемъ плана быстрого и легкаго овладѣнія Ляньдясанской позиціей; два дня потратили они на овладѣніе котловиной Тунсинпу, и, овладѣвъ ею, оказались подъ огнемъ нашей артиллеріи, безъ содѣйствія своей, которую надо было еще передвинуть.

По даннымъ Швейцарскаго военнаго агента полковника Ф. Герцъ, вся японская гвардія дебушировала отъ д. Холунгоу въ направленіи на Хоганзу и Тунсинпу, и ни одинъ японскій солдатъ не шелъ южнѣе—долиною р. Сидяхья; слѣдовательно, совершенно непонятно передъ какимъ противникомъ отходилъ такъ поспѣшно отъ Лаодитана г. Грековъ. Ни одна часть арміи Нодзу также не появилась въ раіонѣ Тунсинпу—Тасигуо, а слѣдовательно не наступала на Пахудзай—Лаодитанъ; можетъ быть, двигаясь отъ Пахудзая на переваль Мяолинъ, японцы имѣли какой нибудь боковой отрядъ, вошедшій въ соприкосновеніе

утра, по отступленіи отряда въ долину Сидахыа. Противникъ не шель этою долиною, ни отъ Лаодитина, ни даже отъ Пейлинцзы, ибо въ такомъ случаѣ онъ уже 12-го утромъ угрожалъ и даже охватилъ бы правый флангъ Лян-дясанской позиціи, кончавшейся у Кофынцы. Можетъ быть существуютъ донесенія о такомъ наступленіи противника изъ отряда Грекова, но я положительно утверждаю, что послѣдній ушелъ съ разсвѣтомъ 12-го августа (а можетъ быть и ранѣе) изъ Лаодитана безъ всякаго напора противника, нисколько не заботясь о нашей участи, не смотря на то, что, находясь на пути сѣвернѣе Лаодитана, могъ даже наблюдать нашъ бой. Въ томъ же Всеподданнѣйшемъ донесеніи сказано:... „Конный отрядъ генерала Грекова отъ Лаодитана отошелъ къ правому флангу нашей позиціи...“ По какой же причинѣ? чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Лян-дясанской позиціи, но развѣ нельзя было развернуться на участкѣ къ западу отъ Тунсинпу, наконецъ у Тасигоу, поддерживая соприкосновеніе съ противникомъ, а не идти прямо (не „къ“, а „за“) за позиціи, въ Чандяопу, гдѣ я имѣлъ счастье лицезрѣть его превосходство во всѣхъ ввѣренныхъ ему войсками вечеромъ 12-го августа. Я уже не говорю про то, что, имѣя приказъ поддерживать отрядъ полковника Дружинина, видя два дня его неравный бой съ превосходными силами противника, ограничиться отбытіемъ номера инструкціи ($1\frac{1}{2}$ сотни для связи и 1 рота въ 5 верстахъ) и удалиться отъ боя, представляетъ изъ себя фактъ невыручки своихъ войскъ. Конечно от-

съ Грековымъ, но не болѣе этого. Именно отступление Грекова и ввело въ заблужденіе штабы В. отряда и арміи, предположившіе наступленіе японцевъ къ правому флангу Лян-дясанской позиціи долиною Сидахыа. Гамильтонъ констатируетъ установленіе связи японской гвардіи съ правымъ флангомъ арміи Нодзу только 13-го августа. По свидѣтельству того же полковника Ф. Герчъ, 1-я гвардейская бригада г. Асада, выдѣленная Куроки изъ Фынхуанчена въ г. Сюянь, присоединилась къ своей дивизіи въ д. Кюдяпуза (6 верстъ южнѣе Тхавуана) 18 іюля и прослѣдовала къ Тхавуану; ея путь отъ Сюянн (схема № 2, приложенная къ сочиненію Ф. Герча) шель черезъ Мадн и Тинтей, т. е. она миновала не только долину р. Сидахыа, но и долину Тхазелинъ—Ломогоу; послѣдняя осталась къ западу отъ ея пути слѣдованія.

рядъ генерала Грекова могъ значительно помочь намъ и 11-го, и 12-го августа.

По свидѣтельству одного изъ командировъ сотенъ отряда Грекова, дѣло происходило такъ: 11-го августа была только стычка у охотничьей команды, находившейся въ составѣ отряда, одной сотни и части сторожевого охраненія, въ окрестностяхъ д. Айцзяпуцзы (не ближе 15 верстъ отъ д. Лаодитань) окончившаяся ничѣмъ; японцы наступленія не обозначили. Къ вечеру сотня, занимавшая заставу у Пахудзай, была спѣшно потребована въ Лаодитань, гдѣ отрядъ уже былъ въ полной готовности къ отступленію: всѣ 3 казачьихъ полка и артиллерія стояли на огородахъ въ резервномъ порядкѣ. Такъ простояли всю ночь, опасаясь нападенія противника. Утромъ, не смотря на то, что противникъ не появлялся, отрядъ поспѣшно выступилъ къ сѣверу и, черезъ д.д. Елюинцзы и Тасигоу, прослѣдовалъ на Павшугоу, въ Чандяопу. Во время перехода южнѣе Тасигоу, исполненнаго на рысяхъ, для прикрытія со стороны Пейлинцзы и Тунсинпу была выслана одна сотня, которая видѣла въ долинѣ Сидахыа $1\frac{1}{2}$ —1 эскадронъ японцевъ, по которымъ и открыла огонь. Японцы также спѣшились и стрѣляли. Затѣмъ сотня, составляя арьергардъ, также отступила.

Когда я прибылъ въ Штабъ Корпуса, то произошло слѣдующее: Начальникъ Штаба полковникъ Орановскій спросилъ ординарца поручика фонъ-Лангъ: что спрашивали по телефону отъ Генераль-Адъютанта Куропаткина? Отвѣтъ: „поддержалъ ли генераль Грековъ полковника Дружинина?“ „Что вы доложили?“—„я доложилъ, что не поддержалъ“. Я почувствовалъ себя удовлетвореннымъ; казалось, дѣйствія генерала, столь грустныя для доблестныхъ боевыхъ частей, получаютъ должное воздаяніе, но... я скажу ниже, какъ продолжалъ относиться къ этому военному начальнику командующій арміей, выказавшій это 15 августа, при нашемъ свиданіи.

Я былъ приглашенъ обѣдать и ѣлъ съ особеннымъ аппетитомъ, точно предчувствуя что затѣмъ не будетъ времени на ѣду нѣсколько сутокъ. При превосходномъ настроеніи и никогда еще въ такой степени не переживае-

момъ подъемъ духа, отчего все казалось симпатичнымъ, меня поразила инертность многочисленнаго штаба. Бой (и какой бой!) уже начался, а не было проявлено никакого интереса; меня не спрашивали не только о подробностяхъ, но даже вообще объ обстановкѣ, какъ она мнѣ казалась; а я могъ дать въ этомъ отношеніи весьма полезныя указанія; равнымъ образомъ ни въ чемъ и не ориентировали; я уѣхалъ совершенно не освѣдомленный о томъ, что предполагалъ корпусъ дѣлать дальше, какъ дѣйствовать. Впрочемъ вѣдь никто въ нашей арміи никогда не зналъ, что будетъ завтра, ибо мы дѣлали лишь то, что хотѣлъ противникъ, отказывались отъ всякой инициативы, послушно подставляли свою шею подъ его удары и старались, получивъ по этой шеѣ, поскорѣе уходить отъ него; инициатива и энергія просыпались только тогда, когда нужно было подумать объ отступленіи; сейчасъ же этотъ первостепенный вопросъ еще не поднимался. Съ позицій раздавались рѣдкіе артиллерійскіе выстрѣлы, какъ мнѣ казалось, только съ нашей стороны; кажется командиръ корпуса собирался куда то ѣхать. Живымъ контрастомъ со всей штабной кликой былъ сидѣвшій тутъ же сотникъ Васильковскій; онъ весь горѣлъ интересомъ къ прошедшему и предстоящему бою и шумѣлъ на весь столъ. Но я не могъ не сочувствовать этому храброму, энергичному юношѣ. Замѣчательно, что всѣ ученые чины штаба были на-лицо: ни одного гдѣ нибудь наблюдающаго, исполняющаго обязанности ока начальника; конечно сидѣть въ Чинертуни было пріятнѣе—меньше безпокойства и меньше риска, а также не было вопроса объ отвѣтственности за выясненіе обстановки. Говорю о генеральномъ штабѣ корпуса. Напротивъ меня сидѣлъ тактичнѣйшій изъ офицеровъ, самъ начальникъ штаба корпуса—бывшаго Восточнаго отряда; я видѣлъ его при Засуличѣ и Графѣ Келлерѣ; теперь по наслѣдству онъ перешелъ къ г. Иванову и продолжалъ держать себя также корректно, т. е. молчать, не вмѣшиваться въ какія либо соображенія, одобрять всѣхъ и все, стараясь только и исключительно не быть отвѣтственнымъ. Я никакъ не ожидалъ, что въ эти дни онъ зарабатывалъ себѣ Георгіевскій крестъ, ибо полу-

чилъ его за бой на Ляндясанской позиціи; этотъ знакъ блисталъ у него на груди, когда я встрѣтилъ его въ вагонѣ генерала Гродекова 3-го февраля 1906 года; на свое поздравленіе получилъ отвѣтъ: „я обязанъ этимъ генералу Иванову“, а, спустя нѣсколько минутъ, одинъ капитанъ генеральнаго штаба сказалъ мнѣ: „а вы видѣли на Орановскомъ свой Георгій—это за ваши бои 11 и 12 августа“. О, герой Тюренчена, виновникъ 5000 напрасныхъ жертвъ подъ Бен-сиху! такимъ ли можно присуждать высшую военную награду?

Отношеніе начальства и конечно штаба были ко мнѣ не только ласковы, но даже предупредительны; готовы были исполнить все, что я просилъ; такъ, осталось въ силѣ приказаніе усилить отрядъ двумя ротами Князя Амилахори, что было тѣмъ нужнѣе, что ряды стрѣлковъ порѣдѣли, а казаковъ оставалось не болѣе одной сотни. Я попросилъ разрѣшеніе принять въ отрядъ офицера 2-го Читинскаго полка, сотника Бѣлогорскаго, для командованія остатками 3-ей сотни. Къ сожалѣнію, я не могъ знать, что этимъ разрѣшеніемъ подписывался смертный приговоръ красивому, симпатичному юношѣ, котораго мнѣ суждено было видѣть въ первый и въ послѣдній разъ. Дѣло въ томъ, что, не доходя до Чинертунъ, я встрѣтилъ его ѣдущимъ въ свой полкъ, о мѣстѣ нахожденія котораго онъ и спрашивалъ. Я сказалъ ему, что генераль Грековъ конечно уже давно покинулъ столь опасное мѣсто, какъ Лаодитанъ, и что у д. Тунсинпу проѣхать теперь нельзя, такъ какъ она занята противникомъ; надо направиться кругомъ, много западнѣе; если же сотникъ желаетъ, то я буду очень радъ подчинить ему присоединившуюся къ отряду часть 3-й сотни. Офицеръ съ большою охотою согласился. И такъ, я пригласилъ его въ отрядъ и санкціонировалъ это разрѣшеніемъ корпуснаго командира, велѣвшаго отдать соответствующее приказаніе. Направивъ Бѣлогорскаго къ казакамъ Черноярова, я больше его не видѣлъ, а на слѣдующій день получилъ донесеніе, что онъ убитъ наповаль. Послѣ этого случая никогда никого не приглашалъ къ себѣ въ отрядъ, а тому, кто просился, говорилъ: „устраивайтесь помимо меня, черезъ начальство, заявляя, что я согласенъ“.

Изъ Чинертунъ отрядъ перешелъ черезъ Кофынцы и Чандяопу въ Павшугоу; такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы послѣ двухъ-дневнаго боя у Тунсинпу, отойти всего на 5—6 верстъ и стать на позиціи сѣвернѣе Тасигоу, для продолженія праваго фланга Корпуса, намъ пришлось, во исполненіе диспозиціи, сдѣлать маршъ въ 25 слишкомъ верстъ и стать въ 2-хъ верстахъ за своей позиціей. Впрочемъ при нашемъ выступленіи изъ Чинертунъ, тамъ все еще не сознавали, что противникъ уже дѣйствовалъ рѣшительно.

Въ Чандяопу отрядъ дѣлалъ небольшой привалъ; тамъ стоялъ въ полномъ составѣ отрядъ генерала Грекова и конечно бездѣйствовалъ въ полной мѣрѣ. Офицеры Уссурійскаго казачьяго полка сдѣлали мнѣ нѣчто въ родѣ овацій, въ чемъ принималъ участіе и ихъ командиръ полковникъ Абадзіевъ, хотя держалъ себя какъ то странно.

Мы пришли въ темнотѣ въ д. Павшугоу и кое какъ размѣстились; люди были столь утомлены, что даже никто не варилъ чаю. Передъ разсвѣтомъ пришло новое приказаніе командира корпуса: немедленно выдвинуться впередъ и занять позицію на высотахъ сѣвернѣе д. Тасигоу, для продолженія и обезпеченія праваго фланга Ляндясанской позиціи; объ этомъ додумались только поздно вечеромъ 12-го, а японцы не дремали; поэтому отрядъ едва успѣлъ, прибывъ во-время на мѣсто, своимъ упорствомъ искупить сдѣланные промахи.

Описавъ такимъ образомъ во всѣхъ подробностяхъ исполненіе отрядомъ выпавшей на его долю огромной задачи—начала-завязки Генеральнаго Сраженія при Ляоянѣ, я возвращусь теперь къ затронутому выше вопросу (стран. 295), по выясненію съ научной точки зрѣнія возможности, или вѣрнѣе правильности, завязывать серьезные бои ничтожными по своимъ силамъ отрядами. Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что отъ такого способа дѣйствій не только не слѣдуетъ отказаться, но даже можно рекомендовать его. Безъ передовыхъ частей, выставляемыхъ передъ фронтомъ корпусовъ, нельзя обойтись, при чемъ эти части должны состоять не изъ одной кавалеріи, а непременно

изъ пѣхоты и даже съ артиллеріей; онѣ обязаны быть въ нѣкоторой степени устойчивы, т. е. не уходить безъ боя (какъ это сдѣлалъ генераль Грековъ), а наоборотъ останавливать наступленіе противника и заставлять его развертываться (какъ это сдѣлалъ въ 7 часовъ утра 11-го и въ 5 часовъ утра 12-го августа отрядъ у Тунсинпу); онѣ могутъ и должны ввязываться въ упорный бой, нести серьезныя потери; имъ можно иногда предоставлять борьбу съ много превосходными силами противника и даже продолжительное время. Конечно нельзя требовать отъ какихъ нибудь 2-хъ ротъ и 2-хъ сотенъ, чтобы онѣ заставили противника развернуть дивизію съ артиллеріей; однако мы видимъ, что въ данномъ случаѣ именно столь ничтожный отрядъ выполнилъ такую задачу, благодаря тому, что ввелъ въ заблужденіе авангарды японцевъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что стоило противнику продолжать рѣшительное наступленіе, хотя бы и безъ артиллеріи, только двумя баталіонами, 11-го августа въ 9—10 часовъ утра? подкрѣпленій отряду выслано не было, и конечно онъ либо былъ бы вынужденъ къ отступленію, либо былъ бы окруженъ; однако ничего подобнаго не случилось; упорство отряда сломило стремленіе противника и заставило его, выставивъ нѣсколько батарей и развернувъ по наименьшей оцѣнкѣ бригаду, обнаружить свои намѣренія въ отношеніи дальнѣйшихъ дѣйствій по атакѣ позиціи цѣлаго корпуса. Считать такой успѣхъ отряда частнымъ случаемъ, объяснять его случайнымъ же неискусствомъ противника, нельзя. Если можно упрекать японцевъ, по опыту веденія ими настоящей кампаніи, въ несовершенствѣ стратегіи, то ихъ тактика, именно въ при-мѣненіи къ условіямъ современнаго боя, не оставляетъ желать лучшаго. Вотъ почему я позволяю себѣ сказать, что въ данномъ случаѣ мы обязаны не исключительно ихъ промаху, а просто правильности и цѣлесообразности дѣйствій небольшого передового отряда.

При современныхъ условіяхъ боя, рекогносцировка силъ является дѣломъ весьма труднымъ; мы знаемъ, что весьма часто заглянуть за линію сторожевого охраненія невозможно; поэтому, когда противники находятся даже въ раз-

стояніи возможности каждую минуту начать бой, нельзя знать навѣрное на фронтѣ въ 10 или болѣе верстъ, съ какой точки и на какую они поведутъ наступленіе главными силами, а со стороны обороняющейся остается одно средство: упругостью—устойчивостью передовыхъ частей опредѣлить сперва силы противника, что можно сдѣлать только боемъ. Нынѣшнее вооруженіе и соотвѣтствующая ему тактика сильно возвышаютъ силу сопротивленія небольшихъ частей—отрядовъ, дѣлаютъ ихъ болѣе самостоятельными, ибо вѣрная оцѣнка количества силъ чрезвычайно затруднительна, и легко вводить въ заблужденіе. Мало того, когда бой бываетъ не позиціонный, а встрѣчный, то иногда передовая часть своимъ упорнымъ сопротивленіемъ дастъ возможность удержать за собой весьма важный тактический пунктъ, такъ какъ могутъ подоспѣть подкрѣпленія, а отъ владѣнія однимъ—двумя такими пунктами можетъ зависѣть исходъ и генеральнаго сраженія *).

Существуетъ принципъ новѣйшей тактики: дѣйствовать только массами и никогда отдѣльными небольшими организмами, такъ какъ вполне вѣроятныя частныя пораженія послѣднихъ приносятъ арміи только вредъ. Я не оспариваю его, но требовать упорной развѣдки боемъ отъ передовыхъ (и вообще обезпечивающихъ фланги) отрядовъ не значитъ обрекать ихъ на частное пораженіе; они дѣйствуютъ въ связи съ массою, въ ея интересахъ, могутъ быть ею поддержаны, приняты на себя. Не имѣть же ихъ передъ собою совсѣмъ, или имѣть въ огромномъ числѣ (такъ было всегда у насъ), но разрѣшать имъ отступать при первомъ напорѣ противника, безъ боя, значитъ не развѣдывать противника и ввязываться въ него на авось, въ потемкахъ. Мало того, такія отступленія служатъ только и исключительно къ деморализаціи арміи, пріучаютъ войска показывать тылъ противнику, уступать ему свои позиціи; безусловно выгоднѣе

*) Въ 3-й части своихъ воспоминаній о войнѣ я укажу на положительный примѣръ удержанія въ своихъ рукахъ двухъ такихъ пунктовъ передовыми частями японцевъ, благодаря чему не удалось наше наступленіе подъ Бенсиху, а слѣдовательно и вся задуманная Куропаткинымъ наступательная операція Шахэ-Бенсиху.

потерять истребленными (конечно не сдавшимися въ плѣнъ) одинъ, два, три отряда, чѣмъ сохранить всѣ, при условіи ихъ легкаго и стремительнаго отхода. Но конечно необходимо, чтобы всѣ отряды дѣйствовали одинаково устойчиво—упруго, въ общей связи, поддерживая другъ друга. Когда же, какъ то было 11 и 12-го августа 1904 года, у Тунсинпу сражались, а отъ Эрдахэ и Лаодитана отступали безъ выстрѣла и даже не видя противника, то выходитъ нѣчто совершенно ненормальное: кто хочет—исполняетъ свой долгъ, кто не желаетъ—уходитъ.

Изъ всего сказаннаго заключаемъ, что командиръ 3 Сибирскаго корпуса поступилъ правильно, предоставивъ небольшому отряду завязку боя за Ляньдясанскую позицію, но конечно остается удивляться тому, что онъ разрѣшилъ другимъ отрядамъ, и при томъ значительно большей силы, въ ней не участвовать, или во всякомъ случаѣ оставилъ дѣйствія ихъ начальниковъ безъ послѣдствій.

ГЛАВА IV.

Бой у д. Тасигоу 13-го августа *).

Результатомъ боя у д. Тунсинпу ввѣреннаго мнѣ отряда 11 августа было предположеніе командующаго арміей о возможности обхода—охвата противникомъ праваго фланга Ляньдясанской позиціи, и въ 6 час. 15 мин. пополудни онъ сдѣлалъ слѣдующее указаніе г. Иванову: „Завтра возможно, что противникъ будетъ обходить вашъ правый флангъ значительными силами; не признаете ли полезнымъ, въ виду передвиженія вамъ резерва, незамѣтно для противника удлинить свой правый флангъ версты на 2, даже при слабомъ занятіи этого участка, и довольно прочно занять хотя бы спѣшенными казаками высоту 201 къ югу отъ Павшугоу. Конно-горныя батареи облегчатъ удлиненіе фланга. Эти мѣры послужатъ къ задержанію обхода, дабы выиграть время

*) На приложенной схемѣ этого боя сдѣлана ошибка: напечатано „лѣвый“ флангъ, а надо читать „правый“ флангъ отряда г. Столица.

для подхода резервов". Г. Ивановъ однако или не исполнилъ этихъ преподанныхъ ему довольно опредѣленныхъ указаній, или же его распоряженія почему то замедлились въ своемъ исполненіи. Можетъ быть причиной нерѣшительности или медленности приведенія въ исполненіе раціональныхъ мѣръ по прочному занятію новыхъ позицій, для удлиненія праваго фланга Ляндясанской позиціи, послужило указаніе того же Куропаткина, данное г. Иванову въ тотъ же день 11-го августа, но только нѣсколько раньше вышеприведеннаго, а именно: „начатое японцами движеніе можетъ оказаться демонстраціей или развѣдкой; возможно осторожнѣ расходуйте ваши резервы“.

Я полагаю, что противорѣчіе между двумя указаніями, данными Куропаткинымъ почти одновременно, а также противорѣчіе между донесеніями и дѣйствіями передовыхъ частей Восточнаго отряда заставили г. Иванова не спѣшить принятіемъ мѣръ къ парированію рѣшительнаго удара противника. Я говорю о противорѣчій между донесеніями и дѣйствіями передовыхъ частей потому, что изъ сдѣланныхъ мною описаній того, какъ держали себя отрядъ Грекова и передовыя войска въ окрестностяхъ Эрдахе и Фынцзыай съ одной стороны и отрядъ у Тунсинпу съ другой, видно это противорѣчіе: первые отходили безъ выстрѣла и запугивали, не выясняя обстановки, а второй, не уступая ни шагу и при первой возможности подавшись впередъ, точно опредѣливъ серьезныя силы противника, продолжалъ отстаивать ввѣренный ему районъ. Я позволяю себѣ думать, что г. Ивановъ, въ виду удачныхъ дѣйствій отряда у Тунсинпу, рѣшилъ, что, пока этотъ отрядъ еще стоитъ твердо на своемъ мѣстѣ, нечего опасаться охвата фланга и ограничился лишь поддержкой его 2-мя ротами (которые однако не прибыли). Тѣмъ не менѣе изъ совокупности всѣхъ донесеній за 11 августа, къ вечеру этого дня, казалось бы, Ивановъ могъ составить себѣ ясное представленіе о наступленіи серьезныхъ силъ японцевъ на Тунсинпу, что доказывается приказаніемъ переданнымъ мнѣ во время атаки позиціи противника, „немедленно отойти, такъ какъ передъ нами не менѣе дивизіи“, подтвержденнымъ мнѣ лично Ивановымъ на

слѣдующій день. Слѣдовательно было бы правильнѣе со стороны командной власти Восточнаго отряда прежде всего приказать своевременно отряду у Тунсинпу отходить не на Чинертунь, а прямо на позицію сѣвернѣе д. Тасигоу, а вторыхъ исполнить указанія Куропаткина немедленно, заблаговременно расположивъ войска на участкѣ, гдѣ пришлось сражаться 13 августа ввѣренному мнѣ отряду.

Незанятіе же прочно высоты 201, указанной въ инструкціи Куропаткина, для меня совершенно непонятно, тѣмъ болѣе, что съ утра бездѣйствовали въ окрестностяхъ Чандяопу 10 сотенъ г. Грекова. Во всякомъ случаѣ только 12 августа были сдѣланы слѣдующія распоряженія по удлиненію праваго фланга позиціи: отрядъ г.-м. Столица долженъ былъ удлинить флангъ, пристроившись къ отряду п. Лечицкаго (24-й полкъ), въ составѣ 2-хъ баталіоновъ 12-го и 1-го батальона 9-го полковъ. Ввѣренному мнѣ отряду, вопреки установившемуся мнѣнію, вовсе не было приказано продолжить флангъ г. Столица и занять позицію на высотахъ къ сѣверу отъ Сесигоу, а только перейти въ долину Павшугоу и обезпечивать въ сторожевомъ и развѣдывательномъ смыслѣ нѣкоторый районъ мѣстности, держа связь съ отрядомъ Грекова. Приказаніе о занятіи высотъ правѣе г. Столица было получено мною уже на разсвѣтѣ 13-го августа въ д. Павшугоу, и поэтому я началъ встрѣчный бой съ 4-мя баталіонами бригады Асада, на половинномъ разстояніи между д. д. Тасигоу и Павшугоу. Утверждаю, что если бы въ 5—7 часовъ утра 13-го августа мы не успѣли бы остановить наступленіе этой крайней обходной части японцевъ, то къ 8 часамъ утра оборона Ляньдясанской позиціи не могла бы существовать, и, вмѣсто того критическаго положенія, въ которомъ очутилась японская гвардія уже въ это время (а это подтверждаетъ Гамильтонъ), въ критическомъ положеніи очутилась бы вся Южная Группа Русской Маньчжурской Арміи. Въ эти минуты кризиса Ляньдясанскаго боя, т. е. отъ 5 до 9—10 часовъ утра 13 августа, уже разстрѣлянные въ предшествующемъ бою войска ввѣреннаго мнѣ отряда сражались одни, совершенно самостоятельно, безъ поддержки какихъ либо другихъ войскъ,

и потому имъ и только однимъ имъ принадлежить всецѣло честь отбитія обхода—охвата праваго фланга Ляндясанской позиціи 13-го августа, а такъ какъ это оказалось возможнымъ выполнить лишь вслѣдствіе геройскихъ боевъ той же горсти стрѣлковъ и казаковъ въ два предшествующіе дня 11-го и 12-го августа подъ Тунсинпу, то не можетъ быть и рѣчи о какомъ то подвигѣ Зарайскаго полка, явившагося на поле сраженія Павшугоу—Тасигоу только около полудня 13-го августа.

Кромѣ того бои передового отряда у Тунсинпу 11 и 12 августа позволили командующему арміей значительно усилить Восточный отрядъ изъ своего армейскаго резерва (хотя эти войска значились въ подчиненіи г. Бильдерлинга, но, по своему мѣсту нахожденія—подъ самымъ Ляояномъ, конечно составляли армейскій резервъ, что доказываетъ и направленіе ихъ самимъ Куропаткинымъ), направивъ къ д. Сяолинцзы 3 полка и 4 батареи 35 пѣхотной дивизіи, а той же дивизіи Зарайскій полкъ, съ батареей и I эскадрономъ Черниговскихъ драгунъ, изъ Цофантунъ на Вейдягоу и Кофынцы. Кромѣ того въ отрядъ г. Столица была послана одна конно-горная батарея. Эти части, заключавшія въ своемъ составѣ всего 16 бтл., 32 полв., 6 кн. грн. орд. и 2 эск., прибыли къ Ляндясанской позиціи: Нѣжинскій и Болховской пѣх. полки съ 3-мя батареями въ 11 час. пополудни къ д. Сяолинцзы 12 августа; Моршанскій полкъ съ 1 батареей—туда же въ 4 часа пополудни 13 августа; конно-горная батарея на позицію г. Столица—съ разсвѣтомъ 13 августа; Зарайскій полкъ свернулъ утромъ 13 августа съ дороги на Кофынцы, не дойдя до нея на 5 верстъ, и вступилъ въ бой южнѣе д. Павшугоу около 12 часовъ дня 13 августа; шедшая съ нимъ батарея не пожелала слѣдовать по пересѣченной мѣстности и была отправлена назадъ. Относительно этого факта, начальникъ 35-й пѣхотной дивизіи отзывается такъ: «Полковникъ Мартыновъ не сумѣлъ использовать приданную ему батарею».

Г. Ивановъ передвинулъ Нѣжинскій и Болховской пѣх. полки къ 6¹/₂ час. утра 13 августа къ д. Кофынцы. По поводу этого распоряженія г. Бильдерлингъ донесъ въ 7 час.

утра 13 августа командующему арміи слѣдующее: „г. Ивановъ включилъ 1-ю бригаду 35-й дивизіи въ свой резервъ у Кофынцы, и еще полкъ 35 дивизіи. У Сяолинцы остается лишь одинъ полкъ съ батареей. Признаю такое распоряженіе неправильнымъ. Только я, принимая общее командованіе на фронтѣ, могу, въ зависимости отъ обстановки и хода боя, располагать резервами. Бригада ночью пришла въ Сяолинцы и безъ отдыха пошла въ Кофынцы. Тѣмъ не менѣе, чтобы не отмѣнять разъ отданное приказаніе, я это распоряженіе утвердилъ. Въ 7 часовъ утра ѣду изъ Ляояна въ Сяолинцы“. Это донесеніе показываетъ полную анархію существовавшую въ управленіи войсками. Командующій арміей самъ распоряжался резервами начальника Восточной Группы и повидимому посылалъ ихъ просто г. Иванову, почему тотъ конечно и воспользовался возможностью обезпечить ими свой наиболѣе опасный флангъ. Г. Бильдерлингъ, зная, что уже второй день происходятъ серьезные бои въ въ окрестностяхъ Ляньдясань, продолжаетъ благодушествовать въ Ляоянѣ и только въ 7 часовъ утра 13 августа находитъ возможнымъ побезпокоить себя прибытіемъ въ пунктъ, находившійся въ 12 верстахъ отъ мѣста боя.

Къ концу боя 13 августа изъ всѣхъ подкрѣпленій присланныхъ Куропаткинымъ генералу Иванову приняли участіе въ бою только 3 баталіона Зарайскаго полка, конно-горная батарея и 14 ротъ Болховскаго полка, потому что, благодаря стойкости войскъ В. отряда, противникъ разбился о нихъ, и уже съ 10 часовъ утра критическое положеніе праваго фланга Ляньдясанской позиціи не существовало.

Одновременно съ полученіемъ новой задачи, къ ввѣренному мнѣ отряду прибыли на подкрѣпленіе $1\frac{1}{2}$ сотни Уссурійскихъ казаковъ: 3-я есаула Желтухина и полусотня 1-й подъ начальствомъ поручика Бровченко. Долженъ сказать, что это ничтожное по силамъ подкрѣпленіе было велико по качеству: во-первыхъ оба офицера были выдающимися по способностямъ, храбрости, знанію и энергіи; во-вторыхъ казаки Уссурійскаго полка, а въ особенности первыхъ трехъ сотенъ, представляютъ изъ себя отличный боевой матеріаль, что мнѣ было извѣстно по совмѣстной службѣ въ отрядѣ Абадзіева.

Выславъ еще до разсвѣта всѣхъ казаковъ подѣ начальствомъ Желтухина *) (составлявшихъ менѣе 3-хъ сотенъ), я приказалъ ему наступать долиною Павшугоу до встрѣчи съ противникомъ и широко развѣдывать вправо и влѣво; слѣдомъ за ними повелъ обѣ роты. Около 5 часовъ утра Желтухинъ донесъ мнѣ, что обнаружено наступленіе 4-хъ баталіоновъ японцевъ. Кажется въ своемъ донесеніи я нарочно убавилъ силы противника до половины. Въ этомъ же или слѣдующемъ донесеніи казаковъ было сказано, что они уже ведутъ перестрѣлку. Тогда я поскакалъ къ нимъ полнымъ ходомъ и скоро въ лошинѣ, отходящей отъ главной долины къ востоку, нашелъ коноводовъ сотенъ отряда и еще двухъ (или трехъ) сотенъ подполковника Маркова, изъ отряда г. Грекова. Я сталъ подниматься на южный гребень верхомъ, но такъ какъ очень скоро начали свистать пули, то, не желая терять единственного бывшаго при отрядѣ моего коня, слѣзъ и, вмѣстѣ съ Васильковскимъ, быстро вбѣжалъ наверхъ. Пересчитать наступающихъ японцевъ, хорошо примѣнявшихся къ мѣстности, было невозможно, но, по силѣ ружейнаго огня (сильная трескотня и осыпаніе пулями гребня), я убѣдился, что если и нѣтъ еще развернувшихся 4-хъ баталіоновъ, то во всякомъ случаѣ противникъ ведетъ серьезное наступленіе. Оріентировавшись на полѣ предстоящаго сраженія и опредѣливъ именно на этомъ краѣ позицію для стрѣлковъ, я послалъ приказаніе ротамъ слѣдовать возможно скорѣе (онѣ пошли бѣгомъ) и спустился внизъ. Здѣсь, подойдя къ коноводамъ, я встрѣтилъ Маркова и хотѣлъ условиться съ нимъ относительно совмѣстныхъ дѣйствій, но положительно не могъ добиться отъ него чего либо: онъ все время двигался верхомъ назадъ и впередъ и былъ чѣмъ то очень озабоченъ; думаю, что онъ

*) Я уже зналъ, что Князь Долгоруковъ въ высшей степени счастливо и искусно вышелъ изъ самаго критическаго положенія, при своемъ выходѣ изъ боя 12-го августа, и скоро присоединится къ отряду; до его прибытія, а затѣмъ опять черезъ небольшой промежутокъ времени, когда Князь былъ сильно раненъ и принужденъ выбыть изъ строя, казаками отряда 13-го и 14-го августа командовалъ есаулъ Желтухинъ,

хотѣлъ вывести изъ подъ огня коноводовъ, такъ какъ мертвое пространство, ихъ прикрывавшее, было слишкомъ недостаточно. Вдругъ онъ исчезъ. Мнѣ жаль, что мы больше не видѣлись, такъ какъ если бы условились, то вѣроятно я передалъ бы ему своихъ казаковъ и расположилъ бы всѣ 5—6 сотенъ на западномъ берегу долины Павшугоу — Тасигоу. Роты подошли тотчасъ, и я повелъ ихъ на позицію, гдѣ расположилъ въ цѣпи обѣ. Кажется только право - фланговая 10-я рота имѣла небольшой резервъ. Въ это время Васильковскій выбралъ командующую сопку въ затылокъ 10-й ротѣ, на которую мы и поднялись, какъ на удобнѣйшій пунктъ наблюденія. Все это произошло около 6 часовъ утра. Обѣ роты тотчасъ открыли частый огонь, такъ какъ противникъ производилъ перебѣжки, стараясь распространиться по берегу главной долины, представлявшему изъ себя кряжъ, примыкавшій къ правому флангу нашей позиціи; японцы остановились и открыли сильнѣйшій огонь. Правѣ пункта наблюденія находилась также командовавшая надъ правымъ флангомъ позиціи и нѣсколько уступомъ отъ него сопка. Я приказалъ сотнѣ Черноярова расположиться на ней и наблюдать за противникомъ; въ случаѣ его малѣйшаго поползновенія продвинуться впередъ открывать огонь. Полусотню поручика Бровченко я направилъ на правый (западный) берегъ долины Павшугоу — Тасигоу, въ виду того, что если противникъ уже занималъ лѣвый (восточный) берегъ долины, то онъ естественно долженъ былъ стремиться охватить насъ, какъ по самой долинѣ, такъ и по ея правому (западному) берегу; въ резервѣ осталось около 1½ сотенъ казаковъ. Подполковникъ Марковъ со своими казаками исчезъ въ то время, когда я предполагалъ стрѣлковъ на позиціи.

Въ реляціи о своихъ дѣйствіяхъ, представленной Марковымъ при рапортѣ съ требованіемъ себѣ награжденія Орденомъ Св. Георгія 4-й степени за подвигъ, оказанный имъ именно въ описываемыя минуты боя, онъ говоритъ такъ (приблизительно): „я лично расположилъ такую то роту отряда полковника Дружинина на позиціи, а затѣмъ передалъ командованіе этому послѣднему, какъ старшему.“ Совер-

шенно опровергаю такое искаженіе фактовъ и данныхъ, ибо никто, кромѣ меня и помимо меня, не отдавалъ приказаній ввѣреннымъ мнѣ ротамъ, которыя стали на позицію непосредственно мною избранную и мною имъ указанную. Никакого командованія мнѣ передавать Марковъ не могъ, потому что я съ нимъ ни о чемъ ни въ какое соглашеніе не вступалъ и, повторяю, его почти не видѣлъ, кромѣ тѣхъ краткихъ 1—2 минутъ, когда онъ суетился около коноводовъ, внизу, въ долинѣ, а не наверху, на позиціи; наконецъ, что могъ онъ мнѣ передать? роты прибыли ко мнѣ и стали на новой позиціи, гдѣ казаковъ не было; можетъ быть онъ считаетъ, что командовалъ нѣсколько минутъ моими казаками до моего прибытія, но изъ нихъ одна сотня стала на позицію опять по моему указанію, полу-сотня получила задачу отъ меня, а резервъ также находился въ моемъ подчиненіи; вообще же, во все время моихъ распоряженій, я не видѣлъ ни Маркова, ни одного его казака; онъ буквально исчезъ со своимъ отрядомъ. Если бы онъ остался, то конечно, считая его опытнымъ боевымъ офицеромъ, я воспользовался бы имъ и его отрядомъ, ибо понималъ серьезность положенія не только по отношенію ко ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, но и ко всей оборонѣ Ляндясанской позиціи. *)

Отлично помню, что въ приказаніи командира корпуса о занятіи ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ высотъ сѣвернѣе д. Тасигоу было добавлено, что отрядъ г. Грекова долженъ расположиться правѣе насъ; слѣдовательно, когда мы стали на лѣвомъ берегу долины Тасигоу-Павшугоу, у самой долины, и позднѣе оказались въ непосредственной связи (въ этотъ день безъ перерыва—плечомъ къ плечу фланговые стрѣлки отрядовъ) съ отрядомъ генерала Столица, то естественно генераль Грековъ долженъ былъ расположиться

*) Всѣ эти соображенія написаны мною въ 1906-мъ году, а 5 марта 1908 г., на сообщеніи генерала Мартынова въ собраніи арміи и флота: „Участіе Зарайцевъ въ бою при Ляндясанъ“, а равно, прочитавъ страницу 12-ю соотвѣтствующей брошюры того же автора, я понялъ въ чемъ было дѣло. Марковъ счелъ за лишнее продолжать бой и немедленно отступилъ со своими частями къ Грекову, который не пожелалъ такъ же сражаться въ этотъ день, какъ и въ оба предыдущіе.

правѣ насъ на западномъ берегу долины Павшугоу-Тасигоу; однако онъ, я констатирую это, приказаніе не исполнилъ, такъ какъ, кромѣ казаковъ подполковника Маркова, исчезнувшихъ съ моего горизонта (а онъ былъ довольно обширенъ), я не видѣлъ ни одного человѣка изъ отряда генерала Грекова на западномъ берегу (кажется ходили по долинѣ какіе то разъѣзды), т. е. слѣдовательно позиція правѣ насъ занята не была. Самъ генераль Ивановъ въ своемъ представленіи къ награжденію меня Георгіемъ 4-й степени за бои 11—14 августа пишетъ: „... Дѣла этихъ (предшествующихъ 13-му августа) двухъ дней, въ особенности же 12-го августа (бои отряда полковника Дружинина у Тунсинпу) обнаружили настойчивое стремленіе японцевъ продвинуться къ западу, т. е. дѣйствовать противъ крайняго праваго фланга Восточнаго Отряда, или же въ обходъ этого фланга. Это послѣднее облегчалось большимъ промежуткомъ (свыше 25 верстъ) между симъ флангомъ и лѣвымъ флангомъ сосѣдняго 2-го Сибирскаго Корпуса. Выигрывъ времени, достигнутый этими дѣлами полковника Дружинина, далъ возможность усилить правый флангъ Восточнаго отряда, частью изъ его резерва, а частью изъ города Ляояна Зарайскимъ полкомъ съ пѣшею батареей и одною конно-горною батареею. Первый подошелъ въ самый разгаръ боя 13 августа, а послѣдняя на разсвѣтъ того же дня. Въ ночь съ 12-го на 13-е августа полковникъ Дружининъ съ его отрядомъ, усиленнымъ 1½ сотнями, получилъ приказаніе, расположившись по лѣвую (восточную) сторону долины Павшугоу-Тасигоу, поддерживать связь праваго фланга главной позиціи Восточнаго Отряда съ отрядомъ Генераль-Лейтенанта Митрофана Грекова (2 баталіона, 9 сотенъ и 4 орудія), который, съ цѣлью обезпеченія праваго фланга отъ обхода, долженъ былъ съ ночи прочно занять командующія высоты праваго берега той же долины и наблюдать за долиною рѣки Сидяхыа къ югу, что однако въ дѣйствительности было выполнено лишь около полудня 13 августа, когда генераломъ Грековымъ на западный берегъ долины Тасигоу-Павшугоу былъ выдвинутъ отрядъ войскового стар-

шины Висчинскаго, въ составѣ 1-й роты и 2-хъ сотень. Такимъ образомъ обезпеченіе правого фланга Восточнаго Отряда съ ночи до полудня 13-го августа легло на отрядъ полковника Дружинина“.

Спрашивается, на какомъ основаніи и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ генераль Грековъ осмѣлился не исполнить приказаніе генерала Иванова; отъ исполненія этого приказанія зависѣла участь обороны всей главной позиціи Восточнаго отряда. Высылка къ полудню ничтожнаго отряда войскового старшины Висчинскаго не есть исполненіе приказа; это только очистка служебнаго номера, вѣродѣ того, какъ генераль Грековъ выполнилъ приказаніе поддерживать отрядъ у Тунсинпу назначеніемъ для связи съ нимъ полусотни Маркозова и расположеніемъ одной роты въ разстояніи 5 верстъ отъ отряда. Не считаю возможнымъ, чтобы столь важное приказаніе не дошло до г. Грекова, ибо во-первыхъ я получилъ его своевременно, находясь (въ Павшугоу) на 3—4 версты (до Чандяопу—штаба Грекова) дальше отъ штаба Восточнаго отряда; во-вторыхъ оно шло черезъ штабъ Грекова, ибо изъ его же отряда, и надѣюсь съ его вѣдома, я получилъ подкрѣпленіе—1½ сотни Уссурійцевъ. Невольно задаешь себѣ вопросъ: почему этотъ генераль не побоялся не исполнить приказъ вести ввѣренныя ему части въ бой и тѣмъ поставить въ критическое положеніе цѣлый корпусъ русскихъ войскъ. Вѣдь если бы отрядъ полковника Дружинина былъ сбитъ японцами, въ продолженіе періода времени отъ 6 до 11 часовъ утра 13-го августа, то оборона Ляндысанской позиціи, продолжавшаяся до полудня 14 августа, пала бы тогда же, и послѣдствіемъ могло быть не только болѣе раннее (1½ сутки) отступленіе Восточнаго фронта Маньчжурской арміи, а катастрофа на этомъ фронтѣ, ибо противникъ прорвался бы въ тылъ 3-му Сибирскому Корпусу. Но у насъ въ арміи тогда все сходило безнаказанно, и вѣроятно останется безнаказаннымъ навсегда. Я обращаюсь всетаки къ Суду Исторіи.

Итакъ мы въ 6 часовъ утра 13 августа опять, какъ и наканунѣ, были одни и снова вступили въ не-

равный бой съ врагомъ, и снова Богъ благословилъ насъ. Обѣщанное подкрѣпленіе 2-мя ротами 9-го стрѣлковаго полка, подъ начальствомъ князя Амилахори, не прибывало. Прежде всего пришлось подумать о снабженіи патронами, и я поручилъ это дѣло есаулу Желтухину, которому удалось достать (кажется при любезномъ содѣйствіи генераль-маіора Столица) 2 двуколки, но конечно это случилось не скоро, а между тѣмъ пришлось не жалѣть патроновъ, такъ какъ только сильнымъ огнемъ можно было удерживать наступленіе противника.

Съ своей стороны японцы подобно тому, какъ и въ предшествующіе дни, обратились къ подготовкѣ своей атаки огнемъ; но они повторили ту же ошибку, какъ и въ день боя 11 августа у Тунсинпу: у нихъ не было артиллеріи, а ружейный огонь, не смотря на всю энергію и роскошь (японцы обливали нашъ участокъ пулями), не достигалъ цѣли, ибо мы дрались на сопкахъ. Конечно, находишь мы въ равнинѣ, то физически не удержали бы позиціи, ибо легли бы на ней всѣ; а здѣсь разили только тѣ пули, которыя попадали въ головы стрѣлковъ на самомъ гребнѣ; конечно все пространство сзади насъ до невысокаго перевала было смертельно, и каждый разъ, что приходилось посылать кого нибудь съ приказаніемъ или донесеніемъ, я ожидалъ его раненія, или смерти, что и случилось. Но счастье благопріятствовало, и потери были сравнительно невелики. Наша неравная борьба съ противникомъ была выиграна главнымъ образомъ благодаря умѣлому веденію огня обоими ротными командирами; они не тратили патроновъ зря, а постоянно наблюдая за противникомъ, не позволяли ему шевелиться, хотя все-таки японцамъ удалось выиграть нѣсколько пространства противъ нашего праваго фланга; но тогда они получили двухъ-ярусный огонь 10-й роты и сотни Чернойрова, такъ что и здѣсь имъ пришлось остановиться. Вѣроятно къ этому времени относится мое донесеніе въ штабъ В. отряда: „мои 2 роты отбили 2 баталіона японцевъ, которые отошли и стали обходить меня справа“. Отсутствіе войскъ Грекова увеличивало серьезность положенія, ибо если бы противникъ повелъ серьезное наступ-

леніе по правому берегу долины Тасигоу-Павшугоу, то конечно могъ бы взять насъ во флангъ, но японцы медлили; и огонь постепенно къ 10 часамъ утра ослабѣлъ. Однако комплекта патроновъ стрѣлковъ, даже пополненныхъ патронами казаковъ изъ резерва, не хватило, и у нѣкоторыхъ людей оставалось по одному, по два, даже ни одного. Пришлось бы принять атаку въ штыки безъ выстрѣла; поэтому я постепенно отвелъ 10-ю роту на сопку, съ которой управлялъ боемъ, а 9-ю роту на сопку лѣвѣе; эта позиція была совершенно недоступна съ фронта (почти вертикальные скаты къ югу), а флангъ ея обезпечивался сотней Черноярова. Меня могутъ упрекнуть, что я допустилъ разстрѣлъ патроновъ, но во-первыхъ бой продолжался 3 слишкомъ часа, во-вторыхъ впечатлѣніемъ силы огня только и можно было удерживать противника, который въ концѣ концовъ и отказался отъ атаки въ штыки; въ-третьихъ я ожидалъ прибытія подкрѣпленія въ двѣ роты; въ-четвертыхъ я послалъ за патронами. Какъ разъ, когда стрѣлки закончили маневръ, на перевалъ прибыла двуколка. При помощи отряднаго адъютанта, патроны были разобраны и разосланы въ нѣсколько минутъ; полурота 10-й роты осталась на прежней позиціи; бой совершенно затихъ. Вѣроятно противникъ отказался отъ форсированія нашей позиціи, а свѣдѣній о появленіи его на правомъ берегу долины еще не поступало.

Вѣроятно къ этому времени относится мое донесеніе въ штабъ Восточнаго отряда: „повидимому непріятель предпринимаетъ какой то маневръ, такъ какъ прекратилъ ружейный огонь; мнѣ кажется что его 3—4 баталіона залегли, стоядя немного отъ моей позиціи; пробую перейти въ наступленіе самъ“. А затѣмъ вѣроятно вскорѣ я доносилъ: „Въ наступленіе не перешелъ, потому что опять былъ усиленный огневой ударъ противника, который отбить сильнымъ же огнемъ. Теперь японцы двигаются постепенно западнѣе долины Тасигоу—Павшугоу; сколько силъ—опредѣлить не могу, но увѣренъ, что тамъ или сегодня, или завтра будутъ ихъ батареи“.

У меня не сохранилось копій моихъ донесеній, потому

что не было полевых книжек, да кромѣ того, я, каждая 2—3 недѣли военныхъ дѣйствій, сдавалъ всѣ документы въ штабъ Восточнаго отряда (3-го Сибирскаго корпуса). Приведенныя здѣсь 3 донесенія почерпнуты изъ книжки Мартынова: „Участіе Зарайцевъ въ бою при Ляньдясанъ“, изданной весною 1908 г., но вѣроятно въ ней, къ сожалѣнію, помѣщены не всѣ мои донесенія, потому что, согласно его личнаго мнѣ свидѣтельства (въ г. Харбинѣ въ августѣ 1905 г.), мои подлинныя донесенія были имъ розысканы не въ штабѣ 3-го Сибирскаго корпуса, а въ рукахъ войсковаго старшины Висчинскаго, тогда, когда эти донесенія понадобились и этому участнику боя 13-го августа и самому Мартынову (занимавшему тогда должность начальника штаба 3-го Сибирскаго корпуса), для составленія совмѣстнаго описанія своихъ дѣйствій въ день боя 13-го августа, имѣвшаго цѣлью: для Мартынова—оправдаться отъ нападокъ на него князя Амилахори, а для Висчинскаго—получить Георгіевскій крестъ. Вѣроятно Мартынова могли интересоваться только тѣ изъ моихъ донесеній, которыя онъ находилъ подходящими для себя, въ смыслѣ созданія такой обстановки боя 13-го августа, которая, умаляя значеніе дѣйствій ввѣреннаго мнѣ отряда, въ то же время способствовала бы увеличенію заслугъ Зарайскаго полка и слѣдовательно его командира. Сопоставляя мои два донесенія, помѣченныя въ книгѣ Мартынова—одно въ 10 часовъ утра, когда я доносилъ, что предполагаю перейти въ наступленіе, и другое въ 11^{1/2} часовъ дня, въ которомъ сказано, что въ таковое не перешелъ, Мартыновъ хочетъ показать, что до самой минуты вступленія въ бой Зарайскаго полка продолжалось критическое положеніе праваго фланга Ляньдясанской позиціи, и что слѣдовательно ввѣренному мнѣ отряду не удалось остановить его охватъ японцами. Но я утверждаю, что кризисъ боя миновалъ въ 10 часовъ утра, а во всякомъ случаѣ къ 12 часамъ дня, когда Зарайцы выпускали свои первыя пули, и мои оба донесенія именно это доказываютъ: первое говоритъ о возможности наступать, а второе только указываетъ временную задержку (обстановка въ серьезномъ бою мѣняется не только ежечасно, но ежеми-

нотно), а вовсе не на отказъ отъ наступленія, которое ввѣренный мнѣ отрядъ и предпринялъ до прихода Зарайцевъ. Мнѣ было крайне пріятно прочитать въ книгѣ Мартынова, спустя почти 4 года послѣ сраженія, мои донесенія, ибо я увидѣлъ, что они только подтверждаютъ точность сдѣланныхъ мною описаній боя 13-го августа (все напечатанное въ настоящемъ трудѣ было мною написано въ началѣ 1906 года, т. е. когда память уже могла не сохранить нѣкоторыя подробности), а, главное, рельефно обрисовываютъ стойкость и мужество войскъ ввѣреннаго мнѣ отряда. Во всѣхъ трехъ донесеніяхъ прежде всего бросается въ глаза ихъ спокойный и увѣренный тонъ; нѣтъ и тѣни опасеній за исходъ боя, и нѣтъ и намекъ на желаніе получить подкрѣпленія (хотя даже обѣщанныя не приходили) Фраза третьяго донесенія: „Японцы двигаются западнѣе Тасигоу—Павшугоу; тамъ сегодня или завтра будетъ ихъ артиллерія“, показываетъ, что на этотъ день, въ данную минуту, я считалъ дѣло выиграннымъ, и понятно почему: двѣ доблестныя желѣзныя роты отбивали увѣренно всѣ попытки противника на восточномъ берегу долины; западный берегъ наблюдалъ Бровченко и не доносилъ объ опасности, а этому офицеру я вѣрилъ, какъ самому себѣ; въ резервѣ были 1½ сотни подъ начальствомъ Долгорукова и Желтухина, подъ начальствомъ которыхъ эта крупинка стоила больше чѣмъ масса; а, главное, у противника не было артиллеріи, и слѣдовательно, по опыту нравственныхъ силъ ввѣреннаго мнѣ отряда за два предшествующихъ дня, я зналъ, что баталіоны японцевъ намъ не страшны. Но я не считалъ японцевъ плохимъ противникомъ и долженъ былъ ожидать, что они догадаются ввести въ дѣло артиллерію, и слѣдовательно тогда обстановка должна была измѣниться къ худшему, о чемъ и предупреждалъ, но опять таки не запугивая начальство, давая даже срокъ до завтрашняго дня. Повторяю, что, прочитавъ свои донесенія впервые черезъ почти 4 года, я испытывалъ чувство, какое испытываетъ человѣкъ, когда можетъ сказать себѣ, что онъ вполне успѣшно выдержалъ выпавшее на его долю испытаніе. И дѣйствительно, вѣдь ввѣренный мнѣ отрядъ съ 7-ми часовъ

утра 11-го августа и до 10 часовъ утра 13-го парироваль рѣшительные удары противника на правый флангъ Ляньдзасанской позиціи Восточнаго отряда, а вѣрнѣ всей Южной Группы Маньчжурской Арміи; уже по неоднократнымъ натискамъ японцевъ на насъ—горсть или крупинку всей массы—командная власть испытывала много тревогъ и опасеній: командующій арміей (Куропаткинъ), командиръ корпуса (Ивановъ) и начальникъ фланга (Кашталинскій), сидѣвшій за нашею спиною начальникъ довольно значительнаго отряда (Грековъ)—всѣ просили, требовали, получали и посылали резервы и подкрѣпленія, а мы, стоя на стражѣ, безсмѣнно, непрерывно, отражая ударъ за ударомъ, ни разу не попросили о подкрѣпленіи, а, какъ ни были слабы и ничтожны своимъ числомъ, исполняли свой долгъ и ни мгновенія не опасались, не сомнѣвались и не только не преувеличивали опасность, а скорѣе въ своихъ донесеніяхъ ее умаливали. Теперь, когда пишу эти строки, я хочу чтобы они были для Васъ побѣднымъ гимномъ, мои дорогіе, доблестные соратники: Князь Долгоруковъ, Кантаровъ, Томашевскій, Желтухинъ, Чернояровъ, Васильковскій, Бровченко, Зеленковъ, Ребиндеръ, Секретевъ, Ушаковъ, Самохваловъ, Быковъ, павшіе на полѣ брани Бѣлогорскій, Сѣровъ и другіе, до послѣдняго стрѣлка и казака, именъ которыхъ къ сожалѣнію я не знаю и никогда не узнаю.

Когда я раздавалъ патроны ко мнѣ подѣхалъ войсковой старшина Висчинскій съ сотникомъ Эксэ и заявилъ, что онъ командуетъ частями, высланными изъ отряда генерала Грекова; это было не ранѣе 10¹/₂ часовъ утра. Я отлично помню свое заявленіе, что совершенно не понимаю, зачѣмъ онъ находится здѣсь, если не присланъ въ мое распоряженіе, такъ какъ моя позиція упирается правымъ флангомъ въ долину Тасигоу-Павшугоу, а потому не только ему, какъ составляющему часть отряда Грекова, но всему отряду послѣдняго давно пора занять высоты праваго западнаго берега долины, такъ какъ противникъ можетъ охватить насъ съ этой стороны. Оба офицера скоро ушли, и явился какой то капитанъ генеральнаго штаба, заявившій что присланъ изъ главной квартиры (точно не помню отъ

кого, а также и фамилію офицера) ознакомиться съ положеніемъ дѣла и очень радъ, что встрѣтилъ именно меня. Я указаль ему на два пункта, удобныхъ для наблюденія: позиція конно-горныхъ орудій лѣвѣ насъ, на участкѣ генерала Столица, и мой наблюдательный пунктъ; первый былъ конечно выгоднѣе, какъ болѣе командующій и центральный; мои казаки могли провести его туда; второй также имѣлъ большой кругозоръ. Капитанъ отправился ко мнѣ, гдѣ сидѣлъ съ полуротою Томашевскій; какъ разъ его передовая цѣпь открыла рѣдкій огонь. Капитанъ спросилъ меня: „по комъ стрѣляютъ ваши люди?“—„По японцамъ“.—„Но я не вижу противника“.—„Вы хотите увидать японцевъ—это трудно, ибо они отлично примѣняются къ мѣстности, а вотъ вы сейчасъ ихъ услышите“.—„Что это значить?“—„Значить, что начнутъ свистать пули“. Капитанъ сказалъ, что оріентировался въ обстановкѣ, побылъ минуты двѣ и уѣхаль. Противникъ снова началъ перестрѣлку. Я приказаль Кантарову со своей ротой продвигаться впередъ до первоначальной позиціи, а если возможно дальше, и хотѣлъ двинуть резервъ Томашевского, когда увидѣлъ, что къ намъ поднимается Князь Долгоруковъ. Мы расцѣловались; я сказалъ ему, что докладываль командиру корпуса о представленіи его къ Георгіевскому кресту. Князь сообщилъ весьма утѣшительныя свѣдѣнія о состояніи его сотни. Онъ получилъ въ полку людей и привелъ съ собой до 60 винтовокъ. Не задерживая его болѣе, я отдалъ ему такое приказаніе: „сейчасъ перехожу въ наступленіе; вотъ идетъ впередъ Кантаровъ; принимайте начальство надъ резервомъ—казаками и наступайте вслѣдъ за ними; можете сперва спѣшенными частями занять сопку, съ которой спускается Кантаровъ; но вообще вамъ указывать нечего; вы знаете что нужно дѣлать“. Кажется именно въ это время я замѣтилъ, что въ долину и по обѣимъ ея берегамъ развертываются Зарайцы; около 11½ часовъ ихъ передовыя части (цѣпи) выравнялись съ нашими. Полкъ вель все время бѣшеный огонь и, по моему мнѣнію, совершенно зря. Вообще наблюдая бой пѣхоты правѣе и лѣвѣ вѣреннаго мнѣ отряда въ этотъ и послѣдующіе дни, я пришелъ къ заключенію, что у насъ слишкомъ не берегутъ патроны.

Я приказалъ Томашевскому вести впередъ свой резервъ и хотѣлъ идти съ нимъ, но должно было вслѣдствіе утомленія (я не спалъ уже трое сутокъ, считая съ 10 августа), а можетъ быть и легкаго солнечнаго удара (было невыносимо душно передъ ливнемъ) мнѣ сдѣлалось дурно. Казаки, не смотря на сильный обстрѣлъ нашего тыла учащеннымъ огнемъ противника, сбѣгали внизъ и принесли двѣ коробки отъ патроновъ, наполненныя грязной водой, которой облили мнѣ голову. Васильковскій помогъ спуститься съ высоты, но стоять на ногахъ я не могъ и, лежа, привѣтствовалъ стремившихся впередъ стрѣлковъ 9 роты и Уссурійскую сотню. Васильковскій поднялъ меня *) и сказалъ: „мы внесемъ тебя на верхъ“. Стрѣлки и казаки бросились ко мнѣ, схватили подъ руки и понесли. Съ правой стороны ущелія показались Зарайцы: я крикнулъ имъ „ура“; все устремились впередъ на гребень, у подошвы котораго лежало нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Силы окончательно вернулись ко мнѣ, такъ что я былъ въ состояніи подниматься по крутостямъ безъ посторонней помощи. Ставъ на слѣдующемъ гребнѣ я увидѣлъ такое положеніе дѣла: отъ этого слегка командующаго надъ впереди лежащею мѣстностью гребня прямо пе-

*) Теперь, отдавая себѣ отчетъ въ своемъ положеніи, какъ командира сражавшихся 11—14-го августа 1904 г. войскъ, я не могу не признать всей той трудности, съ которою было сопряжено это командование, а въ особенности во многія и многія серьезные минуты. Да, управлять въ современномъ бою даже и такую маленькую горсть людей, такую крупинку, какую представлялъ изъ себя вѣранный мнѣ передовой отрядъ, нелегко. Поэтому я съ особенною благодарностью вспоминаю дѣйствительную помощь, оказанную мнѣ, въ дѣлѣ управления и командованія въ бою отрядомъ, исправлявшимъ обязанности отряднаго адъютанта сотникомъ Карломъ Карловичемъ Васильковскимъ. Этотъ бѣшено храбрый офицеръ имѣлъ столько врожденной способности къ полевой службѣ всякаго рода, обладалъ такимъ вѣрнымъ взглядомъ въ оцѣнкѣ мѣстности и всей боевой обстановки, что мнѣ постоянно думалось: вотъ юноша, не окончившій академію, а между тѣмъ онъ исполняетъ обязанности офицера генеральнаго штаба такъ, какъ дай Богъ это сдѣлать самому премированному ученику академіи. Искренно, сердечно благодарю доблестнаго товарища за незамѣнимую помощь, за его самоотверженную, до истощенія своихъ физическихъ силъ, работу на полѣ брани.

редъ нами шель довольно пологій скать въ лошину; отъ лѣваго и праваго фланга гребня отходили два кряжа въ перпендикулярномъ направленіи, а впереди за лошиной небольшой параллельный кряжикъ, въ разстояніи 600-700 шаговъ, на которомъ засѣли японцы и слегка окопались; отсюда они на выборъ били, какъ моихъ стрѣлковъ, такъ и Зарайцевъ, наступавшихъ вперемѣшку по обоимъ кряжамъ. Такъ какъ гребень, на которомъ я стоялъ, сильно обстрѣливался, то резервъ, полурота 10-й роты, лежалъ за нимъ, а у самыхъ моихъ ногъ лежалъ фельдфебель Сѣровъ; сзади нихъ по всему склону подтягивались поддержки Зарайцевъ; я крикнулъ Сѣрову: „займи этотъ гребень (показалъ рукой) и выбей, какъ выбилъ третьяго дня японцевъ изъ Тагоу.“ Сѣровъ вскочилъ, за нимъ вся полурота и, какъ одинъ, покатились подъ гору, а черезъ минуту уже лѣзли на окопъ. Японцы отступили и стрѣлки залегли на гребнѣ. Кажется мы потеряли тутъ человѣкъ 5 убитыми на повалъ. Теперь наступленіе облегчилось, и боевой порядокъ вѣреннаго мнѣ отряда съ Зарайскимъ полкомъ пошелъ быстро впередъ; мои роты не стрѣляли, а сосѣди справа и слѣва продолжали бѣшеную пальбу. Я оставался еще на гребнѣ, когда получилъ печальное донесеніе: „сотникъ Бѣлогорскій убитъ на повалъ и одновременно серьезно раненъ въ грудь на вылетъ Князь Долгоруковъ,“ доносилъ сотникъ Ребиндеръ, вступившій въ командованіе 3-ей сотней. Я удивляюсь, какъ мало впечатлѣнія произвело на меня тогда это извѣстіе, а между тѣмъ оно было болѣе чѣмъ горестно: все-таки убитъ по странной случайности офицеръ лично мною приглашенный въ бой, а гибель Долгорукова (можно было думать что его жизнь въ опасности) составляла такую огромную потерю для всей нашей арміи. *) Но въ рѣшительную минуту боя нельзя сожалѣть о жертвахъ, ибо онѣ необходимы; безъ нихъ нельзя воевать. Характерный разговоръ произошелъ у меня съ однимъ унтеръ-офицеромъ Зарайскаго пол-

*) За то, какъ я былъ счастливъ встрѣтить Князя у Ляоянскаго моста 20 августа и узнать, что онъ вступилъ въ командованіе сотней и охраняетъ этотъ мостъ черезъ рѣку Тайдзы.

ка; люди его роты, поднявшись на гребень, залегли за нимъ, а такъ какъ я все время стоялъ открыто, то унтеръ офицеръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „ваше высокоблагородіе, неужто вы ихъ совсѣмъ не боитесь“? Я отвѣтилъ ему: „конечно нѣтъ, ибо во-первыхъ пули меня не трогаютъ, а главное, что можетъ быть лучше смерти на полѣ брани, ибо Господь сказалъ, что больше сего никто же имать, кто душу свою положить за други своя. Вѣдь ты и каждый изъ насъ много грѣшилъ, и потому намъ страшно умирать, а здѣсь тебѣ все простится, и ангелы понесутъ тебя въ Царствіе Божіе“.—„Вѣрно ваше высокородіе“.—„А теперь братцы впередъ на врага“. И новая волна людей бросилась по тому же направленію смѣло и рѣшительно впередъ, и опять упало нѣсколько человѣкъ, но думаю ничто не могло остановить наше воодушевленіе... Однако, точно злой рокъ преслѣдовалъ насъ въ эту злосчастную кампанію. Неожиданно разразился такой ливень, что никакое наступленіе, никакой бой не стали возможны; положительно смывало людей съ крутыхъ скатовъ; мы только что страдали отъ жары, а теперь дрогли отъ холода; не осталось ни одного клочка не размокшей бумаги, такъ что писать донесенія было не мыслимо. Бой затихъ совершенно, и только послѣ, когда прояснилось, раздавались лишь одиночные выстрѣлы и совсѣмъ рѣдкіе залпы. Обѣ мои роты сообразовались съ дѣйствіями Зарайскаго полка, но исполнили отходъ послѣдними, такъ какъ мы пропустили мимо себя по крайней мѣрѣ 8 ротъ полка, которыя я поздравлялъ съ побѣдой; я сказалъ имъ, что хорошо знаю ихъ командира и провозгласилъ за него „ура“. Одинъ изъ баталіонныхъ командировъ на вопросъ, останутся ли Зарайцы на позиціи, заявилъ, что „полкъ исполнилъ на сегодня свою задачу и теперь собирается къ командиру полка, чтобы идти въ свой корпусъ.“ Ни отъ кого никакихъ распоряженій не поступало. Принимая во вниманіе, что противникъ былъ отброшенъ на значительное разстояніе, а люди отряда переутомлены, послѣ 3-хъ дневнаго боя и 3-хъ безсонныхъ ночей, а, оставаясь на позиціи, были обречены мокнуть и дрогнуть, я рѣшилъ въ сумеркахъ отвести отрядъ за позицію, въ ближайшую

деревню, чтобы дать имъ хоть нѣсколько часовъ отдохнуть, а главное обсушиться. Впереди же оставилъ 1½ сотни Уссурийцевъ, поручивъ Желтухину охраненіе и соприкосновеніе съ противникомъ. Хотя люди не ѣли съ 4 часовъ пополудни вчерашняго дня, и удалось достать мяса для варки пищи (свиней), никто не ѣлъ, и выданныя порціи (варили на китайскихъ очагахъ по фанзамъ) были съѣдены на слѣдующій день утромъ уже на позиціи. Серьезно опасаясь за переутомленіе частей отряда, въ виду неприсоединенія обѣщанныхъ ротъ князя Амилахори, я донесъ объ этомъ начальнику 3 стрѣлковой дивизіи, которому мой отрядъ былъ подчиненъ генераломъ Ивановымъ. Долженъ замѣтить, что это подчиненіе стало мнѣ извѣстно лишь къ вечеру, въ концѣ боя, или даже по окончаніи его.

Я все время доносилъ непосредственно въ Штабъ Корпуса (или Восточнаго Отряда). Впослѣдствіи, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, генеральнаго штаба капитанъ Ратель говорилъ мнѣ, что въ Штабъ Корпуса совершенно не знали, что дѣлалъ ввѣренный мнѣ отрядъ 13-го августа; я не обратилъ вниманія на эти слова, потому что тогда уже всѣ отлично знали о томъ, что, только благодаря именно нашимъ дѣйствіямъ, японцамъ не удалось сбить правый флангъ Ляньдясанской позиціи, а роль Зарайскаго полка является совершенно восторостепенной, но еще позднѣе, уже при заключеніи мира, я узналъ отъ генерала Мартынова, что мои подлинныя донесенія остались у войскового старшины Висчинскаго, который передалъ ихъ ему, какъ важнѣйшіе документы на пользу интересовъ Мартынова въ его спорѣ съ Княземъ Амилахори; генераль любезно далъ мнѣ снять копію съ одного изъ нихъ *), и не могъ найти въ своихъ бумагахъ другія. Интересно знать на какомъ основаніи, по какому

*) 13-го августа. Мѣсто боя у Тасигоу. „Въ 1-мъ часу дня весь правый флангъ: Зарайскій полкъ, кажется часть 12-го полка и ввѣренный мнѣ отрядъ перешли въ наступленіе, которое продолжается и сейчасъ. Не смотря на упорное сопротивленіе, я надѣюсь, что противникъ будетъ опрокинутъ въ долину Тасигоу. Артиллерія ни съ нашей, ни съ непріятельской стороны не дѣйствуетъ, исключая нашей конно-горной батареи, которая даетъ иногда нѣсколько выстрѣловъ.“ Полковникъ Д—нъ.

праву, Висчинскій перехватывалъ мои донесенія и не посылалъ ихъ по назначенію—командиру корпуса, или въ корпусный штабъ. А можетъ быть онъ получилъ ихъ изъ этого штаба впослѣдствіи, но, насколько мнѣ кажется, такіе документы не дарятся штабами кому бы то ни было. Странно также, что г. Мартыновъ, состоя въ должности именно начальника штаба 3-го Сибирскаго Корпуса и занимаясь разслѣдованіемъ боя 13-го августа, даже составленіемъ какого то officialнаго документа: „описаніе совмѣстныхъ дѣйствій трехъ героев (Мартынова уже получившаго Орденъ Св. Георгія, генераль маіора Столицы и войскового старшины Висчинскаго, требовавшихъ себѣ ту же награду) для отраженія атаки японцевъ на правомъ флангѣ Восточнаго отряда въ бою 13-го августа,“ не счелъ своимъ служебнымъ долгомъ, взявъ подаренныя ему мои подлинныя донесенія, потребовать отъ Висчинскаго объясненія, какимъ образомъ они попали ему въ руки; вѣдь это есть прямое упущеніе по службѣ, которое однако онъ настолько не признавалъ, что самъ говорилъ мнѣ: „надо выяснитъ, почему Висчинскій перехватывалъ эти донесенія.“

На основаніи словъ капитана Рателя, отличающагося точностью и аккуратностью, заключаю, что мои донесенія попали въ руки Висчинскому именно во время боя 13 августа, и поэтому установленъ фактъ ихъ перехватыванія. Но этотъ фактъ даетъ поводъ сдѣлать еще одинъ небольшой выводъ. Названный офицеръ совершилъ выдающійся подвигъ, за который не былъ удостоенъ соотвѣтствующей награды; о подвигъ его пока officialно свидѣлствуютъ своими подписями два генерала генеральнаго штаба: Мартыновъ и Столица. Но гдѣ же находился герой во время совершенія своего подвига? Въ 11-мъ часу утра онъ былъ въ тылу моей позиціи у патронныхъ двучолокъ, гдѣ я имѣлъ съ нимъ вышеприведенный разговоръ; затѣмъ, когда началось и даже уже отчасти было выполнено наступленіе праваго фланга войскъ сражавшихся на Ляньдясанской позиціи (мое донесеніе помѣчено 3 часа 10 минутъ дня), Висчинскій занимался перехватываніемъ моихъ донесеній, которыя конечно направлялись мною только черезъ тылъ нашего бое-

вого порядка, т. е. на сѣверъ, и ручаюсь, что ни одинъ изъ казаковъ не повезъ бы донесеніе въ боевыя линіи, а тѣмъ болѣе на западный берегъ долины Павшугоу—Тасигоу, гдѣ, согласно officialнаго описанія подвиговъ трехъ героевъ, и заслужилъ свои лавры Висчинскій. Итакъ онъ все время находился въ тылу ввѣреннаго мнѣ отряда, т. е. тамъ же, откуда управлялъ боемъ своихъ 4-хъ баталіоновъ полковникъ Мартыновъ, о мѣстѣ нахождения котораго мнѣ докладывали Князь Долгоруковъ и сотникъ Ребиндери, составлявшіе сперва нашъ резервъ. Гибель Бѣлогорскаго и раненіе Князя Долгорукова 13-го августа потому особенно обидны, что произошли, хотя и при наступленіи, но не въ боевой линіи, а въ резервѣ—отъ залетѣвшихъ пуль.

Во всякомъ случаѣ перехватываніе ли моихъ донесеній Висчинскимъ, или просто неполученіе ихъ въ штабъ корпуса сдѣлало то, что генераль Ивановъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно того, какія изъ войсковыхъ его частей больше всего способствовали его побѣдѣ надъ врагомъ въ день 13-го августа, доказательствомъ чему служитъ фактъ награжденія, по его же представленію, Орденомъ Св. Георгія 4 степени только одного командира Зарайскаго пѣхотнаго полка, и несправедливость такой оцѣнки подвиговъ 13-го августа частей войскъ и ихъ начальниковъ осталась до сихъ поръ (я писалъ эти строки 14 марта 1906 года, а нынѣ уже вторая половина 1908 г.) неисправленною. Я остановлюсь на этомъ фактѣ подробно, но конечно не изъ личнаго чувства обиды, что у меня нѣтъ на груди Ордена Св. Георгія 4 степени, а исключительно для огражденія на будущее время подрыва авторитета и значенія величайшей награды, присуждаемой въ нашей арміи за проявленіе самой высокой и при этомъ приносящей дѣйствительную пользу доблести—слѣдовательно только ради интересовъ нашей Арміи, которая столь нуждается нынѣ въ усовершенствованіи, оздоровленіи, и въ которой въ послѣднюю войну именно присужденіе наградъ составляетъ одно изъ большихъ мѣстъ. Доказательствомъ моихъ словъ служатъ факты, а именно: 1) за дѣло у Тасигоу 13-го августа

требовали себѣ награды Георгіемъ 5 лицъ, а именно: генераль-маіоръ Столица, подполковникъ князь Амилахори, полковникъ Марковъ, войсковой старшина Висчинскій и начальникъ охотничьей команды 12-го стрѣлковаго полка, поручикъ Вадешкій; одинъ полковникъ Дружининъ не требовалъ себѣ такой награды; 2) только онъ же былъ удостоенъ генераломъ Ивановымъ представленія къ награжденію Георгіемъ, при чемъ первое представленіе было отклонено Генераль-Адъютантомъ Куропаткинымъ, а второе Генераль-Адъютантомъ Линевицемъ на томъ основаніи, что его отклоняетъ Генераль-Адъютантъ Куропаткинъ. Впослѣдствіи оно отклонено и Георгіевской Думой лѣтомъ 1907 г., такъ какъ я добился, чтобы представленіе г. Иванова было отдано на ея судъ.

Это отклоненіе Кавалерской Георгіевской Думою, въ составѣ которой находился и бывший во время боевъ 11—13 августа 1904 г. моимъ непосредственнымъ начальникомъ генераль-лейтенантъ (нынѣ генераль-отъ-артиллеріи) Ивановъ, имъ же сдѣланнаго представленія къ награжденію меня заслуженною доблестью ввѣренныхъ мнѣ войскъ наградой, результатомъ котораго является непризнаніе подвиговъ этихъ войскъ и утвержденіе таковыхъ за другою частью, и составляетъ главнѣйшую причину моего выхода въ отставку весною 1908 года. Когда слухи о такомъ рѣшеніи Георгіевской Думы дошли до меня, то я экстренно отправился изъ г. Уральска (гдѣ состоялъ Начальникомъ Войскового Штаба Уральского Казачьяго Войска) въ г. С.-Петербургъ и 15 сентября собственными глазами въ канцеляріи Капитула Орденовъ удостовѣрился въ печальномъ фактѣ. Тогда, убѣдившись, что мнѣ не удастся восстановить справедливость оцѣнки заслугъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, я не считалъ себя въ правѣ продолжать службу въ рядахъ арміи и хотѣлъ немедленно подать въ отставку, о чемъ лично докладывалъ исправлявшимъ должности военнаго министра и начальника генеральнаго штаба и начальнику главнаго управленія казачьихъ войскъ, но данный мнѣ Высокимъ Авторитетомъ совѣтъ оставаться на своемъ посту заставилъ меня сперва взять свое рѣшеніе назадъ.

Тѣмъ не менѣе отклоненіе Георгіевской Думой награжденія меня, вслѣдствіе котораго я сопричисленъ къ сонму офицеровъ, домогавшихся всякихъ наградъ и ихъ неудобостенныхъ, лишая меня необходимаго авторитета, какъ начальника и подчиненнаго, заставило меня, при слѣдующемъ неблагопріятномъ стеченіи служебныхъ обстоятельствъ, привести свое рѣшеніе въ исполненіе.

Обращаясь къ дорогимъ моимъ соратникамъ по 4-хъ дневному доблестному георгіевскому бою у Тунсинпу и Тасигоу, я объявляю Вамъ, что покинулъ ряды арміи, вслѣдствіе непризнанія нашихъ истинныхъ боевыхъ заслугъ и при этомъ говорю Вамъ честно, что съ своей стороны сдѣлалъ рѣшительно все возможное, для возстановленія истинны, но это не удалось не по моей винѣ.

Мнѣ пришлось закончить боевыя дѣйствія подъ Ляо-яномъ уже 16-го августа, вслѣдствіе расформированія ввѣреннаго мнѣ отряда; я вынесъ въ своей душѣ полное нравственное удовлетвореніе, основанное на сознаніи исполненія своего долга; тогда, гораздо меньше чѣмъ теперь, я отдавалъ себѣ отчетъ о важности и значеніи положительныхъ результатовъ, достигнутыхъ нашими боями у Тунсинпу и Тасигоу, но конечно не мечталъ, не думалъ и не интересовался о томъ, что заслужилъ какую-нибудь награду; клянусь, что былъ далекъ отъ суетного тщеславія, тѣмъ болѣе, что надо было напрягать всѣ силы для дальнѣйшей борьбы съ врагомъ отечества, и ей отдавать всѣ свои помыслы. Только въ срединѣ сентября 1904 г., случайно за обѣдомъ въ штабѣ 3-го Сибирскаго корпуса, я впервые услышалъ, что полковникъ Мартыновъ получилъ Георгія за бой у Тасигоу. Мнѣ показалось это настолько неправдоподобнымъ, что я позволилъ себѣ высказать предположеніе, что награда присуждена ему за другой бой. Однако черезъ минуту понялъ, что противъ меня сидѣлъ генераль, подписывавшій, а рядомъ его начальникъ штаба, составлявшій представленіе къ награжденію Мартынова за бой у Тасигоу. Генераль Ивановъ сказалъ полковнику Орановскому: „знаете, намъ надо въ этомъ разобраться и выяснить“; а послѣ обѣда начальникъ штаба корпуса по-

совѣтывалъ мнѣ, въ виду полученія Мартыновымъ Георгія, потребовать себѣ такой же награды. Но заниматься во время разгара военныхъ дѣйствій требованіемъ себѣ какихъ бы то ни было наградъ недостойно офицера, желающаго только честно исполнить свой долгъ. Кромѣ того, тогда я ничего не имѣлъ противъ того, что Мартыновъ, котораго до войны считалъ выдающимся офицеромъ, получилъ Георгіевскій крестъ, тѣмъ болѣе, что я самъ видѣлъ его полкъ доблестно и побѣдно сражающимся; то же обстоятельство, что забыли удостоить такой же награды и ввѣренныя мнѣ войска,—казалось въ то время не важнымъ, такъ какъ всегда можно было легко возстановить истину. И я не ошибся, ибо уже въ декабрѣ мѣсяцѣ, какъ только начали поступать требованія на Георгія отъ участниковъ боя у Тасигуу, генераль Ивановъ приказалъ мнѣ донести о подробностяхъ боя и представилъ меня къ награжденію, но только уже весною 1905 года; однако высшее начальство, въ то время удалившее меня изъ Арміи, конечно не могло согласиться пропустить такое представленіе: дѣйствительно, если бы вдругъ Дума присудила мнѣ Георгіевскій крестъ, то въ какомъ положеніи очутились бы Куропаткинъ, Сахаровъ, Харкевичъ и компанія, сплавившіе георгіевскаго кавалера, во время войны, въ управленіе В. Китайской желѣзной дороги... *). Теперь хорошо извѣстно какимъ образомъ достался Георгій полковнику Мартынову. Генераль Ивановъ, корпусъ котораго послѣ Ляояна считался самымъ побѣдоноснымъ, ходатайствовалъ передъ Генераль-Адъютантомъ Куропаткинымъ о награжденіи Георгіемъ его начальника штаба полковника Орановскаго, но Куропаткинъ, отклонивъ это ходатайство, указалъ ему, что слѣдуетъ представить полковника Мартынова, какъ отличившагося въ бою 13-го августа. Генераль Ивановъ немедленно исполнилъ

*) Съ апрѣля мѣсяца 1905 года я состоялъ въ распоряженіи Управляющаго Восточно-Китайской ж. д. генераль-маіора Хорвата и даже получилъ предписаніе отправиться въ Харбинъ еще 16 февраля 1905 г., но, будучи приглашенъ въ свое распоряженіе Г. Л. Церпицкимъ, я этого приказанія не исполнилъ и въ Мукденскихъ бояхъ командовалъ его войсками и былъ контуженъ.

приказаніе, и уже въ 20-хъ числахъ сентября Дума присудила эту награду. Причина почему Куропаткинъ повелѣлъ представить Мартынова—тоже извѣстна: этотъ офицеръ, какъ командиръ части, входящей въ составъ 17-го корпуса, надоумилъ своего корпуснаго командира, а послѣдній ходоатайствовалъ передъ командующимъ арміею. Доказательствомъ сего служить сохранившееся въ дѣлахъ штаба 3-го Сибирскаго корпуса письмо Мартынова къ Орановскому приблизительно такого содержанія: „Посылаю вамъ требуемое описаніе; оно составлено въ стилѣ, въ которомъ они обыкновенно составляются; въ исторической комиссіи мнѣ пришлось прочесть много документовъ такого рода. Благодаренъ за товарищеское содѣйствіе. Въ случаѣ, если бы представленіе къ Георгію не прошло, не откажите доложить г. Иванову, что я желалъ бы быть произведеннымъ въ генералы“. Это письмо было получено Орановскимъ ранѣе, или одновременно, съ полученіемъ приказа отъ г. Иванова заготовить представленіе къ наградѣ. Но была и еще причина особеннаго желанія генерала Куропаткина поскорѣе украсить грудь героя наградою. Дѣло въ томъ, что полковникъ Мартыновъ давно уже былъ извѣстенъ не только въ арміи, но и въ обществѣ, какъ самый неумолимый критикъ войны 1877—1878 года, исторію которой онъ разрабатывалъ съ десятокъ лѣтъ въ особой комиссіи главнаго штаба; онъ первый дерзнулъ въ публичныхъ лекціяхъ разоблачить такія неприглядныя картины командованія нашей арміею на предгоріяхъ Балканъ, что можно только удивляться какимъ образомъ сохранилъ свои погоны, при существовавшемъ тогда режимѣ; впрочемъ его всетаки не допускали до кафедры академіи генеральнаго штаба. Хлесткое перо и краснорѣчіе представляли большое оружіе и въ тѣ времена—съ нимъ считались. Ну, а послѣ Ляояна Куропаткинъ не могъ не сознавать, что фонды его по командованію если еще не упали, то во всякомъ случаѣ пошатнулись (замѣтимъ, что, къ несчастію, они были столь сильно вздуты биржевою спекуляціею на сподвижника геніальнаго Скобелева, что, пошатнувшись послѣ пораженія подъ Ляояномъ, неожиданно поправились до высоты главнокоман-

дующаго за еще большее пораженіе подъ Шахэ-Бенсиху), не могъ не предчувствовать, что рано или поздно на страницахъ военной исторіи, въ прессѣ и въ аудиторіяхъ будетъ говориться горькая правда.

Такъ вотъ, заранѣе привлечь на свою сторону, обласкавъ, такъ сказать, закупить такого оратора и публициста, какъ Мартыновъ, казалось не только выгоднымъ, но даже необходимымъ... и предусмотрительный Алексѣй Николаевичъ конечно не упустилъ подходящаго случая. На этотъ разъ онъ ошибся и никакъ не ожидалъ, что, безъ мѣры награждая Мартынова послѣ Ляояна и постоянно лаская его до самаго отъѣзда съ театра военныхъ дѣйствій, посвящая въ свои глубокіе стратегическіе и тактическіе тайники, онъ своими ласками отогрѣвалъ на груди змѣю, а откровенностью давалъ оружіе одному изъ злѣйшихъ критиковъ своихъ подвиговъ. Впрочемъ заблужденіе Куропаткина въ отношеніи Мартынова можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено. Перу послѣдняго принадлежитъ, не помню который, томъ офиціального изданія Русско-Турецкой войны, съ изложеніемъ именно всѣхъ дѣйствій Куропаткина; во время изданія послѣдній занималъ уже высокій постъ военного министра. Комиссія представила предварительно свой трудъ на утвержденіе Его Высочайшаго повелѣнія, и составитель удостоился особенной благодарности. Тамъ обрисована высоко талантливая, высоко поучительная и творческая роль начальника штаба давно почившаго Скобелева. Конечно теперь мы не удивились бы прочесть, что Куропаткинъ игралъ при штабѣ Скобелева роль писаря, но тогда... Я не хочу сказать, что Мартыновъ поусердствовалъ; совершенная дѣятельность Куропаткина обрисовывалась сама собою вполне естественно, ибо онъ сіялъ блескомъ Скобелева, а параллельно ходу его карьеры, росту его силы, какъ лица облачаемаго властью, росъ и этотъ блескъ; когда онъ достигъ зенита власти, держа портфель министра, конечно его боевые заслуги рекомендовались возможно шире, и томъ исторіи, въ которомъ онъ изложены, не могъ быть написанъ иначе, какъ къ вѣчному удовлетворенію честолюбія Куропаткина. Вотъ этотъ томъ и ввелъ въ заблужденіе великаго

Маньчжурскаго полководца; но главная бѣда заключалась въ томъ, что, обезпечивая себѣ путь отступленія, въ лицѣ задабриванія публициста Мартынова, Куропаткинъ совершенно упустилъ изъ вида, что полковникъ Орановскій также можетъ быть не бесполезенъ, какъ зять заслуженнаго генерала Линевица, и поэтому сдѣлалъ крупный промахъ, отказавъ Иванову въ ходатайствѣ о награжденіи его тѣмъ же знакомъ отличія. Настала минута, когда пришлось раскayаться, но нашъ высоко-находчивый и рѣшительный вождь сумѣлъ выйти изъ затрудненія. Дѣйствительно, когда новый командующій первой арміей, вѣрнѣе разжалованный изъ главнокомандующихъ, водворился съ марта 1905 года, въ своей штабъ-квартирѣ—въ Херсу, куда добѣжали доблестныя русскія войска послѣ своего долгаго страстнотерпѣнія подъ Мукденомъ, онъ приказалъ представить за Ляньдзасанскій бой къ Георгію 4 степени полковника Орановскаго (зятя новаго главнокомандующаго). Такъ ознаменовалъ Куропаткинъ свою боевую дѣятельность командующимъ послѣ главнокомандованія, поставивъ себѣ это вѣроятно важнѣйшею цѣлью, такъ какъ, если чего другого и не достигъ, то всетаки украсилъ грудь Орановскаго знакомъ, свидѣтельствующимъ о необъятной и высокой доблести, столь хорошо намъ всѣмъ извѣстной по Тюренчену и Бенсиху.

Казалось бы все здѣсь приведенное не имѣетъ существеннаго значенія для исторіи войны, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ подобныя награжденія по личнымъ соображеніямъ Командующаго Арміей, ради его собственныхъ личныхъ интересовъ и расчетовъ, выдвигали не только для продолженія войны, но и для будущаго Русской Арміи такихъ людей, которые если и не принесли ей существеннаго вреда, то всетаки оказались бесполезными (Мартыновъ), или же которые были прямо вредны (Орановскій), и получили возможность принести еще болѣйшій вредъ. Кромѣ того, неправильное удостоеніе такою наградой, какъ Георгіевскій крестъ, войсковыхъ начальниковъ искажаетъ истину доблести войсковыхъ частей, заставляя армію и общественное мнѣніе вѣрить въ славу тѣхъ полковъ, которые завоевывали ее себѣ на самомъ дѣлѣ въ гораздо меньшей степени;

наконецъ оно искажаетъ исторію, въ ущербъ просто истинѣ. Принимая во вниманіе все это, я позволилъ себѣ, по окончаніи военныхъ дѣйствій (въ августѣ 1905 года), напомнить генералу Иванову о совершенной имъ несправедливости и написалъ ему письмо, въ которомъ выразилъ слѣдующее:

Орденъ Св. Георгія присужденъ за бой у Тасигоу, на основаніи пункта 2-го статьи 295-й Статута, начальнику, который далъ рѣшительный оборотъ сраженію въ нашу пользу, и, занявъ участокъ позиціи, не оставилъ его до полученія на то приказанія.

Въ данномъ случаѣ предполагается, что полковникъ Мартыновъ, овладѣвъ участкомъ японскаго расположенія на берегахъ долины Тасигоу—Павшугоу и тѣмъ остановивъ обходъ праваго фланга всей Ляньдясанской позиціи Восточнаго отряда, способствовалъ послѣднему удержать ее за собой, а затѣмъ оставался на позиціи до полученія приказанія отступить. На основаніи реляціи, Зарайскій полкъ подошелъ къ позиціи праваго фланга нашихъ войскъ 13-го августа въ 10 часовъ утра. Утверждаю, что его передовыя цѣпи выравнивались съ цѣпами ротъ ввѣреннаго мнѣ отряда около 11 часовъ дня; слѣдовательно Зарайцы могли участвовать въ бою лишь съ этого времени. Между тѣмъ, согласно полученнаго мною ночью приказанія Генераль-Лейтенанта Иванова, ввѣренный мнѣ отрядъ двинулся изъ д. Павшугоу впередъ, для обезпеченія праваго фланга позиціи Восточнаго отряда, къ 6 часамъ утра, и съ этой минуты отбивалъ и отбилъ всѣ попытки японцевъ охватить нашъ правый флангъ. Противникъ не обошелъ послѣдняго лишь потому, что его наступленіе было нами рѣшительно и неожиданно для него остановлено; мы не нуждались къ 11 часамъ дня въ подкрѣпленіяхъ войсками, а, удачно пополнивъ разстрѣлянные патроны, готовились продвинуться впередъ, независимо отъ наступленія Зарайскаго полка; во всякомъ случаѣ отрядъ наступалъ одновременно съ послѣднимъ, при чемъ первый, ближайшій окопъ японцевъ былъ взятъ мною лично съ полуротою 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

Я не былъ подчиненъ ни Генераль-Маіору Столица,

дѣйствовавшему лѣвѣ, ни Полковнику Мартынову, подошедшему справа, а руководилъ боемъ самостоятельно.

Утверждаю, что если Зарайскому полку принадлежитъ честь побѣды дня 13-го августа съ 11 часовъ, то ввѣренный мнѣ отрядъ раздѣляетъ ее съ нимъ на одинаковыхъ основанійхъ, но съ тою разницею, что отъ 6-ти до 11-ти часовъ мы сдѣлали несравненно больше, ибо вынесли на своихъ плечахъ одни весь кризисъ боя въ продолженіе 5-ти часовъ, при чемъ къ концу этого продолжительнаго періода были въ состояніи продолжать бой, безъ содѣйствія Зарайцевъ, доказательствомъ чему служить фактъ наличности еще нетронутаго резерва—около 2-хъ сотенъ казаковъ.

Я не умаляю значенія наступленія Зарайскаго полка, такъ какъ въ дальнѣйшемъ развитіи боя *) противникъ могъ предпринять обходъ нашего праваго фланга, но утверждаю, что, въ минуту вступленія въ бой полка, отрядъ не только вышелъ изъ кризиса боя побѣдителемъ, но уже готовъ былъ перейти къ активнымъ дѣйствіямъ; мало того еслибы японцамъ удалось сбить съ позиціи ввѣренный мнѣ отрядъ, то Зарайцы не могли бы даже развернуться, ибо только прочное положеніе и успѣхъ отряда обезпечили быстрое и рѣшительное вступленіе въ бой Зарайскаго полка.

Если бы ввѣренный мнѣ отрядъ былъ подчиненъ Полковнику Мартынову, то его награжденіе орденомъ Св. Георгія за нашъ подвигъ могло бы еще быть оправдываемо въ нѣкоторой степени, какъ награжденіе старшаго, но доблесть отряда была проявлена исключительно по инициативѣ и подъ руководствомъ его начальника, и имя п. Мартынова тутъ не причемъ.

Отнесеніе чести всего боя на долю однихъ Зарайцевъ, при фактѣ успѣшнаго выполненія войсками ввѣреннаго мнѣ отряда своей боевой задачи, во исполненіе приказа Начальника Восточнаго отряда, совершено самостоятельно и еще

*) Главнымъ образомъ вслѣдствіе бездѣятельности генерала Грекова, неисполнившаго приказанія генерала Иванова: „прочно занять командующія высоты праваго (западнаго) берега долины Павшугоу-Тасигоу.“

до прихода Зарайскаго полка на поле сраженія, нельзя не считать не только несправедливымъ, но просто нелогичнымъ.

Если п. Мартыновъ украшеніемъ своей груди Орденомъ Св. Георгія свидѣтельствуетъ передъ всей Русской Арміей и Россіей о доблести командуемаго имъ полка, то п. Дружининъ, во имя справедливости и авторитета величайшей боевой награды, долженъ быть ея удостоенъ, какъ начальникъ войскъ, проявившихъ еще большую доблесть, чѣмъ Зарайскій полкъ, такъ какъ они выполнили болѣе серьезную задачу, дѣйствуя въ значительно меньшихъ, по сравненію съ полкомъ, силахъ и подготовили—обезпечили самый успѣхъ Зарайцевъ *).

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что если Полковникъ Мартыновъ, нынѣ Генераль-Маіоръ, имѣетъ какое либо право числиться Георгіевскимъ Кавалеромъ, то только при условіи, что начальникъ отряда, рѣшившаго ходъ сраженія на участкѣ позиціи у Тасигоу въ нашу пользу еще до прихода Зарайскаго полка, также состоитъ таковымъ; въ противномъ случаѣ, т. е., если п. Дружининъ за бой у Тасигоу не заслуживаетъ награжденія Орденомъ Св. Георгія, генераль-маіоръ Мартыновъ заслужилъ его еще менѣе, а онъ награжденъ имъ черезъ мѣсяцъ послѣ совершенія подвига, и оба главнокомандующихъ Русскихъ Армій не допустили представленіе о награжденіи Полковника Дружинина къ разсмотрѣнію въ Георгіевской Думѣ, вѣроятно опасаясь, что послѣдняя можетъ оказаться справедливой и нелицепріятной.

Въ приложеніи 2-мъ помѣщено „Краткое описаніе совмѣстныхъ дѣйствій для отраженія обхода японцевъ на правомъ флангѣ Восточнаго отряда въ бою при Ляньдясанѣ 13-го августа“, составленное генералами Мартыновымъ и Сто-

*) Изъ дальнѣйшаго описанія боя на правомъ флангѣ Ляньдянсанской позиціи читатели увидятъ, что на слѣдующій день 14 Августа только ввѣренный мнѣ отрядъ оставался на той же позиціи, тогда какъ Зарайскій полкъ стоялъ уступомъ назадъ; слѣдовательно мы одни исполнили требованіе Статута; мы же прикрыли отступленіе изъ боя Генераль-Маіора Столица.

лица и войсковымъ старшиной Висчинскимъ. Прежде всего можно задать вопросъ: зачѣмъ понадобилось это совмѣстное составленіе (вѣрнѣе фабрикація) совмѣстныхъ дѣйствій? Въ виду сего я привожу исторію его возникновенія. Участникамъ боя было ясно, что награжденіе Орденомъ Св. Георгія только одного Мартынова было несправедливо; знали также, что главную черную работу въ этомъ бою вынесли 2 роты 9-го стрѣлковаго полка и нѣсколько сотенъ казаковъ, что Зарайскій полкъ хотя и одержалъ побѣду, но легкую, уже подготовленную, вѣрнѣе только раздѣлили ее; конечно если бы этими частями командовалъ человѣкъ пользовавшійся милостью начальства, то ихъ беззавѣтное мужество и доблесть были бы оцѣнены по заслугамъ; къ несчастію одно имя ихъ случайнаго въ этомъ славномъ бою командира вызывало уже негодованіе и злость у заправиль въ нашей арміи; ну конечно его обошли, а что могутъ сказать какіе нибудь ротные и сотенные командиры? Однако содѣланная несправедливость не могла не выйти наружу и прежде всего потому, что нашлись охотники попытаться, придравшись къ ней, на ея шаткихъ основаніяхъ, также получить Георгія; ихъ, какъ сказано выше, объявилось ни болѣе ни менѣе, какъ 5 человѣкъ. Тогда заговорила совѣсть генерала Иванова, и онъ пожелалъ возстановить истину, но, какъ человѣкъ слишкомъ преклоняющійся передъ сильными и богатыми, ограничился полумѣрами. Зато одинъ изъ участниковъ посмотрѣлъ на дѣло практически: если дали Георгія Мартынову и лишили Дружинина, то пусть же дадутъ всѣмъ, кто только пользовался успѣхами послѣдняго, а такими являлись всѣ, участвовавшіе въ бою послѣ 10 часовъ утра. До этого, во время кризиса, и Столица, и Висчинскій, и Амилахори, и какой то начальникъ охотничьей команды гуляли себѣ кругомъ, да около, и глядѣли, какъ дерутся, при чемъ одинъ даже доходилъ до моихъ патронныхъ двуколокъ, а другой вѣроятно розыскивалъ меня уже вторые сутки. И вотъ князь Амилахори не только потребовалъ себѣ высокую награду по командѣ, но обратился и къ содѣйствію прессы. Кромѣ того, дѣйствительно, дѣйствуя самостоятельно, не будучи подчиненъ

полковнику Мартынову, Амилахори со своими двумя ротами проявилъ не меньшую доблесть чѣмъ Зарайскій полкъ, а, разъ послѣдній не сдѣлалъ того, чего достигъ отрядъ полковника Дружинина, то почему же предоставлять всѣ лавры Зарайцамъ. Во всякомъ случаѣ требованія и вопли Амилахори (меня совершенно не касается вопросъ, правъ онъ, или нѣтъ; это дѣло подлежащаго начальства) произвели своего рода сенсацию, тѣмъ болѣе неприятную для Мартынова, что онъ принялъ штабъ 3-го Сибирскаго корпуса, отлично знавшаго, что бой былъ выигранъ главнымъ образомъ его частями, т. е. 9-ю и 10-ю ротами 9-го стрѣлковаго полка, а вовсе не Зарайскимъ полкомъ. Желая успокоить общественное мнѣніе, полковникъ Мартыновъ возымѣлъ намѣреніе подтвердить свою реляцію еще другими участниками боя, на что согласились генераль-маіоръ Столица и войсковой старшина Висчинскій; онъ вызывалъ для этого изъ Харбина и меня, якобы для новаго представленія къ наградамъ, но я былъ во-время предупрежденъ о дѣйствительныхъ его намѣреніяхъ однимъ товарищемъ; хотя я конечно воздержался бы отъ участія въ такомъ фабрикованномъ историческомъ документѣ, и по весьма простой причинѣ: больше того, что сказано мною о боѣ 13-го августа въ моей реляціи и здѣсь сказать не могу ничего, такъ какъ говорю лишь то, что видѣлъ и переживалъ. Не понимаю, какимъ образомъ можетъ свидѣтельствовать Столица о подвигахъ Висчинскаго, или Мартыновъ о подвигахъ Столицы, когда ни тотъ, ни другой ихъ не видѣли. Вѣдь каждый изъ участниковъ подалъ свою реляцію, и вѣроятно достаточную, ибо по одной изъ нихъ былъ присужденъ Георгій Думою, а двѣ другія были признаны начальствомъ заслуживающими быть переданными на ея разсмотрѣніе. Къ чему же тутъ понадобилось какое то соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ? для кого, для какой цѣли? Чтобы судить Князя Амилахори, за его неприличныя, какъ находитъ Мартыновъ, статьи, но если онъ неприличны, то можно ли было оставить на должности командира полка офицера, пишушаго нѣчто неприличное въ цѣляхъ очернить другого командира, и можетъ ли терпѣть такую клевету полковникъ Марты-

новъ? Неужели онъ, при своемъ всесильномъ положеніи въ Арміи, не могъ потребовать суда и предложить ультиматумъ: или покарайте клеветника и восстановите славу героя, или же я буду принужденъ оставить ряды арміи. Ничего подобнаго мы не видѣли и не слышали. Мартыновъ обратился къ засвидѣтельствуванію своей доблести двумя соучастниками, также требующими себѣ великой награды, и вѣроятно въ то время еще надѣявшихся на полученіе ея, а князь Амилахори продолжалъ поносить его имя (онъ это дѣлалъ и при мнѣ) на всѣхъ перекресткахъ и въ военной прессѣ (№№ 518—520-мъ 1906 года Вѣстника Дальняго Востока, бывшаго Вѣстника Маньчжурскихъ Армій), и благополучно командовать Бузулукскимъ полкомъ. Какая грязная исторія, позорящая нашу армію! обидно, больно за нее!..

Что касается до содержанія знаменитаго „совмѣстнаго описанія трехъ героев“, съ которымъ предоставляю ознакомиться также въ Русскомъ Инвалидѣ за 1905 годъ, то не могу не высказать того впечатлѣнія, которое оно производитъ на „боевого“ офицера, а такимъ меня признаетъ въ той же статьѣ самъ генераль-маіоръ Мартыновъ, высказывая сожалѣніе, что я отсутствовалъ при его составленіи. Повидимому ни одинъ изъ составителей не знаетъ ни поля, ни сраженія, ни настоящаго положенія дѣлъ, бывшаго на правомъ флангѣ Ляндзясанской позиціи отъ 11 часовъ дня 13 августа, т. е. именно тогда, когда началось ихъ высокопоучительное (талантливое) управленіе ввѣренными имъ войсками, увѣнчанное лаврами Св. Георгія. Да, такъ могутъ описывать бой люди, ознакомившіеся съ нимъ по рассказамъ, по краткимъ (но не подробнымъ) его описаніямъ, но только не руководившіе имъ. Они совмѣстно рѣшали колоссальную задачу обезпеченія праваго фланга Ляндзясанской позиціи отъ обхода его японцами, они спасли его въ критическую минуту, отстоявъ мѣстность своей грудью. Но почему же они не говорятъ, гдѣ была эта историческая въ въ Ляоянскомъ генеральномъ сраженіи точка, гдѣ былъ разбитый, или по крайней мѣрѣ близкій къ разбитію грознымъ врагомъ правый флангъ? Что происходило на этомъ важнѣйшемъ стратегическомъ участкѣ позиціи? Иногда ка-

жется, что тамъ не было никого, иногда кажется, что п. Мартыновъ дерется рука объ руку съ г.-м. Столицей, дѣйствующимъ однако не непосредственно, а черезъ 2 роты князя Амилахори и при содѣйствіи в. с. Висчинскаго, но въ такомъ случаѣ выходитъ, что они заняли какое то пустое пространство, пристроившись вѣроятно къ полковнику Леичицкому (сражался лѣвѣе г. Столица). Однако все это какъ то непонятно, неточно, дѣлано; точно ученики академіи рѣшаютъ на довольно неточномъ планѣ тактическую задачу, при довольно неопредѣленномъ заданіи о противникѣ, дѣйствующемъ также весьма неопредѣленно: то онъ сосредоточиваетъ бригаду пѣхоты, то появляются его одиночные люди, то онъ понемногу накапливаетъ свои силы гдѣ то въ воздушномъ пространствѣ. Такъ продолжается до 11 часовъ дня, пока п. Мартыновъ находится еще въ нѣсколькихъ верстахъ отъ поля сраженія, в. с. Висчинскій присутствуетъ при пополненіи патроновъ отряда п. Дружинина, уже выпустившаго, при экономномъ огнѣ, болѣе 300 на винтовку, а г.-м. Столица, флангъ котораго, замѣтите, еще находился внѣ всякой опасности (вѣдь отрядъ п. Дружинина и не помышлялъ объ отступленіи) тоже вѣроятно еще мало видѣлъ японцевъ.

Вдругъ въ 11 часовъ все измѣняется: вступаютъ въ бой 4 баталіона Зарайцевъ, лихо насѣдаетъ на врага в. с. Висчинскій, ухитрившійся ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ по перехватываемымъ донесеніямъ п. Дружинина; съ ними конкурируетъ князь Амилахори, уже вторыя сутки не присоединяющійся къ отряду, расположенному на томъ же правоиъ флангѣ Ляндясанской позиціи, куда онъ уже прибылъ и которую теперь началъ спасать. Въ результатъ всего летитъ телеграмма на Высочайшее имя *) о молодецкихъ

*) Всеподданнѣйшее донесеніе Г. А. Куропаткина отъ 14 августа: 3 Сибирскій Корпусъ, усиленный 2-мя полками 35 пѣх. дивизіи, отразилъ (13-го августа) всѣ атаки японцевъ на своемъ фронтѣ; Зарайскій полкъ подъ начальствомъ П. Мартынова дѣйствовалъ молодецки и, вмѣстѣ съ 12 стрѣлковымъ полкомъ и казаками, остановилъ производившійся противникомъ обходъ праваго фланга Ляндясанской позиціи у с. Кофынцы, въ направленіи отъ Тасигоу на Павшугоу и Чандяопу. Войска праваго фланга вечеромъ, перейдя сами въ наступленіе, отбросили японцевъ къ Тунсинпу и Тасинтунъ.

дѣйствіяхъ Зарайцевъ, т. е. п. Мартынова, 12-го Стрѣлковаго полка, т. е. г. м. Столицы, и казаковъ, т. е. в. с. Висчинскаго. Но всетаки въ описаніи остается что то непонятное и недосказанное. А то, что правый флангъ Ляндясанской позиціи оберегала и отстояла та же горсть, которая разбила японцевъ подъ Тунсинпу 11 и 12 августа; теперь, подобно тому, какъ и въ предшествующемъ двухдневномъ бою, противникъ не могъ съ нею справиться, ибо въ два дня не переучишься, а вѣдь господамъ японцамъ приходилось обратиться къ новымъ способамъ дѣйствій, къ новой тактикѣ, ибо обыкновенная, по опыту Тюренчена, Янзелина, Тхавуана, Вафангоу, Долина и многихъ другихъ боевъ и стычекъ, примѣнявшаяся до сихъ поръ противъ русскихъ войскъ, здѣсь разбилась о стойкость и искусство горсти стрѣлковъ и казаковъ.

Противникъ въ продолженіе пяти часовъ времени—съ 6 ч. утра до 12 ч. дня—самъ разбился въ безплодныхъ усиліяхъ объ одну точку (въ буквальномъ смыслѣ этого слова). Вотъ почему въ 11 часовъ дня героямъ совмѣстнаго описанія, имѣвшимъ въ рукахъ силы въ 12 разъ большія, чѣмъ вполнѣ устойчиво и побѣдно державшійся отрядъ п. Дружинина, было не трудно развить его наступленіе. Да, дешево достался составителямъ образцоваго описанія своихъ побѣдъ успѣхъ дня 13 августа: ихъ лавры были подготовлены другими.

Пусть же опять справедливый Судъ Исторіи отдастъ должное Вамъ, непризнанные, забытые, дорогіе мои соратники! Пусть же признають заслуженную славу за знаменами 9-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго, Уссурийскаго, 2-го Читинскаго и 2-го Верхнеудинскаго Полковъ, ибо ихъ дѣти сдѣлали великое дѣло, несравненно большее, чѣмъ славный Зарайскій Полкъ, который конечно не виновенъ въ томъ, что на его долю выпала сравнительно болѣе легкая съ Вашей задача, которую онъ выполнилъ также въ совершенствѣ.

Все это было написано въ началѣ 1906 года, но, въ виду появленія весной 1908 года печатнаго труда Генеральнаго Штаба генераль-маіора Е. И. Мартынова: „Участіе Зарай-

цевъ въ бою при Ляндясанѣ и въ сраженіи на Шахэ“, я вынужденъ добавить еще слѣдующее:

Вотъ какъ повѣтствуетъ Мартыновъ свое вступленіе въ бой 13 августа:

„Въ 6 ч. утра отрядъ (полкъ съ батареей и эскадрономъ) остановился на отдыхъ у Вейдягоу. Въ это время съ юго-востока доносился уже гулъ артиллерійскихъ выстрѣловъ. Послѣ небольшого привала отрядъ выступилъ дальше по пути Сянсанцзы, Безымянную и Чандяопу, на Кофынцы. На перекресткѣ дорогъ южнѣе Сянсанцзы къ отряду присоединились охотники Зарайскаго полка, возвратившіеся изъ Сяолинцзы. При дальнѣйшемъ движеніи, въ 9-мъ часу утра, я получилъ отъ г. Грекова, охранявшаго съ казачьимъ отрядомъ правый флангъ Ляндясанской позиціи, слѣдующую записку: 7 ч. 45 м. утра, изъ Чандяопу. Противникъ насѣдаетъ на нашъ правый флангъ у Кофынцы. Просилъ бы подкрѣпить нашъ правый флангъ. Немного спустя прибылъ офицеръ съ такою же словесною просьбой. Приказавъ насколько возможно ускорить движеніе, я поѣхалъ впередъ къ г. Грекову, котораго засталъ съ начальникомъ его штаба в. ст. Свѣшниковымъ и нѣсколькими офицерами въ Безымянной деревнѣ, недоѣзжая версты 2 до Чандяопу. Разспросивъ о ходѣ боя, я узналъ, что правый флангъ Ляндясанской позиціи расположенъ на высотахъ къ юго-западу отъ Кофынцы, и что японцы, не смотря на выдвинутые противъ нихъ заслоны, глубоко охватили этотъ флангъ, занявъ совершенно перпендикулярное къ нему положеніе, на горныхъ отрогахъ восточнѣе долины Павшугоу-Тасигоу. Относительно того, гдѣ находится въ данный моментъ оконечность обходящаго крыла японцевъ—мнѣнія расходились. Я остановился на утвержденіи в. ст. Маркова, указавшаго на Павшугоу, что впоследствии и оправдалось. По этому поводу во французскомъ трудѣ Ніесселя „Тактическіе выводы изъ опыта Русско-Японской войны“ говорится: „п. Мартыновъ могъ атаковать флангъ японцевъ и одержать блестящій успѣхъ, благодаря тому, что получилъ отъ кавалеріи Грекова подробное донесеніе о расположеніи японцевъ“.

Въ полученномъ мною передъ выступленіемъ изъ Цо-фантунъ письменномъ приказаніи, безъ всякаго объясненія цѣли движенія, предписывалось идти въ Кофынцы. Г. Ивановъ ожидалъ моего прибытія именно въ этотъ пунктъ. Г. Кашталинскій (начальникъ праваго участка Ляньдясанской позиціи) предполагалъ назначить Зарайскій полкъ въ свой резервъ. Однако я зналъ, что желаніе командующаго арміей *), хотя и не выраженное въ письменномъ приказаніи, заключалось въ томъ, чтобы обезпечить отъ обхода правый флангъ В. отряда. Между тѣмъ изъ свѣдѣній, полученныхъ мною въ штабѣ г. Грекова, было ясно, что, при существующей обстановкѣ, исполнить это желаніе было гораздо лучше не движеніемъ на Кофынцы, а выходомъ во флангъ обходящему противнику. Въ виду этого, вопреки полученному мною письменному приказанію, я рѣшилъ, по своей собственной инициативѣ, вмѣсто Кофынцы, направиться на Павшугоу“.

Все это очень красиво, и я не удивляюсь, что французскій тактикъ оцѣнилъ и блестящую инициативу героя Мартынова, и блестящую развѣдку героя Грекова. Но только вотъ что немного странно. Блестяще развѣдывавшій герой Грековъ въ 7 ч. 45 м. утра, находится въ д. Чандяопу и оттуда шлетъ подходившему герою Мартынову отчаянный призывъ спасать правый флангъ у Кофынцы, а между тѣмъ у него подъ носомъ, въ разстояніи 2-хъ верстъ, происходитъ бой, продолжающійся уже около 2¹/₂ часовъ времени, а онъ продолжаетъ бездѣйствовать въ полномъ смыслѣ слова, имѣя не только казаковъ, но и пѣхоту; г. Грековъ сообщаетъ Мартынову, что правый флангъ позиціи у Кофынцы, точно онъ самъ находится отъ него въ такомъ же разстояніи, какъ и командующій арміей, такъ намѣчавшій этотъ флангъ изъ Ляояна; Грековъ не знаетъ, что японцы угро-

*) Относительно направленія Зарайскаго полка изъ окрестностей Ляояна къ Ляньдясанской позиціи, начальникъ 35-ой пѣхотной дивизіи пишетъ такъ: „Въ реляціи полковникъ Мартыновъ позволилъ себѣ приписать, что эта задача дана именно ему непосредственно командующимъ арміей, что въ дѣйствительности совершенно не соотвѣтствовало истинѣ, почему я приказалъ это несоотвѣтствіе исправить въ реляціяхъ и копіяхъ съ нихъ“.

жають вовсе не Кофынцы, а направленію Тасигу-Павшугу, а можетъ быть и еще западнѣе; и это казачій отрядъ, охраняющій, какъ говоритъ Мартыновъ, правый флангъ позиціи! Затѣмъ, для большаго вѣроятно охраненія этого фланга, Грековъ со штабомъ, а вѣроятно и съ войсками, подается черезъ часъ не къ направленію вѣроятныхъ дѣйствій противника, т. е. на Павшугу, а осаживаетъ назадъ, навстрѣчу Зарайцамъ, изъ Чандяопу на 2 версты въ д. Безымянную, гдѣ его встрѣчаетъ Мартыновъ, догадавшійся поѣхать впередъ и обогнать медленно двигавшуюся колонну. Здѣсь то и происходитъ замѣчательная оріентировка Мартынова Грековымъ. Мы читаемъ о глубокомъ охватѣ противника и о его перпендикулярномъ расположеніи... но гдѣ?—на горныхъ отрогахъ восточнѣ долины Павшугу; мы слышимъ однако, что мнѣнія расходятся о томъ, гдѣ находится оконечность обходящаго крыла, и только одинъ Марковъ знаетъ этотъ секретъ и опредѣляетъ мѣсто нахожденія загадочной оконечности съ точностью прямо удивительной—у Павшугу, т. е. уже въ разстояніи $2\frac{1}{2}$ версты отъ мѣста оріентировки, гдѣ повидимому происходило нѣчто въ родѣ военного совѣта. Я полагаю, что если бы было въ дѣйствительности такъ, какъ утверждалъ 13 августа 1904 года Марковъ, или писалъ спустя 3 года послѣ войны Мартыновъ, то Зарайскій полкъ никогда бы не развернулся въ боевой порядокъ на высотѣ д. Павшугу, и не вышелъ бы изъ долины Безымянной деревни, а либо принялъ бы оборонительный бой въ окрестностяхъ этой деревни, либо можетъ быть наступалъ бы изъ нея, какъ исходнаго пункта. Однако полкъ прошелъ въ Павшугу только въ 10 часовъ утра (а можетъ быть и нѣсколько позднѣе), гдѣ онъ занимался еще перестроеніемъ въ резервный порядокъ. Тутъ только, слѣдовательно внѣ сферы огня противника, Мартыновъ свидѣлся съ третьимъ героемъ того же дня в. ст. Висчинскимъ, высланнымъ изъ отряда Грекова во исполненіе приказанія г. Иванова „продолжить правый флангъ позиціи“, съ 1-ой ротой и 2-мя сотнями (и это изъ всего отряда Грекова силою 2 батал. и 9 сот.).

Но хотя ориентировка, данная Мартынову развѣдкою Грекова, и была ему слишкомъ понятна, я все же могу дать къ ней нѣкоторыя поясненія, и при томъ весьма существенныя.

Я сказалъ, что в. ст. Марковъ неожиданно исчезъ съ моего горизонта, и теперь я знаю, благодаря Мартынову, что онъ просто собралъ свои 3 сотни и не счелъ нужнымъ продолжать бой съ противникомъ, разъ пришелъ навстрѣчу японцамъ ввѣренный мнѣ отрядъ. Въмѣсто того, чтобы вести упорный бой, въ который мы ввязались съ этой же минуты, онъ даже не пожелалъ слѣдить за его развитіемъ и уѣхалъ въ тылъ, въ развѣдывательное бюро Грекова, въ Чандяопу, или въ Безымянную, гдѣ и давалъ Мартынову точнѣйшія свѣдѣнія о расположеніи оконечностей японцевъ. Вѣроятно онъ не замѣтилъ въ пылу своего поспѣшнаго отступления, что встрѣтилъ мои сотни, подъ начальствомъ есаула Желтухина, а затѣмъ и меня, не на высотѣ Павшугоу, а по крайней мѣрѣ на $1\frac{1}{2}$ версты южнѣе и непосредственно на восточномъ берегу долины Павшугоу-Тасигу; а слѣдовательно, если до 9 часовъ утра ввѣренные мнѣ войска еще не были опрокинуты (тогда врядъ ли бы отрядъ Грекова благодушевствовалъ безъ дѣла въ долинѣ Чандяопу—Безымянная), то японцы не могли возстановлять перпендикуляровъ къ моей позиціи и имѣть свою оконечность у д. Павшугоу.

Интересно также какъ ориентировалъ Мартынова Висчинскій. Привожу опять повѣствованіе изъ брошюры Мартынова:

„Пока походная колонна подтягивалась и въ совершенно укрытомъ мѣстѣ перестраивалась въ резервный порядокъ (спѣшить значить не нужно было, ибо полкъ легко переходитъ въ боевой порядокъ изъ походной колонны, а въ горахъ вообще перестраиваться въ резервный порядокъ лишнее—это исключительный случай), я съ нѣсколькими офицерами поднялся на высоту (гдѣ былъ отрядъ Висчинскаго, по показанію Мартынова, въ полуверстѣ восточнѣе Павшугоу). Изъ осмотра съ нея, изъ переговоровъ съ Висчинскимъ, а также ихъ донесеній охотниковъ (?) можно

было заключить, что непріятельскія цѣпи и ближайшія къ нимъ поддержки (точно рѣшали тактическую задачу на планѣ) находятся на горныхъ кряжахъ къ востоку отъ долины Павшугоу-Тасигоу. Въ самой долинѣ, у ея восточной стороны, также виднѣлись небольшія пѣхотныя и кавалерійскія части. Познакомившись съ обстановкой, я рѣшилъ перейти въ наступленіе отъ Павшугоу на Тасигоу, прямо во флангъ обходящему крылу японцевъ. Это второе рѣшеніе было также принято мною по собственной инициативѣ, на мою личную отвѣтственность“. И далѣе: „Къ 8 часамъ утра обходящее крыло японцевъ протянулось своимъ крайнимъ лѣвымъ флангомъ почти до самого Павшугоу, угрожая обходомъ не только отряду г. Столица, но и небольшому отряду полковника Дружинина, стойко державшемуся на своей позиціи (хорошо, что насъ похвалили, очень благодаренъ герою!). При такихъ условіяхъ, для дальнѣйшаго обезпеченія фланга, Грековъ выдвинулъ Висчинскаго. Въ 9-мъ часу утра Висчинскій занялъ высоту въ полуверстѣ восточнѣе д. Павшугоу. Къ нему присоединилась охотничья команда 12 стр. полка. Открывъ огонь, Висчинскій на нѣкоторое время задержалъ распространеніе японцевъ вверхъ по долинѣ, но тѣмъ не менѣе они продолжали готовиться къ производству атаки на линіи Тасигоу-Павшугоу, понемногу накапливая свои силы въ горныхъ лощинахъ восточнѣе долины и поддерживая оживленную перестрѣлку съ нашими войсками“.

Я не сомнѣваюсь, что Висчинскій и Мартыновъ совѣщались и ориентировались, но если только это было на означенной Мартыновымъ высотѣ, т. е. къ востоку отъ Павшугоу, то они были просто въ тылу моей позиціи, въ разстояніи не ближе одной версты, а никоимъ образомъ не внѣ моего фланга, потому что мой правый флангъ упирался сотнею Черноярова въ долину Павшугоу-Тасигоу. Вотъ еслибы Мартыновъ прослѣдовалъ бы нѣсколько впередъ, въ сферу огня противника, то могъ бы получить настоящее ориентированіе, но такъ какъ онъ далѣе не поѣхалъ и оставался все время боя у, или даже за, д. Павшугоу, то онъ и по сіе время, черзъ 3 года, получивъ въ

свои руки всѣ военноисторическіе документы, полевые записки и приказы, никакъ не можетъ ориентироваться; и вѣроятно это ему и не удастся, потому что для этого слѣдовало бросить взглядъ на самое поле сраженія, что изъ за Павшугоу слѣлать было невозможно, такъ какъ въ его распоряженіи не имѣлось ни воздушнаго шара, ни особенной вышки. Доказательствомъ моихъ словъ служить тотъ фактъ, что, какъ на сообщеніи 5 марта 1908 года, такъ и въ изданной соотвѣтственной книжкѣ, Мартыновъ далъ схему боя подъ Тасигоу, изображающую его настолько невѣрно, что это можно только объяснить именно тѣмъ, что онъ не былъ на полѣ сраженія и даже его не видѣлъ. На приложенныхъ къ сему схемахъ изображены, какъ воображаемое Мартыновымъ расположеніе войскъ, такъ и нанесенное мною дѣйствительное ихъ расположеніе. Изъ сравненія ихъ видно, что ввѣренный мнѣ отрядъ, показанный Мартыновымъ въ одной верстѣ къ востоку отъ д. Павшугоу и на одной съ нею параллели, фронтомъ на юго-западъ, въ дѣйствительности началъ встрѣчный бой съ 4-мя баталіонами (я всегда старался уменьшать, а не преувеличивать силы противника и доносилъ о 2-хъ баталіонахъ, не считая резервовъ, ибо о нихъ можно только догадываться) японцевъ, спустившихся къ югудолиною Павшугоу по крайней мѣрѣ на полторы версты, и расположилъ на сопкахъ составлявшихъ восточный берегъ долины, т. е. у самой долины непосредственно, выдвинувъ на западный берегъ, который долженъ былъ быть занятъ Грековымъ, но занятъ имъ не былъ, полусотню Уссурійскихъ казаковъ подъ начальствомъ Бровченко. Висчинскій еще въ 10 часовъ утра находился сзади ввѣреннаго мнѣ отряда и если перешелъ впередъ, то только одновременно съ наступленіемъ Зарайцевъ, т. е. не ранѣе 12 часовъ дня, что удостовѣряется самимъ Мартыновымъ, сообщившимъ мнѣ, что мои всѣ подлинныя донесенія попали въ руки Висчинскому, а они могли отправляться только назадъ (я доносилъ г. Иванову), а не впередъ, и не направо, или налѣво. П. Мартыновъ былъ сзади меня, потому что его видѣлъ тамъ Князь Долгоруковъ, слѣдовавшій къ отряду и командовавшій моимъ резервомъ. Впро-

чемъ, судя по безспорному документу *) за подписью самого Мартынова, онъ находился даже въ тылу Висчинскаго, а не на позиціи послѣдняго; ибо вотъ что онъ писалъ въ 11 часовъ 10 минутъ дня: „Войсковому старшинѣ Висчинскому, 13 августа, вершина за вашей позиціей позади и лѣвѣ Васъ находятся 4 баталіона Зарайскаго полка. Если вы находите своевременнымъ перейти въ наступленіе, то мы поддержимъ васъ. Полковникъ Мартыновъ“. На оборотѣ: „Если есть свѣдѣнія о противникѣ—сообщите, если нужна поддержка—сообщите“.

Далѣе, на планѣ Мартынова наступленіе Зарайцевъ показано параллельнымъ фронту позиціи вѣреннаго мнѣ отряда, а я утверждаю, что оно происходило перпендикулярно ея фронту, и черезъ нее прошло не менѣе 2-хъ баталіоновъ Зарайскаго полка, наступавшихъ въ районъ наступленія моихъ ротъ очень узкимъ фронтомъ; я самъ двигалъ и направлялъ впередъ ихъ нѣсколько ротъ. По тому же направленію и отступило вечеромъ не менѣе 8 ротъ Зарайцевъ, которыя я поздравлялъ съ нашей общей побѣдой, какъ раздѣлившихъ ее съ нами. Даже Гамильтонъ и Герчъ показываютъ на своихъ планахъ расположеніе нашихъ войскъ на правомъ флангѣ Ляндясанской позиціи, сѣвернѣе Тасигоу, несравненно точнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ г.-м. Мартыновъ въ своемъ военно-историческомъ изслѣдованіи; для доказательства слѣдуетъ только взглянуть на планъ XXII, приложенный къ II-му тому сочиненія Гамильтона, на которомъ этотъ правый флангъ изображенъ гораздо южнѣе Санчаго (Павшугоу) и на планъ № 7, приложенный къ сочиненію Герча, гдѣ опять таки русскія войска изображены южнѣе Павшугоу.

Непониманіе до сей поры Мартыновымъ хода и порядка боя подъ Тасигоу явствуетъ изъ сдѣланной имъ въ своей брошюрѣ замѣтки такого содержанія:

„Между отрядами Столицы и Дружинина, находившимися

*) Этотъ документъ, къ сожалѣнію, не попалъ въ документальнѣйшее произведеніе г.-м. Мартынова: „Участіе Зарайцевъ въ бою при Ляндясанѣ“.

вблизи другъ отъ друга, почему то не было установлено связи. Это видно изъ того, что въ 1-мъ часу дня Столица доносилъ Кашталинскому: „для п. Дружинина патроны отправлены на правый флангъ нашей позиціи, чтобы его тамъ розыскали; п. Дружинина въ д. Тасигоу быть не можетъ, такъ какъ у насъ все время идетъ стрѣльба по направленію къ Тасигоу“.

„Послѣднее недоразумѣніе (относительно Тасигоу), по всѣмъ вѣроятіямъ, возникло у г. Кашталинскаго вслѣдствіе того, что п. Дружининъ обозначалъ на своихъ запискахъ мѣсто отправленія словами: „бой у Тасигоу“.

Если судить по тому воображаемому бою, который представляетъ себѣ и тѣмъ, кто желаетъ его слушать и читать, Мартыновъ, а также рисуетъ на своихъ схемахъ, то онъ правъ, но такъ какъ ввѣренныя мнѣ войска начали сраженіе 13-го августа на половинномъ разстояніи между д. д. Павшугоу и Тасигоу и все время стремились къ активнымъ дѣйствіямъ на Тасигоу, а въ 12 часовъ дня были ближе къ Тасигоу, чѣмъ къ Павшугоу, то весьма естественно было называть мѣсто отправки донесеній по деревнѣ расположенной впереди, а не сзади, которую и не было видно съ нашей позиціи. Можетъ быть для п. Мартынова будетъ правильнѣе называть бой по той деревнѣ, близъ которой онъ находился во все время его веденія Зарайцами, но для меня—начальника войскъ, вынесшихъ на себѣ всю тяжесть боя, своею грудью отстоявшихъ позицію сѣвернѣе Тасигоу, этотъ бой останется всегда подъ названіемъ боя у Тасигоу, и обозначеніе на полевыхъ запискахъ правильно.

Что касается до мнѣнія Мартынова объ отсутствіи связи, то не знаю, почему г. Столица не зналъ моего мѣста нахождения, ибо у насъ была съ его войсками самая дѣйствительная связь: его правофланговый стрѣлокъ лежалъ на хребтѣ и стрѣлялъ рядомъ плечомъ къ плечу съ моимъ лѣвофланговымъ уже въ 6—7 часовъ утра. Но вотъ Мартыновъ этого не зналъ, ибо не знаетъ и сейчасъ, какъ былъ расположенъ отрядъ Столицы. На его схемѣ фронтъ позиціи Столицы показанъ, какъ и моего отряда, на юго-востокъ, а въ дѣйствительности онъ тянулся съ востока на западъ,

и разрыва между флангами наших отрядовъ, какъ это нарисовано Мартыновымъ, не было. Курьезнѣе всего то, что въ знаменитомъ „описаніи совмѣстныхъ дѣйствій“, подписанномъ Мартыновымъ (см. приложение 2-е), сказано: „г. Столица къ разсвѣту занялъ позицію на высотахъ въ 1½ верстахъ южнѣе д. Чандяюпу, фронтомъ на Тасигоу—Сесигоу, т. е. фронтомъ на югъ, или даже на юго-западъ, и затѣмъ нигдѣ не говорится, что этотъ отрядъ осаживалъ назадъ, хотя бы своимъ правымъ флангомъ. А, черезъ 3½ года послѣ войны, Мартыновъ пишетъ новое, подробнѣйшее, историческое, документальнѣйшее изслѣдованіе и измѣняетъ расположеніе фронта войскъ г. Столица только на 90 градусовъ. Далѣе, въ томъ же „описаніи“ говорится: „конечно, цѣлю наступленія (Зарайскаго полка) было поставлено: по возможности совершенно отгѣснить обходившія непріятельскія части, для чего слѣдовало продвинуться на высоты сѣвернѣе Тасигоу, т. е. выйти на одну линію съ фронтомъ позиціи Восточнаго отряда“; другими словами, надо было продвинуться на югъ отъ Павшугоу, поближе къ Тасигоу, гдѣ и находился крайній правый фланъ позиціи Восточнаго отряда, т. е. ввѣренный п. Дружинину отрядъ, а на схемѣ № 2 брошюры Мартынова этотъ флангъ подрисованъ у самой д. Павшугоу.

Правда, къ минутѣ блестящаго сообщенія въ Собраніи Арміи и Флота, 5 марта 1908 г., гдѣ продавалась и соотвѣствующая брошюра Мартынова, генераль-маіора Столица уже не было въ живыхъ, Князь Амилахори удалился изъ Арміи, Русскій Инвалидъ еще въ 1906 году отказался печатать что либо намекающее на заслуги частей доблестно, но скромно, исполнившихъ свой долгъ въ бою 13-го августа 1904 г. (см. приложения 3-е и 4-е: офиціальное объявленіе Русскаго Инвалида въ № 87 за 1906 годъ о томъ, что „честь отбитія обхода японцами праваго фланга позиціи подъ Ляндясанъ всецѣло принадлежитъ Зарайскому полку подъ начальствомъ Мартынова „и статья за подписью Командира 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Полковника Месхіева), а полковнику Дружинину Георгіевская Дума уже отказала въ награжденіи орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

При такой обстановкѣ конечно можно было рискнуть помѣщеніемъ новаго займа на популярность и повѣствовать съ кафедры о воображаемомъ боѣ. Я слушалъ это повѣствованіе, считалъ себя обязаннымъ указать на сдѣланныя авторомъ чудовищныя неточности, но, къ сожалѣнію, по совершенно непонятнымъ мотивамъ, предсѣдательствовавшій на сообщеніи въ Обществѣ Ревнителѣй Военныхъ Знаній, лишилъ меня слова. Тогда я подалъ ему, черезъ 3 или 4 дня, свое письменное возраженіе на данныя, изложенныя въ своемъ сообщеніи Мартыновымъ, для напечатанія его въ „Вѣстникѣ Ревнителѣй“, но этого до сихъ поръ (августъ 1908 года) еще не сдѣлано.

Въ общемъ, какъ схема приложенная къ брошюрѣ Мартынова, такъ и увеличенный съ нея планъ, вывѣщенный на публичномъ сообщеніи 5-го марта 1908 года, имѣютъ своею главною цѣлью изобразить блестящую атаку Зарайцевъ на лѣвый флангъ японцевъ, а для этого было удобнѣе всего возможно лучше подставить на планѣ послѣдній подъ рѣшительный ударъ, нанесенный героемъ по своей инициативѣ; словомъ Мартыновъ изображалъ и описывалъ не дѣйствительный бой, о которомъ онъ повидимому имѣетъ весьма смутное представленіе, а примѣръ извѣстнаго тактическаго идеала, что конечно поучительно для слушателей и читателей, наставляя ихъ, какъ слѣдовало бы дѣйствовать, и весьма выгодно для автора. Но если мы хотимъ знать правду, поучаться военной исторіи, то въ такомъ случаѣ, какъ сообщенія, такъ и брошюры такого воображаемаго содержанія, не только не могутъ дать желаемаго удовлетворенія, но вредны, вводя въ заблужденіе и публику, и начальство, и создавая популярность героизму и доблести, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было и не существуетъ.

На обложкѣ книжки Мартынова написанъ приговоръ его собственной работѣ: „мелкія натуры начинаютъ оправдываться и клеветать“. Эта книжка есть не военноисторическое изслѣдованіе, а оправданіе отъ возводимыхъ на автора обвиненій: 1) въ томъ, что вовсе не ему принадлежитъ честь отбитія обхода японцевъ подъ Тасигоу, и 2) въ томъ, что въ сраженіи подъ Шахэ онъ не выказалъ достаточнаго.

мужества и упорства въ двухъ-дневномъ бою и предалъ на разстрѣлъ цѣлый полкъ Русской Арміи. Я не могу судить о томъ, насколько Мартынову удалось оправдаться противъ второго, весьма тяжкаго обвиненія, но, что касается перваго, то, кромѣ довольно грубой подтасовки въ свою пользу разныхъ данныхъ, онъ не сдѣлалъ ничего, и его книжка еще болѣе устанавливаетъ тотъ фактъ, что онъ пожалъ чужіе лавры и успѣхи; за нимъ лишь можетъ пожалуй остаться заслугой, что онъ въ 9 часовъ утра рѣшился идти не въ Кофынцы, а на Павшугоу, гдѣ и пристроилъ свой полкъ къ ввѣренному мнѣ отряду. Но, спрашивается, можно ли было поступить иначе? и тотъ, кто не сдѣлалъ бы этого, врядъ ли заслуживалъ бы право числиться въ арміи. Да, въ нашей арміи, къ сожалѣнію, и это считается какимъ то особенно доблестнымъ проявленіемъ инициативы. Конечно, все относительно, и можетъ быть нашлись бы командиры полковъ, которые не поступили такъ, какъ въ данномъ случаѣ поступилъ Мартыновъ, ибо были и такіе, которые просто уходили съ позицій послѣ перваго выстрѣла противника, но нужно оцѣнивать дѣйствія военачальниковъ не по отрицательнымъ примѣрамъ, а по положительнымъ. Иначе у каждаго изъ сражавшихся найдется слишкомъ много заслугъ, и для оцѣнки ихъ не хватитъ даже столь многочисленныхъ степеней нашихъ орденовъ.

Наконецъ вышеприведенный документъ—записка Мартынова Висчинскому отъ 11 часовъ 10 мин. дня—окончательно уничтожаетъ существованіе заслуги командира Зарайскаго полка, въ смыслѣ инициативы перехода въ наступленіе противъ японцевъ, ибо онъ проситъ сообщить ему о своевременности перехода въ наступленіе и только предлагаетъ свою поддержку. А такъ какъ сія инициатива не можетъ принадлежать никакимъ образомъ и Висчинскому, пребывавшему до 11 — 12 часовъ дня въ тылу ввѣреннаго мнѣ отряда, то слѣдовательно болѣе чѣмъ ясно, что оба военачальника—и Мартыновъ и Висчинскій—перешли въ наступленіе только тогда, когда пошелъ впередъ ввѣренный мнѣ отрядъ, къ которому они оба и пристроили ввѣренные имъ части.

Я сказалъ, что въ книгѣ Мартынова есть подтасовка данныхъ, а вотъ и наглядное доказательство. Авторъ считаетъ, что блестящая побѣда надъ японскою Императорскою Гвардіей одержана нами исключительно благодаря участію въ бою за Ляньдясанскую позицію Зарайскаго полка 13-го августа, и документальнѣйшимъ подтвержденіемъ этого факта приводитъ отзывъ англійскаго военнаго агента, генерала Сера-Яна-Гамильтона, который безусловно признаетъ полное пораженіе своихъ союзниковъ. Такъ вотъ Мартыновъ почему то выпускаетъ тѣ мѣста изъ сочиненія Гамильтона, которыя говорятъ, что Гвардія была разбита еще до появленія на поле сраженія у Тасигоу Зарайцевъ, между тѣмъ какъ приводитъ остальные мѣста, которыя могутъ, при условіи выпуска первыхъ, служить доказательствомъ блестящей побѣды Зарайцевъ. Я привожу ихъ:

Томъ 2, стрн. 39 (изд. В. Березовскаго подъ редакціей Ю. Лазаревича)... Въ 8 часовъ 26 мин. утра (13 августа) въ штабъ Куроки на сопку Гокареи прибылъ ординарецъ изъ Императорской Гвардіи и доложилъ, что положеніе на этомъ флангѣ становится весьма серьезнымъ. По его словамъ Гвардія не могла добиться никакого успѣха, ни въ артиллерійскомъ огнѣ, ни въ наступленіи своей пѣхоты. Напротивъ, непріятель быстро усиливался передъ ея фронтомъ и угрожалъ охватить и вынудить къ отступленію лѣвофланговую бригаду Асада, которая повидимому перешла Танхэ въ верхнемъ теченіи и немного оторвалась. Выраженія лицъ сдѣлались серьезными, и, послѣ краткаго совѣщанія, былъ отданъ приказъ: всему резерву арміи выступить изъ Тасинтунъ на помощь Гвардіи.

Стрн. 41... Позднѣе я узналъ, что именно въ этотъ моментъ (т. е. до 8-ми часовъ утра) положеніе было чрезвычайно критическимъ, т. е. правое крыло русскихъ не только удерживало лѣвое японское, но угрожало зайти въ тылъ его центру и правому флангу.

Стрн. 45... Нѣсколько минутъ спустя (т. е. около 8¹/₂ часовъ утра) появился офицеръ, говорившій по-нѣмецки, и доложилъ, что части 4-й арміи (Нодзу) усмотрѣны съ крайняго фланга 1-й арміи. Послѣ того, какъ онъ передалъ

это донесеніе, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ и узналъ отъ него, что лѣвофланговая гвардейская бригада, произведя большое захожденіе, наступала въ настоящее время въ сѣверо-восточномъ направленіи, стараясь охватить правый флангъ русскихъ, находившійся въ одной или двухъ миляхъ отъ Когоши (Кофынцы). Я сказалъ ему, что командующій арміей надѣялся, что Гвардія займетъ Когоши до наступленія ночи, на что онъ лишь отвѣтилъ, что Гвардія была слишкомъ занята своей обороной, чтобы думать о Когоши.

Изъ этихъ данныхъ, выпущенныхъ авторомъ самооправданія, видно, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, что японская Императорская Гвардія разбита благодаря участію въ бою при Ляньдясанъ Зарайцевъ. Куроки получилъ донесеніе о пораженіи Гвардіи въ 8 ч. 26 м. утра, при чемъ привезшій это донесеніе ординарецъ употребилъ на проѣздъ изъ расположенія гвардіи въ штабъ арміи (расстояніе не менѣе 20 верстъ) еще нѣкоторое и конечно не малое время. Зарайцы же начали бой позднѣе 11 часовъ дня. Слѣдовательно еще до прибытія ихъ, тогда, когда Мартыновъ еще не ориентировался о положеніи дѣлъ у Кофынцы—Павшагоу, въ д. Безымянной у Грекова, и находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ поля сраженія (впрочемъ онъ и потомъ находился отъ него въ почтительномъ разстояніи), японская гвардія была уже разбита и не вслѣдствіе боя у Тасигоу только, а вслѣдствіе также и боевъ двухъ предшествующихъ дней. И теперь Зарайцамъ оставалось лишь добивать нами (Восточнымъ отрядомъ) разбитого врага, въ чемъ они и оказали намъ энергическое содѣйствіе. Самъ Мартыновъ подтверждаетъ фактъ, что японцы были уже разбиты до прихода его полка, а именно онъ пишетъ на страницѣ 21-й: „японцы тщетно старались удержаться на сопкахъ и кряжахъ восточнѣе долины, вслѣдствіе того, что мы наступали прямо во флангъ ихъ обходящему крылу; они каждый разъ могли противопоставить намъ лишь очень небольшое количество ружей“.

Это значитъ, что японцы не оказывали почти никакого сопротивленія наступленію Зарайцевъ, и, по мнѣнію Мар-

тынова, только потому, что ухитрились подставить свой флангъ; утверждаю, что японцы вовсе не подставили Мартынову своего фланга такъ, какъ онъ это воображаетъ, ибо никогда, во всю войну, они не выказывали себя столь безопасными и неостроумными; и здѣсь, какъ и вездѣ, нашъ врагъ не былъ ни безпеченъ, ни робокъ, а былъ сломленъ нашею грудью; наконецъ вѣроятно Мартынову неизвѣстно, что тѣ роты его Зарайцевъ, которыя наступали въ районъ моихъ ротъ, имѣли и упорное сопротивленіе противника; и приходилось на него насѣдать, а не только любоваться, какъ онъ бѣжалъ, или уходилъ. Вообще же я не довѣряю донесеніямъ тѣхъ нашихъ героевъ, которые доносили о бѣгствѣ японской Гвардіи, или хотя ея части, въ день 13 августа, ибо во всякомъ случаѣ былъ къ японцамъ ближе и видѣлъ ихъ больше, чѣмъ эти герои, а бѣгство японцевъ я не замѣтилъ. Впрочемъ, когда успѣхъ на полѣ сраженія достается слишкомъ легко, то фантазія разыгрывается сильно, а въ особенности у людей, которые, по роду своей службы и дѣятельности мирнаго времени, занимались исключительно или писаніемъ, или словоизверженіемъ, для чего у насъ въ арміи существуетъ широкое поприще во всякихъ военно-историческихъ комиссіяхъ, а въ таковой разрабатывающей уже полъ-столѣтія Турецкую войну 1877—1878 г. г. въ особенности. Въ вышеприведенномъ письмѣ Мартынова къ начальнику штаба Восточнаго отряда п. Орановскому, онъ говоритъ, что составилъ для представленія себя къ награжденію Георгіемъ реляцію о боѣ подъ Тасигоу въ томъ духѣ, какъ писались вообще реляціи на этотъ предметъ во время Турецкой войны, по опыту изученія послѣдней въ военно-исторической комиссіи. Этотъ опытъ повидимому очень пригодился Мартынову въ войну 1904—05 г. г., такъ какъ весьма скоро украсилъ его грудь бѣлымъ крестомъ за бой, который онъ даже не видѣлъ, а лишь слышалъ, оставаясь все время далеко позади сражавшихся войскъ.

А между тѣмъ какъ обидно, какъ больно, что, благодаря личному тщеславію, личнымъ расчетамъ, искажается истина одного изъ прекраснѣйшихъ боевыхъ дѣлъ нашей арміи,

насчитывающей такъ немного ему подобныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Маньчжуріи. Войска В. отряда совершили огромный подвигъ въ дни 11, 12 и 13 августа, и конечно не ихъ вина, что имъ пришлось отдать залитыя ихъ кровью позиціи. Но по крайней мѣрѣ даже симпатизирующие нашимъ противникамъ англичане признали за нами блестящую побѣду. Я уже привелъ нѣсколько данныхъ изъ Гамильтона, но считаю нужнымъ привести и еще другія изъ того же источника, а именно:

Стрн. 47... Въ 5 ч. 30 м. пополудни одинъ изъ штабныхъ офицеровъ присѣлъ ко мнѣ подъ кустъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что главная забота теперь была о первой бригадѣ гв. дивизіи Асада, которая, пытаясь обойти правый флангъ русскихъ, слишкомъ оторвалась отъ 2-й бригады Ватанаба. Асада повидимому находился въ нѣкоторой опасности, такъ какъ противъ него сосредоточилось много войскъ, и, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, онъ только-только могъ держаться благодаря прибытію общаго резерва арміи изъ Тансятунъ въ 8 ч. 30 м. утра.

Стрн. 49... 1-я гв. бригада Асада на крайнемъ лѣвомъ флангѣ внушаетъ все большее безпокойство. Крайній правый флангъ русскихъ окопался на сопкахъ, образующихъ западный склонъ долины, по которой течетъ верхняя часть Танхэ. Бригада Асада взяла направленіе сѣверозападнѣе Тунсинпу съ намѣреніемъ обойти и охватить эти окопы. При выполненіи этого маневра она оторвалась отъ 2-й бригады Ватанаба, и ея атака не только была отбита, но въ настоящую минуту она находится въ опасности быть окруженной подрѣпленіями, которыя русскіе быстро выдвинули по большой дорогѣ изъ Ляояна.

Стрн. 50... Не удайся Кигоши захватить сѣверную часть Косареи (высота 273 у д. Пегоу), центру и правой его части по всей вѣроятности не удалось бы закрѣпить за собой успѣхъ, принимая во вниманіе мѣстность и плохое положеніе дѣлъ Гвардіи на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Стрн. 55... Повидимому русскіе, почти одержавшіе побѣду, окружавшіе Асада и отбившіе Ватанаба, были принуждены отступить вслѣдствіе успѣшныхъ дѣйствій 2-й и

12-й дивизій. Тѣмъ не менѣе Куроки не вполне доволенъ своимъ лѣвымъ флангомъ, почему и отправляется завтра рано по утру въ Рошисанъ (Ляндясанъ), откуда ему можно будетъ лично войти въ соприкосновеніе съ Императорской Гвардіей.

Стр. 56... Непріятелю представлялось нѣсколько удивительно благопріятныхъ случаевъ для охвата обоихъ фланговъ, но онъ упустилъ ихъ вслѣдствіе недостатка инициативы. На нашемъ лѣвомъ флангѣ онъ проявилъ извѣстную энергію и поставилъ насъ въ весьма непріятное положеніе.

Послѣднее записано со словъ самихъ штабныхъ офицеровъ Куроки.

Очень интересныя данныя, также подтверждающія побѣду В. отряда надъ лѣвымъ флангомъ арміи Куроки, т. е. надъ Гвардіей, даетъ сопровождавшій послѣднюю во время боевъ 11—18 августа швейцарскій военный агентъ полковникъ фонъ Герчъ. 11-го августа, какъ я сказалъ уже выше, ему не удалось ничего узнать о положеніи дѣлъ. На 12-е августа японскій проводникъ хотѣлъ непременно удалить всѣхъ военныхъ агентовъ къ сѣверу отъ Холунгоу, т. е. на такое разстояніе, чтобы они не могли видѣть, что произойдетъ въ окрестностяхъ Тунсинпу. Герчу удалось самовольно пробраться утромъ 12 августа въ долину къ д. Сяматунъ, и слѣдовательно онъ опять не видѣлъ боя, такъ какъ ему разрѣшили подняться на высоты лѣваго берега рѣки только послѣ 10 часовъ, когда уже съ нашей и японской стороны дѣйствовала одна артиллерія. 13 августа Герчъ находился повидимому въ районѣ дѣйствій бригады Ватанабе, и поэтому ему также не пришлось видѣть, что происходило на лѣвомъ флангѣ, но изъ его описанія видно, что японцы успѣха не имѣли, и, какъ онъ пишетъ (стр. 78), „насколько можно судить, японцы оставались на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и наканунѣ“. Такъ какъ утромъ этого дня они наступали, то очевидно они были въ теченіе дня отброшены назадъ. Затѣмъ дальше изъ всего описываемаго Герчемъ обрисовывается полное разложеніе японской гвардіи, что конечно можно объяснить только матеріальнымъ и моральнымъ ущербомъ, нанесеннымъ ей нашими войсками

въ трехъ-дневномъ бою 11—13 августа. На стрн. 81 онъ говоритъ уже 14 августа: „наконецъ гвардія нуждалась въ отдыхѣ; она дралась и передвигалась въ продолженіе четырехъ дней“. 15 августа, наблюдая дѣйствія 1-й гв. бригады у Ванбатая, онъ пишетъ: „По отношенію къ японцамъ бой этотъ никакъ не можетъ считаться веденнымъ мало-мальски правильно. Почему 1-й полкъ допустилъ столь слабымъ силамъ задержать себя, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, такъ же мало понятно, какъ и остановка 2-го полка за переваломъ“. 16 августа гвардія бездѣйствовала, и въ ней преобладало осторожное настроеніе. Относительно дѣйствій 17 августа написано слѣдующее (стрн. 87): „3-й гв. полкъ все время велъ упорный бой, цѣль котораго трудно понять, такъ какъ 4-ый полкъ и вся 1-я бригада бездѣйствовали. Получивъ одновременно съ 3-мъ полкомъ приказаніе начать наступленіе, 4-й полкъ двинулся впередъ, но затѣмъ, когда надъ нимъ разорвалось нѣсколько шрапнелей, остановился и залегъ. Вечеромъ въ Сыфантаѣ мы узнали отъ одного изъ дивизионныхъ адъютантовъ, что генераль Хосегава приказалъ всей дивизіи двинуться впередъ, но что это приказаніе было выполнено только во 2-й бригадѣ и то однимъ только 3-мъ полкомъ, такъ какъ командиръ 4-го полка нашель, что наступленіе невозможно. Асада очевидно также считалъ, что это предпріятіе слишкомъ опасно и поэтому предпочелъ бездѣйствовать“. 18 августа гвардія „въ общемъ бездѣйствовала“.

Въ другомъ описаніи дѣйствій 1-й арміи Куроки Ф. Герчъ говоритъ о боѣ бригады Асада 13 августа слѣдующее: „Начиная съ полудня, русскіе значительно усилились; со стороны Кофынцы стрѣляло 38 орудій, а отъ Дайденси 16. Русскіе пытались перейти въ наступленіе, повидимому попытка эта увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ сообщаютъ, что около 2-хъ часовъ двѣ роты были почти уничтожены. Въ часъ дня Хасегава получилъ отъ Куроки телеграмму, сообщавшую, что послѣдній включилъ въ составъ гвардіи подходившій 29-й резервный полкъ, который долженъ былъ прибыть въ Тунсинпу къ 6 часамъ вечера“. И далѣе: „съ утра Гвардіи

не удалось продвинуться впередъ; она только удержала занятые ею позиціи, на которыхъ и заночевала“.

Наконецъ въ послѣдней главѣ своего труда „Управленіе арміей“ Герцъ на стрн. 159 говоритъ, „что силы противника, занимавшія позицію на Танхэ произвели на Куроки подавляющее впечатлѣніе“, а на страницѣ 160 такъ отзывается о дѣятельности Гвардіи: „Во время перваго періода Ляоянской битвы гвардейская дивизія рѣшила успѣшно весьма трудную задачу, такъ какъ атаковала и отбросила превосходящія силы противника (мы ушли сами 14-го по приказанію Куропаткина и отчасти изъ за желанія отступить Иванова). Какъ самъ Хасегава, такъ и его ближайшіе помощники, проявили энергію и осмотрительность. Съ особенно хорошей стороны выказалъ себя Асада, дѣятельности котораго японцы обязаны большею частью своихъ успѣховъ; этимъ онъ какъ бы загладилъ свое бездѣйствіе 18 августа. Но бой 13 августа, какъ кажется, на всегда исчерпалъ его энергію. Уже 15-го, во время преслѣдованія, онъ дѣйствуетъ ошупью, а 17-го выказываетъ полную несостоятельность. Въ этотъ день дѣйствія его препятствуютъ Гвардіи выполнить свою задачу“.

На основаніи всего описаннаго двумя представителями военнаго искусства, сопровождавшими въ бояхъ подъ Ляньдясань,—одинъ штабъ Куроки, а другой японскую Гвардію, мы, участники боевъ противъ Императорской японской Гвардіи,—можемъ быть теперь увѣрены, что честно выполнили свой долгъ и даровали славу Русскому Оружію. Наша побѣда признана не только нами, но и нашими врагами, и мы не нуждаемся въ какомъ либо прикрашиваніи фактовъ и данныхъ, въ ихъ подтасовкѣ и подрисовкѣ, какъ дѣлаютъ это Мартыновъ и ему подобные. Исторія отдастъ справедливость скромнымъ и непопулярнымъ.

ГЛАВА V.

Бой у д. Тасигоу 14-го Августа.

Ночь прошла совершенно спокойно въ отношеніи противника, но конечно отдыхать не пришлось: установленіе связи съ непосредственнымъ начальствомъ, съ Зарайскимъ полкомъ, а главное забота объ эвакуаціи раненыхъ своего отряда и Зарайщевъ, которыхъ кажется было всего около 150 человекъ.

Ночью пришло приказаніе Начальника 3 В.-С. Стр. Дивизіи г. м. Кашталинскаго оставаться на предстоящій день на занимаемыхъ наканунѣ позиціяхъ и обороняться во что бы то ни стало. Тонъ приказанія былъ таковъ, что не допускалъ и помысла объ отступленіи. Къ 6 ч. утра отрядъ занималъ ту же позицію, на лѣвомъ (восточномъ) берегу долины Павшугоу—Тасигоу: обѣ роты по гребню; лѣвый флангъ ихъ въ этотъ день не соприкасался съ правымъ флангомъ войскъ г. Столица. такъ какъ между расположеніемъ 12-го Стр. полка и нашимъ оставался небольшой интервалъ. Не стояла болѣе на позиціи и конно-горная батарея пограничной стражи; я предполагалъ сперва, что она перемѣнила позицію, въ виду возможности открытія ея мѣсто-расположенія противникомъ наканунѣ, но потомъ убѣдился, что батарея участія въ бою не принимала, а между тѣмъ ея содѣйствіе намъ въ этотъ день было бы очень полезно. Всѣ казаки отряда стали въ резервъ, потому что къ нашему правому флангу уступомъ назадъ протянулся Зарайскій полкъ, и не было надобности занимать сопку, на которой наканунѣ была расположена сотня Черноярова. Я приказалъ Желтухину, командовавшему казаками, стать возможно укрыто, внѣ выстрѣловъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что японцы въ этотъ день вытащатъ наконецъ артиллерию, т. е. исправятъ свою ошибку предшествующаго дня, и конечно будутъ искать наши резервы, стрѣляя на пораженіе площадей.

Отрядъ составилъ крайній правый флангъ всего боеваго участка г. Столицы, которому насъ подчинили на этотъ

день; указанія, полученныя отъ него, всетаки уже намекали на возможность отступленія: такъ, намъ ставилась задача упорно удерживать свою позицію лишь до отступленія 12-го полка, которое и прикрывать; кромѣ того было сообщено, что „вѣроятно придется удерживаться до 5 час. дня“.

Теперь это вполне понятно, такъ какъ командующій арміей еще въ ночь на 13-е августа приказалъ г. Иванову начать отступленіе, вслѣдствіе тактической неудачи на лѣвомъ флангѣ (потеря на лѣвомъ флангѣ Анпинской позиціи высоты № 273 у д. Пегоу) 10-го корпуса, своимъ отходомъ обнажавшаго лѣвый флангъ 3-го Сибирскаго корпуса, но намъ было странно, непріятно слышать даже о возможности отступленія, ибо мы сражались уже трое сутокъ вполне побѣдно. Г. Куропаткинъ въ своей резолюціи на докладѣ г. Иванова о необходимости отступленія говоритъ, что „такъ и было предположено“. Да, можетъ быть, по его стратегіи и тактикѣ „терпѣнія“, оставленіе побѣдно обороняемой Ляньдясанской позиціи составляетъ шедевръ военного искусства, равный отходу отъ Ляояна, но мы маленькіе люди, честно исполнившіе свой долгъ, не уступавшіе ни шагу противнику и даже его преслѣдовавшіе, отлично сознавали уже тогда, что командующій губить все дѣло, играя въ руку врагу и только рязвращая духъ нашей доблестной Арміи.

Нельзя не замѣтить, что 11, 12, 13 и 14 августа серьезный бой велся исключительно на Восточномъ фронтѣ Маньчжурской Арміи; спрашивается, отчего г. Куропаткинъ не желалъ лично руководить боемъ, а предоставилъ это занятіе генералу Бильдерлингъ, выказавшему себя неспособнымъ, допустивъ 10-й корпусъ слишкомъ быстро очистить весьма сильную позицію. Правда, въ нѣкоторой степени командующій самъ руководилъ дѣйствіями войскъ на Восточномъ Фронтѣ, отдавая непосредственно нѣкоторымъ начальникамъ свои распоряженія (я приведу позднѣе еще нѣкоторыя доказательства, описывая дѣйствія или вѣрнѣе наше бездѣйствіе 15 августа): такъ 35-я дивизія была прислана на подкрѣпленіе 3-го Сибирскаго Корпуса по его личному приказанію; отступленіе съ Ляньдясанской позиціи

предписано лично имъ. Вѣрнѣ всего будетъ признать, что и здѣсь примѣнена обыкновенная система нашего полководца: кое что указывать и чаще всего по мелочамъ, а все-таки имѣть какое нибудь лицо, на которое можно было бы свалить отвѣтственность въ случаѣ неудачи *); въ данномъ случаѣ онъ отыгрывался на г. Бильдерлингъ. Съ легкимъ сердцемъ доносилъ великій представитель стратегіи терпѣнія, послѣдователь Кутузова, объ оставленіи имъ Ляньдясанской и Анпинской позицій, а между тѣмъ именно въ этомъ отступленіи и заключалось начало нашего пораженія подъ Ляояномъ. На этомъ вопросѣ считаю необходимымъ остановиться подробно.

Японцы вели одновременно двѣ огромныя операциі: одну противъ Портъ-Артура, другую противъ Маньчжурской Арміи. Многіе стратеги считаютъ крупною ошибкою съ ихъ стороны одновременное преслѣдованіе двухъ цѣлей, ибо они не располагали сразу достаточными силами, чтобы, обложивъ первоклассную крѣпость, нанести рѣшительный ударъ врагу въ полѣ. Положительное рѣшеніе вопроса стратегіей состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего сосредоточить всѣ силы для достиженія одной главнѣйшей цѣли, а въ данномъ случаѣ важнѣе всего было покончить съ Маньчжурской Арміей, такъ какъ, при условіи полнаго господства на морѣ, достигнутаго японцами съ минуты неожиданной атаки на нашу Тихоокеанскую эскадру въ ночь съ 26-го на 27-е февраля, паденіе Артура было обезпечено, въ случаѣ пораженія русскихъ войскъ въ Маньчжуріи (такъ на самомъ дѣлѣ оно и случилось); наоборотъ даже взятіе Артура не могло дать японцамъ выигрыша кампаніи, если бы они потерпѣли неудачу въ полѣ; наконецъ успѣшное веденіе осады могло быть всегда остановлено рѣшительнымъ наступленіемъ Маньчжурской Арміи. Слѣдовательно

*) На берегахъ р. Ялу—на Засулича, у Янзелина—на Графа Келлеръ, у Вафангоу и Дашичао—на Барона Штакельбергъ, у Ляньдясанъ, Анпина, Сыквантунь и Янтай—на Барона Бильдерлингъ, у Бенсиху—на Барона Штакельбергъ, у Сандепу—на Гриппенберга, наконецъ у Сандепу (второго—наступательнаго, предполагавшагося) и у Мухдена на Барона Каульбарсъ.

наиболѣе рачіональнымъ способомъ дѣйствій было бы: блокируя Артуръ съ моря, выставить противъ него заслонъ на Цзынчжоускомъ перешейкѣ, а всѣ остальные силы двинуть противъ русской арміи; дѣйствія японцевъ конечно должны были бы быть въ высшей степени энергичны, такъ какъ выигрышь времени больше всего обезпечивалъ успѣхъ: русская армія не успѣла бы сосредоточить достаточное количество силъ. Такъ учить стратегія, но можетъ быть японцы имѣли настолько точныя свѣдѣнія о состояніи крѣпости Портъ-Артуръ и о мобилизаціи и сосредоточеніи нашихъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, а также о качествахъ нашихъ военнопачальниковъ, что могли съ большою вѣроятностью на успѣхъ поставить себѣ задачей достиженіе одновременно обѣихъ цѣлей (къ сожалѣнію расчетъ ихъ оказался вѣренъ, хотя, правда, исключительно благодаря послѣднему обстоятельству, т. е. неудовлетворительности качествахъ нашихъ военно-начальниковъ; во всемъ остальномъ они ошиблись, а именно: къ минутѣ начала генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ—мы оказались въ равныхъ, если не въ превосходныхъ силахъ; провозоспособность Китайской ж. д. и даже всей Сибирской магистрали превысила всѣ ожиданія; попытки разрушенія желѣзныхъ дорогъ, задуманныя весьма широко—начиная отъ моста черезъ Волгу—не увѣнчались успѣхомъ). Кромѣ того нельзя не считаться съ тѣмъ значеніемъ Артура, которое онъ имѣлъ для всей японской націи; японцы просто не смогли бы терпѣливо выжидать и только смотрѣть на него; вѣдь владѣніе русскими этимъ пунктомъ положительно не давало спать всѣмъ поданнымъ Микадо. Хотя наши враги принесли много лишнихъ жертвъ, благодаря своему желанію поспѣшно овладѣть этой твердыней, тѣмъ не менѣе ихъ энергія и самая поспѣшность атаки Артура являлись необходимостью удовлетворенія національной потребности, и казалось бы нашимъ стратегамъ слѣдовало это предвидѣть.

Какъ бы то ни было, японцы сами усложнили и затруднили себѣ задачу; *) поэтому то вопросъ времени и полу-

*) Мнѣ возразятъ, что если бы японцы ограничились только выстав-

чалъ для нихъ такое огромное значеніе; они должны были дорожить не только каждымъ днемъ, но даже часомъ времени, такъ какъ, зная базу русской арміи въ Ляоянѣ и слѣдовательно надѣясь нанести ей тамъ рѣшительное пораженіе, они должны были обезпечить себѣ надежное превосходство силъ, которое въ началѣ кампаніи конечно было на ихъ сторонѣ.

Японцы вели совершенно естественно операцію наступленія противъ Куропаткина по двумъ направленіямъ: 1) съ юга, потому что они прежде всего прикрывали такимъ направленіемъ осаду Артура и кромѣ того, захватывая желѣзную дорогу (любезно предоставляемую имъ въ самомъ образцовомъ порядкѣ, безъ разрушенія мостовъ, пути и станціонныхъ сооруженій, и даже съ постепеннымъ по мѣрѣ наступленія японцевъ развитіемъ подъѣздныхъ путей и самихъ станцій), получали въ приобрѣтаемыхъ морскихъ портахъ самую удобную базу; 2) изъ Кореи, такъ какъ направленіе отъ Фынхуанченъ—Сюянъ на Хайченъ—Ляоянъ выводило во флангъ операций русской Маньчжурской Арміи, а направленіе Фынхуанченъ—Саймацзы—въ тылъ ея. Къ тому же японцамъ было необходимо покорить всю Корею отъ г. Сеула до р. Ялу, чтобы въ этой странѣ основать базу на случай неудачи въ Маньчжуріи, гдѣ они могли быть опрокинуты въ море.

Если я говорилъ въ началѣ 1-й части, что отказъ Оямы отъ наступленія черезъ Саймацзы къ Мукдену, чѣмъ онъ могъ заставить Куропаткина очистить Ляоянъ безъ генеральнаго сраженія, былъ вызванъ также тѣмъ обстоятельствомъ, что Куропаткинъ подготовилъ ему для наступле-

леніемъ заслона противъ Артура, то Маньчжурская Армія произвела бы свое сосредоточеніе не у Ляояна, куда притягивалъ ее именно Артуръ, а гораздо сѣвернѣе, но я отсылаю читателей къ 1-й части моего труда (стр. 60), гдѣ уже высказалъ, что базированіе нашей арміи на Ляоянъ не могло помочь Артуру; здѣсь напомнимъ только, что въ сущности у нашего полководца не было никакого плана кампаніи, а онъ пассивно выжидалъ, что будетъ дѣлать противникъ, и, въ зависимости отъ дѣйствительныхъ и кажущихся ему операций японцевъ, пробовать, исползовавъ тактически выгодныя позиціи, осуществлять какую то несбыточную идею сосредоточенія колоссальнаго превосходства силъ.

нію къ Ляояну пути сообщенія, то съ другой стороны надо полагать, что Оямѣ было также выгодно нанести рѣшительный ударъ русской арміи именно у Ляояна, такъ какъ этимъ достигался значительный выигрышъ времени, на что вѣроятно и рассчитывалъ японскій стратегъ. Тѣмъ не менѣе операція наступленія всѣхъ 3-хъ японскихъ армій велась крайне медленно, ибо разстояніе отъ Тюренчена до Тунсинпу протяженіемъ всего въ 200 верстъ пройдено почти въ 4 мѣсяца (18 апрѣля—11 августа), а разстояніе отъ Бичиво—Догушанъ до Айшаньчжана протяженіемъ въ 250—200 верстъ пройдено въ 3½ мѣсяца (1 мая—15 августа). Я не могу конечно знать всѣхъ причинъ, заставившихъ Ояму жертвовать столь драгоцѣннымъ для него элементомъ, какъ время, но уже только въ этомъ одномъ фактѣ ясно видно несовершенство проявленнаго въ эту войну нашимъ врагомъ военнаго искусства. Дѣйствительно: а) планъ войны былъ не только составленъ заблаговременно, но прорепетированъ за нѣсколько лѣтъ назадъ (японско—китайская война); б) подготовка арміи къ войнѣ во всѣхъ деталяхъ, т. е. въ отношеніи мобилизаціи, сосредоточенія, перевозки моремъ, снабженія и пополненія, конечно была блистательна; г) знаніе театра военныхъ дѣйствій баснословное, потому что армію велъ тотъ же генеральный штабъ, который уже провелъ ее одинъ разъ, и большинство котораго жило на театрѣ военныхъ дѣйствій въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ до войны; д) пути сообщенія были разработаны въ совершенствѣ противникомъ, т. е. русскими, и е) наконецъ противникъ же позаботился подготовить до нѣкоторой степени и продовольствіе. Ну, при такихъ условіяхъ, подвести къ полю рѣшительнаго сраженія 200 —150 тысячную армію со скоростью полутора верстъ въ сутки не есть образецъ военнаго искусства.

Да не подумаютъ однако читатели, что такое медленное, не выдерживающее никакой критики наступленіе японскаго полководца было обусловлено тѣмъ сопротивленіемъ, которое ему оказывалъ его русскій коллега, стремившійся использовать всѣ тактически выгодныя позиціи Маньчжу-

ріи*). Такое зяблужденіе легко опровергнуть. Избранныхъ Куропаткинымъ на несчастіе русскаго оружія въ первомъ же столкновеніи съ врагомъ на сухомъ пути (на морскомъ мы уже давно пострадали) знаменитыхъ генерала Засулича и полковника Орановскаго Куроки однимъ боемъ отогналъ сразу на 150 верстъ; какъ только былъ убитъ Графъ Келлеръ, Восточный отрядъ тотчасъ вспомнилъ опытъ Засулича, тѣмъ болѣе что начальникомъ его штаба оставался тотъ же герой тюренченской паники Орановскій, и поспѣшно убрался на Ляньдясанскую позицію, поближе къ Ляояну; если онъ не промахнулъ дальше, то конечно лишь благодаря принципу нашего противника: никогда не преслѣдовать, не развивать одержанный успѣхъ — словомъ строить побѣжденному золотой мостъ. Что касается Южнаго фронта Маньчжурской Арміи, то конечно не Вафангоу остановило японцевъ, ибо всѣ остальные позиціи были отданы почти безъ боя; на югѣ, благодаря такимъ кавалерійскимъ офицерамъ, какъ Вороновъ и комп., лихорадка отъ одной мысли о появленіи японцевъ вибрировала чуть ли не съ 20-хъ чиселъ марта мѣсяца, когда еще не было въ Маньчжуріи ни одного японца (кромѣ конечно переодѣтыхъ китайцами шпионовъ); передъ же самымъ генеральнымъ сраженіемъ— 13, 14, 15-го августа мы просто приглашали противника наступать, даря ему желѣзную дорогу съ оборудованными станціями и даже обильными запасами интендантскаго довольствія, вѣроятно заманивая къ Ляояну... и заманили.

Итакъ японцы потеряли массу времени и доползли до сцены „трагедіи Ляоянъ“ только къ 7-ми часамъ утра 11-го августа, когда начали обстрѣливать, или вѣрнѣе сами были обстрѣляны передовымъ отрядомъ 3-го Сибирскаго

*) Да послужить смягчающимъ Куропаткину вину обстоятельствомъ то, что онъ покрылъ себя лаврами въ песчаныхъ степяхъ Аравійской пустыни, т. е. въ Средней Азіи, гдѣ дѣйствительно позицій немного; въ Маньчжуріи же позиція на каждой сопкѣ, и естественно увлечся ихъ использованием... Однако капитанъ, позднѣе подполковникъ генеральнаго штаба Куропаткинъ воевалъ и на Балканахъ... но и тамъ, и тутъ онъ состоялъ при Скобелевѣ, исполнялъ порученія Скобелева, а здѣсь въ Маньчжуріи, увы, Скобелева не было.

Корпуса у д. Тунсинпу; это было начало послѣдняго акта задуманной Оямой операціи наступленія на русскую армію, съ цѣлью нанесенія ей рѣшительнаго удара, т. е. завязка генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ.

Интересно рѣшить вопросъ: былъ ли уже задуманъ японскимъ главнокомандующимъ, въ минуту завязки генеральнаго сраженія, планъ его выполненія, т. е. нанесенія рѣшительнаго пораженія врагу не только принужденіемъ очистить окрестности Ляояна, но и совершеннымъ разбитіемъ арміи. Конечно врядъ ли Ояма могъ предугадать, что участь сраженія будетъ рѣшена на правомъ берегу р. Тайцзы, въ окрестностяхъ Янтайскихъ копей, но все-таки полагаю, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно.

10-го августа, готовясь на слѣдующій день однимъ смѣлымъ порывомъ захватить котловину Тунсинпу и сбить правый флангъ Ляньдзясанской позиціи, японцы вѣроятно предполагали, что участь великаго историческаго событія будетъ рѣшена на лѣвомъ берегу р. Тайцзы; они намѣревались опрокинуть Восточную группу Русской Маньчжурской арміи въ р. Тайцзы и отрѣзать пути отступленія Южной группы; когда же этотъ планъ не удался, вслѣдствіе пораженія Японской Гвардіи 11—13-го августа, при Тунсинпу и Тасигоу, но все же побѣдившія Русскія войска, очистивъ свои позиціи и отступая къ Ляояну, тѣмъ самымъ продолжали выказывать абсолютную пассивность и отказъ отъ маневрированія, то Ояма рѣшился на болѣе рискованную операцію—перенесеніе дѣйствій своимъ правымъ флангомъ на правый берегъ р. Тайцзы, чтобы устроить Русской арміи нѣчто въ родѣ Седана, для чего однако у него не хватило силъ, ибо своимъ доблестнымъ боемъ русскіе корпуса окончательно ихъ подорвали. Такое предположеніе основано на соблюденіи нашимъ противникомъ самыхъ простыхъ требованій военнаго искусства: 1) элементарное правило стратегіи состоитъ въ томъ, чтобы стремиться отрѣзать путь отступленія противнику, 2) полное игнорированіе русскимъ военно-начальникомъ своего важнѣйшаго лѣваго фланга; вѣдь Куропаткинъ обратилъ все свое вниманіе на укрѣпленіе и прочное занятіе позицій

для обезпеченія южнаго и юго-восточнаго фронта своей базы Ляояна; безъ всякаго сомнѣнія японцамъ было извѣстно, что мы не позаботились достаточно приспособить позицію Сыквантунъ—копи Янтай.

А если это такъ, то значеніе удерживанія за собою Анпинской и Ляндясанской позицій возможно продолжительное время имѣло первостепенное значеніе: японцы не могли приступить къ осуществленію задуманной ими операціи на правомъ берегу р. Тайцзы, пока имъ не удалось сбить насъ съ этихъ позицій. При условіи, что вплоть до 16 августа удары наносились исключительно на Восточный фронтъ Маньчжурской Арміи, Куропаткинъ имѣлъ полную возможность поддержать корпуса Бильдерлинга; мало того, побѣдное начало брешь—я говорю про дѣйствія 3-го Сибирскаго корпуса 11—13 августа—давало возможность намъ перейти въ наступленіе, и конечно отъ этого общее положеніе дѣлъ могло только выиграть. Въ этомъ смыслѣ бои у Тунсинпу и Тасигоу получаютъ еще большее стратегическое значеніе. Но Куропаткинъ совершенно не отдавалъ себѣ отчета въ обстановкѣ и съ легкимъ сердцемъ послалъ приказъ очистить Ляндясанскую позицію, т. е. сыгралъ въ руку Оямѣ, предоставивъ ему полную возможность осуществить задуманный имъ рѣшительный ударъ на нашъ лѣвый флангъ и тылъ.

Продолжаю описаніе боя ввѣреннаго мнѣ отряда 14-го августа.

Съ 6 часовъ утра японцы открыли рѣдкій ружейный огонь съ дальнихъ дистанцій и вели его такимъ образомъ въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ. Люди варили чай за гребнями и по очереди пили, закусывая сухарями. Все слѣдовательно шло благополучно, но въ самомъ началѣ перестрѣлки мнѣ донесли, что тяжело раненъ фельдфебель 10-й роты Сѣровъ. Это была большая потеря для отряда, ибо не всякій офицеръ могъ замѣнить героя. Къ сожалѣнію, рана оказалась весьма серьезной (въ животъ, и черезъ нѣсколько дней онъ скончался въ санитарномъ поѣздѣ). Около 8 часовъ утра японская артиллерія начала обстрѣливать расположеніе 12 стрѣлковаго полка и, какъ казалось

намъ, довольно удачно, такъ что черезъ часть времени нѣкоторыя сопки были очищены; японцы пристрѣливались чрезвычайно ловко. Я запретилъ совсѣмъ отвѣчать на ружейный огонь противника, отчасти потому что вообще считаю бесполезной стрѣльбу на дистанцію болѣе 1500 шаговъ, да кромѣ того не хотѣлъ сразу обнаруживать противнику наше расположеніе; наконецъ слѣдовало беречь патроны для болѣе рѣшительныхъ минутъ боя.

Не помню, въ которомъ часу пришло предложеніе (а не приказаніе) г. Кашталинскаго, „попробовать перейти въ наступленіе и взять д. Тасигоу“. Въ это время положеніе 12-го полка было уже серьезно, и до двухъ баталіоновъ противника медленно, но шагъ за шагомъ, подвигались къ нашей позиціи. Зарайскій полкъ стоялъ своимъ правымъ флангомъ по крайней мѣрѣ на $1\frac{1}{2}$ версты уступомъ назадъ. При такой обстановкѣ я не задумался отвѣтить на сдѣланное мнѣ предложеніе приблизительно слѣдующими словами: „если вчера ввѣренный мнѣ отрядъ, Зарайскій полкъ и отрядъ г. Столицы не взяли Тасигоу и отошли, то въ настоящую минуту въ моемъ распоряженіи имѣется всего 2 разстрѣлянныхъ, голодныхъ и босыхъ роты“. Тѣмъ не менѣе я тотчасъ послалъ командиру Зарайскаго полка п. Мартынову приглашеніе начать наступленіе. На это получилъ въ самомъ непродолжительномъ времени категорическій отказъ и еще товарищескую частную приписку о бесполезности предлагаемой попытки, которая, по мнѣнію Мартынова, могла повести только къ напраснымъ потерямъ. Впрочемъ я заранѣе зналъ какой могъ послѣдовать отвѣтъ и предупредилъ объ этомъ отряднаго адъютанта сотника Васильковскаго. Исправлявшій должность начальника штаба г. Кашталинскаго подполковникъ Гиршфельдъ послѣ войны объяснилъ мнѣ мотивы сдѣланнаго мнѣ предложенія „взять Тасигоу“ слѣдующимъ образомъ: „явились серьезныя опасенія за положеніе отряда г. Столица, стоявшаго лѣвѣе, и поэтому рѣшились, для выручки его изъ критическаго положенія, пожертвовать ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, считая его способнымъ на самыя рѣшительныя и энергичныя дѣйствія“. Такъ какъ взять Тасигоу было мнѣ

предложено, а выполнить это съ 2 ротами и 3 сотнями (разстрѣлянными) я не видѣлъ возможности, и, по данной обстановкѣ, выручать мнѣ было некого, то, какъ тогда, такъ и теперь, удовлетворенъ своимъ рѣшеніемъ—не дѣлать напрасной попытки, тѣмъ болѣе, что командиръ Зарайскаго полка рѣшительно отказалъ въ своемъ содѣйствіи. Прикрытіе же отхода отряда г. Столица было выполнено ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго описанія, въ полной мѣрѣ, насколько того требовала обстановка.

Выше я нѣсколько разъ говорилъ, что съ утра 12 августа ожидалъ прибытія подкрѣпленія отряду въ составѣ 2-хъ ротъ 9-го В.-С. стр. полка подъ начальствомъ князя Амилахори, столь отличавшагося наканунѣ въ дѣлѣ Зарайцевъ: такъ какъ по прежнему подкрѣпленіе не прибывало, а ряды ротъ отряда сильно порѣдѣли, да къ тому же, по ходу боя въ 12-мъ полку, было уже замѣтно скорое очищеніе позиціи, то приходилось думать объ исполненіи возложенной на насъ серьезной задачи прикрытія отступленія нашихъ войскъ. Въ виду сего я напомнилъ г. Кашталинскому о необходимости прибытія наконецъ подкрѣпленія. Просьба была уважена, и, примѣрно черезъ часъ (около полудня), прибыли 2 роты Зарайцевъ, что было очень кстати, такъ какъ противникъ заставилъ часть 12 полка очистить свою позицію.

На нашемъ участкѣ японцы начали готовить атаку артиллерійскимъ огнемъ и, какъ то сразу прекративъ обстрѣливаніе участка 12 полка, направили огонь не менѣе 2-хъ батарей на насъ. Однако, подобно тому какъ и 12 августа, результаты дѣйствій японской артиллеріи были совершенно полевые: всѣ снаряды дѣлали огромные перелеты и рвались далеко сзади насъ, за тыловыми по отношенію къ намъ гребнями. Странно, до чего капризное дѣло артиллерійская стрѣльба: очевидно по насъ стрѣляли тѣ же, или часть тѣхъ же батарей, которыя такъ быстро пристрѣлялись по позиціи 12 полка, а теперь онѣ никакъ не могли перейти на пораженіе по моимъ ротамъ и, выпустивъ не одну сотню снарядовъ, достигли лишь единственнаго результата, изба-

вивъ меня отъ моего ординарца. Я остановлюсь на этомъ случаѣ, потому что онъ характеризуетъ въ нѣкоторой степени ненормальность моральнаго состоянія нѣкоторыхъ офицеровъ.

Какъ разъ передъ переносомъ огня съ участка 12 полка мы, сидя на высокой сопкѣ, слѣдили за попаданіями шрапнели по одной изъ сопокъ занятыхъ ротою, по которой японцы особенно удачно пристрѣлялись. Состоявшій при мнѣ ординарцемъ офицеръ *) довольно, хладнокровно высказывалъ свою оцѣнку искусной стрѣльбѣ непріятеля. Вдругъ надъ нашими головами загудѣло, и черезъ минуту сзади насъ послышался трескъ шимозы. Еще разъ... и то же самое... Офицеръ совершенно измѣнился въ лицѣ и жалобнымъ тономъ спросилъ: „да что же это такое?“— „Это теперь по насъ“—отвѣтили ему,—„ждите разрывовъ поближе, если они такъ же удачно пристрѣляются, какъ по 12 полку“. Я не имѣлъ болѣе времени слѣдить за ординарцемъ, такъ какъ былъ занятъ распоряженіями, но позднѣе, видя повтореніе перелетовъ, вспомнилъ, что они опасны для стоявшихъ въ резервѣ казаковъ, и тотчасъ отдалъ приказаніе: „поѣзжайте и передайте есаулу Желтухину, чтобы онъ немедленно перемѣнилъ мѣсто стоянки резерва; во всякомъ случаѣ, чтобы не держалъ казаковъ подъ огнемъ“. Подъесаулъ немедленно побѣжалъ внизъ и вѣроятно ускорился. Онъ не вернулся затѣмъ ко мнѣ почти до конца боя. Конечно нѣкоторое чувство не позволило ему пріѣхать вновь на мѣсто, гдѣ уже тогда начинали ревѣть снаряды и свистать пули, а черезъ нѣсколько минутъ началось настоящее дѣло.

Прибывшія роты зарайцевъ расположились: одна продолжила лѣвый флангъ моихъ ротъ, а другая на позиціи уступомъ назадъ слѣва, для прикрытія отхода отряда. Бой разгорался; роты уже были въ полномъ огнѣ, но несли, благодаря отличному укрытію, малыя потери. Я видѣлъ, какъ постепенно очищали свою позицію сосѣдніе участки, но все еще ожидалъ приказанія отступать.

*) Изъ числа патентованныхъ развѣдчиковъ, избранныхъ изъ драгунскихъ полковъ и получавшихъ усиленнаго размѣра суточныхъ деньги.

Наконецъ пришла записка отъ г. Столица, и я приказалъ ротамъ 9-го полка послѣдовательно отходить назадъ къ перевалу; полурота Зарайцевъ должна была присоединиться къ уже готовой къ бою на второй позиціи ротѣ того же полка. Есаулу Желтухину было приказано спѣшить всѣхъ казаковъ еще дальше назадъ уступомъ, чтобы принять на себя отступающихъ Зарайцевъ, а, для прикрытія ихъ отхода, 10-я рота капитана Томашевского должна была занять 4-ю позицію.

Отдавъ всѣ распоряженія и не сомнѣваясь, что они будутъ выполнены въ точности, я считалъ своимъ долгомъ руководить лично выходомъ изъ боя тѣхъ трехъ ротъ, на которыя легла вся тяжесть боя послѣднихъ минутъ, на главной покидаемой позиціи. Вопросъ усложнялся тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ части должны были, спустившись сперва въ мертвое пространство, переходить затѣмъ черезъ перевалъ, на которомъ именно сосредоточивался перекрестный ружейный огонь противника. Я говорю перекрестный, потому что, съ отходомъ 12 полка, японцы уже нѣсколько охватили нашъ лѣвый флангъ, а такъ какъ Зарайцы тоже уже начали отступать (правѣ насъ), то и оттуда былъ направленъ на насъ продольный, или во всякомъ случаѣ косой огонь. Оставивъ свой командующій наблюдательный пунктъ, я спустился къ перевалу, приказалъ увести всѣхъ верховыхъ коней внѣ сферы огня и влѣзъ на небольшую кумирню у самой дороги. По степени обстрѣливанія этого пункта только ружейнымъ огнемъ (японцы продолжали усиленно обстрѣливать артиллеріей нашъ тылъ на такомъ разстояніи и въ такомъ направленіи, что не могли причинить къ счастью ни малѣйшаго вреда своими снарядами—преимущественно шимозами) я сперва думалъ, что вывести безъ огромныхъ потерь не придется ни одну роту, но всего въ нѣсколькихъ шагахъ замѣтилъ оврагъ—промоину, глубиною полторы сажени, по которой и слѣдовало выводить всѣхъ людей. Какъ разъ въ эту минуту начали подходить стрѣлки 10-й роты. Я указалъ направленіе и началъ слѣдить за начинавшимся боемъ Зарайцевъ со второй позиціи, когда увидѣлъ большую толпу въ полномъ без-

порядкѣ отступавшихъ стрѣлковъ. Оказалось, что то были 3 — 4 роты 12 полка, взявшія невѣрное направленіе, такъ сказать, запутавшіяся въ сопкахъ и очутившіяся въ расположеніи моего отряда. Ихъ присутствіе могло сдѣлать положеніе критическимъ, такъ какъ онѣ запрудили и безъ того узкую щель, черезъ которую былъ единственный выходъ отряду. Въ виду сего я крикнулъ 10-й ротѣ: „Дѣти, бѣгомъ, проходите какъ можно скорѣе. У насъ не бѣгаютъ но, когда нужно, я приказываю бѣжать, чтобы очистить дорогу“. Стрѣлки засмѣялись, крикнули мнѣ: „Ваше Высокоблагородіе, сойдите внизъ, просимъ“, и, скорѣе бѣглымъ шагомъ, а не бѣгомъ, рота въ стройномъ порядкѣ исчезла въ оврагѣ. Я приказалъ 9-й ротѣ немедленно остановиться и выждать, пока не пройдутъ всѣ стрѣлки 12 полка, которыхъ мнѣ удалось вывести въ 20—30 минутъ времени. Когда преслѣдовала послѣднюю 9-я рота, и я увѣрился въ твердости расположенія полутора ротъ Зарайцевъ на ихъ второй позиціи, то сошелъ съ кумирни, присоединился къ стоявшей у обрыва свитѣ и поздравилъ ихъ съ благополучнымъ ходомъ дѣла. Дѣйствительно японцы продолжали совершенно безрезультатную артиллерійскую стрѣльбу, а, вмѣсто того, чтобы удвоить энергію своего наступленія, или даже перейти въ атаку, продолжали обстрѣливать усиленнымъ ружейнымъ огнемъ покинутую нами позицію и переваль, который также былъ очищенъ. Охватъ нашего лѣваго фланга замеръ, и только около двухъ ротъ, съ разстоянія до 800 шаговъ вступили въ состязаніе съ Зарайцами, расположившимися на второй позиціи. Я пошелъ вслѣдъ за отступавшей 9-й ротой и вышелъ къ коноводамъ есаула Желтухина, которому приказалъ обстрѣливать японцевъ, угрожавшихъ атакой Зарайцамъ. Получивъ донесеніе отъ послѣднихъ, что противникъ не только не наступаетъ, но прекращаетъ огонь, я отдалъ приказаніе отходить и Зарайцамъ, приказалъ Желтухину дожидаться ихъ отхода и затѣмъ, очистивъ позицію, либо пристроиться къ позиціи Томашевского (10-й роты 9-го полка), если японцы будутъ продолжать преслѣдованіе, либо слѣдовать за 10-й ротой, не теряя связи съ противникомъ. Впрочемъ уже на позиціи

Желтухина было видно, что дѣло кончилось, и противникъ удовольствуется тѣмъ успѣхомъ, что мы очистили наши позиціи, которыя, кстати сказать, конечно можно было бы и не очищать, такъ какъ напоръ противника былъ въ этотъ день вообще сравнительно слабъ, а преслѣдованіе лишь обозначено.

Когда я прибылъ на позицію есаула Желтухина, то спросилъ его, не потерпѣли ли казаки отъ артиллерійскаго огня. Тутъ только вспомнилъ, что уже болѣе двухъ часовъ времени ко мнѣ не возвращался посланный съ приказаніемъ къ Желтухину офицеръ—ординарецъ. Желтухинъ сообщилъ мнѣ, что онъ видѣлъ его уже давно и получилъ отъ него мое приказаніе. Я понялъ въ чемъ дѣло и поэтому приказалъ такъ: „Есауль, немедленно пришлите мнѣ другого офицера ординарца, а этому передайте, что я его болѣе видѣть не желаю, такъ какъ онъ въ продолженіе двухъ часовъ не могъ вернуться ко мнѣ доложить объ исполненіи приказанія, и я отлично знаю почему“ *).

На позиціи 10-й роты Томашевскій доложилъ мнѣ, что въ цѣпи залегла всего полурота, такъ какъ повидимому противникъ прекратилъ бой и наступленіе. Я приказалъ ему подождать подхода казаковъ и отступать долиною Сянсанцзы-Вейдягоу, согласно полученнаго приказанія отъ Г. М. Столицы. Въ отношеніи получаемыхъ отъ этого генерала приказаній объ отступленіи, я былъ неоднократно поставленъ въ довольно странное положеніе: то приказывалось отходить, то—удерживаться на позиціи. Послѣднее приказаніе заключало въ себѣ именно приказаніе драться, но въ это время, согласно полученныхъ ранѣ распоряженій, ввѣренный мнѣ отрядъ уже очистилъ главную позицію, и только казаки и рота Томашевскаго прикрывали общее отступленіе. Однако на томъ конвертѣ, въ который было вложено приказаніе, спѣшно, карандашемъ было надписано: „отступайте“.

Такъ закончился бой за Ляньдясанскую позицію; мы его

*) Позднѣе офицеръ сознался мнѣ, что онъ можетъ выносить свистъ пуль, но совершенно не перевариваетъ звуковъ полета и разрыва артиллерійскихъ снарядовъ. Что дѣлать, были у насъ въ арміи и такіе офицеры!

начали и мы же его закончили, прикрывъ отступленіе другихъ частей. Конечно отступать было тяжело, но состояніе духа отряда послѣ непрерывныхъ трехъ-дневныхъ успѣховъ было прекрасное. Не смотря на утомленіе боями и маршами, всѣ были бодры и веселы. Надо было позаботиться о пищѣ, и сама судьба пришла намъ на помощь. Отѣзжая отъ позиціи казаковъ, мы встрѣтили стадо козловъ, гонимое китайцами намъ навстрѣчу, т. е. по направленію къ японцамъ. Я немедленно приказалъ гнать это стадо при нашей походной колоннѣ, когда отрядъ соберется, а пока поручилъ его своимъ вѣрнымъ вѣстовымъ. Козы пригодились намъ какъ нельзя болѣе кстати, и двое сутокъ весь отрядъ имѣлъ отличное мясо.

Конецъ 2-й части.

Ж. Дружининъ.

Харбинъ 1905 г.
Владивостокъ 1906 г.
Уральскъ 1907 г.
С. Петербургъ 1908 г.

П Р И К А З Ы

передовому отряду праваго фланга Восточнаго отряда
Маньчжурской Арміи.

Іюля 25 дня 1904 г., д. Тунсинпу. № 1.

1. По приказанію незабвеннаго, павшаго 18 числа сего мѣсяца на батарее атакованной врагомъ Тхавуанской позиціи, нашего Начальника, отдавшаго Свою Жизнь во славу Царя и Родины, Генераль-Лейтенанта Графа Келлера, я вступилъ въ командованіе отрядомъ 15 іюля. Мои боевые подчиненные и товарищи уже выполняли славную, боевую задачу съ 20-го іюня, при чемъ обѣ стрѣлковыя роты разили непріятеля съ послѣднихъ чиселъ марта. Мнѣ было болѣе чѣмъ легко продолжать исполненіе возложенной на отрядъ задачи, командуя такими боевыми обстрѣляемыми войсками. Поэтому теперь, послѣ 10-ти дневной напряженной совмѣстной, боевой дѣятельности, я прежде всего объявляю мою благодарность по долгу службы и отъ себя лично моему ближайшему помощнику Князю Амилахори, Г.г. Ротнымъ и Сотеннымъ Командирамъ, всѣмъ Г.г. офицерамъ, мое спасибо всѣмъ лихимъ молодцамъ стрѣлкамъ и казакамъ.

Мы можемъ думать и гордиться, что работали хорошо у Титуню, потому что со вчерашняго дня имѣемъ счастье выполнять новую, считаемую особенно важной нашимъ Начальникомъ, задачу. Мы выполнимъ и эту, и еще труднѣйшую такъ доблестно, какъ только могутъ дѣйствовать и сражаться Русскія войска. Выступивъ съ Мяолина въ 2 часа дня, имѣя противника передъ фронтомъ и на флангъ, по недоразумѣнію

обстрѣлянные (что иногда бываетъ при сложныхъ дѣйствіяхъ большого сгущеннаго количества войскъ) нашими же, мы въ полночь уже заняли указанное намъ мѣсто, а черезъ нѣсколько часовъ лихая 2-я сотня розыскала противника на всей указанной намъ линіи фронта, и 20—25 молодцовъ-казаковъ вели упорный огневой бой съ полуротой-ротой противника, нанеся ему существенный уронъ. 2 тяжелыхъ марша не только не утомили моихъ славныхъ стрѣлковъ, но сдѣлали ихъ еще бодрѣе и веселѣе; они бросили свой обозъ, чтобы оставаясь вдали отъ своихъ войскъ, не имѣть тыла, т. е. не дарить противнику своихъ вещей,—насъ онъ взять не можетъ нигдѣ; когда надо было,—въ виду достиженія въ срокъ указанного важнѣйшаго мѣста, ускорить движеніе, я приказалъ бросить и весь запасъ продовольствія; стрѣлки весело зашагали съ сухарями на одинъ день, зная, что прежде всего боевая задача, а вопросъ хозяйства отпадаетъ. Солнечная жара, а сейчасъ суточные ливни, обратившіе въ рѣчки даже тропинки, не утомляютъ стрѣлковъ и казаковъ, да и не могутъ помѣшать имъ: мы русскіе—для насъ нѣтъ невзгодъ и препятствій, когда мы должны соблюдать славу Царя и Отечества. Спасибо молодцамъ, Вы, русскіе богатыри.

2. Въ приказѣ В. отряду 23 іюля № 137 сказано: „Въ виду усиленныхъ и трудныхъ переходовъ, выпавшихъ на долю отряда Полковника Дружинина, разрѣшаю выдать нижнимъ чинамъ на предстоящую недѣлю по три чарки водки“. Предписываю озаботиться исполненіемъ сего приказа—Я не доносить по начальству о трудности переходовъ и, помните, никогда объ этомъ не донесу. Вы видите, начальство и безъ того знаетъ и заботится о насъ; взамѣнъ брошеннаго нами продовольствія было доставлено черезъ 24 часа—новое.

3. Предписываю К—ру 2-й сотни составить и представить мнѣ письменное подробное описаніе перестрѣлокъ 24 іюля, такъ какъ я хочу ходатайствовать о награжденіи наиболѣе отличившихся; выражаю ему особенную благодарность за установленіе соприкосновенія съ противникомъ 24 сего іюля—въ кратчайшее время—смѣло, рѣшительно и вѣрно.

4. 4-й роты унт.-оф. Корпицкій и ряд. Чаусъ, за точную, цѣнную, особенно важную развѣдку противника въ самомъ его расположеніи и подъ огнемъ, 2-й сотни вахмистръ Рожковъ и казакъ Бородинъ, за лихую развѣдку подъ сильнѣйшимъ огнемъ и храбро-искусное дѣйствіе подъ разстрѣломъ, а послѣдній еще и за то, что остался въ строю, получивъ двѣ раны, представлены мною къ наградѣ.

5. Объявляю особенно отличными развѣдки противника, произведенныя хорунж. Аничхинымъ (Никол.) и хорунж. Аничхинымъ (Григор.). 1-й—19 іюля развѣдывалъ подъ огнемъ партіи японцевъ, наступавшихъ южнѣе д. Уцзяфанъ и 23 іюля своевременно выяснилъ наступленіе противника на маршѣ изъ Мяолина къ Лаодитану и способствовалъ отряду въ достиженіи поставленной ему задачи—своевременнаго прибытія въ Тунсинпу. Мы не избѣгали боя, но не желали его, такъ какъ намъ было извѣстно, что выясненіе силъ и намѣреній противника въ этомъ районѣ были возложены на другіе сильнѣйшіе насъ отряды, а намъ надлежало прибыть возможно скорѣе въ Тунсинпу; 2-й—25-го іюля выяснилъ точно, что д. Нютхіяй не занята серьезными силами противника, а лишь частями сторожевого охраненія. Эти данныя не могутъ не имѣть серьезнѣйшаго значенія, какъ для нашего, передового, такъ и всего Восточнаго отряда.

6. 3-й сотни урядникъ Порушковъ 21 іюля отвезъ чрезвычайно важное донесеніе въ штабъ Восточнаго отряда и доставилъ отвѣтное приказаніе, сдѣлавъ непосредственно по окончаніи дневного перехода еще 70 верстъ въ 10 часовъ времени (дорога то вѣдь изъ Маньчжурскихъ!). За такое лихое исполненіе жалую ему 10 руб. Вахмистръ 3-й сотни опредѣлилъ мнѣ съ точностью 2-хъ минутъ время возвращенія Порушкова, — спасибо, старый, опытный служака, знаешь способность своихъ людей и крѣпость своихъ коней.

7. Предписываю всѣмъ чинамъ отряда никогда не пропускать ни одного изъ чиновъ (офицеръ или нижній чинъ—безразлично), возвращающихся отъ противника, безъ того, чтобы не направить ихъ ко мнѣ и, мало того, принять мѣры, чтобы я ихъ видѣлъ и говорилъ съ ними. Былъ случай, что

возвращался через нашъ отрядъ стрѣлокъ, пробывшій нѣсколько сутокъ въ районѣ противника. Трое изъ нашихъ говорили съ нимъ, посылали его ко мнѣ, а я его не видѣлъ. Этого не должно быть, такъ какъ мы составляемъ передовую и развѣдывательную часть; конечно, штабъ В. отряда получилъ бы нѣсколькими часами ранѣ важныя свѣдѣнія, если бы названный стрѣлокъ былъ у меня. Прошу обратить на это особенное вниманіе и внушить мое требованіе всѣмъ нижнимъ чинамъ.

8. Предлагаю князю Амилахори внушить Г.г. ротнымъ командирамъ, чтобы они впредь обращали большее вниманіе на точность исполненія подробностей моихъ приказаній.

9. Благодарю еще разъ всѣхъ и прошу помнить, что мои требованія по долгу службы будутъ всегда безпощадны, но за то моя благодарность по службѣ будетъ всегда во всей мѣрѣ предоставленной мнѣ власти, а лично я только и живу теперь для Васъ и Вами; у меня нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ Вашихъ, другой потребности, кромѣ желанія быть Вамъ полезнымъ командиромъ и отцомъ и раздѣлять съ Вами всѣ тягости и лишенія, которыя ведутъ насъ къ славѣ и славѣ.

10. Хорунжій Аничхинъ (Григорій) назначается мною съ сего числа исполняющимъ обязанности отряднаго адъютанта и освобождается отъ службы въ сотнѣ, кромѣ нарядовъ разъѣздной службы для соприкосновенія съ противникомъ.

11. Приказъ этотъ прочесть въ ротахъ и сотняхъ, причемъ, читая, передъ словомъ перваго пункта „незабвеннаго“, командовать: „шапки долой“, а послѣ словъ того же пункта: „Графъ Келлеръ“, командовать: „накройсь“.

Начальникъ Отряда Полковникъ Дружининъ.

Дополненіе къ приказу № 1.

Считаю промахомъ съ своей стороны, что не высказалъ благодарности въ приказѣ № 1 к-ру 2-й сотни за вожденіе колонны на ночномъ маршѣ изъ Лаодитана въ Тунсинпу и не только ему, но и всѣмъ чинамъ сотни, а въ особенности подъесаулу Исѣеву, а также подъесаулу Анчихину (Виктору) за вожденіе колонны на ночномъ маршѣ изъ Тыашентунь

въ Мяолинѣ. Если на первомъ ночномъ маршѣ (въ Мяолинѣ), при лунѣ, были нѣкоторыя недоразумѣнія, а второй (въ Тунсинпу) по труднѣйшей мѣстности, при совершенной темнотѣ, былъ исполненъ безъ осѣчки, то приписываю вину этихъ недоразумѣній всецѣло себѣ, въ томъ отношеніи, что заблѣлъ напомнить нѣкоторыя основныя правила. Что дѣлать, многое основное и простое забывается. Да послужить этотъ случай напоминаніемъ каждому изъ насъ, что никогда не слѣдуетъ забывать правилъ Устава Полевой службы, которыя должны жить въ насъ, такъ сказать, какъ Отче Нашъ. Нашъ Уставъ такъ совершененъ, какъ только могли создать его опытность и знаніе нашихъ учителей—славныхъ Генераловъ Начальниковъ Русской Арміи. Прошу возобновлять Уставъ въ памяти всѣхъ, при каждомъ свободномъ часѣ.

Начальникъ Отряда Полковникъ Дружининъ.

Августа 9-го дня 1904 г. № 2.

1. 7 августа 1-я и 4-я роты 9-го Восточно-Сибирскаго полка вышли изъ состава вѣреннаго мнѣ отряда, будучи замѣнены 9-ю и 10-ю ротами того же полка. Я уже имѣлъ случай выразить благодарность по службѣ и отъ себя доблестнымъ ротамъ. Теперь, разставаясь съ ними, я повторяю, что благодарю за службу Г.г. Ротныхъ Командировъ, Офицеровъ, а молодцамъ удалымъ стрѣлкамъ говорю отъ сердца спасибо. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на трудную сторожевую службу, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ погоды, я никогда не видѣлъ сумрачнаго усталаго взгляда. Бодрость, желаніе работать и дѣйствовать—вотъ что читалъ я въ глазахъ всѣхъ нижнихъ чиновъ. Спасибо Вамъ, Фельдфебеля, Унтеръ-офицеры и всѣ Рядовые.

2. Получивъ приказаніе Начальника Восточнаго Отряда произвести дальнюю развѣдку на югъ, съ цѣлью выясненія передвиженій противника между долинами Сидахыа и Ломогоу, я обратился къ вызову охотниковъ изъ 1-й роты. Вызвались старшій у.-офицеръ Кравченко, доброволецъ ефрейторъ Тихоновъ, ефрейторъ Тарандушка, стрѣлки Копыловъ, Игнатьевъ и Проценко. Отправившись на развѣдку въ 5 часовъ дня 29 іюля, охотники провели въ

расположеніи противника ровно 3 сутокъ, и добытыя ими свѣдѣнія должны быть отнесены къ самымъ важнымъ, при чемъ они проникли далеко за указанные мною имъ предѣлы развѣдки. Такой подвигъ говоритъ самъ за себя. Говоря молодцамъ развѣдчикамъ спасибо, объявляю, что вошелъ съ ходатайствомъ о награжденіи ихъ.

3. За 3 дня особенно сильныхъ дождей поднятіе воды въ долинѣ Киминсы—Шанматунъ заставило насъ потерять временно соприкосновеніе съ противникомъ; развѣзды пытались переправляться вплавъ, но я запретилъ это. По окончаніи ливней я приказалъ Сотнику Васильковскому во-первыхъ точно развѣдать главнѣйшее направленіе къ противнику, на Холунгоу—Нютхійай, а во-вторыхъ устроить поискъ въ районъ противника, для его тревоженія. Сот. Васильковскій исполнилъ возложенную на него задачу слѣдующимъ образомъ. Взявъ 4-хъ охотниковъ 9-й роты и 5 казаковъ, оно выступилъ 6 августа съ вечера на развѣдку противника и мѣстности. На слѣдующій день, изслѣдовавъ вполне точно и подробно указанное ему направленіе и избранный имъ самимъ районъ дѣйствій, онъ донесъ результаты своей развѣдки (весьма цѣнные и важные), и, притаившись на сопкѣ въ районѣ противника, слѣдя за его каждымъ развѣдчикомъ и щадя отдѣльныхъ японцевъ ради скрытности задуманнаго предпріятія, до полуночи выжидалъ прибытія остальныхъ охотниковъ. Тѣмъ не менѣе китайцы, а можетъ быть и бдительность нашего осторожнаго врага, выдали убѣжище Васильковского, но въ ту минуту, когда японцы лѣзли на сопку, съ нашей стороны прибыло подкрѣпленіе въ составѣ 21 стрѣлка и 4 казаковъ. Появленіе нашихъ заставило японцевъ быстро удалиться. Въ виду такой обстановки, Сот. Васильковскій, давъ отдыхъ прибывшей командѣ, пошелъ дальше, пользуясь покровомъ темноты, въ глубь расположенія противника, по горамъ. Искусно минуя посты противника, команда пробралась значительно впередъ, но густой туманъ не позволилъ произвести подробныхъ наблюдений. Установлено, что расположеніе противника не измѣнилось, и д. Нютхійай по прежнему занята только сторожевою частью противника. По всей вѣроятности

сти развѣдчики, при возвращеніи своемъ на Холунгоу, были бы встрѣчены сотней японцевъ, вышедшей имъ въ тылъ, если бы намъ не удалось отбросить ихъ утромъ того же дня. Оцѣнивая во всѣхъ отношеніяхъ доблестную, безстрашную и полезную дѣятельность всѣхъ участниковъ развѣдки, я прежде всего благодарю организатора и исполнителя всего дѣла Сотника Васильковскаго, а также благодарю всѣхъ стрѣлковъ и казаковъ за удалъ, лихость и рвеніе.

4. 8 августа наша команда развѣдчиковъ подъ начальствомъ Сотника Васильковскаго, отправившаяся на поискъ въ расположеніе противника, могла быть отрѣзана засадой японцевъ у д. д. Хоганза—Холунгоу, о чемъ донесъ мнѣ сотникъ Зеленовъ, высланный впередъ именно для обезпеченія возвращенія команды, съ полусотней 3-й сотни 2-го Читинскаго полка. Не доходя д. Хоганзы, японцы обстрѣляли казаковъ и убили одну лошадь. Тогда я двинулся немедленно на помощь съ полуротой, подъ начальствомъ Капитана Кантарова, а надъ полусотней принялъ начальство Есаулъ Князь Долгоруковъ. Полуротѣ пришлось пройти боевымъ порядкомъ болѣе 2-хъ верстъ въ гаюлянѣ и перейти 3 раза въ бродъ горный потокъ по поясъ и выше въ водѣ. Это движеніе исполнено быстро, сноровисто и увѣренно, при постоянномъ ожиданіи перестрѣлки, такъ какъ противникъ отступалъ передъ нами. Для дѣйствія противнику во флангъ я приказалъ Князю Долгорукову выйти къ д. Хоганзѣ по противоположному берегу рѣки, предоставивъ ему полную самостоятельность. Не смотря на кружной путь и вѣроятность быть обстрѣлянной съ сопокъ, полусотня быстро, развѣдывая на ходу, рѣшительнымъ движеніемъ все время обходила расположеніе противника, поддерживая связь со стрѣлками и, такъ сказать, очищая имъ дорогу. И полурота и полусотня выполнили передъ этимъ трехъ-дневный нарядъ сторожевой службы. Объявляю мою благодарность по службѣ Есаулу Князю Долгорукову, Капитану Кантарову, всѣмъ стрѣлкамъ и казакамъ.

5. Обувь въ обѣихъ ротахъ находится въ отчаянномъ состояніи: есть босые, которые ходятъ такъ въ бой и походъ. Я досталъ 200 паръ китайскихъ уль, которыя предписываю

командирамъ ротъ немедленно купить и раздать стрѣлкамъ.

Начальникъ Отряда Полковникъ Дружининъ.

Приложеніе 2-е.

Краткое описаніе совмѣстныхъ дѣйствій для отраженія обхода японцевъ на правомъ флангѣ Восточнаго отряда въ бою при Ланьдясанѣ 13 августа.

Правый флангъ Восточнаго отряда, въ составѣ 24 В. С. стрѣлковаго полка и четырехъ батарей подъ общей командой полковника Лечицкаго занималъ позицію на высотахъ къ югу и юго-западу отъ с. Кофынцы.

Еще 12 августа явилось опасеніе, что непріятель обойдетъ насъ съ этой стороны.

Въ виду этого въ десятомъ часу вечера 12-го августа, командиру 2-ой бригады 3-й В. С. стрѣлковой дивизіи г.-м. Столица, съ 2-мя баталіонами 9-го и 2-мя баталіонами 12-го В. С. стрѣлковыхъ полковъ, при четырехъ орудіяхъ пограничной стражи, было приказано: выбрать и къ разсвѣту занять позицію, съ цѣлью обезпечить правый флангъ Восточнаго отряда вообще и позицію п. Лечицкаго въ частности.

Произведя при свѣтѣ луны рекогносцировку, г. Столица къ разсвѣту занялъ позицію на высотахъ въ 1½ верстахъ къ югу отъ д. Чандяопу, фронтомъ на Тасигоу-Сесигоу.

Въ то же время полковнику Дружинину съ 2-мя ротами и 2-мя сотнями было приказано занять позицію правѣе г. Столица, на высотахъ у перевала въ полтора верстахъ къ юго-западу отъ д. Чандяопу *).

Какъ только начало свѣтать, артиллерія непріятеля со стороны д. Тунсинпу открыла огонь по позиціи г. Столицы, а вскорѣ было обнаружено и наступленіе непріятельской пѣхоты по долинамъ отъ д. д. Катасы и Сесигоу.

Встрѣченные дружными залпами стрѣлковъ, японцы по-

*) Такого приказанія я никогда не получалъ. К. Дружининъ.

вернули назадъ. Послѣ этого непріятель нѣсколько разъ пытался проникнуть въ томъ же направленіи и по сосѣднимъ болѣе западнымъ долинамъ, но всякій разъ возвращался обратно, не выдерживая мѣткаго огня батареи и стрѣлковъ. Затѣмъ японцы начали движеніе по долиנѣ Тасигоу-Павшугоу, протянувшись своимъ крайнимъ лѣвымъ флангомъ почти до послѣдней деревни и угрожая обходомъ не только отряду г. Столицы, но и отряду п. Дружинина.

При такихъ условіяхъ г. Грековъ выдвинулъ для дальнѣйшаго обезпеченія фланга войскового старшину Висчинскаго, съ отрядомъ изъ 10-й роты 12-го В. С. стрѣлковаго полка, 1-й и 4-й сотень 2-го Верхнеудинскаго казач. полка.

Въ девятомъ часу утра Висчинскій занялъ своимъ отрядомъ (при чемъ казаки были спѣшены) высоту въ полуверстѣ восточнѣе деревни Павшугоу (эта высота выдвигается въ долину и съ нея послѣдняя видна продольно почти до самаго устья ея у Тасигоу). Здѣсь къ нему присоединилась конная охотничья команда 12-го В. С. стрѣлковаго полка, тоже въ пѣшемъ строю.

Японцы очевидно готовились къ производству атаки на линіи Тасигоу-Павшугоу, во флангъ общему расположенію Восточнаго отряда. Съ этою цѣлью они въ одиночку и небольшими кучками перебѣгали съ западной стороны долины (Тасигоу-Павшугоу) на восточную, собирались въ укрытыхъ лощинахъ и затѣмъ продвигались впередъ. Точно также было обнаружено наступленіе непріятеля и со стороны Тасигоу, гдѣ онъ частью укрѣпился на высотахъ сѣвернѣе этой деревни, частью же распространялся вверхъ по долинѣ и по горамъ къ востоку отъ нея. Насколько выяснилось изъ обстоятельствъ послѣдующаго боя, силы японцевъ на участкѣ Тасигоу-Павшугоу были не менѣе бригады пѣхоты.

Въ случаѣ если бы непріятелю удалось отгѣснить отряды г. Столицы, п. Дружинина и в. ст. Висчинскаго, то положеніе праваго фланга Восточнаго отряда сдѣлалось бы критическимъ и во всякомъ случаѣ батареи расположенныя къ юго-западу отъ Кофынцы не удалось бы вывезти.

Понемногу накапливая свои силы въ горныхъ лощинахъ

восточнѣ долины Тасигоу-Павшугоу и въ самой долинѣ у ея восточнаго обрывистаго края, японцы въ то же время поддерживали оживленную перестрѣлку съ нашими отрядами и дѣлали даже попытки къ частнымъ переходамъ въ наступленіе.

Въ 10 час. утра къ высотѣ, на которой былъ расположенъ отрядъ в. ст. Висчинскаго, подошла, изъ долины Сянсанцзы — Чандяопу голова Зарайскаго полка. Этотъ полкъ былъ направленъ командующимъ арміей отъ Цофантуня (изъ окрестностей Ляояна) съ приказаніемъ: „обезпечить отъ обхода правый флангъ Восточнаго отряда занимавшаго Ляньдясянскую позицію.“

Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, командиръ полка п. Мартыновъ рѣшилъ немедленно перейти въ наступленіе прямо во флангъ обходившему противнику. Принявъ это рѣшеніе, командиръ полка направилъ: 1-й баталіонъ — по западному краю долины Павшугоу—Тасигоу; 3-й баталіонъ — по восточному краю той же долины; 4-й баталіонъ — по горамъ восточнѣ долины; 2-й баталіонъ за четвертымъ въ резервъ.

Пѣшей охотничьей командѣ было приказано двинуться по горамъ западнѣ долины, коннымъ охотникамъ охранять правый флангъ, а состоявшему при полку 6-му эскадрону Черниговскихъ драгунъ — оставаться у дер. Павшугоу для обезпеченія тыла.

Конечную цѣлью наступленія было поставлено: по возможности совершенно отгѣснить обходившія непріятельскія части, для чего слѣдовало продвинуться на высоты сѣвернѣ Тасигоу, т. е. выйти на одну линію съ фронтомъ позиціи Восточнаго отряда.

Наступленіе Зарайцевъ началось въ 12-мъ часу дня. Пораженные неожиданнымъ появленіемъ цѣлаго полка, японцы пытались загнуть свой крайній лѣвый флангъ и при помощи частаго огня удержаться на сопкахъ и кряжахъ восточнѣ долины.

Тѣмъ временемъ Висчинскій съ своимъ отрядомъ перешелъ долину Павшугоу—Тасигоу и поднялся на высоты къ западу отъ нея, гдѣ къ нему примкнула пѣшая охотничья

команда Зарайскаго полка. Отсюда былъ обнаруженъ непріятельскій резервъ, въ густой колоннѣ стоявшій въ восточномъ изгибѣ долины за кряжемъ. Висчинскій открылъ по этой колоннѣ самый частый огонь съ предѣльныхъ дистанцій.

Колонна быстро разсыпалась и скрылась за горами, оставивъ на мѣстѣ много труповъ.

Между тѣмъ, двѣ роты Дружинина выдвинулись съ своей первоначальной позиціи и открыли огонь съ восточной стороны.

Въ то же время г. Столица, не зная еще о прибытіи Зарайскаго полка, но, слыша правѣ своей позиціи участвующую стрѣльбу, приказалъ полковнику князю Амилахори съ 2¹/₂ ротами перейти въ наступленіе. Назначить для этого большія силы онъ не могъ, такъ какъ онъ уже выслалъ значительную часть своего отряда на поддержку п. Леичкаго, противъ котораго сосредоточивались значительныя силы непріятеля.

При указанныхъ условіяхъ, тѣснимые съ сѣверо-запада (со стороны Павшугу) Зарайскимъ полкомъ, а съ востока 2¹/₂ ротами Амилахори, осыпаемые пулями съ трехъ сторонъ, японцы нигдѣ не могли задержаться и скоро принуждены были къ безпорядочному отступленію и даже бѣгству, провожаемые огнемъ орудій г. Столицы. *)

Около 2-хъ часовъ дня передъ наступавшими частями оставались лишь быстро отходившіе одиночные люди и небольшія кучки противника. Около этого же времени отъ подпоручика Бойсмана, охранявшаго съ конными охотниками Зарайскаго полка правый флангъ боевого порядка, было получено донесеніе о томъ, что къ Елюинцзы въ трехъ верстахъ къ западу отъ Тасигуо собираются части японской пѣхоты, а сѣвернѣе этой деревни, въ долинѣ, стоитъ полкъ непріятельской кавалеріи.

При такихъ условіяхъ, признавая излишнимъ дальнѣйшее наступленіе цѣлымъ полкомъ и опасаясь оставить

*) Значить вѣрнѣйшій мнѣ отрядъ совсѣмъ бездѣйствовалъ.

Е. Дружининъ.

правый флангъ Восточнаго отряда безъ прикрытія, п. Мартыновъ приказалъ 4 и 2 баталіонамъ Зарайцевъ продолжать преслѣдованіе до высоты сѣвернѣе Тасигоу, а остальнымъ двумъ баталіонамъ снова подняться на горы и составить заслонъ фронтомъ на западъ.

Около трехъ часовъ пополудни наступавшія части Зарайцевъ вышли на обрывистую высоту сѣвернѣе д. Тасигоу. Здѣсь онѣ оставались до наступленія темноты, перестрѣливаясь съ непріятелемъ расположеннымъ по другую сторону долины Тасигоу—Кофынцы.

Вечеромъ весь Зарайскій полкъ снова собрался у д. Павшугоу. Одновременно съ Зарайцами на высоты у Тасигоу вышли также нѣкоторыя роты изъ отряда г. Столицы, но послѣдній около 5 час. вечера, узнавъ о присутствіи тамъ Зарайцевъ, отозвалъ ихъ обратно, такъ какъ въ это время всѣ его резервы были уже израсходованы на поддержку п. Лечицкаго.

Что касается отряда в. ст. Висчинскаго, то онъ остановился на высотѣ, не доходя версты полторы до большой долины Тасигоу — Кофынцы. Продвигаться дальше онъ считалъ опаснымъ, такъ какъ охотники Зарайскаго полка обнаружили у деревни Елюинцзы сосредоточеніе значительныхъ силъ противника, и кромѣ того въ отрядѣ почти уже не оставалось патроновъ.

Въ описанномъ бою наши войска понесли слѣдующія потери убитыми и ранеными:

Зарайскій полкъ—3 офицера и 153 нижнихъ чина. Отрядъ Генерала Столицы (4 баталіона)—1 офицеръ и 151 ниж. чин. Отрядъ Войскового Старшины Висчинскаго — 20 нижнихъ чиновъ. Отрядъ Полковника Дружинина: 2 офицера и 28 нижнихъ чиновъ.—

Подписали: Генераль-Маіоръ Столица, Генераль-Маіоръ Мартыновъ, Войсковой Старшина Висчинскій.—

Приложєніє 3-є.

Официальное объявление въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“
1906 г. № 87.

Въ одномъ изъ періодическихъ изданій въ минувшемъ году командиръ 215-го пѣх. Бузулукскаго полка князь Амилахори указывалъ, что первостепенная роль въ отбитіи обхода японцами праваго фланга позиціи, въ сраженіи подъ Ляндысанемъ 13-го августа 1904 г., принадлежитъ ему, командовавшему въ то время ротами 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, а не 140-му пѣхотному Зарайскому полку, подъ командою полковника (нынѣ генераль-маіора) Мартынова, за что послѣдній былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 ст.

Заявленіе это было рассмотрѣно въ георгіевской думѣ, которая ходатайство князя Амилахори о награжденіи его орденомъ Св. Георгія отклонила. Такъ какъ полковникъ князь Амилахори и послѣ этого продолжалъ утверждать, что главная роль въ означенномъ бою принадлежала ему, то, по просьбѣ генераль-маіора Мартынова, командующимъ 1-й арміей была собрана особая георгіевская дума, которая пришла къ заключенію, что честь отбитія обхода японцами праваго фланга позиціи подъ Ляндысанемъ всецѣло принадлежитъ Зарайскому полку подъ командою полковника (нынѣ генераль-маіора) Мартынова.

Приложєніє 4-є.

Въ редакцію газеты „Русскій Инвалидъ“.

Съ просьбою непремѣнно напечатать въ самомъ непродолжительномъ времени.

О томъ кому принадлежитъ честь отраженія обхода японцами праваго фланга Ляндысанской позиціи 3-го Сибирскаго корпуса (бывшаго Восточнаго отряда).

Въ номерѣ 87-мъ „Русскаго Инвалида“ сего (1906) года помѣщено официальное заявленіе о томъ, что въ бою 3-го

Сибирскаго корпуса, 13 августа 1904 года, честь отбитія обхода японцами праваго фланга позиціи подъ Ляньдясанемъ всецѣло принадлежитъ 140-му пѣхотному Зарайскому полку, подъ начальствомъ полковника (нынѣ генераль-маіора) Мартынова.

Въ слѣдующемъ номерѣ 88-мъ появилась статья полковника Дружинина, подъ заглавіемъ: „поправка къ описанію Ляньдясанской операціи въ номерѣ 46-мъ Русскаго Инвалида“.

Изъ сдѣланнаго авторомъ статьи — участникомъ боя, командовавшимъ отрядомъ дѣйствовавшимъ именно на самомъ крайнемъ правомъ флангѣ Ляньдясанской позиціи, изложенія фактовъ явствуетъ, что честь отраженія обхода японцами до 11 часовъ дня принадлежитъ всецѣло 9-й и 10-й ротамъ 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, о чемъ свидѣтельствуетъ и самъ командиръ корпуса словами: „такимъ образомъ обезпеченіе праваго фланга Восточнаго отряда (онъ же и 3-й Сибирскій корпусъ) съ ночи до полудня 13 августа легло на отрядъ полковника Дружинина“.

Эти роты уже переходили въ наступленіе къ минутѣ вступленія въ дѣло Зарайскаго полка и сражались затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ; кромѣ того, одновременно и даже впереди и раньше Зарайцевъ, что утверждаю, наступали и атаковали японцевъ 1-я и 4-я роты 9-го Восточно-Сибирскаго полка, подъ начальствомъ подполковника князя Амилахори.

Принимая во вниманіе, что статья полковника Дружинина не можетъ имѣть того значенія, какъ официальное заявленіе Русскаго Инвалида, я, какъ командиръ 9-го В. С. стрѣлковаго полка, отъ лица всего полка, считаю своимъ долгомъ заявить, что мы никоимъ образомъ не можемъ признать, что честь славнаго боя у Та-сигоу принадлежитъ 140-му пѣх. Зарайскому полку и его командиру не только всецѣло, но и въ большей степени, чѣмъ ротамъ ввѣреннаго мнѣ полка, которыми командовали: Приморскаго Драгунскаго полка полковникъ Дружининъ, 9-го В. С. стр. полка подполковникъ князь Амилахори, капитаны: Врублевскій (Кавалеръ ордена Св. Георгія

4-й ст.), Гребенка (убить въ сраженіи подь Бенсиху), Кантаровъ и Томашевскій.

Подлинное подписалъ командиръ 9 В. С. стрѣлковаго полка полковникъ Месхіевъ.

6 іюня, 1906 года. Кр. Владивостокъ.

Редакція газеты „Русскій Инвалидъ“ отказала въ напечатаніи этой статьи. К. Дружининъ.

Приложеніе 5-е.

Статья въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ 1906 г. № 88.

Ляоянская операція.

(Поправка къ описанію ея въ № 46 «Рус. Инв.» за 1906 г.)

Полковникъ Даниловъ, описывая дѣйствія войскъ 3-го сибирскаго корпуса (переименованнаго восточнаго отряда), говоритъ: „Утромъ 11-го августа, подь прикрытіемъ тумана, небольшой отрядъ японцевъ, перешедшій въ наступленіе отъ Пьяндявана и Шанматуна, потѣснилъ передовые посты отряда полковника Дружинина, расположеннаго у Тунсинпу. Съ 8 ч. утра, въ теченіе четырехъ часовъ, небольшой отрядъ полковника Дружинина (2 роты и 2 сотни) выдерживалъ бой противъ 3—5 баталіоновъ японцевъ, дѣйствія которыхъ, впрочемъ, не отличались рѣшительностью.

Въ полдень Дружининъ отошелъ къ Тасинтуню, но такъ какъ противникъ прекратилъ преслѣдованіе, то онъ возвратился къ Тунсинпу, потерявъ во время боя до 20 человекъ убитыми и ранеными. Японцы же заняли высоту 166 (такой на 2-хъ-верстной картѣ нѣтъ, а есть высота 161—въ 4 $\frac{1}{2}$ верстахъ восточнѣе д. Тунсинпу) и на западномъ склонѣ ея приступили къ возведенію окоповъ, фронтомъ на Кофынцы“.

Ничего подобнаго и даже похожаго не было.

1. Японцы не потѣснили наши передовые посты, а обошли двумя-тремя баталіонами правый флангъ заставы, стоявшей на перевалѣ по дорогѣ Тунсинпу-Сяматунъ. От-

рядъ наблюдалъ линію въ 12 вер. протяженіемъ отъ Киминсы, долиною рѣки, до д. Шанматунъ и къ западу отъ послѣдней; поэтому непрерывнаго охраненія, при маломъ составѣ отряда, быть не могло. Попытка противника потѣснить заставу ночью была отражена, и тѣмъ самымъ японцы предупредили насъ о своемъ наступленіи. Утромъ японцы воспользовались покровомъ необыкновенно сильнаго тумана для неожиданнаго наступленія, а мы использовали его для неожиданной встрѣчи; сторожевое охраненіе было отведено намѣренно.

2. Не менѣе 5 баталіоновъ противника нарвались на отрядъ совершенно неожиданно для себя, въ туманѣ, разсѣявшемся въ 7 ч. утра, на занятую отрядомъ позицію, протяженіемъ 2 версты, къ востоку и юго-востоку отъ д. Тунсинпу; ихъ наступленіе было тотчасъ остановлено выдержаннымъ и мѣткимъ огнемъ 10-й роты 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка и 3-й сотни 2-го Читинскаго полка. Въ самомъ началѣ боя, командовавшій правымъ участкомъ позиціи (казаки) есаулъ князь Долгоруковъ, по собственной инициативѣ, выбилъ съ сопки наиболѣе продвинувшуюся часть японцевъ и, обезпечивъ такимъ образомъ правый флангъ, окончательно ввелъ въ заблужденіе противника о нашихъ силахъ; не имѣя артиллеріи, онъ не осмѣлился рѣшительно атаковать насъ своими превосходными силами и ограничился лишь ружейнымъ огнемъ и отдѣльными попытками продвигаться впередъ, которыя были останавливаемы нашимъ огнемъ. Въ полдень оба фланга отряда продвинулись впередъ еще на полверсты. Въ 4-мъ часу японцы прекратили огонь, мы праздновали побѣду и пѣли „Боже, Царя храни“. Противникъ даже очистилъ позднѣе склоны (западные) своей главной позиціи, т. е. высоты 161 *), которую занималъ съ 6 часовъ утра, послѣ отхода нашихъ заставъ.

Такимъ образомъ въ самостоятельномъ бою отряда 11-го

*) По прибытіи съ отрядомъ къ Тунсинпу 21-го іюля, я доносилъ что, въ случаѣ серьезнаго наступленія противника, для удержанія высоты 161 надо увеличить силы отряда еще на 1 баталіонъ. Въ данномъ случаѣ, я предпочелъ дать отпоръ на мѣстности у д. Тунсинпу.

августа не только не было отхода ни на одинъ шагъ, а, наоборотъ, мы съ самаго его начала постепенно выигрывали пространство.

Въ 5 часовъ, по вступленіи лѣвѣ насъ, въ перестрѣлку 10-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка (3 бат.) отрядъ перешелъ въ рѣшительное наступленіе, и въ сумеркахъ 2 роты и 1 сотня залегли въ мертвомъ пространствѣ подъ позиціями противника не далѣе 500—600 шаговъ отъ нихъ. Мы готовились, по соглашенію съ командиромъ 10-го полка, въ 9 часовъ вечера лѣзть по кручамъ на штурмъ, когда получили два приказанія (устныя черезъ охотниковъ 10-го полка) отойти на свою позицію, въ виду сосредоточенія противъ насъ дивизіи японцевъ.

По инструкціи начальника Восточнаго отряда, генераль Грековъ долженъ былъ поддержать насъ двумя сотнями; онъ выслалъ около полудня сотню 2-го Верхнеудинскаго полка для связи. Командиръ сотни есауль Маркозовъ принялъ мое приглашеніе не только держать связь, но сражаться, и въ бою слѣдующаго дня былъ серьезно раненъ. По его заявленію, казаковъ въ сотнѣ было не болѣе, какъ на полусотню.

3. Въ отношеніи весьма серьезнаго боя, выдержаннаго отрядомъ 12-го августа, считаю своимъ долгомъ добавить слѣдующее.

Отрядъ ночевалъ на своей позиціи у Тунсинпу. Ночью японцы поставили противъ насъ (слѣдовательно не могли дѣйствовать по главной позиціи Восточнаго отряда) 4 батареи и развернули въ боевой линіи не менѣе бригады. Принимая бой, я предполагалъ, что лѣвѣ насъ будутъ сражаться 3 баталіона 10-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, а правѣ отрядъ г. Грекова (1 бат., 4 ор. и 11 сот.), но нигдѣ не оказалось ни одного штыка. Посланные на подкрѣпленіе изъ главныхъ силъ корпуса 2 роты 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка не прибыли.

Начавъ бой въ 5½ часовъ утра, мы продержались подъ убійственнымъ огнемъ противника два съ половиною часа; стрѣлки перемѣнили три позиціи; выйдя изъ боя съ относительно небольшими потерями, отрядъ навелъ японскую

пѣхоту подъ огонь батарей съ главной позиціи у Кофынцы, которыя были поставлены только въ послѣднюю ночь съ 11-го на 12-е августа. Такимъ образомъ этотъ неравный бой горсти стрѣлковъ и казаковъ имѣлъ своими послѣдствіями: а) прекращеніе наступленія противника въ тотъ день, что далъ возможность усилить вообще расположеніе войскъ корпуса, б) обнаруженіе намѣренія противника направленія своей атаки въ охватъ праваго фланга Ляндясанской позиціи, в) принятіе мѣръ противъ обхода фланга, г) подходъ резервовъ отъ Ляояна (35-я пѣх. дивизія).

Въ этомъ бою читинскіе и верхнеудинскіе казаки выдержали самый упорный пѣхотный бой. Мужеству и искусству Князя Долгорукова отрядъ обязанъ тѣмъ, что не былъ охваченъ съ праваго фланга; онъ началъ отступленіе только по полученіи моего приказанія, а, такъ какъ оно было передано устно, то сперва колебался его исполнить. Коноводы понесли большія потери *) отъ шрапнельнаго огня. Подъ княземъ Долгоруковымъ разбита шимозою лошадь; онъ послѣднимъ оставилъ поле сраженія и присоединился къ отряду съ частью своихъ казаковъ кружнымъ путемъ на слѣдующій день утромъ.

4. По диспозиціи Восточному Отряду, моему отряду надлежало, закончивъ бой у Тасигоу, перейти на лѣвый флангъ Ляндясанской позиціи, во исполненіе чего, свернувшись въ колонну въ долину р. Сидыха, подъ прикрытіемъ огня нашихъ батарей, мы прибыли въ Чинертунъ, но здѣсь получили приказаніе перейти въ Павшугоу, опять близъ праваго фланга позиціи корпуса. Уже ночью, передъ разсвѣтомъ, прибыло въ подкрѣпленіе 1½ сотни казаковъ и приказаніе немедленно продолжить правый флангъ участка позиціи Кофынцы.

5. Вѣроятно теперь появилось повѣствованіе п. Данилова

*) Въ отрядѣ ранено 4 офицера и убито 18 стрѣлковъ; свѣдѣній о потеряхъ ранеными нижнихъ чиновъ, а равно о лошадяхъ не имѣю, потому что отрядъ все время находился въ бояхъ, маршахъ, а затѣмъ неожиданно былъ расформированъ. Всего въ четырехъ-дневномъ бою у Тунсинпу и Тасигоу мы потеряли 6 офицеровъ и около 20% нижнихъ чиновъ.

о боѣ 13-го августа, въ отношеніи котораго уже напечатано много неточнаго; поэтому теперь же сообщаю главнѣйшія данныя.

13-го августа въ извѣстномъ всей нашей арміи побѣдоносномъ георгіевскомъ бою *) у Тасигоу 9-я рота (кап. Кантаровъ), 10-я рота (кап. Томашевскій) 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, при содѣйствіи 3-й сотни (есаулъ князь Долгоруковъ) 2-го Читинскаго, 5-й сотни (подъесаулъ Чернояровъ) 2-го Верхнеудинскаго, 3-й сотни (есаулъ Желтухинъ) и $1\frac{1}{2}$ сотни 1-й сотни (поручикъ Бровченко) Уссурийскаго казачьихъ полковъ, вступивъ въ 6 час. утра въ бой съ 4-мя баталіонами японцевъ (безъ артиллеріи), остановили производившійся ими охватъ праваго фланга Ляньдясанской позиціи и отразили всѣ попытки ихъ въ этомъ направленіи. Два раза пополнивъ патроны, имѣя еще нетронутыхъ $1\frac{1}{2}$ сотни въ резервѣ, отрядъ переходилъ въ наступленіе, когда правѣе его развернулся и началъ бой Зарайскій полкъ, доблестныя дѣйствія котораго, подѣ начальствомъ полковника Мартынова, въ этотъ день, извѣстны всей Россіи.

Наступая вмѣстѣ съ Зарайцами (наши люди были перемѣшаны), мы опрокинули японцевъ съ высотъ д. Тасигоу, но были принуждены прекратить наступленіе вслѣдствіе разразившагося ливня.

Честъ вынести на себѣ всю тяжесть боя 13-го августа съ 6 ч. утра до 11 ч. дня принадлежитъ исключительно знаменамъ частей отряда, поименованныхъ выше. Въ бою палъ убитымъ наповаль сотникъ Бѣлогорскій, просившій меня, при случайной съ нимъ встрѣчѣ наканунѣ, принять его въ отрядъ; раненъ въ грудь на вылетъ князь Долгоруковъ, вернувшійся въ ряды черезъ 4 дня, не залѣчивъ рану.

Въ сообщеніи п. Данилова сказано: „одновременно съ занятіемъ позиціи отрядомъ Столицы, п. Дружининъ занялъ высоты къ сѣверу отъ Сесигоу, а отрядъ г.-м. Грекова составилъ крайній правый флангъ боевого порядка, развернувшись отъ этихъ высотъ къ Павшугоу.

*) За этотъ бой награжденъ Георгіемъ 4-й ст. П. Мартыновъ.

Во-первыхъ, ввѣренный мнѣ отрядъ сражался на высотахъ сѣвернѣе не Сесигоу, а сѣвернѣе Тасигоу; во-вторыхъ, онъ и составлялъ до момента вступленія въ бой Зарайскаго полка крайній правый флангъ боевого порядка, упираясь въ долину Павшугоу-Тасигоу; на западный берегъ долины былъ посланъ мною съ полусотней Поручикъ Бровченко.

Въ заключеніе считаю нужнымъ отмѣтить особенное значеніе боевъ у Тунсинпу 11-го и 12-го августа и у Тасигоу 13-го августа, какъ составляющихъ завязку—начало генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ. Такъ какъ честь выполненія этой трудной исторической задачи выпала на долю войскъ ввѣреннаго мнѣ отряда, и именно объ этихъ бояхъ напечатано *) много невѣрнаго, я считаю своимъ долгомъ дать о нихъ самыя точныя данныя, для чего въ скоромъ времени издамъ отдѣльную книжку, подъ заглавіемъ: „Завязка—начало генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ“. Ея содержаніе составляетъ одну изъ главъ составленнаго мною обширнаго труда по исторіи послѣдней войны.

Начальникъ передового отряда 3-го сибирскаго корпуса у Тунсинпу и Тасигоу

Приморскаго драгунскаго полка,
полковникъ Дружининъ.

Г. Харбинъ, 27-го марта 1906 года.

*) Я читалъ статью поддесаула Виноградова, описывающаго мое бѣгство отъ Тунсинпу. Стоило ли отвѣчать на такую клевету во время войны, когда нужно было не писать, а только сражаться. Теперь даю и объясненіе появленія такой грязной статьи: „въ іюнѣ мѣсяцѣ 1904 г. я донесъ въ штабъ Восточнаго Отряда, что разъѣздъ поименованнаго офицера не выполнилъ своего назначенія“; онъ не пошелъ къ противнику, а вернулся на бивакъ, услышавъ перестрѣлку (см. стр. 180 части I-й).

Изъ переписки о награжденіи за бой на Ляньдясанской позиціи Восточнаго отряда 11—13 августа 1904 г. Приморского драгунскаго полка полковника Дружинина.

1. Описаніе заслугъ полковника Дружинина въ бояхъ Восточнаго Отряда (нынѣ 3-го Сибирскаго Армейскаго Корпуса) съ 11-го по 15-е августа подъ м. Ляньдясяномъ.

П. Дружининъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ, въ составѣ 2-хъ ротъ и 2-хъ сотенъ, 23 іюля 1904 г., былъ выдвинуть передъ фронтъ позицій В. отряда подъ Ляньдясаномъ для наблюденія за противникомъ, успѣшно выполнилъ это, а 11-го и 12-го августа задержалъ наступленіе много превосходныхъ силъ японцевъ, около 2-хъ—3-хъ полковъ съ 4-мя батареями, отразилъ 11 и 12 августа нѣсколько атакъ ихъ на высотахъ праваго берега р. Сидяхы, противъ д. д. Тунсинпу и Тасигоу, и удерживался здѣсь въ теченіе 5—6 часовъ, не смотря на весьма чувствительныя потери. Дѣла этихъ двухъ дней, въ особенности же 12-го августа, обнаружили настойчивое стремленіе японцевъ продвинуться къ западу, т. е. дѣйствовать противъ крайняго праваго фланга В. отряда, или же въ обходъ этого фланга. Это послѣднее облегчалось большимъ промежуткомъ (свыше 25 верстъ) между симъ флангомъ и лѣвымъ флангомъ сосѣдняго 2-го Сибирскаго корпуса. Выигрышъ времени, достигнутый этими дѣлами п. Дружинина, далъ возможность усилить правый флангъ В. отряда частью изъ его резерва, а частью изъ города Ляояна—Зарайскимъ полкомъ съ пѣшею батареей и одною коно-горною батареей. Первый подошелъ въ самый разгаръ боя 13 августа, а послѣдняя на разсвѣтъ того же дня. Въ ночь съ 12 на 13 августа п. Дружининъ съ его отрядомъ, усиленнымъ полутора сотнями, получилъ приказаніе, расположившись по лѣвую (восточную) сторону долины Тасигоу—Павшугоу, поддерживать связь праваго фланга главной Ляньдясанской позиціи В. Отряда съ отрядомъ г. л. Митрофана Грекова (2 бтл., 9 сот. и 4 орд.), который, съ цѣлью обезпеченія праваго фланга отъ обхода,

долженъ былъ съ ночи прочно занять командующія высоты праваго берега той же долины и наблюдать за долиною р. Сидыха къ югу, что однако въ дѣйствительности было выполнено лишь около полудня 13 августа, когда г. Грековымъ на западный берегъ долины Тасигоу—Павшугоу былъ выдвинутъ отрядъ войск. старш. Висчинскаго, въ составѣ 1-й роты и 2-хъ сотень. Такимъ образомъ обезпеченіе праваго фланга В. отряда съ ночи до полудня 13 августа легло на отрядъ п. Дружинина. Небольшой отрядъ этотъ, занявъ позицію на высотахъ восточнаго (лѣваго) берега долины Тасигоу—Павшугоу, близъ ея устья, съ разсвѣта до полудня настолько успѣшно задерживалъ огнемъ движеніе японцевъ, вверхъ по долинѣ этой, что передъ полуднемъ они находились еще въ разстояніи около полутора верстъ къ югу отъ Павшугоу. Но должно замѣтить, что въ этомъ отряду п. Дружинина содѣйствовалъ огнемъ отрядъ г. м. Столица, расположенный восточнѣе перваго. Благодаря совмѣстному огню, какъ нынѣ вполнѣ установлено *), японцы распространились къ сѣверу самымъ узкимъ фронтомъ, едва не по одиночкѣ, вдоль крутого и мѣстами обрывистаго лѣваго берега долины. Затѣмъ около полудня, одновременно съ переходомъ на правый берегъ названной долины отряда Висчинскаго и съ началомъ наступленія съ сѣвера въ районѣ Павшугоу 140 пѣх. Зарайскаго полка, п. Дружининъ, по своей собственной инициативѣ, перешелъ въ наступленіе съ высотъ къ устью долины Павшугоу—Тасигоу, чѣмъ преграждался путь отступленія и перерѣзывались сообщенія тѣмъ частямъ японцевъ, которыя

*) Краткое описаніе совмѣстныхъ дѣйствій для отраженія обхода японцевъ на правомъ флангѣ В. отряда въ бою 13 августа.

Примѣчаніе. Въ этомъ представленіи есть ссылка на названный документъ, фабрикованный начальникомъ штаба 3-го Сибирскаго корпуса г. м. Мартыновымъ, ограждавшимъ себя отъ нападокъ со стороны другихъ участниковъ боя, и двумя желавшими получить Георгіевскіе кресты за него—г. м. Столицей и в. ст. Висчинскимъ. Слѣдовательно понятны фразы „должно замѣтить... и т. д.“ и „благодаря совмѣстному огню... и т. д.“

К. Дружининъ.

распространялись вверхъ (къ сѣверу) по этой долинѣ навстрѣчу наступавшему Зарайскому полку. Нѣтъ сомнѣнія, что опасное смѣлое движеніе впередъ на сообщенія японцевъ отряда п. Дружинина окончательно остановило ихъ движеніе въ обходъ, и, если затѣмъ японцы обратились даже въ бѣгство, какъ доносить о томъ командиръ 140 пѣх. Зарайскаго полка, то этимъ болѣе всего мы обязаны смѣлому наступленію п. Дружинина.

Послѣ отступленія японцевъ, обходившихъ правый флангъ В. отряда, въ теченіе остальной части дня 13 августа, всей ночи съ 13 на 14 августа и 14 августа, отрядъ п. Дружинина, оставаясь на своей прежней позиціи, обезпечилъ отходъ войскъ, принимавшихъ участіе въ бою 13 августа на правомъ флангѣ Ляньдясанской позиціи, что представляло весьма тяжелую операцію въ виду разлива рѣкъ, протекавшихъ въ тылу этой позиціи, порчи дорогъ и наличности въ тылу Ванбатайскаго перевала. За поименованныя выше заслуги, а именно: за способствованіе обнаруженія намѣреній противника упорнымъ боемъ и искуснымъ маневрированіемъ въ теченіе 11 и 12 августа, за задержку обходной колонны противника огнемъ съ разсвѣта до полудня 13 августа, а, главнымъ образомъ, за то, что смѣлымъ и рѣшительнымъ переходомъ въ наступленіе на сообщенія этой колонны, въ удачно выбранный моментъ (около полудня того же числа), принудилъ ее къ поспѣшному отступленію, ходатайствую о награжденіи полковника Дружинина орденомъ Св. Георгія 4 ст. по силѣ п. 1 ст. 294, который гласить: кто, презрѣвъ очевидную опасность и явивъ доблестный примѣръ неустрашимости и присутствія духа и самоотверженія, совершилъ отличный подвигъ, увѣнчанный полнымъ успѣхомъ и доставившій явную пользу. Подвигъ сей можетъ быть совершенъ или по распоряженію высшаго начальства, или по собственному внушенію, усмотрѣвъ во время битвы ту минуту, въ которую представляется случай внезапнымъ и сильнымъ нападеніемъ нанести непріятелю значительное разстройство и даже самое пораженіе, можетъ и не ожидая приказанія начальства рѣшиться на такой подвигъ.

2. Мнѣніе Командующаго 3-мъ Сибирскимъ Армейскимъ Корпусомъ Г. Л. Иванова по представленію Полковника Приморскаго драгунскаго полка Дружинина къ Георгію 4-й степени.

Боевыя заслуги п. Дружинина за періодъ боевъ съ 11 по 15 августа 1904 г. въ районѣ позиціи бывшаго Восточнаго Отряда подъ Ляндыасаномъ изложены въ представляемомъ при семъ описаніи.

Изъ числа этихъ заслугъ надлежитъ отмѣтить особо: во-первыхъ то, что съ разсвѣтомъ до полудня 13 августа, штабъ-офицеръ сей со ввѣреннымъ ему отрядомъ, въ составѣ 2-хъ ротъ и 2-хъ сотенъ, весьма успѣшно задерживалъ наступленіе много превосходной по силамъ колонны японцевъ, которая обходила правый флангъ названныхъ позицій по долинѣ д. д. Тасигоу—Павшугоу въ 25 — 30 верстный промежутокъ между Восточнымъ Отрядомъ и 2-мъ Сибирскимъ Армейскимъ Корпусомъ; во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, то, что того же числа, около полудня, выбравъ удачно моментъ и угрожавшее сообщеніямъ японцевъ направленіе для удара, перешелъ въ смѣлое и рѣшительное наступленіе, по собственной инициативѣ, противъ указанной обходной колонны, чѣмъ и принудилъ ее къ поспѣшному отступленію.

За заслуги эти, а въ особенности за то, что, по собственной инициативѣ, смѣлымъ рѣшительнымъ переходомъ въ наступленіе, принудилъ японцевъ къ поспѣшному отступленію, ходатайствую о награжденіи орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й ст. по силѣ п. 1-го ст. 294-й, который гласитъ: кто презрѣвъ и т. д.

Подписаль: Командующій 3-мъ Сиб. Арм. Корпусомъ Г. Л. Ивановъ.

Приложенія: описаніе заслугъ и краткое описаніе совмѣстныхъ дѣйствій. № 1090, 1 сентября 1905 г. д. Дагудзядзы.

3. Письмо Командующаго 3-мъ Сибирскимъ Армейскимъ корпусомъ. Сентября 2, 1905 г. № 10010, дер. Дагудзядзы. А. А. Благовѣщенскому—дежурному генералу при главнокомандующемъ.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Александръ Александровичъ.

На рапортъ мой 19 апрѣля № 3630 съ представленіемъ Приморскаго Драгунскаго полка полковника Дружинина къ награжденію орденомъ Св. Георгія 4-й ст. я получилъ увѣдомленіе, отношеніемъ Вашего Превосходительства отъ 30 апрѣля с. г. № 7607, что ходатайство мое отклонено въ виду того, что пропущенъ законный срокъ. Въ наградномъ листѣ № 26 мною была изложена причина поздняго его представленія. Въ виду случаевъ, когда просроченныя ходатайства разрѣшались къ представленію въ кавалерскую думу, а главнымъ образомъ въ виду того, что нынѣ выяснились новыя обстоятельства, которыя мнѣ раньше не были извѣстны, изложенныя въ представляемомъ при семъ „краткомъ описаніи совмѣстныхъ дѣйствій для отраженія обхода японцевъ на правомъ флангѣ Восточнаго отряда въ бою при Ляньдясанѣ 13 августа“, для пользы службы и во имя справедливости, считаю себя обязаннымъ особо ходатайствовать о представленіи на благоусмотрѣніе кавалерской думы моего вопроса о награжденіи Приморскаго Драгунскаго полка п. Дружинина орденомъ Св. Георгія 4-й ст. Наградной листъ съ приложеніями при семъ представляю.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Н. Ивановъ.

4. Командиру 3-го Армейскаго Сибирскаго корпуса.

Возвращая настоящее представленіе, сообщаю, что главнокомандующій отклонилъ ходатайство о награжденіи полковника Дружинина орденомъ Св. Георгія 4-й сте-

пени, положивъ на докладъ резолюцію: „Вопросъ о награжденіи полковника Дружинина Георгіевскимъ крестомъ однажды былъ отклоненъ *) бывшимъ главнокомандующимъ, а потому и нынѣ не подлежитъ разрѣшенію. Отклонить“.

Приложеніе: переписка на 13 листахъ.

Подписаль: дежурный генераль при главнокомандующемъ генераль-лейтенантъ Благовѣщенскій.

Скрѣпилъ дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Медеръ.

№ 18879. 17 сентября 1905 г. ст. Гуньчжулинъ.

Приложеніе 7-е.

Статьи газеты „Харбинскій Вѣстникъ“ 1906 г. №№ 711, 712 и 722 за апрѣль 1906 г.

Нѣсколько словъ о „поученіи“ Куропаткина.

Въ чемъ наши недостатки?.. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена статья въ № 72 „Военной Жизни“. Предпославъ нѣсколько словъ о серьезномъ значеніи для нашей арміи необходимости сознать свои недостатки, дабы вѣрно идти по пути усовершенствованія, редація военной газеты, или неизвѣстный авторъ даютъ дословныя выдержки изъ оставленнаго намъ въ наслѣдство, послѣ своего отъѣзда съ

*) А между тѣмъ главнокомандующіе не отклоняли вопросовъ о награжденіи тою же наградой другихъ участниковъ боя у Тасигоу 13 августа (Столицы, Амилахори, Висчинскаго, Маркова и Вадецкаго), между тѣмъ, какъ эти возбуждали ихъ сами, и только одинъ полковникъ Дружининъ не возбуждалъ его самъ, а былъ удостоенъ представленіемъ къ наградѣ своимъ непосредственнымъ начальникомъ Г. Л. Ивановымъ.

театра в. д., поученія г.г. офицерамъ бывшаго военнаго министра (администрировалъ), командующаго Маньчжурской арміей (командовалъ), главнокомандующаго всѣми сухопутными и морскими силами Россіи, дѣйствовавшими противъ Японіи (повелѣвалъ), и опять командующаго арміей (снова командовалъ и приказывалъ) генерала Куропаткина. Читателямъ преподано также, что огромный боевой опытъ, глубокое знаніе теоріи и практики военнаго дѣла, наконецъ исключительное положеніе, какъ передъ войной, такъ и въ теченіе всей кампаніи, даютъ его словамъ особую авторитетность и заставляютъ прислушиваться къ его мнѣніямъ съ особымъ вниманіемъ.

Военноначальники поучаютъ ввѣренныя имъ войска наставленіями-поученіями, излагая ихъ устно, или письменно, въ установленныхъ для того приказахъ и приказаніяхъ войскамъ, придерживаясь и согласуясь съ существующими на сей предметъ уставными положеніями. Повидимому имъ не возбраняется прибѣгать, для распространенія и внѣдренія своего опыта и практики, и къ услугамъ прессы; но разъ такого рода поученія являются на страницахъ печати, то каждый изъ тѣхъ, къ кому они относятся (разсматриваемое поученіе даже названо „обращеніе къ офицерамъ“), имѣетъ законное право противопоставить имъ также свой опытъ и свою практику. Думаю, что въ данномъ случаѣ является особенная необходимость надлежащимъ образомъ освѣтить распространяемая поученіемъ идеи, ибо именно онѣ, будучи ошибочно, неправильно поняты, могутъ явиться лишенными своей практичности и потому полезности, какъ исходящія отъ человѣка (такъ говоритъ авторъ статьи), признаваемаго военнымъ авторитетомъ.

Есть два способа совершенствованія любого вида или рода дѣятельности: а) положительный, т. е. по опыту чегонибудь лучшаго—совершеннаго, и б) отрицательный, т. е. по опыту чего-нибудь—несовершеннаго. Говоря проще, каждый, поучая другихъ, можетъ на основаніи опыта учить ихъ или „какъ нужно дѣйствовать“, или „какъ не нужно дѣйствовать“. Который изъ двухъ способовъ полезнѣе рѣшить не берусь, и думаю, что въ этомъ отношеніи мнѣнія

могут расходиться, но полагаю также, что учить только по второму—отрицательному способу недостаточно: нужно же давать образцы чего нибудь положительнаго, ибо на основаніи чего же въ противномъ случаѣ совершенствоваться.

Единственнымъ источникомъ совершенствованія военнаго искусства является военная исторія; только по опытамъ кампаній и сраженій можно находить истинный путь прогресса столь труднаго и столь сложнаго въ психическомъ и физическомъ отношеніяхъ дѣла, какъ война и бой. Военная исторія обширна, богата и все еще обогащается съ поразительною быстротою: въ двадцатомъ столѣтіи было уже три войны, и послѣдняя, по своей продолжительности и грандіозности мобилизованныхъ вооруженныхъ средствъ, является едва ли не самою поучительною изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ; многіе считаютъ, что она оставляетъ далеко за собою въ этомъ отношеніи Франко-Германскую кампанію 1870—71 г.г. (лично я съ этимъ несогласенъ). Во всякомъ случаѣ, для русскаго военнаго начальника, успѣвшаго испробовать свою доблесть на другихъ поляхъ сраженія еще до войны съ Японіей, конечно эта послѣдняя и будетъ наиболѣе поучительнымъ опытомъ. Слѣдовательно и глава нашихъ вооруженныхъ силъ, занимавшій этотъ огромный постъ въ продолженіе 6 лѣтъ до войны и во всю кампанію отъ самого ея начала (Тюренчена) до послѣдняго генеральнаго сраженія (Мукденъ), рѣшившаго окончательно и безповоротно печальную участь кампаніи, можетъ базироваться главнымъ образомъ на опытѣ злосчастной для насъ войны. Ясно, что военнаго начальника, проигравшаго кампанію и имѣвшаго одни пораженія, не можетъ никоимъ образомъ поучать армію положительнымъ способомъ; въ его распоряженіи только отрицательный: „не дѣлайте такъ то и того то, какъ я дѣлалъ, и что я дѣлалъ, ибо результаты сего привели къ такимъ то неудачамъ“—вотъ эпиграфъ, который мысленно долженъ прочитать каждый, беря въ руки „поученіе“ Куропаткина.

Если мнѣ возразятъ, что у него есть опытъ, и при томъ положительный, по кампаніямъ Турецкой и Среднеазиатскихъ, то отвѣчу, что въ первой изъ нихъ онъ самосто-

ятельной дѣятельности не проявлялъ, оставаясь только механическимъ исполнителемъ великаго Скобелева; то же было въ значительной степени и въ войнахъ съ толпами азіатскихъ кочевниковъ; кромѣ того, опытъ этихъ послѣднихъ, можетъ быть очень полезный для нѣкоторыхъ, безусловно вреденъ для другихъ, приучая воевать слишкомъ просто, одерживать легкіе успѣхи, при наличіи большихъ недочетовъ и несовершенствъ, какъ въ управленіи войсками, такъ и въ качествѣ боевого матеріала, давая возможность добывать дешевые лавры. Наконецъ примѣненіе опытовъ стратегіи и тактики Скобелева на Маньчжурскомъ театрѣ в. д. мы не видѣли, ибо Скобелевъ только побѣждалъ, а мы терпѣли только пораженіе за пораженіемъ.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ первая неустойчивость разсматриваемаго поученія: оно односторонне, будучи основано только на отрицательномъ методѣ; но оно кромѣ того не можетъ быть безпристрастно, объективно, а потому и полезно. Дѣйствительно, человѣкъ, поучающій по опыту неудовлетворительности искусства своей дѣятельности, прежде всего склоненъ стремиться къ самооправданію и затѣмъ уже только къ принесенію пользы своими идеями—словами; это стремленіе имъ доминируетъ, ведетъ его по самому пагубному для дѣла пути, ибо заставляетъ искать и указывать несовершенство опыта не въ собственной неспособности, а въ условіяхъ обстановки; послѣдней дается невѣрное освѣщеніе, чѣмъ естественно вводятся въ заблужденіе поучаемые. Прибавимъ къ этому, что въ военныхъ искусствахъ и наукъ легче всего скомбинировать не только смягчающія, но даже и упраздняющія вину обстоятельства, для какого угодно примѣра отрицательнаго ихъ проявленія; нужно лишь обладать эрудиціей, краснорѣчіемъ, перомъ; а если же есть популярность, то, ей Богу, повѣрятъ и послушаютъ.

Наконецъ не странно ли, что теперь насъ поучаетъ послѣ и на основаніи горькаго опыта именно тотъ, кто имѣлъ полную возможность преподавать если не все, то весьма многое своевременно, для избѣжанія такого опыта.

Да будетъ же дозволено высказаться по поводу „поуче-

нія“, основаннаго только на отрицательномъ способѣ, и непризнаннымъ авторитетамъ—маленькимъ людямъ—участникамъ войны, имѣвшимъ всетаки опытъ положительной дѣятельности при исполненіи возлагавшихся на нихъ частныхъ стратегическихъ и тактическихъ задачъ въ операціяхъ и бояхъ, столь неизмѣнно проигрывааемыхъ въ своемъ общемъ цѣломъ. Сколько частныхъ побѣдъ можемъ мы указать и назвать, сколько разъ отдавали мы поле сраженія побѣжденному врагу, потому что высшая стратегія, использовавъ опытъ тактической обороны, готовилась уже продѣлывать другой ему подобный; кончали опытъ побѣды, выполненный по собственной инициативѣ, и затѣмъ выполняли опытъ пораженія. Не только жизнь и школа Россіи, неспособствовавшія подготовкѣ сильныхъ самостоятельныхъ характеровъ, лишили армію проявленія положительнаго военного искусства, лишили талантовъ и успѣховъ, а кое что другое, о чемъ и скажемъ теперь, отвѣчая на тезисы „поученія“.

Во главѣ всего „поученія“ поставленъ вопросъ: „какія главные причины, кромѣ недостатка численности, препятствовали намъ быть побѣдителями ранѣе заключенія мира?

Если бы вопросъ заключалъ въ себѣ только слова не напечатанныя курсивомъ, то можно было бы на немъ не останавливаться, а просто обратиться къ разбору перечисленныхъ авторомъ „поученія“ причинъ, изъ которыхъ дѣйствительно нѣкоторыя имѣли мѣсто и мѣшали намъ побѣждать, но... слова (курсивъ) существуютъ: они предпосланы всему „поученію“, въ нихъ и есть гвоздь „поученія“, вѣрнѣе самооправданіе полководца.

Скажу смѣло, что первая фраза—кромѣ недостатка численности—значить: „въ моемъ распоряженіи никогда не было достаточно силъ“, а вторая—ранѣе заключенія мира—значить: „я побѣдилъ бы именно въ то время, когда заключили миръ, т. е. мнѣ помѣшали“; вѣдь нельзя же понимать послѣднюю фразу буквально, такъ какъ по заключеніи мира, т. е. въ мирное время, побѣдителемъ быть нельзя; наконецъ дальше слѣдуетъ и поясненіе: „никогда наша армія не представляла такой гроз-

ной силы въ матеріальномъ и духовномъ отношеніяхъ, какъ лѣтомъ 1905 г., когда, неожиданно для дѣйствующихъ войскъ, кои были увѣрены въ неудачѣ переговоровъ въ Портсмутѣ и горячо желали этой неудачи, былъ заключенъ миръ, необходимый для внутреннихъ дѣлъ Россіи, но памятный для арміи“.

Поставивъ себя на такой пьедесталъ неуязвимости, ибо можно ли обвинять въ проигрышѣ кампаніи полководца, въ распоряженіи котораго никогда не было достаточно силъ, а когда онѣ явились, то ему приказали не сражаться, авторъ обращается къ сердцу многострадальныхъ учениковъ своихъ и говоритъ, что прежде всего виновенъ онъ самъ— ихъ старшій начальникъ. Какое смиреніе, какое самопожертвованіе! Пріемъ довольно дипломатическій и, отдаю ему справедливость, вѣрный: русское сердце мягко и всегда готово простить кающагося, а въ особенности такого, кто даже имѣетъ законное основаніе не каяться. Но въ чемъ же вина, въ которой такъ великодушно сознается г. Куропаткинъ? а въ томъ, видите ли, что „ему не удалось исправить духовные и матеріальные недочеты ввѣренныхъ ему войскъ и еще шире воспользоваться ихъ несравненными сильными сторонами“.

Допустимъ, что исправить рутину во время войны уже поздно, допустимъ, что она засѣла такъ глубоко, что въ шестилѣтній предшествовавшій войнѣ періодъ портфѣльства надъ арміей, ее то же нельзя было выбить, ибо вѣдь нельзя же не считаться съ тѣмъ фактомъ, что командующій и главнокомандующій арміей не могъ не знать и не видѣть ея недочетовъ, какъ бывшій военный министръ; допустимъ, наконецъ, что злу той же рутины нельзя было противопоставить то хорошее, что было въ арміи, ибо рутина была слишкомъ сильна; но все это относится и касается боевого матеріала, который, будь онъ плохой, хорошій или отличный, долженъ еще быть эксплуатированъ командною властью.

Исторія поучаетъ насъ, что Піемонтская армія французъ 1796 г. представляла изъ себя весьма несовершенный матеріалъ, но прибылъ Бонапартъ, и армія переродилась въ нѣсколько дней; Суворовъ много разъ побѣдоносно водилъ

въ бой войска, терпѣвшія неудачи до его командованія ими; Тотлебенъ создалъ оборону Севастополя изъ ничего; Кондратенко заставилъ блистать Артуръ, какъ лучезарную звѣзду нашихъ маньчжурскихъ войскъ, до самой своей геройской кончины, а вѣдь Артуръ обороняли русскія войска съ присущими имъ въ то время духовными и матеріальными недочетами. Мнѣ возразятъ, что нынѣшнія войны не то, что было прежде: теперь массы—милліоны, нужна система подготовки сложнаго военного механизма, и если она плоха, то ничего не подѣлаешь—система бьетъ систему; война есть экзаменъ государственнаго строя, и если онъ слабъ, то армія не можетъ побѣдить. Г. Куропаткинъ не упустилъ случая оправдаться этимъ геніальнымъ соображеніемъ и говорить, что „теперь, когда съ народа снимается бюрократическая опека, и ему предоставляется возможность свободнаго развитія и примѣненіе своихъ силъ на пользу родины, блага свободы дадутъ во всѣхъ сферахъ дѣятельности людей самостоятельныхъ, предприимчивыхъ, обладающихъ широкою иниціативою, крѣпкимъ тѣломъ (причемъ тутъ гражданская свобода?) и духомъ, тогда обогатится этими силами и армія“.

На первое, т. е. на необходимость системы, отвѣчу, что хотя она и была несовершенна (и совершенствовалась ли за послѣдніе годы передъ войной?), но во всякомъ случаѣ не въ такой степени, чтобы обусловить невозможность побѣды; могли же мы начать побѣдно первое генеральное сраженіе подъ Ляояномъ (11, 12 и 13 августа при Ляндзясань) и заставить японцевъ разбиться объ упорство 3, 1 и 4 Сибирскихъ корпусовъ 17 и 18 августа... но весь успѣхъ былъ потерянъ, благодаря неискусному управленію арміей, во-первыхъ обезпечившему и подготовившему вѣроятность неудачъ на стратегическихъ пунктахъ на р. Тайдзыхе, а во-вторыхъ отказавшемуся отъ возможности ихъ исправленія, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточное количество силъ отличнаго качества; вѣдь доблесть войскъ, проявленная во всѣхъ предшествовавшихъ дняхъ сраженія, конечно, съ избыткомъ покрывала духовные и матеріальные недочеты системы. У кого то не хватило рѣшимости рис-

кнуть, а безъ риска воевать и сражаться нельзя; тогда не нужно было бы ни таланта, ни даже умѣнія.

Итакъ, извиняясь за неисправление и неиспользованіе качествъ боевого матеріала, военно-начальникъ ни слова не говоритъ о томъ, какъ вообще его эксплуатировали, т. е. въ какія условія ставили для исполненія полномочныхъ предначертаній, и каковы были эти предначертанія.

Но это совершенно понятно. Можно ли выиграть кампанію, поставивъ единственнымъ обезпеченіемъ успѣха сосредоточеніе колоссальнаго превосходства силъ (стратегія терпѣнія, оповѣщенная всей Россіи въ Москвѣ), когда всякому даже не военному понятно, что достигнуть этого превосходства надъ Японіей, имѣвшей 50 милліоновъ народонаселенія и находившейся всего въ разстояніи трехъ-дневнаго пути отъ театра военныхъ дѣйствій, конечно, было невозможно; кромѣ того, при возможной—реальной провозоспособности одной коллеи въ 10,000 верстъ, ростъ русской арміи на Дальнемъ Востокѣ имѣлъ свой предѣлъ, ибо въ концѣ концовъ плюсъ шелъ на минусъ. Достаточно было рассчитывать на равенство силъ съ врагомъ, но конечно, было слишкомъ опасно приучать войска къ частнымъ пораженіямъ (тактическое использованіе мѣстности—это такъ называется) и внушать имъ сознаніе необходимости постоянно отступать до легендарнаго момента мифическаго массоваго превосходства силъ. Такое эксплуатированіе боевого матеріала какого угодно качества можетъ только привести къ проигрышу дѣла.

Но о какой недостаточной численности повѣствуетъ „поученіе“? Да, она существовала въ первый періодъ войны—до Ляоянскаго боя, и если бы японцы сумѣли воспользоваться своими козырями, то можетъ быть и не было бы виновныхъ въ нашихъ пораженіяхъ: сила солому ломить. Но наши храбрые враги къ счастью оказались также не безъ недочетовъ и дали возможность намъ сосредоточить подъ Ляояномъ не только равныя, но и превосходныя силы; конечно помогъ намъ и Кондратенко; однако мы проиграли Ляоянъ и при такой счастливой обстановкѣ. А затѣмъ? неужели подъ Шахэ-Бенсиху нашъ противникъ былъ силь-

нѣ насъ? никогда, но онъ былъ искуснѣе и, прикрывшись ничтожною частью своихъ силъ на правомъ флангѣ, гдѣ должна была однако рѣшиться участь операціи (подъ Бен-сиху счастье было такъ близко—говорю это, какъ участникъ сперва, а потомъ, къ сожалѣнію, только какъ наблюдатель), сами нанесли намъ ударъ на лѣвомъ флангѣ. И чѣмъ закончилась наша наступательная операція? отступленіемъ по всему фронту, а лѣвый флангъ сразу отошелъ на нѣсколько переходовъ. Почему не было замѣтно управленія послѣднимъ высшею инстанціей командной власти? Мнѣ скажутъ, что высшему крупному начальнику нельзя размѣниваться, но это не размѣнъ, ибо бываетъ необходимость руководить рѣшительнымъ ударомъ именно тому, кто его задумалъ. Вѣдь точно также отсутствовало управленіе боемъ во время тактическихъ неудачъ у Янтай-копи и на Нѣжинской сопкѣ 20-го августа. Я видѣлъ бой у послѣдняго пункта; онъ казался забавой или шуткой, а тутъ же его наблюдалъ штабъ Маньчжурской арміи; въ эти минуты терялъ свою стратегическую точку столь много пострадавшій г. Орловъ и вообще рѣшалась участь дня я не говорю „сраженія“, ибо его можно было выиграть 21-го августа.

Было ли превосходство силъ у Сандепу? всѣ имѣющіеся свѣдѣнія указываютъ, что мы имѣли огромное. А подъ Мукденомъ? мы ничуть не были слабѣе штыками и превосходили количествомъ полевыхъ орудій; не уступали и въ числѣ осадныхъ, но послѣднія у насъ не дѣйствовали. Я смѣло утверждаю, что съ минуты начала Ляоянскаго боя недостатокъ численности былъ скорѣе всего у японцевъ, а не у насъ, тѣмъ болѣе, что до декабря мѣсяца Кондратенко, отбивая всѣ бѣшенныя порывы Ноги, притягивалъ силы японцевъ на себя.

Я не касаюсь вопроса о соотношеніи силъ обѣихъ воюющихъ сторонъ къ минутѣ заключенія перемирія, ибо не стоитъ говорить о томъ, что было бы, т. е. побѣдили ли бы мы, или нѣтъ, такъ какъ во-первыхъ никто не можетъ навѣрное предрѣшить исходъ любого сраженія, вслѣдствіе слишкомъ большого значенія элемента случайности, а во-вторыхъ русской арміей командовалъ уже другой полко-

водецъ; побѣдой или новымъ пораженіемъ родина была-бы обязана ему, а не г. Куропаткину. Но развѣ мукденская катастрофа не составляетъ одну изъ причинъ преждевременнаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, заключенія мира. Какое же нужно было превосходство въ силахъ для обезпеченія успѣха, когда мы уже проигрывали генеральныя сраженія обладая имъ? можно ли было сказать съ увѣренностью, что мы будемъ драться 1 ¹/₂, противъ 1, или 2 противъ 1? это матеріальная сторона, а можно ли утверждать, что духъ войскъ былъ лучше на Сыпингайскихъ позиціяхъ, чѣмъ на Мукденскихъ? до Мукдена армія знала двѣ неудачи, а послѣ него—три, при чемъ третья была несравненно рельефнѣе, такъ какъ Ляоянь называется стратегическимъ отступленіемъ, а Шахе-Бенсиху—попыткой перехода въ наступленіе. Были ли подавлены послѣ Мукдена недостатки духовные и матеріальные, которые намъ рекомендуютъ „поученіе“ исправить возможно скорѣе, такъ какъ „нельзя арміи ждать работы новаго поколѣнія“.

Я согласенъ признать много изъ перечисленныхъ г. Куропаткинымъ причинъ, мѣшавшихъ намъ быть побѣдителями, но отказываюсь считать таковой недостатокъ численности нашихъ войскъ, ибо признать ее значить во-первыхъ уклониться отъ истины, а во-вторыхъ—закрывать глаза на все остальное.

Первая и главная причина проигрыша кампаніи есть наше неискусство ея веденія, выразившееся: а) въ отсутствіи плана дѣйствій, ибо ткнуться въ Ляоянь и устроить въ этомъ пунктѣ базу первой операціи только потому, что тамъ уже былъ расположенъ штабъ генерала Линевича, не есть планъ кампаніи; б) въ отсутствіи рѣшимости наступать и давать бой по собственной инициативѣ, а не тамъ, гдѣ это выгодно противнику, что замѣтно отъ самаго начала до конца военныхъ дѣйствій, считая началомъ Тюренченъ и концомъ Мукденъ; в) въ отсутствіи проявленія инициативы даже тогда, когда противникъ заблаговременно открываетъ свои карты, какъ это было при обходахъ Куроки подъ Ляояномъ и Ноги подъ Мукденомъ; г) въ отсутствіи управленія, въ смыслѣ направленія къ достиженію единой цѣли корпусовъ въ Маньчжурской арміи, а затѣмъ трехъ частныхъ армій.

Посмотримъ теперь остальные причины, перечисленные въ „поученіи“. Читаемъ: „матеріальные недочеты всѣмъ извѣстны: малое число штыковъ въ ротахъ (въслѣдствіе отчасти малой заботливости о сохраненіи для боя возможно большаго числа рядовъ со стороны всѣхъ начальствующихъ лицъ), недостатокъ въ первое время горной артиллеріи, недостатокъ снарядовъ съ сильнымъ разрывнымъ дѣйствіемъ, недостатокъ пулеметовъ, недостатокъ техническихъ средствъ, средствъ передвиженія грузовъ и другихъ“.

Замѣчательно, что относительно матеріальныхъ недочетовъ только всего и сказано; но можно ли на основаніи столь горькаго опыта этой войны такъ бравировать фразами и словами, принимаемыми въ арміи, какъ истина, ибо они исходятъ отъ авторитета (такъ оповѣщаетъ „Военная Жизнь“).

Малое количество штыковъ въ ротахъ... но нужно объяснить, что общее число ихъ въ генеральныхъ сраженіяхъ было не меньше и даже больше, чѣмъ у японцевъ. Конечно ужасающее количество нестроевого элемента въ нашихъ арміяхъ не можетъ быть терпимо, но можно ли обвинять отчасти всѣхъ начальствующихъ лицъ, если въ высшемъ штабѣ была тысяча слишкомъ штыковъ, которая, конечно, ослабляла боевую силу штыковъ арміи не своимъ количествомъ, а... примѣромъ попустительства.

Недостатокъ въ первое время горной артиллеріи. Конечно, было бы хорошо, если бы на берегахъ Ялу оказалась не батарея съ никуда негодными инструментами, называемыми горными орудіями, а нѣсколько батарей съ такими изящными пушечками, какими я имѣлъ честь командовать на лѣвомъ берегу Тайцзыхэ, въ тылу праваго фланга японцевъ, подъ Бенсиху; онѣ могли стрѣлять унитарнымъ патрономъ на 4 версты; но за 6 лѣтъ подготовительной дѣятельности военнаго министерства передъ войною, не смотря на то, что мы уже заняли Маньчжурію—довольно гористую страну, объ этомъ не подумали.

Однако недостатокъ горной артиллеріи не помѣшалъ намъ начать побѣдно Ляоянскій бой, а полевой артиллеріи корпуса Иванова достигнуть виртуозности своего дѣла въ дни 16—18 августа.

Недостатокъ снарядовъ съ сильнымъ разрывнымъ дѣйствіемъ, но развѣ шимоза давала какія нибудь преимущества японцамъ до тѣхъ поръ, пока мы не отдали имъ всѣхъ горы и переваловъ. Именно въ горной войнѣ она можетъ отсутствовать, такъ какъ шрапнель—единственный снарядъ для пораженія войскъ, сидящихъ на сопкахъ. Она была намъ нужна лишь послѣ Шахэ—Бенсиху, когда на равнинѣ обѣ стороны стали отсиживаться въ деревняхъ; въ открытомъ полѣ японская шимоза довольно любезный, т. е. относительно безвредный, снарядъ. Два дня сидѣлъ отрядъ (въ эту войну у насъ все были отряды) подъ фронтальнымъ и тыльнымъ огнемъ шимозы; вся площадь была усѣяна этими снарядами (огромный процентъ не разрывается), и только одинъ изъ нихъ сразу вывелъ изъ строя болѣе десяти человекъ.

Недостатокъ пулеметовъ до Мукдена включительно. Желательно было бы ихъ имѣть, и, конечно, мы имѣли бы нѣкоторое преимущество; я никогда не видѣлъ ни одного, но испыталъ ихъ дѣйствіе подъ Мукденомъ; однако и пулеметный огонь не заставилъ насъ оставить ввѣренный участокъ позиціи; мы ушли тогда, когда противникъ разбился въ своихъ безплодныхъ трехъ-дневныхъ усиліяхъ и даже прекратилъ огонь, но... мы получили приказаніе отходить на Тѣлинь.

Скажу смѣло, что ни горная артиллерія, ни шимоза, ни пулеметы японцевъ не составляютъ причинъ нашихъ поражений подъ Ляояномъ, Шахэ—Бенсиху и Мукденомъ.

Недостатокъ техническихъ средствъ? Какъ сказано въ „поученіи“, наши матеріальные недочеты всѣмъ извѣстны, но я затрудняюсь постигнуть, какихъ же это средствъ не доставало намъ для достиженія побѣды. Телеграфы были, телефоны также (начальники разговаривали по телефону, съ боевыхъ участковъ позицій подъ огнемъ), воздушные шары летали... Можетъ быть не хватало обуви, приспособленной къ горной мѣстности, но въ Ляоянскомъ бою часть стрѣлковъ лазала босикомъ и не жаловалась; это не помѣшало имъ не отдать не одного шага противнику; они даже его гнали и преслѣдовали. Было мало биноклей, но за то въ главной квартирѣ были походные ватеръ-клозеты. Недо-

статка одежды вообще ни въ лѣтнее, ни въ зимнее время не чувствовалось; наоборотъ, зимой пѣхота была перевьючена всякими теплыми принадлежностями въ видѣ валенокъ, одѣяль, халатовъ, полушубковъ. Считать ли недостаткомъ техническихъ средствъ отсутствіе денегъ, такъ какъ техническое совершенство вообще дорого? Но Россія вела такъ богато, такъ роскошно всю кампанію. Труды высшаго начальства оплачивались капитально; если строевымъ офицерамъ и казалось, что содержаніе ничтожно, то это происходило исключительно вслѣдствіе сравненія ихъ окладовъ съ окладами штабныхъ, при штабахъ находящихся и всякихъ таковыхъ должностей: этапныхъ, транспортныхъ. Въ сущности денегъ некуда было дѣвать; милліоны переведены въ Россію, и много ихъ осталось въ районѣ увеселительныхъ средствъ тыла. Затрудненій въ снабженіи не было, ибо Маньчжурія богатѣйшая страна, а цѣны на фуражъ и продовольствіе были весьма и весьма широкія.

Недостатокъ средствъ передвиженія? Странно, ей Богу странно: полагаю, что ни въ одной арміи не было и не будетъ такого многочисленнаго форменнаго и неформеннаго обоза; были сотни арбяныхъ и вьючныхъ транспортовъ; желѣзная дорога доставила 1.800 экипажей для начальствующихъ лицъ всѣхъ степеней и 3.110 походныхъ кухонь. Только Маньчжурія и Монголія могли такъ широко удовлетворять нашу потребность въ перевозочныхъ средствахъ. Въ отношеніи главной артеріи жизни арміи—Восточно-Китайской желѣзной дороги—нареканій нѣтъ. Прокладкою новыхъ рельсовъ и путей не стѣснялись, ибо достаточно привести такія данныя: отдано японцамъ 50 верстъ готоваго полотна (и $7\frac{1}{2}$ верстъ уложеннаго пути), для нашего стратегическаго наступленія въ Корею, въ направленіи Хайченъ—Сюянь; постройка продолжалась по приказанію генерала Куропаткина до 15-го іюля 1904 г.; отдано вновь построенныхъ во время военныхъ дѣйствій 108 верстъ вѣтокъ и 98 верстъ станціонныхъ путей; на всѣхъ станціяхъ и развѣздахъ, куда только пріѣзжали командовать и повѣлывать, мгновенно укладывали спеціальныя тупики. А сколько осталось въ рукахъ врага укладочнаго матеріала и наконецъ

проложенной дековильской дороги. Гдѣ же тутъ недостатокъ техническихъ средствъ?

Если мы будемъ объяснять проигрышъ нами кампаніи недочетами по матеріальной части, то что придется сказать на заявленіе японцевъ, что они побѣждали при несовершенствѣ своихъ техническихъ средствъ, напримѣръ при томъ условіи, что русскія пули были смертоноснѣе, а русская полевая скорострѣльная пушка несравненно лучше японскаго полевого орудія. Можемъ ли мы это оспаривать?

Обратимся теперь къ указаннымъ въ „поученіи“ духовнымъ недостаткамъ. Здѣсь замѣчается такое смѣшеніе понятій и опредѣленій, что право затрудняешься угадать, что именно желаетъ сказать авторъ. Однимъ изъ духовныхъ недостатковъ считается вводъ въ бой войскъ слишкомъ малыми частями, что однако выдѣлено изъ другой категоріи духовныхъ недостатковъ, называемой недостаточной тактической подготовкой войскъ; также названо отдѣльно и разнообразіе въ обученіи войскъ; затѣмъ идетъ еще недостаточное выясненіе положенія противника передъ боемъ и потому недостаточно сознательное, особенно при наступленіи, веденіе боя“. Къ этому послѣднему пристегнуты, какъ „главное“, дѣйствительно духовные недостатки, основанные на несовершенствѣ воспитанія моральной стороны войскъ.

По моему крайнему разумѣнію все поименованное есть несовершенство тактической подготовки, но вѣроятно, г. Куропаткинъ упустилъ изъ вида, что именно за время его министерства въ нашихъ войскахъ посѣяли страшный сумбуръ тактики. Достаточно сказать, что нѣсколько лѣтъ подрядъ разныя комиссіи обрабатывали программу науки тактики, подгоняя ее подъ уставный учебникъ сего предмета, получившій монополию инструмента для внѣдренія науки въ головы поколѣній нашихъ офицеровъ, а самъ учебникъ ежедневно совершенствовался по разнымъ проектамъ устава полевой службы (это святое святыхъ отпращиванія боевой—не парадной службы), также разрабатываемому комиссіями при главномъ штабѣ г. Сахарова. Правда, наконецъ вспомнили, что г. Драгомировъ понимаетъ тактику

и, забравъ, вѣрнѣе внявъ голосу арміи, возопившей противъ навязываемыхъ ей чудесъ разными стратегами, попросили его дать намъ уставъ. Онъ выполнилъ это, но уже распространившійся сумбуръ и привычка исполнять полевую службу, какъ кому болѣе нравится, и несовершенство обученія тактикѣ офицеровъ, конечно, не дали нашему войску вѣрныхъ началъ и правильныхъ тактическихъ приѣмовъ.

Собственно духовные (они тоже тактическіе, а пожалуй и стратегическіе, смотря по тому, кто именно, т. е. какою властью обладающій начальникъ, ими страдаетъ) недочеты приведены въ поученіи подъ такою рубрикою:

„Недостатокъ инициативы и самостоятельности у частныхъ начальниковъ, недостатокъ боевого одушевленія у офицеровъ и нижнихъ чиновъ, малое стремленіе къ подвигу, недостаточная взаимная выручка сосѣдей, недостатокъ непреклонной воли отъ нижняго чина до старшаго начальника, дабы доводить начатое дѣло до конца, не смотря ни на какія жертвы. Слишкомъ быстрый отказъ, послѣ неудачи иногда только передовыхъ войскъ, отъ стремленія къ побѣдѣ и, вмѣсто повторенія атаки и подачи личнаго примѣра, отходъ назадъ. Этотъ отходъ назадъ во многихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы вызвать у сосѣдей увеличеніе усилій къ восстановленію боя, служилъ сигналомъ для отступленія и сосѣднихъ частей, даже не атакованныхъ. Въ общемъ среди младшихъ и старшихъ чиновъ не находилось достаточнаго числа лицъ съ крупнымъ военнымъ характеромъ, съ желѣзными, не смотря ни на какую обстановку, нервами, способными выдерживать безъ ослабленія почти непрерывный бой въ теченіе многихъ дней“.

Ну что жъ, дѣйствительно все это было, и проявлялось, и приводило къ печальнымъ результатамъ, но неужели же отъ Тюренчена до Ляояна и отъ Ляояна до Мукдена этого нельзя было искоренить. Теперь тотъ, кто имѣлъ полную мочь, кто могъ безмѣрно награждать и выдвигать, ужасно карать и изгонять, сознается, что все это жило, существовало въ арміи, въ арміяхъ! И это законно, возможно, терпимо? Отвѣчу такъ: инициативы не было, потому что ее не

терпѣли свыше, а все остальное я назову двумя словами; стремленіемъ отступать, уходить изъ боя.

Но вѣдь такое стремленіе было освящено и дозволено свыше, начиная съ Тюренчена, а главное не было требованія, не было отвѣтственности. Приведу факты: на берегу р. Ялу сражалось 6 баталіоновъ вмѣсто 15 — 18; цѣлый Восточный отрядъ отступилъ, не будучи безпокоенъ противникомъ, сразу на 130 верстъ; 11 августа 2 роты и 2 сотни начали Ляоянскій бой съ пятернымъ превосходствомъ силъ противника и побѣдили. 12 августа онѣ состязались на той же позиціи съ дивизіею японцевъ, а ихъ сосѣдь уходилъ безъ выстрѣла, имѣя обязанность по инструкціи поддерживать во время боя. 13 августа та же горсть дралась 5 часовъ съ 4-мя баталіонами, и тотъ же, не поддержавшій ранѣе начальникъ, получившій приказаніе стать правѣе, и не подумавъ этого исполнить, а оставался сзади. Все это было извѣстно, но осталось безнаказанно. При отсутствіи всякой требовательности и всякой отвѣтственности, да при условіи распространенія принципа стратегіи терпѣнія, въ виду какого то ожидаемаго въ туманномъ будущемъ мифическаго превосходства силъ, не спасутъ армію подъемъ народнаго духа и дарованіе ему какой угодно гражданской свободы.

Авторъ поученія говоритъ: „очевидно ни школа, ни жизнь не способствовали подготовкѣ въ Великой Россіи, послѣдніе 40—50 лѣтъ, сильныхъ самостоятельныхъ характеровъ; иначе они были бы въ значительно большемъ числѣ и въ арміи, чѣмъ то оказалось въ дѣйствительности“. И далѣе: „люди съ сильными характерами, люди самостоятельные къ сожалѣнію во многихъ случаяхъ въ Россіи не только не выдвигались впередъ, а преслѣдовались: въ мирное время такіе люди для многихъ начальниковъ казались безпокойными, казались людьми съ тяжелымъ характеромъ и такими и аттестовывались“.

Слѣдовательно выходитъ, что съ одной стороны настоящихъ военныхъ начальниковъ при бюрократической опекѣ, существовавшей въ Великой Россіи совсѣмъ не могло быть, а съ другой, такіе люди были, но ихъ изго-

няли изъ арміи. Позволю себѣ сказать смѣло, что никакой бюрократическій режимъ ни въ какой сферѣ государственной жизни такого великаго народа, какъ русскій, не можетъ сдѣлать невозможнымъ наличие настоящихъ дѣятелей, а слѣдовательно и въ русской арміи они жили до войны и вѣроятно прибыли на театръ военныхъ дѣйствій. Если же бюрократическія начала представляютъ изъ себя рутину, трудно поддающуюся искорененію въ обыденной жизни государства, то война именно есть та единственная обстановка для арміи, когда отъ высшей командной власти вполне зависитъ немедленное ихъ уничтоженіе, ибо нигдѣ и никогда не можетъ такъ доминировать воля одного человека, и никакое сообщество людей не способно быть столь послушнымъ и гибкимъ орудіемъ въ его рукахъ, какъ ввѣренное ему войско; душа воиновъ ихъ вождь, и тутъ ни при чемъ бюрократическія начала.

А такъ какъ во время войны продолжалось изгнаніе сильныхъ характеровъ, то, заключаемъ, что намъ приходится и здѣсь использовать поученіе по отрицательному опыту. Этотъ горькій опытъ стоилъ намъ дорого: русская армія потеряла Запольскаго, а онъ былъ лучшимъ офицеромъ генеральнаго штаба; его поставилъ рядомъ съ Кондратенко бывший военный министръ и начальникъ главнаго и генеральнаго штаба г. Сахаровъ. Я встрѣтилъ этого героя 10 февраля на Угольномъ разъѣздѣ, и вотъ что онъ сказалъ мнѣ: „невозможное положеніе; никакого назначенія не даютъ, а суютъ то туда, то сюда“ *). И чѣмъ командовалъ онъ въ день своей славной кончины? 6-ю ротами изъ маршевыхъ войскъ. А что представляли изъ себя эти войска? они не умѣли заряжать своихъ ружей, и драгунскіе унтеръ-офицеры, по просьбѣ маршевого офицера, разставляли ихъ въ цѣпь. Слава честному скромному герою! Ты могъ бы дать побѣду русскому оружію, но былъ поставленъ въ невозможность это сдѣлать.

Остается еще сказать о довольно пространномъ нази-

*) Я заявилъ объ этихъ историческихъ словахъ брату покойнаго еще во время войны.

даніи г.г. офицерамъ искать общеніе съ нижними чинами, сдѣланномъ въ такой формѣ. Сперва военный авторитетъ констатируетъ фактъ, что „въ русской арміи наши офицеры всегда стояли близко къ нижнимъ чинамъ и отечески къ нимъ относились, любили ихъ и пользовались ихъ любовью“. Казалось бы и дѣло въ шляпѣ—ибо это такая важная данная, такой основной устой боевыхъ качествъ войскъ, что армія имъ обеспеченная уже стоитъ твердо на пути къ побѣдѣ. Но послѣ такого положительнаго заявленія идетъ длинное повѣтствованіе о необходимости добиваться общенія и довѣрія солдатъ. Можетъ быть, это признано особенно необходимымъ въ виду нынѣшней обстановки жизни Россіи, ибо сказано такъ: „только при довѣрії солдатъ вы будете въ силахъ использовать всѣ его хорошія качества, ослабить его недостатки и охранить отъ вредныхъ вліяній, которыя нынѣ будутъ болѣе опасны, чѣмъ ранѣе. Недавніе примѣры военныхъ бунтовъ должны быть у васъ постоянно въ памяти“.

Позволимъ себѣ сказать, что если задача поученія состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть глаза на наши недостатки, то можно ли обойти молчаніемъ, что именно въ эту войну краеугольный устой существованія арміи—общеніе офицеровъ съ нижними чинами—былъ нарушенъ, и его считаю однимъ изъ крупнѣйшихъ нашихъ недочетовъ. Правда, вслѣдствіе дезорганизациі кадровъ нашей арміи въ самомъ началѣ войны, вслѣдствіе пополненія многихъ запасныхъ офицеровъ и прапорщиковъ запаса, качество состава офицеровъ понизилось въ значительномъ размѣрѣ; въ этомъ и нужно искать причину названнаго недочета, такъ какъ большинство кадровыхъ офицеровъ, конечно, понимало значеніе общенія и довѣрія солдатъ, но все же было въ значительной степени и совершенно другое, что и должно быть отмѣчено и подчеркнуто.

Нельзя не замѣтить, что въ отношеніи вопроса воспитанія нижнихъ чиновъ наша армія имѣетъ богатѣйшія указанія великаго военного авторитета М. И. Драгомирова, такъ незамѣтно и забыто сошедшаго въ могилу. Мы не признавали его въ эту войну, но признаемъ въ послѣдующія

и вѣроятно будемъ счастливы. Говорятъ, что онъ же сказалъ слѣдующее замѣчательное слово по поводу знаменитаго приказа сдававшаго японцамъ въ декабрь 1904 г. Артуръ г. Стесселя; послѣдній объявлялъ въ февралѣ того же года: „помните! передъ нами врагъ, за нами море!...“ значить о сдачѣ нельзя и помышлять. Драгомировъ сказалъ: „г. Стессель пропустилъ отличный случай промолчать“.

К. Дружининъ.

Приложеніе 8-е.

Отъ автора. На страницѣ 52-й настоящаго труда, строка 20-я, должна была быть помѣщена ссылка на историческую данную—драгоценныя слова Романа Исидоровича Кондратенко, но къ сожалѣнію пропускъ этой части моей рукописи не былъ своевременно обнаруженъ, а потому я и помѣщаю ее въ настоящемъ приложеніи.

„Это настроеніе (въ главной квартирѣ Куропаткина, въ Ляоянѣ, въ апрѣлѣ 1904 года, передъ Тюренченскимъ боемъ) я приписываю послѣдствіямъ Китайской войны 1900 года, которую нельзя назвать иначе, какъ опереткой. О, какой вредъ принесла нашей арміи эта оперетка! Съ одной стороны она приучила нашихъ военачальниковъ къ легкомысленному отношенію къ такому серьезному дѣлу, какъ война, съ которымъ мы начали дѣйствовать противъ японцевъ, а съ другой—породила преувеличенное поклоненіе передъ тѣми же японцами, потому что качества ихъ арміи не могли не быть замѣчены нашими легкомысленными и близорукими героями оперетки; начиная съ самого Линевица. Когда мы—офицеры Европейской Россіи—прибывали на театръ военныхъ дѣйствій, представители Восточно-Сибирскихъ войскъ встрѣчали насъ даже недружелюбно, какъ бы съ такимъ намекомъ: „зачѣмъ молъ пожаловали? и безъ васъ справимся съ врагомъ“. А между тѣмъ, когда еще не было на территоріи Ляоядуна ни одного японца, тѣ же люди находились въ самомъ боязливомъ настроеніи и

уже думали только объ отступленіи, пока Россія не пришлетъ въ Маньчжурію сказочнаго милліона своихъ солдатъ. Конечно такому печальному явленію отступательной тенденціи, а, вѣрнѣе, столь преждевременнаго отказа отъ упорства въ борьбѣ съ врагомъ, значительно поспособствовалъ самъ командующій боевыми войсками, объявивъ въ Москвѣ свои знаменитыя слова: „терпѣніе и терпѣніе“. Для доказательства пагубнаго вліянія послѣдствій Китайской войны 1900 г., привожу выписку изъ письма Генерала Кондратенко:... „Это не война, а развратъ для войскъ: не успѣемъ выслать цѣль стрѣлковъ, какъ въ цѣпи являются всѣ штабные, а иногда и самъ начальникъ отряда, и каждый начинаетъ командовать, чтобы успѣть проявить свое участіе въ дѣлѣ; дѣйствительно надо торопиться, такъ какъ не успѣемъ мы сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ и начать движеніе впередъ, какъ китайцы начинаютъ быстро отступать. Все стараніе сводится къ тому, чтобы нагнать ихъ и хоть нѣсколько положить на мѣстѣ, а то иначе бой выходитъ безъ убитыхъ и раненыхъ“. Всѣмъ извѣстно, какъ мягко и снисходительно относился ко всякимъ прегрѣшеніямъ своихъ товарищей Романъ Исидоровичъ, а слѣдовательно если онъ признавалъ такой развратной китайскую войну (въ которой самъ не участвовалъ, а писалъ со словъ участниковъ), то ему можно повѣрить“.

Отъ автора. Печатаю это приложение, я пользуюсь случаемъ подѣлиться съ читателями и нѣкоторыми другими воспоминаніями о нашемъ единственномъ героѣ Русско-Японской войны. Я имѣлъ счастье прочитать изданную на Дальнемъ Востокѣ, во время войны, книжку писемъ Романа Исидоровича къ своей женѣ, начиная съ 1900 года, когда онъ повелъ свой 20-й стрѣлковый полкъ на театръ дѣйствій боксеровъ, и до той минуты, когда Портъ-Артуръ былъ обложенъ врагомъ. Сохранивъ лишь копіи нѣсколькихъ мѣстъ переписки, я считаю долгомъ предложить для прочтенія эти нѣсколько драгоцѣнныхъ строкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что каждый изъ насъ Русскихъ людей, владѣющихъ перомъ, обязанъ воз-

можно больше напоминать Обществу и Арміи о великихъ заслугахъ передъ Отечествомъ единственнаго Героя послѣдней войны, я помѣщаю здѣсь также перепечатку: моей статьи въ память Романа Исидоровича, помѣщенной въ Харбинской военной газетѣ, приказа Войсковому Штабу Уральскаго казачьяго войска, отданнаго въ годовщину его кончины, и выписки изъ моего письма Надеждѣ Дмитріевнѣ Кондратенко, составляющаго отвѣтъ на откликъ ея по случаю появленія названнаго приказа.

Изъ писемъ Романа Исидоровича Кондратенко.

1) Генераль-маіоръ Кондратенко, командуя въ Портъ-Артурѣ 7-ой В. Сибирской дивизіей, еще до Пасхи 1904 г. составилъ докладъ о высадкѣ японцевъ у Бицзыво; Стессель, представляя его Куропаткину, просилъ выставить къ этому пункту войска.

2) 1 октября 1900 г. Сингапуръ.

...Чѣмъ я становлюсь старше годами, тѣмъ тяжелѣе становится для меня не служба, а тѣ дразги, которыя соединены со службой, особенно въ строю, когда приходится имѣть дѣло со многими подчиненными и начальниками самыхъ разнообразныхъ степеней образованія, воспитанія и взглядовъ. Жить въ этомъ виногради, постоянно лавируя, чтобы не заварить каши, становится съ каждымъ годомъ противнѣе.

3) ...Недавно вышли правила, что можно производить въ генералы по прослуженіи 8 лѣтъ въ чинѣ полковника, а внѣ правилъ даже и по прослуженіи 6 лѣтъ. ...Новыя правила въ сущности хороши только для лицъ съ протекціей, благодаря которой они могутъ надѣвать генеральскую форму по прослуженіи даже 6 лѣтъ въ чинѣ полковника; для простыхъ же смертныхъ эти правила могутъ представить даже замедленіе въ полученіи генеральскихъ мѣстъ, которыя могутъ заниматься 6-ти лѣтними полковниками, пользующимися протекціей.

4) ...Два мѣсяца пребыванія на пароходѣ (путешествіе со стрѣлками на Д. Востокъ) познакомило меня съ нашими офицерами несравненно болѣе, чѣмъ 4¹/₂ лѣтнее командование полкомъ. Выводъ мой—не дай Богъ нашимъ дѣтямъ служить даже въ лучшемъ армейскомъ полку: узкіе взгляды, перемѣшиваясь съ самонадѣянностью, не знающею во многихъ случаяхъ границъ, даютъ такую атмосферу, среди которой воспитанному и болѣе широко развитому человѣку приходится жутко, если онъ подчиненный или товарищъ, а если начальникъ, какъ былъ на пароходѣ я, то онъ осужденъ на полное одиночество и недоброжелательство, а при малѣйшей снисходительности—не гарантированъ и отъ нарушенія дисциплины. Одинъ офицеръ, послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ ему мною замѣчаній по службѣ, позволилъ себѣ просто отвернуться при встрѣчѣ со мною. Я остановилъ его и, конечно, немедленно по пріѣздѣ, доложилъ генералу N, который и прикомандировалъ его къ другому полку, командиру котораго было написано соответствующее письмо.

5) 27 января 1904 г. Портъ-Артуръ.

...Жена г. Стесселя показала мнѣ телеграмму военного министра съ поздравленіемъ г. Стесселя съ состоявшимся Высочайшимъ соизволеніемъ на назначеніе его командующимъ 3-мъ Сибирскимъ корпусомъ. Въмѣсто г. Стесселя, комендантомъ крѣпости П. Артуръ Намѣстникъ предполагаетъ назначить меня, хотя отъ военного министра (Г. А. Куропаткина) была телеграмма съ предложеніемъ на эту должность другого (коменданта крѣпости Зегржъ—г. м. Гусакова). О предложеніи назначить меня Намѣстникъ телеграфировалъ военному министру. Въмѣсто меня начальникомъ 7-й бригады предназначается г. Даниловъ.

Примѣчаніе. Въ этотъ день началась война.

6) 5 февраля 1904 г. Портъ-Артуръ.

...Вчера я узналъ, что комендантомъ Артура назначенъ начальникъ 1-й стрѣлковой бригады (изъ Россіи) г. м. Смирновъ, съ производствомъ въ генераль-лейтенанты. Замѣ-

чательно, что Стессель зналъ объ этомъ назначеніи уже два дня, но ничего мнѣ не говорилъ.

При осмотрѣ фортозъ, изъ которыхъ одинъ въ особенности построенъ очень плохо въ военномъ отношеніи, Намѣстникъ два раза назвалъ меня главнымъ инженеромъ и просилъ г. Стесселя передать мнѣ всю инженерную часть. Стессель отвѣчалъ, что онъ и безъ того все передалъ по этой части мнѣ, и что я весь день провожу на позиціяхъ.

Харбинъ, 2 апрѣля 1906 г.

Памяти Кондратенко въ Свѣтлый Праздникъ.

Никакія усилія памяти мнѣ не помогаютъ, и я забылъ, когда въ первый разъ услышалъ фамилію генерала К он д р а т е н к о; знаю только, что это случилось не ранѣ конца іюля 1904 года. Но кто же изъ насъ, маленькихъ ничтожныхъ людей, зналъ о Немъ, если М. И. Драгомировъ писалъ: „Ты прошелъ мимо меня незамѣченнымъ“.

За то теперь о Немъ знаетъ вся Россія, весь міръ. Его имя стало бессмертно, ибо Оно записано на скрижаляхъ славы Россіи и Русскаго оружія; Имъ и только Имъ держался Артуръ; съ Его смертью связана смерть твердыни Россіи, столь неосторожно, но столь блистательно по идеѣ, выдвинутой на страхъ ея врагамъ, на ростъ ея могущества, на единоборство съ идеей всемірнаго владычества.

Тебя не спрашивали, когда занимали Артуръ, и никогда не предназначали для его защиты, но судьбѣ, столь измѣнически поступившей съ блескомъ нашей политики на Дальнемъ Востокѣ, было угодно тобою искупить наше разочарованіе.

Да, мы потеряли Артуръ, потеряли безмѣрно, много, надолго, но... мы приобрѣли Кондратенко, и уже одно это искупаетъ наши потери. Дорогою цѣною заплатило отечество, чтобы признать величайшимъ лучшаго изъ сыновъ въ дни своихъ ужасныхъ страданій, но вѣдь твой духъ,

герой, остался среди насъ; Онъ долженъ возвеличить нашу мощь; онъ дастъ намъ силы вернуть все, что мы потеряли, познавъ тебя, и пріобрѣсти еще.

Ты благословишь изъ Царства Небеснаго нашу армію, принявшую Твои завѣты, которые Ты не оставилъ намъ отъ Своего имени, за Твоею подписью, но далъ примѣрами Твоего генія, Твоего самопожертвованія, Твоей честности, Твоей скромности. Ничего для себя, все во имя долга— вотъ девизъ всей Твоей святой жизни. Твои примѣры не прошли безслѣдно.

Намъ не тяжело знать, что Тебя нѣтъ среди насъ живущихъ, ибо, что значать какія нибудь 10—20 лѣтъ общенія съ живыми, когда и черезъ 200—300 лѣтъ преждевременно отошедшій въ вѣчность будетъ все также жить среди русскаго народа, направлять его къ идеаламъ, двигать на честныя доблестныя дѣла.

Христосъ Воскресе! и Ты воскресъ навсегда, до скончанія міра, до скончанія тебѣ благодарной Россіи и живущей Твоими завѣтами Русской арміи.

Приказъ Войсковому Штабу Уральскаго казач. войска и подвѣдомств. ему частямъ и учрежденіямъ.

Г. Уральскъ, 6 декабря 1906 г. № 181.

Онъ числился Начальникомъ Штаба Войскъ Уральской области съ 23 ноября по 18 декабря 1895 г.

23 ноября 1905 года былъ назначенъ Начальникомъ Штаба Войскъ Уральской области полковникъ Кондратенко, но онъ не прибылъ къ мѣсту службы и не вступалъ въ должность, такъ какъ уже 18 декабря послѣдовало его назначеніе командиромъ 20 стрѣлковаго полка.

Фактъ этотъ въ свое время прошелъ незамѣтно, но теперь онъ является великимъ историческимъ событіемъ въ жизни тогдашняго Штаба Войскъ Уральской области, нынѣ Войскаго Штаба Уральскаго казачьяго войска, ибо то обстоятельство, что Незабвенный Славнѣйшій Герой Портъ-

Артура и послѣдней Русско-Японской войны Романъ Исидоровичъ Кондратенко числился въ спискахъ Штаба въ продолженіе 26 дней, составляетъ вѣчную гордость Штаба. Слава и заслуги генерала Кондратенко передъ Россіей и ея Арміей такъ безмѣрно велики, что всякая часть, всякое учрежденіе конечно будутъ всегда особенно, свято, дорожить какою бы то ни было связью своею съ его Безсмертнымъ Именемъ.

Недавнія событія исторіи Россіи даютъ намъ объясненія причины, почему полковникъ Кондратенко не могъ прибыть на службу къ Уральскому казачьему войску. Волею и предопредѣленіемъ судьбы онъ былъ призванъ защищать противъ грозной вражеской силы оплотъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Назначеніе Командиромъ 20 стрѣлковаго полка именно послужило причиною появленія Героя на театрѣ военныхъ дѣйствій: ввѣренный ему полкъ былъ командированъ на Дальній Востокъ въ дни боксёрскаго движенія въ Китаѣ и Маньчжуріи; приведя туда свой полкъ, полковникъ Кондратенко получилъ позднѣе назначеніе Дежурнымъ Генераломъ въ Штабъ Пріамурскаго Военнаго Округа, а затѣмъ и Командиромъ 7-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады, во главѣ которой, съ переформированіемъ ея въ дивизію, онъ сдѣлался стражемъ крѣпости Портъ-Артура и душою ея обороны.

Воспользуемся случаемъ Праздника Войскового Штаба, чтобы отдать нашъ долгъ Памяти Славнѣйшаго изъ Славныхъ защитниковъ чести Россіи. Да будетъ жить въ насъ непрестанно, денно и нощно, эта память объ истинномъ, настоящемъ Героѣ, который хотя и не оставилъ намъ своихъ завѣтовъ, за своею подписью, отъ своего Имени, но далъ намъ ихъ въ примѣрахъ своего генія, своего самопожертвованія, своей честности и своей скромности. Преклонимся передъ девизомъ всей святой жизни безвремени отошедшаго въ вѣчность на полѣ брани Романа Исидоровича Кондратенко: „ничего для себя, все во имя долга“, и постараемся сохранивъ этотъ девизъ навсегда въ нашихъ сердцахъ.

Приказъ прочесть всѣмъ чинамъ частей и Учрежденій
подвѣдомственныхъ Войсковому Штабу.

Начальникъ Штаба Полковникъ Дружининъ.

Изъ письма Надеждѣ Дмитріевнѣ Кондратенко.

Уральскъ 30 декабря 1906 г.

Изъ прилагаемый статьи, которую я писалъ на Пасху этого кончающагося года, Вы усмотрите, что до войны я совершенно не зналъ даже фамиліи Генерала Кондратенко и слышалъ о немъ уже во время военныхъ дѣйствій, когда Артуръ былъ обложенъ, и слѣдовательно его защитникъ вступилъ въ свои права. А между тѣмъ я служилъ въ генеральномъ штабѣ съ 1889 по 1902 годъ. Во время войны, въ дѣйствующей арміи было извѣстно, что Артуръ держится только геніемъ Вашего мужа, но вѣдь у насъ такъ безучастно относились ко всему, не затрогивавшему личныхъ интересовъ, что конечно свѣдѣнія о единственномъ нашемъ Богатырѣ были ничтожны. По окончаніи войны, на театрѣ военныхъ дѣйствій, опять таки нельзя было ничего узнать не только о жизни и дѣятельности его до войны, но даже и о столь недавно совершенныхъ имъ подвигахъ, но въ январѣ текущаго года судьба дала мнѣ возможность получить довольно подробныя свѣдѣнія о дѣятельности Романа Исидоровича въ Артурѣ. Вернувшись съ театра военныхъ дѣйствій въ столицу я былъ назначенъ въ распоряженіе командующаго войсками на Д. Востокѣ генерала Гродекова, котораго мнѣ было поручено доставить изъ С.-Петербурга въ Маньчжурію. Въ числѣ взятыхъ съ собою Гродековымъ трехъ лицъ находился поручикъ Гриневицъ, состоявшій адъютантомъ по хозяйственной части въ штабѣ Романа Исидоровича. Въ продолженіе 11 сутокъ путешествія на Д. Востокъ, я имѣлъ возможность постоянно говорить о Вашемъ мужѣ съ Гриневицемъ. Онъ далъ мнѣ прочесть напечатанную, кажется, въ Хабаровскѣ переписку съ Вами. Эти письма Романа Исидоровича, къ сожалѣнію не составляющіе еще достоянія арміи и общества, производятъ осо-

бенное впечатлѣніе: прочитавшій ихъ не можетъ не придти къ убѣжденію, что человѣкъ ихъ писавшій представляетъ изъ себя прежде всего совершенство въ нравственномъ отношеніи, какъ личность, которой были совершенно чужды какіе бы то ни было недостатки, свойственные человѣческой природѣ. Такого отсутствія эгоизма, тщеславія, корысти, самомнѣнія нѣтъ, и не знаю будетъ ли когда либо въ человѣкѣ. Наоборотъ, такое богатство простоты, смиренія, честности, доброты и другихъ добродѣтелей можетъ быть удѣломъ только святыхъ. Я никогда не думалъ, чтобы въ наше время могъ существовать, и въ особенности въ военной средѣ, человѣкъ такой безусловной чистоты и невинности. Не понимаю, какъ жизнь, притомъ столь глубоко сознательная, не оставила никакихъ слѣдовъ на цѣльности нравственного облика незабвеннаго героя. Но конечно причины такого явленія понятны: нравственная сила Романа Исидоровича была необычайно велика, и ее не могли не только сломить, но даже потревожить, никакія обстоятельства человѣческой жизни, такъ же точно, какъ не могли поборотъ его военного генія никакія усилія весьма искуснаго и фанатически настойчиваго врага. Романъ Исидоровичъ въ жизненной борьбѣ, т. е. въ борьбѣ идеала нравственнаго человѣческаго существа противъ существа животнаго и злого, былъ всегда побѣдителемъ, а потому ему было легко побѣждать и на полѣ сраженія. Сравнивая г. Кондратенко съ другими военными геніями, я отдаю ему предпочтеніе потому, что въ военномъ искусствѣ нельзя иногда не пользоваться злою и животною стороною человѣческихъ существъ, напр. игрою на чувствахъ своихъ подчиненныхъ, иногда на обманѣ ихъ и т. п. Но онъ великъ именно тѣмъ, что достигалъ всего, оставаясь всегда вѣрнымъ себѣ, т. е. святымъ человѣкомъ. Другого такого великаго полководца мы не знаемъ и врядъ ли узнаемъ когда нибудь.

Мнѣ былъ обѣщанъ экземпляръ книги писемъ, и поэтому я снялъ копію лишь нѣсколькихъ фразъ; къ несчастію, такого не получилъ, но содержаніе писемъ врѣзалось въ мою память навсегда, и съ минуты ихъ прочтенія совер-

шенный, чудный обликъ Романа Исидоровича не покидаетъ меня никогда. Я нахожу, что и Россія, и армія слишкомъ мало чтутъ его память. Конечно есть смягчающія обстоятельства: непопулярность бывшей войны, ея печальный исходъ, пережитое время смуты и безпорядковъ внутри страны... Но, казалось бы, тѣмъ болѣе должны мы цѣнить заслуги г. Кондратенко. Что могли бы мы сказать послѣ этой войны, если бы не имѣли его? Нѣтъ ни одного имени къ которому нельзя было бы придратъся, да и былъ ли у насъ въ Маньчжуріи хотя одинъ настоящій воинъ—начальникъ? Кромѣ Романа Исидоровича нѣтъ никого, но онъ одинъ своимъ величіемъ и геніемъ искупаетъ недостатокъ всей арміи, ибо онъ у насъ былъ и тѣмъ доказаль, что, въ самыя тяжелыя времена бѣдствій родины, въ ней нашелся человекъ, выше и славнѣе котораго невозможно искать. Конечно то, что я можетъ быть высказываю слишкомъ блѣдно и неумѣло, будетъ иллюстрировано исторіей несравненно полнѣе, красивѣе и параднѣе, но пока исторія еще говоритъ слишкомъ мало, а между тѣмъ настоящимъ русскимъ людямъ это тяжело: хочется, чтобы безмѣрныя заслуги были бы оцѣнены немедленно, чтобы въ Россіи, въ арміи не засыпали чувства благодарности и справедливости. Наконецъ армія отчасти виновата передъ Романомъ Исидоровичемъ: развѣ она оцѣнила его совершенства при его жизни, до той критической минуты, когда пришлось волею-неволей предоставить ему достаточно широкое поприще дѣятельности, иниціативу и власть? А что же думали раньше? Развѣ не подлежить ответственности тотъ же Гродековъ, который имѣетъ смѣлость говорить (повторяю его подлинныя слова, сказанныя въ моемъ присутствіи), что счастливъ тѣмъ, что ему не пришлось писать аттестацію Генералу Кондратенко, такъ какъ онъ аттестоваль бы его плохо. Да, этотъ ограниченный человекъ предпочиталь Генералу Кондратенко какихъ то типовъ, представляющихъ изъ себя вредное ничтожество, много поспособствовавшее деморализаціи Маньчжурской арміи, какъ въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій (Тюренченъ), такъ и во все время ихъ продолженія

(Бенсиху, Мукденъ). Какъ можетъ оправдаться тотъ, или тѣ, благодаря которымъ Г. Кондратенко не былъ назначенъ комендантомъ Артура, и эта должность была предоставлена Смирнову! Справедливый судъ исторіи оцѣнить все это, но когда? Поэтому рѣшаюсь высказать нѣчто весьма печальное! При условіи существованія въ прошломъ—до войны, а къ сожалѣнію едва ли не понынѣ, безотрадной неурядицы въ администраціи русской арміи, смерть Романа Исидоровича на полѣ брани была необходимо для того, чтобы его лавры принадлежали ему, а не другимъ, которые приобрѣли бы ихъ черезъ него и себѣ присвоили бы. Если бы смерть не похитила душу обороны Артура, то крѣпость держалась бы еще неопредѣленное время; тогда могло не быть пораженія подъ Мукденомъ; если бы мы только потѣснили (не говорю даже разбили) японцевъ въ полѣ, они пошли бы на миръ. Кто были бы героями? конечно не тотъ, кто создалъ изъ ничего оборону крѣпости и слѣдовательно силою своего генія и своимъ самопожертвованіемъ выигралъ бы кампанію. Судьба показала Россіи и арміи, что, какъ только не стало Романа Исидоровича, тотчасъ же палъ Артуръ, а затѣмъ и окончательно вырванъ былъ всякій успѣхъ въ открытомъ полѣ. Какъ ни грустно, ни тяжело высказывать такія мысли, но онѣ логичны. Простите меня за нихъ, ибо сердце мое полно негодованія за прошлое Романа Исидоровича. Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ! однако у насъ эта пословица примѣняется слишкомъ безнравственно. Впрочемъ никто, никогда, какъ мы, такъ жестоко и не расплачивался за это.

К. Дружининъ.

Кто виноватъ въ стратегическихъ результатахъ операциі Вафангоу?

Наша первая стратегическая операциа на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, называемая Ляоянской, отъ которой зависѣла дальнѣйшая участь кампаніи, а слѣдовательно имѣющая первостепенное политическое и стратегическое значеніе, закончилась пораженіемъ Маньчжурской Арміи подъ Ляояномъ—подъ предводительствомъ Генераль-Адъютанта Куропаткина.

Обыкновенно принято считать, что разбитыя на полѣ сраженія войска носятъ уже до столкновенія съ противникомъ въ самихъ себѣ зародышъ пораженія, т. е. причину послѣдняго слѣдуетъ искать не только въ неумѣнн полководца командовать—управлять, другими словами въ отсутствіи побѣднаго искусства, но и въ отсутствіи упорства въ командуемой живой силѣ, проявляемаго, какъ во время самаго боя, такъ и задолго до начала его, еще во время подготовительныхъ операций. Настоящею запискою я постараюсь доказать, что живая сила, т. е. Русская Армія стоитъ внѣ какого либо упрека.

Подготовительныя операции, предшествовавшія генеральному сраженію подъ Ляояномъ, обнимаютъ весь періодъ, съ минуты начала военныхъ дѣйствій (считаю съ 1-го февраля) до 7-ми часовъ утра 11-го августа, когда авангардъ Маршала Куроки далъ первый залпъ у д. Тунсинпу по передовому отряду 3-го Сибирскаго корпуса, оберегавшему правый флангъ Ляндясань-Анпинской позиціи.

Прежде всего подготовка должна была состоять въ томъ, чтобы сосредоточить на театрѣ военныхъ дѣйствій

достаточное количество силъ; выполненіе нами этой задачи конечно подлежить весьма интересной административной критикѣ, но не буду ее касаться по той простой причинѣ, что къ началу генеральнаго сраженія подѣ Ляояномъ Россіи удалось поставить подѣ начальство избраннаго ею полководца вполнѣ достаточное количество войскъ: японцы атаковали г. Куропаткина не превосходными, а равными силами (а по нѣкоторымъ даннымъ—даже меньшими силами).

Слѣдующая задача состояла въ томъ, чтобы поставить армію въ наиболѣе выгодное стратегическое положеніе. Въ этомъ отношеніи, скажу смѣло, задача была разрѣшена нами совершенно неудовлетворительно, что произошло прежде всего потому, что у командующаго арміей не было никакого заранѣе предрѣшеннаго до его прибытія на театръ войны, и затѣмъ даже предначертаннаго имъ во время командованія Маньчжурской Арміей, плана дѣйствій. Ляоянское сраженіе явилось для него такою же случайностью, какъ Тюренченъ, Вафангоу, Янзелинъ, Долинъ и другія частныя пораженія отдѣльных корпусовъ и отрядовъ арміи. Всѣ эти бои имѣютъ совершенно одинаковое стратегическое значеніе.

Японцы съ самаго начала войны поставили себѣ одновременно двѣ цѣли дѣйствій: ускоренная атака крѣпости Портъ-Артуръ и разбитіе Маньчжурской Арміи; отдѣливъ для выполненія первой задачи нужное, какъ имъ казалось, количество силъ подѣ начальствомъ г. Ноги, Ояма направилъ остальные войска по двумъ направленіямъ: съ юго-востока—изъ Кореи, отъ р. Ялу, и съ юга—вдоль желѣзной дороги, имѣя конечною точкою движенія Ляоянъ, гдѣ онъ рассчитывалъ не только нанести пораженіе русской арміи, но и уничтожить.

Такимъ образомъ, съ минуты обнаруженія обоихъ направленій армій противника, Маньчжурская Армія получила центральное положеніе по отношенію къ войскамъ Оямы, и слѣдовательно ей приходилось рѣшить задачу, называемую въ стратегіи: „дѣйствія по внутреннимъ операционнымъ линіямъ“. Задача состоитъ въ томъ, чтобы, пользуясь разброскою силъ противника, бить его по частямъ,

направляя достаточныя для этого силы противъ одной изъ группъ войскъ противника; конечно, по мѣрѣ приближенія послѣдняго, т. е. уменьшенія длины операціонныхъ линій, возможность успѣха такихъ дѣйствій постепенно уменьшается и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Въ данномъ случаѣ напимѣрь, можно было надѣяться разбить или Куроки, стоявшаго у Фынхуанчена, или Оку, бывшаго у Вафандяна; это было гораздо труднѣе, когда они подошли къ Янзелину и Гайчжоу. Такія дѣйствія требуютъ во-первыхъ искуснаго рѣшительнаго руководства и во-вторыхъ подвижности войскъ, т. е. какъ разъ именно того, что отсутствовало въ Маньчжурской Арміи. Г. Куропаткинъ страдалъ отсутствіемъ всякой рѣшимости, стремясь избѣгать прежде всего малѣйшаго риска; войска, неимѣвшія вѣчныхъ артиллеріи и обоза, стѣснялись въ своей дѣятельности гористою мѣстностью и кромѣ того вообще не внали горной тактики. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что отсутствіе подвижности въ нашихъ войскахъ не составляло еще главнѣйшей данной парализовавшей ихъ дѣятельность; этому недостатку усиленно потакали, съ нимъ хотѣли считаться, и какъ бы его узаконивали, вѣдряли въ войска; полагаю, что Скобелевъ сумѣлъ бы достигнуть и подвижности, и быстроты... но его не было съ нами; наконецъ вѣдь отступали мы очень быстро, преодолая всякія препятствія въ видѣ горъ, переваловъ и грязи.

Операція Вафангоу является единственной попыткой примѣнить стратегическое искусство въ смыслѣ дѣйствій по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ; правда она окончилась неудачнымъ боемъ и немедленнымъ отступленіемъ, т. е. имѣетъ только отрицательный результатъ: если даже и полевой въ смыслѣ стратегическомъ, такъ какъ японцы не развили своего успѣха, то во всякомъ случаѣ тяжелый въ моральномъ отношеніи, какъ проигрышъ сраженія, какъ лишнее пораженіе. Тѣмъ не менѣе многіе утверждаютъ что отъ Вафангоу зависѣло все, т. е. участь всей кампаніи, а Вафангоу было кѣмъ то навязано Маньчжурской Арміи, что безъ приказа свыше не было

бы Вафангоу, а тогда Ляоянь могъ бы быть побѣдою, вмѣсто пораженія.

Посмотримъ же, справедливо ли такое мнѣніе, и можно ли считать виновнымъ за результаты Вафангоу кого либо другого, кромѣ командной власти арміи. Не имѣя никакого плана дѣйствій, Куропаткинъ занялъ центральное по отношенію къ войскамъ Оямы положеніе въ Ляоянѣ и началъ готовить свою будущую побѣду.

Я не считаю планомъ идею „терпѣть“, т. е. отступать и выжидать до момента какого то колоссальнаго превосходства силъ, потому что тѣмъ не менѣе мы ткнулись въ Ляоянь, гдѣ возможность сосредоточенія силъ Русской Арміи зависѣла совсѣмъ не отъ насъ, а исключительно отъ японцевъ, которые и предоставили намъ любезно эту возможность; къ сожалѣнію такая капитальная ошибка стратегіи нашего противника не была нами использована.

Замѣтимъ, что, отправляясь на войну, Куропаткинъ согласился подчиниться Намѣстнику, т. е. тогдашнему главнокомандующему. Послѣднему приходилось руководить и Артуромъ и арміей; онъ былъ готовъ утилизировать силы полевыхъ войскъ для помощи крѣпости прикрывавшей Тихоокеанскую эскадру. Куропаткинъ же преслѣдовалъ лишь одну цѣль—сбереженіе до болѣе удобнаго момента своей арміи.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій г. Куропаткинъ проявляетъ полную пассивность личнаго руководства войсками: онъ посылаетъ г. Засулича на берега р. Ялу и, давъ ему весьма неопредѣленные указанія, не заботится о препятствіи наступленію Куроки; позволяетъ Восточному отряду отступить однимъ махомъ, безъ всякаго на то принужденія противникомъ, къ Ляншаньгуань, а затѣмъ и еще далѣе, уступая безъ выстрѣла укрѣпленные позиціи и разработанный готовый стратегическій путь наступленія. Въ отношеніи воспрепятствованія высадкѣ японцевъ у Бицзыво Куропаткинъ проявляетъ полную пассивность, ибо ограничивается какимъ то намекомъ, въ видѣ высылки къ станціи Пуландянъ отряда Г. М. Зыкова (4 бтл., 6 эск., 8 орд. и части погран. стражи), результаты чего опредѣляются имъ такими

словами: „Уже при первыхъ извѣстiяхъ о высадкѣ японцевъ у Бицзыво, я былъ озабоченъ мыслью выяснитъ значенiе этой операцiи и размѣръ высадившихся силъ, и съ этою цѣлью выслалъ къ сторонѣ Пуландяна отрядъ г. Зыкова. Отрядъ этотъ продвинулся до Вафандяна и помогъ намъ, какъ выяснитъ размѣры самой высадки, такъ и поддержать нѣсколько дней сообщенiе съ П. Артуромъ, при чемъ удалось продвинуть въ П. Артуръ поѣздъ со снарядами особой важности“.

Всѣмъ извѣстно, какъ выяснялъ этотъ отрядъ размѣры высадки (даже не видѣлъ ее); поѣздъ со снарядами былъ проведенъ въ Артуръ только благодаря находчивости подполковника Спиридонова; утверждаю, что если бы г. Зыковъ и не былъ въ Вафандянѣ, то это ничуть не измѣнило бы ходъ событiй на театрѣ военныхъ дѣйствiй.

Не смотря на уже опредѣлившiяся высадкою у Бицзыво намѣренiя противника и имѣнiе въ рукахъ точныхъ свѣдѣнiй о полной безопасности западнаго побережiя Ляодунскаго залива, продолжается разбрасыванiе войскъ (1-й Сибирскiй корпусъ) по этому берегу; мало того, безпокоясь за территорiю вдоль р. Ляохэ, ожидая не только наступленiя японцевъ, но и нарушенiя нейтралитета Китаемъ, Куропаткинъ создаетъ стратегической важности Ляохейскiй отрядъ, ввѣряя его генералу Косоговскому, особенно способному видѣть во снѣ и на яву стратегическiя и тактическiя окруженiя врагомъ. Отрядъ г. Зыкова продолжаетъ оставаться въ Вафандянѣ и тогда, когда сообщенiе съ Артуромъ было прервано. Конечно столь выдвинутое положенiе ничтожныхъ силъ было опасно; вотъ почему весьма естественно, послѣ печальнаго опыта Тюренчена, 28 апрѣля изъ С.-Петербурга, было преподано указанiе, дающее замѣчательно вѣрную оцѣнку тогдашняго положенiя дѣль:

„Послѣ отступленiя нашего отъ Ялу и высадки японцевъ у Бицзыво, стратегическое положенiе значительно измѣнилось. Дальнѣйшее охраненiе желѣзной дороги между армiей и П.-Артуромъ и занятiе Инкоу излишни. Слѣдуетъ избѣгать разброски силъ. Положенiе отряда г. Зыкова опасно. Единственное средство улучшить наше стратегиче-

ское положеніе заключается въ быстромъ и возможно полномъ сосредоточеніи арміи, которая, при данномъ условіи, будетъ въ состояніи бороться даже съ двумя японскими арміями“.

Если вообще стратегія признаетъ вреднымъ стѣсненіе полномочій полководца какими нибудь указаніями свѣше, то, въ данномъ случаѣ, наоборотъ, именно свѣше давались самыя полезныя и рациональныя напоминанія, которыя только надлежало исполнить: „прежде всего сосредоточить армію, дабы не подвергать войска частнымъ пораженіямъ, и уже, по сосредоточеніи, дать отпоръ противнику“. Что можно сказать противъ столь здравой и простой идеи?

Посмотримъ, каковъ послѣдовалъ отвѣтъ Куропаткина на спокойное и твердое выраженіе высшей власти. Онъ испугался, что его считаютъ уже достаточно сильнымъ для борьбы съ врагомъ, а потому на всякій случай предупреждаетъ (телеграммой отъ 30 апрѣля) о возможности своего отступленія:

„Озабоченъ исполненіемъ указанной первой задачи—сосредоточенія арміи изъ достаточныхъ силъ, но, при полномъ желаніи удержать Ляоянь и Мукденъ, предвижу возможность отступленія, если Китай нарушитъ нейтралитетъ, или японцы высадятся близъ Инкоу. Единственнымъ выходомъ тогда—отступленіе арміи за Тѣлинь. Особенно важно удержать Китай отъ нарушенія нейтралитета“.

На это послѣдовалъ 3-го мая весьма опредѣленный отвѣтъ Намѣстника: „Хотя въ февралѣ и было поставлено первой задачей сосредоточеніе въ надлежащихъ силахъ, но 28 апрѣля послѣдовали новыя указанія, по коимъ силы арміи признаются достаточными для сдержанія наступленія двухъ японскихъ армій. Скоро силы арміи (нашей) превзойдутъ 100 баталіоновъ, и тогда едва ли представится надобность въ отступленіи. Наступленіе еще одной японской арміи съ запада къ Синминтину и Мукдену, если бы и послѣдовало, непосредственной опасности не представляетъ. Между тѣмъ 28 апрѣля вамъ ставится вопросъ о выручкѣ Артура, который едва ли продержится болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. При отступленіи на сѣверъ возможность его выручки от-

дается. Полагаю вполне возможным дать нынѣ непріятелю возможный отпоръ“.

Итакъ 3-го мая уже былъ окончательно рѣшенъ и въ С.-Петербургѣ и въ Мукденѣ вопросъ о необходимости наступленія на югъ для выручки Артура. Казалось бы командующему арміей оставалось только исполнить приказаніе Намѣстника, если онъ находилъ это возможнымъ и выполнимымъ, или же категорически заявить, что подобный способъ дѣйствій не соотвѣтствуетъ данной обстановкѣ и долженъ быть исключенъ, какъ разрушающій расчеты плана военныхъ дѣйствій. Однако Куропаткинъ не рѣшается ни на то, ни на другое. Поэтому Намѣстникъ въ своемъ письмѣ отъ 3-го мая, очерчивая обстановку на театрѣ военныхъ дѣйствій (нерѣшительность дѣйствій японской арміи подъ Фынхуанченомъ, направленіе значительныхъ силъ противника на Ляодунскій полуостровъ, возможность активныхъ дѣйствій съ нашей стороны въ виду вѣроятнаго превосходства силъ Маньчжурской арміи надъ японской, расположенной въ южной Маньчжуріи), рекомендуетъ два способа дѣйствій:

1) оставивъ на югѣ достаточный заслонъ, на случай появленія съ этой стороны новой непріятельской арміи, двинуться съ большею частью силъ на Фынхуанченъ, съ цѣлью разбить и отбросить за Ялу расположенную тамъ японскую армію; въ виду полного превосходства силъ Маньчжурской арміи надъ японской, расположенной въ южной Маньчжуріи, такая операція не представляетъ никакой опасности и обѣщаетъ успѣхъ;

2) выставивъ на перевалахъ вполне обеспечивающій нашу коммуникаціонную линію заслонъ противъ расположенной у Фынхуанчена японской арміи и оставивъ резервъ у Хайчена, двинуться съ частью силъ на помощь Артуру.

11-го мая, т. е. черезъ восемь дней послѣ полученія категорическаго указанія „выручить Артуръ“, Куропаткинъ вновь телеграфируетъ Намѣстнику о возможности своего отступленія за Тѣлинь:

„Со времени пріѣзда въ армію готовлюсь дать рѣшительный отпоръ. Для этого на Восточномъ фронтѣ приняты

должныя мѣры, но необходимость охранять длинную линію Феньшуйлинскаго хребта—наша слабость. Противъ высадки у Инкоу и Гайчжоу готовимся бороться активно. Переходъ въ наступленіе противъ Куроки, по отсутствію свѣдѣній о направленіи двухъ третей японскихъ силъ, признаемъ несвоевременнымъ. Этому мѣшаютъ также соображенія административнаго свойства. Въ худшемъ случаѣ, предусмотрѣнномъ въ депешѣ отъ 30 апрѣля, надо готовиться къ отступленію за Тѣлинь. Наше положеніе будетъ также затруднительно, если непріятель направитъ значительныя силы отъ Ялу на Мукденъ. Если японцы будутъ медлить, то армія займетъ положеніе, дающее возможность бороться противъ высадки въ районѣ Инкоу—Гайчжоу. Съ прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій и въ зависимости отъ дѣйствій противника, опредѣлятся наши дальнѣйшія мѣропріятія“.

Содержаніе телеграммы въ высшей степени неопредѣленно и необстоятельно; въ сущности это просто признаніе, что „хожу молъ въ потемкахъ и не знаю что предпринять, ибо все будетъ зависѣть отъ дѣйствій противника, намѣренія котораго проникнуть я не въ состояніи“. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ такой отвѣтъ, на категорическое указаніе „выручить Портъ-Артуръ“, являлся и документомъ—оправданіемъ на случай будущей неудачи при дѣйствіяхъ въ этомъ направленіи: „вѣдь предупреждалъ же я такую то депешю, что наступать несвоевременно“.

Куропаткинъ не ограничился этимъ отвѣтомъ, а 14-го мая послалъ Намѣстнику длиннѣйшее письмо, въ которомъ такъ оцѣниваетъ обстановку въ отношеніи вѣроятныхъ дѣйствій противника:

„Для принятія какихъ либо опредѣленныхъ рѣшеній у насъ не достаеетъ главныхъ данныхъ, гдѣ будутъ находиться главныя силы японцевъ, и какой окончательный планъ они примутъ. Такихъ плановъ можетъ быть два:

Японцы могутъ направить противъ Маньчжурской арміи 3 арміи, причемъ изъ 2-й арміи противъ Цзыньчжоуской позиціи оставляется только одна дивизія, а остальные двигаются на сѣверъ на соединеніе съ войсками высадившимися у Догушаня, или съ тѣми, которыя высадятся въ

Сюніоченѣ, Гайчжоу или Инкоу (передовыя части 2-й арміи уже находятся близъ ст. Вафандянь, а отъ этой станціи до Гайчжоу меньше, нежели отъ Догущаня).

Если японцы задались дѣйствительно цѣлью вытѣснить Маньчжурскую армію изъ занятого ею расположенія, то въ этомъ случаѣ переходъ войскъ Маньчжурской арміи къ активнымъ дѣйствіямъ несвоевремененъ, и, по моему мнѣнію, намъ надлежитъ, задерживая по возможности наступленіе противника, дать ему на подготовительныхъ позиціяхъ въ Ляоянскомъ раіонѣ самый рѣшительный отпоръ. Если при этомъ мы одержимъ успѣхъ, то возстановленіе связи съ П. Артуромъ явится однимъ изъ ближайшихъ слѣдствій успѣха.

Если же японцы примутъ новый планъ, а именно рѣшатся, какъ Ваше В-во полагаете, направить главныя силы съ цѣлью овладѣнія Портъ-Артуромъ, то я, совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, признаю, что войска Маньчжурской арміи должны проявить энергичныя активныя дѣйствія въ одномъ изъ указанныхъ вами въ письмѣ направленій“.

Такимъ образомъ казалось бы г. Куропаткинъ соглашался на переходъ къ активнымъ дѣйствіямъ ввѣренной ему арміи, но сейчасъ же слѣдуетъ и ослабленіе этого рѣшенія замѣчаніемъ:

„Въ интересахъ арміи всякій переходъ къ активнымъ дѣйствіямъ желателенъ только лишь послѣ сосредоточенія большей части ея силъ (спрашивается, какъ это понимать? что и когда считать сосредоточеніемъ большей части силъ?), съ тѣмъ, чтобы дѣйствія арміи могли носить самый рѣшительный характеръ, а наступленіе могло быть исполнено безусловно не только до, но и въ предѣлахъ Кореи (какая вдругъ открылась широкая задача! и главное, вѣдь только что говорилось о необходимости отступать за Тѣлинь!)“.

Указавъ, что частныя неудачи, подобныя понесенной Восточнымъ отрядомъ подъ Тюренченомъ, вообще вредны для арміи, Куропаткинъ дѣлаетъ разборъ наступательной операціи къ р. Ялу, представляетъ всѣ затрудненія къ ея выполненію и совершенно отказывается отъ этого проекта:

„при настоящей сложной стратегической обстановкѣ нашей арміи, при недостаточной обезпеченности ея сосредоточенія, ибо возможенъ перерывъ подвоза по желѣзной дорогѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ (странно: вѣдь всегда бывають всякія причины!), по необезпеченности фланга и даже тыла арміи противъ удара главныхъ силъ со стороны Инкоу или Гайчжоу, переходъ въ наступленіе нынѣ къ Ялу частью нашихъ силъ, представляя извѣстныя преимущества, въ то же время имѣетъ столь серьезныя невыгоды при тѣхъ силахъ, которыми мы располагаемъ нынѣ, что отъ него надлежало бы отказаться“.

Оцѣнивая операцію наступленія на югъ, для непосредственной выручки Артура, Куропаткинъ говоритъ, что „ее можно выполнить въ ближайшее время всего однимъ корпусомъ, который будетъ поставленъ въ очень рискованное положеніе, но, по сравненію обоихъ способовъ дѣйствій, т. е. операціи наступленія на Ялу и операціи наступленія къ Квантуну, онъ долженъ, не смотря на всѣ опасныя стороны, отдать предпочтеніе наступленію частью силъ въ направленіи на Квантунъ“.

На заявленіе Намѣстника о томъ, что крѣпость способна держаться всего два-три мѣсяца, г. Куропаткинъ отвѣчаетъ, что это является для него совершенно новою данною, такъ какъ считалось, что „Артуръ можетъ оказать сопротивленіе превосходнымъ силамъ противника насколько хватитъ его жизненныхъ припасовъ, а запасы эти заготовлены въ годичной пропорціи“.

Перечисливъ мѣры принятыя для обороны побережія и Феншуйлинскаго хребта, командующій арміей заключаетъ такъ:

„Принятыя и принимаемыя мѣры, при невыяснившейся еще нынѣ обстановкѣ положенія и силъ противника, отвѣчаютъ требованіямъ обороны на случай наступленія противъ насъ превосходныхъ силъ, и въ то же время, если бы 3-я японская армія была направлена на Квантунъ; эти мѣры являются подготовительными для быстраго наступленія движенія корпусовъ войскъ въ южномъ направленіи“.

И это письмо въ своемъ содержаніи совсѣмъ не заклю-

часть рѣшительнаго возраженія противъ наступленія для выручки Артура; оно лишь представляетъ изъ себя новый оправдательный документъ военнаго начальника на случай возможныхъ неудачъ; другими словами, предоставляя рѣшеніе вопроса высшему начальству, Куропаткинъ говорилъ такъ: „я слагаю съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія попытки наступать къ Артуру, но если бы Артуръ палъ, что вѣдь я никогда не отказывалъ вамъ въ наступленіи для его выручки“.

Какъ разъ въ это время пала оборона Цзыньчжоуской позиціи, т. е. обстановка именно оправдывала рѣшеніе немедленнаго наступленія для выручки Артура. Комбинацію одновременности двухъ операцій японцами, — и противъ Артура, и противъ Ляояна, ни Алексѣевъ, ни Куропаткинъ тогда еще не предвидѣли. Японцы между тѣмъ играли намъ въ руку — дѣлали эту ошибку, и конечно если бы наступленіе на югъ было предпринято немедленно, то оно имѣло бы огромное значеніе; а если бы оно было выполнено въ началѣ мая, то неизвѣстно достался ли бы такъ легко Цзыньчжоускій перешеекъ нашимъ врагамъ, ибо при атакѣ его японцы очутились бы между двухъ огней.

Совершенно естественно озабоченный участіемъ нашего флота въ Артурѣ, на который, къ сожалѣнію, еще надѣялись, и не получивъ отъ Куропаткина категорическаго отказа отъ наступленія для выручки крѣпости, Намѣстникъ 16-го мая телеграфировалъ ему, что представляетъ на благовоззрѣніе въ С.-Петербургъ вопросъ о немедленномъ наступленіи на помощь Артуру и просить принять мѣры къ подготовкѣ такого наступленія въ настоящее время корпусомъ силою въ 24—32 баталіона, къ Квантуну, что онъ уже принялъ нѣкоторыя мѣры къ его подготовкѣ и лишь отложилъ окончательное рѣшеніе вопроса до той минуты, когда подтвердится движеніе главныхъ силъ непріятеля къ П.-Артуру; съ своей стороны Намѣстникъ полагалъ, что взятіемъ Цзыньчжоуской позиціи намѣренія японцевъ уже достаточно обнаружены.

На слѣдующій день были санкціонированы соображенія Намѣстника, и поэтому 18-го мая послѣдній телеграфиро-

валь Куропаткину: „Предположеніе о наступленіи на выручку П.-Артура одобрено, согласно плана изложеннаго въ письмѣ отъ 14-го мая. Прошу приступить къ выполненію этой операціи, которую полагаю необходимымъ произвести безотлагательно. Для успѣха наступленія признавалъ бы соотвѣтственнымъ при первой возможности доведеніе назначенныхъ для сего силъ до 4-хъ дивизій“.

Этотъ телеграммоу Намѣстникъ передавалъ командующему арміей свое приказаніе наступать немедленно, но г. Куропаткинъ во-первыхъ и не подумалъ его исполнять, а во-вторыхъ только 20-го мая, т. е. черезъ два дня, телеграфировалъ начальнику полевого штаба Намѣстника о новыхъ затрудненіяхъ для выполненія операціи, которыя однако не только сейчасъ, но и тогда могли показаться странными (теперь это подтверждаютъ пережитыя событія, но уже тогда намѣренія японцевъ были довольно прозрачны; конечно только не для тѣхъ, кои желали видѣть вездѣ ихъ миллионныя арміи), а именно:

„Несомнѣнно передвиженіе значительныхъ японскихъ силъ на сѣверо-востокъ по Ялу съ горной артиллеріей, въ связи съ упорно подтверждаемыми свѣдѣніями изъ Парижа полковника Лазарева о готовящемся обходѣ нашего лѣваго фланга двумя дивизіями съ горною артиллерією, приводятъ меня къ убѣжденію въ необходимости усиленія мѣръ по обезпеченію лѣваго фланга расположенія арміи“. Итакъ Куропаткинъ вѣритъ въ такое наступленіе по донесеніямъ изъ Парижа, а между тѣмъ какъ разъ въ эту минуту японцы даже очистили Саймацзы (на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ). Замѣчательно, что въ отношеніи этой наиболѣе реальной данной сообщено такъ: „это движеніе (обходъ нашего лѣваго фланга), судя по очищенію японцами Саймацзы, еще подготавливается и вѣроятно же всего будетъ выполнено въ связи съ общимъ переходомъ въ наступленіе отъ Ялу противъ насъ всѣхъ японскихъ войскъ“.

Становясь затѣмъ на ту точку зрѣнія, что именно такая операція противника для насъ наиболѣе желательна, Куропаткинъ вдругъ заявляетъ, что, въ случаѣ же нашего наступленія частью силъ къ Артуру „получится небывалый изъ

Русскихъ и Японцевъ какъ бы слоеный пирогъ по линіи Портъ-Артуръ—Мукденъ, а именно: Русскіе, Японцы, Японцы, опять Русскіе. Если японцамъ обходомъ лѣваго фланга удастся прорваться къ желѣзной дорогѣ (вѣроятно сѣвернѣе Мукдена!), то прибавятся еще два новыхъ слоя: японцы и русскіе; принимаю всѣ мѣры, чтобы избѣжать такой небывалой въ исторіи войны чрезполосицы“. Послѣ такихъ строго научныхъ и образныхъ стратегическихъ измышленій, полководецъ обращается уже къ реальнымъ мѣрамъ осуществленія своихъ предначертаній, что выражается въ просьбѣ „направить изъ Мукдена въ Синзинтинъ одинъ баталіонъ (это противъ 2-хъ дивизій Парижскаго полковника Лазарева!); туда же назначить одинъ полкъ изъ бригады Оренбургскихъ казаковъ, назначавшихся ранѣе генералу Линевичу (въ Уссурійскій край), и доложить содержаніе депеши Намѣстнику“.

Эта телеграмма представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ видныхъ документовъ по несостоятельности Куропаткина, какъ лица отвѣтственнаго по серьезному дѣлу вообще, а не только по такому страшному и государственному, какъ война:

1) онъ не желаетъ рѣшиться на операцію наступленія, но и не хочетъ сказать, что отказывается отъ нея, при чемъ пишетъ не своему прямому начальнику, а состоящему при немъ;

2) что за надобность осуждать, или вѣрнѣе насмѣхаться надъ планомъ прямого начальника, обращаясь къ его же подчиненному, ибо этотъ планъ названъ „слоенымъ пирогомъ“;

3) можно ли такъ подтасовывать данныя обстановки для оправданія своей нерѣшительности, чтобы утверждать о вѣроятномъ наступленіи противника на основаніи его отступленія—очищенія Саймацзы.

Ясно, что безсодержательная телеграмма командующаго арміей не могла поколебать рѣшеніе Намѣстника, т. е. главнокомандующаго, придти на помощь Артуру, тѣмъ болѣе, что полученныя имъ 21-го мая депеши г. Стесселя отъ 15-го мая указывали на критическое положеніе крѣпости. Г. А.

Алексѣевъ совершенно опредѣленно высказался въ телеграммѣ отъ 22-го мая;

„Полагаю, что наше положеніе у Ляояна настолько прочно, что безъ особаго риска возможно теперь же направить на выручку Артура не менѣе 48 баталіоновъ, и тѣмъ болѣе, что 3-я Сибирская дивизія уже подошла въ районъ сосредоточенія. Вмѣстѣ съ симъ признаю необходимымъ безпромедлительный переходъ въ наступленіе разомъ достаточными силами. Я считаю особымъ долгомъ вновь обратиться къ В-у В-ву по вопросу о выручкѣ его (Артура) и просить объ этомъ вашего отзыва“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Намѣстникъ донесъ 22-го мая въ С.-Петербургъ о критическомъ положеніи Артура и о своемъ намѣреніи двинуть для безотлагательной помощи ему 48 баталіоновъ, а также о томъ, что Куропаткинъ предполагаетъ ограничиться всего 30-ю баталіонами, за которыми двинуть подкрѣпленіе, по прибытіи къ Ляояну новыхъ войскъ изъ Россіи. На это было телеграфировано, что „опредѣленіе средствъ и способовъ для отвлеченія удара отъ Артура принадлежитъ власти главнокомандующаго, но переходъ Маньчжурской Арміи къ активной дѣятельности является вполнѣ назрѣвшимъ; отвѣтственность за участь Артура возлагается на Куропаткина.“

23-го мая эта телеграмма была передана Куропаткину, но только 25-го онъ телеграфировалъ Намѣстнику: „Назначено для наступленія 24 бтл. 1-го Сибирскаго корпуса и 8 бтл. 35-й дивизіи, т. е. всего 32 бтл.; при нихъ 88 полев., 12 кон. орудій, 22 сотни и эскадр. Для обороны побережія Инкоу—Гайчжоу—Сюніочень—8 бтл. (бригада 3-й Сибирской дивизіи); въ резервъ этихъ войскъ предназначена бригада 31-й дивизіи; всего *) на направленіи Вафандянь—Гайчжоу собрано 48 бтл., 120 полев., 12 кон. оруд., 22 эск. и сот. Противъ Куроки оставалось 40 бтл., 82 пѣш. и горн. оруд.,

*) 25 мая эти войска были расположены такъ: 1-я дивизія у Вафангоу, 9-я—въ районѣ Инкоу—Ташичао—Гайчжоу, Семипалатинскій полкъ въ Гайчжоу, Тобольскій п. на пути отъ Харбина на югъ. Бригада 35-й дивизіи выступала изъ Хайчена въ Гайчжоу; бригада 31-й дивизіи въ Ляоянѣ; у Вафандяна 11 эскадроновъ и сотень.

52 сотни. Въ общемъ резервъ въ Ляоянѣ оставалась 5-я стрѣлковая дивизія и въ Хайченѣ бригада 3-й Сибирской дивизіи.

Донеся объ исполненномъ, г. Куропаткинъ не преминулъ и высказать свое сѣтованіе на могушія быть послѣдствія: „нельзя не признать, что резервъ, при растянутости линіи обороны по Феньшуйлинскому хребту на 140 верстъ, весьма слабъ; нашъ противникъ, даже не имѣя превосходства въ силахъ, но дѣйствуя сосредоточенно, можетъ безъ особыхъ усилій прорвать этотъ кордонъ въ любомъ мѣстѣ. Въ настоящее время Маньчжурская Армія занимаетъ по линіи желѣзной дороги отъ Вафандяна до Ляояна свыше 200 верстъ“.

Итакъ Куропаткинъ не исполнилъ никакихъ мѣръ по подготовкѣ наступательной операціи для выручки Артура: а) разсыпалъ даже единственную предназначенную имъ съ этою цѣлью часть—1-й Сибир. корпусъ, ибо еще 28-го мая въ 7 часовъ 5 мин. вечера онъ самъ телеграфировалъ Барону Штакельбергъ: „требуется прежде всего сосредоточеніе войскъ корпуса, нынѣ растянутого отъ Гайчжоу до Вафангоу на 80 верстъ“. Кромѣ того 8 бтл. были въ Ляоянѣ, а 8 еще ѣхали изъ Харбина. в) Все остальное изъ войскъ Маньчжурской Арміи было, по собственному выраженію ея командующаго, настолько разбросано, что „противникъ, даже не имѣя превосходства въ силахъ, могъ легко разбить насъ по частямъ“.

Но лучше всего то, что, разбросавъ такимъ образомъ ввѣренную ему армію, г. Куропаткинъ самъ же восклицаетъ: „она занимаетъ по линіи жел. дороги свыше 200 верстъ (при этомъ какъ бы нарочно считаетъ отъ головы передового коннаго дозора, дабы прибавить пространства)“.

Тѣмъ не менѣе Куропаткинъ не высказываетъ Намѣстнику рѣшительно, что онъ не согласенъ наступать, а повѣствуетъ ему въ общемъ въ такомъ смыслѣ: „въ первую очередь (значитъ предполагаются какія то очереди!) получите 32 бтл. и посылайте ихъ; положеніе ихъ будетъ такое то, но конечно сказать навѣрное, что противникъ воспользуется имъ, нельзя, а, съ прибытіемъ подкрѣплений, я дамъ

вамъ еще 10-й армейскій корпусъ (точно нельзя было въ ожиданіи его скорого прибытія продвинуть другія части впередъ)“.

Намѣстникъ остался недоволенъ такимъ исполненіемъ подготовительныхъ мѣръ операциі наступленія и совершенно справедливо сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: 1) назначено слишкомъ недостаточное число баталіоновъ (всего 32, съ резервомъ 8 бтл. въ 60 верстахъ разстоянія), 2) назначено недостаточно кавалеріи, 3) не выполнено сосредоточеніе частей, 4) необходимо спѣшить производствомъ операциі именно теперь, пока база непріятеля находится еще въ Бицзыво, ибо устройству ея въ Дальнемъ препятствуетъ японцамъ необходимость предварительно очистить бухту отъ многочисленныхъ минъ.

Кромѣ того, нельзя не признать выдающимся по своей простотѣ, реальности и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣткости слѣдующее указаніе Г. А. Алексѣева:

„Вполнѣ раздѣляя мнѣніе ваше, что необходимость оказанія помощи П. Артуру заставляетъ насъ съ нѣкоторымъ рискомъ выдвинуться впередъ и растянуть наше расположеніе, я однако не могу не обратить вниманіе на то, что и непріятельская армія, весьма немного превосходящая насъ численностью, растянута на 400 верстъ, отъ Куаньдянсая до П. Артура, вслѣдствіе чего переходъ ея въ наступленіе въ какомъ либо направленіи едва ли можетъ быть произведенъ значительными силами, и оставленные нами заслоны съ ихъ резервами, постоянно пополняемыми прибывающими по желѣзной дорогѣ войсками, будутъ въ состояніи дать надлежащій отпоръ такому наступленію противника“.

На это послѣднее категорическое приказаніе Намѣстника (отъ 28 мая) послѣдовалъ по телеграфу отвѣтъ командующаго арміей — офиціальнѣй, который и представляетъ изъ себя окончательное согласіе г. Куропаткина на исполненіе операциі Вафангоу. Приводимъ его дословно и предлагаемъ надлежащее къ нему освѣщеніе:

Телеграмма г. Куропаткина къ Намѣстнику 30 мая.

Спрашивается, почему сосредоточеніе произведено лишь 29—30 мая, когда его можно было выполнить двумя—тремя недѣлями ранѣе?

Почему нельзя было смѣнить 9-ю дивизию войсками изъ резерва, на мѣсто которыхъ поставить прибывавшія части Сибирской дивизіи?

Значитъ наступленіе наше абсурдно и безнадежно, такъ какъ назначено слишкомъ мало силъ, а, почему мало, отвѣтъ слѣдуетъ ниже:

... Потому что можетъ быть я ошибся въ расчетахъ и слишкомъ разбросалъ свои войска. Прошу помочь мнѣ и взять на себя отвѣтственность за обезпеченіе моихъ фланговъ

Корпусъ войскъ, назначенный для движенія къ югу, сосредоточивается съ возможной быстротой: пѣхотныя части авангарда въ короткое время передвинулись изъ Хайчена къ Вафандяну; сосредоточеніе 9-й стрѣлковой дивизіи замедлилось необходимостью смѣнить ее на побережьи частями 3-й Сибирской дивизіи; для ускоренія сосредоточенія часть войскъ перевозится по желѣзной дорогѣ.

По послѣднему донесенію Стесселя противъ П.-Артура въ настоящее время расположены только 2 японскія дивизіи; остальные части 2-й и 3-й японскихъ армій расположены къ сѣверу отъ Цзиньжоуской позиціи. Такимъ образомъ противъ отряда Штакельберга можетъ дѣйствовать примѣрно 4 японскихъ дивизіи, и притомъ на укрѣпленной позиціи; положеніе благопріятное для Артура, но указывающее на недостаточность силъ нами направляемыхъ на югъ.

Въ бытность г. Жилинскаго въ Ляоянѣ я просилъ его взять на себя трудъ по провѣркѣ принятаго нами расположенія войскъ на перевалахъ, въ частныхъ къ нимъ резервахъ и въ.

и тыла. Другими словами, Куропаткинъ хотѣлъ не только сложить съ себя отвѣтственность за идею операціи наступленія, но хотѣлъ, чтобы и ея выполненіе, въ смыслѣ назначенія войскъ, также было принято на себя Намѣстникомъ — главнокомандующимъ, т. е. ему было бы предписано послать не столько то баталіоновъ, а именно такіе то. Только по этимъ словамъ Куропаткина Намѣстникъ имѣлъ право донести въ С.-Петербургъ слѣдующее: „командующій Маньчжурской Арміей совершенно не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что ему нужно дѣлать, а слѣдовательно не въ состояніи командовать не только арміей, но вообще войсками“.

Всѣ эти опасенія были изложены предусмотрительнымъ полководцемъ гораздо ранѣе. Новаго было лишь то, что японцы уже занимали Сюянь и слѣдовательно приблизились къ Гайчжоу, но это и показываетъ, что если время для наступленія къ Артуру еще не было совсѣмъ упущено, то во всякомъ случаѣ наиболѣе благоприятные для него дни уже прошли. Однако вѣроятность рѣшительнаго наступле-

общемъ резервѣ противъ арміи Куроки. Быть можетъ, Мы (кто же это Мы? Куропаткинъ съ Сахаровымъ, Харкевичемъ и комп.? и почему не Я?) слишкомъ много отдѣлили для этого войскъ, и со стороны (можетъ быть не только изъ Мукдена, но и изъ С.-Петербурга, наконецъ изъ Парижа, гдѣ вѣдь тоже сидѣлъ вполне ориентированный полководецъ и стратегъ генеральнаго штаба полковникъ Лазаревъ) легче будетъ указать (мнѣ и компани), какія именно войска можно будетъ снять съ того и другого направленія и двинуть къ Штакельбергу. Очень буду обязанъ за такое указаніе.

Необходимо принять во вниманіе и прикрытіе направленія Сюянь—Гайчжоу, которое до сихъ поръ ничѣмъ не охранялось, но нынѣ, съ занятіемъ японцами Сюяня и съ выдвинутіемъ значительныхъ японскихъ силъ къ сѣверу отъ перешейка, пріобрѣтаетъ большое значеніе. У Сюяня, по наблюденію Г. Мищенко, уже находились части гвардейской и 10-й дивизій; направивъ сюда еще одну дивизію, Куроки

нія японцевъ на Гайчжоу и противъ Восточнаго Отряда все также была слишкомъ мала, ибо они не были еще къ нимъ готовы; они выполнили это лишь въ августѣ, а пока только запугивали Куропаткина на нашемъ Восточномъ фронтѣ *).

Такимъ образомъ Восточный отрядъ Графа Келлера, дѣйствовавшій на направленіи Ляоянъ—Фынхуанченъ, сдѣлался теперь неожиданно уже центромъ, а не лѣвымъ флангомъ нашего расположенія. Развѣ это не натяжка или подтасовка элементовъ обстановки (стремленіе показать ее наиболѣе сложной и опасной). И какія вдругъ появились точныя свѣдѣнія о родѣ и количествѣ японскихъ войскъ въ составѣ арміи Куроки!

А если она необходима, то значить слѣдовало наступать на выручку, и значить командующій арміей былъ одинаковаго мнѣнія и убѣжденія съ главнокомандующимъ, т.е. На-

можетъ, въ связи съ наступленіемъ 4-хъ японскихъ дивизій съ юга, двинуть къ Гайчжоу 3 дивизіи, дабы разорвать расположеніе нашей арміи на двѣ части и нанести пораженіе корпусу Штакельберга.

Противъ перехода въ наступленіе центра нашего расположенія, а именно войскъ Восточнаго отряда, Куроки укрѣпилъ Фынхуанченъ и ввѣрить вѣроятно оборону его резервнымъ войскамъ и 12-й дивизіи.

Портъ Артуру необходима выручка.

*) 3-го и 4-го іюня Графъ Келлеръ во главѣ 7³/₄ баталіоновъ, почти безъ артиллеріи, произвелъ наступленіе къ г. Фынхуанчену и совершенно безпрепятственно занялъ Сейлючанъ, находившійся всего въ 25 верстахъ отъ Фынхуанчена; всѣ передовыя японскія части уходили безъ выстрѣла. Слѣдовательно армія Куроки еще не была готова къ активнымъ дѣйствіямъ.

мѣстникомъ, и слѣдовательно операція наступленія на югъ, для выручки крѣпости, въ своей идеѣ принадлежитъ Куропаткину на одинаковыхъ съ высшими надъ нимъ начальниками основаніяхъ.

Эти слова нельзя понять иначе, какъ слѣдующимъ образомъ: наступать совершенно невозможно, ибо, при неуспѣхѣ Штакельберга, будетъ нехорошо для Артура, а, въ случаѣ его успѣха, погибнетъ вся Маньчжурская Армія.

На самомъ дѣлѣ это былъ миражъ; Куроки лишь обозначалъ наступленіе. Что же касается до оставленія въ стратегическомъ резервѣ Маньчжурской Арміи всего 12 бтл., то это лишь показываетъ, что всѣ силы были чрезмѣрно разбросаны; впрочемъ и дальше мы дѣйствовали всегда исклю-

Если войска корпуса Штакельберга потерпятъ неудачу, то это не улучшить, а только ухудшить положеніе П. Артура; если бы Штакельбергъ, усиленный сверхъ нашихъ силъ — за счетъ безопасности своей связи съ остальными частями Маньчжурской Арміи, и одержалъ бы успѣхъ, то сомкнутый ударъ Куроки на ослабленную, стоящую кордономъ нашу оборону имѣлъ бы успѣхъ, и Куроки сталъ бы на сообщеніяхъ со Штакельбергомъ, положеніе Маньчжурской Арміи сдѣлалось бы весьма опаснымъ;

я предвижу, что начало дѣйствій къ югу Штакельберга совпадетъ съ началомъ энергичнаго наступленія Куроки; готовлюсь дать самымъ упорнымъ образомъ отпоръ, но имѣю въ общемъ резервъ только 12 баталіоновъ.

чительно отрядами, кордонами, но никогда кулакомъ. Въ этомъ и заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ нашихъ поражений.

Телеграмма заканчивается слѣдующими словами: „съ прибытіемъ головы 10-го корпуса можно будетъ усиливать войска, двинутыя къ югу, войсками 10-го корпуса“. Эта фраза представляетъ изъ себя пустыя слова, ибо когда еще могли прибыть войска 10-го корпуса и попасть къ Штакельбергу; и безъ того время для наступленія было уже упущено. Но за то слова имѣютъ огромное значеніе, какъ заключеніе историческаго документа. Дѣйствительно, все предшествующее, въ немъ сказанное, клонитъ къ тому, чтобы признать задуманную операцію наступленія абсурдной, ненужной, даже слишкомъ рискованной, по той простой причинѣ, что и у Штакельберга было слишкомъ мало силъ для нанесенія рѣшительнаго удара, и у самаго Куропаткина ихъ оставалось слишкомъ мало для обезпеченія операціи... Слѣдовательно Намѣстникъ пожалуй могъ принять такую депешу за рѣшительный отказъ наступать, но это никакъ не входило въ планы Куропаткина, ибо онъ могъ рисковать слѣдующимъ: „вдругъ погибнетъ Артуръ, и тогда отвѣтственность за его участь, уже возложенная на Куропаткина, будетъ поставлена ему на счетъ. Такъ вотъ это обѣщаніе усилить Штакельберга войсками 10-го корпуса и уничтожало отказъ наступать:“ я былъ готовъ выручать Артуръ, для чего сосредоточилъ все, что могъ, и имѣлъ въ виду сосредоточить еще“.

Казалось бы заглаза достаточно этого официальнаго, такъ сказать, команднаго документа г. Куропаткина, чтобы выяснить его роль по организаціи и по выполненію операціи наступленія на югъ отряда Барона фонъ Штакельберга, съ цѣлью выручки Портъ-Артура: не отказываясь отъ операціи, обрисовываемой имъ самимъ невыполнимой, онъ тѣмъ не менѣе признаетъ ея необходимость и старается лишь, на случай неудачи, заранѣе

сложить съ себя всякую отвѣтственность; въ то же время медлить, упускаеть благопріятное время, производя наступленіе на двѣ недѣли позднѣе, чѣмъ это ему было указано, и наконецъ ограничивается назначеніемъ слишкомъ малыхъ силъ, имѣя полную возможность воспользоваться еще по крайней мѣрѣ силами одной дивизіи.

Но интересно разсмотрѣть еще два тоже официальныхъ документа за подписью Куропаткина, только не столь командные, а именно: его писемъ Намѣстнику отъ 26 и 29 мая. Содержаніе ихъ въ сущности одно и то же; первое гораздо пространнѣе, а потому ограничиваюсь приведеніемъ здѣсь дословнаго содержанія второго, которое вмѣстѣ съ тѣмъ является отвѣтомъ на полученное командующимъ Маньчжурскою арміею сообщеніе, что на него возлагается отвѣтственность за участь Артура.

Письмо отъ 29-го мая.

Я не виноватъ въ томъ, что еще до войны былъ составленъ какой то планъ военныхъ дѣйствій. Однако этотъ планъ былъ утверждёнъ и слѣдовательно признанъ мною въ качествѣ военнаго министра—администратора въ С.-Петербургѣ, но конечно я не ожидалъ, что мнѣ же и придется считаться съ нимъ въ качествѣ полководца на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Виноватъ флотъ и вѣроят-но Засуличъ, который, однако, какъ это ни странно, продолжалъ командовать войсками.

Опять виноватъ флотъ и вѣ-

Сосредоточеніе производилось по плану, согласно котораго считалось, что главная опасность угрожала не къ сторонѣ П.-Артура, а со стороны высадки у Инкоу и Гайчжоу. Поэтому было отклонено и представленіе объ усиленіи гарнизона. Въ апрѣлѣ армія не готова была еще къ активнымъ дѣйствіямъ, т. к. было неизвѣстно, куда японцы направятъ большую часть своихъ силъ.

Неудача флота 31 марта и переправа противника черезъ Ялу отразились крайне невыгодно на нашемъ положеніи.

22 апрѣля началась высадка

роятно г. Зыковъ, посланный къ Вафандяну помѣшать высадкѣ, но даже не взглянувшій на это интересное упражненіе. Я не виноватъ въ томъ, что все еще предполагалъ выполнять нѣкій существовавшій на бумагѣ планъ дѣйствій, по которому слѣдовало дѣйствовать и японцамъ, но они не оказались для этого достаточно джентльменами.

Я не виноватъ въ томъ, что мнѣ давали все кавалерію, которая въ горахъ бесполезна, а мнѣ была такъ нужна пѣхота... Но вѣдь, собираясь на войну, я не могъ не знать, какъ военный министръ, какія войска мнѣ будутъ присылать.

Я не виноватъ, что тотчасъ по прибытіи своемъ въ Ляоянь, я немедленно занялся установленіемъ и развитіемъ своихъ престижа и величія, для чего потребовалось создать тысячный, стоившій миллионы рублей, штабъ... Я сидѣлъ въ Ляоянѣ и ничего не вѣдалъ о противникѣ, а между тѣмъ ожидалъ его со всѣхъ сторонъ... даже нашествія китайцевъ—хунхузовъ изъ долины Ляохэ, въ полной возможности чего меня увѣрилъ храбрый стратегическій генералъ Косоговскій.

у Бицзыво, но флотъ ей не препятствовалъ. Армія, не смотря на нѣкоторыя принятія мѣры, также не могла помѣшать высадкѣ.

Послѣдняя еще не давала исполнѣ точныхъ указаній о дальнѣйшихъ планахъ японцевъ. Концентрическое наступленіе трехъ армій представлялось возможнымъ.

Между тѣмъ съ 29 марта по 1-е мая послѣдовалъ перерывъ въ подвозѣ пѣхотныхъ частей арміи, которая заключала въ себѣ 78 баталіоновъ.

Необходимость заблаговременно выяснить направленіе противника повела къ разброскѣ арміи, которую депешей отъ 28 апрѣля приказано было устранить.

Вѣдь и я думалъ иногда о возможности активныхъ дѣйствій, такъ какъ имъ обучаютъ въ военныхъ академіяхъ, и въ своихъ письмахъ начальству я не разъ академически разсуждалъ о таковыхъ.

Я не виноватъ, что японцы рѣшили дѣйствовать не согласно съ какимъ то планомъ, созданнымъ мною утвержденнымъ до войны.

А только что—за 10—12 дней — Куропаткинъ рѣшительно отклонилъ этотъ способъ дѣйствій и призналъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобнымъ наступать на югъ, и съ необходимостью немедленной поддержки Артура вполне согласился.

Нельзя же однако быть вездѣ сильнѣе противника. Искусство полководца и состоитъ въ томъ, чтобы сосредоточить свои силы въ рѣшительномъ пунктѣ, ослабляя ихъ на второстепенныхъ, или даже совсѣмъ оттягивая ихъ съ послѣднихъ (такъ постоянно и дѣлали японцы, оперируя противъ Куропаткина).

Во-первыхъ значительныхъ силъ Куропаткинымъ, вопреки указаніямъ Намѣстника, назна-

Въ маѣ армія усилилась, и было приступлено къ разработкѣ плановъ наступленія, какъ противъ Куροки, такъ и на югъ, что совпало съ письмомъ 8 мая.

Тѣмъ временемъ выяснилось, но все еще не вполне, что главнымъ объектомъ дѣйствій японцы избрали П.-Артуръ. Нынѣ силы Маньчжурской арміи даютъ основаніе рассчитывать на успѣхъ противъ Куροки, что было бы наиболѣе соответствующимъ рѣшеніемъ, если бы не опасеніе, что П.-Артуръ не можетъ продержаться продолжительное время. Между тѣмъ въ депешѣ отъ 22 мая значится, что Артуру нужна сильная и безотлагательная помощь.

При такомъ условіи мы ослабимъ себя на Восточномъ фронтѣ, что не соответствуетъ указаніямъ письма 8 мая, а также преподаннымъ мнѣ указаніямъ 19 мая.

Только надежда на прибытіе 10-го корпуса дозволила отступить отъ полученныхъ

чено не было, а во-вторыхъ никакихъ указаній ему свыше по обезпеченію операціи не давалось.

Да, трудною, но невозможною, по крайней мѣрѣ такую ее признаетъ этими же словами самъ исполнитель.

Опять и въ третій разъ виновать флотъ, но, спрашивается, кто изъ здравомыслящихъ людей могъ рассчитывать на Русскій флотъ послѣ взятія японцами Цзинчжоуской позиціи? И какой это былъ строго опредѣленный планъ? Примѣнять планъ Намѣстника, утвержденный военнымъ министромъ еще до войны, уже было абсурдно, такъ какъ онъ не соотвѣтствовалъ обстановкѣ. Значить можно думать, что у Куропаткина былъ уже созданъ въ Ляоянѣ какой нибудь планъ... Но оттуда доносили только: все зависитъ отъ дѣйствій противника; неизвестно, что онъ будетъ дѣлать; гдѣ находятся его двѣ трети, гдѣ его большая половина силъ? куда онъ нанесетъ главный ударъ? ожидаемъ атаки отъ Ялу, отъ Дагушаня, отъ Вафандяна, отъ Инкоу, изъ долины Ляохэ, отъ Синминтина, отъ Саймацзы—словомъ со всѣхъ сторонъ.

указаній назначеніемъ значительныхъ силъ для выручки П.-Артура.

Тѣмъ не менѣе задача эта, возникшая почти внезапно, вслѣдствіе перемѣны взгляда на обороноспособность П.-Артура, является выдающейся по своей трудности. Такимъ образомъ армія дѣйствовала до сего времени по строго опредѣленному плану, въ основаніе котораго была положена вѣра въ силу сопротивленія Артура и въ содѣйствіе флота. Дѣйствительность не оправдала ожиданій: главный ударъ противника направляется на П.-Артуръ, но флотъ бездѣйствуетъ, а вѣра въ силу Артура исчезла.

Письмо заканчивается такими словами: „я мнѣнія этого не раздѣляю, но, какая бы судьба Артуръ ни ожидала, командующій Маньчжурской Арміей, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не можетъ быть отвѣтственнымъ за его участь“.

Это заключеніе письма представляетъ изъ себя собственное признаніе г. Куропаткина въ основномъ принципѣ всей своей боевой дѣятельности на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій: „не должно быть отвѣтственнымъ ни за что, ни за какія неудачи, и поэтому, прежде чѣмъ на что нибудь рѣшиться, надо принять мѣры къ своему оправданію, сложить съ себя отвѣтственность на кого нибудь, или даже на что нибудь“. Въ данномъ случаѣ она складывалась на главнокомандующаго, т. е. на Намѣстника.

Въ томъ же заключеніи стоитъ фраза: „я этого мнѣнія не раздѣляю“, т. е. я не потерялъ еще вѣру въ обороноспособность Артура; кромѣ того все письмо Куропаткина отъ 26-го мая написано главнымъ образомъ съ цѣлью доказать несостоятельность мнѣнія о слабости Артура, и приведены весьма серьезные доводы:

1) Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ гарнизонъ крѣпости значительно увеличился и состоитъ изъ 27 стрѣлковыхъ баталіоновъ, имѣющихъ сверхъ-комплектъ нижнихъ чиновъ, и 3 запасныхъ баталіоновъ очень сильнаго состава, т. е. всего одной пѣхоты до 30.000, а, съ моряками и крѣпостной артиллеріей, сила гарнизона значительно превыситъ 40.000 человекъ.

2) Конструктивная сила укрѣплений значительно и непрерывно увеличивалась.

3) 17-го февраля Намѣстникъ доносилъ, что, если отдѣльная операція противъ Артура обѣщала непріятелю серьезныя выгоды только въ случаѣ, если ему удастся овладѣть крѣпостью однимъ ударомъ, то время для этого было уже упущено, такъ какъ сухопутный фронтъ крѣпости съ каждымъ днемъ усиливался, а укрѣпленія его, хотя и неоконченныя, были приведены въ готовность (поставлено вновь 200 орудій); продовольственные запасы пополнялись; за оборону ручалась историческая стойкость войскъ при защитѣ укрѣпленныхъ мѣстъ.

Столь рѣзкую перемѣну во взглядѣ на крѣпость г. Куропаткинъ объяснялъ временными неудачами первыхъ нашихъ дѣйствій противъ японцевъ, какъ флота, такъ и сухопутной арміи, которыя весьма приподняли духъ японцевъ и принизили нашъ; отъ преувеличеннаго умаленія силъ японцевъ мы перешли къ преувеличенной оцѣнкѣ ихъ могущества и достоинствъ; не остались безъ вліянія и хвастливыя заявленія нашихъ противниковъ о томъ, что они возьмутъ П.-Артуръ въ двухъ-недѣльный и даже въ недѣльный срокъ.

Вообще Куропаткинъ отказывался признавать, что положеніе Артура могло въ данное время вызвать особую тревогу, ибо, пишетъ онъ, „если бы г. Стессель и войска были вполнѣ готовы встрѣтить врага грудью и исполнить свой долгъ бозтрепетно до конца, съ вѣрою, что Русскія войска въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они нынѣ находятся въ П.-Артурѣ, нельзя побѣдить, не смотря ни на какія жертвы, на которыя готовы японцы“. Однако эти послѣднія слова показываютъ, что онъ одинаково съ Г.А. Алексѣевымъ опасался за участь Артура; онъ заканчиваетъ такъ: „совсѣмъ иначе представляется вопросъ, если г. Стессель (а, судя по донесеніямъ послѣдняго отъ 15-го мая, повидимому это можно было заключить) самъ потерялъ вѣру въ возможность отстоять со славою ввѣренный ему Русскій оплотъ на Дальнемъ Востокѣ и успѣлъ сообщить войскамъ свои сомнѣнія и подорвать ихъ мужество и энергію. Тогда мы дѣйствительно должны ожидать относительно Портъ-Артура самыхъ тяжелыхъ неожиданностей“.

Итакъ гдѣ же увѣренность въ незыблемости Русскаго оплота, когда г. Куропаткинъ не вѣритъ тому, кому поручена его оборона, и самъ же говоритъ, что если вѣра въ возможность отстоять твердыню исчезла изъ сердца начальника, если недовѣріе къ своимъ силамъ и преувеличенное мнѣніе о силѣ противника сообщилось отъ начальника войскамъ, то эта твердыня не можетъ устоять противъ храбраго и энергичнаго противника. Поэтому и слова его въ письмѣ 29-го мая: „не раздѣляю мнѣнія о критическомъ

положеніи Артура“, не имѣютъ никакого значенія и конечно не могли убѣдить главнокомандующаго, т. е. Намѣстника.

Письмо 26-го мая заканчивается такъ:

„Дабы освободить Портъ-Артуръ требуется продвинуться отъ района сосредоточенія свыше 300 верстъ, и, главное, требуется взять Цзинчжоускую позицію, защищаемую не только сухопутными войсками, но и флотомъ. Движеніе къ П.-Артуру, растягивая расположеніе Маньчжурской Арміи по линіи желѣзной дороги до 300 верстъ, при чемъ на флангѣ этой линіи расположена армія Куроки, численностью не менѣе 70—90 тысячъ, представляетъ большія затрудненія и опасность. Поэтому, какъ значится въ письмѣ Вашемъ 8-го мая, это движеніе должно быть надежно обезпечено оставленіемъ сильнаго заслона противъ арміи Куроки съ резервами въ Ляоянѣ и Хайченѣ“.

Эти слова указываютъ на неудобовыполнимость операціи, но сейчасъ же слѣдуютъ и совершенно другія:

„Но если П.-Артуръ будетъ держаться сообразно съ своей силой гарнизона и запасами, а главное и съ историческою доблестью русскихъ войскъ, то всѣ трудности, какихъ бы то жертвъ ни потребовало, будутъ преодолены, и мы выручимъ славный гарнизонъ его“.

Въ письмѣ же отъ 14-го мая говорится весьма опредѣленно о подготовкѣ наступленія на югъ: „Съ прибытіемъ въ Гайчжоу Сибирской казачьей бригады, согласно съ предположеніемъ Барона Штакельберга, будетъ произведена обширная развѣдка коннымъ отрядомъ, составленнымъ изъ Приморскаго драгунскаго полка, бригады казаковъ и нѣсколькихъ сотенъ Пограничной Стражи. Развѣдка эта будетъ поддержана ротами Пограничной Стражи нынѣ собираемыми въ Сюніоченѣ. Съ высадкой японцевъ у Бицзыво, при оставленіи нами линіи желѣзной дороги, мною были даны нѣсколько разъ повторенныя опредѣленные указанія ничего не разрушать и лишь лишать японцевъ возможности пользоваться дорогой, для чего разрѣшалось: снимать стрѣлки, прекращать дѣйствіе водоснабженія, снимать телефонные аппараты и увозить подвижной составъ. При этихъ условіяхъ возстановленіе линіи можетъ быть произведено бы-

стро. Въ настоящее время на подполковника Спиридонова уже возложена задача возстановленія движенія на участкѣ до Сюніочена и далѣе къ станціи Ванцзялинь, насколько то будетъ допустимо дѣйствіями противника. Выдвигаемая впередъ конница быть можетъ позволить возстановить движеніе до Вафангоу“.

Опроверженіемъ намековъ Куропаткина, что онъ вѣрится въ силу Артура служатъ и слѣдующіе факты: если онъ былъ такъ увѣренъ въ незыблемости крѣпости, то почему же складывалъ съ себя отвѣтственность за ея участь; наоборотъ, не выгоднѣе ли ему было, именно принявъ такую на себя, рѣшительно и твердо отказаться отъ навязываемой ему операціи наступленія для выручки Артура; ничего подобнаго онъ однако не сдѣлалъ, а, исписавъ множество страницъ бумаги своими письмами и депешами, предоставилъ рѣшеніе участи Артура и осуществленіе идеи его выручки старшему надъ собою, благо такой имѣлся на лицо, и таковымъ можно было прикрываться: будетъ успѣхъ—я имъ воспользуюсь, будетъ неудача—я въ ней неповиненъ. Вѣдь именно въ этомъ и заключался главный принципъ командованія Маньчжурской Арміей.

Изъ всего вышеизложеннаго заключаемъ, что г. Куропаткинъ не можетъ никоимъ образомъ сложить съ себя отвѣтственность за осуществленіе идеи наступленія отряда Штакельберга, и никакія фоліанты его письменныхъ оправданій, составленныхъ исключительно ради этой цѣли, не могутъ и не должны имѣть значенія; наоборотъ они то и служатъ обвиненіемъ, ибо ярко обрисовываютъ неудовлетворительность дѣятельности Куропаткина: если не хочешь нести отвѣтственности, то и не бери власти; разъ же она принята, то уже нельзя уклоняться отъ отвѣтственности.

Въ отношеніи организаціи самой операціи, предоставленной главнокомандующимъ (Намѣстникомъ) командующему арміей, уже было сказано, что именно исключительно благодаря Куропаткину она была предпринята на двѣ—три недѣли позднѣе, нежели это было возможно, и этого желалъ Намѣстникъ; кромѣ того не были использованы въ достаточномъ количествѣ силы. Намъ остается только

выяснить вопросъ о томъ, кто долженъ былъ принять на себя непосредственное ближайшее — боевое руководство операціей.

Идея операціи сама по себѣ очень широка: 1) переходъ къ активнымъ дѣйствіямъ Маньчжурской Арміи, 2) задача выручки крѣпости Портъ-Артура, имѣвшей огромное политическое и стратегическое значеніе, и 3) нанесеніе рѣшительнаго удара врагу, уже одержавшему столько успѣховъ и на морѣ, и на сушѣ.

Такъ какъ въ ту минуту операція была не только важнѣйшей, но и единственной, на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій полевой Арміи, а дѣятельность всѣхъ остальныхъ частей послѣдней сводилась лишь къ наблюденію, пассивной оборонѣ и демонстраціямъ, то естественно непосредственное руководство должно было принадлежать самому командующему арміей. Полагаю, что не ошибусь, если скажу, что г. Куропаткинъ вполне сознавалъ это, ибо доказательствомъ тому служить слѣдующее его заявленіе въ письмѣ къ Намѣстнику отъ 14 мая, заканчиваемое такъ: „Съ первыми подкрѣпленіями я предполагаю усиливать выдвинутыя къ Квантуну войска. Съ прибытіемъ 3-й Сибирской дивизіи голова 2-го Сибирскаго Корпуса (бригада 35-й дивизіи) двинется на югъ, а, по мѣрѣ прибытія войскъ 10-го Корпуса, передвинется на югъ и весь 2-й Сибирскій Корпусъ, причемъ, въ зависимости отъ дѣйствій арміи Куроси, я останусь въ Ляоянѣ, или съ частью полевого Штаба отправлюсь на югъ, дабы лично руководить дѣйствіями 1-го и 2-го Сибирскихъ Корпусовъ.“

Однако это намѣреніе личнаго руководства не было приведено въ исполненіе вѣроятно на томъ основаніи, что операція была возложена только на одинъ корпусъ съ приданной ему сперва одной, а позднѣе, уже въ минуту опредѣлившейся неудачи боя подъ Вафангоу, еще другой бригадой. Нельзя не отмѣтить, что такое рѣшеніе Куропаткина предоставить всю отвѣтственность за выполненіе операціи Барону Штакельбергу болѣе чѣмъ неправильно и можетъ быть объяснено исключительно обычнымъ принципомъ боевой дѣятельности нашего командующаго Арміей, а именно

стремленіемъ во что бы то ни стало сложить съ себя отвѣтственность на случай неудачи.

Вотъ какъ ориентироваль г. Куропаткинъ исполнителя операциі наступленія на югъ, т. е. Барона Штакельберга.

1) Телеграмма изъ Ляояна 27 мая, 12 ч. 50 мин. по-полудни.

„Выдвиженіе японскихъ войскъ къ Пуландяну и далѣе, если бы подтвердилось, что японцы отошли отъ Портъ-Артура и ограничиваются блокадой его, можетъ служить признакомъ, что цѣлью дѣйствій всѣхъ 3-хъ японскихъ армій ставится нынѣ Маньчжурская армія. Предположеніе это нынѣ мало вѣроятно; вѣрнѣе, что японцы еще нуждаются въ мѣстности сѣвернѣе Цзиньчжоу, примѣрно до линіи Пуландянъ—Бицзыво, не успѣли убрать своихъ запасовъ и устроить новую базу въ Талиенванѣ или Дальнемъ. Во всякомъ случаѣ съ вашей стороны требуется сдѣлать всѣ усилія, дабы ранѣе принятія боя знать съ какими силами вы будете имѣть дѣло. Со стороны арміи Куроки началось движеніе впередъ. Саймацзы занято вчера японцами; находившіеся тамъ 2½ бат. съ боемъ отступили въ полномъ порядкѣ. Противъ Келлера тоже началось движеніе. Наши поредовыя части отошли нѣсколько назадъ. По донесенію Мищенко, японцы собрали довольно значительныя силы вблизи Сюяня и вѣроятно на этихъ дняхъ займутъ этотъ пунктъ; наконецъ замѣчено движеніе небольшой колонны японцевъ отъ Догушаня береговою дорогою по направленію на Бицзыво. Послѣднія свѣдѣнія требуютъ подтвержденія. Телеграфируйте о вашихъ распоряженіяхъ по сосредоточенію частей 1-го Сибирскаго Корпуса къ Вафангоу. Требуется не терять ни одного дня времени.“

Изъ содержанія этой депеши ясно видно, что время для наступленія уже было упущено, и командующіей арміей не имѣетъ никакой надежды на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе онъ всетаки посылаетъ на вѣрную неудачу несчастнаго командира корпуса, не желая взять на себя отвѣтственность за гибель Артура.

2) Телеграмма изъ Ляояна 28 мая 7 ч. 5 м. вечера.

„Депешей № 4735 указывалась задача для энергичнаго

выдвиженія ввѣреннаго вамъ Корпуса къ югу; поэтому требуется прежде всего сосредоточеніе войскъ Корпуса, нынѣ растянутого отъ Гайчжоу до Вафангоу на 80 верстъ. Выдвиженіе авангарда къ Вафангоу еще болѣе увеличиваетъ разброску Корпуса. Необходимо принятіе мѣръ, дабы бригада у Вафангоу не была атакована превосходными силами, и ввѣренныя вамъ войска не потерпѣли пораженія по частямъ. Съ занятіемъ японцами Сюяня, возможно выдвиженіе ихъ силъ въ направленіи Сюянь—Гайчжоу. Въ бою Мищенко у Сюяня замѣчены гвардейскія части и части армейской пѣхоты—вѣроятно 10-й дивизіи. Мищенко отошелъ въ направленіи на Далинь и поддержанный пѣхотой расположился у Вандзяпуцзы.

Эта телеграмма говоритъ о совершенной невозможности наступать, т. е. должна была подорвать всякую энергію исполнителя операціи.

3) Телеграмма изъ Ляояна 29 мая 5 ч. дня.

„Генераль Стессель отъ 23 мая доноситъ, что японцы на Квантунѣ держатся противъ Артура восточнѣе линіи Иньченцзы и до Сяосиндао передовыми частями. У Наньгуалина расположена дивизія, въ Дальнемъ два полка, въ Талиенванѣ полкъ. Кромѣ того занята Киньчжоуская позиція. Сѣвернѣе перешейка у Самсона до 40.000 и много артиллеріи. Сѣвернѣе горы Самсона, у Годзялина, укрѣпляется позиція. Нашъ флотъ собирается черезъ нѣсколько дней войти въ море для дѣйствія на сообщенія и для содѣйствія Арміи. Изъ этого сообщенія можно сдѣлать слѣдующія соображенія: если японцы высадили на Квантунѣ 6 дивизій, то изъ нихъ 2 расположены противъ Артура и 2 дивизіи дѣйствуютъ противъ васъ, а 2 расположены въ резервѣ у горы Самсона. Эти дивизіи, съ движеніемъ вашимъ впередъ, могутъ усилить передовыя дивизіи. Необходимо задержать главныя японскія силы возможно дальше къ сѣверу отъ перешейка. Теперь вѣроятно японцамъ выгодно овладѣть участкомъ къ югу отъ линіи Пуландянь—Бицзыво. Но, когда они перенесутъ базу въ Дальній и Талиенванъ и приступятъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Артура, они быстро уйдутъ за перешеекъ. Нельзя допустить уйти спо-

койно. Преслѣдуя по пятамъ, мы можетъ быть можемъ овладѣть частью орудій и обозовъ. Если бы счастье покровительствовало нашему флоту, и флотъ японскій потерпѣлъ бы пораженіе, то со стороны сухопутныхъ войскъ потребуются чрезвычайно энергичныя мѣры использовать побѣду флота. Ожидаю вашихъ предположеній о предстоящихъ вѣренными вамъ войскамъ дѣйствіяхъ“.

Эта телеграмма противорѣчитъ предыдущимъ, указывая на полную возможность активныхъ рѣшительныхъ дѣйствій, правда довольно проблематичныхъ, если не сказать основанныхъ на какихъ то фантазіяхъ, явившихся „соображеніями“ по поводу донесенія Стеселя. Однако эти фантастическіе намеки, дѣлаемые командующимъ арміей командиру 1-го Корпуса, опять таки представляютъ изъ себя образецъ политики: „вѣдь я же не отказывался отъ наступательнаго образа дѣйствій и даже предлагалъ Барону Штакельбергу преслѣдовать японцевъ по пятамъ, забирая ихъ орудія и обозы“.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ВЫВОДЪ.

На основаніи всего выше изложеннаго нельзя не придти къ твердому, единственному справедливому заключенію, что печальные стратегическіе результаты операціи подъ Вафангоу всецѣло должны быть поставлены исключительно въ вину Куропаткину, а не кому либо другому, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Вопреки настояніямъ свыше, онъ, не давая ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта, упустилъ благопріятное время для выполненія операціи.

2) Вопреки указаніямъ свыше, онъ не назначилъ достаточныхъ силъ; наоборотъ безцѣльно разбросалъ ихъ на огромномъ пространствѣ. 3) Вопреки указаніямъ свыше, онъ не сосредоточилъ войска своевременно и тѣмъ поставилъ въ крайне затруднительное положеніе исполнителя операціи, т. е. Барона Штакельберга. 4) Куропаткинъ поступилъ неправильно, отказавшись отъ непосредственнаго

руководства операцией, возложивъ за нее отвѣтственность на одного изъ корпусныхъ командировъ. 5) Куропаткинъ не только не ориентировалъ исполнителя операции, но даже затемнилъ ему обстановку какими то несбыточными фантазіями, основанными на вздорномъ донесеніи Стесселя, при чемъ неосновательность послѣдняго была вполне очевидна.

Вообще въ этой же первой операциіи вполне выяснился характеръ командной дѣятельности г. Куропаткина, а именно: никогда не отдавать категорическихъ ясныхъ приказаній; никогда не отвѣчать въ высшія инстанціи „да“ или „нѣтъ“, а избѣгать этихъ непріятныхъ отчетныхъ словъ; никогда не брать на себя отвѣтственности ни въ чемъ, стараясь слагать ее на другихъ; возможно больше отписываться и писать исключительно такъ, чтобы каждый документъ могъ всегда быть истолкованъ въ пользу его написавшаго. Словомъ, дальнѣйшее командованіе Русской Арміей опредѣлилось такими словами: отсутствіе твердости, рѣшительности, но за то въ полной мѣрѣ колебаніе и политика. На первомъ планѣ должно было стать мелкое самолюбіе, стремленіе во что бы то ни стало оградить свою репутацію отъ предвидимыхъ, вѣрнѣе инстинктивно предчувствуемыхъ, неудачъ. Интересы Отечества и Арміи были принесены въ жертву личности. Такимъ проявилъ себя нашъ вождь въ дни Вафангоу и такимъ остался вплоть до Мукденской катастрофы, послѣ которой онъ долженъ былъ наконецъ оставить армію, но сумѣлъ вымолить разрѣшеніе оставаться въ ея рядахъ и слѣдовательно продолжать рисковать интересами Государства и жизнью его сыновъ, не имѣя однако на то права уже только потому, что его авторитетъ былъ окончательно и безвозвратно потерянъ. Вести войска въ бой можетъ только начальникъ, имѣющій надъ ними авторитетъ; что основная данная для возможности побѣды.

К. Дружининъ.

Харбинъ, Владивостокъ. Апрѣль 1906 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Часть I-я. Отъ начала войны до завязки генеральнаго сраженія подъ Ляояномъ.

Стр.

Глава 1.	Впечатлѣнія открытія военныхъ дѣйствій Японіей. Опре- дѣленіе съ гражданской службы въ дѣйствующую армію. Сборы на войну. Путешествіе на театръ военныхъ дѣй- ствій	1
„ 2.	Служба по охранѣ побережія Ляодунскаго залива, въ со- ставѣ Приморскаго драгунскаго полка, съ 22-го марта по 11-е апрѣля	37
„ 3.	4 дня штабнаго Ляояна, съ 12-го по 15-е апрѣля	45
„ 4.	Путешествіе изъ Ляояна въ Восточный отрядъ г. Засу- лича, съ 16-го по 21-е апрѣля	66
„ 5.	Отступательный маршъ г. Засулича къ Ляньшаньгуань, съ 22-го по 24-е апрѣля	84
„ 6.	Дѣйствія съ разѣздомъ — заставой на стратегическомъ узлѣ Мади, съ 25-го апрѣля по 18-е мая	108
„ 7.	Дѣйствія въ составѣ Уссурійскаго казачьяго полка въ роли: не то начальника штаба 4-хъ сотенъ, не то полко- вого адъютанта, съ 18-го мая по 20-ое іюня	133
„ 8.	Служба начальникомъ штаба сводной казачьей бригады, въ составѣ Уссурійскаго и 2-го Верхнеудинскаго ка- зачьихъ полковъ, съ 20-го іюня по 9-е іюля	176
„ 9.	5 дней при Графѣ Келлерѣ, въ д. Холунгоу и на Янзелинѣ, съ 10-го по 14-е іюля	222
„ 10.	Дѣйствія передового отряда въ д.д. Титуню и Тьяншен- тунъ и на перевалѣ Мяолинѣ, между войсками Восточнаго отряда графа Келлера [г.-л. Иванова] и 2-го Сибирскаго корпуса г.-л. Засулича, съ 15-го по 23-е іюля	231
„ 11.	Дѣйствія передового отряда у д. Тунсинпу, впереди пра- ваго фланга Ляндясанской позиціи Восточнаго отряда, съ 24-го іюля по 10-е августа	253

Часть 2-я. Начало-завязка генеральнаго сраженія подѣ Ляояномъ. Бои у д. Тунсинпу 11 и 12 августа и у д. Тасигоу 13 и 14 августа, впереди праваго фланга и на правомъ флангѣ Ляньдясань—Анинской позиціи Восточной Группы Русской Маньчжурской Арміи.

Стр.

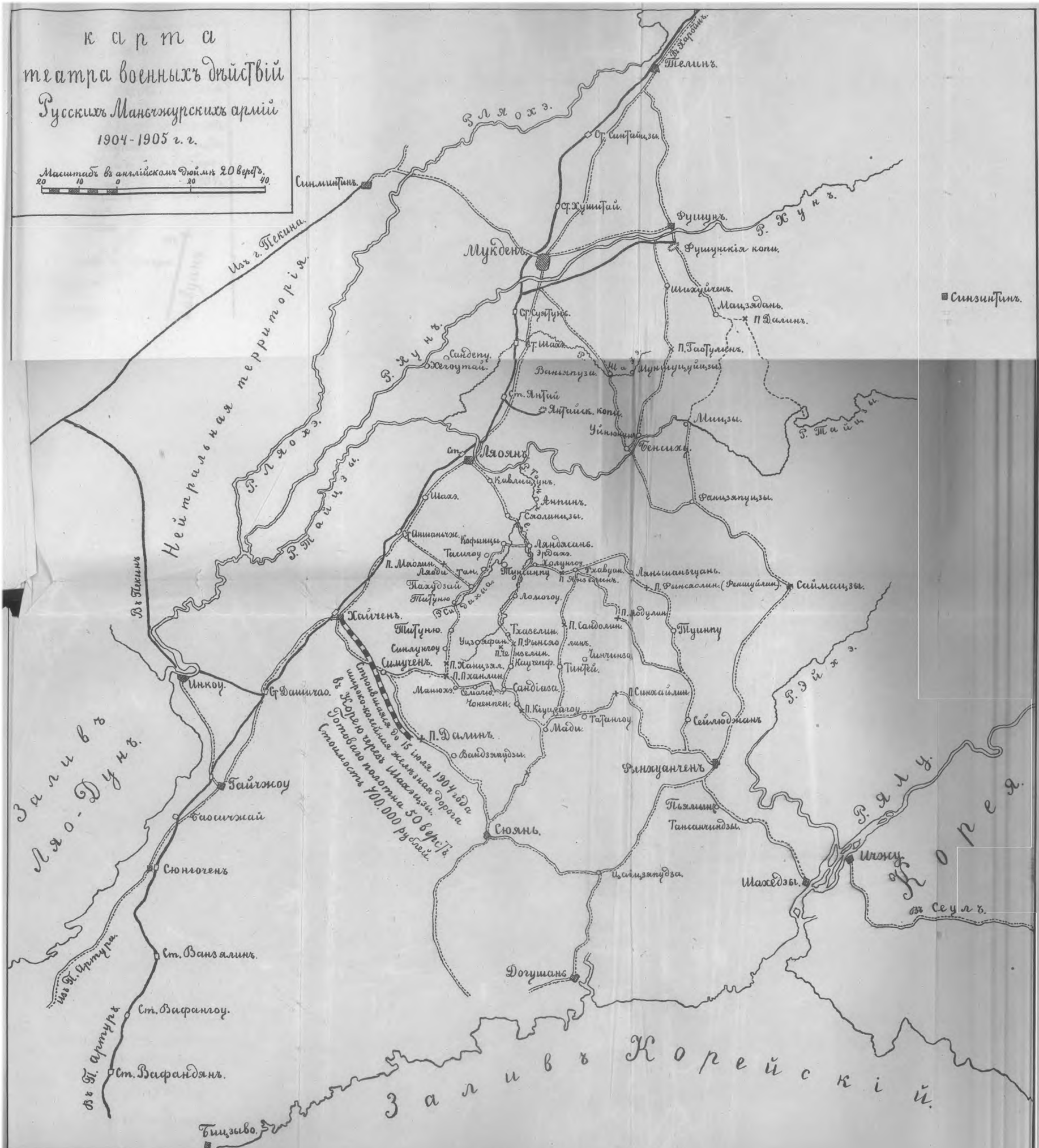
Глава 1. Обстановка на театрѣ военныхъ дѣйствій къ 11-му августа 1904 г.	273
„ 2. Бой у д. Тунсинпу 11-го августа	290
„ 3. Бой у д. Тунсинпу 12-го августа	325
„ 4. Бой у д. Тасигоу 13-го августа	344
„ 5. Бой у д. Тасигоу 14-го августа	398

Приложенія.

1. Приказы передовому отряду праваго фланга Восточнаго отряда Маньчжурской арміи	414
2. Краткое описаніе совмѣстныхъ дѣйствій для отраженія обхода японцевъ на правомъ флангѣ Восточнаго отряда въ бою при Ляньдясанѣ 13 августа	421
3. Офиціальное объявленіе въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ 1906 г. № 87.	426
4. Заявленіе въ Редакцію газеты „Русскій Инвалидъ“ Командира 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка	426
5. Статья Полковника Дружинина въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ 1906 г. № 88	428
6. Изъ переписки о награжденіи за бой на Ляньдясанской позиціи Восточнаго отряда 11—13 августа 1904 г. Приморскаго Драгунскаго полка полковника Дружинина	434
7. Статьи газеты „Харбинскій Вѣстникъ“ 1906 г. №№ 711, 712 и 722—за апрѣль	39
8. Изъ писемъ Романа Исидоровича Кондратенко; посвященныя Ему статья и приказъ; изъ письма Его женѣ	457
9. Кто виноватъ въ стратегическихъ результатахъ Вафангоу?	468

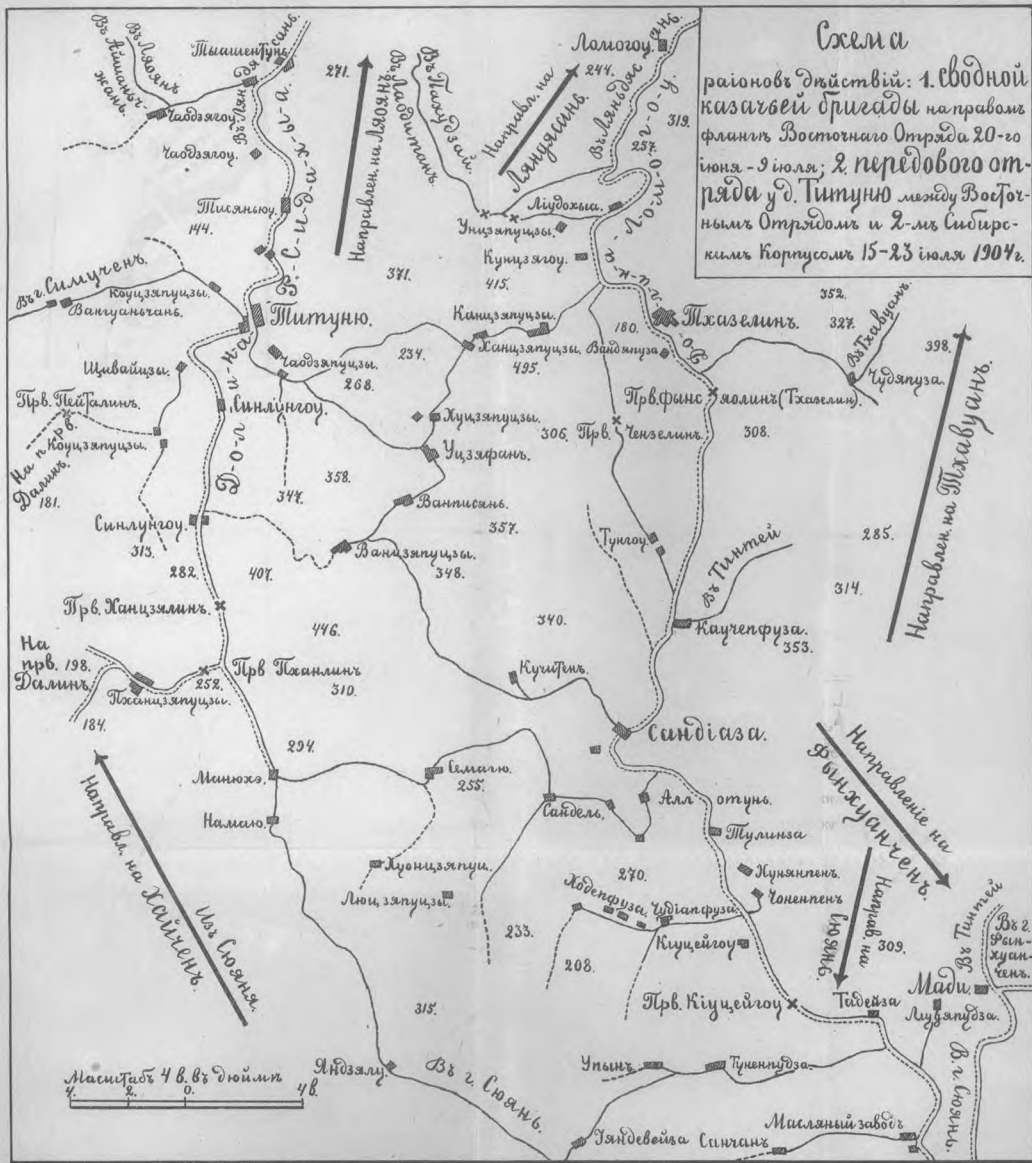
карта театра военных действий Русских Маньчжурских армий 1904-1905 г.г.

Масштабъ въ англійскихъ дюймахъ 20 верстъ.
20 10 0 10 20 40

Схема

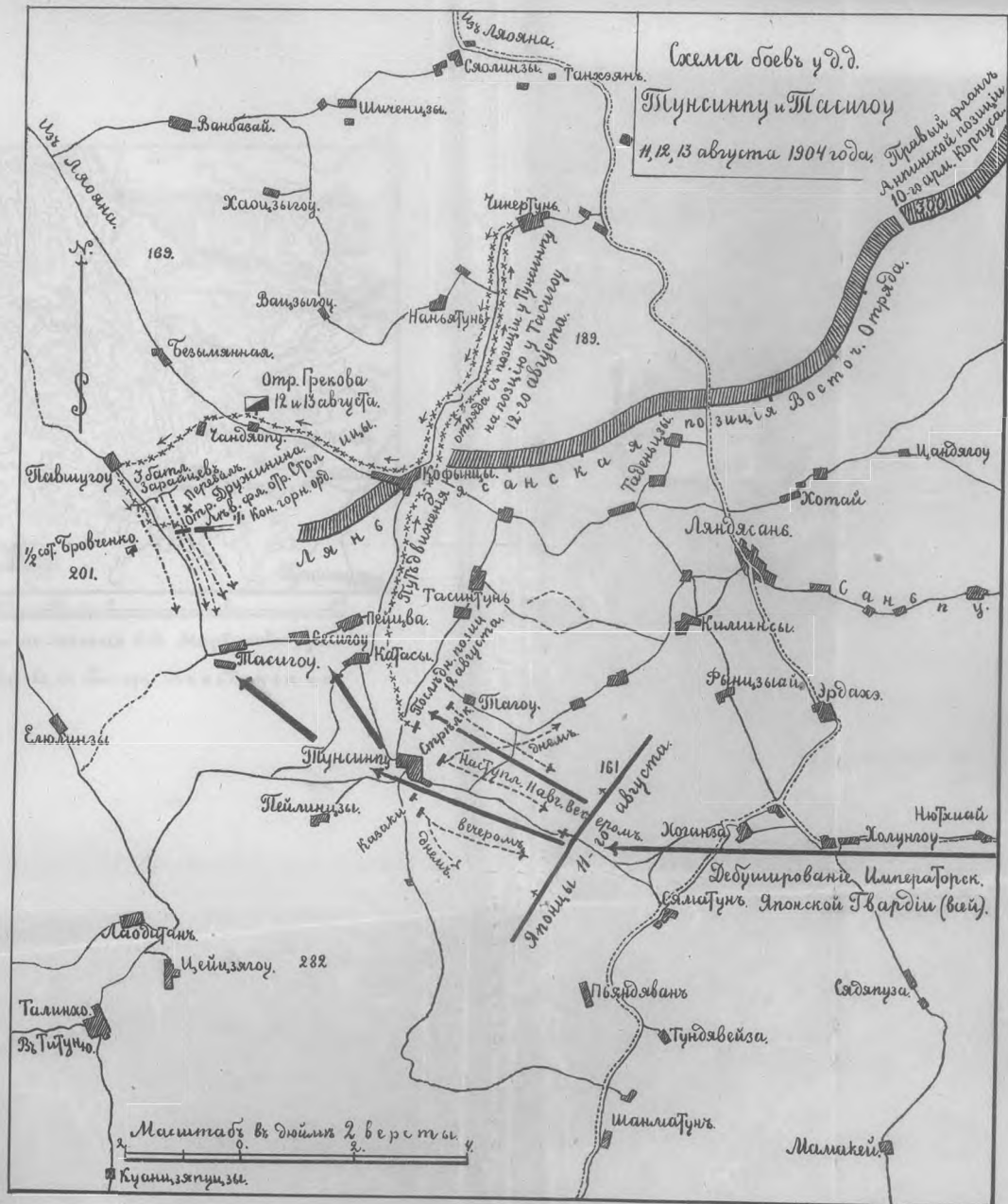
районов: действий: 1. сводной
казакей бригады на правом
фланге Восточного Отряда 20-го
июня - 2 июля; 2. передового от-
ряда у д. Титуно между Восточ-
ным Отрядом и 2-м Сибирс-
ким Корпусом 15-23 июля 1904.

Мунсингу и Масигу

11, 12, 13 августа 1904 года

04
Травный фронт
Аннинской позиции
10-20 сри. Корпуса

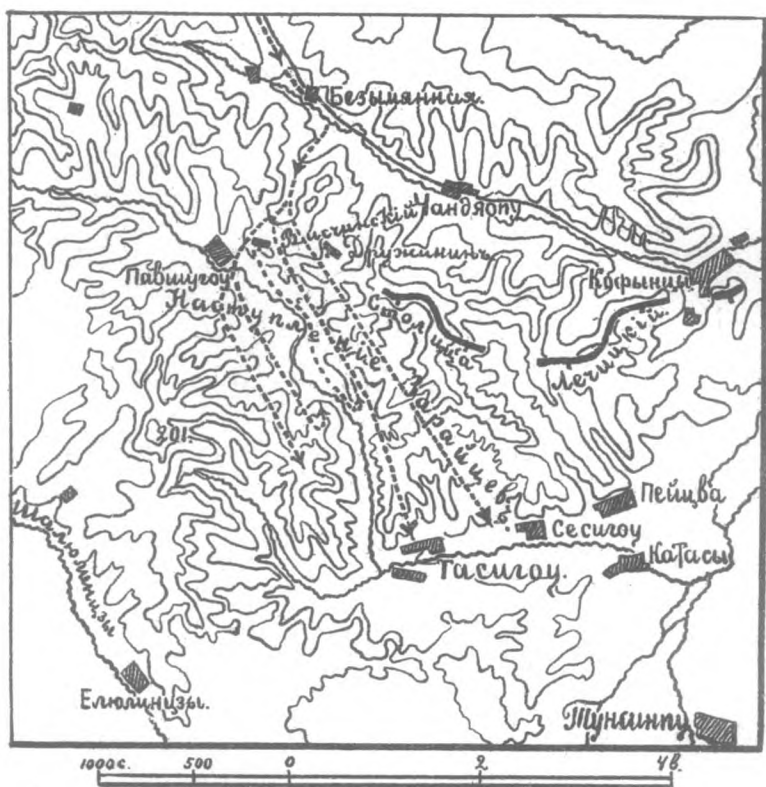

Схема из сочиненія Е. И. Мартынова „участіе
Зарайцевъ въ бою при Ляндянсикъ“.